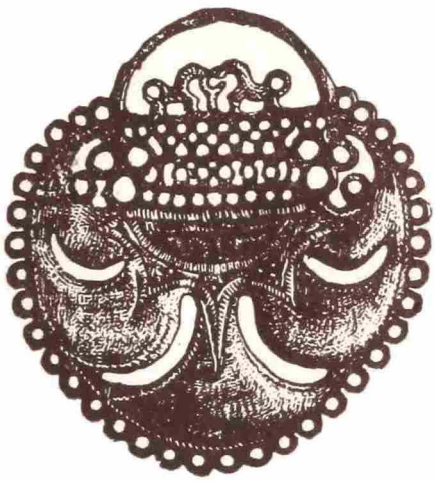
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3
1980

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3
1980

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)

И. И. Артеменко, В. Д. Блаватский, Н. Н. Гурина, Л. В. Кольцов (отв. секретарь), *В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева* (зам. главного редактора), *А. А. Формозов*

СОДЕРЖАНИЕ

Третьяков В. П. (Ленинград). О классификации неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой 5
Краснов Ю. А. (Москва). Об истоках пашенного земледелия в Восточной Европе 15
Рындина Н. В. (Москва). Металл в культурах шнуровой керамики украинского Предкарпатья, Подолии и Волыни 24
Сапрыкин С. Ю. (Москва). К типологии двух групп монет Херсонеса . . 43
Фролова Н. А. (Москва). История правления Рискупорида V (242—276 гг. н. э.) по нумизматическим данным 58
Барцева Т. Б. (Москва). О химическом составе металла наверший скифского времени 77
Виноградов Ю. Г. (Москва). Перстень царя Скила. Политическая и династийная история скифов первой половины V в. до н. э. 92
Шинаков Е. А. (Москва). Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец 110
Асеев Ю. С. (Киев). К вопросу о времени основания Киевского Софийского собора 128
Раппопорт П. А. (Ленинград). Полоцкое зодчество XII века 142
Буряков Ю. Ф. (Самарканд). К датировке и атрибуции некоторых шахматных наборов (в свете находок 1977 г. на Афрасиабе) 162

Публикации

Горбунов В. С., Обыденнов М. Ф. (Уфа). Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии 173
Зданович Г. Б., Зданович С. Я. (Челябинск). Могильник эпохи бронзы у с. Петровка 183
Михлин Б. Ю. (Донецк). Фибулы Беляусского могильника 194

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1980 г.

Косяненко В. М. (Ростов на-Дону). Краснолаковая керамика из некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.) 214
Биджиев Х. Х., Козенкова В. И. (Карачаевск, Москва). Предметы кобанской культуры из сел. Терезе (Карачаево-Черкессия) 225
Корпусова В. Н., Белозор В. П. (Киев). Могила киммерийского воина у Джанкоя, в Крыму 238
Веймарн Е. В., Амброз А. К. (Москва). Большая пряжка из Скалистинского могильника (склеп 288) 247
Залесская В. Н. (Ленинград). Группа свинцовых ампул-эвлогий из Фессалоники 263

Заметки

Лисицын Н. Ф. (Ленинград). Палеолитические стоянки в районе Батеневского кряжа на Енисее 270
Чемякин Ю. П. (Свердловск). Новый могильник в Сургутском Приобье 276
Татаринов С. И. (Артемовск). Железоделательный горн бондарихинской культуры 280
Димитров К. (София). Монеты неизвестных типов из раскопок Севтополя 284
Батчаев В. М., Керефов Б. М. (Нальчик). Оленный камень из Кабардино-Балкарии 289
Субботин А. В. (Ленинград). Скифский курган близ Новочеркасска. . . 294
Пачкова С. П., Орлов Р. С. (Киев). Борисоглебский энколпион из раскопок древнерусского городища у с. Гринчук 298
Чариков А. А. (Калинин). Группа скульптур из Джамбула 301
Векслер А. Г., Николаева Т. В. (Москва). Иконка Дмитрия Солунского из Подмосковья 308

Критика и библиография

Сергин В. Я. (Москва). Sklenář K. Nejstarší lidská obydlí v Československu. Praha, 1977 312
Формозов А. А. (Москва). Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978 317
Воронов Ю. Н. (Сухуми). Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа М., 1978 321
Чернецов А. В. (Москва). Kadar Z. Survivals of Greek zoological Illuminations in Byzantine manuscripts. Budapest, 1978 325

Хроника

Станюкович А. К. (Москва). Совещание по применению физико-математических методов в археологии (Москва, 1978) 331

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 3
1980

Editor-in-chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Tretyakov V. P. (Leningrad). On the classification of the neolithic sites with Pit-Comb pottery 5
Krasnov Yu. A. (Moscow). On the origin of plough agriculture in Eastern Europe 15
Ryndina N. V. (Moscow). Metal of Cord Ceramic cultures of the Ukrainian Pre-Carpathian region, Podolia and Volyn 24
Saprykin S. Yu. (Moscow). On the typology of two groups of coins of Chersonesus 43
Frolova N. A. (Moscow). History of the reign of Rhescuporis V (242—276 A. D.) after the numismatic data 58
Bartseva T. B. (Moscow). On the chemical composition of the Scythian period pole-tops 77
Vinogradov Yu. G. (Moscow). King Scyle's ring. Politic and dynastic history of the Scythes in the first half of the Vth century B. C. 92
Shinakov E. A. (Moscow). The classification and cultural attribution of rayed temporal rings 110
Aseev Yu. S. (Kiev). On the time of foundation of the church of St. Sofia in Kiev 128
Rappoport P. A. (Leningrad). The Polotsk architecture of the XIIth century 142
Buryakov Yu. F. (Samarkand). On the dating and attribution of some chess sets (in the light of finds of 1977 at Afrasiab) 162

Publications

Gorbunov V. S., Obydennov M. F. (Ufa). A late Bronze Age barrow cemetery in the Southern Bashkiria 173
Zdanovich G. B., Zdanovich S. Ya. (Chelyabinsk). A Bronze Age cemetery near village Petrovka 183
Mikhlin B. Yu. (Donetsk). Fibulae from the Belyaus cemetery 194
Kosyanenko V. M. (Rostov-on-Don). The Red Ware pottery from the nekropolis of the fortified settlement Kobyakovo 214
Bidjiev H. H., Kozenkova V. I. (Karachaevsk, Moscow). Artifacts of the Koban culture from the village Tereze (Karachaevo-Cherkesia) 225
Korpusova V. N., Belozor V. P. (Kiev). A burial of a Cymmerian warrior near Jankoy in the Crimea 238
Veimarn E. V., Ambroz A. K. (Moscow). The big buckle from the cemetery Skalistoye (vault 288) 247
Zalesskaya V. N. (Leningrad). A group of lead ampullas from Thessalonica 263

Notes

Lisitsin N. F. (Leningrad). Palaeolithic sites at the Batenovski ridge at the Yenisei 270
Chemyakin Yu. P. (Swerdlovsk). A new cemetery at the Surgut districts of the Ob region 276
Tatarinov S. I. (Artemovsk). Iron smelting of Bondarichinskaja culture . . . 280
Dimitrov K. (Sofia). Unknown coin types from excavations at Sevtopolis . . . 284

Batchaev V. M., Kerefov B. M. (Nalchik). A tomb-stone from Kabardino-Balkaria 289
Subbotin A. V. (Leningrad). A Scythian barrow near Novocherkassk . . . 294
Pachkova S. P., Orlov R. S. (Kiev). A Borisoglebsky encolpion from excavation of the ancient Russian fortified settlement near village Grinchuk 298
Charikov A. A. (Kalinin). A group of sculptures from Jambul 301
Veksler A. G., Nikolaeva T. V. (Moscow). A small icon of St. Demetrius of Thessalonica, found at the Moscow region 308

Reviews and bibliography

Sergin V. Ja. (Moscow). Sklenář K. Nejstarši Lidska obydli v Československu. Praha, 1977 312
Formosov A. A. (Moscow). V. I. Markovin. The dolmens of the Western Caucasus. M., 1978 317
Voronov Yu. N. (Sukhumi). V. I. Markovin. The dolmens of the Western Caucasus. M., 1978 321
Chernetsov A. V. (Moscow). Kadar Z. Survivals of Greek zoological Illuminations in Byzantine Manusckripts. Budapest, 1978 325

Chronicle

Stanjukovich A. K. (Moscow). The conference on the physic-mathematic methods in archaeology. (Moscow, 1978) 331

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

О КЛАССИФИКАЦИИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК С ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ

Ямочно-гребенчатому неолиту посвящено большое количество работ. Тем не менее многие вопросы, касающиеся его развития, продолжают оставаться спорными, а некоторые из них до сих пор даже не разрабатывались. К последним, в частности, относится вопрос о степени сходства и различий выделенных вариантов культуры ямочно-гребенчатой керамики. Их характеристики мы уже касались в специальных работах, где была сделана попытка выяснить причины возникновения этих вариантов, показана их взаимосвязь и отношение к древностям соседних территорий [1]. Но проблема количественного соотношения одинаковых и не имеющих между собой параллелей признаков, определяющих облик различных вариантов интересующей нас культуры, осталась не затронутой.

Культура ямочно-гребенчатой керамики в эпоху развитого неолита распалась на несколько вариантов. Ее носители прочно освоили Волго-Окское междуречье, Каргополье, Карелию и беломорское побережье. Они проникли в Среднее Поволжье и бассейн Вычегды, сталкиваясь здесь с носителями волго-камской культуры; в Прибалтику, где вступили в контакт с аборигенами, полностью их ассимилируя; прочно «освоили» современные земли Карелии и Финляндии, что послужило причиной постепенного исчезновения культуры Сперрингс; продвинулись до берегов Печоры. В процессе расселения носители культуры ямочно-гребенчатой керамики сталкивались с различными природными условиями, вырабатывали различные приемы добычи пищи. Это не могло не послужить причиной возникновения локальных различий в их материальной культуре. Кроме того, зафиксировано проникновение днепро-донецких племен в лесные массивы, где обитали носители ямочно-гребенчатого неолита. Не оставались стабильными и уральско-камские племена, продвигавшиеся на северо-запад. Всевозможные контакты, крупные и мелкие процессы ассимиляции, сопутствующие всем этим передвижениям, не могли не нарушить единства культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Не все локальные варианты культуры ямочно-гребенчатой керамики изучены одинаково, поскольку представлены неодинаковым количеством памятников, в ряде случаев друг другу неравноценных по степени сохранности и обилию материала. Наиболее полно изучены поселения развитого неолита по рязанскому течению р. Оки, в Балахнинской низине и сопредельных районах, в Каргополье и на северо-западе Европейской части СССР.

Перечислим памятники, материалы которых легли в основу наших сопоставлений. Рязанский вариант — Черная гора [2], Ибердус I [3], Коре-

[1] *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972.

[2] *Цветкова И. К.* Поселение Черная Гора.— КСИИМК, № 75, 1959, с. 114—122; *ее же.* Племена рязанской культуры.— Тр. ГИМ, вып. 44, 1970, с. 106.

[3] *Цветкова И. К.* Племена рязанской культуры, с. 118.

нец, Дубровичи, Ловецкий Городок [4]; балахнинский вариант — Борань [5], Балахна [6], Б. Козино [7], Плеханов Бор [8], Сокольское I [9], Выселки [10], Половчинская [11] стоянки; Каргополье — Кубенино [12], Верхнее Веретье [13], Караваиха [14], Андозеро II, Против Гостиного Берега, Мыс Бревенный [15]; побережье Финского залива, Ладожского и Онежского озер — Вигайнаволок I [16], Усть-Рыбежна I [17], Вой-Наволок 9 [18], Оров-Наволок [19], Негежма [20], Нарва II [21], Акали [22], Валма [23].

На табл. 1 и рис. 1 указаны основные орнаментальные композиции, встреченные на керамике различных неолитических памятников. Заметим, что автором учитывались лишь те узоры, которые выполнялись каким-либо одним приемом (оттисками штампа, ямками, нарезками и т. п.). Это обстоятельство объясняется тем, что целостное сочетание различных узоров на одном сосуде выявить, как правило, трудно, поскольку сосуды сильно фрагментированы. Используемый нами способ сравнения орнаментации керамики исключает возможность ошибок, связанных с «выявлением» композиций, на деле не существующих. Кроме того, нами не учитывались единичные узоры [24].

Нас могут упрекнуть в том, что мы не подсчитывали количество керамики, украшенной тем или иным видом орнамента. В определенной степени это верно. Но следует учитывать то обстоятельство, что в руки археологов со стоянок интересующей нас территории попадают не целые сосуды, а лишь их обломки. Так, склеенный полностью сосуд со стоянки

---

[4] Материалы хранятся в ГИМе.

[5] *Гурина Н. Н.* Неолитическое поселение Борань.— МИА, № 79, 1960, с. 188—238.

[6] *Спицын А. А., Каменский В. И.* Стоянка каменного века близ г. Балахны.— ЗОРСА, т. XII, вып. 1, 1906, с. 1—72.

[7] *Бадер О. Н., Воеводский М. В.* Стоянки Балахнинской низины.— ИГАИМК, вып. 106, 1935, с. 298—346.

[8] *Федоров В. В.* Плехановская неолитическая стоянка.— МИА, № 39, 1953, с. 293—331; *Тихомирова В. А.* Последние исследования стоянки Плеханов Бор. Историко-археологический сборник. М., 1948, с. 111—129.

[9] *Крижевская Л. Я.* Неолитическое поселение Сокольское I на Волге.— МИА, № 110, 1963, с. 30—48.

[10] *Федоров В. В., Третьяков В. П.* Поселение Выселки.— СА, 1968, № 4, с. 105—115.

[11] *Гурина Н. Н.* Половчинская неолитическая стоянка.— КСИИМК, № 75, 1959, с. 70—76.

[12] *Фосс М. Е.* Стоянка Кубенино.— СА, 1940, № 5, с. 31—64; *ее же.* Древнейшая история севера..., с. 78.

[13] *Фосс М. Е.* Стоянка Веретье.— Тр. ГИМ, вып. XII, 1941, с. 21—70; *ее же.* Древнейшая история севера Европейской части СССР.— МИА, № 29, 1952, с. 78 сл.

[14] *Брюсов А. Я.* Караваевская стоянка.— В кн.: Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961, с. 72—162.

[15] *Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.

[16] *Панкрушев Г. А., Журавлев А. П.* Стоянка Вигайнаволок I.— В кн.: Новые памятники истории древней Карелии. М.— Л., 1966, с. 152—177.

[17] *Гурина Н. Н.* Древняя история северо-запада Европейской части СССР.— МИА, № 87, 1961, с. 330—388.

[18] *Гурина Н. Н.* Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера.— МИА, № 20, 1951, с. 101—118.

[19] Там же, с. 118—128.

[20] *Земляков Б. Ф.* Негежемская неолитическая стоянка.— Тр. КИЧП, 1932, т. II, с. 47—67.

[21] *Гурина Н. Н.* Из истории древних племен западных областей СССР.— МИА, № 144, 1967.

[22] *Янитс Л. Ю.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959, с. 26.

[23] *Янитс Л. Ю.* Неолитическое поселение Валма.— В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики (Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. I). М., 1959, с. 32—75.

[24] За исключением некоторых рисунков («уточка», кружки, определенные виды зигзагов), встречаемых в достаточной степени редко. Использование этих орнаментов в наших сопоставлениях объясняется их специфичностью, а также тем, что ими приблизительно в равном количестве украшались сосуды на стоянках тех или иных регионов.

Оса в Прибалтике состоит приблизительно из 30 фрагментов [25], восстановленная половина сосуда из Борани — из 40 черепков [26], из 70—80 фрагментов состоят сосуды со стоянки Усть-Рыбежна I [27], из 60—70 — половина горшка из Балахны [28], на 316 фрагментов был разбит сосуд со стоянки Нарва I [29], развалы сосудов из 500 и более фрагментов найдены на некоторых поселениях Карелии [30] и т. д. Учитывая же то обстоятельство, что, сосуды, как правило, украшались каким-либо одним видом орнамента (сосуды из Осы, Борани, Балахны, Усть-Рыбежны I и др.), мы можем впасть в серьезную ошибку, подсчитывая количество найденных фрагментов, но не зная числа сосудов, к которым они относятся. Именно поэтому в наших таблицах различные по величине керамические серии обозначены однозначно.

Наибольшее значение среди рязанских неолитических памятников имеют поселения Черная Гора и Ибердус I. Коллекции керамики с этих стоянок наиболее многочисленны и содержат обломки сосудов практически со всем набором орнаментов, встречающихся на остальных памятниках по рязанскому течению р. Оки. Материалы таких стоянок, как Коренец, Дубровичи, Ловецкий городок, подтверждают мысль о том, что для данного варианта ямочно-гребенчатой керамики характерны овальные или округлые конические ямки, расположенные в шахматном порядке, ряды оттисков штампа или нарезок, всевозможные зигзаги, треугольники, пересекающиеся линии, ромбические вдавления, лапчатые узоры, концентрические круги, «елочка со стеблем», гусеничный орнамент, ряды треугольников, рамчатый штамп, прочерки, мотивы, выполненные наколами и редко поставленной отступающей лопаточкой,— всего 22 композиции.

Отлична от описанной керамика балахнинских поселений. Основными памятниками балахнинского варианта являются Плеханов Бор и Балахна, где мы видим полный набор орнаментов на керамике данной группы поселений. Остальные стоянки балахнинского типа (Б. Козино, Борань, Сокольское I, Выселки, Половчинская и др.) содержат фрагменты посуды с теми же орнаментальными композициями. Повторяя некоторые узоры на рязанской керамике, балахнинские мотивы содержат и ряд отличий: орнаменты из полулунных вдавлений, треугольники из конических ямок, ряды оттисков раковины и некоторые другие. Всего на балахнинской керамике можно проследить 19 основных орнаментальных мотивов.

В Каргополье наибольшей известностью пользуется стоянка Кубенино, в керамике которой выявлено 17 из 19 мотивов, свойственных неолитической ямочно-гребенчатой посуде этого региона. Керамика остальных поселений (Верхнее Веретье, Караваиха и др.) в большинстве случаев повторяет орнаментацию кубенинских сосудов. Каргопольские узоры напоминают балахнинские, хотя и имеют целый ряд отличий. Новыми здесь являются мотивы в виде стилизованной уточки, ромбов, широких наклонных полос из оттисков штампа, кружки и т. д.

Гораздо больше поселений с ямочно-гребенчатой керамикой изучено в регионе, соседствующем с Каргополем с северо-запада,— побережье Финского залива, Ладожского и Онежского озер [31]. На этой территории

[25] *Zagorskis F.* Agrais neolita laikmets Latvijas austrumdala.— Изв. АН ЛатССР, 1973, № 4, с. 57, 58.

[26] *Третьяков П. Н.* Сосуд из Борани.— СА, 1966, № 1, с. 263—265.

[27] *Гурина Н. Н.* Древняя история..., с. 337.

[28] *Спицын А. А., Каменский В. И.* Стоянка каменного века..., с. 7.

[29] *Гурина Н. Н.* Из истории древних племен..., с. 49.

[30] Выступление А. П. Журавлева на Совещ. по неолиту в декабре 1977 г. в Ленинграде.

[31] Некоторые исследователи подразделяют памятники с ямочно-гребенчатой керамикой этого региона на две группы (культуры) — карельскую и прибалтийскую. По мнению автора, анализ орнаментации керамики не подтверждает этой гипотезы. О тождестве ямочно-гребенчатой керамики в Прибалтике, Ленинградской области

Таблица 1

Орнаментация ямочно-гребенчатой керамики
(порядковые номера в таблице соответствуют порядковым номерам на рис 1.)

Регион	Типы орнаментов																																
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34
Рязанский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+												
Балахнинский	+	+	+	+			+	+		+	+	+	+			+	+	+	+		+		+	+	+	+	+						
Каргопольский	+	+	+	+			+	+		+	+	+			+			+			+				+			+	+	+	+	+	
Прибалтийский	+	+	+			+	+	+	+	+	+	+		+		+		+			+			+				+	+	+	+	+	+

Таблица 2

Изделия из камня со стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой
(порядковые номера в таблице соответствуют порядковым номерам на рис. 2)

Регион	Типы орудий																																	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35
Рязанский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+															
Балахнинский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+													
Каргопольский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+					+	+	+	+		+	+	+	+		+			+	
Карельский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+								+							+	+	+	+	+	+	+	+
Эстонский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+									+				+				+				+	+	+

известны такие поселения, как Усть-Рыбежна I и Акали, где представлена посуда, украшенная практически всеми узорами, свойственными ямочно-гребенчатой керамике северо-запада Европейской части СССР. Орнаментация сосудов других стоянок (Вигайнаволок I, Нарва I, Вой-Наволок 9, Негежма, Оров-Наволок, Валма и др.) повторяет композиции на сосудах упомянутых двух поселений. Среди них всевозможные комбинации из ямок, разнообразные зигзаги, геометрические фигуры, уточка, ряды кружков, ромбических и овальных вдавлений, оттисков рамчатого штампа и т. д., всего 21 узор.

Наши сопоставления мы проводим следующим образом. Общее количество основных орнаментальных мотивов, характерных для керамики стоянок сравниваемых регионов, принимается за 100%. Количество общих узоров — за X%. Выяснение величины X и показывает степень сходства сопоставляемых комплексов орнаментальных мотивов.

Сравнение перечисленных орнаментальных мотивов показывает следующее.

Рязанская и балахнинская керамика украшалась 27 основными орнаментальными мотивами, из них рязанская — 22, балахнинская — 20. Об абсолютном сходстве в украшении рязанской и балахнинской посуды могла бы идти речь лишь в том случае, если бы сравниваемые керамические комплексы украшались 27 одинаковыми узорами. Но на самом деле совпадают лишь 15 мотивов (табл. 1, рис. 1), что соответствует 56% сходства в орнаментации рязанской и балахнинской керамики.

Балахнинская и каргопольская керамика украшалась 27 узорами, из них балахнинская — 20, каргопольская — 19. Следовательно, об абсолютном сходстве в орнаментации этих керамических комплексов могла бы идти речь, если бы они украшались 27 одинаковыми узорами. Реальные 13 одинаковых мотивов (табл. 1, рис. 1) свидетельствуют о сходстве балахнинской и каргопольской керамики примерно на 50%.

Каргопольская и карельско-балтийская керамика украшалась 24 узорами, из них каргопольская — 19, карельско-балтийская — 21. Об абсолютном сходстве в орнаментации этих керамических комплексов мы могли бы говорить лишь в том случае, если бы они украшались 24 одинаковыми узорами. Но одинаковы лишь 16 мотивов (табл. 1, рис. 1), что равняется сходству в орнаментации упомянутой керамики на 66%.

Таким образом, различные соседние варианты ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР имеют сходство в своей орнаментации от 50 до 66%, что в среднем составит 57%. Проведем аналогичные сравнения комплексов каменных орудий со стоянок рязанского, балахнинского, каргопольского, карельского (включая территорию Ленинградской обл.) и прибалтийского (территория Эстонии) регионов, где наиболее полно представлены орудия труда с поселений с ямочно-гребенчатой керамикой. Эти комплексы были выделены А. Я. Брюсовым и И. К. Цветковой для стоянок поречья Оки, М. Е. Фосс и С. В. Ошибкиной для Каргополья, Н. Н. Гуриной и В. Ф. Филитовой для Карелии и Ленинградской области, Н. Н. Гуриной и Л. Ю. Янитсом для поселений на территории Эстонии [32]. Они были описаны автором в специальной

и Карелии писали Л. Я. Янитс, Х. А. Моора и др. (см.: *Янитс Л. Ю.* К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР.— В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 153—156; *Моора Х. А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии.— Там же, с. 61).

[32] *Цветкова И. К.* Племена рязанской культуры, с. 104—131; *Фосс М. Е.* Древнейшая история севера..., с. 78—119; *Брюсов А. Я.* Очерки...; *Гурина Н. Н.* Древнейшая история северо-запада..., с. 45—80, 212—220, 330; *ее же.* Из истории древних племен..., с. 47; *Янитс Л. Ю.* Поселения эпохи неолита..., с. 179—273; *его же.* Неолитические памятники Эстонии и их хронология.— В сб.: Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита.— МИА, № 172, 1973; *Ошибкина С. В.* Неолит восточного Прионежья, с. 92—95; *Филитова В. Ф.*

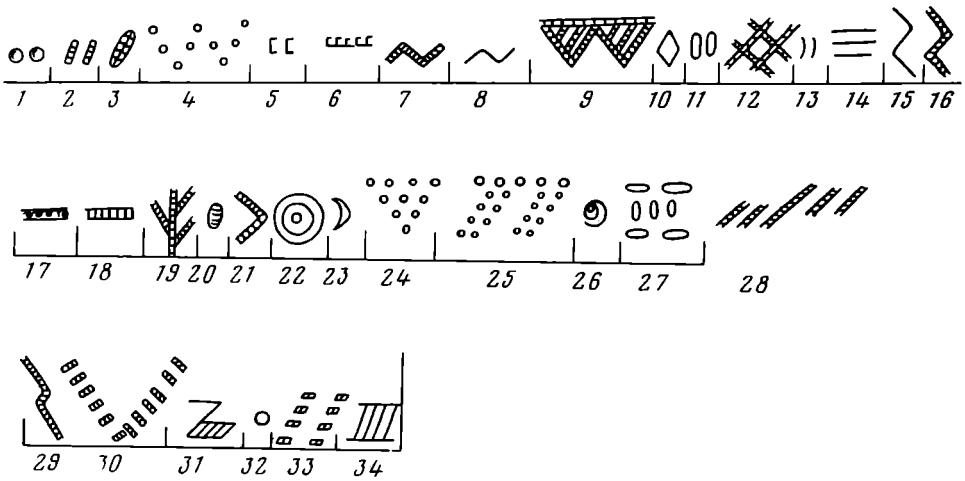


Рис. 1. Орнаментация ямочно-гребенчатой керамики

работе с учетом некоторых поправок, которые стали возможны в результате исследований последних лет [33]. Попытаемся выяснить степень их сходства описанным выше способом и численно выразить результаты наших сопоставлений. При этом мы учитываем лишь изделия, найденные на поселениях сериями, не менее трех-четырех экземпляров. Не следует забывать и того обстоятельства, что раскопки поселений дают в руки археолога так называемые открытые комплексы находок, состоящие из вещей, выброшенных или же утерянных. Теряются чаще мелкие изделия, поэтому не удивительно, что в любой коллекции каменных орудий топоров, наконечников копий и т. п. бывает меньше, чем скребков, ножей и т. д. Кроме того, в пределах поселений чаще теряются орудия домашнего промысла, чем, скажем, наконечники стрел. Все это дает возможность полагать, что численный состав находок на стоянке не всегда позволяет выявить наиболее характерные типы вещей для данного памятника. В силу указанных причин мы при сопоставлении не вели строго количественного учета изделий тех или иных типов. В нижеследующую таблицу включены все изделия, встречающиеся сериями, вне зависимости от количественного состава каждой из них.

Из поселений рязанского варианта культуры ямочно-гребенчатой керамики наибольшая серия изделий из кремня была получена при исследовании стоянки Черная Гора [34], где были представлены практически все орудия труда, характерные для неолитических памятников среднего течения р. Оки. Остальные стоянки (Дубровичи, Ибердус I и др.) содержат орудия, по своим типам повторяющие серию Черной Горы (здесь и далее см. табл. 2, рис. 2). Среди них клиновидные топоры, наконечники стрел и копий ромбической, листовидной, треугольночерешковой и лавролистной форм, желобчатые долота, человеческие фигурки из кремня, ножи с выемками в тыльной части, проколки, резчики, сегментовидные ножи, скребки — округлые, треугольные, подчетырехугольные и концевые, скобели, крупные ретушированные пластинки (всего 20 типов основных изделий [35]). Такой же набор поделок, за исключением человеческих фигурок из кремня, встречен на стоянках балахнинского варианта культу-

Опыт периодизации неолитических памятников Карелии (по данным типологии каменного инвентаря). Автореф. канд. дис. М., 1971.

[33] *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики, с. 91—118; *его же.* Культура ямочно-гребенчатой керамики на севере и северо-западе Европейской части СССР.— СА, 1968, № 3, с. 3—15.

[34] Здесь и далее ссылки на публикации памятников культуры ямочно-гребенчатой керамики даются лишь в том случае, если упоминаются поселения, о которых не говорилось раньше.

[35] Здесь и далее не учитывались изделия случайных неотчетливых очертаний.

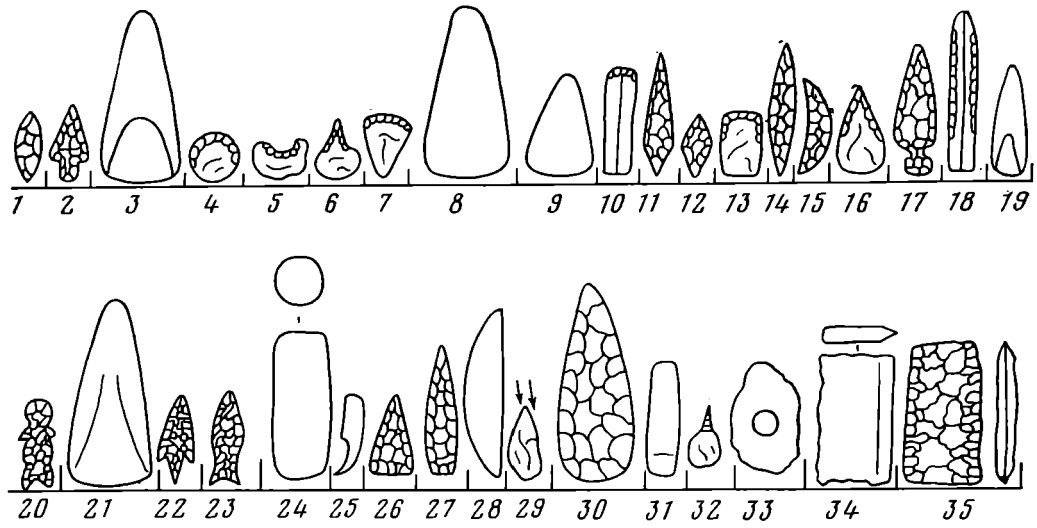


Рис. 2. Орудия труда культуры ямочно-гребенчатой керамики

ры ямочно-гребенчатой керамики. Новшеством здесь является наличие топоров русско-карельского типа и сейминских наконечников стрел. Наибольшие серии орудий труда из поселений в низовьях р. Оки и в прилегающих районах, повторяющие с минимальными вариациями указанный выше перечень, получены при исследовании таких поселений, как Балахна, Плеханов Бор, Выселки, Малое Окулово II [36].

Для неолита Каргополья большое значение имеет стоянка в устье р. Кинемы [37], при исследовании которой была получена наибольшая серия орудий труда, характерных для этого региона, и поселения Кубенино, Верхнее Веретье, Против Гостиного Берега, Караваиха, Васькин Бор I [38], где были найдены комплексы изделий, повторяющих с незначительными вариациями набор орудий труда со стоянки Кинема. Состав орудий труда с памятников Каргополья заметно отличается от волго-окских. Наряду с такими изделиями, как листовидные, ромбические, сейминские и треугольночерешковые наконечники стрел, всевозможные топоры, округлые, треугольные, концевые и подтреугольные скребки, скобели, проколки и другие изделия, известные нам по материалам окских и поволжских стоянок, здесь присутствуют треугольные и ланцетовидные, с вогнутым основанием наконечники стрел и целая серия орудий из сланца — стамески, топоры с округлым сечением, кварцитовые пилы, резцы, кирки. Всего в Каргополье бытовало 26 основных типов орудий труда.

Иной комплекс орудий труда на стоянках Карелии и Ленинградской области. На этой территории исследованы такие стоянки, как Усть-Рыбежна I, комплекс орудий труда которой насчитывает 18 из 20 основных типов изделий, характерных для этого региона. Большое значение имеют и поселения Вой-Наволок 9, Вигайнаволок I, Оров-Наволок и др., материалы которых дают возможность заключить, что древнее население Карелии и Ленинградской области выработало оригинальный набор орудий труда из камня. В его составе клиновидные топоры, листовидные и лавролистные наконечники стрел, скобели, желобчатые долота, проколки, округлые, треугольные, концевые, подчетырехугольные скребки, рус-

[36] *Кудрявцев П. П.* К материалам о доисторическом человеке каменного века р. Оки.— Тр. Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, т. XIV, вып. 1. СПб., 1883; *Селезнев Ф. Я.* Приокские древнейшие поселения.— Тр. Владимирского областного музея, вып. 3. Владимир, 1928, с. 17—51.

[37] *Фосс М. Е.* Древнейшая история севера..., с. 219—223.

[38] *Цветкова И. К.* Неолитические поселения в районе Белого озера.— В кн.: Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961, с. 54—59.

ско-карельские топоры, кирки, широкие и плоские и небольшие листовидные ножи из кремня, стамески, грузила, сверла и серия изделий из кварца и кварцита — орудия с резцовыми сколами, сверла, пилы и т. п. Всего 20 типов орудий.

На территории восточной Прибалтики (Эстония) наибольшей известностью пользуются такие поселения с ямочно-гребенчатой керамикой, как Нарва II (Нарва — Рийгикюла II) и Валма, при исследовании которых были получены наиболее значительные серии орудий труда из камня, а также стоянки Акали и Куламяги[39] с изделиями, повторяющими типы орудий первых двух памятников. Их раскопки позволяют наметить набор орудий труда, бытовавших у древнего населения территории современной Эстонии — выходцев из Волго-Окского междуречья. В его составе ромбические, листовидные, треугольночерешковые наконечники стрел, резцы, желобчатые долота, пилы из кварцита, листовидные ножи, топоры русско-карельского типа и клиновидные, круммайзели, скобели, концевые, треугольные и округлые скребки и проколки. Всего здесь известно 16 основных типов орудий труда.

Сравнение перечисленных выше комплексов орудий показывает следующее.

Рязанский и балахнинский комплексы насчитывают 22 типа орудий труда, из них рязанский — 20, балахнинский — 21. Об абсолютном сходстве этих комплексов мы могли бы говорить лишь в том случае, если бы они насчитывали по 22 типа одинаковых орудий. Но совпадают лишь 19 типов орудий (табл. 2, рис. 2), что означает сходство на 86%.

Балахнинский и каргопольский комплексы насчитывают 29 основных типов орудий труда, из них балахнинский 21, каргопольский — 26. Об идентичности этих комплексов мы могли бы говорить лишь в том случае, если бы они насчитывали по 29 типов одинаковых орудий, но совпадают лишь 18 (табл. 2, рис. 2), что соответствует общности на 62%.

Каргопольский и карельский комплексы. В Карелии, Ленинградской области и Каргополье для эпохи развитого неолита известны 30 типов орудий труда из камня, из них в Карелии и Ленинградской области — 20, в Каргополье — 26. Если об абсолютном сходстве данных комплексов свидетельствовали бы наборы орудий из 30 одинаковых типов, то реальное сходство 16 типов (табл. 2, рис. 2) говорит о сходстве на 53%.

Карельский и прибалтийский комплексы. Если в Карелии, Ленинградской области и Эстонии в интересующее нас время бытовало 23 типа изделий из камня, из них в Карелии и Ленинградской области — 20, на территории Эстонии — 16, то об абсолютном сходстве упомянутых комплексов свидетельствовали бы наборы из 23 одинаковых типов орудий. Реальные же 13 совпадений, иллюстрируемые на рис. 2, свидетельствуют о сходстве данных комплексов орудий труда лишь на 56%.

Сопоставление степени сходства различных вариантов культуры ямочно-гребенчатой керамики, выявляемой по орудиям труда и орнаментации керамики, показывает следующее:

	Орнаментация керамики, %	Орудия труда, %
Рязанский-балахнинский	56	86
Балахнинский-каргопольский	50	62
Каргопольский-карельский	66	53
Карельский-прибалтийский	100	56

Приведенные данные иллюстрируют несоответствие степени сходства различных вариантов культуры ямочно-гребенчатой керамики, выявленной путем сравнения характеризующих их комплексов орудий труда и орнаментальных мотивов. Не комментируя этот момент подробнее, заметим, что это обстоятельство мы склонны объяснить различием причин,

[39] *Янитс Л. Ю.* Поселения эпохи неолита..., с. 179.

обусловивших возникновение этих комплексов, в частности значением естественно-географической среды, сырья при изготовлении тех или иных орудий труда, в противоположность этнической традиционности приемов в украшении посуды. Только этим можно объяснить почти полное сходство орудий труда по рязанскому и балахнинскому течению Оки и довольно резкое различие в орнаментации керамики этих регионов; идентичность в украшении посуды в Карелии, Ленинградской области и восточной Прибалтике и подразделение этой территории на два региона по комплексам орудий труда и т. д. Кроме того, предложенные выше подсчеты дают возможность более объективно сравнивать материалы по ямочно-гребенчатому неолиту с древностями соседних территорий (волго-камские, волосовско-турбинские, верхнеднепровские, днепро-донецкие и др.) и выявлять их таксономическое соответствие или несоответствие. У нас сейчас нет четких археологических критериев относительно того, какими признаками должны обладать материалы той или иной группы памятников, чтобы их можно было объединить в вариант культуры, культуру, этнокультурную общность. Поэтому в ряде случаев одну и ту же группу памятников называют то культурой, то этнокультурной общностью (волго-камский неолит и др.); иногда те или иные памятники относят к разным по происхождению культурам (стоянки Киевской, Черниговской, Гомельской, Могилевской областей — днепро-донецкие или верхнеднепровские?). Днепро-донецкую культуру в таксономическом плане приравнивают, например, к так называемой рязанской культуре, хотя варианты днепро-донецкой культуры отличаются друг от друга гораздо в большей степени, чем упомянутая рязанская культура отличается от соседней балахнинской.

В отношении ямочно-гребенчатого неолита также нет единого мнения. Одни исследователи полагают, что это одна культура, подразделенная на варианты, другие рассматривают его как сумму родственных культур. Эти разногласия в какой-то степени носят чисто терминологический характер, поскольку оба понятия подразумевают существование одной и той же реальности — наличия группы родственных племен. Хочется сказать лишь следующее: одним из основных доводов в пользу того, чтобы всю сумму памятников с ямочно-гребенчатой керамикой рассматривать в качестве ряда археологических культур, являются обширные размеры территории, занятой ими. Но тезис о том, что археологическая культура — явление обязательно узколокальное, представляется неубедительным. Термин «археологическая культура» для лесного неолита применяется, как правило, для обозначения тех или иных этнических общностей вне зависимости от численности их носителей. Численность населения предопределяется конкретными историческими условиями, существовавшими на данной территории. Поэтому и могут существовать большие и малые народности (ср.: русские и албанцы, индусы и грузины, японцы и венгры и т. д.). Кроме того, следует учитывать, что большая территория той или иной археологической культуры (волго-камская, днепро-донецкая, культура ямочно-гребенчатой керамики и др.) далеко не всегда свидетельствует о том, что она заселена многочисленным населением. Значительное количество памятников какой-либо культуры, хронологически близких друг другу, мы часто подсознательно рассматриваем как одновременные, в то время как эта одновременность подчас является относительной. Пять, 10 и т. д. поселений могут датироваться примерно одним временем (например, первой половиной II тысячелетия до н. э.), но на самом деле они друг с другом могли не сосуществовать, поскольку продолжительность жизни на одной стоянке вряд ли превышала два-три десятка лет (может, и меньше?). Представляется, что численность населения в лесной и лесостепной полосе Европейской части СССР в эпоху неолита была сравнительно невелика. Интересны в этом отношении этнографические данные. Например, орочи, численность которых к началу

XX в. не превышала 400—500 человек, во второй половине XIX в. занимали многие тысячи квадратных километров на побережье Татарского пролива, в бассейне р. Амура и его правых притоков и на берегах рек Коппи и Тумнин [40].

Не будем увеличивать число примеров подобной неурядицы, которая, как нам кажется, может иметь лишь отрицательные последствия. От этого можно избавиться, выработав единые критерии при определении культур, их вариантов и т. д. И основным здесь является определитель степени сходства материалов тех или иных групп памятников. Наша статья не решает и не претендует на решение этого вопроса. Выше говорилось лишь о приблизительной степени сходства различных вариантов ямочно-гребенчатого неолита. Решение данной проблемы автор видит в проведении аналогичных сопоставлений материалов остальных группировок археологических памятников на возможно более широкой территории.

V. P. Tretyakov

ON THE CLASSIFICATION OF THE NEOLITHIC SITES WIHT PIT-COMB POTTERY

Summary

The article is an attempt of establishing of the degree of semblance and difference in the numeral expression between the materials of different groups of sites, characterised by the presence of Pit-Comb pottery. The whole sum of signs (ornamental motives, stone artifacts) characteristic of the group is considered 100% and the amount of common signs — X%. The magnitude X shows the degree of semblance of the compared antiquites. The mentioned mode of correlation gives the possibility to say, that more than a half of signs, characteristic of the neighbouring variants of the Pit-Comb neolithic are identical.

---

[40] *Ларькин В. Г.* Орочи. Историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней. М., 1964.

Ю. А. КРАСНОВ

ОБ ИСТОКАХ ПАШЕННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Одним из важных аспектов изучения ранней истории пашенного земледелия в Восточной Европе является вопрос о том, возникло ли оно на этой территории самостоятельно или упряжные пахотные орудия вместе с навыками их применения проникли сюда из иных районов, где они были известны ранее. Если верно второе предположение, представляет интерес вопрос о механизме такого проникновения. В литературе до сих пор уделялось недостаточно внимания этим интересным и важным, но трудным для разрешения проблемам.

В настоящее время следует считать наиболее вероятным, что первые шаги пашенного земледелия на юге Восточной Европы относятся к самому концу III—II тысячелетию до н. э.[1] На это прежде всего указывают пока еще редкие датированные находки пахотных орудий и их изображений; фрагмент рала из позднеямного погребения 17 кургана «Высокая могила» у с. Балки Васильковского р-на Запорожской обл.[2], датированный концом III — началом II тысячелетия до н. э.[3]; изображения двух рал на стеле из кургана Бахчи-Эли близ Симферополя[4], относящиеся к катакомбному времени[5]; рало из торфяника у с. Полесье (Жабчичи) в Черниговской обл.[6], на основе радиокарбонного анализа образцов тор-

---

[1] Предположение о появлении упряжных пахотных орудий в эпоху раннего триполья (*Бибиков С. Н.* Хозяйственно-экономический комплекс раннего триполья.— СА, 1965, № 1) не представляется достаточно обоснованным. Оно было сделано на основе общей оценки уровня хозяйства и культуры, предполагаемой плотности населения и гипотетических расчетов хозяйственно-экономического потенциала раннетрипольского общества. Степень достоверности этой гипотезы во многом зависит от положенных в основу расчетов посылок, которые кажутся весьма произвольными, да и вряд ли могут быть иными при современном состоянии наших знаний об экономике древних обществ. Если же оставаться в рамках имеющегося фактического материала, то первые прямые свидетельства о наличии пашенного земледелия во всей Европе (находки подлинных пахотных орудий, их деталей и изображений, следы древней пахоты) относятся ко времени не ранее конца III — начала II тысячелетия до н. э. Различные гипотезы о неолитическом возрасте пашенного земледелия в Европе пока не могут быть убедительно подтверждены (*Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975, с. 145—161).

[2] *Бидзиля В. И., Яковенко Э. В.* Рало из позднеямного погребения конца III — начала II тысячелетия до н. э.— СА, 1973, № 3, с. 146—152; *Краснов Ю. А.* Ук. соч., с. 67, 68.

[3] *Бидзиля В. И., Яковенко Э. В.* Ук. соч., с. 147—150.

[4] *Kothe H.* Volkerkundliches zur Frage der neolithischer Anbauformen in Europa.— EAF, Bd. I, 1953, S. 51; *Шрамко Б. А.* Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника.— СА, 1964, № 4, с. 96—99; *Краснов Ю. А.* Рала симферопольской стелы.— СА, 1971, № 2; *его же.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 63, 64.

[5] *Формозов А. А.* Материалы к изучению искусства эпохи раннего металла.— СА, 1958, № 2, с. 138; *Щепинский А. А.* Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму.— СА, 1963, № 3, с. 43. Сама стела рассматривается А. А. Щепинским как памятник кеми-обинской культуры.

[6] *Шрамко Б. А.* Древний деревянный плуг..., с. 99; *его же.* Найдавнішни орні знаряддя на території України.— В кн.: Питання історії народі в СРСР, вып. 6. Харків, 1969, с. 142—146; *Šramko B. A.* Bronze Age Ard in the Ukraine.— In: Tools and Tillage, v. I, № 4. Copenhagen, 1971, p. 223—235.

фа из перекрывающих находку слоев датированное временем 3340±80 лет до наших дней, т. е. XIV—XIII вв. до н. э.[7].

На появление упряжных пахотных орудий в ряде южных районов Восточной Европы именно в этот исторический период могут указывать и некоторые косвенные данные — применение колесных повозок [8] и массовое употребление изогнутых серпов, отличающихся от более ранних жатвенных ножей [9]. По-видимому, эти культурные явления следует рассматривать как важные элементы хозяйственно-культурного типа народов, знакомых с пашенным земледелием [10]. Эти данные благодаря сравнительной многочисленности могут очертить ареал пашенного земледелия в эпоху бронзы, значительно дополняя тем самым редкие находки пахотных орудий и их изображений [11].

При изучении вопроса об истоках пашенного земледелия в Восточной Европе большой интерес представляет типологический анализ устройства древнейших на этой территории упряжных пахотных орудий.

Мы исходим из того, что в конструкции остова или скелета пахотных орудий (особенности устройства и сочленения их основных частей) могут быть выделены определенные черты, независимые или относительно независимые от непосредственного влияния природно-климатических и социально-экономических условий их применения, в которых проявляется известная культурно-историческая традиция изготовления тех или иных пахотных орудий. Эта традиция, складывающаяся на определенной территории под влиянием экологических и социально-экономических факторов и первоначально являющаяся чисто технической, приобретает со временем устойчивость, закрепляется в практике многих поколений и становится по существу культурно-исторической традицией. Прослеживая распространение в различное время и на различных территориях пахотных орудий с определенным комплексом особенностей устройства остова или скелета, т. е. типов пахотных орудий, выделенных по этим признакам, мы можем сделать определенные выводы о центре возникновения и путях распространения того или иного типа орудий. Таким образом, древние пахотные орудия и их изображения исследуются с точки зрения формально-типологического метода [12].

В применении к интересующему нас материалу о древнейших восточноевропейских пахотных орудиях задача будет сводиться, во-первых, к вы-

---

[7] *Шрамко Б. А.* Про час появи орного землеробства на Півдні Східної Європи.— Археологія, 7. Київ, 1972, с. 30, 31; *Sramko B. A.* Bronze Age Ard...

[8] Древнейшие в Восточной Европе остатки колесных повозок известны в погребениях различных локальных групп ямной культурной общности, связаны со сравнительно поздними погребениями, непосредственно предшествующими катакомбной культуре или синхронными с ней, относятся к концу III — началу II тысячелетия до н. э. (*Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974, с. 94, 115, рис. 16).

[9] Наиболее ранними в Восточной Европе жатвенными орудиями, которые с полным основанием можно назвать серпами, являются серпы так называемого волынского типа, бондарихинские и белогрудовские (*Бибиков С. Н.* Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы.— СА, 1962, № 3, с. 13—16, 21—23). Ранние жатвенные орудия восточных районов Северного Причерноморья и Северного Кавказа изучены слабо. Однако можно предполагать, что здесь уже в начале эпохи бронзы появились типы изогнутых серпов с двухсторонне обработанными вкладышами и цельнокаменных с изгибом лезвия (*Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971, с. 40).

[10] *Краснов Ю. А.* О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы.— СА, 1968, № 2; *его же.* Раннее земледелие и животноводство..., с. 35—42. Здесь же приведена обширная литература, подтверждающая указанную точку зрения.

[11] *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство..., с. 42, 43, карта, рис. 21.

[12] Подробнее об этом см.: *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 6—20; *Чернецов А. В.* К изучению генезиса восточнославянских пахотных орудий.— СЭ, 1975, № 3, с. 72—74. В этих работах дан и критический анализ точек зрения, отрицающих возможность применения формально-типологического метода для исследования пахотных орудий в культурно-историческом плане.

делению их типов; во-вторых, к определению предполагаемых центров возникновения этих типов пахотных орудий и возможных путей их распространения; в-третьих, к определению возможных условий, при которых они могли появиться в Восточной Европе.

Древнейшие датированные пахотные орудия Восточной Европы, доступные нашему исследованию, по особенностям устройства своего остова или скелета принадлежат к двум типам. Первый включает рало, фрагмент которого найден в кургане «Высокая могила», и два рала, изображенные на стеле из кургана Бахчи-Эли. Основу таких пахотный орудий составляет цельная конструкция, сочетающая в себе функции рабочей части и рукояти (конструкция рукоять-ральник). В специальное отверстие, проделанное в средней части этой конструкции, вставлялся прямой грядиль, к которому припрягались тягловые животные. Такие рала, исходя из особенностей их устройства, могут быть названы однорукояточными прямогрядильными [13].

Среди однорукояточных прямогрядильных рал, широко известных в археологическом, древнем иконографическом и этнографическом материале [14], по характеру устройства рабочей части выделяются рала с рабочей частью, поставленной под углом к почве (как у рала из кургана «Высокая могила»), и с рабочей частью, занимающей положение, близкое к горизонтальному, образующей зачаточный или развитый полоз. Такие рала с зачаточным полозом представлены на рисунках стелы из кургана Бахчи-Эли. Однорукояточные прямогрядильные рала обеих указанных разновидностей могли иметь стойку между рабочей частью и грядилем, которая придавала жесткость конструкции орудия и могла быть использована для регулирования глубины вспашки, или употребляться без такой стойки. Древнейшие однорукояточные прямогрядильные рала Восточной Европы ее не имели.

К совершенно иному в конструктивном отношении типу относится рало из торфяника у с. Полесье. Рабочая часть и грядиль рал этого типа составляют одно целое. Такие орудия изготовлялись из одного куска дерева, служившего ральником, работавшим в положении, близком к горизонтальному, т. е. образующим полоз, и отходящего вперед и несколько в сторону длинного изогнутого сука, служившего грядилем. Конструктивные особенности таких рал — объединение в одно целое грядиля и рабочей части, а также изогнутый грядиль — позволяют называть их грядильными кривогрядильными [15]. Единственной приставной частью у них является рукоятка, которая вставлялась в задний конец полоза, реже — в задний конец грядиля, а иногда набивалась сбоку на задний конец полоза. У некоторых рал грядиль делался составным.

Несмотря на общую близость конструкции всех грядильных кривогрядильных рал, известных как в древности, так и по этнографическим данным [16], внутри этого типа выделяются разновидности. Критерием для этого может служить расположение места перехода грядиля в полоз и место расположения рукояти по отношению к основанию грядиля. Эти признаки характеризуют такое важное качество, как соотношение центра тяжести пахотного орудия и точки приложения тяговой силы, что в значительной степени определяет рабочие качества и возможные сферы применения рал. По указанным признакам среди орудий рассматриваемого типа могут быть выделены следующие разновидности [17]: 1) рала с коротким полозом, у которых место перехода грядиля в полоз приходится на

---

[13] *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 29, 30.

[14] Там же, с. 62—83.

[15] Там же, с. 30—32.

[16] Там же, с. 108—138.

[17] Здесь используется с небольшими изменениями классификация грядильных кривогрядильных рал, предложенная Б. А. Шрамко (*Шрамко Б. А.* Древний деревянный плуг..., с. 90, 91).

задний конец последнего, а рукоять проходит через основание грядиля; 2) рала со сравнительно коротким полозом, у которых место перехода грядиля в полоз находится у заднего конца последнего, а рукоять прикреплена к полозу вплотную к основанию грядиля; 3) рала с коротким или длинным полозом, у которых место перехода грядиля в полоз приходится на середину последнего или несколько сдвинуто назад, а рукоять прикрепляется к полозу вплотную к основанию грядиля; 4) рала с длинным полозом, у которых место перехода грядиля в полоз приходится на середину последнего или сдвинуто к его переднему концу, а рукоять поставлена на задний конец полоза, так что между основанием грядиля и местом прикрепления рукоятки оставалось значительное пространство.

Имеющийся в нашем распоряжении археологический и древний иконографический материал позволяет говорить о разном времени возникновения этих разновидностей грядильных кривогрядильных рал. Первые две фиксируются уже с конца III — начала II тысячелетия до н. э. Третья может быть датирована временем начиная с первой половины или середины II тысячелетия до н. э. Рала четвертой разновидности известны по изображениям и подлинным находкам не ранее начала I тысячелетия до н. э.[18] К третьей из указанных разновидностей относится рало из торфяника у с. Полесье [19].

Конечно, имеющиеся в нашем распоряжении древнейшие в Восточной Европе находки пахотных орудий и их изображения крайне немногочисленны. Поэтому вполне закономерным будет сомнение в том, что все наиболее ранние пахотные орудия этого региона принадлежали именно к двум рассмотренным выше типам. Однако этнографический материал позволяет рассеять такое сомнение. Среди рал, употреблявшихся народами Восточной Европы в XVIII—XIX вв., известны как однорукояточные прямогрядильные в их разновидности со стойкой между рабочей частью и грядилем [20], так и грядильные кривогрядильные [21]. Практически все другие разновидности рал по устройству своего остова или скелета могут быть генетически связаны с этими типами [22]. В устройстве скелета восточноевропейских плугов явственно прослеживается генетическая связь с упомянутой разновидностью однорукояточных прямогрядильных рал, имеющих стойку между рабочей частью и грядилем [23]. По хорошо аргументированному предположению А. В. Чернецова, сохи могут быть связаны в плане устройства своего скелета с одной из разновидностей рал, бы-

---

[18] *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия.

[19] К той же разновидности грядильных кривогрядильных рал относится пахотное орудие из торфяника у с. Сергеевск Стародубского р-на Брянской обл. (*Шрамко Б. А.* Древний деревянный плуг..., рис. 1). Разными авторами это орудие датировалось то эпохой древней Руси (*Довженок В. И.* Землеробство древньої Русі. Київ, 1961, с. 68, 69), то ранним железным веком (*Шрамко Б. А.* Древний деревянный плуг..., с. 93, 95). Датировка сергеевского рала ранним железным веком вполне возможна. Однако типологические особенности его не позволяют настаивать только на таком его возрасте. С неменьшим основанием оно может быть отнесено и к эпохе бронзы, как и близкое к нему полесское рало. Основания для более точной датировки сергеевского рала пока отсутствуют.

[20] Такие рала зафиксированы, например, в различных районах Украины (*Leser P.* Entstehung und Verbreitung des Pflüges. Münster, 1931, Fig. 78; *Мамонов В. С.* Старинные орудия обработки почвы из с. Староселье на Днепре.— СЭ, 1952, № 4, с. 74—76, рис. 7, *21*; *Горденко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С.* Народна землеробська техніка українців. Київ, 1971, с. 32, 34, 36, табл. II, рис. 2—4), в Молдавии (*Демченко Н.* Земледельческие орудия молдаван XVIII—XIX вв. Кишинев, 1967, рис. 8), Крыму (*Haudricourt A. G., Delamarre M. J.-B.* L'homme et la charrue a travers le monde. Paris, 1955, fig. 72), Эстонии (*Leser P.* Op. cit., Fig. 90).

[21] *Парфенов П.* Письма о сельском хозяйстве в юго-западной России.— «Русский вестник», 1873, т. VIII, с. 640; *Сержпутовский А. К.* Земледельческие орудия Белорусского Полесья.— МЭР, т. I. СПб., 1911, с. 87, 88, рис. 26.

[22] *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 83, 84, рис. 26; *Чернецов А. В.* Ук. соч., табл. 1.

[23] *Краснов Ю. А.* Средневековые плуги Восточной Европы.— СА, 1979, № 4.

товавшей в Восточной Европе [24], которая в конечном итоге восходит к однорукояточным прямогрядильным ралам [25]. Все это свидетельствует, что имеющиеся в нашем распоряжении данные о древнейших типах восточноевропейских пахотных орудий достаточно репрезентативны.

Фрагмент однорукояточного прямогрядильного рала из кургана «Высокая могила» и изображения на стеле из кургана Бахчи-Эли являются древнейшими свидетельствами употребления пахотных орудий этого типа не только в Европе, но и во всем Старом Свете [26]. Казалось бы, это обстоятельство может быть основанием для гипотезы о возникновении рассматриваемого типа пахотных орудий в Северном Причерноморье в конце III или начале II тысячелетия до н. э. Однако привлечение этнографического материала, совершенно необходимое в данном случае, делает такую гипотезу маловероятной. Параллельный анализ археологических, древних иконографических и этнографических данных о типах пахотных орудий показывает одну весьма важную закономерность: ранние, простейшие разновидности пахотных орудий определенного типа наиболее длительное время сохраняются в районах, совпадающих или близких к центрам формирования этих типов [27]. Одной из ранних разновидностей однорукояточных прямогрядильных рал, зафиксированной изображениями на стеле из кургана Бахчи-Эли, является рало с коротким неразвитым полозом клиновидной формы, коротким грядилем, без стойки между рабочей частью и грядилем. По этнографическим данным, ареал таких пахотных орудий охватывает Среднюю Азию, Синьцзян, Афганистан, Пакистан, Индию, Непал, прилегающие к границам Афганистана районы Ирана, часть Южной Сибири, Туву и Монголию [28]. В Средней Азии, большей части Индии, Синьцзяне, Непале, Южной Сибири, Монголии и Туве такие рала являлись до недавнего прошлого единственным типом пахотных орудий. Во всех этих районах как этнографический, так и археологический и древний иконографический материал не дает указаний на существование каких-либо иных, в частности более ранних, их типов. Это дает основания считать рассматриваемую разновидность однорукояточных прямогрядильных рал древнейшей в этих районах, появившейся, вероятно, со времени возникновения или распространения здесь пашенного земледелия. Другие разновидности однорукояточных прямогрядильных рал, которые следует рассматривать как типологически более поздние, по данным этнографии, широко распространены в районах к востоку, западу и югу от очерченной территории [29]. По-видимому, именно внутри этого обширного региона и следует искать центр формирования древнейших однорукояточных прямогрядильных рал, причем там, где уровень развития сельского хозяйства уже до конца III тысячелетия до н. э. был достаточно высок для того, чтобы здесь могли появиться первые упряжные пахотные орудия.

В этом плане наибольший интерес представляют районы древних цивилизаций юго-запада Средней Азии и долины Инда с их высокоразвитым орошаемым земледелием. Прямых свидетельств употребления упряжных пахотных орудий для этого времени здесь нет, но косвенные — глиняные модели колес и колесных повозок, указывающих на давнее

---

[24] *Чернецов А. В.* К вопросу о происхождении восточноевропейского плуга и русской сохи.— Вестн. МГУ. Сер. истор., 1972, № 2.

[25] *Чернецов А. В.* К изучению..., табл. 1.

[26] *Краснов Ю. А.* Рала симферопольской стелы...

[27] *Leser P.* Op. cit.; *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия.

[28] *Leser P.* Op. cit., Fig. 73, 217, 218, 222; *Werth E.* Grabstock, Hacke und Pflug. Lüdwigsburg, 1953, Fig. 10, 61, 62, 202, 203, S. 102; *Haudricourt A. G., Delamarre M. J.-B.* Op. cit., fig. 114—116, 119, 122; *Потанин Г. Н.* Очерки северо-западной Монголии, вып. 2. СПб., 1881, с. 111; *Сазонова М. В.* К этнографии узбеков южного Хорезма.— Тр. ХАЭЭ, т. I. 1952, с. 256; *Токарев С. А.* Этнография народов СССР. М., 1958, с. 321; *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, рис. 23, карта, рис. 22.

[29] *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, карта, рис. 22.

применение тягловой силы домашних животных,— широко известны [30]. Зафиксированные «Ведами» названия упряжных пахотных орудий до сих пор употребляются некоторыми народами Индии и Пакистана, причем для обозначения однорукояточных прямогрядильных рал [31]. Наряду с приведенными выше этнографическими данными это указывает на большую древность такого типа пахотных орудий. Отметим, что все известные нам изображения и подлинные находки пахотных орудий эпохи бронзы, раннего железа и средневековья из Средней Азии и долины Инда, правда, весьма редкие, относятся к типу однорукояточных прямогрядильных рал в их разновидности с коротким клиновидным полозом и без стойки между рабочей частью и грядилем [32], которые фиксируются здесь этнографическим материалом.

Совокупность приведенных данных и позволила предположить, что очагом возникновения однорукояточных прямогрядильных рал следует считать районы юго-запада Средней Азии, долины Инда и, возможно, некоторые прилегающие территории, а время их возникновения относить по крайней мере к началу III тысячелетия до н. э., если не к более раннему периоду [33]. Вероятно, отсюда этот тип пахотных орудий распространился в другие районы Средней Азии и Индии, где они фиксируются во II тысячелетии до н. э.[34], а также в Китай, где наиболее ранние свидетельства их применения относятся примерно к тому же времени [35]. Время проникновения этого типа пахотных орудий в другие районы его азиатского ареала пока не поддается точному определению.

Каким же путем однорукояточные прямогрядильные рала могли проникнуть в Восточную Европу?

Древнейшие восточноевропейские находки, свидетельствующие о применении этого типа пахотных орудий, как уже указывалось, являются наиболее ранними в Европе. Следующие за ними по времени наскальные изображения рал того же типа из Вал Фонтанальбы и Вал делла Меровигле (Северная Италия) датируются 1500—1000 гг. до н. э., из Вал Камоники (Северная Италия) — 1000—500 гг. до н. э., из Богуслена (Южная Швеция) — 800—500 гг. до н. э.[36] Судя по этим изображениям,

---

[30] На юго-западе Средней Азии наиболее ранние предметы, которые могут рассматриваться как модели колес, датируются концом IV тысячелетия до н. э. Это терракотовые колесики с односторонней втулкой, найденные в Кара-тепе, Илгынлитепе и некоторых других геоксюрских поселениях (*Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М., 1966, с. 166). Если в назначении этих предметов все-таки можно сомневаться, то в слоях, синхронных Намазга-III (первая половина III тысячелетия до н. э.) на многих поселениях найдены бесспорные колесики от моделей повозок, имеющие хорошо сформованную двухстороннюю втулку. В это время исчезают кремневые вкладыши распространенных до этого жатвенных ножей, что заставляет предполагать наличие медного серпа (там же, с. 165, 166). На памятниках конца III тысячелетия до н. э. найдено значительное число моделей повозок двух типов: четырехколесных и легких двухколесных, типа колесниц (там же, с. 182). Глиняные колесики от моделей повозок нередки и среди находок с памятников типа Мохенджо-Даро и Хараппы (*Маккей Э.* Древнейшая цивилизация долины Инда. М., 1952).

[31] *Haudricourt A. G., Delamarre M. J.-B.* Op. cit., p. 85.

[32] Наскальные изображения Сеймалы-Таш в Фергане эпохи бронзы (*Бернштам А. Н.* Наскальные изображения Сеймалы-Таш.— СЭ, 1952, № 2, рис. 5); изображение на стеле из Будгойя в Пакистане I—III вв. н. э. (*Haudricourt A. G., Delamarre M. J.-B.* Op. cit., p. 83, 84, fig. 18); находка фрагмента рала VIII в. н. э. на городище Ак-Бешим в северной Киргизии (*Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.— Тр. КАЭЭ, т. II. М., 1959, с. 202, рис. 37, *1*).

[33] *Краснов Ю. А.* Рала симферопольской стелы, с. 61—63; *его же.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 84—88.

[34] Упоминания пахотных орудий в «Ведах» и наскальные изображения Сеймалы-Таш, о которых говорилось выше.

[35] Рисунки на гадательных костях из раскопок близ Аньяна XIV—XII вв. до н. э. (*Brentjes B.* Untersuchungen zur Geschichte des Pflüges, Bd I. WZ, II, 10, 1953, Taf. 1, Fig. 2).

[36] *Glob P. V.* Plovbilder i val Camonica.— In: Kuml, 1954, S. 16; *idem.* Ard of plov i Nardens Oldtid. Aarus, 1951, S. 118, 126.

древние однорукояточные прямогрядильные рала из Западной и Северной Европы и типологически были более развитыми, чем изображенные на стеле из кургана Бахчи-Эли[37]. Далее, в III — начале II тысячелетия до н. э. на Ближнем Востоке, в Восточном Средиземноморье и прилегающих областях Южной Европы, судя по довольно многочисленным археологическим и иконографическим данным, были распространены иные типы пахотных орудий, которые нельзя связать генетически с однорукояточными прямогрядильными ралами[38]. Ранние разновидности последних не известны и в этнографическом материале Средиземноморья и Балкан. Это, очевидно, исключает возможность проникновения однорукояточных прямогрядильных рал в Европу южным путем через Средиземноморье и Балканский п-ов. По-видимому, должен быть исключен и кавказский путь. Хотя на территории Кавказа и Закавказья мы не знаем бесспорных находок ни древних пахотных орудий, ни их древних изображений, чрезвычайно богатый и разнообразный этнографический материал этого региона, в котором представлены явно разновременные комплексы пахотных орудий, не дает никаких оснований для утверждения, что на Кавказе когда-либо применялись однорукояточные прямогрядильные рала.

Таким образом, если принять гипотезу о среднеазиатском происхождении однорукояточных прямогрядильных рал, остается предположить, что путь их распространения в Европу лежал севернее Каспийского моря и проходил через причерноморские степи.

Иным представляется возможный путь проникновения в Восточную Европу грядильных кривогрядильных рал. На основании комплекса археологических и этнографических данных центр возникновения грядильных (и полозных) кривогрядильных рал следует искать в областях Восточного Средиземноморья, включая острова Кипр и Крит, а время их формирования относить к периоду не позднее конца III тысячелетия до н. э.[39] В указанном районе это были первые упряжные пахотные орудия, отмечающие первые шаги пашенного земледелия. Начальный этап распространения этого типа пахотных орудий в Западную и Северную Европу отмечается находками грядильных кривогрядильных рал в торфяниковом поселении Лаго ди Ледро в Северной Италии (середина или конец II тысячелетия до н. э.)[40], в болоте близ Валле в ФРГ (около 1800—1500 гг. до н. э.)[41], в Хворслеве (Дания, вторая половина II тысячелетия до н. э.)[42], а также наскальными изображениями Вал Фонтанальбы (1500—1000 гг. до н. э.)[43] и Богуслена (800—500 гг. до н. э.)[44]. В странах Ближнего Востока свидетельства распространения грядильных и по-

---

[37] *Краснов Ю. А.* Рала симферопольской стелы, с. 55, 56.

[38] *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия.

[39] Там же, с. 132, карта, рис. 51. Наиболее ранние свидетельства применения рал рассматриваемого типа — скульптурная группа из Вуноса (о. Кипр), датируемая не позднее периода 2300—1900 гг. до н. э. (*Dicaios P.* Ploughing in Cyprus in the Early Bronze Age.— Man, 1933, № 134; *Hančar F.* Das Pferd in prehistorischer und früher historischer Zeit. Wien — München, 1956, S. 445), и изображения на критских пиктографических табличках и печатях (*Evans A. J.* Scripta minoa. Oxford, 1909, p. 167, fig. 86a; p. 169, fig. 93a; p. 173, fig. 105B; p. 177, fig. 116B), датируемых II Среднеминойским периодом.

[40] *Battaglia R.* La palafitta du Lago di Ledro nel Trentino.— In: Memoire del Museo di Storia naturale della Venezia Tridentino, vol. VII, 1943, tab. VIIa. О дате см. *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 114.

[41] Критический анализ датировок этой широко известной и неоднократно публиковавшейся находки см. *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 115.

[42] *Glob P. V.* Ard og plov..., S. 14—16, fig. 7; *Lerche G.* The Radiocarbon Dated Danish Ploughing Implements.— In: Tools and Tillage, v. I. № 1. Copenhagen, 1968, p. 56.

[43] *Glob P. V.* Ard og plov..., fig. 6; *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 114, рис. 40.

[44] *Glob P. V.* Ard og plov..., S. 25—27, fig. 23.

лозных кривогрядильных рал относятся ко времени не ранее конца II тысячелетия до н. э.[45]

По крайней мере некоторые западноевропейские находки грядильных кривогрядильных рал относятся к более раннему времени, чем рало из торфяника у с. Полесье. Учитывая это обстоятельство, а также предполагаемый центр формирования рассматриваемого типа пахотных орудий, следует сделать предположение о проникновении его в Восточную Европу с запада.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении источники, несмотря на их отрывочность и фрагментарность, позволяют все же считать, что древнейшие в Восточной Европе точно датированные пахотные орудия принадлежали к двум различным в конструктивном отношении типам, сформировавшимся в различных регионах. Пути их распространения в Старом Свете были различны, лишь частично пересекались и позднейшие их ареалы [46]. Различными путями, в результате различных культурных импульсов эти типы пахотных орудий могли проникнуть и на территорию Восточной Европы.

Выше указывалось на факт знакомства древнеямных племен и их соседей с пашенным земледелием и употреблением рал типа однорукояточных прямогрядильных.

Согласно новейшим исследованиям, древнеямная культурно-историческая общность сформировалась на базе различных групп позднеолитического населения прикаспийско-причерноморских степей в результате ряда факторов, из которых едва ли не важнейшим был фактор экономический — «распространение производящей экономики на новые огромные территории и выработка новых ее форм» [47]. Наиболее вероятным источником, откуда производящее хозяйство могло проникнуть в пограничье европейских и азиатских степей, где фиксируется «первая археологически засвидетельствованная волна распространения ранних древнеямных племен» [48], была Средняя Азия, культурное влияние которой доходило сюда через ее северную периферию и Восточный Прикаспий. Это влияние, намечающееся пока лишь по отдельным археологическим фактам в силу слабой изученности территории, разделяющей прикаспийские степи и северную периферию Средней Азии, все-таки вполне реально и закономерно, причем прослеживается не только для времени формирования древнеямной культурной общности, но и для более поздних периодов [49]. Эти данные хорошо согласуются с изложенным выше представлением о проникновении в Восточную Европу одного из древнейших типов упряжных пахотных орудий из Средней Азии через прикаспийско-причерноморские степи.

Тот факт, что основу экономики древнеямных племен составляло скотоводство, а земледелие, кроме западных окраин их ареала, играло явно подчиненную роль, отнюдь не может противоречить знакомству этих племен на сравнительно поздних этапах их истории с упряжными пахотными орудиями. Этнография знает немало примеров подобного рода. Укажем хотя бы на племена Северного Алтая [50], тувинцев или монголов [51], которые, между прочим, в качестве единственного вида упряжных пахотных орудий применяли однорукояточные прямогрядильные рала в их ранней разновидности.

Рало из торфяника у с. Полесье найдено в ареале культур шнуровой керамики и совпадает с ними по хронологии. С племенами этого куль-

[45] *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 114, 129—131.
[46] Там же, карты, рис. 27 и 51.
[47] *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы..., с. 128.
[48] Там же, с. 147.
[49] Там же, с. 140—146.
[50] *Потапов Л. П.* Разложение родового строя у племен Северного Алтая.— ИГАИМК, вып. 128, 1935, с. 73, 74.
[51] *Потанин Г. Н.* Ук. соч., с. 111.

турного круга связывается и появление на юго-западе Восточной Европы первых жатвенных орудий, которые могут рассматриваться как настоящие серпы. Это цельнокаменные серпы так называемого волынского типа, уже упоминавшиеся выше [52]. Аналогичные орудия, но частью более ранние (по крайней мере с XVIII в. до н. э.) известны в ряде районов Западной и Центральной Европы, где также нередко связываются с памятниками культур шнуровой керамики [53]. Как уже отмечалось, переход от жатвенных ножей к серпам следует считать важным признаком, присущим хозяйственно-культурному типу племен, знакомых с пашенным земледелием. На большую вероятность знакомства племен шнуровой керамики с пашенным земледелием указывали многие авторы, опираясь главным образом на различные косвенные соображения [54]. Следует отметить, что по этнографическим данным грядильные кривогрядильные рала и пахотные орудия, которые могут быть генетически связаны с ними, спорадически встречались в Восточной Европе почти исключительно в западных и юго-западных областях (Волынь, белорусское Полесье, Прибалтика), где в свое время были распространены культуры шнуровой керамики. Вероятно, этот факт не является случайным.

Все эти данные дают определенные основания для предположения, что по крайней мере часть племен шнуровой керамики были первыми группами населения в западной и юго-западной частях Восточной Европы, перешедшими к пашенному земледелию и применявшими рала типа грядильных кривогрядильных.

Yu. A. Krasnov

ON THE ORIGIN OF PLOUGH AGRICULTURE IN EASTERN EUROPE

Summary

The first steps of plough agriculture in Eastern Europe are traced at the south-west of the region in the late IIId — IInd millenium B. C. Typological analysis of the most ancient ards is especially significant for the solving of the problem of the sources of plough agriculture in Eastern Europe. These artifacts belong to two types, different in construction, which were formed at different time in the regions, neighbouring to Central Asia and eastern Mediterranian. Archaeologic, ethnographic and other data let the author suppose, that the mentioned types of ards were introduced to this territory by the tribes of the Pit-grave cultural unity and Cord Ceramic culture.

---

[52] *Бибиков С. Н.* Из истории каменных серпов..., с. 22; *Березанская С. С.* О земледелии в культурах шнуровой керамики на Украине.— В сб.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, с. 197.

[53] *Steensberg A.* Ancient harvestings Implements. Cobenhavn, 1943, S. 3—7; *Краснов Ю. А.* О возникновении пашенного земледелия..., с. 9.

[54] *Pätzold J.* Rituelles Pflugen beim vorgeschichtlichen Totenkultur.— PZ, XXXVIII, 1960, S. 189—230; *Березанская С. С.* Ук. соч., с. 192—198.

Н. В. РЫНДИНА

МЕТАЛЛ В КУЛЬТУРАХ ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ УКРАИНСКОГО ПРЕДКАРПАТЬЯ, ПОДОЛИИ И ВОЛЫНИ

Проблемы происхождения, хронологии, исторического содержания культур шнуровой керамики, распространенных на громадных пространствах Восточной и Средней Европы, до сих пор сохраняют резко дискуссионный характер. В литературе нет единого мнения даже в вопросах определения общих и специфических признаков, свойственных этим культурам, в установлении их границ.

Неразработанность представлений об исторической общности, вошедшей в археологию под названием культур шнуровой керамики, в значительной степени предопределена недостаточной исследованностью ее памятников, известных от Волги до Рейна и от южной Скандинавии до среднего Подунавья. Изучение их в пределах западного и восточного ареалов до недавнего времени велось изолированно друг от друга; попытки сопоставления полученных материалов были затруднены отсутствием данных о памятниках промежуточной территории Предкарпатья, Подолии и Волыни. Археологические работы, активно развернувшиеся в последнее десятилетие в северо-западной Украине и юго-восточной Польше, дали возможность охарактеризовать исследованные здесь комплексы, установить их культурную принадлежность.

На основе анализа материалов, накопленных в Польше, Я. Махник выделил в восточной части польского Предкарпатья любачевскую группу культуры шнуровой керамики, а также уточнил область, занимаемую памятниками краково-сандомирской группы той же культуры [1]. Е. Глосик доказал правомерность выделения стжижевской культуры, включающей памятники восточной части Люблинской возвышенности и западной Волыни [2]. Сравнительное сопоставление находок с территории польского и украинского Предкарпатья, проведенное И. К. Свешниковым, позволило ему убедительно обосновать существование единой подкарпатской культуры шнуровой керамики, образующей несколько локальных групп (любачевскую, краково-сандомирскую, верхнеднестровскую и подольскую) [3].

Археологические исследования на Волыни дали И. К. Свешникову возможность выделить городокско-здолбицкую культуру шнуровой керамики и одновременно уточнить территорию стжижевской культуры и памятников типа Почапы [4].

---

[1] *Machnik J.* Studia nad kultura ceramiki sznurowej w Malopolsce. Wroclaw — Warszawa — Kraków, 1966; *idem.* The Corded Ware Culture and the Cultures from the Turn of the Neolithic Age and the Bronze Age.— In: The Neolithic in Poland. Wroclaw — Warszawa — Kraków, 1970, s. 132.

[2] *Głosik J.* Kultura strzyżowska.— Materiały Starożytne, 1968, t. XI, s. 7—114.

[3] *Свешніков І. К.* Історія населення Передкарпаття. Поділля і Волині в кінці III — на початку II тисячоліття до нашої эри. Київ, 1974, с. 23, 24.

[4] Там же, с. 80, 81; 119; 71—79.

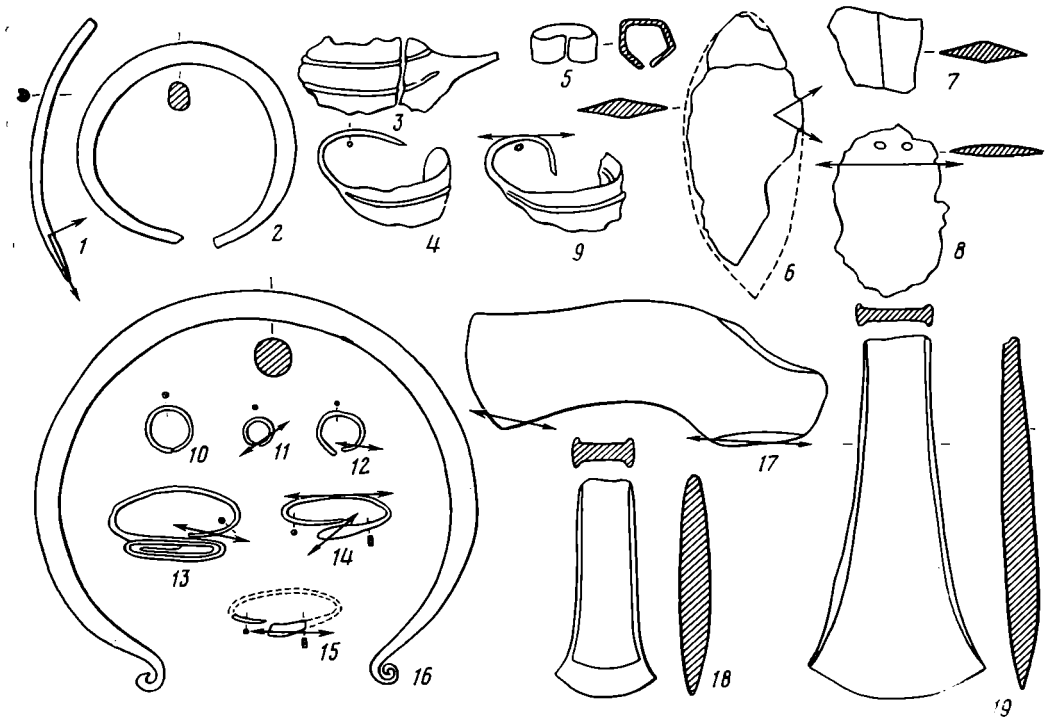


Рис. 1. Металлические изделия подкарпатской культуры. Место среза при изготовлении шлифа обозначено секущей. *1* — Крылос, курган «Настасина могила»; *2*, *5*, *7* — Баличи, кург. VII; *3*, *4* — Переможное, погребение; *6* — Серники, кург. I; *8* — Высоцко, кург. VIII; *9* — Передиванье, погребение; *10—12*, *14*, *15* — Стрильче, погребение X; *13* — Ясеневка, кург. I; *16* — Городенка, случайная находка; *17* — Деревянное, случайная находка; *18* — Хильчицы, случайная находка; *19* — Сокаль, случайная находка.

Таким образом, в пределах украинского Предкарпатья, Подолии и Волыни локализованы памятники верхнеднестровского и подольского вариантов подкарпатской культуры, городокско-здолбицкой и частично стжижевской культуры, а также памятники типа Почапы. При раскопках этих памятников собрана большая коллекция изделий из металла, дополненная отдельными случайными находками и целыми кладами металлических украшений и орудий. В общей сложности она насчитывает свыше 150 изделий.

Настоящая работа построена на результатах металлографического и спектрального изучения 77 изделий этой коллекции. Среди них представлены находки, полученные из хранений Львовского исторического музея, фондов Львовского института общественных наук, Львовского университета, Института археологии АН УССР, а также Дубновского, Луцкого и Тернопольского краеведческих музеев[5]. Все 77 предметов подвергнуты поверхностному технологическому осмотру в бинокулярный микроскоп МБС-2; 42, наименее поврежденных коррозией, изучены металлографически на металломикроскопе МИМ-7. 65 предметов исследованы спектрально: 49 подвергнуты комплексному количественному и качественному спектральному анализу, 16 — только качественному. Металлографический и качественный спектральный анализы выполнены в лаборатории кафедры археологии Исторического факультета МГУ, количественный спектральный анализ в лаборатории Института археологии, за что считаю своим долгом поблагодарить Е. Н. Черных.

Обратимся вначале к обзору типологического состава прошедших лабораторное изучение находок с учетом их хронологии и культурной принадлежности.

[5] Пользуюсь случаем поблагодарить И. К. Свешникова за содействие, оказанное им при взятии этих изделий для химико-технологического исследования.

В распоряжении исследователей до сих пор имеются лишь единичные изделия из металла, связанные с начальными этапами развития культур шнуровой керамики северо-западной Украины. Так, в древнейших памятниках подкарпатской культуры металл неизвестен. Наиболее ранние по времени находки происходят из погребения у с. Крылос Станиславской обл., отнесенного И. К. Свешниковым ко второму этапу верхнеднестровского локального варианта (третья-четвертая четверть III тысячелетия до н. э.) [6]. Это обломки круглопроволочной шейной гривны (рис. 1, *1*) и двух спиральных сережек.

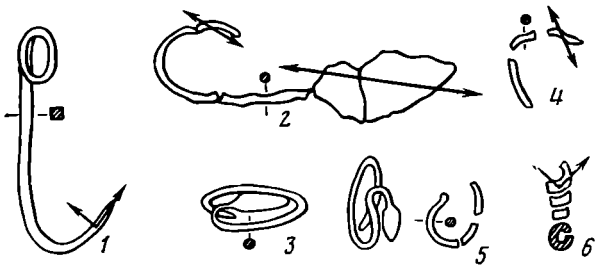


Рис. 2. Металлические изделия городокско-здолбицкой культуры. Место среза при изготовлении шлифа обозначено секущей. *1* — Городок, поселение, жилище VII; *2* — Здолбица, погр. II; *3—5* — Зозов, урочище «Баглаева долина», погр. I; *6* — Липа, погребение.

С ранним городокским этапом городокско-здолбицкой культуры (конец III — начало II тысячелетия до н. э.) связан только один металлический предмет — массивный рыболовный крючок из поселения у с. Городок Ровенской обл. (рис. 2, *1*). Он относится к простейшему и древнейшему типу рыболовных крючков без бородка.

В памятниках заключительных этапов развития подкарпатской и городокско-здолбицкой культур, датируемых в целом первой половиной II тысячелетия до н. э. [7], металл представлен бóльшим числом находок. Но особенно разнообразны металлические орудия и украшения из могильников типа Почапы и памятников стжижевской культуры (вторая четверть II тысячелетия до н. э. [8]). Невзирая на различия в культурной принадлежности, изделия из металла II тысячелетия до н. э. обнаруживают типологическое родство.

Коллекция позднего, третьего этапа верхнеднестровской группы подкарпатской культуры насчитывает девять находок, из которых лабораторное исследование прошли шесть. В их числе круглопроволочный браслет с сужающимися концами из кургана VII у с. Баличи Львовской обл. (рис. 1, *2*), пластинчатый перстень из того же кургана (рис. 1, *5*), два височных кольца (один сохранился в обломках) в виде вербового листа из случайно открытого погребения у с. Переможное (рис. 1, *3*, *4*) и два кинжала из курганов у Балич и Серников Львовской обл. (рис. 1, *6*, *7*). Почти полностью сохранившийся кинжал из кург. 1 в Серниках имеет листовидную форму. В его плоском полуовальном основании пробито отверстие для крепления рукояти. След от ее дуговидно-изогнутого края хорошо заметен по сильной стертости здесь металла. Сечение кинжального клинка ромбовидное. Судя по обломкам плохо сохранившегося кинжала из VII кургана в Баличах, он относится к тому же типу орудий с ромбовидным профилем рабочей части.

С поздним этапом подольской группы подкарпатской культуры связано двадцать четыре изделия из металла. Химико-технологическому исследованию подвергнуто тринадцать. Находкам верхнеднестровских могильников типологически близки кинжал из кургана VII у с. Высоцкого Львовской обл. и два височных кольца в форме вербового листка из погребения у с. Передиванье Станиславской обл. (рис. 1, *8*, *9*). В ряду прошедших анализ изделий представлены, кроме того, следующие пред-

[6] *Свешніков І. К.* Ук. соч., с. 44, 45; 166, 167; 164, рис. 51.
[7] Там же., с. 164, 167, рис. 51.
[8] Там же.

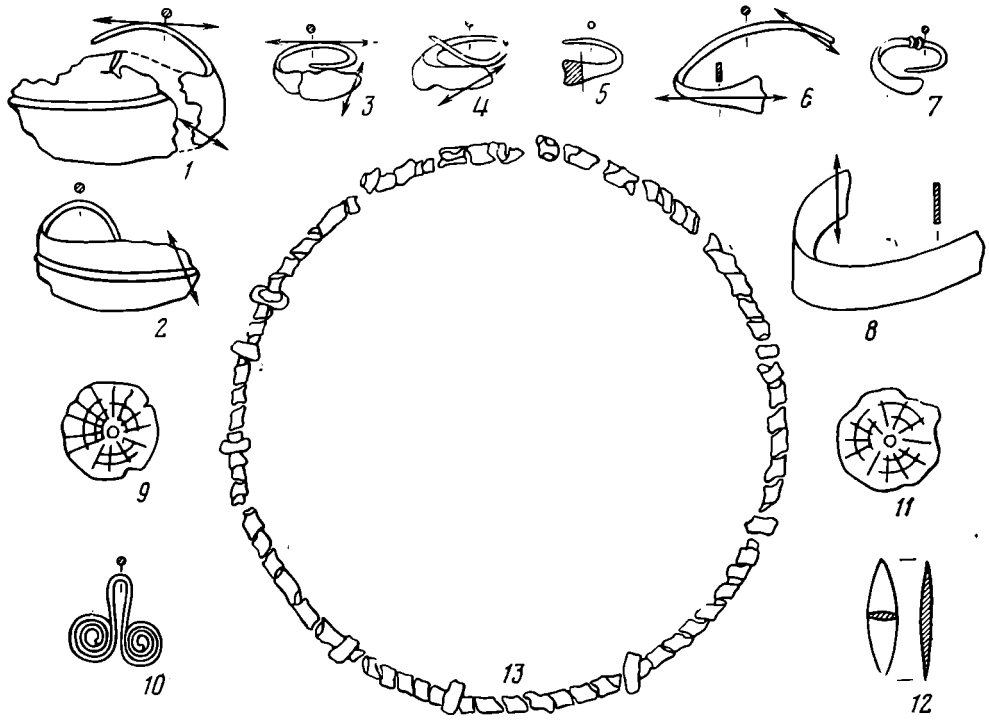


Рис. 3. Металлические изделия из памятников типа Почапы. Место среза при изготовлении шлифа обозначено секущей. *1, 2* — Рипнев, погр. I; *3, 4* — Чижиков, погребение; *5, 6, 8* — Золочев, погр. 1; *7, 9—11, 13* — Почапы, погр. 1; *12* — Почапы, погр. 3

меты: круглопроволочное височное кольцо с овальным медальоном, образованным петлеобразными поворотами одного из его концов, из кург. 1 у с. Ясеневка Львовской обл. (рис. 1, *13*); три круглопроволочных колечка — сережки и два височных кольца в форме дугообразно-изогнутой пластины из погреб. 10 у с. Стрильче Иваново-Франковской обл. (рис. 1, *10—12, 14, 15*); шейная гривна из круглого в сечении дрота со спирально-загнутыми концами из окрестностей с. Городенки Иваново-Франковской обл. (рис. 1, *16*); два клиновидных топора с характерными ребрами — выступами вдоль боковых граней — из окрестностей с. Хильчицы и Сокаль Львовской обл. (рис. 1, *18, 19*); вислообушный топор из окрестностей с. Деревянного Хмельницкой обл. (рис. 1, *17*) [9].

Коллекция металлических изделий здолбицкого этапа городокско-здолбицкой культуры состоит из 13 украшений. Для лабораторного изучения оказались доступными только пять: височное кольцо в форме вербового листка из погр. 2 у с. Здолбица Ровенской обл. (рис. 2, *2*); обломки двух колечек — сережек и круглопроволочное височное кольцо с расклепанным и изогнутым петлей концом из погр. 1 у с. Зозов той же области (рис. 2, *3, 4, 5*); спиральная пронизка из погребения у с. Липа Ровенской обл. (рис. 2, *6*).

В могильниках типа Почапы, распространенных в междуречье Западного Буга и Днестра на территории, занимаемой ранее памятниками подольского варианта подкарпатской культуры, обнаружено около 30 предметов из металла. Нами изучено 20 предметов. Среди них уже известные по коллекциям подкарпатской и городокско-здолбицкой культур типы височных колец: в форме вербового листка и в виде дугообразно-изогнутой пластины, один из концов которой раскован в тонкую проволочную

[9] Случайные находки (шейная гривна из Городенки, топоры из Хильчиц, Сокаль и Деревянного) убедительно связаны с подольскими памятниками подкарпатской культуры И. К. Свешниковым (*Свешников И. К.* Ук. соч., с. 67—69).

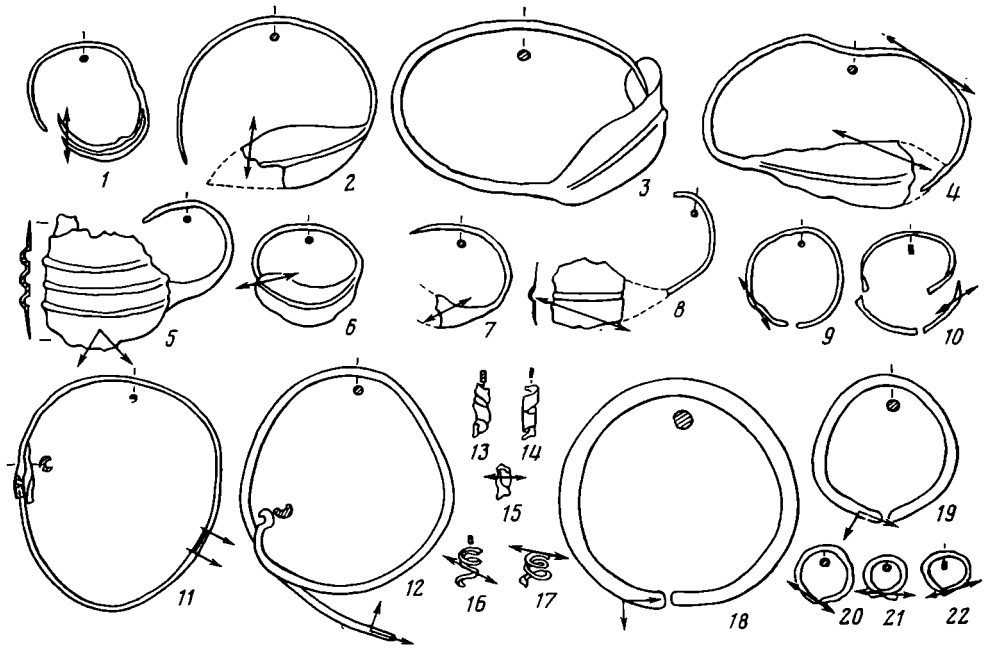


Рис. 4. Металлические изделия стжижевской культуры. Место среза при изготовлении шлифа обозначено секущей. *1, 2* — Дубно, погребение; *3* — Семаки, погребение; *4* — Городок, случайная находка; *5—7* — Торчин, могильник (*5* — погр. I, *6* — погр. XIV, *7* — погр. XV); *8* — Озлиев, погребение; *9—17* — Жорнов, курган (*9—11, 13—17* — погр. I, *12* — погр. II); *18* — Липа, клад; *19—22* — Липа, погребение

дужку. Два височных кольца первого типа происходят из погр. 1 могильника у с. Рипнев Львовской обл. (рис. 3, *1—2*); пять таких же колец, сохранившихся в обломках, связаны с могильником у с. Почапы. Височные кольца второго типа представлены двумя находками в могильнике у с. Чижиков, одной — у с. Почапы, двумя — у с. Золочева Львовской обл. (рис. 3, *3—7*). С погр. 1 у с. Золочева связан, кроме того, почти полностью сохранившийся пластинчатый браслет (рис. 3, *8*). Все прочие, прошедшие анализ изделия, обнаружены при раскопках в Почапах. Это две круглые бляхи с отверстием в центре, обломки перстня, очковидная подвеска, обломки украшения неопределенного типа и две спиральные пронизки из целого ожерелья, найденного, как и прочие изделия, в первом погребении могильника (рис. 3, *9—11, 13*). К находкам из третьего погребения в Почапах относится наконечник стрелы ланцетовидной формы (рис. 3, *12*).

Из большой серии металлических орудий и украшений стжижевской культуры лабораторному изучению подвергнуто 29 предметов. В их числе восемь височных колец в форме вербового листка (погребения: у г. Дубно Ровенской обл.— 2 экз., у с. Семаки Волынской обл.— 1 экз., у с. Торчин Волынской обл.— 3 экз., у с. Озлиев Ровенской обл.— 1 экз., окрестности г. Городок той же области — 1 экз.; рис. 4, *1—8*); два височных кольца из круглого в сечении дрота, один конец которого утонышен и заострен, а другой расклепан и согнут в трубочку (погр. 1 и 2 кургана у с. Жорнов Ровенской обл., рис. 4, *11, 12*); обломки круглопроволочного височного кольца неопределенного типа (погр. 1 того же кургана); 11 спиральных пронизок (то же погребение; рис. 4, *13—17*); один пластинчатый и один круглопроволочный браслет (то же погребение; рис. 4, *9, 10*); два круглопроволочных браслета с сужающимися концами (клад у с. Липа и погребение у с. Липа Ровенской обл.; рис. 4 *18, 19*); три круглопроволочных колечка-сережки (то же погребение; рис. 4, *20—22*).

Таким образом, прошедшие анализ изделия представлены преимущественно украшениями [10]. Обращает на себя внимание то, что основные их типы встречаются в пределах различных культур шнуровой керамики. К примеру, височные кольца в форме вербового листа — гладкого или украшенного выпуклыми ребрами — известны и в памятниках городокско-здолбицкой, и подкарпатской, и стжижевской культур, и в могильниках типа Почапы. Аналогичные кольца распространены западнее в нитранской группе культуры шнуровой керамики Словакии, в памятниках типа Хлопице-Веселе восточной Моравии, в межановицкой культуре Польши [11].

Височные кольца в виде дугообразно-изогнутой пластины, один из концов которой раскован в проволочную дужку, найдены в могильниках подкарпатской и городокско-здолбицкой культур, в погребениях типа Почапы. Зарубежные аналогии этим изделиям группируются в пределах уже упомянутых культур шнуровой керамики Словакии, Моравии и Польши.

Перстни с продольным спиральным щитком из могильника у с. Почапы имеют прямую типологическую связь с близкими по форме, но более крупными по размерам, височными кольцами подкарпатской и городокско-здолбицкой культур. Подобные украшения известны в польских памятниках типа Хлопице-Веселе, в межановицкой и унетицкой культурах.

Браслеты из круглого в сечении дрота с сужающимися концами встречены в памятниках подкарпатской и стжижевской культур. Весьма характерны они для коллекции унетицкого металла.

Круглопроволочные сережки с заостренными, не смыкающимися или заходящими концами распространены в пределах городокско-здолбицкой, подкарпатской и стжижевской культур. Найдены они в могильниках нитранской группы Словакии, в памятниках типа Хлопице-Веселе Польши.

Пронизки из согнутых в спиральные трубочки полосок металла представлены находками городокско-здолбицкой, стжижевской культур, памятников типа Почапы. Аналогичные украшения происходят из могильников нитранской группы Словакии, из памятников унетицкой культуры.

Приведенные данные убеждают в том, что ареал наиболее характерных, часто встречаемых изделий из металла не ограничивается рамками одной из интересующих нас культур. Он охватывает всю или значительную часть занятой ими территории, как правило, распространяясь и к западу от нее. Это обстоятельство, впервые отмеченное в работах Я. Пастернака, послужило ему основанием для выделения периферийной, восточной группы унетицкой культуры, в числе памятников которой он называет и могильник в Почапах, и ряд курганов подкарпатской культуры [12].

Иначе интерпретирует сходство некоторых изделий из металла Ю. Костшевский. Обращая преимущественное внимание на близкие по форме височные кольца, он пытается обосновать существование особой почапской культуры, в которую включает кроме собственно почапских могильников значительную группу памятников подкарпатской, городокско-здолбицкой и стжижевской культур [13].

Совершенно очевидно, что сходство одних изделий из металла не может служить надежным критерием для выделения единокультурных ком-

---

[10] Малочисленность изученных орудий предопределена не столько ограниченными возможностями их взятия на анализ, сколько их редкой встречаемостью в интересующих нас памятниках.

[11] Типологические аналогии рассматриваемым украшениям здесь и далее приводятся по данным И. К. Свешникова (*Свешников І. К.* Ук. соч., с. 50, 51, 67—69, 75—77, 111, 137—139).

[12] *Pasternak J.* Östliche Peripherien der Aunjetizer Kultur. Lemberg, 1933; *idem.* Археологія Україні. Торонто, 1961, с. 259.

[13] *Kostrzewski J.* Od mezoliti do okresu wedrówek Ludów. Encyklopedia Polska, 1938—1939, t. IV, s. 181—185, 205, 206.

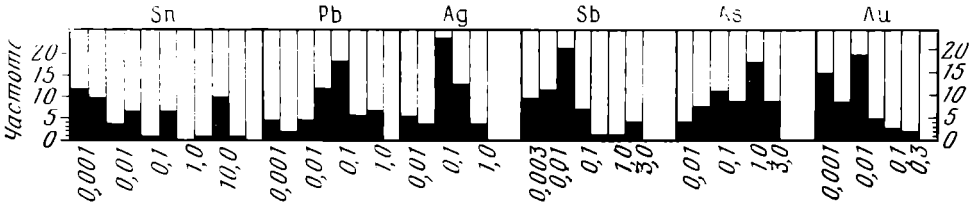


Рис. 5. Характер распределения некоторых примесей в металле изученных изделий

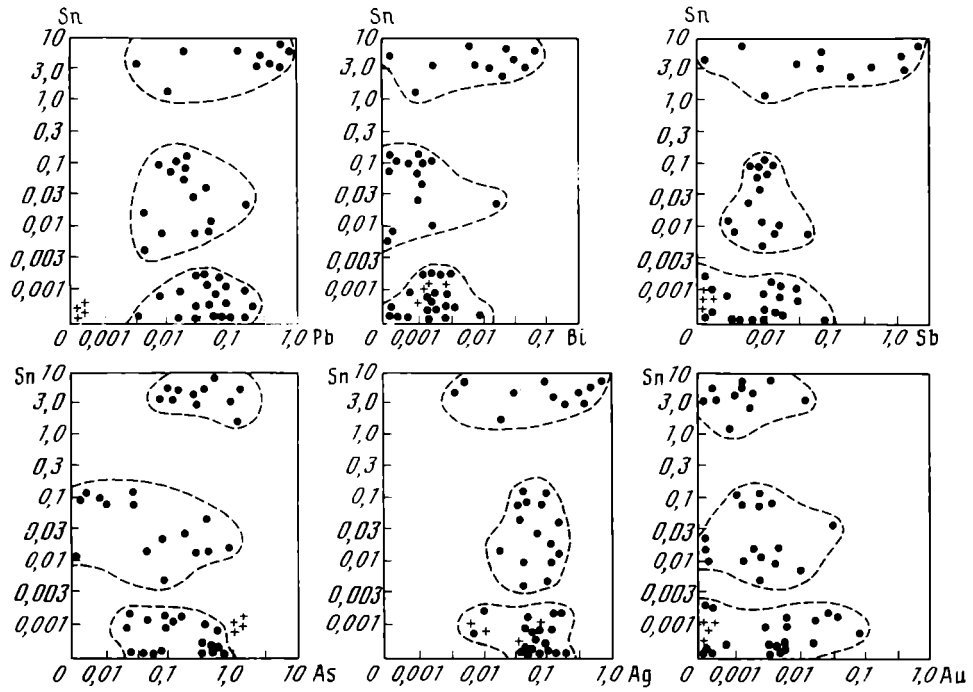


Рис. 6. Корреляционные графики зависимости содержания Pb, Bi, Sb, As, Ag, Au от Sn в металле культур шнуровой керамики Волыни, Подолии и Прикарпатья

плексов. Известны многочисленные примеры распространения орудий и украшений сходной формы в пределах разных культур, обнаруживающих этническую или территориальную близость. Работами Е. Н. Черных установлено, что типологическое родство металлического инвентаря, как правило, определяется наличием металлургических связей у населения сравниваемых культур [14]. Характер этих связей у племен, оставивших нам памятники городокско-здолбицкой, подкарпатской и стжижевской культур и памятники типа Почапы, проясняется сопоставлением данных химико-технологического исследования их металла.

Даже без специальной, статистической обработки результатов спектрального анализа орудий и украшений перечисленных культур бросается в глаза сходство химизма их меди. Это наблюдение, свидетельствующее об использовании в металлообработке сырья единых рудных источников, дает нам право рассматривать полученные спектроаналитические данные в суммарном, обобщенном виде.

Попытаемся выделить среди прошедших количественный спектральный анализ изделий геохимически родственные группы, связанные общим происхождением [15]. В качестве диагностических примесей будем

[14] *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, с. 78—83.

[15] Разделение изученного металла на химические группы производилось в соответствии с уже неоднократно изложенными в работах Е. Н. Черных принципами

учитывать олово, свинец, серебро, сурьму, мышьяк, золото. Установим характер распределения концентраций этих примесей с помощью частотного статистического анализа. Частотные гистограммы показывают, что содержание ни одной из них не обнаруживает нормального или логарифмически-нормального распределения (рис. 5). Отмеченная многовершинность фигур распределения свидетельствует о том, что исследованный металл геохимически неоднороден. Для его подразделения на родственные совокупности воспользуемся данными корреляционного анализа, устанавливающего зависимость между концентрациями двух элементов-примесей. При построении корреляционных графиков за основу возьмем олово, концентрации которого обнаруживают наибольший разброс. Графики корреляционной связи Sn—Pb, Sn—Bi, Sn—Sb, Sn—As, Sn—Ag и Sn—Au позволяют по характеру рассеивания точек установить, что исследуемый металл состоит из четырех однородных групп (рис. 6).

Первая группа по данным количественного анализа объединяет 20 медных предметов из памятников подкарпатской, городокско-здолбицкой, стжижевской культур и памятников типа Почапы [16]. Условно она может быть расширена за счет девяти предметов, прошедших качественный спектральный анализ [17].

В меди изделий этой группы олово либо отсутствует, либо содержится в пониженных концентрациях (до 0,002%). В большинстве случаев в сотых и тысячных долях процента присутствуют висмут, сурьма, свинец и золото. Постоянно встречаются в сотых и десятых долях процента серебро и мышьяк.

Вторая группа состоит всего из пяти находок, связанных с памятниками городокско-здолбицкой культуры и памятниками типа Почапы. Четыре из них выделены по результатам количественного анализа и одна — по результатам качественного [18]. Типичным признаком меди изделий второй группы является отсутствие в ней свинца, золота и сурьмы при наличии повышенных концентраций мышьяка (до 1,5%). Содержание прочих диагностических примесей фиксируется в пределах, свойственных первой группе.

Третья группа включает 14 предметов, которые исследованы с помощью количественного спектрального анализа [19]. В их число попадают находки всех интересующих нас культур шнуровой керамики. Их медь отличается от меди предметов первой группы более высокими концентрациями олова (0,006—0,15%). Кроме того, она характеризуется более узкими интервалами концентраций сурьмы и серебра и более широкими — мышьяка (рис. 6).

Четвертая группа состоит из 12 предметов подкарпатской, стжижевской культур и памятников типа Почапы. 11 отнесены к ней по данным количественного анализа и один условно, по данным качественного [20]. Она является комбинированной химико-металлургической группой, поскольку объединяет изделия, металл которых связан не только единым рудным источником, но и искусственно легирован оловом. Уже из гистограммы распределения олова очевидно, что концентрация этой примеси

(См. *Черных Е. Н.* Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы.— В сб.: Археология и естественные науки. М., 1965, с. 99; *его же.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, с. 13—26).

[16] Лаборатория ИА, спектр. ан. № 2446—2448, 2450, 2452, 2453, 2455—2458, 2463, 2488, 2490—2493, 2516, 16205—16207.

[17] Лаборатория МГУ, спектр. ан. № 238/2, 9, 13; 263/16, 18, 21; 266/9, 10, 12. При установлении химических групп изделий, состав которых выражен в одних качественных характеристиках, мы пользовались данными сравнительного сопоставления состава тех изделий, химизм которых был определен и качественно, и количественно.

[18] Лаборатория ИА, спектр. ан. № 2451, 2459, 2518, 2519; лаборатория МГУ, спектр. ан. № 238/4.

[19] Лаборатория ИА, спектр. ан. № 2449, 2454, 2464, 2487, 12426—12434, 16208.

[20] Лаборатория ИА, спектр. ан. № 2461, 2465—2469, 3158—3161, 11511; лаборатория МГУ, спектр. ан. № 264/20.

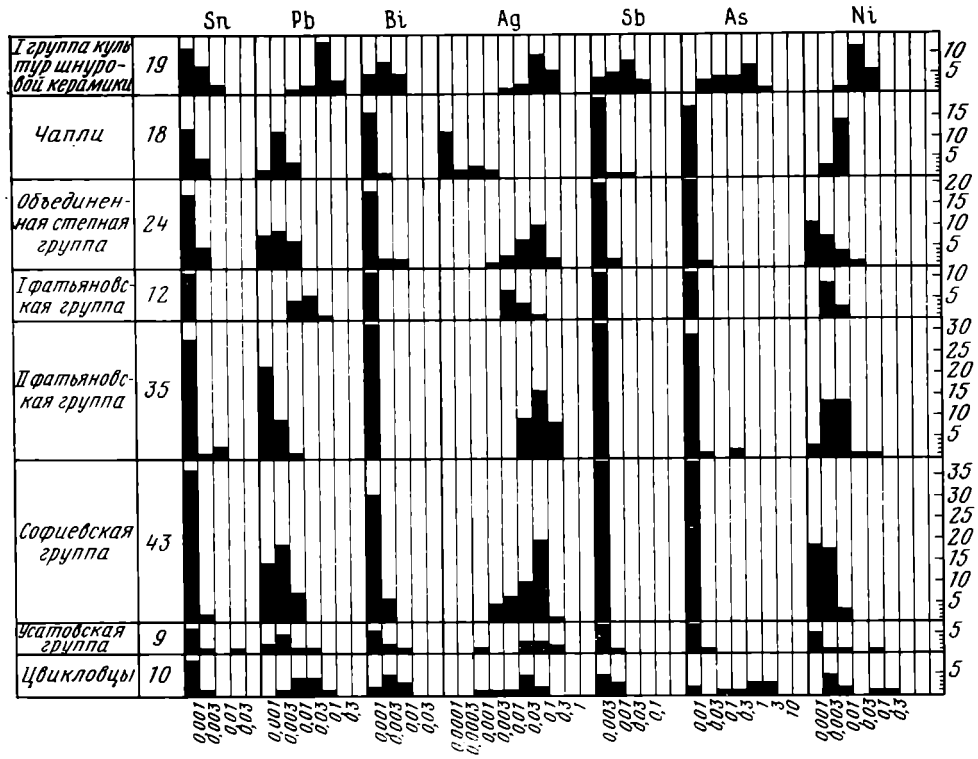


Рис. 7. Сравнение характеристик распределения некоторых примесей в группах «чистой» восточноевропейской меди эпохи энеолита — бронзы

около 1% является границей искусственных сплавов. Изделия с повышенным содержанием олова (1—10%) выделяются таким образом в особую металлургическую группу оловянистых бронз (рис. 5). Из корреляционных графиков явствует, что эта группа отличается от прочих и по химическим признакам. Прежде всего она характеризуется сравнительно большей насыщенностью свинцом, висмутом, сурьмой, мышьяком, серебром (рис. 6). Отчетливо выделяется она постоянным присутствием кобальта и повышенными концентрациями железа (до 1%) и никеля (до 0,7%).

Итак, исследование набора примесей в металле изделий волыно-подольских и предкарпатских культур шнуровой керамики позволяет подразделить их на четыре группы. Химический состав изделий первой группы не обнаруживает тождества ни с одной из групп «чистой» меди, выделенных на основе анализа восточноевропейского металла эпохи энеолита — ранней бронзы. Этот вывод наглядно иллюстрируется приводимыми на рис. 7 гистограммами, которые показывают различие характера распределения концентраций примесей в нашей меди и меди позднего Триполья, среднестоговской, ямной, полтавкинской, катакомбной и фатьяновской культур [21]. Геохимические признаки меди среднеднепровской культуры на графике не отражены из-за малой серии прошедших анализ изделий. Однако те ограниченные сведения о составе среднеднепровских

[21] Гистограммы распределения примесей в меди большинства перечисленных культур приводятся по книге Е. Н. Черных (*Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы, рис. 21). В соответствии с его данными металл ямной, катакомбной и полтавкинской культур представлен объединенной «степной» группой, а металл среднестоговской культуры группой Чаплинского могильника. Характер распределения примесей в чистой меди позднего Триполья установлен нами по аналитическим материалам, накопленным после выхода книги Е. Н. Черных. В соответствии с этими материалами металл позднего Триполья подразделяется на три геохимически близкие, но не тождественные группы: софиевскую, усатовскую и цивиковецкую.

находок, которыми мы располагаем благодаря публикациям Е. Н. Черных [22], достаточны, чтобы отрицать и их сходство с интересующей нас медью.

Пытаясь установить ее источник, обратимся к рассмотрению медных месторождений, которые известны на юго-западе СССР. Сразу отвергаем связь меди первой группы с донецкими выходами медистых песчаников: геохимически они близки степному металлу (ямному, катакомбному, срубному) [23], столь далекому по составу от нашего.

Кроме Донбасса рудопроявления меди известны в Поднестровье и на Волынском Полесье. Многочисленные медные выходы долины Днестра (выше г. Могилева Подольского) зафиксированы геологами в районе сел Городница, Иване-Злоте, Устечко, Михальче, Семаковцы, Нагоряны и др. [24] Медное оруденение представлено налетами окисленных минералов — малахитом, азуритом и сульфидных минералов — халькозином и халькопиритом. Они приурочены к отложениям светло-серых или бурокрасных песчаников, которые обнаруживаются в обрывистых берегах Днестра и его притоков. Однако содержание меди в днестровских медистых песчаниках настолько мало́ (0,1—6,0%) [25], что исключает их из списка источников, которые могли эксплуатироваться в эпоху раннего металла.

Проявление медного оруденения на Волыни установлено в районе Великого Мидска, Яновой Долины, Гутвина, Шубковки и в других местах. Самородная медь, сопровождаемая малахитом, азуритом и купритом, приурочена здесь к контакту между базальтами и нижележащими псаммитовыми породами [26]. Меденосные части базальтового покрова залегают, как правило, на значительной глубине от поверхности. Только у с. Великий Мидск Сарненского р-на Ровенской обл. они открыты на глубине всего 2,4—2,7 *м*. Польский геолог С. Малковский, проводивший обследование месторождения в 1928—1930 гг., обнаружил неравномерно распределенные гнезда окисленных медных минералов на площади около 0,5 га в отложениях базальта, находившихся непосредственно под почвенным слоем [27]. В работах С. Малковского приводятся сведения о наличии у Великого Мидска древних выработок в виде узких коридорообразных траншей, в засыпях которых ему удалось собрать каменные сверленые топоры и древнюю керамику [28].

Место древних разработок, упоминаемых С. Малковским, осмотрел во время разведок на Волынском Полесье И. К. Свешников. При зачистке траншей и воронок, связанных с медным оруденением, он собрал образцы медных минералов. Эти образцы И. К. Свешников любезно предоставил в наше распоряжение для химического исследования [29].

Проведенные химические анализы позволяют сопоставить состав руды из Мидска с составом выделенной нами меди первой группы (рис. 7, 8). На первый взгляд кажется, что они различны. Качественные различия

---

[22] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы, с. 65; с. 138, ан. 595—601.

[23] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М., 1976, с. 16, 17.

[24] *Лазаренко Е. К.* Общий обзор полезных ископаемых западных областей Украины.— В кн.: Вопросы развития производительных сил Львовского и Станиславского экономических административных районов, 1960; *Шульга П. Л.* Девонские отложения Волыно-Подольской плиты.— В кн.: Геология СССР, т. V. М., 1958.

[25] Материалы Всесоюзного геологического фонда (далее ВГФ).

[26] Материалы ВГФ.

[27] *Małkowski S.* O złozu miedzi rodzimej w Wielkim Mydzku na Wolyniu.— Sprawosdania Polskiego Instytutu Geologicznego, 1931, t. VI, z. 4, s. 757—774; *Idem.* Z geologii Wolynia.— Rocznik Wołyński, 1931, t. II, s. 384—402.

[28] *Małkowski S.* Z geologii Wolynią, s. 400.

[29] Химический состав медных минералов из Великого Мидска был изучен в лаборатории Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии АН СССР. Снимок № 6911.

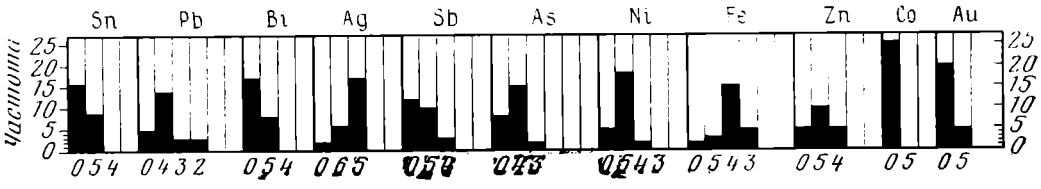


Рис. 8. Характер распределения примесей в медной руде из С. Великий Мидск. *2*—*1* — 10%; *3* — 0,1—1%; *4* — 0,01—0,1%; *5* — 0,001—0,01%; *6* — <0,001%; *0* — не обнаружено

проявляются в отсутствии цинка в меди при наличии его в руде. Количественные — касаются несколько более высокого содержания в меди свинца, висмута, серебра, сурьмы и мышьяка. Однако эти несоответствия становятся объяснимыми, если подойти к ним с точки зрения поведения различных элементов-примесей при металлургических переделах руды. Экспериментальные плавки медных минералов, проведенные исследователями разных стран, установили общие закономерности распределения примесей между сырьевой рудой, готовым металлом и шлаком [30]. Оказалось, что цинк во время плавки возгоняется и в металл может не попасть совсем, в то время как серебро, золото, мышьяк, сурьма, висмут удерживаются в нем в повышенных концентрациях. Различия в наблюдениях касаются только свинца. По данным Е. Н. Черных, он попадает в медь в пониженных концентрациях. По сведениям Айвора Аллена, он ведет себя иначе, фиксируясь в металле в количествах бо́льших, чем в исходной руде. Скорее всего эти отличия предопределены колебаниями температурных режимов и прочих условий экспериментальных плавок. Таким образом, учет возможных металлургических искажений позволяет убедиться в сходстве химизма руды из Великого Мидска и меди первой группы.

Для меди второй группы наиболее вероятным источником сырья являются кавказские меднорудные выходы. Набор и концентрация ее примесей находит ближайшее соответствие в объединенной «кубанской» группе металла майкопской и северокавказских культур (по Е. Н. Черных). Напомним, что для изделий второй группы характерно отсутствие свинца, золота и сурьмы в сочетании с повышенными концентрациями мышьяка. Эти признаки типичны и для изделий «кубанской» группы. В их мышьяковистой меди золото не найдено вовсе, а свинец и сурьма либо не найдены, либо зафиксированы в весьма малых концентрациях [31].

Медь третьей группы по концентрации примесей занимает промежуточное положение между первой и четвертой группами. Скорее всего она получена при переплавке лома предметов, изготовленных из металла этих геохимически разных групп.

Сложная по составу оловянистая бронза четвертой группы обнаруживает сходство с группой Карпато-Трансильванского металла, выделенного Е. Н. Черных на основе исследования материалов поздней бронзы юго-запада СССР (группа КТ). Исходя из географического распространения изделий этой группы, Е. Н. Черных считает возможным располагать ее исходные источники в пределах Карпатской горнометаллургической области [32]. По его данным, химическая группа КТ в наибольшей степени связана с деятельностью так называемого ингуло-красномаяцкого металлургического очага, функционировавшего в пределах XIII—XII вв.

[30] *Coghlan H. H.* A Note on Irish Copper Ores and Metals. Ores and Metals.— Royal Anthropological Institute Occasional paper, 1963, № 17, p. 6—7; *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья, с. 11.

[31] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы, с. 43, 44, ан. № 32—74, 77—150.

[32] *Черных Е. Н.* К химической характеристике металла Ингульского клада.— СА, 1966, № 1, с. 149; *его же.* Древняя металлообработка на юго-западе СССР, с. 26.

Таблица 1

Культурный тип памятников	Группы			
	I	II	III	IV
Подкарпатские	11	–	1	5
Городокско-здолбицкие	3	1	1	1
Тип Почапы	12	4	1	–
Стжижевские	3	–	11	6

до н. э.[33] Исследование металла культур шнуровой керамики украинского Предкарпатья, Подолии и Волыни позволяет утверждать, что высококачественные бронзы группы КТ использовались литейщиками юго-запада уже в начале II тысячелетия до н. э.

Важно отметить, что металл группы КТ был известен в это время и носителям более западных культур шнуровой керамики. Так, спектральный анализ изделий из могильников нитранской группы Словакии обнаружил, что они изготовлены из сильно загрязненной примесями меди, обогащенной мышьяком (до 2%), сурьмой (до 3%), серебром (до 1%) и никелем (до 2,5%)[34]. Геохимические параметры этой меди тождественны группе КТ, хотя в данном случае она не легирована оловом.

Обратимся теперь к более детальному анализу распределения металла рассматриваемых культур шнуровой керамики Украины по выделенным химическим группам (табл. 1).

Из таблицы видно, что металл всех четырех рудных источников представлен в материалах городокско-здолбицкой культуры. В коллекциях подкарпатской и стжижевской культур зафиксирован металл I, III и IV групп, а в памятниках типа Почапы — I, II и III групп. Таким образом, медь из Великого Мидска I группы и перемешанная медь III группы использовались носителями всех культур шнуровой керамики западной Украины. Оловянистые бронзы группы КТ получили распространение у племен подкарпатской, городокско-здолбицкой и стжижевской культур. Минимальное применение находил кавказский мышьяковистый металл: пока он связан только с памятниками городокско-здолбицкой культуры и памятниками типа Почапы.

Ограниченность имеющихся в нашем распоряжении анализов не позволяет высказать уверенности в том, что распределение металла по группам из культурно-разнородных памятников не изменится при дальнейшем накоплении материала. Но и те сведения, которыми мы располагаем сегодня, позволяют сделать некоторые предварительные заключения. Они касаются особой роли меди Великого Мидска в общем объеме изученного металла. На ее долю приходится около двух третей находок из коллекций подкарпатской культуры и памятников типа Почапы и половина исследованных изделий городокско-здолбицкой культуры. Только для материалов самой поздней по времени стжижевской культуры можно говорить об изменившемся соотношении химических групп в пользу вторичной, полученной переплавкой разнородного металла меди III группы.

Нельзя не обратить внимания и на особое хронологическое положение меди первой группы в сравнении с прочими. Оказывается, что с ней связаны наиболее ранние по времени находки из металла в памятниках культур шнуровой керамики западной Украины: украшения подкарпатской культуры из кургана у с. Крылос и рыболовный крючок городокско-здолбицкой культуры из поселения у с. Городок. Видимо, рудопроявления Великого Мидска были тем основным сырьевым источником, на котором базировалась металлообработка рассматриваемых культур и на

[33] Там же, с. 144, 145, 154.
[34] *Točik A.* Die Nitra-Gruppe, p. 764, 765.

Таблица 2

Группа	Кинжалы	Топоры плоские	Топор втульчатый	Стрела	Рыболовный крючок	Височные кольца		Произки	Колечки-сережки	Спиральные сережки	Браслеты		Перстень	Гривна	Блямки круглые	Привеска очковидная
						в форме вербового листа	прочие типы				пластинчатые	круглопроволочные				
I	—	—	—	1	1	13	4	1	2	1	—	1	1	1	2	1
II	—	—	—	—	—	1	3	—	—	—	1	—	—	—	—	—
III	—	—	—	—	—	3	3	4	2	—	2	—	—	—	—	—
IV	2	2	1	—	—	—	—	1	3	—	—	2	—	—	—	—

начальных этапах ее развития, в конце III тысячелетия до н. э., и в более позднее время. Местный характер этой металлообработки вытекает не только из находок С. Малковского, но и из локализации рудных выходов Великого Мидска в области распространения городокско-здолбицких, а затем и стжижевских памятников.

В непосредственной близости от Великого Мидска не обнаружено следов металлургической плавки руды. Видимо, руда доставлялась на удаленные от рудного источника поселения, в которых осуществлялась и ее плавка, и последующая обработка полученной меди. Косвенным указанием на это служит находка двух металлургических сопел в кург. 39 у с. Комаров Ивано-Франковской обл.[35] И. К. Свешников связывает их со средним этапом подкарпатской культуры[36].

Попытаемся теперь ответить на вопрос, в каком виде шло распространение в среде племен шнуровой керамики кавказского металла и металла группы КТ. В этой связи полезно установить распределение исследованных предметов по химически разнородным группам (табл. 2).

Сведения, приводимые в табл. 2, позволяют утверждать, что отчетливой закономерности в распределении отдельных категорий инвентаря по группам не наблюдается. В каждой группе, как правило, представлены разнообразные виды изделий. Однако все-таки можно обратить внимание на преимущественную связь большинства прошедших лабораторное изучение орудий с группой КТ, а также на поздний возраст всех изделий этой группы. Наряду с круглопроволочными браслетами и кольцами-сережками стжижевской культуры и спиральной пронизкой здолбицкого этапа городокско-здолбицкой культуры в нее попадают кинжалы из погребений у Высоцкого и Серников, а также топоры из Деревянного, Хильчиц и Сокаль, относимые И. К. Свеш-

[35] *Sulimirski T.* Corded Ware and Globular Amphorae North-East of the Carpathians. London, 1968, fig. 12, *8*.

[36] *Свешніков І. К.* Ук. соч., с. 43.

никовым к поздним этапам развития подкарпатской культуры [37]. Из числа орудий за пределами группы КТ оказываются только рыболовный крючок из поселения у с. Городок и наконечник стрелы из могильника у с. Почапы.

К этому можно прибавить, что основная часть изделий, изготовленных из карпато-трансильванского металла, тяготеет типологически к западным культурам эпохи бронзы. Кинжалы из погребений у Высоцкого и Серников и круглопроволочные браслеты из клада, найденного у с. Липа, весьма характерны для коллекций унетицкого металла [38]. Топоры из Хильчиц и Сокаль и колечки-сережки из погребения у с. Липа принадлежат к типам изделий, широко представленных в культурах раннего бронзового века Польши и Чехословакии [39].

Обращает на себя внимание весьма совершенная технология изготовления этих орудий и украшений, выделяющая их из основной массы исследованных предметов. Судя по результатам микроструктурного анализа, браслеты и колечки-сережки откованы вгорячую при температуре выше 520° [40]. Этот вывод основан на присутствии в их рекристаллизованной структуре больших количеств эвтектоида $Cu_{31}Sn_8$. При наличии эвтектоида резко падает пластичность металла и его холодная обработка делается недоступной [41]. Однако при температуре выше 520° С эвтектоид превращается в более пластичную структурную составляющую, что и позволяет деформировать такие бронзы вгорячую [42]. Очевидно, что прийти к тонкому пониманию этих свойств металла мог только кузнец, обладавший длительным опытом работы с оловянистым сырьем.

Упомянутые топоры и кинжалы исполнены в технике литья в двусторонние литейные формы. Разъемная форма, в которой отлит топор из Хильчиц, была изготовлена из глины, по восковой модели. В этом убеждают воспроизведенные в металле следы заглаживания воска, заметные на поверхности топора. Микроструктурное исследование кинжалов показывает, что они сделаны мастером, виртуозно владевшим литейной техникой, умевшим контролировать и температурные режимы расплавления бронзы, и ее жидкотекучесть, и усадочную пористость (рис. 9, *1*) [43].

Приведенные наблюдения позволяют предполагать, что металл группы КТ импортировался из западных очагов металлургии в основном в виде готовых изделий. Это не исключало, конечно, возможности его вторичной местной переплавки и переработки.

Что касается мышьяковистой меди II группы, то и она скорее всего была связана с проникновением в местную среду готовых предметов кавказских металлургических центров. Убедительным свидетельством этого является вислообушный топор, найденный у с. Пистынь Ивано-Франковской области. По И. К. Свешникову, он относится к позднему этапу развития подольской локальной группы подкарпатской культуры [44]. Топор отлит в открытую литейную форму и имеет расширяющийся к лезвию трапециевидный корпус. Расширение обусловлено слабым, неравномерным изгибом брюшка и спинки орудия. По форме топор из Пистыни является точной копией орудий, представленных на северном Кавказе в

---

[37] *Свешніков І. К.* Ук. соч., с. 67.

[38] *Hájek L.* Drobné přispèvky k poznání unětikce kultury.— PA, 1953, t. XLIV, № 1; obr. 2, *10*; 3, *1, 2, 3*; *idem.* Jižní Čechy ve starší době bronzové.— PA, 1954, t. XLV, obr. 4, *8, 9, 12, 13*; 9, *3, 5, 6*; 10, *2, 3, 6*; 12, *13, 15*.

[39] *Kostrzewski I.* Pradzieje Polski. Poznań, 1949, tab. VI, *5*; *idem.* Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław, 1955, рус. 156; *Filip I.* Praveké Československo. Praha, 1948, obr. 31, *3, 5*; *Točik A.* The Nitra-Gruppe, obr. 249, *3*; *Budinský-Krička V.* Gräberfeld der späten Schnurkeramik in Veselé.— Slovenska Archeológia, 1965, t. XIII, № 1, obr. 17, *2*; tab. VII, *13*.

[40] Лаборатория МГУ, структ. ан. № 122—126.

[41] *Coghlan H. H.* Studies of British and Irish celts.— Man, 1953, v. 53, p. 100.

[42] *Смирягин А. П.* Промышленные цветные металлы и сплавы. М., 1956, с. 15.

[43] Лаборатория МГУ, структ. ан. № 375, 376.

[44] *Свешніков І. К.* Ук. соч., с. 67; с. 63, рис. 18, *3*.

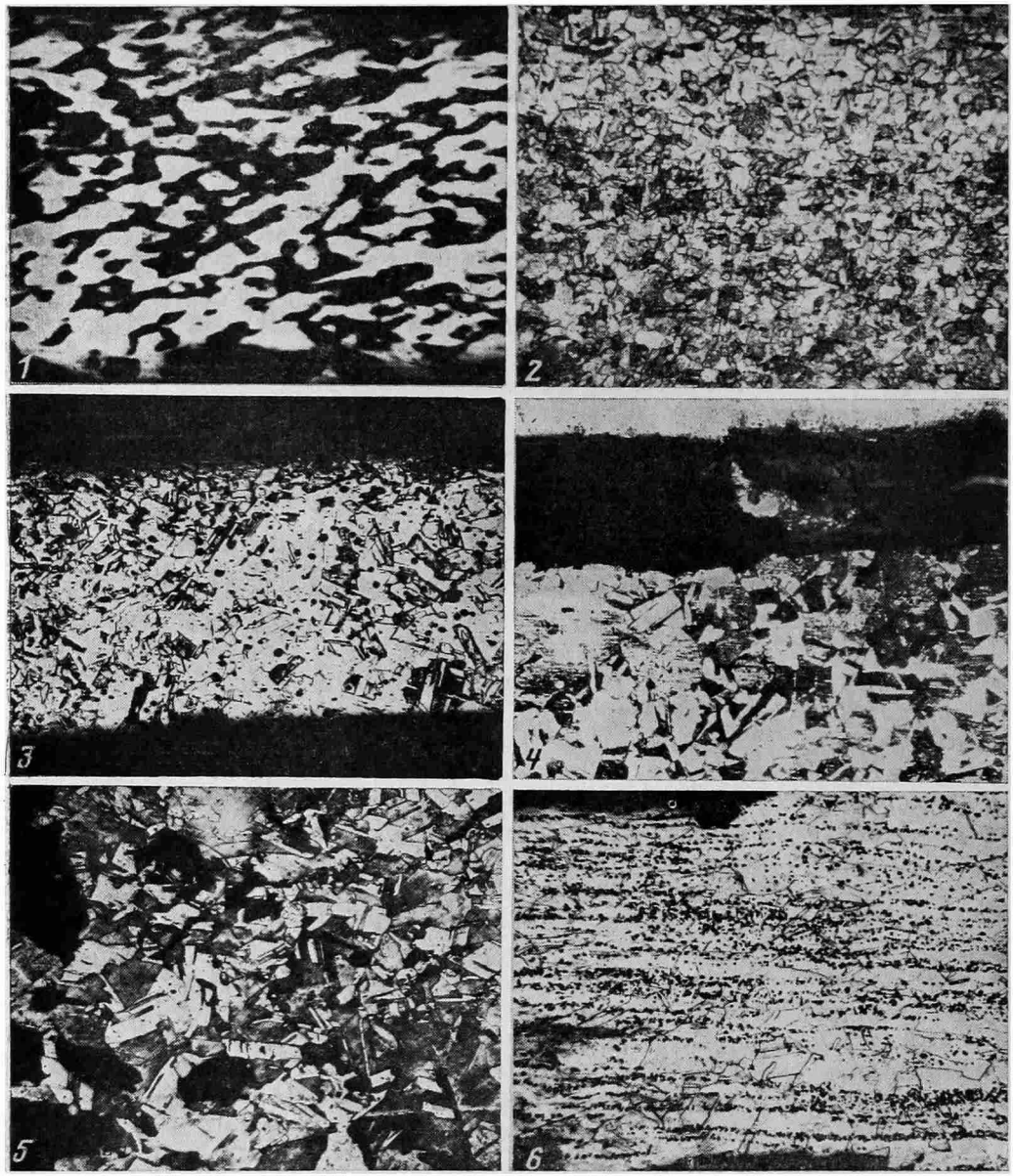


Рис. 9. Фотографии микроструктур (*1—5* — увел. 120; *6* — увел. 200). *1* — кинжал из кург. 1 у с. Серники, ан. 375; *2* — височное кольцо из погребения у с. Передиванье, ан. 104; *3* — височное кольцо из погр. 15 у с. Торчин, ан. 272; *4* — височное кольцо из погребения у с. Озлиев, ан. 380; *5* — височное кольцо из курганного погр. 1 у с. Жорнов, ан. 385; *6* — гривна из кургана у с. Крылос, ан. 106

комплексах новосвободненского этапа майкопской культуры [45]. Нигде больше этот тип не известен, поэтому кавказское происхождение подольского образца не вызывает сомнений даже без специального химического анализа его металла.

С кавказским производством связан и один из двух топоров известного клада стжижевской культуры из с. Стебливка Ровенской обл. (ранее Стубло) [46]. Этот топор отличается сложным по форме фигурным клином,

[45] *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.).— МИА, № 93, 1960, с. 36, рис. 7, *11*; *Данилевский В. В.* Историко-технологическое исследование древних бронзовых и золотых изделий с Кавказа и Среднего Урала.— ИГАИМК, № 110, 1935, с. 224, рис. 128, *5*; ОАК за 1896 г. СПб., 1898, с. 54, рис. 226.

[46] *Свешніков І. К.* Ук. соч., с. 138, рис. 50, *23*.

округленным лезвием и сильно выступающей бочковидной втулкой. Он получен отливкой в двустороннюю литейную форму. Единственной прямой аналогией этому орудию является центральнокавказская находка из Фаскау [47].

Изделия, которые принадлежат к выделенной нами на основе данных спектрального анализа группе кавказского металла, типологически с Кавказом не имеют ничего общего. Среди них, например, типичные для культур шнуровой керамики височные кольца в форме вербового листа и в виде дугообразно-изогнутой пластины. По технике обработки они ничем не отличаются от украшений, изготовленных из местной волынской меди. Очевидно, что здесь мы сталкиваемся с фактом переработки сломанных или вышедших из моды привозных вещей.

В заключение обратимся к результатам технологического изучения орудий и украшений, связанных с деятельностью местных очагов металлообработки. В их число попадают, прежде всего, изделия, отформованные из меди I и III групп. Данные поверхностного технологического осмотра и металлографического анализа убеждают в том, что сходные их типы, как правило, изготовлены по единой технологической схеме, слагающейся из устойчивого, неизменно повторяющегося набора операций. Постоянство технологических схем оказывается характерным даже для разновременных и разнокультурных вещей одного типа. Например, все височные кольца в форме вербового листа отковывались из прямоугольной в сечении полосовой заготовки. Проволочные окончания получались круговой проковкой полосы, а листовидный щиток ее расплющиванием и вытяжкой. Выпуклые, продольные ребра на щитке оттискивались с помощью круглого в сечении стержня на мягкой наковальне. Все эти операции сопровождались нагреванием меди до температур выше порога ее рекристаллизации (выше 300—350°, см. рис. 9, *2, 3*) [48].

На первый взгляд кажется отличной от описанной технологическая схема формовки височного кольца стжижевской культуры, открытого в погребении у с. Озлиев [49]. Однако зафиксированный его микроструктурой факт использования сварки лишь усложняет эту схему, не меняя принципиальной последовательности слагающих ее кузнечных операций. Листовидный щиток этого украшения при ковке получился слишком тонким, и потому мастер упрочнил его наваркой дополнительной пластины (рис. 9, *4*).

Столь же устойчивая технологическая характеристика свойственна височным кольцам в виде дугообразно-изогнутой пластины. Эти украшения вырезались из тонко расплющенной листовой заготовки, один из концов которой расковывался затем в проволочную дужку. И расплющивание, и вырезка, и заключительная проковка осуществлялись вгорячую [50].

Перстни и височные кольца с продольным спиральным щитком неизменно изгибались из проволочного жгута, полученного на наковальне с желобком [51].

Височные кольца с одним концом заостренным, а другим расклепанным и согнутым в трубочку формовались из грубо-прокованного вгорячую дрота (рис. 9, *5*) [52].

---

[47] Топор из Фаскау не опубликован; хранится в ГИМ, инв. № 89—2б.

[48] Лаборатория МГУ, структ. ан. 93, 94, 98, 99, 103, 104, 120, 121, 271, 272 и др. Не имея возможности из-за сжатого объема публикации приводить подробную аргументацию технологических выводов, мы ограничиваемся ссылкой на фотографии микроструктур и номера соответствующих анализов.

[49] Лаборатория МГУ, структ. ан. № 380.

[50] Там же № 96, 208, 211, 651, 652.

[51] Там же, № 102, 121-А, 384.

[52] Там же, № 385, 391.

Полным единообразием отличались и операции, слагавшие схему кузнечной обработки спиральных пронизок. Все они изгибались на оправке округлого профиля из расплющенной вгорячую прямоугольной пластины [53].

Наблюдения над элементами технологического тождества однотипных изделий позволяют говорить о существовании единых традиций металлообработки у населения культур шнуровой керамики западной Украины. Выработка этих традиций была обусловлена прежде всего тесными металлургическими контактами. У синхронных культур (городокско-здолбицкой и подкарпатской; стжижевской и позднего этапа подкарпатской) эти контакты имели характер непосредственного обмена сырьевым металлом и производственными навыками его обработки. У разновременных культур (городокско-здолбицкой и стжижевской, например) они выражались в наследовании освоенных источников получения металла и способов исполнения традиционных форм инвентаря.

Однако унификация производства, обязательность использования набора определенных операций, без сомнения, была предопределена и общими истоками металлургических знаний. Интересно в этой связи отметить полное сходство некоторых приемов местной кузнечной техники с приемами трипольской металлообработки. Имея дело со свинцовистой медью, трипольцы уже на раннем этапе своего развития освоили особый, редко встречаемый в древней металлургии способ устранения ее красноломкости. Способ этот сводился к преднамеренному обогащению металла кислородом с помощью его нагрева и последующей горячей ковки в окислительной среде, без предохраняющих от окисления засыпок. Следы его использования установлены при микроструктурном исследовании раннетрипольского браслета из Ленковцев [54], ряда бус Карбунского клада [55], а также позднетрипольских бус и браслетов из клада, найденного в Цвикловцах [56].

Аналогичные трипольским навыки нейтрализации вредных свойств свинца мы застаем у племен подкарпатской культуры и у населения, оставившего памятники Почапского облика. Очевидным свидетельством этого служат микроструктурные особенности металла спиральных сережек и гривны из погребения среднего этапа подкарпатской культуры у с. Крылос (рис. 9, *6*), двух височных колец в форме вербового листа из погребения позднего этапа той же культуры у с. Передиванье (рис. 9, *2*) и, наконец, перстня с продольным спиральным щитком из могильника в Почапах [57].

Другим, столь же редким кузнечным приемом, характерным и для трипольских племен, и для племен культур шнуровой керамики, оказывается ковка на наковальне с желобком. С ее помощью удавалось получить длинные, равномерного сечения прутки и проволоку. Из проволочных жгутов, отформованных фигурной ковкой, согнуты трипольские колечки-сережки этапа β/I, известные по находкам в третьем слое Поливанова Яра, нижнем слое Ариушта, Руджиноазы [58]. Сходным способом изготовлены проволочные заготовки ряда изделий городокско-здолбицкой, подкарпатской и стжижевской культур. В их числе рыболовный крючок из поселения у с. Городок, височные кольца с продольным спиральным щитком из погребений у с. Якторов и Жорнов [59].

---

[53] Там же, № 387, 388, 390.

[54] *Рындина Н. В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971, с. 66.

[55] Там же, с. 71, 98.

[56] Лаборатория МГУ, структ. ан. № 589, 590, 591. Находки клада получены на анализ из Каменец-Подольского краеведческого музея.

[57] Лаборатория МГУ, структ. ан. № 102—104, 106—107.

[58] *Рындина Н. В.* Ук. соч., с. 119, 120.

[59] Лаборатория МГУ, структ. ан. № 121-А, 209, 384.

И наконец, нельзя не обратить внимания на уже упомянутый факт использования сварки на височном кольце стжижевской культуры из погребения у с. Озлиев (рис. 9, *4*) [60]. Из двух возможных температурных вариантов сварки мастер в данном случае воспользовался тем низкотемпературным вариантом (250—450°), который широко применялся трипольцами [61].

Таким образом, возникновение металлообработки в среде культур шнуровой керамики Волыни, Подолии и Предкарпатья было обусловлено общими для всех культур влияниями. Очевидно, что важную роль в этом процессе сыграло взаимодействие с позднетрипольским населением верхнего Поднестровья.

Проблема контактов позднетрипольских племен Поднестровья с племенами культур шнуровой керамики западной Украины и Малопольши не раз обсуждалась советскими и зарубежными археологами на основе сравнительного сопоставления украшенных шнуровым орнаментом сосудов [62].

Констатируя сходство одной из характернейших керамических форм позднего Триполья — округлотелых амфор с цилиндрической шейкой и сосудов культур шнуровой керамики, некоторые исследователи выдвинули тезис о генетической связи позднетрипольского населения Поднестровья со шнуровыми племенами Прикарпатья и Волыни [63]. Наиболее яркий показатель генетических связей культур — показатель технологической преемственности их производства. Не исключено поэтому, что прослеженные нами явные следы трипольского воздействия на сложение металлообработки волыно-подольских культур шнуровой керамики явилось результатом непосредственного участия трипольцев в их формировании.

Однако не следует забывать, что зарождение и развитие местных знаний о металле было предопределено не только трипольскими влияниями. Широкое использование в металлообработке карпато-трансильванских бронз и смешанной меди третьей группы указывает на не менее важное направление связей, которое формируется под воздействием более западных очагов металлургии. Кавказский металлургический импульс, без сомнения, не играл существенной роли в развитии местного производства. Он доходил до населения северо-западной Украины в первой половине II тысячелетия до н. э. опосредованно, через мощный фильтр степных и приднепровских племен.

---

[60] Там же, структ. ан. № 380.

[61] *Рындина Н. В.* Ук. соч., с. 42, 63, 66, 67, 114 и др.

[62] *Antoniewicz W.* Eneolityczne groby szkieletowe we wsi Z|ota w pow. Sandomierskim.— Wiadomosci Archeologiczne, 1925, t. IX, 3—4, s. 238—240; *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений.— МИА № 10, 1949, с. 164; *ее же.* Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре.— Изв. Молд. фил. АН СССР, 1955, № 5/251, с. 28. *Machnik J.* Uwagi o zwiazkach kultury ceramiki sznurowej z kultura trypolska.— In: Sprawozdania z posiedzeń Komisji Oddzialu Polskiej Akademii Nauk w Krakówi. Styczeń-czerwíec 1963; *idem.* Studia nad kulturą ceramiki sznurowej w Ma|opolsce. Wroc|aw — Warszawa — Kraków, 1966, s. 171—178.

[63] *Пассек Т. С.* Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья.— МИА № 84, 1961, с. 177; *Свешніков І. К.* Ук. соч., с. 157, 158; *Мовша Т. Г.* Пізньотрипільське житло-майстерня в с. Цвікловці.— Археологія, XXIII, 1970, с. 138—141; *ее же.* О северной группе позднетрипольских памятников.— СА, 1971, № 1, с. 54; *ее же.* Періодизація і хронологія середнього та пізнього Трипілля.— Археологія, № 5, 1972, с. 22, 23.

N. V. Ryndina

METALL OF CORD CERAMIC CULTURES OF THE UKRAINIAN PRE-CARPATHIAN REGION, PODOLIA AND VOLYN

Summary

Sites of Podcarpatskaya, Gorodsko-Zdolbitskaya, Stzhizhevskaya cultures and of Pochapy type were singled out by I. K. Sveshnikov at the Ukrainian Pre-Carpathian region, Podolia and Volyn. A large collection of metal artifacts, numbering more than 150 ornaments and tools comes from these sites. Chemical-technological analysis of 77 artifacts was carried out. The surface of artifacts was studied under binocular microscope, metallographic and spectral analysis were made.

By the composition of metal finds, belonging to the above mentioned cultures, are divided into two groups: copper artifacts and artifacts made of pewter bronze. 3 sorces of ore were singled out. The first, actively used by the population of all cultures, is connected with copper deposit near village Velikii Midsk at Volynian Polesye. The second is connected with Caucasian copper ore deposits, the third is localized in the Carpathian metallurgic region.

Results of studies of the technology of manufacturing of artifacts prove the existence of common traditions of metalwork among the population of these cultures. The ways of the local smithing and casting show similarity with Tripolye metalwork. The local production, evidently, emerged on the basis of Tripolye metallurgical achievements. The western, Carpathian-Transilvanian metallurgical centre influenced greatly upon the local metalwork.

С. Ю. САПРЫКИН

К ТИПОЛОГИИ ДВУХ ГРУПП МОНЕТ ХЕРСОНЕСА

Среди нумизматических памятников Херсонеса Таврического автономного периода большой интерес вызывают две группы медных монет, типы изображений которых являются заимствованными. Считаю нелишним привести заново их описание.

1) Аверс: Квадрига, мчащаяся вправо; в колеснице стоит, подавшись чуть вперед, женская фигура, которая управляет лошадьми, в левой руке у нее вожжи, в правой — факел.

Реверс: ХЕР внизу. Обнаженный воин с бородой и длинными волосами, припавший на правое колено, держит левой рукой щит, закрываясь им, а правой рукой — копье наконечником вперед, на голове у него остроконечный шлем.

2) Аверс: Двуликая голова — справа мужская бородатая в лавровом венке, слева — женская с повязкой в волосах.

Реверс: ХЕР внизу. Лев вправо, напавший на быка вправо. Лев вскочил лапами на круп быка и вцепился ему в спину. Под тяжестью зверя бык прогнулся и поднял вверх голову (рис. 1, *1, 2*).

Монеты с квадригой встречаются трех разновидностей: без каких-либо дополнительных надписей в поле круга, со слогами на лицевой стороне НР, ΛΥ, ΣΑ, а также монеты с буквами греческого алфавита от А до Σ, за исключением стигмы и каппы, причем пять первых букв (А — Е) помещается, как правило, на аверсе, а все остальные на реверсе. Монеты с двуликой головой имеют на лицевой стороне слоги НР, ΛΥ и ΣΑ как и монеты с квадригой, что позволило совершенно справедливо сделать вывод об одновременности их выпуска.

Эти монеты неоднократно привлекали внимание исследователей, предлагавших различные объяснения типов изображений, датировку и оригиналы, с которых они скопированы. Большинство ученых пришли к заключению, что типы этих монет заимствованы. Г. Кёлер указывал в свое время, что монеты с квадригой носят агонистический характер [1]. В XIX в. среди нумизматов господствовало убеждение, что на лицевой стороне монет с квадригой запечатлены конные состязания, а фигура возничего на колеснице — мужская (Эккель, Мионне, Сестини и др.). Но уже Б. Кёне видел в фигуре возницы Артемиду Фосфору с факелом в руке [2]. А. Н. Зограф, соглашаясь с тем, что фигура возничего женская, признал в ней Деву, но возражал против отождествления предмета в ее правой руке с факелом, так как не исключал толкования всего изображения как агонистического [3]. По-видимому, он следовал мнению Ф. Имхоф-Блумера и А. фон Заллета, которые в противовес Б. Кёне усматривали в правой

[1] *Köeler H. K. E.* Description des medailles de Chersonesus ville de la Chersonese Taurique.— Serapis, II. Spb., 1850, p. 108.

[2] *Кёне Б.* Описание музеума покойного князя В. В. Кочубея, т. I. СПб., 1857, с. 165, 166.

[3] *Зограф А. Н.* Две группы херсонесских монет с заимствованными типами.— ИГАИМК, вып. 5, 1927, с. 391.

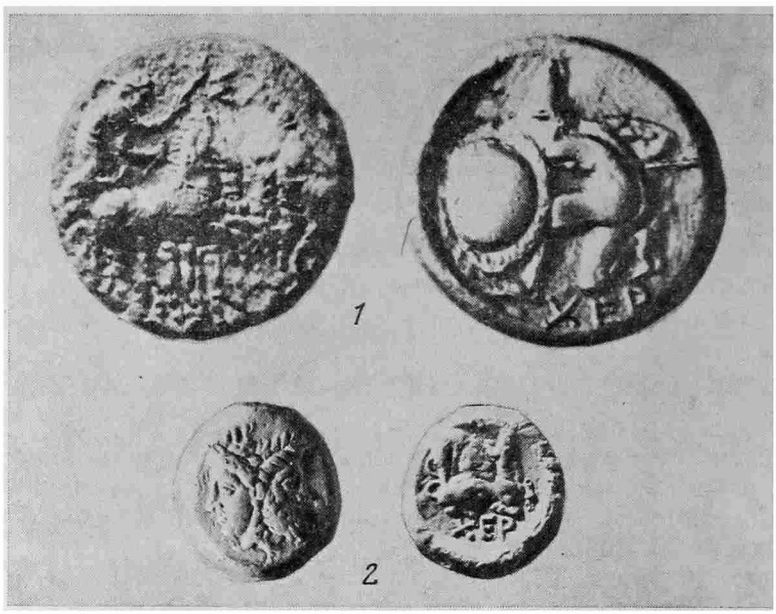


Рис. 1. Медные монеты Херсонеса Таврического середины IV в. до н. э. *1* — квадрига — коленопреклоненный воин; *2* — двуликая голова — лев, терзающий быка

руке возницы плеть, а не факел, и воздерживались от категорического заключения, что фигура является женской [4]. С толкованием изображения Б. Кёне соглашался П. О. Бурачков, который считал возницу Артемидой с факелом в руке [5]. Однако в настоящее время общепринятым можно считать мнение Б. Кёне, обоснованное А. Л. Бертье-Делагардом, что на лицевой стороне рассматриваемой монеты запечатлена богиня Дева с факелом в руке, позволяющим отождествлять ее с лунной, светоносящей богиней [6].

Труднее обстоит дело с выяснением значения оборотной стороны монет. Б. Кёне приводит мнение Эккеля, Сестини и Мионне, которые принимали воина, припавшего на колено, за Ахилла на Истмийских играх, а также точку зрения Лессинга [7], усматривавшего в положении этого воина военный прием, примененный афинским полководцем Хабрием в бою против спартанского войска Агесилая в 378—377 г. до н. э., известном нам благодаря скрупулезному описанию его Диодором (Diod. XV, 32). Г. Кёлер видел в воине местного героя или основателя города, с чем согласились Ф. Имхоф-Блумер и А. фон Заллет [8]. Сам Б. Кёне усматривал в нем Одиссея или предводителя отряда колонистов. А. В. Орешников не исключал возможности видеть в нагом воине изображение местного героя, но категорически возражал против того, что это воспроизведение скульптурного изображения [9]. А. Л. Бертье-Делагард, напротив, отмечал,

---

[4] *Von Sallet* A. Die Münzen von Chersonesus in der Krim.— ZfN, Bd I, 1874, S. 19; *Imhoof-Blumer F.* Griechische Münzen aus dem Museum in Klagenfurt und anderen Sammlungen.— Numismatische Zeitschrift, Bd XVI, 1884, S. 229, 230.

[5] *Бурачков П. О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней России, ч. I. Одесса, 1884, с. 116, № 77.

[6] *Бертье-Делагард А. Л.* Монетные новости древних городов Тавриды.— ЗООИД, XXX, 1912, с. 42; *Гилевич А. М.* Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV—III вв. до н. э.— НЭ, VIII, 1970, с. 6.

[7] *Кёне Б.* Ук. соч., с. 163, 164.

[8] *Köeler H. K. E.* Op. cit., p. 109; *Imhoof-Blumer F.* Op. cit., S. 231; *von Sallet A.* Op. cit., S. 19.

[9] *Орешников А. В.* Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского.— НСб., II, 1913, с. 33.

что «монета вдохновлена той статуей, которую афиняне поставили Хабрии», чтобы увековечить примененный им прием; однако «на монете не воин Хабрии, а воин самого Херсонеса, стоящий в варварской стране, обороняющийся, но готовый нанести удар» [10]. А. Н. Зограф допускал, что данное изображение представляет статую, поставленную Хабрию в Афинах. Однако это изображение, по его мнению, должно относиться не к херсонесскому типу, а к кизикину, с которого оно заимствовано. Херсонесское же изображение соответствует агонистическому характеру типа лицевой стороны [11]. Таким образом, среди нумизматов существуют серьезные разногласия относительно символики изображений первой группы монет.

Подход исследователей к объяснению типов монет младшего номинала этого выпуска — двуликая голова — лев, терзающий быка, также различен. Г. Кёлер принимал изображение лицевой стороны за театральные маски, а тип оборотной — за воспроизведение боя животных в Херсонесе. Б. Кёне отнес тип аверса к изображению божеств, а реверса к аллегории завоевания херсонесцами Тавриды [12]. П. О. Бурачков и А. фон Заллет вслед за Кёне усматривали в двуликом изображении головы Артемиды и Геракла, а А. В. Орешников и Э. Миннз трактовали его как портрет диморфного Диониса [13]. С таким объяснением соглашался А. Н. Зограф, который, впрочем, не отвергал и предположения Г. Кёлера, так как полагал, что эта серия выпускалась в связи с празднествами, отмеченными театральными зрелищами. Оборотная сторона, по его мнению, представляет реальный или легендарный мотив, который, как и предыдущие типы всего выпуска, связан с праздниками [14]. С подобным же толкованием лицевой стороны согласен В. А. Анохин, который, однако, уклонился от попытки дать объяснение другим типам монет означенного выпуска [15].

Среди исследователей долгое время ведется спор, как понимать дифференты и слоги на этих монетах. В свое время Б. Кёне высказал мнение, что буквы должны означать имена магистратов [16]. А. Л. Бертье-Делагард полагал, что это цифры, обозначающие счет выпусков, а двойные буквы (слоги) — начала имен магистратов [17]. А. Н. Зограф возражал против цифрового определения букв, но допускал, что отдельные буквы «помечают выпуски в порядке их следования». Группы букв, по его мнению, могут представлять начальные слоги имен магистратов или сокращения названий месяцев херсонесского календаря. А. М. Гилевич, сомневаясь в правильности определения слогов в качестве имен монетных чиновников, не исключает в то же время дешифровку их как сокращения названий месяцев [18]. В. А. Анохин считает слоги сокращениями имен магистратов, являвшихся членами коллегии номофилаков, а дифференты — буквами, которыми отмечали годичный выпуск монет [19]. Пока можно быть уверенным лишь в том, что монеты с квадригой выпускались соответственно вначале без дифферентов, затем со слогами, а потом с буквами, так как слоги и первые пять букв расположены на лицевой стороне, а все остальные буквы — на оборотной.

Долгое время считалось, что монеты обеих групп были выбиты в III в. до н. э., однако уже А. Л. Бертье-Делагард отнес монету с квад-

---

[10] *Бертье-Делагард А. Л.* Ук. соч., с. 45, 46.

[11] *Зограф А. Н.* Ук. соч., с. 390, 391.

[12] *Кёне Б.* Ук. соч., с. 159, 160.

[13] *Орешников А. В.* Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова, вып. VII. М., 1887, с. 42; *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 545.

[14] *Зограф А. Н.* Ук. соч., с. 395, 396.

[15] *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977, с. 23.

[16] *Кёне Б.* Ук. соч., с. 166; *Бурачков П. О.* Ук. соч., с. 116.

[17] *Бертье-Делагард А. Л.* Ук. соч., с. 47, 48.

[18] *Гилевич А. М.* Ук. соч., с. 5; *Зограф А. Н.* Ук. соч., с. 380.

[19] *Анохин В. О.* Нове у вивченні монетної справи Херсонеса.— Археологія, № 24, 1977, с. 5, 6; *его же.* Монетное дело Херсонеса, с. 23, 24.

ригой ко второй половине IV в. до н. э., а затем А. Н. Зограф, предложив сперва датировать их предпоследним десятилетием IV в. до н. э., удревнил затем выпуск до начала второй половины столетия, что и принято в настоящее время; потом В. А. Анохин установил для них terminus ante quem — 230 г. до н. э.[20]

Мы сознательно не приводим здесь различные точки зрения на монеты, послужившие оригиналами для херсонесских типов, а попытаемся сделать это по ходу изложения.

Ввиду разнообразия мнений о значении типов изображений описанных выше монет основной задачей исследования является попытка объяснить их типологию, привлекая весь доступный материал. Мы убеждены, что выяснение смысла изображений на монетах поможет объяснить загадочные дифференты и слоги, а также установить более точную датировку этих монет. В то же время считаем необходимым вновь вернуться к вопросу об оригиналах изображений и установить, что же послужило причиной их заимствования.

Необходимо подчеркнуть, что объяснение изображения оборотной стороны монет с квадригой как фигуры Ахилла, Одиссея или предводителя колонистов (ойкиста), предложенное нумизматами XIX в., не может быть принято. Ахилл, культ которого был широко распространен в Ольвии и других городах Северо-Западного Причерноморья, крайне мало почитался в Херсонесе, поэтому мало вероятно, чтобы херсонесские монетарии поместили его изображение на денежном знаке города[21]. Что касается Одиссея, то о почитании его херсонеситами никаких сведений не имеется. Однако следует помнить, что произведения Гомера и киклические поэмы, в частности «Малая Илиада», были широко популярны в Ольвии, поэтому можно предполагать проявление интереса, хотя и меньшего, к героям этих произведений и в дорийском Херсонесе[22]. Против гипотезы об Одиссее на наших монетах свидетельствует вооружение этого воина, не похожее на вооружение героя Троянской войны, ибо напоминает македонское, и сам облик воина явно варварский. В воине нельзя видеть и предводителя отряда колонистов, основавших Херсонес, так как изображение ойкиста ввиду его исключительного почитания горожанами естественно было поместить на лицевую сторону монеты, как это нередко практиковалось в греческих полисах. То же можно сказать и относительно местного героя.

Ряд нумизматов высказали предположение, что на монете изображена статуя афинского полководца Хабрия, запечатлевшая примененный им военный прием. Однако уже А. Л. Бертье-Делагард усомнился в том, что Хабрий впервые применил его[23]. Воин в аналогичном боевом положении изображен на монете г. Мефимны, датируемой рубежом VI—V вв. до н. э.[24] Следовательно, древние греки знали этот прием еще за столетие до Хабрия. А это позволяет предположить, что подобное положение воина на монете Херсонеса, как и на монетах других мест, могло появиться без какого-либо влияния статуи афинского полководца. На херсонесских монетах воин изображен с бородой и длинными волосами, что также говорит против отождествления его со статуей Хабрия. Боевое положение, которое демонстрирует воин, по всей вероятности, было широко распростра-

---

[20] *Кёне Б.* Ук. соч., с. 160; *Орешников А. В.* Монеты Херсонеса Таврического..., с. 33; *Бертье-Делагард А. Л.* Ук. соч., с. 46; *Зограф А. Н.* Две группы..., с. 36; *его же.* Античные монеты.— МИА, № 16, 1951, с. 148; *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса, с. 25.

[21] На отсутствие в Херсонесе государственного культа Ахилла указала Э. И. Соломоник, но это, по ее мнению, не исключает существования там частного культа героя, о чем свидетельствуют граффити-посвящения (см. *Соломоник Э. И.* Некоторые группы граффити из античного Херсонеса.— ВДИ, 1976, № 3, с. 135, 136).

[22] *Виноградов Ю. Г.* Киклические поэмы в Ольвии.— ВДИ, 1969, № 3, с. 142.

[23] *Бертье-Делагард А. Л.* Ук. соч., с. 44.

[24] *Regling K.* Die Griechischen Münzen der Sammlung Warren. Berlin, 1906, S. 167, № 1071—1073.

нено у эллинов, так что статуя, поставленная Хабрию в Афинах, должна была запечатлеть не прием, впервые примененный полководцем, а лишь самого полководца в момент победы его над спартанцами (Diod. XV, 33, Corn. Nep. Chab., I). Поскольку Херсонес был весьма далек от этих событий в Элладе, то следует думать, что в данном случае воин олицетворяет какую-то важную победу, одержанную Херсонесом, а не Хабрием [25].

Как мы отмечали, А. Н. Зограф пытался связать типы монет обоих номиналов выпуска с празднествами в Херсонесе. Однако видеть в интересующем нас изображении, как, впрочем, и в других типах, намек на агонистические состязания не представляется возможным, поскольку оборот монеты младшего номинала выпуска дает сцену льва, терзающего быка. Видеть в ней сцену травли диких животных нельзя, так как в Херсонесе подобные представления не устраивались. Они характерны скорее для императорского Рима, чем для маленького захолустного города на окраине античного мира, каким был Херсонес в первой половине IV в. до н. э. К тому же подобные пышные празднества требовали больших расходов, связанных с приобретением львов, а это было тогда не под силу херсонесцам. Так что видеть в этой сцене агонистический сюжет не представляется возможным, равно как и в типах старшего номинала выпуска.

А. В. Орешников и А. Н. Зограф указывали, что тип лицевой стороны монет старшего номинала скопирован с многочисленных сицилийских монет с квадригами [26]. Это мнение общепризнано, и против него трудно что-либо возразить, однако А. Н. Зограф отметил, что херсонесский резчик внес ряд изменений в изображение. Это позволяет отметить, что херсониты не механически скопировали тип сицилийской монеты, а творчески переработали его применительно к условиям Херсонеса. Действительно, на монетах сицилийских городов изображение квадриги встречается с конца VI до конца III в. до н. э., причем колесницей управляют, как правило, божества, сопровождаемые летящей Никой [27]. Интересно отметить, что большинство квадриг, скачущих вправо, как на херсонесской монете, имеет возницу без факела в руке. Лишь на двух группах монет Сиракуз (412—345 гг. до н. э.) возница (Персефона?) имеет в руке факел подобно Деве на монетах Херсонеса, но при этом в отличие от них сицилийская квадрига скачет влево [28]. Это показывает, что в Херсонесе воспользовались лишь изображением, внеся в него иное, самостоятельное содержание. Сомнения А. Н. Зографа рассеиваются полностью последними находками монет с квадригой на территории хоры Херсонеса, которые окончательно подтвердили предположение Б. Кёне, что в руках у Девы горящий факел [29]. Заимствование Херсонесом монетного типа Сиракуз показывает, что херсониты имели связи с Сицилией [30], которые установились и поддерживались, очевидно, через Понтийскую Гераклею, так как тираны ее, Клеарх и Дионисий, наладили тесные контакты с Дионисием Сиракузским (Diod. XV, 81; Memn. IV, 6). Это может дать надежную нижнюю хронологическую границу начала выпуска в Херсонесе вышеописанных

---

[25] Изображение Хабрия можно, вероятно, видеть на гемме Государственного Эрмитажа из коллекции Строгановых. Поза воина и вооружение аналогичны изображению на херсонесской монете, но на гемме воин без бороды (см. Antique Intaglios in the Hermitage Collection. Leningrad, 1976, p. 91, № 45, pl. 45).

[26] *Орешников А. В.* Монеты Херсонеса Таврического..., с. 34; *Зограф А. Н.* Две группы..., с. 387, 388.

[27] BMC. Sicily. London, p. 9, 10, 35, 47, 72, 81, 130, 134, 142, 167—169, 173, 174, 191, 192, 200—208.

[28] Там же, № 158—161, 198, 199.

[29] *Гилевич А. М.* Клад монет из округи Страбонова Херсонеса.— СА, 1960, № 4, с. 167—170; *ее же.* Кучук-Мойнакский клад..., с. 6.

[30] На влияние техники изготовлений монет в Сицилии на монетное дело Херсонеса указал А. Н. Зограф (К технике сицилийских монет V в. до н. э.— ТОНГЭ, т. I, 1945, с. 7—16; *его же.* Античные монеты, с. 148). Положения А. Н. Зографа развил В. А. Анохин (см. *Анохин В. А.* Сицилийская техника литья монетных заготовок в Херсонесе.— НиС, вып. 5, 1974, с. 13—16).

монет, попадающую на время правления в Гераклее тирана Клеарха (364—352 гг. до н. э.).

Какое же содержание вложили херсонесские монетарии в изображение скачущей квадриги, управляемой Девой с факелом в руке? Для ответа обратимся к херсонесским надписям, в которых говорится об ἐπιφάνειαι Παρθένου — чудесных явлениях богини Девы, избавивших херсонеситов от угрозы со стороны скифов (IOSPE, I², № 343, 344, 352). В одной из них рассказывается о том, как жители города, отправившись на несение Диониса, неожиданно подверглись нападению «соседних варваров», но были счастливо спасены Девою (ibid., № 343). Другая надпись, представляющая собой декрет в честь херсонесского историка Списка (ibid., № 344), говорит, что означенный историк описал явления Девы (τάς ἐπιφανείας τᾶξ Παρθένου ἔγραφε), за что был увенчан золотым венком в празднование Дионисий (στεφ]αν—[ῶσαι τοῦς συμμνάμ] ονας[Χρυσέων στεφάνωι τῶν Διονυ]σίων μιαῖ ἐφ' ἱκ[άδι]. И наконец, третий документ представляет собой известный декрет в честь полководца Митридата VI Евпатора Диофанта, в котором отмечается, что чудесные знамения Девы вдохновили понтийского полководца и помогли одержать победу над скифами (ibid., № 352, 23—25). Э. И. Соломоник опубликовала недавно надпись-посвящение ἰε[ρ]ᾶ[ι] Σωτ[ε]ί[ρ]αι (священной Спасительнице), являвшейся эпитетом богини Артемиды или близкой к ней Девы, покровительницы города. Эта надпись, по мнению Э. И. Соломоник, свидетельствует, что введение в Херсонесе культа Спасительницы было обусловлено серьезной опасностью нападения скифов [31]. Перечисленные надписи указывают, что в Херсонесе жрецами культа Девы была сложена храмовая легенда (ἱερὸςξ λόγοςξ) о чудесном проявлении покровительницей города ее силы в случае опасности со стороны окрестных варваров или ведения городом военных действий. Легенда о чуде богини нужна была не только для привлечения даров в храм Девы, но прежде всего для оправдания побед Херсонеса в целях воспитания у граждан чувства покорности богине и веры в ее чудесное заступничество при новых нападениях на город. Для этого Сириску было заказано специально описать ее эпифании [32]. Не вызывает сомнений, что указанная легенда выносилась на первый план всякий раз, когда над городом нависала угроза нападения или херсониты сами готовились совершить какую-либо военную акцию. В III и II вв. до н. э.— во время, которым датируются упомянутые надписи, взаимоотношения Херсонеса со скифами ухудшились, что привело к военным столкновениям [33]. Тогда-то и понадобилось возродить и обосновать легенду о чудесных явлениях Девы. Почетную обязанность сделать это взял на себя Сириск, который, как отметили М. И. Ростовцев и И. И. Толстой, изучил все предыдущие эпифании богини и, очевидно, связал их с современными ему событиями, за что был награжден венком. Поэтому можно предположить, что именно эта легенда могла бытовать в Херсонесе и в более раннее время.

С этой легендой очень соблазнительно увязать рассматриваемую серию херсонесских монет с квадригой. Нам представляется, что изображение квадриги и Девы с факелом символизирует чудесные явления богини, случившиеся во время военных столкновений Херсонеса с местными пле-

---

[31] *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973, с. 74, 81, 86.

[32] *Ростовцев М. И.* Сприск — историк Херсонеса Таврического.— ЖМНП, 1915, апрель, с. 156, 157; *Толстой И. И.* Таврическая богиня.— ЖМНП, 1917, май, ч. LXIX, с. 139—141. О чудесных знамениях божеств см. *Жебелев С. А.* Явления Афины Линдийской.— Записки неофилологического общества, вып. VIII, 1915, с. 23—30 (Сборник в честь Ф. А. Брауна).

[33] *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 73; *Соломоник Э. И.* О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья.— В сб.: Археология и история Боспора, т. I. Симферополь, 1952, с. 115, 116.

менами. В этом убеждает случай, происшедший в Византии. Гесихий Милетский и Стефан Византийский сохранили легенду о чудесном спасении города во время осады его Филиппом II Македонским. В передаче поздних авторов легенда, восходящая к местной традиции и призванная объяснить удачные действия граждан против грозного противника, гласит: когда положение осажденных стало угрожающим, Геката Фосфора с факелами явилась гражданам и вдохновила их на атаку, в результате которой византийцы прогнали врага и спасли город (Hes. Mil. VI, fr. 26, 27— FHG IV, 151; Steph. Byz. s. v. βόσπορος); ср. ἡ Ἑκάτη φωσφόρος οὖσα δᾷδας ἐποίησε νύκτωρ τοῖς πολίταις φανῆναι — у Стефана; ἄγαλμα λαμπαδηφόρον Ἑκάτης — у Гесихия) [34]. В честь этого события стали устраивать празднества боспории, во время которых носили факелы [35], а некоторые, как указывает Стефан, изменили даже название залива Боспорий на Фосфорий в честь этого события.

Таким образом, в Византии эпифания божества сопровождалась светом факела. Факел в руках у Девы на херсонесских монетах также, вероятно, олицетворял ее появление в образе чудесной спасительницы. Изображение богини на колеснице указывает, что в представлении древних она являлась с неба. Совершенно очевидно, что на лицевой стороне монет запечатлена в образной форме официальная херсонесская версия о чудесном проявлении Девою ее силы, вдохновившей херсонеситов на отпор врагу, о чем говорят надписи. Это подтверждается неоднократными находками в Херсонесе изображений Артемиды Сотейры с факелами на терракотовом жертвеннике и отпечатками гемм на грузилах [36]. Мы полагаем, что эпизодичность и праздничность выпуска этой группы монет, отмеченные еще А. Н. Зографом, объясняются тем, что они отчеканены в честь какой-то победы херсонеситов над варварами, которая приписывалась божественной помощи их покровительницы Девы. Это не означает, что сиракузский монетный тип также отображал чудесную эпифанию божества. По-видимому, этот тип лишь более всего подходил для выражения указанной херсонесской легенды [37].

Естественно, что тип реверса данной монеты — коленопреклоненный воин — должен находиться в связи с типом лицевой стороны. Если наше толкование верно, то коленопреклоненный воин символизирует известный боевой прием, который должен был, по расчетам греков, устрашить противника и отбить у него охоту вести военные действия, как это случилось у Хабрия. Очевидно, оба типа сторон монеты должны означать непобедимость херсонесского войска, ведомого заступницей Девой и готового отразить напор любого противника, посягнувшего на Херсонес. Резонно предполагать, что выпуск означенной монеты совпал с какой-то военной победой города.

Поскольку монеты с двуликой головой составляют один выпуск с монетами с квадригой, то их изображения должны по своему значению соответствовать типам последних. Объяснение типа аверса мы находим в упомянутых эпиграфических документах. Еще М. И. Ростовцев обратил внимание на внутреннюю связь декрета в честь Сириска и надписи о спа-

---

[34] Дионисий Византийский называет богиню Артемидой. Подробнее об этом см. *Невская В. П.* Византий в классическую и эллинистическую эпоху. М., 1953, с. 118—120.

[35] *Hanell K.* Megarische Studien. Lund, 1934, S. 186.

[36] *Белов Г. Д.* Эллинистический дом в Херсонесе.— Тр. ГЭ, VII, 1962, с. 160. Об изображениях Артемиды с факелом и их значении см. *Тревер К. В.* Краснофигурный лекиф с изображением Артемиды.— ИРАИМК, т. II, 1922, с. 277, 278; *Bruns G.* Die Jägerin Artemis. Leipzig, 1929.

[37] П. Гарднер, объясняя тип сицилийских монет с квадригой, отмечает его агонистический характер. По его мнению, это не отображение успеха в гонке колесниц, но увековечивание обращения к божеству с просьбой о благословении, защите, благоденствии и безопасности за страдания, принятые на его службе (*Gardner P.* Types of Greek Coins. Cambridge, 1883, p. 44).

сении граждан Девою (IOSPE, I², № 343, 344), которая заключалась в том, что оба декрета, во-первых, вносятся по предложению Гераклида сына Парменонта, являвшегося главным финансовым магистратом (ἐπὶ τᾶς διοικήσε[ος ἐ]ών), а во-вторых, эпифании Девы произошли во время праздника Диониса и историк Сириск, описавший их, венчался золотым венком также во время Дионисий [38]. Это показывает, что храмовое предание о чуде Девы неизменно связывалось с празднеством в честь Диониса. Таким образом, если монеты с квадригой отображают чудо Девы, то в типе изображения лицевой стороны монет младшего номинала можно усмотреть головы Диониса и Девы как символ того, что эпифании богини вновь случились в ходе празднования Дионисий. При этом нас не должно смущать, что монеты датируются IV, а надписи — III в. до н. э., так как традиционная легенда могла в III в. до н. э. существовать в той же религиозной форме, как и в более раннее время.

Изображения двуликой головы имеются в нумизматике Тенедоса (рис. 2, *10*) и города Лампсака в Мизии. Аристотель во фрагментах «Тенедосской Политии» объясняет появление подобного изображения местной легендой, согласно которой тип возник после декрета царя Тенедоса, установившего смертную казнь за прелюбодеяние [39] (Steph. Byz. s. v. Τένεδος). П. Гарднер, однако, считает, его диморфным Дионисом, не исключая в то же время возможности видеть в нем головы Зевса и Геры [40]. А. В. Орешников, Э. Миннз и А. Н. Зограф поддержали первое предположение, распространив его на херсонесский тип.

Изображение двойной головы характерно для монет Тенедоса V—I вв. до н. э., причем с середины V в. до начала IV в. до н. э. мужская и женская головы располагаются аналогично херсонесскому типу [41]. Что касается монет Лампсака, то двойная голова на них, как правило, женская и помещается на монету с первой половины V в. до III в. до н. э.[42] Как отметил А. Н. Зограф, херсонесский тип наиболее близок тенедосскому и находится в тесной связи с толкованием тенедосского изображения [43]. Однако заимствование Херсонесом религиозного значения данного изображения у тенедосцев гораздо труднее объяснить, чем влияние Лампсака, хотя на монетах последнего головы женские. Никаких связей Херсонеса с Тенедосом не прослеживается; к тому же толкование типа его монеты связано с местными преданиями, никакого отношения к Херсонесу не имеющими. Влияние же лампсакского типа находит объяснение в том, что город Атрамиттий в Мизии, расположенный по соседству с Лампсаком, как и Херсонес, считал своей метрополией о. Делос и подобно последнему делал взносы в сокровищницу местного святилища [44]. Поэтому существование связей Херсонеса с Мизией не исключено. Влияние Лампсака может быть объяснено и выпуском им золотых статеров, являвшихся наряду с кизикинами одной из основных международных валют IV в. до н. э.[45] Наконец, тип двуликой головы встречается на серебряных драхмах династов Газы (450—332 г. до н. э.), аверс которых дает изображение бородатой и безбородой голов, как на монете Херсонеса, но расположенных в обратном порядке [46] (рис. 2, *8, 9*). По-

[38] *Ростовцев М. И.* Ук. соч., с. 156, 157; *Толстой И. И.* Ук. соч., с. 139, 140.

[39] *Gardner P.* Op. cit.; p. 175; *Доватур А. И.* Аристотель, фрагмент 611, 24.— СА, XXVIII, 1958, с. 140 сл.

[40] *Gardner P.* Op. cit., p. 175.

[41] SNG. Sammlung v. Aulock. Berlin, 1957, Ht. 5, Taf. 49, № 1587, 1588.

[42] *Wroth W.* Catalogue of the Greek coins of Mysia. L., 1892, p. 82—84, № 34—45, 50; SNG. Sammlung v. Aulock, Ht. 4 (Mysien) Taf. 40, № 1290, 1293, 1298.

[43] *Зограф А. Н.* Две группы..., с. 392.

[44] *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса.— ВДИ, 1938, № 2—3, с. 258.

[45] *Gardner P. A.* History of Ancient Coinage. Oxford, 1918, p. 331—333.

[46] *Babelon E.* Catalogue des Monnaies Grecques de la Bibliotheque Nationale. Les Perses Achemenides, les Satrapes et les dynastes tributaires de leur Empire. Cypre and Phenicie. Paris, 1893, p. 48, № 326—329, pl. VIII, *6, 7.*

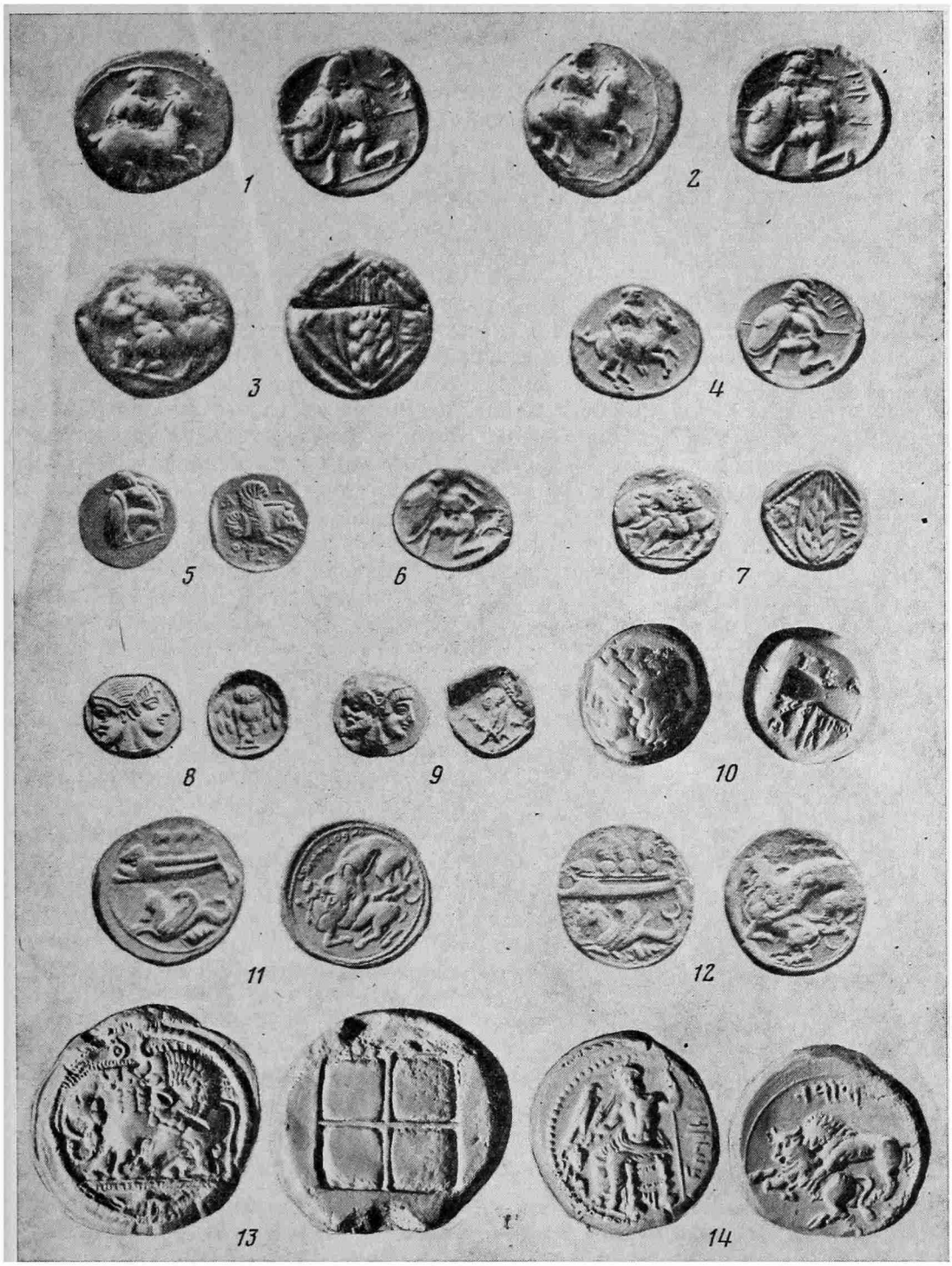


Рис. 2, *1*, *2* — г. Тарс, Киликия, статеры 450—380 гг. до н. э. BMC. Cilicia, pl. XXVIII, *9*, *10*; *2* — г. Тарс, Киликия, статер 400—360 гг. до н. э. BMC Cilicia, pl. XXVIII, *12*; *4*, *6*, *7* — неизвестные династы и сатрапы (Киликия?) IV в. до н. э. Babelon. Les Perses Achemenides, pl. III, *3—5*; *5* — сатрап Оронт, 362—348 гг. до н. э., тетробол. Head, Greek Coins of Ionia, pl. XXXI. *10*; *8*, *9* — династы Газы, 450—332 гг. до н. э., драхмы. Babelon. Op. cit., pl. VIII, *6*, *7*; *10* — г. Тенедос, IV в. до н. э. ГИМ № 2207; *11*, *12* — г. Библ, Финикия, 340—333 гг. до н. э. Babelon. Op. cit., pl. XXVI, *20*, *22*; *13* — г. Аканф, серебро, V в. до н. э. ГИМ № 564; *14* — сатрап Мазей, Киликия, статер, середина IV в. до н. э. ГИМ № 2345

этому мы полагаем, что прототип изображения двуликой головы на херсонесской монете мог находиться в нумизматике юго-восточной окраины античного мира, являвшейся в то время вотчиной персидских сатрапов. Последнее подтверждает тип оборотной стороны данной монеты. Группа — лев, терзающий быка,— часто воспроизводится на киликийских монетах. На серебряных монетах киликийского города Тарса 400—360 гг. до н. э. мы находим изображение льва, напавшего на быка (рис. 2, *3*), но в отличие от херсонесского типа лев там обращен вправо, а бык влево [47]. Подобное же изображение имеется на монете финикийского города Библа (340—333 г. до н. э.)[48] (рис. 2, *11, 12*), а также Мазея, бывшего сатрапом в Киликии (361—333 гг. до н. э.) и Трансевфратской области, который чеканил монету, вероятно, в Тарсе [49] (рис. 2, *14*). Изображение льва, терзающего быка, имеется на монетах г. Аканфа в Македонии [50] (рис. 2, *13*), однако А. Н. Зограф указывал на восточное происхождение мотива, хотя и не исключал заимствования херсонесского типа из Аканфа[51]: Нам представляется, что херсонесские монетарии все же заимствовали этот тип с киликийских монет, несмотря на то что они не дают прямой аналогии монетам Херсонеса. Как и в случае с квадригой, когда мы отмечали некоторые расхождения изображения с сицилийским прототипом, здесь несовпадения фигур льва и быка также должны объясняться самостоятельным содержанием, вложенным херсонесскими монетными художниками в это изображение. Имея перед собой киликийский оригинал, резчик лишь несколько видоизменил положение фигур зверей. Вот почему бык и лев на монетах Херсонеса обращены вправо, а на монетах Киликии в разные стороны или влево (рис. 2, *3, 7*). За киликийское происхождение оригинала говорит, в частности, то, что статер города Тарса, выпущенный между 450—380 гг. до н. э., имеет на реверсе изображение обнаженного гоплита в коринфском шлеме, припавшего на правое колено. В правой руке он держит копье, а в левой щит, как бы прикрываясь им (рис. 2, 1, *2*), в точности как нагой воин на упомянутой выше хорсонесской монете с квадригой. Различие лишь в том, что на статере Тарса воин в коринфском шлеме и имеет на щите изображение Гелиоса или Горгоны [52]. А. В. Орешников и А. Н. Зограф искали прототип изображения воина с херсонесских монет среди кизикских статеров, монет г. Офринии в Троаде и сатрапа Мизии и Даскилея Оронта [53]. Как видим, нить поиска ведет в персидские сатрапии северо-запада Малой Азии. Мы готовы признать вслед за А. Н. Зографом, что тип мог быть заимствован со статера г. Кизика [54] (рис. 3, *1*), однако известный клад кизикинов из Принкипо дал изображение льва, терзающего быка (рис. 3, *2*), аналогичное уже описанному со статеров Тарса [55] (рис. 2, *3*). Учитывая, что кизикины были свободны в выборе типов, следует предположить, что прототип кизикинов с изображением коленопреклоненного воина, послужившим, по мнению А. Н. Зографа, оригиналом для херсонесского типа,

---

[47] BMC. Greek Coins of Lycaonia, Isauria, Cilicia. London, 1900, p. 164, № 11; *Babelon E.* Op. cit., p. 18, № 143, pl. III, *5*.

[48] *Babelon E.* Op. cit., p. 192—196, № 1344—1370, pl. XXVI, *12—27*.

[49] *Six J. P.* Le Satrape Mazaios.— NC, 3rd Series, vol. IV, 1884, p. 97—99, 107, № 11; BMC. Cilicia, p. 171, № 49; pl. XXX, *10*; *Babelon E.* Op. cit., p. 30, № 214, pl. V, *9*.

[50] BMC. Macedon, p. 30—34, № 1—5, 22—28.

[51] *Зограф А. Н.* Две группы..., с. 395; *Кёне Б.* Ук. соч., с. 160.

[52] BMC. Cilicia, p. 163, № 7, pl. XXVIII, *9*; *Babelon E.* Op. cit., p. 17, № 141, 142, pl. III, *3, 4*.

[53] *Орешников А. В.* Монеты Херсонеса Таврического..., с. 34; *Зограф А. Н.* Две группы..., с. 389; *его же.* Античные монеты, с. 148.

[54] SNG. Sammlung v. Aulock, Ht. 4, Taf. 37, № 1204, 1205; *Bulatovich S.* Coins of Cyzicus from Orlovka Hoard. Leningrad, 1973; *Булатович С. А.* Клад кизикинов из Орловки.— ВДИ, 1970, № 2, с. 78, № 31, табл. II, *31*.

[55] *Regling K.* Der Griechische Goldschatz von Prinkipo.— ZfN, Bd XLI, Ht. 1—2, 1931, S. 22, 23, № 138, Taf. III, *138*. Подобный же тип кизикина встретился и в составе орловского клада, см. *Булатович С. А.* Ук. соч., с. 79, № 32, табл. II, № 32.

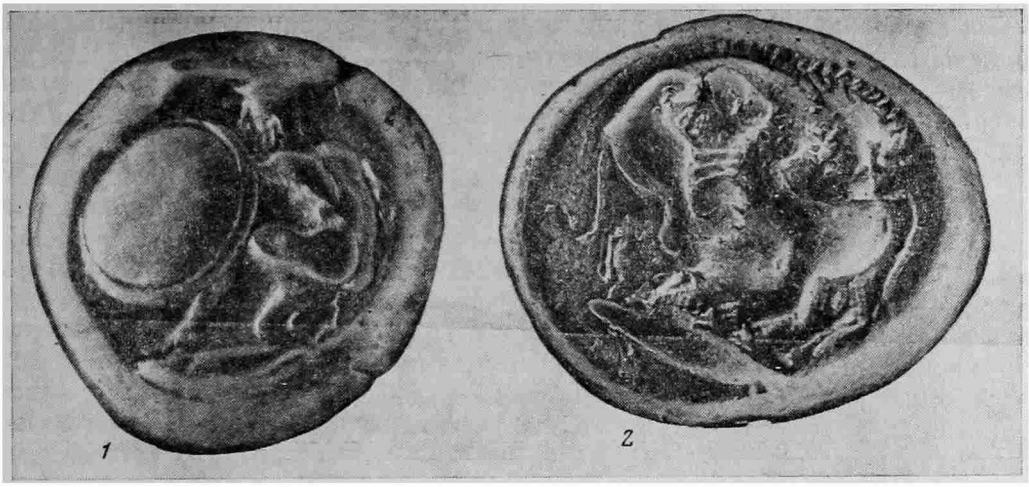


Рис. 3. Статеры г. Кизика 400—330 гг. до н. э. Аверс: *1* — коленопреклоненный воин; *2* — лев, напавший на быка

также следует искать в нумизматике Киликии или смежных персидских сатрапий. А это означает, что оригинал херсонесской монеты может находиться там же. Вот почему очень знаменательно помещение на реверс монеты Оронта, сатрапа Мизии (362—348 гг. до н. э.), изображения обнаженного воина [56] (рис. 2, *5*), который, как отметил А. фон Заллет, поразителен в своем сходстве с аналогичным изображением на монетах Херсонеса [57]. Оронт чеканил монету в Клазоменах или Лампсаке — городе, влияние которого, как мы указали, прослеживается в выборе Херсонесом типа лицевой стороны монет младшего номинала интересующего нас выпуска. Таким образом, три типа рассматриваемых монет Херсонеса имеют много общего с нумизматикой Тарса, киликийских сатрапов, династов Газы, финикийского Библа и сатрапа Оронта, а также городов Лампсака и Кизика. А это свидетельствует о том, что около середины IV в. до н. э. Херсонес мог иметь связи с означенными областями. Как и в случае с сицилийской квадригой, не совпадающей целиком с херсонесским изображением, три другие типа обеих групп монет также в общем самостоятельны, но в каждом из них чувствуется, что резчик имел перед собой соответствующий оригинал. Это не позволяет говорить о слепом копировании херсонесским мастером названных выше монет.

В чем же заключается смысловое значение группы борющихся льва и быка? П. Гарднер трактует подобное изображение на монетах Аканфа как символ постоянного конфликта взаимоисключающих физических элементов земли [58]. Ж. Деснэ указывает, что это изображение городского παράσημον, смысл которого неясен. Однако по примеру тетрадрахм Стагиры, представляющих сцену нападения льва на кабана как отражение местной топонимики в выборе эмблемы города, он готов распространить подобное толкование типа и на монеты Аканфа [59]. Ж. Деснэ отмечает восточное происхождение мотива и выделяет две основные сюжетные линии: мифологическую и реалистическую [60]. А. Альфёльди, разбирая

---

[56] *Head B. V.* Catalogue of the Greek Coins of Ionia. L., 1892, p. 326, № 17, pl. XXXI, *10*; *Babelon E.* Op. cit., p. LXXIII—LXXIV.

[57] *Von Sallet A.* Satrapenmünzen mit griechischer Inschrift.— Numismatische Zeitschrift, III, Jahrg. Wien, 1871, S. 419—423. Сходство столь поразительно, что ряд исследователей XIX в. ошибочно приписали эти монеты Херсонесу (см. *Кёне Б.* Ук. соч., с. 165).

[58] *Gardner P.* The Types of Greek Coins, p. 135.

[59] *Desneux J.* Sur quelques representations du «Lion à la Proie» en gliptique et en numismatique antique. Bruxelles, 1960, p. 10, 11, 17.

[60] *Desneux J.* Op. cit., p. 8.

смысл изображений борьбы животных в искусстве народов Евразии, подчеркивает, что в подобных сценах выражена, как правило, тотематическая эмблема рода или племени, тесно связанная с культом предков, так как «зверь являлся лишь формой проявления божественного предка» [61]. Для правильного толкования нашего изображения важно, как представляется, наблюдение А. Альфёльди, согласно которому в преданиях кочевых народов очень долго сохраняется мифическое представление о захвате земли в ходе преследования зверя [62]. Если рассматриваемое изображение навеяно восточными и скифскими мотивами, а к тому же еще тесно связано и с другими типами монетного выпуска, то нельзя ли тогда видеть в нем отражение борьбы Херсонеса, символически представленного в образе льва, с местными варварскими племенами, запечатленными в образе быка — аллегории тавров или Таврики? Во всяком случае наше толкование других типов нисколько не исключает подобное предположение.

Таким образом, связь типов обеих групп монет следующая: на них запечатлены эпифании покровительницы Херсонеса Девы, случившиеся в ходе борьбы города с соседними племенами. Поскольку монеты биты около середины IV в. до н. э., эта борьба могла в то время происходить только из-за Северо-Западного Крыма. Последнее подтверждается одной группой редких монет Керкинитиды середины IV в. до н. э. типа: идущая Ника и имя города КАРК — лев, терзающий быка, имя НРАК. А. Н. Зограф указывал на тесную связь этих монет с интересующей нас херсонесской серией и особенно с младшим ее номиналом, заключающуюся в тождественности изображений оборотных сторон [63]. Уже сам по себе выпуск означенных монет Херсонесом, как и помещение богини победы Ники на монету Керкинитиды, показывает, что эта борьба завершилась успешно [64]. Влияние нумизматики юго-восточных областей греческого мира и персидских сатрапий на выбор типов изображений этих праздничных монет, ознаменовавших, очевидно, подчинение западных районов Крыма, показывает, что у Херсонеса и Керкинитиды, вероятно, существовали с ними в этот период тесные отношения, которые могли повлиять на ход борьбы за присоединение Западной Таврики.

К сожалению, каких-либо прямых указаний для подтверждения этого предположения в источниках не имеется. Однако такое влияние Киликии и ближайших к ней областей на чеканку отдаленного Херсонеса понятно в связи с событиями на северо-западе Малой Азии, происходившими в период восстания сатрапов против персидского царя Артаксеркса II Мнемона (362—358 гг. до н. э.). Одними из главных участников восстания были Датам, сатрап Киликии, а также Оронт, сатрап Мизии и Даскилея (Diod. XV, 90; Corn. Nep. Dat., 5). Датам заключил союз с сатрапом Геллеспонтской Фригии Ариобарзаном и занял Пафлагонию, Каппадокию и часть Писидии (Corn. Nep. Dat., 5). Таким образом, владения Датама охватывали территорию Малой Азии с юго-запада на северо-восток, от Эгейского моря и Пропонтиды до южного берега Черного моря [65]. Полиен описывает, как Датам, желая захватить Синопу, заключил с ней союз и

---

[61] *Alföldi A.* Über die Theriomorphe Weltbetrachtung in den hochasiatischen Kulturen.— AA, 1931, Ht. 1—2, S. 406, 411, 412.

[62] Ibid., S. 404, 405.

[63] *Зограф А. Н.* Античные монеты, с. 160, 161, табл. XXXVIII, *15*.

[64] *А. М. Гилевич* (Кучук-Мойнакский клад..., с. 6) приводит мнение А. Н. Щеглова (см. *Щеглов А. Н.* Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху.— В сб. Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 338), что завоевание Херсонесом Северо-Западного Крыма было облегчено поражением скифского царя Атея в 339 г. до н. э. от войск Филиппа II Македонского, и пытается объяснить выпуск монет с квадригой указанными событиями, датируя монеты, таким образом, временем после 339 г. См. также критику этих положений у В. А. Анохина (*Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса, с. 24, 25).

[65] *Reinach S.* Datames.— RA, 1924, Juillet — Octobre, p. 171.

под предлогом организации похода против Сеста вытребовал у синопейцев ремесленников для постройки осадных машин и флота. Когда все было готово, он начал осаду Синопы, а не Сеста (Polyaen, VII, 21, 2; Aen. Tact. Poliorc., 40, 4). Далее Полиен говорит, что по получении от царя уведомления прекратить осаду Синопы Датам снял ее и удалился (Polyaen VII, 21, 5). Большинство ученых рассматривают указанные свидетельства как доказательство того, что Датам осаждал Синопу дважды, так как во второй раз он завладел ею и начал выпускать там монету со своим именем [66]. Однако, на наш взгляд, наиболее правильным представляется мнение Ж. Сикса и М. И. Максимовой, которые отметили, что Датам не завоевывал Синопу, а использовал свое право сатрапа чеканить монету в эллинском городе, расположенном в его сатрапии [67]. Подобная практика объяснялась политикой, проводимой греческими городами южного побережья Понта в отношении местной знати. Местная знать, втянутая ими в товарообмен, становилась заинтересованной в сохранении городами автономии [68]. Это подтверждается сообщениями об использовании Датамом Амиса в качестве места чеканки монеты для оплаты наемников (Polyaen VII, 21, 1; Ps.-Arist. Oecon. II, 2, 25). Поэтому Датам мог осаждать Синопу в то время, когда он был еще на службе у Артаксеркса и вел войну в Пафлагонии, приводя к покорности ее правителя Тия (Corn. Nep. Dat., 5; 7). По каким-то неизвестным причинам персидский царь отозвал Датама. Затем, уже отложившись от царя, Датам установил тесные отношения с городами побережья, рассматривая их как свои опорные пункты в борьбе с царскими войсками (Diod. XV, 91; Frontin. Strat. II, 7, 9; Corn. Nep. Dat., 5; 7).К этому времени, очевидно, следует отнести возможность проникновения в нумизматику Херсонеса типов, характерных для Кизикии и смежных сатрапий, поскольку взаимоотношения Херсонеса с греческими городами Южного Понта, связанными с Датамом, имели для Херсонеса в то время большое значение. Поэтому описанные выше типы херсонесских монет лишний раз свидетельствуют о существовании в этот период у Херсонеса связей с Синопой и Амисом. Об отношении Гераклеи к Датаму никаких сведений не имеется.

С означенными херсонесскими монетами и влиянием указанных событий уместно сопоставить рассказ Полиена о хитрости родосского полководца Мемнона, находившегося на персидской службе, который намеревался воевать с боспорским царем Левконом (Polyaen V, 44, 1). Единственным объяснением этого эпизода, как считает большинство исследователей, является признание участия родосца в войне Гераклеи и Боспора (Polyaen V, 23; VII, 9, 1—4; Ps.-Arist. Oecon II, 2, 8) [69]. Однако, как отметил К. Ю. Белох, эта заметка не означает, что Мемнон осуществил на практике свой замысел [70]. Мемнон, как известно, находился на службе у своего шурина Артабаза, когда за участие вместе с ним в восстании против Артаксеркса III Оха был изгнан (Diod., XVI, 22, 1; 34, 2; 52). Мы уже указывали в другом месте, что поражение Гераклеи в войне с Боспором и вытеснение ее из Феодосии стимулировали освоение северо-

---

[66] О монете см. *Six J. P.* Sinope.— NC, Ser. III, vol. 5, 1885, p. 26; о политике Датама в отношении городов Пафлагонии — *Judeich W.* Klein asiatische Studien. Marburg, 1892, S. 191; *idem.* Datames.— RE, Bd IV, 2, 1901, S. 2224, 2225; *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья.— М.— Л., 1956, с. 106 сл.

[67] *Six J. P.* Op. cit., p. 25; *Максимова М. И.* Ук. соч., с. 107. О чеканке персидскими сатрапами монет в греческих городах западной Малой Азии см. *Gardner P. A.* History of Ancient Coinage, p. 333, 334.

[68] *Максимова М. И.* Ук. соч., с. 108.

[69] *Шелов Д. Б.* Феодосия, Гераклея и Спартокиды.— ВДИ, 1950, № 3, с. 168 сл.; *Burstein S.* The War Between Heraclea Pontica and Leucon I of Bosporus.— Historia, XXIII, 1974, Ht. 4, p. 401.

[70] *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. 2 Aufl., Bd III, Abt. 1. Berlin — Leipzig, 1914—1926, S. 134, № 4.

западных хлебородных районов Крыма [71]. Поскольку исследуемые монеты, как сказано выше, связаны с борьбой Херсонеса за Северо-Западный Крым, можно предполагать, что установление городом отношений с западноперсидскими сатрапами было следствием попыток южнопонтийских полисов, связанных с Херсонесом, заручиться поддержкой персидской знати в борьбе с дальновидной политикой Левкона I, направленной на установление более тесных торговых отношений с Афинами. Этим, на наш взгляд, должно объясняться проникновение киликийских монетных типов в нумизматику Херсонеса. Не исключено, что отмеченные явления помогут подобрать ключ к разгадке легенды НРАК и на упомянутых монетах Керкинитиды.

В заключение несколько слов о датировке монет. В. А. Анохин датирует их 350—330 гг. до н. э.[72] В качестве предшествующего выпуска он помещает серебряные монеты типа: голова Девы в повязке влево, бодающий бык на палице вправо с именами К и ΖΩΠΥΡΟ[73]. Следует отметить, что между данными монетами и следующей за ними серией серебряных тетрадрахм с изображением головы Девы вправо на аверсе и бодающим быком влево на реверсе очень значительный промежуток времени [74]. Между тем серия с приписями К и ΖΩΠΥΡΟ ввиду малочисленности имен должна быть кратковременной. В. А. Анохин датирует ее 50-ми годами IV в. до н. э. Однако сомнительно, чтобы эти монеты предшествовали медным с квадригой. Учитывая, что серебряные и медные монеты соответствовали в известной мере друг другу, следует считать маловероятным, чтобы в Херсонесе, приступив к выпуску монеты с дополнительными знаками, затем внезапно его прекратили и в медном чекане вернулись к прежнему способу изготовления без знаков, чтобы тотчас опять начать ставить их на той же серии. Поэтому первые выпуски медных монет с квадригой и двуликой головой должны предшествовать серебряным с К и ΖΩΠΥΡΟ. Последние же, таким образом, могли быть выпущены одновременно или чуть позднее монет с квадригой с дифферентами или слогами. Следовательно, монеты с квадригой начали чеканить ранее 350 г. до н. э. и, если серия указанных серебряных монет датируется 50-ми годами, не позднее начала этого времени. Этот факт согласуется с предложенной выше нижней хронологической границей выпуска монет с квадригой. Принимая также во внимание все изложенное выше о заимствованной типологии монет, мы позволим себе датировать их выпуск 362—355 гг. до н. э.— временем описанных событий в малоазийских сатрапиях Персии [75]. Если ход наших рассуждений верен, то к этому времени следует, очевидно, приурочить начало борьбы за освоение Херсонесом северо-западных районов Крыма.

Таким образом, рассмотренные монеты воспроизводят в образной форме храмовую херсонесскую легенду о чудесных знамениях богини Девы, случившихся во время борьбы Херсонеса за Северо-Западный Крым. Все типы обеих групп монет так или иначе связаны с указанными собы-

---

[71] *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический (VI—II вв. до н. э.). Автореф. канд. дис. М., 1978, с. 13.

[72] *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса, с. 25.

[73] Там же, с. 22, табл. II, *33*, *34*. Мы сознательно не касаемся значения этих монетных легенд, ибо данный вопрос может увести нас далеко от основной темы.

[74] Там же, с. 26, табл. VI, *82—86*.

[75] Не имея возможности подробно остановиться на вопросе о значении дифферентов и слогов на рассматриваемых монетах, считаю возможным, однако, предложить несколько иное их толкование, чем у В. А. Анохина (*Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса, с. 45). На монетах Афин первой половины II в. до н. э. встречаются дифференты в виде последовательно следующих друг за другом букв от А до N, которые обозначали луный месяц (*Seltman Ch.* Greek Coins. London, 1933, p. 262). Ввиду предложенного толкования изображений на херсонесских монетах, вероятно, что дифференты и слоги на них также обозначают месяцы. Это, по нашему мнению, должно подтверждать предположения А. Н. Зографа и А. М. Гилевич (см. сн. 18).

тиями и названной легендой. Они заимствованы из нумизматики Сицилии, а также Киликии и смежных районов, что является свидетельством наличия отношений с ними у Херсонеса. Эти отношения могли быть установлены в период возвышения на севере Малой Азии киликийского сатрапа Датама, имевшего тесные связи с эллинскими полисами Синопой и Амисом. Южнопонтийские греки, недовольные политикой Левкона I, вытеснившего гераклеотов из Феодосии, могли побудить Херсонес начать освоение западных районов Крыма, причем в своей политике противодействия Боспору они пытались опереться на персидских сатрапов, как следует из сообщения Полиена о полководце Мемноне. Тогда-то персидские монетные типы и могли попасть в Херсонес Таврический.

S. Yu. Saprykin

ON THE TYPOLOGY OF TWO GROUPS OF COINS OF CHERSONESUS

Summary

Coins of Chersonesus with a quadriga, driven by the goddess Deva at obvers and a naked warrior at revers, just as their smaller nominal with a two-faced head and a lion, tearing a bull are connected with the temple legend of Chersonesus about the supernatural actions of the goddess Deva. These coins were made in the middle of the IVth century B. C., marking the victory of Chersonesus, evidently, in the struggle for the annexion of the north-western Crimea. The majority of types of their images shows the influence of the coin typology of Cilicia and other regions of the north-western part of Asia Minor, which were under Persian rule at that time. This influence could be the result of direct relations of Chersonesus with these regions or the relations with the towns of the Southern Pontic region Sinope and Amisus, which were closely connected with the Persian satrapus Datam. The Greek towns of the Southern Pontic region, unsatisfied by the politics of the Bosporus king Levkon I tried to use the support of Persian satraps to stand against the successful development of trade and political relations between Bosporus and Athens.

Н. А. ФРОЛОВА

ИСТОРИЯ ПРАВЛЕНИЯ РИСКУПОРИДА V (242—276 ГГ. Н. Э.) ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

До сих пор вопрос о начале правления Рискупорида V оставался вне поля зрения всех исследователей, занимавшихся историей Боспора III в. н. э. По-видимому, спор о том, скольким царям с именем Рискупорид принадлежат «статеры» 539—564 гг. н. э. (242—267 гг. н. э.), заслонил собою факт несоответствия датировки начала правления Рискупорида — 537 г. б. э. (240 г. н. э.), принятой всеми [1], и реальной датой, имеющейся на самых ранних его статерах 539 г. б. э. (242 г. н. э.). Независимо от того, принимался ли вывод П. О. Карышковского о выпуске статеров 539—564 гг. б. э. (242—267 гг. н. э.) одним царем с этим именем, или поддерживалась идея И. Т. Кругликовой о разделе этих статеров между двумя разными Рискупоридами, начало правления Рискупорида V датировалось 536—537 гг. б. э. (239—240 гг. н. э.) [2]. Убежденность в правильности этой датировки покоилась на сведениях, полученных из литературы, восходящей еще к середине XVIII в. Так, М. Кари, И. Эккель, Ф. Фрёлих, Т. Е. Мионне дали описание монет Рискупорида с датой 536 г. б. э. (239 г. н. э.)[3]. Столетие спустя данными этих исследователей воспользовался П. П. Сабатье. При упоминании монет Рискупорида V 536 г. б. э. (239 г. н. э.) П. П. Сабатье [4] ссылался на М. Кари и Т. Е. Мионне и, указывая на существование статеров 537 г. б. э. (240 г. н. э.), сообщал, что они опубликованы Д. Сестини. При проверке сведений, собранных П. П. Сабатье, выяснилось, что статеры 536 г. б. э. (239 г. н. э.) действительно были упомянуты у М. Кари, но никаких до-

[1] *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, № 16, 1951, с. 208; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, с. 451.

[2] *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. B., 1971, S. 740; *Кругликова И. Т.* Клад боспорских статеров III в. из дер. Семеновка.— СА, 1958, № 3, с. 139; *ее же.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 195 — датирует начало правления Рискупорида V 240—241 гг. н. э., удлиняя при этом правление Ининфимея до 239/240 гг. н. э., в то время как статеры Ининфимея последнего года чеканки имеют дату 535 г. б. э.= 238 г. н. э.; *Карышковский П. И.* З сторіі монетной справи на Боспорі в III ст. н. е. Одеський Державний Археологический музей. МАПП, II, 1959, с. 177; *Pochitnov E.* Nĕcolik Poznámek k Posloupnosti Polslednich Bosporskych Králů, Numismatický Sbornik, VII. Praha, 1962, S. 34; *Брабич В. М.* Клад боспорских статеров III в. н. э. из Тиритаки.— Тр. ГЭ, IX, 1967, с. 6 (датирует начало правления Рискупорида V — 241 г. н. э.); *Голенко К. В., Сокольский Н. И.* Клад 1962 г. из Кеп.— НЭ, VII, 1968, с. 72; *Голенко К. В.* Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г.— ВДИ, 1970, № 2, с. 89; *его же.* Таманский клад монет 1970 г.— «Klio». Beiträge zur Alten Geschichte. Bd., 54. Berlin, 1972, S. 240; *Golenko K. W.* Nordliches Schwarzmeergebiet «Chiron».— Mitteilungen der Kommission für alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts, Bd. 5. München, 1975, S. 632; *его же.* Третий Патрэйский клад (1970) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. н. э.— НЭ, XII, 1978, с. 15.

[3] *Cary M.* Histoire des Rois de Thrace et de ceux du Bosphore Cimmerien. Paris, 1752, p. 75; *Eckhel J.* Doctrina Numorum Veterum. II. Vindobonae, 1752, p. 380; *Frölich F.* Ad Numismata Regum Veterum. Viennae, 1755, p. 105; *Mionnet T. E.* Description de Medailles antiques Grecques et Romaines, Supplement, IV. Paris, S. 537, № 266.

[4] *Сабатье П. П.* Керчь и Боспор. СПб., 1851, с. 77.

полнительных данных о весах или прорисовках с монет у М. Кари не содержалось. Что же касается материалов, опубликованных Д. Сестини, то среди них имеется упоминание о монетах 538 г. б. э. (241 г. н. э.) с именем Рискупорида, но о статерах 537 г. б. э. (240 г. н. э.) вообще ничего не сказано [5]. Вслед за П. П. Сабатье, лишь несколькими годами позже, Б. В. Кене, издавая статер Рискупорида V 539 г. б. э. (242 г. н. э.), отметил, что известны статеры Рискупорида 536 (239 г. н. э.) и 538 гг. б. э. (241 г. н. э.) [6]. Этими же данными пользовались П. О. Бурачков при составлении общего каталога монет Северного Причерноморья [7] и В. В. Латышев, давший очерк истории Боспорского государства [8]. Таким образом, от М. Кари (1752 г.) дошли до нас сведения о статерах Рискупорида V 536 г. б. э. (239 г. н. э.); от П. П. Сабатье (1851 г.) со ссылками на Д. Сестини (1831 г.) — данные о монетах 537 г. б. э. (240 г. н. э.), а от самого Д. Сестини указание на существование статеров 538 г. б. э. (241 г. н. э.). Но, как это ни удивительно, до сих пор не зафиксировано находок монет Рискупорида V с датами 536, 537, 538 гг. б. э. (239, 240, 241 гг. н. э.). Между тем А. Н. Зограф датировал начало чекана Рискупорида V 537 г. б. э. (240 г. н. э.), но на таблице в его книге помещена монета 539 г. б. э. (242 г. н. э.) [9]. П. О. Карышковский, говоря об изображениях Рискупорида V первых лет чеканки — 537—539 гг. б. э. (240—242 гг. н. э.), дает фотографию статера 539 г. б. э. (242 г. н. э.) из собрания Британского музея [10], а Е. Похитонов в качестве иллюстрации выпусков статеров 537—554 гг. б. э. (240—257 гг. н. э.) помещает изображение монеты 558 г. б. э. (261 г. н. э.) [11]. Кроме того, в крупнейших нумизматических собраниях СССР (ГЭ, ГИМ, ГМИИ, ОГАМ) нет монет Рискупорида с датами 536, 537, 538 гг. б. э. (239—241 гг. н. э.). В кладах, содержащих статеры Рискупорида V, статеры этих лет не обнаружены. В настоящее время известны восемь кладов монет: 1) Тиритакский клад 1937 г.[12]; 2) клад из дер. Семеновка 1957 г.[13]; 3) Таманский клад 1958 г.[14]; 4) Судакский клад 1959 г.[15]; 5) Керченский клад 1964 г.[16]; 6) Таманский клад 1970 г.[17]; 7) Третий Патрэйский клад 1970 г.[18]; 8) клад монет Рискупорида V, найденный при раскопках Илурата в 1976 г.[19] В перечисленных выше кладах самыми ранними статерами являются статеры Рискупорида 539 г. б. э. (242 г. н. э.). Вследствие этого наиболее вероятной датой первого года правления Рискупорида V следует считать 539 г. б. э. (242 г. н. э.). К сожалению, нумизматические данные до сих пор явля-

---

[5] *Sestini D.* Descrizione d'alcune Medaglio Greche del Museo del Signore Barone Stanislao di Chaudoir. Firenze, 1831, p. 74, № 1.

[6] *Кене Б. В.* Описание музеума кн. В. В. Кочубея. СПб., 1857, с. 333, № 2, прим. 2.

[7] *Бурачков П. О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на Северном берегу Черного моря, I. Одесса, 1884, с. 288.

[8] *Латышев В. В.* ГОNTIKA. СПб., 1909, с. 119.

[9] *Зограф А. Н.* Античные монеты, с. 208, табл. L, *1*.

[10] *Карышковский П. О.* Ук. соч., табл. XXXI, *1*.

[11] *Pochitonov E.* Ук. соч., табл. I, *1*.

[12] *Зограф А. Н.* Тиритакский клад.— КСИИМК, VI, 1940, с. 58; *Брабич В. М.* Ук. соч., с. 6.

[13] *Кругликова И. Т.* Клад боспорских статеров..., с. 134.

[14] *Кунин В. Э.* Монетный клад с Таманского полуострова.— В сб.: Археология и история Боспора, т. II. Симферополь, 1962, с. 343—347.

[15] *Шульц П. Н.* Судакский клад боспорских монет 1959 года. Тезисы доклада на секции нумизматики в 1961 г.— СА, 1961, № 4, с. 293.

[16] *Голенко К. В.* Монеты..., с. 88.

[17] *Голенко К. В.* Таманский клад монет..., с. 241.

[18] *Голенко К. В.* Третий Патрэйский клад..., с. 10.

[19] Клад, состоящий из 66 экз. монет Рискупорида V, найден при раскопках Илурата, проводимых экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством И. Г. Шургая в 1976 г. Предварительное сообщение в газете «Вечерний Ленинград» 28 декабря 1977 г.

ются единственным источником, позволяющим решать вопросы хронологии правления Рискупорида V. Дошедшие до нас надписи, в которых Рискупорид назван великим царем, происходящим от предков царей (КБН, 58, 59), относятся к более позднему времени, к 249 и 250 гг. н. э., и не могут быть использованы в качестве дополнительного материала, устанавливающего начальную дату утверждения Рискупорида V на боспорском престоле. Неизвестно, что происходило на Боспоре в период между 535—538 гг. б. э. (238—241 гг. н. э.), так как монет, имеющих эти даты, не найдено. Последние статеры Ининфимея были выпущены в 535 г. б. э. (238 г. н. э.) [20], а самыми ранними статерами Рискупорида V, судя по материалам кладов и нумизматических собраний, являются статеры 539 г. б. э. (242 г. н. э.). Количество учтенных нами статеров Рискупорида V равняется 4629 экз. Анализ этого числа статеров Рискупорида дает возможность подойти к решению ряда вопросов, связанных с определенными моментами в истории правления Рискупорида V: осветить вопросы, связанные с воцарением на Боспорском престоле Фарзанса, Тейрана, Савромата IV, и определить конечную дату правления Рискупорида V. Кроме того, анализ метрологических данных, проведенный путем применения метода весовой шкалы, дал возможность вычислить средний вес статеров Рискупорида для каждого года чеканки, что, в свою очередь, позволяет выявить напряженное состояние экономики Боспора в определенные периоды долголетнего правления Рискупорида V. Эти данные метрологии в совокупности с результатами химических анализов металла статеров Рискупорида V, Фарзанса, Савромата IV и Тейрана послужат теми незаменимыми сведениями, знание которых позволит выявить особенности в проведении Рискупоридом V его политики управления государством.

Статеры Рискупорида V с 539 по 573 гг. б. э. (242—276 гг. н. э.)

539 г. б. э. (242 г. н. э.) — 14 экз., вес 7,10 *г* (табл. I, *1*)
540 г. б. э. (243 г. н. э.) — 24 экз., вес 7,60 *г* (табл. I, *2*)
541 г. б. э. (244 г. н. э.) — 65 экз., вес 7,50 *г* (табл. 1, *3*)
542 г. б. э. (245 г. н. э.) — 46 экз., вес 7,60 *г* (табл. I, *4*)
543 г. б. э. (246 г. н. э.) — 59 экз., вес 7,50 *г* (табл. I, *5*)
544 г. б. э. (247 г. н. э.) — 57 экз., вес 7,50 *г* (табл. I, *6*)
545 г. б. э. (248 г. н. э.) — 126 экз., вес 7,50—7,70 *г* (табл. I, *7*)
546 г. б. э. (249 г. н. э.) — 216 экз., вес 7, 70 *г* (табл. I, *8*)
547 г. б. э. (250 г. н. э.) — 264 экз., вес 7,50—7,70 *г* (табл. I, *9*)
548 г. б. э. (251 г. н. э.) — 290 экз., вес 7,70 *г* (табл. I, *10*)
549 г. б. э. (252 г. н. э.) — 254 экз., вес 7,40—7,50 *г* (табл. I, *11*)
550 г. б. э. (253 г. н. э.) — 14 экз., вес 7,30 *г* (табл. I *12*)

В 550 г. б. э. (253 г. н. э.) на боспорском монетном дворе наряду с монетами Рискупорида чеканились статеры, носящие имя Фарзанса.

Статеры Фарзанса 550 г. б. э.

Фарзанс — 550 г. б. э. (253 г. н. э.) — 89 экз., вес 7,20—7,50 *г* (табл. I, *13—16*). Средний вес выведен только по 39 экз., так как весовые данные 50 статеров Фарзанса из Керченского клада 1964 г., изданного К. В. Голенко, неизвестны.

551 г. б. э. (254 г. н. э.) — 1 экз., вес 7,05 *г* (табл. 1, *17*).

А. Н. Зограф сомневался в чтении даты как 551 г. б. э. на этом уникальном экземпляре, происходящем из собрания ГЭ (№ 10). Но монеты Рискупорида чеканились непрерывно и в последующие годы.

Статеры Рискупорида V 551—563 гг. б. э. (254—266 гг. н. э.)

551 г. б. э. (254 г. н. э.) — 24 экз., вес 7,40 *г* (табл. I, *18—21*)
552 г. б. э. (255 г. н. э.) — 38 экз., вес 7,40—7,60 *г* (табл. I, *22*)
553 г. б. э. (256 г. н. э.) — 14 экз., вес 7,30—7,40 *г* (табл. I, *23*)

---

[20] *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора при Рискупориде IV (233—234 гг. н. э.) и Ининфимее (234—238 гг. н. э.).— СА, 1974, № 1, с. 49, 50.

Таблица I. *1—12* — статеры Рискупорида V; *13—17* — статеры Фарзанса; *18—24* — статеры Рискупорида V

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24

554 г. б. э. (257 г. н. э.) — 2 экз., вес 7,32; 7,57 *г* (табл. II, *24*)
Перерыв с 555 г. б. э. по 557 г. б. э. = 258—260 гг. н. э.
558 г. б. э. (261 г. н. э.) — 72 экз., вес 7,50—7,60 *г* (табл. II, *1*)
559 г. б. э. (262 г. н. э.) — 225 экз., вес. 7,50—7,70 *г* (табл. II, *2*)
560 г. б. э. (263 г. н. э.) — 340 экз., вес 7,60—7,70 *г*. (табл. II, *6*)

Кроме того, в этом же году были выпущены золотые монеты: 1 экз., вес 2,62 *г* (табл. II, *3*, ГЭ, 1585) и серебряные монеты. Учтено 7 экз. Веса: 1, 48 *г*; 1, 76 *г*; 2, 12 *г*; 2, 31 *г*; 2, 33 *г*; 2, 38 *г*; 2, 99 *г* (табл. II, *4—5*, ГЭ, 29424—29425).

561 г. б. э. (264 г. н. э.) — 510 экз., вес 7,50 *г* (табл. II, *8—10*)

В 561 г. были выпущены и серебряные монеты. Известен 1 экз., вес 2,38 *г* (табл. II, *7*), ГЭ, 29448(53).

562 г. б. э. (265 г. н. э.) — 239 экз., вес 7,50 *г* (табл. II, *11—12*)
563 г. б. э. (266 г. н. э.) — 588 экз., вес 7,40—7,50 *г* (табл. II, *13*)

В 563 г. б. э. (266 г. н. э.), кроме статеров Рискупорида V, были выпущены и статеры от имени Тейрана. В Таманском кладе боспорских монет 1958 г., хранящемся в настоящее время в Керченском археологическом музее, имеется статер 563 г. б. э, с именем Тейрана.

Статер Тейрана
563 г. б. э. (266 г. н. э.) — 1 экз., вес 7,34 *г* (табл. II, *14*, Таманский клад, 1958, Керчь, № 2239)
Рискупорид V — 564 г. б. э. (267 г. н. э.) — 406 экз., вес 7,40—7,50 *г* (табл. II, *15, 17, 18*)
Зафиксирован перерыв в чеканке с 565 г. б. э. по 571 г. б. э. (268—274 гг. н. э.)

В 572 г. б. э. (275 г. н. э.) на Боспоре чеканились статеры от имени трех царей одновременно: Рискупорида V, Савромата IV и Тейрана. Рискупорид V — 572 г. б. э. (275 г. н. э.) — 3 экз. (табл. II, *19*, ГЭ 2263; вес 6,31 *г*, табл. II, *20*, ГИМ 5260; вес 7,47 *г*; табл. II, *21*, Судакский клад 1959 г.)
Савромат IV — 572 г. б. э. (275 г. н. э.) — 75 экз., вес 7,50—7,60 *г* (табл. II, *22—24*)
Тейран — 572 г. б. э. (275 г. н. э.) — 13 экз., вес 7,50—7,60 *г* (табл. III, *1—3*)
573 г. б. э. (276 г. н. э.) представлен статерами Рискупорида V и Тейрана
Рискупорид — 573 г. б. э. (276 г. н. э.) — 1 экз., вес 7,40 *г* (табл. III, *4*) Таманский клад 1958 г., Керчь № 2264
Тейран — 573 г. б. э. (276 г. н. э.) — 35 экз., вес 7,50—7,60 *г* (табл. III, *5—7*)

Таким образом, судя по нумизматическим данным, правление Рискупорида V продолжалось с 539 по 573 гг. б. э. (242—276 гг. н. э.), а не по 564 г. б. э. (267 г. н. э.), как датируется оно до сих пор. Но в течение этого времени зафиксированы эмиссии статеров от имени еще трех царей: Фарзанса в 550 г. б. э. (253 г. н. э.), Тейрана в 563 г. б. э. (266 г. н. э.), Савромата и Тейрана в 572 г. б. э. (275 г. н. э.) и снова Тейрана в 573 г. б. э. (276 г. н. э.).

Прежде всего следует остановиться на вопросе о чеканке монет Фарзансом. Монеты Фарзанса 550 г. б. э. (253 г. н. э.) известны давно[21]. Они происходят из раскопок, из монетных кладов, имеются в му-

[21] *Кене Б. В.* Ук. соч., с. 352, 353.

Таблица II. *1—13* — монеты Рискупорида V; *14* — статер Тейрана 563 г. б. э. (266 г. н. э.) (Таманский клад 1958 г.); *15—18* — статеры Рискупорида 564 г. б. э. (267 г. н. э.); *19—21* — статеры Рискупорида 572 г. б. э. (275 г. н. э.) (ГЭ, ГИМ, Судакский клад, 1959 г.); *22—24* — статеры Савромата IV

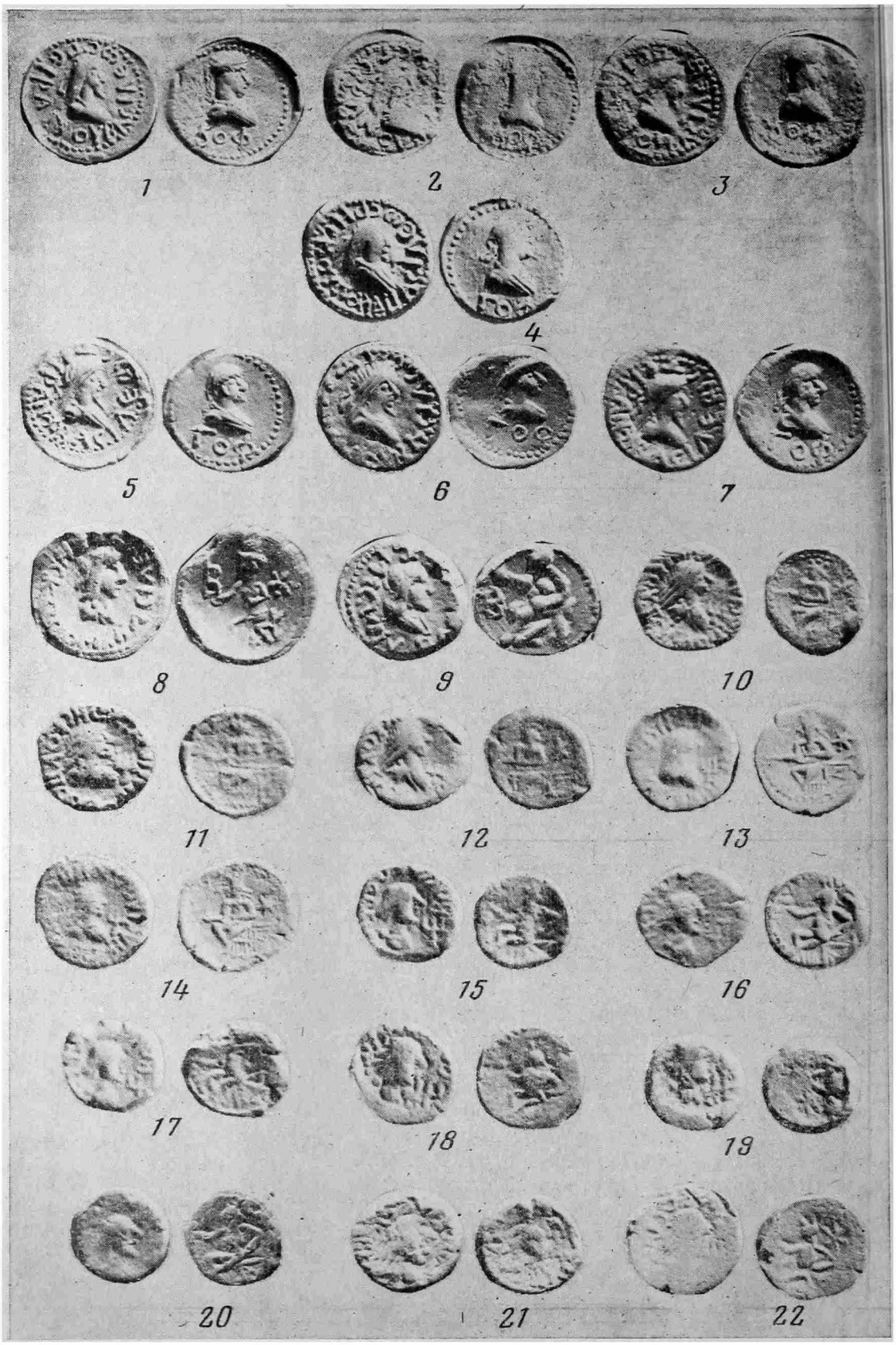


Таблица III. *1—3* — статеры Тейрана 572 г. б. э. (275 г. н. э.); *4* — статер Рискупорида 573 г. б. э. (276 г. н. э.) (Таманский клад 1958 г.); *5—7* — статеры Тейрана 573 г. б. э. (276 г. н. э.); *8—22* — медь Рискупорида V

зейных собраниях. До сих пор считается, что Фарзанс чеканил монеты не только в 550 г. б. э. (253 г. н. э.), но и в 551 г. б. э. (254 г. н. э.). Это убеждение покоится лишь на предположении, что на статере Фарзанса (плохой сохранности) из собрания ГЭ стоит дата АΝΦ — 551 г. б. э. (254 г. н. э.) (табл. I, *17*).

Можно вспомнить, что еще в начале XIX в. о монете Фарзанса 551 г. (254 г. н. э.) писал Келер [22]. Его сведениями воспользовался Т. Е. Мионне [23], а в 1831 г. Д. Сестини дал описание монеты Фарзанса с датой 554 г. б. э. (257 г. н. э.) [24]. Г. Спасский в своей статье об этих монетах взял сведения о монетах Фарзанса 551 г. б. э. (254 г. н. э.) от Келера и Мионне [25], а о статере Фарзанса 554 г. б. э. (257 г. н. э.) от Сестини [26], отметив при этом, что до него еще никто не помещал воспроизведения этих монет на таблицах [27], поместил на таблице только рисунок статера Фарзанса 550 г. б. э. (253 г. н. э.) [28]. Б. В. Кене выяснил, что монета Фарзанса с датой 554 г. б. э. (257 г. н. э.), описание которой было дано еще Сестини и которая вместе со всей коллекцией Шодуара была приобретена музеем императорского Эрмитажа, имеет дату 551 г. б. э. (254 г. н. э.), а не 554 г. б. э. (257 г. н. э.) [29] Несколькими годами позже указание на существование монет Фарзанса 551 г. б. э. (254 г. н. э.) появляется и в других работах Г. Спасского [30], Б. В. Кене [31], а от них переходит к А. Заллету [32] и Е. Миннзу [33].

Таким образом, становится ясно, что речь все время идет о единственной монете Фарзанса 551 г. б. э. (254 г. н. э.), хранящейся до сих пор в коллекции ГЭ (табл. I, *17*). Но еще А. Н. Зограф указывал, что он сомневается в чтении даты на этой монете как 551 г. б. э. (254 г. н. э.) [34]. Помимо этого, А. Н. Зограф обратил внимание на тот факт, что и в Одесском музее еще до войны не было статеров Фарзанса 551 г. б. э. (254 г. н. э.). В 1959 г. П. О. Карышковский упомянул о монете Фарзанса 551 г. б. э. (254 г. н. э.) из Одесского музея вероятно также очень плохой сохранности [35]. На опубликованном им экземпляре дата не видна, в приложении нет ни веса монеты, ни номера музейного собрания. В настоящее время в Одесском археологическом музее нет статера Фарзанса 551 г. б. э. (254 г. н. э.), нет его и в коллекции ГИМ. Тем не менее монета Фарзанса 551 г. б. э. (254 г. н. э.) из ГЭ до сих пор служит фактическим материалом для реконструкции истории Боспора. Так, полагают, что Фарзанс устранил от власти Рискупорида, чеканил монеты в 550 и 551 гг. б. э. (253 и 254 гг. н. э.), но правил единолично на Боспоре с середины 550 г. б. э. (253 г. н. э.) до середины 551 г. б. э. (254 г. н. э.) [36]. К. В. Голенко были предложены и более точные

---

[22] *Koehler H. K. E.* Medailles Greques, «Serapis». Spb., 1850, p. 13, № 2, tabl. II 7.
[23] *Mionnet T. E.* Op. cit., p. 540, № 280.
[24] *Sestini D.* Descrizione..., p. 75, № 2.
[25] *Spasski G.* Description des Monnaies de Pharéanses et d'Aréansés rois du Bosphore Cimmérien, Mémoires de la Société d'archéologie et de Numismatique de St. Pétersbourg. St. P. vol. I, 1847, p. 283, № 2.
[26] Ibid., № 4.
[27] Ibid., S. 284.
[28] Ibid., pl. XIV, N *a*.
[29] *Koehne B.* Remarques sur l'article de Mr. Spasski, relatif aux Monnaies des Rois Pharéansès et Areanses, Memoires de la Société d'archéologie et de Numismatique de St. Petersbourg, I, 1847, S. 289.
[30] *Спасский Г.* Археолого-нумизматический сборник. М., 1850, с. 26.
[31] *Кене Б. В.* Описание музеума, с. 354, № 3.
[32] *Von Sallet A.* Pharsanses, König des Bosphorus.— ZfN, Bd. IX, 1882, S. 154.
[33] *Minns H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 607.
[34] *Зограф А. Н.* Античные монеты, с. 209, прим. 1.
[35] *Карышковский П. И.* З історії монетної справи..., с. 182, табл. XXXI, *24*.
[36] *Кругликова И. Т.* Клад боспорских статеров III в. н. э..., с. 137, прим. 18; *ее же*. Боспор в позднеантичное время..., с. 197; *ее же*. Боспор III—IV вв. н. э. в свете новых археологических исследований.— КСИА АН СССР, № 103, 1965, с. 8; *ее же*. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 197.

датировки правления Фарзанса: с ноября-декабря 253 г. по первые дни октября 254 г.[37]. Утверждалось, что одновременно чекана Рискупорида и Фарзанса не было. Доказывалось, что эмиссии Фарзанса 551 г. б. э. (254 г. н. э.) представлены не одной только монетой из Эрмитажа. При этом К. В. Голенко ссылался на статью А. Заллета и на находки статеров Фарзанса 551 г. б. э. (254 г. н. э.) в Керченском кладе 1964 г.[38] А. Заллет, публикуя статер Фарзанса 550 г. б. э. (253 г. н. э.), отмечал, что статер Фарзанса, но с датой 551 г. б. э. (254 г. н. э.), подобный изданному Б. В. Кене, имеется в Берлинском музее[39]. Как известно, Б. В. Кене не воспроизвел на своих таблицах статера Фарзанса 551 г. б. э. (254 г. н. э.), а только привел литературу о нем, т. е. все те же сведения, имеющиеся у Келера, Т. Е. Мионне, Сестини и Спасского о единственном экземпляре из собрания Шодуара, поступившего в императорский музей Эрмитажа. Что же касается статера Фарзанса 551 г. б. э. (254 г. н. э.) из собрания Берлинского музея, то в настоящее время в Мюнцкабинете Государственного музея в Берлине нет этого статера[40]. Кроме того, следует обратить внимание на вопрос о монетах Фарзанса 551 г. б. э. (254 г. н. э.), происходящих из Керченского клада 1964 г. Этот клад, определенный К. В. Голенко, оказался единственным из восьми известных в настоящее время кладов позднебоспорских монет, в котором как будто бы были статеры Фарзанса 551 г. б. э. (254 г. н. э.). Особое внимание К. В. Голенко обратил на тот факт, что статеры Фарзанса из клада чеканены 10 штемпелями лицевых сторон и 28 штемпелями оборотных, среди которых только один имеет обозначение ΑΝΦ — 551 г. б. э. (254 г. н. э.)[41]. Причем этот единственный экземпляр не был воспроизведен фототипически, не было дано его прорисовки и не дан его вес. Между тем по этой монете была установлена крайняя дата зарытия клада — 551 г. б. э. (254 г. н. э.)[42]. Далее, в списке монет Керченского клада этот экземпляр был указан[43], а в каталоге монет Рискупорида V 550 г. б. э. (253 г. н. э.) и Фарзанса, составленном К. В. Голенко, учтен только уникальный экземпляр 551 г. б. э. (254 г. н. э.) из собрания ГЭ[44]. Упоминание о монете Фарзанса 551 г. б. э. (254 г. н. э.) из Керченского клада находится в графе каталога, из которой становится ясно, что определение статера было дано по сходству его штемпелей с монетой Фарзанса 551 г. б. э. (254 г. н. э.) из ГЭ[45]. Но экземпляр статера Фарзанса из собрания ГЭ плохой сохранности, и чтение даты на нем как 551 г. б. э. (254 г. н. э.) само нуждается в подтверждении находками подобных монет. Более того, при повторном просмотре монет Керченского клада обнаружено, что монета № 42 по списку К. В. Голенко, принятая им за экземпляр статера Фарзанса 551 г. б. э. (254 г. н. э.), не только плохой сохранности, но на месте даты имеет лакуну, так что прочитать там что бы то ни было не представляется воз-

---

[37] *Голенко К. В.* Монеты.., прим. 38; *его же.* Таманский клад монет..., S. 242; *Golenko K. W.* Op. cit., S. 615, 616, N 504.

[38] *Голенко К. В.* Монеты..., с. 88. Автор отмечал, что боспорские статеры клада представлены монетами Рискупорида V 549 г. б. э. (3 экз.) и «статерами Фарзанса 550—551 = 253—254 гг. (50? экз.)».

[39] *Von Sallet A.* Op. cit., S. 154.

[40] Сведения о монете Фарзанса из собрания Государственного музея в Берлине были сообщены научным сотрудником Берлинского музея С. Шульц, за что и приношу ей глубокую благодарность.

[41] *Голенко К. В.* Монеты..., с. 91.

[42] Там же, с. 91: «Знакомство с этим материалом показывает, что в кладе присутствуют все основные разновидности чекана Фарзанса и что зарытие клада совпало, по-видимому, с выпуском статеров 551 г. от имени этого правителя». Ср. *Golenko K. W.* Nördliches Schwarzmeergebiet..., S. 615, 616, № 504.

[43] Там же, с. 96. Прилож. II, № 42.

[44] Там же, с. 98. Прилож. II, № 39.

[45] Там же, с. 98, прим. 3.

можным [46]. Поэтому нельзя утверждать, что в Керченском кладе 1964 г. имеется статер Фарзанса 551 г. б. э. (254 г. н. э.). Вследствие этого должна быть пересмотрена и дата зарытия Керченского клада 1964 г.—550 г. б. э. (253 г. н. э.), а не 551 г. б. э. (254 г. н. э.). В тесной связи с этим находится и вопрос о времени правления Фарзанса на Боспоре. Весьма своеобразным способом пытался решить его К. В. Голенко. Исходя из наличия 10 штемпелей лицевых сторон, которыми были чеканены известные ему статеры Фарзанса, не говоря уже о 28 штемпелях оборотных сторон, К. В. Голенко сделал вывод, что Фарзанс правил не многим более 10 месяцев. По его мнению, Фарзанс начал выпускать статеры в начале 550 г. б. э. (253 г. н. э.), но не в первый месяц и прекратил чеканку в самом начале 551 г. б. э. (254 г. н. э.), от которого ему были известны монеты только одного штемпеля лицевой стороны [47]. Поэтому он полагал, что одновременного правления Рискупорида V и Фарзанса не было. Между тем никакой подсчет штемпелей ни лицевых, ни оборотных сторон никоим образом не может показать, в начале или в конце года правитель приступил к эмиссиям монет, так как на статерах Боспора указываются только годы боспорской эры. Не имеется свидетельств и о том, сколько штемпелей употреблялось за месяц или за год на монетном дворе. Следовательно, подсчет штемпелей монет не может решить вопрос о длительности правления того или иного царя, а может свидетельствовать только об интенсивности чеканки монет. Равным образом сходство штемпелей лицевых сторон не дает возможности утверждать, что и оборотные стороны монет имеют одни и те же даты.

Итак, из анализа состава Керченского клада К. В. Голенко заключал, что Фарзанс узурпировал власть, но был единоличным правителем Боспора только десять месяцев. Из этого положения получалось далее, что клад иллюстрирует хронологический разрыв в эмиссиях 551 г. б. э. (254 г. н. э.) между выпусками Фарзанса и Рискупорида V, а следовательно, и отсутствие одновременного чекана Рискупорида V и Фарзанса [48]. Но, опираясь на имеющиеся в настоящее время материалы из кладов и музейных собраний, следует отметить, что статеров Рискупорида V учтено: 550 г. б. э. (253 г. н. э.) — 14 экз., 551 г. б. э. (254 г. н. э.) — 24 экз.; Фарзанса 550 г. б. э. (253 г. н. э.) — 89 экз., 551 г. б. э. (254 г. н. э.) — 1 экз. из ГЭ.

Располагая подобными сведениями, нельзя утверждать, что Рискупорид V и Фарзанс не правили одновременно. Также неосновательно ставить вопрос о разделении Боспора в 550—551 гг. б. э. (253—254 гг. н. э.) на две части [49]. Статеры Рискупорида V и Фарзанса едины типологически, метрологически и по составу металла [50] (ср. табл. 1, *14—16*). В связи с этим встает вопрос о справедливости отнесения к Фарзансу свидетельства Зосима (I, 31, 3): «... когда же по исчезновении царского рода во главе правления стали недостойные и потерянные люди, то, боясь за себя, они представили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах, которые они взяли обратно и возвратились

---

[46] Керченский музей № 2788. Приношу глубокую благодарность главному хранителю Керченского музея В. Н. Боровковой за любезно предоставленную возможность работы над монетами Керченского клада 1964 г.

[47] *Голенко К. В.* Монеты..., с. 93, прим. 38.

[48] *Голенко К. В.* Монеты..., с. 93, 94.

[49] *Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, с. 206.

[50] Анализы химического состава металла статеров Рискупорида V, Фарзанса, Савромата IV, Тейрана, Фофорса выполнены в Лаборатории естественных научных методов Института археологии АН СССР научным сотрудником института Т. А. Барцевой, за что приношу ей глубокую благодарность.

Таблица 1

Анализ химического состава металла статеров Рискупорида V, Фарзанса, Савромата IV, Тейрана, Фофорса (ГИМ)

№ п. п.	Правители	г. б. э.	г. н. э.	Медь	Олово	Свинец	Цинк	Висмут	Серебро	Сурьма	Мышьяк	Железо	Никель	Кобальт	Золото	Вес	ГИМ №
1	Рискупорид V	541	244	50	0,02	0,1	0,03	0,01	50	0,05	0,02	0,001	0,001	0,005	0,1	7,82	8882
2	»	541	244	50	0,05	0,09	0,08	0,04	50	0,25	–	1,0	0,005	0,005	0,1	6,76	8882[a]
3	»	542	245	50	10,0	10,0	0,3	0,005	1–10	0,03	–	1,0	0,001	0,005	0,001–0,003	7,38	8891
4	»	542	245	50	0,1	0,5	0,01	0,005	50	0,03	0,08	0,005	0,02	0,001	0,1	7,41	9021
5	»	543	246	50	0,04	0,25	0,01	0,04	50	0,15	0,005	0,01	0,005	0,005	0,1	6,63	8897
6	»	544	247	50	0,05	0,2	0,01	0,01	50	0,05	0,08	0,001	0,02	0,003	0,1	6,72	8899
7	»	545	248	50	0,04	0,25	0,01	0,01	50	0,03	0,08	0,003	0,5	0,01	0,1	7,50	8903
8	»	545	248	50	0,05	1,0	0,05	0,04	50	0,05	0,2	0,001	0,6	0,02	0,1	7,52	8911
9	»	546	249	50	0,05	0,25	0,01	0,02	50	0,03	0,08	1,0	0,03	0,005	0,1	6,52	8918
10	»	547	250	50	0,3	0,25	0,01	0,01	50	0,05	0,1	1,0	0,05	0,005	0,1	7,67	5008
11	»	548	251	50	0,05	0,15	0,002	0,02	50	0,03	0,2	1,0	0,02	0,005	0,1–0,03	7,69	5023
12	»	549	252	50	0,05	0,25	0,002	0,01	50	0,05	0,45	1,0	0,05	0,02	0,1–0,03	5,45	5103[a]
13	»	550	253	Осн.	0,05	0,2	0,003	0,01	1–10	0,05	0,55	1,0	0,08	0,005	0,1–0,03	7,08	5104
14	Фарзанс	550	253	50	0,1	0,25	0,01	0,01	50	0,05	0,45	0,03	0,08	0,02	0,1–0,03	7,13	8863
15	»	550	253	50	0,25	3,0	0,02	0,04	50	0,05	0,45	0,001	0,2	0,05	0,1–0,03	7,40	8873
16	Рискупорид V	551	254	50	0,1	0,25	0,01	0,01	50	0,05	0,25	0,001	0,05	0,02	0,1–0,3	7,42	5033
17	»	552	255	50	0,1	0,25	0,01	0,01	50	0,05	0,45	1,0	0,05	0,01	0,1	7,36	8979
18	»	558	261	50	0,02	0,5	?	0,03	50	0,05	0,08	0,001	0,03	0,005	0,1	7,20	5039
19	»	559	262	50	0,1	0,1	0,01	0,02	50	0,05	0,08	0,65	0,03	0,005	0,1–0,03	7,36	5042
20	»	562	265	50	0,25	0,5	0,01	0,04	50	0,05	0,1	0,001	0,02	0,005	0,1	7,37	8845
21	»	563	266	50	0,2	0,1	0,002	0,02	50	0,05	0,2	0,003	0,08	0,08	0,1–0,03	7,56	8854
22	»	564	267	50	0,2	0,2	0,05	0,03	50	0,03	0,04	0,001	0,03	0,005	0,1–0,03	7,46	8860
23	Савромат IV	572	275	50	0,02	0,07	0,002	0,001	50	0,03	0,08	0,001	0,02	0,005	0,01–0,03	7,48	8839
24	Тейран	572	275	50	0,75	0,1	0,001	0,005	50	0,05	0,03	0,001	0,03	0,02	0,1–0,03	6,87	5265
25	»	573	276	Осн.	0,75	0,5	0,01	0,005	3–10	0,1	0,2	0,01	0,08	0,02	0,1–0,03	7,49	5278
26	»	575	278	Осн.	6,0	10,0	0,9	0,02	0,05	0,15	0,15	0,01	0,03	0,01	0,001–0,003	6,42	5270

домой» [51]. Впервые это свидетельство Зосима связал с Фарзансом Т. Моммзен [52]. Следом за Т. Моммзеном почти все исследователи истории Боспора относили эти слова Зосима к Фарзансу [53]. Между тем К. Брандис счел нужным отметить, что это свидетельство Зосима нельзя понимать буквально. В. В. Латышев также подчеркивал это обстоятельство. Сомнение ученых вызвали слова Зосима об исчезновении на Боспоре царского рода, в то время как события, о которых сообщал этот автор, относились к 255 г.[54] Независимо от того, к какому году относить первый морской поход варваров из Азовского моря на боспорских судах под Питиунт (Zosim, I, 31—32), к 255 г. или 256 г., а второй морской поход боранов и готов под Трапезунт (Zosim, I, 32—33) — к 256 или 257 г.[55], все они гораздо позже того времени, которым датируют правление Фарзанса (253—254 гг.). Помимо этого хронологического несоответствия следует учесть и непрерывность чеканки Рискупоридом V статеров в течение 550—551 гг. б. э. (253—254 гг. н. э.). Поэтому справедливым будет считать Фарзанса не узурпатором, а соправителем Рискупорида. Полагать же, что воцарение Рискупорида после Фарзанса тоже было насильственным и сопровождалось разрушениями в Пантикапее [56], нет оснований. Археологически это не доказано. Даже И. Т. Кругликова, поддерживающая идею насильственного захвата власти Фарзансом в 253 г. и вступления Фарзанса в соглашение с варварскими племенами, признает, что эти внутренние смуты не сопровождались разрушениями городов и поселений [57]. Следовательно, данные археологического материала не могут быть использованы для доказательства того, что до 253 г. или после 253—254 гг. на Боспоре велась междоусобная борьба. Изменения в общем облике Пантикапея, в частности отступление от террасной планировки построек, В. Д. Блаватский связывает с теми многочисленными невзгодами и бедствиями, которые обрушились на боспорское государство с середины III в. до н. э., в период нашествия готов и союзных с ними племен [58].

Заметные перемены в чеканке выявляются только в 256 г. Эмиссии статеров сокращены более чем вдвое, а от 257 г. до сих пор известны только 2 экз., происходящих из Тиритакского клада. Сокращение чеканки до минимальных размеров неудивительно, так как оно приходится на период морских походов племен Меотиды через Боспор на восточное побережье Черного моря [59]. Систематизированные в хронологическом порядке метрологические данные статеров Рискупорида V первой половины его правления (242—257 гг. н. э.) и статеров Фарзанса 253 г. позволяют установить, что интенсивность или сокращение эмиссий статеров, даже небольшое понижение их среднего веса, а в особенности изменения в составе металла статеров, совпадают с определенными моментами в исто-

---

[51] Пер. В. В. Латышева (SC, I, с. 790); *Латышев В. В.* ГОNTIKA, с. 120.

[52] *Моммзен Т.* История Рима, т. V. М., 1949, с. 267—268, прим. 1.

[53] *Brandis C. G.* Bosporus.— PWRE, vol. III, 1899, S. 785; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, с. 451, 452; *его же.* Das Bosporanische Reich, S. 470; *Ременников А. М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. М., 1949, с. 86; *Зограф А. Н.* Античные монеты, с. 209; *Кругликова И. Т.* Клад боспорских статеров.— СА, 1958, № 3, с. 141; *ее же.* Боспор III—IV вв. н. э..., с. 8; *ее же.* Боспор в позднеантичное время, с. 16, 17; *Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, с. 206; *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, с. 302.

[54] *Brandis C. G.* Op. cit., стб. 785; *Латышев В. В.* ГОNTIKA, с. 119.

[55] *Schmidt L.* Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. Berlin, 1910, S. 212, 213; *Gajdukevič V. F.* Op. cit., S. 465; *Ременников А. М.* Ук. соч., с. 92—94.

[56] *Голенко К. В.* Таманский клад монет..., с. 243; *Golenko K. W.* Nördliches Schwarzmeergebiet..., S. 616.

[57] *Кругликова И. Т.* Боспор в III—IV вв. н. э...., с. 8.

[58] *Блаватский В. Д.* Пантикапей, с. 214, 215.

[59] *Schmidt L.* Op. cit., S. 210.

рии Боспорского государства. Это были моменты напряженного состояния экономики Боспора, вызванные, по-видимому, угрозами нападения варварских племен, которые в 40-х годах III в. н. э. дошли до Дона и Меотиды, вплотную приблизившись к границам Боспора. За довольно короткий промежуток времени с 242 по 257 гг. выявлены два периода, один из которых приходится на 244—245 гг., а другой — на 252—253 гг. Именно в эти годы качество металла статеров претерпевает резкие изменения. Химический анализ статера 245 г. н. э. (табл. 1, *3*) показал, что основу металла статера составляет медь — 50% с небольшой примесью олова — 10% и свинца — 10%, а содержание серебра уменьшено с 50 до 1%. Зафиксированное изменение в состоянии монетной чеканки Боспора, возможно, найдет объяснение во внешнеполитических событиях, связанных с активизацией действий «скифских» племен во всем районе Северного Причерноморья. Д. Б. Шелов относит ко времени между 244 г. и концом 40-х годов III в. н. э. разгром наиболее отдаленного боспорского города Танаиса. Самая поздняя надпись, найденная в Танаисе, датирована 244 г. (КБН, 1287). Одновременно с ним, около середины III в., перестают существовать поселения на правом берегу Нижнего Дона [60]. Уничтожение поселений вокруг Танаиса приписывается готам и герулам, которые в союзе с другими племенами Северного Причерноморья нанесли удар по границам Боспорского государства [61].

Здесь следует обратить внимание на исследования А. М. Ременникова, относившего начало морских походов боранов, готов и герулов к 252—253 гг. н. э. А. М. Ременников полагал, что возобновление в мировом масштабе войн скифов с Римом отразилось и на Боспорском царстве, хотя о ходе войны скифов с Боспором нет никаких прямых свидетельств [62]. Но об этом могут многое сказать косвенные данные. Прежде всего заметное увеличение интенсивности чеканки статеров до начала этих походов. Так, например, если от 250 г. учтено 264 экз., то от 251 г. уже 290 экз. В 252 г. эмиссии несколько сокращаются (254 экз.), а в 253 г. Рискупорид решает разделить свою власть с Фарзансом, возможно, для проведения военных операций в разных частях обширного государства. Бесспорным свидетельством напряженного состояния экономики Боспора в этот год являются данные химического анализа металла статера Рискупорида 550 г. б. э. (253 г. н. э.). Содержание серебра в нем колеблется от 10 до 1%, основу составляет медь, а олово (0,05%) и свинец (0,2%) входят в минимальном количестве (табл. 1, *13*). Меры, предпринятые Рискупоридом V, по-видимому, достигли цели. Ему удалось противостоять напору варварских племен. Об успешном проведении Рискупоридом военных действий можно судить по изображению венка, символа победы, введенного в штемпель оборотной стороны статеров Рискупорида в 551 г. б. э. (254 г. н. э.) (табл. I, *20, 21*). С 555 по 557 гг. б. э. (258—260 гг. н. э.) на Боспоре нет чеканки монет. Возобновляется она лишь в 558 г. б. э. (261 г. н. э.). В последующие два года эмиссии опять резко увеличиваются. В 560 г. б. э. (263 г. н. э.) Рискупорид делает попытку проведения реформы денежного обращения. Об этом говорит золотая монета с датой 560 г. б. э. (263 г. н. э.) (табл. II, *3*) [63]. В этом же 263 г. наряду с золотом выпускаются серебряные монетки, чеканенные из серебра высокой пробы — 92,5% (табл. II, *4, 5*). А. Н. Зограф считал, что чеканка золота представляет собой попытку восстановить обращение золотой монеты, хотя и на основе уменьшенной единицы [64]. От 561 г. б. э. (264 г. н. э.) золотые монеты неизвестны, но чекан серебряных монет был продолжен (табл. II, 7). В 560 г. б. э. (263 г. н. э.) наряду с золо-

[60] *Шелов Д. Б.* Ук. соч., с. 301, 302.
[61] *Gajdukevič V. F.* Op. cit., S. 464. Anm. 15.
[62] *Ременников А. М.* Ук. соч., с. 85, 90, 91.
[63] *Зограф А. Н.* Античные монеты, с. 210, табл. I, *5*.
[64] Там же.

тыми и серебряными монетами, а в 561 г. (264 г. н. э.) наряду только с серебряными выпускались в большом количестве статеры, содержащие не менее 50% серебра. Так, от 560 г. б. э. (263 г. н. э.) учтено 340 экз., от 561 г. (264 г. н. э.) — 510 экз. Беспримерное увеличение эмиссий статеров, свидетельствующее о постоянно растущей нужде в средствах денежного обращения, обусловлено трудностями, которым пришлось противостоять Боспору. Полагают, что очередной поход «скифов» 264 г. в восточную часть Малой Азии (Каппадокию — Вифинию — Галатию) исходил от племен Меотиды, продвигавшихся по проторенному уже пути через Боспор вдоль Кавказского побережья [65]. Возможно, что эта вновь возникшая угроза и побудила Рискупорида V к проведению реформы денежного обращения, выразившейся в увеличении номинальной стоимости статера вдвое. О планомерной подготовке этой реформы, проведенной Рискупоридом постепенно в течение трех лет (560—562 гг. б. э.) — (263—265 гг. н. э.), свидетельствуют прежде всего серебряные монетки 561 г. б. э. (264 г. н. э.) (табл. II, *7*) и статеры этого года трех типов:

1) Л. с.: бюст царя, справа трезубец; о. с.: два бюста императоров, между ними дифферент — точка (табл. II, *8*).

2) Л. с.: то же; о. с.: бюст императора (табл. II, *9*).

3) Л. с.: то же; о. с.: бюст императора вправо, перед ним знак I—10 единиц (табл. II, *10*).

Изучение эмиссий 561 г. б. э. (264 г. н. э.) показывает, что Рискупорид, прежде чем увеличить в 562 г. б. э. (265 г. н. э.) номинальную стоимость статеров вдвое, в 561 г. б. э. (264 г. н. э.) ввел новый тип статера, на котором появилось обозначение стоимости монеты: I = 10 единиц. Эти статеры в весовом отношении ничем не отличались от более ранних. Вес серебряных монеток был втрое меньше веса статеров, но содержание серебра в них вполне могло быть приравнено к содержанию серебра в статерах. Установлено, что средний вес статеров 560 г. б. э. (263 г. н. э.) 7,60—7,70 *г* (340 экз.), вес статеров 561 г. б. э. (264 г. н. э.) — 7,50 *г* (510 экз.). Содержание серебра в статерах прежних и последующих лет — 50%. Следовательно, было выгодно уравнять маленькие серебряные монетки (весом от 1,50 до 3 *г*, но высокой пробы — 92,5%) со статером, вес серебра в котором достигал 3,85 — 4 *г*. Уравнивание отчеканенных серебряных монеток и издавна известных всем статеров было проведено в 561 г. б. э. (264 г. н. э.) путем эмиссий статеров, снабженных новым отличительным знаком — I (10 единиц). Это была та необходимая мера, с помощью которой была достигнута поставленная цель — обеспечить государство средствами денежного обращения, используя в основном только старые. Проведение первого этапа реформы денежного обращения закончилось появлением на статерах нового дифферента, обозначающего стоимость (10 единиц) вновь выпущенных статеров, могущих быть разменными на монеты из чистого серебра и обеспеченных золотом. Но нужды боспорского государства, возраставшие по мере того, как на его границах появлялись все новые и новые орды варварских племен, требовали больших средств. Поэтому в следующем, 562 г. б. э. (265 г. н. э.) номинальная стоимость статеров увеличена еще вдвое. В типологию оборотной стороны статеров вводится новое унифицированное обозначение стоимости — буква К, т. е. 20 единиц. От 562 г. б. э. (265 г. н. э.) известны статеры двух типов:

1) Л. с.: бюст царя, справа трезубец; о. с.: бюст императора, справа буква — знак I — 10 единиц (табл. II, *11*).

2) Л. с.: то же; о. с.: бюст императора, справа буква — знак К — 20 единиц (табл. II, *12*).

А. Н. Зограф не сомневался в том, что здесь наблюдается внезапное повышение номинальной ценности статера вдвое — переход от стоимости

[65] *Schmidt L.* Ук. соч., с. 215; *Ременников А. М.* Ук. соч., с. 109, 110.

в 10 единиц к стоимости в 20 единиц[66]. Следует только заметить, что это не было внезапным повышением, к этому готовились почти три года. Исследование метрологических данных показало, что вес статеров в 10 единиц одинаков с весом статеров в 20 единиц. Так, в Судакском кладе 1959 г. было найдено 68 статеров 562 г. б. э. (265 г. н. э.). Среди них 47 экз. в 10 единиц, средний вес 7,40 *г*, и 21 экз. в 20 единиц, средний вес которых также 7,40 *г*. Содержание серебра (50%) осталось прежним (табл. 1, *20*). Золото присутствует как примесь к основной массе — 0,1 *г*. В 563 г. (266 г. н. э.) интенсивность чеканки увеличивается вдвое. Выпуск статеров в 10 единиц прекращен, чеканятся только статеры в 20 единиц. Средний вес их 7,40—7,50 *г* (588 экз.). Серебряные монеты этих лет неизвестны. Таким образом, Рискупорид V сделал все возможное, чтобы вывести свое государство из состояния кризиса, в который ввергли его события, развернувшиеся в бассейне Северного Причерноморья в 40-х и 50-х годах III в. По-видимому, эта же причина заставила Рискупорида V во второй раз разделить свою власть с выбранным им самим соправителем и предоставить ему право чеканить монету. Об этом наглядно свидетельствует статер 563 г. б. э. (266 г. н. э.), на лицевой стороне которого имеется надпись BACILEWC TEIPANOY на оборотной — бюст императора и дата — 563 г. б. э. (266 г. н. э.), происходящий из клада, найденного на Таманском полуострове в 1958 г.[67] (табл. II, *14*). И. Т. Кругликова отметила, что статер Тейрана 563 г. б. э. (266 г. н. э.) может свидетельствовать либо о временной узурпации всей власти Тейраном, либо о его правлении в азиатской части Боспора[68]. О разделе Боспора на две части в 266 г. нет никаких данных. Что же касается вопроса узурпации власти Рискупорида Тейраном, то для этого тезиса нужны доказательства. Были высказаны и сомнения в подлинности этого статера. Предполагалось, что он был чеканен старым, вышедшим из употребления штемпелем[69]. Но среди всех просмотренных нами штемпелей оборотных сторон статеров Рискупорида V 563 г. б. э. (266 г. н. э.) такого штемпеля нет. По-видимому, Рискупорид V так же, как и в 550 г. б. э. (253 г. н. э.), прибег к наиболее удобному для него методу защиты государства — разделению тягот по охране границ и спасению царства с наиболее талантливым человеком, принадлежащим к царствующему роду Тиберие в Юлиев. О том, что Тиберий Юлий Тейран был именно таким человеком, говорит надпись с именем царя Тейрана, поставленная в честь его победы (КБН, 36). Возможно, что решение Рискупорида разделить с Тейраном тяготы управления государством в столь тревожное для всего Боспора время помогло ему спасти царство от вторжения «скифских» племен. Известно, что в 266 г. племена «скифов» возобновляют свои походы. В этот год были разграблены Вифиния и Гераклея Понтийская[70], а в 267 г. из Азовского моря на 500 судах вышли герулы и направились вдоль западного побережья Черного моря[71]. В. Ф. Гайдукевич предполагал, что герулами были использованы и боспорские корабли[72]. Было бы заманчиво думать, что Рискупорид и Тейран смогли найти средства убедить их не идти через Боспор. В связи с этим интересно отметить, что до начала похода герулов эмиссии боспорских статеров 266 г. значительно превышают выпуски всех предыдущих лет. Равным образом превышают они и эмиссии следующего, 267 года, в течение которого племена «скифов» успели пересечь Черное

[66] *Зограф А. Н.* Античные монеты, с. 210.

[67] *Кунин В. Э.* Монетный клад с Таманского п-ва.— В сб.: Археология и история Боспора. Симферополь, 1962, с. 343, рис. 3, № 13.

[68] *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время..., с. 17, 199.

[69] *Golenko K.* Op. cit., S. 632, Anm. 5.

[70] *Ременников А. М.* Ук. соч., с. 110—113.

[71] *Schmidt L.* Op. cit., s. 215, 216.

[72] *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство, с. 447, прим. 20; *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich, S. 467, Anm., 25, 26.

море и подойти к Дунаю. Нужда в средствах денежного обращения заставила Рискупорида V перечеканивать статеры прежних лет. Основную часть перечеканенных статеров составили статеры 558 и 559 гг. б. э. (261 и 262 гг. н. э.), стоимость которых теперь повышена в 2 раза (табл. II, *16—18*). Спешную перечеканку статеров ранних лет в целях повышения их стоимости можно рассматривать как попытку мобилизации всех денежных средств. Но с 268 г. выпуски статеров на Боспоре прекращаются до 275 г., как это уже было на Боспоре после второго морского похода боранов и готов под Трапезунд в 256—257 гг. н. э. До сих пор большинство ученых считают, что правление Рискупорида V закончилось в 564 г. б. э. (267 г. н. э.), так как от 572 г. б. э. (275 г. н. э.) имеются статеры с именем Савромата IV и с именем Тейрана. Статеры же с именем Рискупорида и датой 572 г. б. э. (275 г. н. э.), известные еще с конца XIX в.[73], считаются поддельными. В коллекции ГЭ было 4 экз. статеров 572 г. б. э. (275 г. н. э.) с именем Рискупорида, в том числе тот, который был издан А. М. Подшиваловым. Подозревая в них подделки, А. Н. Зограф считал, что они отлиты из одной модели. Свое мнение он основывал на том, что оборотная сторона статера, опубликованного А. М. Подшиваловым, подобна статерам этого же года, носящим имена Савромата IV и Тейрана. Но тождественного штемпеля найти ему не удалось. По его наблюдениям штемпель лицевой стороны статера 572 г. б. э. (275 г. н. э.) с именем Рискупорида впервые был использован в 561 г. б. э. (264 г. н. э.). Подобное явление он считал невероятным, поэтому отнес экземпляры статеров 572 г. б. э. (275 г. н. э.) из собрания ГЭ к гибридам, для которых, по его мнению, форма лицевой стороны была снята со статера Рискупорида 561 г. б. э. (264 г. н. э.), а форма оборотной стороны — с реверса любого из статеров Савромата IV или Тейрана[74]. Но повторное использование штемпелей лицевой стороны спустя несколько лет после первого их появления — явление обычное. В боспорской нумизматике имеются примеры десятилетнего использования штемпелей[75]. В Херсонесе зафиксированы случаи использования штемпеля лицевой стороны тетрасария в течение 16 лет[76]. Видя в статерах 572 г. б. э. (275 г. н. э.) с именем Рискупорида гибриды, А. Н. Зограф исходил из анализа состава Тиритакского клада, в котором при девяти статерах 572 г. б. э. (275 г. н. э.) с именем Савромата IV и семи статерах Тейрана 572 г. б. э. (275 г. н. э.) не было ни одного с именем Рискупорида[77]. Теперь же нам известен состав Судакского клада 1959 г., содержащего 46 статеров Савромата IV, пять статеров Тейрана 572 г. б. э. (275 г. н. э.) и один статер Рискупорида V 572 г. б. э. (275 г. н. э.) (табл. II, *21*, издается впервые). Несмотря на это, правление Рискупорида все еще до сих пор датируется концом 267 г. н. э.[78] В 1971 г. вышла книга В. Ф. Гайдукевича, в которой автор, принимая во внимание существование статера Рискупорида 572 г. б. э. (275 г. н. э.) из Судакского клада, предложил считать сомнения А. Н. Зографа в подлинности статеров Рискупорида 572 г. б. э. (275 г. н. э.) неубедительными и вернуться к прежней датировке конца правления Рискупорида V — 275 г., данной еще А. М. Подшиваловым, Х. Х. Гилем, В. В. Латышевым

---

[73] *Podschiwalov A. M.* Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica und Bosporus Cimmerius. Moskau, 1882, S. 23, № 73, t. II, *39*.

[74] *Зограф А. Н.* Античные монеты, с. 211.

[75] *Фролова Н. А.* О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI.— СА, 1975, № 4, с. 48.

[76] *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э.— НЭ, IV, 1963, с. 9, прим. 4.

[77] *Зограф А. Н.* Тиритакский клад, с. 61.

[78] *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время, с. 17, 195; *Голенко К. В.* Монеты..., с. 89; *Golenko K. W.* Op. cit., S. 632.

и поддержанной Е. Миннзом[79]. В настоящее время имеется три статера Рискупорида V 572 г. б. э. (275 г. н. э.). Один из них хранится в коллекции ГЭ (табл. II, *19*, ГЭ 2263), другой находится в ГИМ (табл. II, *20*, ГИМ 5260), а третий происходит из Судакского клада (табл. II, *21*, Киев).

В уже упоминавшемся Таманском кладе монет, опубликованном В. Э. Куниным[80], есть статер с именем Рискупорида и датой 573 г. б. э. (276 г. н. э.) (табл. III, *4*, Керчь, 2264). В нумизматической литературе появлялись указания на этот статер, но не делалось никаких попыток пересмотреть вопрос о конечной дате правления Рискупорида V[81]. Более того, утверждалось, что статеры Рискупорида V 572 г. б. э. (275 г. н. э.) и уникальный статер Рискупорида V 573 г. б. э. (276 г. н. э.), происходящие из Судакского и Таманского кладов, так же как и статер Тейрана 563 г. б. э. (266 г. н. э.) из Таманского клада, чеканены штемпелями, изъятыми из обращения[82]. Если принять подобное объяснение, то получается, что Савромат IV и Тейран в 572 г. б. э. (275 г. н. э.) случайно отчеканили статеры, использовав вышедший уже из обращения штемпель лицевой стороны с именем Рискупорида — статер Рискупорида 572 г. б. э. (275 г. н. э.) (Судакский клад). В 573 г. б. э. (276 г. н. э.) один Тейран, но уже второй раз опять-таки случайно пустил в работу штемпель лицевой стороны с именем Рискупорида и отчеканил статер Рискупорида 573 г. б. э. (276 г. н. э.) (Таманский клад 1958 г.). Этот же Тейран допустил еще одну ошибку, использовав на этот раз штемпель оборотной стороны, бывший в обращении еще в 563 г. б. э. (266 г. н. э.) (статер Тейрана 563 г., Таманский клад, табл. II, *14*, Керчь, 2239). Но если отнестись серьезно к этому предположению и попытаться проверить его, сравнить штемпели монет Рискупорида V 563 г. б. э. (266 г. н. э.) и Тейрана, то с первого раза можно убедиться в его несостоятельности. Все штемпели Рискупорида 563 г. б. э. (266 г. н. э.) имеют в поле оборотной стороны знак ценности — букву К (табл. II, *13*). Только статер Тейрана 563 г. б. э. (266 г. н. э.) не имеет его.

Таким образом, невозможно говорить о случайном использовании вышедших из обращения штемпелей. Можно лишь констатировать, что это был специальный выпуск, отличный от массовых эмиссий Рискупорида 563 г. б. э. (266 г. н. э.). По-видимому, следует пересмотреть вопрос о монетах Рискупорида 572 и 573 гг. б. э. (275 и 276 гг. н. э.) и признать статеры Тейрана 563 г. б. э. (266 г. н. э.) и Рискупорида 572 и 573 гг. б. э. (275 и 276 гг. н. э.), найденные в кладах, за действительные. Учитывая эти данные, можно утверждать, что на Боспоре в 275 г. н. э. правили одновременно три правителя: Рискупорид V, Савромат IV и Тейран. В следующем, 276 г. н. э. правили одновременно двое — Рискупорид V и Тейран. Выпуск на Боспоре статеров в 572 г. б. э. (275 г. н. э,) от имени трех царей, в равной степени как и чеканка в 573 г. б. э. (276 г. н. э.) от имени двух — Рискупорида и Тейрана,— факты чрезвычайной важности. Они дают возможность расценивать действия Рискупорида V как дальновидного политика, остро понимающего обстановку и делающего все возможное для спасения своего государства. Для Боспора это было трудное время. Зосим сообщает, что «когда Тацит вступил на престол римский и получил власть, скифы переправились через Меотийское озеро и Понт, совершили набег до Киликии» (Zosim, I, 63)[83].

---

[79] *Gajdukevič V. F.* Op. cit., S. 460, Anm. 4.

[80] *Кунин В. Э.* Ук. соч., с. 343.

[81] *Голенко К. В.* Монеты..., № 2, с. 89, прим. 8.

[82] *Golenko K. W.* Op. cit., S. 618, № 548; S. 632, Anm. 5; *Голенко К. В.* Третий Патрэйский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. н. э.— НЭ. XII, 1978, с. 23.

[83] Пер. В. В. Латышева (SC, I, с. 796).

Таким образом, еще раз, теперь уже в 275 г., территория Боспора была превращена «скифскими» племенами Меотиды в плацдармы для походов на Малую Азию, и по этой территории осенью 276 г. возвращались на север герулы и готы, разбитые Флорианом [84]. Сложной внешнеполитической обстановкой объясняются действия Рискупорида V, прибегшего к таким крайним мерам, как раздел царской власти. Между прочим аналогии этому явлению имеются в истории Боспора. Так, Котис II и Риметалк чеканили статеры одновременно в течение двух лет: 131 и 132 гг. н. э. [85] Котис III (227—233) и Савромат III (229—231) — в течение трех лет: 229—231 гг. н. э. [86], а несколько позднее чеканили пять лет подряд (в 314—319 гг. н. э.) и одновременно еще и в 322 г. Радамсад и Рискупорид VI [87].

Итак, исходя из нумизматических данных, конечной датой правления Рискупорида V следует признать 573 г. б. э.=276/277 г. н. э. На Боспоре за 34 года его царствования с 242 по 276/277 гг. н. э. несколько раз статеры выпускались от имени его соправителей. В 550 г. б. э. (253 г. н. э.), а возможно, и в 551 г. б. э. (254 г. н. э.) эмиссии статеров производились как от имени Рискупорида, так и от имени Фарзанса. В 563 г. б. э. (266 г. н. э.) статеры чеканились как от имени Рискупорида, так и от имени Тейрана. В 572 г. (275 г. н. э.) одновременно правили три царя, и чеканка представлена статерами, носящими имена Рискупорида, Савромата IV и Тейрана. В 573 г. б. э. (276 г. н. э.) статеры носят только имена Рискупорида V и Тейрана. В весовом отношении статеры трех царей придерживаются ранее принятой нормы — 7,50—7,60 *г*. Проведенные анализы химического состава металла статеров Рискупорида, Савромата и Тейрана указывают на одинаковый состав металла статеров и позволяют уточнить некоторые положения, высказанные А. Н. Зографом. Принято считать, что боспорские статеры становятся чисто медными после 564 г. б. э. (267 г. н. э.) [88]. Из этого следует заключить, что статеры Савромата IV и Тейрана 572 г. б. э. (275 г. н. э.) также из меди. Между тем анализы статеров Савромата и Тейрана этого года показывают, что содержание серебра в них составляет не менее 50%. Таким образом, начало массовых эмиссий медных статеров на Боспоре следует относить только к началу единоличного правления Тейрана, к 574 г. б. э. (277 г. н. э.). Медные двойные денарии Рискупорида V (табл. III, *8—22*) представляют собой последние выпуски медных монет на Боспоре, являющихся разменными по отношению к статеру.

Медные монеты Рискупорида V однотипны, но по своим стилистическим особенностям могут быть распределены на четыре группы.

I группа.

Л. с.: BACIΛEWC PICKOVΠOPIΔ. Бюст царя вправо.

О. с.: богиня на троне, держащая в правой руке яблоко или чашу, справа знак — *, слева — B (двойной денарий) — 69 экз. Ср. вес ок. 6 *г*, наибольший 8,85 *г*, наименьший 3,66 *г*. р=19—20 *мм* (табл. III, *8*, ГИМ 5160).

Штемпели л. с. монет этой группы близки штемпелям л. с. статеров 539—548 гг. б. э. (242—251 гг. н. э.).

---

[84] *Schmidt L.* Op. cit., S. 222; *Cajdukevič V. F.* Op. cit., S. 468.

[85] *Фролова Н. А.* Из истории Боспора в середине II в. н. э.— ВДИ, 1972, № 1, с. 187.

[86] *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора в правление Котиса III (227—233 гг. н. э.).— СА, 1973, № 3, с. 54; *ее же.* Монеты Савромата III (229—231 гг. н. э.).— КСИА АН СССР, № 133, 1973, с. 32.

[87] *Фролова Н. А.* О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI.— СА, 1975, № 4, с. 52.

[88] *Зограф А. Н.* Тиритакский клад, с. 60.

II группа.

Л. с.: надпись и изображение те же.

О. с.: богиня, восседающая на троне влево, слева знак двойного денария — В. 17 экз. Ср. вес 5—6 *г*, наибольший 7,12 *г*, наименьший 4,17 *г*. р=19—16 *мм* (табл. III, *9*, ГИМ 5175).

Штемпели л. с. меди II группы близки штемпелям статеров 548—554 гг. б. э. (251—257 гг. н. э.).

III группа.

Л. с.: надпись та же, но перед бюстом императора — трезубец.

О. с.: богиня на троне, справа знак ценности — *. 28 экз. Ср. вес 5 *г*, наибольший 8,37 *г*, наименьший 4,272 *г*. р=18—16 *мм* (табл. III, *10—14*, ГИМ 5206; ГЭ 29 576—29 578, 29 580).

Штемпели л. с. монет III группы близки штемпелям л. с. статеров 560—561 гг. б. э. (263—264 гг. н. э.), особенно штемпелям л. с. серебряных монеток 560 г. б. э. = 263 г. н. э. (ср. табл. II, *4, 7*).

IV группа.

Л. с.: надпись имени царя почти не читается. Грубое изображение бюста царя, справа перед ним — трезубец.

О. с.: схематическое изображение богини на троне, справа знак ценности — *. 12 экз. Ср. вес 5—4 *г*, наибольший 5,63 *г*, наименьший 2,37 *г*. р=15—13 *мм* (табл. III, *15—22*, ГЭ 29 582—29 586; ГИМ 5219; ГЭ 29 587, 29 589).

Монеты IV группы являются заключительными эмиссиями меди Рискупорида V.

N. A. Frolova

HISTORY OF THE REIGN OF RHESCUPORIS V (242—276 A. D.) AFTER THE NUMISMATIC DATA

Summary

The data on the coins of Rhescuporis V, summarized by the author, throw new light on the dates of his reign. It was considered earlier, that Rhescuporis was enthroned in 536—538 Bosporus era (B. e.) (239—241 A. D.), but the absence of staters of Rhescuporis struck in 536—538 B. e. lets the author claim, that his reign began in 539 B. e. (242 A. D.). His reign ended in 573 B. e. (276/277 A. D.), but not in 564 B. e. (267 A. D.), which is proved, first, by staters of 572 B. e. (275 A. D.) from the Sudak hoard, found in 1959 (table II, 21), from the State Hermitage and the State History Museum (table II, 20) and the stater of 573, found in the Tamanian hoard of 1958 (table III, 4). The complex analysis of numismatic material, coin typology and metrological data of 4629 coins, and also data about chemical composition of metal of staters of Rhescuporis V, Pharsanzes, Sauromates IV and Teiranes (table 1) leads to a conclusion about joint government in Bosporus in 550 and possibly in 551 B. e. (253—254 A. D.) of Rhescupors and Pharsanzes; in 563 B. e. (266 A. D.) of Rhescuporis and Teiranes; in 572 B. e. (275 A. D.) of Rhescuporis, Sauromates IV and Teiranes; in 573 B. e. (276 A. D.) of Rhescuporis and Teiranes.Analogical facts are known in the history of Bosporus: in 131—132 Cotys II and Rhoemetalces, in 229—231 Cotys III and Sauromates III; during five years In 314–319 and in 332 Rhadamsades and Rhescuporis VI were governing jointly. Chemical analysis of metal showed that the most part of staters of Rhescuporis V contains 50% of silver. Mass coinage of copper staters began at the individual governing of Teiranes in 574 B. e. (277 A. D.).

Т. Б. БАРЦЕВА

О ХИМИЧЕСКОМ СОСТАВЕ МЕТАЛЛА НАВЕРШИЙ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

В лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР была проанализирована серия бронзовых наверший, относящихся к скифскому времени.

Наиболее полно вопросы датировок, назначения, происхождения этих предметов были разобраны в работах В. В. Шлеева [1] и В. А. Ильинской [2], где приведена также и обширная библиографическая справка.

С помощью метода спектрального анализа было изучено 58 предметов (76 анализов), из них 26 изделий относятся к VI и рубежу VI—V вв. до н. э., а 32 — к рубежу V—IV и IV—III вв. до н. э. Архаические навершия, исследованные спектрально, связаны с памятниками Посулья, такими, как курган Старшая Могила у с. Аксютинцы, курган 5 у с. Поповка, курган 476 у с. Волковцы, а также из случайных находок бывшего Роменского уезда и Прикубанья (келермесские курганы). Навершия более позднего времени происходят из районов степного Поднепровья (курганы Чертомлык, Краснокутский, Близница Слоновская, Гайманова Могила, Толстая Могила, Александрополь), Лесостепного Левобережья (курганы у с. Волковцы) и Прикубанья (Анап-курган и Шунтукский курган) (рис. 1, 2; табл. 2).

На основании аналитических данных было установлено, что в меди большинства наверший содержатся примеси ряда элементов, иногда в значительных концентрациях. Так, в целых долях процента (от 2 до 33%) зафиксированы примеси олова; от 2 до 12% — примеси свинца; изредка в целых долях процента обнаружен мышьяк (от 2 до 3%), однако чаще он встречается в сотых и десятых долях процента. В сотых и тысячных долях процента отмечены свинец, никель, серебро, сурьма, кобальт, висмут. Примеси цинка отсутствуют полностью. Вся изученная коллекция была обработана методами и приемами математической статистики, ставшими уже традиционными при работе с археологическим материалом. В результате корреляции пар элементов, таких как олово — свинец, олово — мышьяк (рис. 3, 4) удалось выделить три группы искусственных сплавов на медной основе. Ведущими среди них оказались оловянистые бронзы (сплав меди с оловом), где примеси олова зафиксированы в пределах от 3,5 до 15%, и оловянисто-свинцовистые бронзы (сплав меди, олова, свинца), где содержания олова представлены в концентрациях от 2 до 33%, свинца — от 2 до 12%. Как правило, содержания олова в сложном медно-оловянисто-свинцовистом сплаве преобладают над содержаниями свинца, и только в двух случаях (анализы № 17.082—083) наблюдается противоположная картина. Наряду с наиболее часто встречаемыми оловянистыми и оловянисто-свинцовистыми бронзами нельзя не назвать многокомпонентные сплавы, где, помимо перечисленных элемен-

[1] *Шлеев В. В.* К вопросу о скифских навершиях.— КСИИМК, XXXIV, 1950.

[2] *Іллінська В. А.* Про скіфські навершники.— Археологія, XV, 1963; *ее же.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев, 1968.

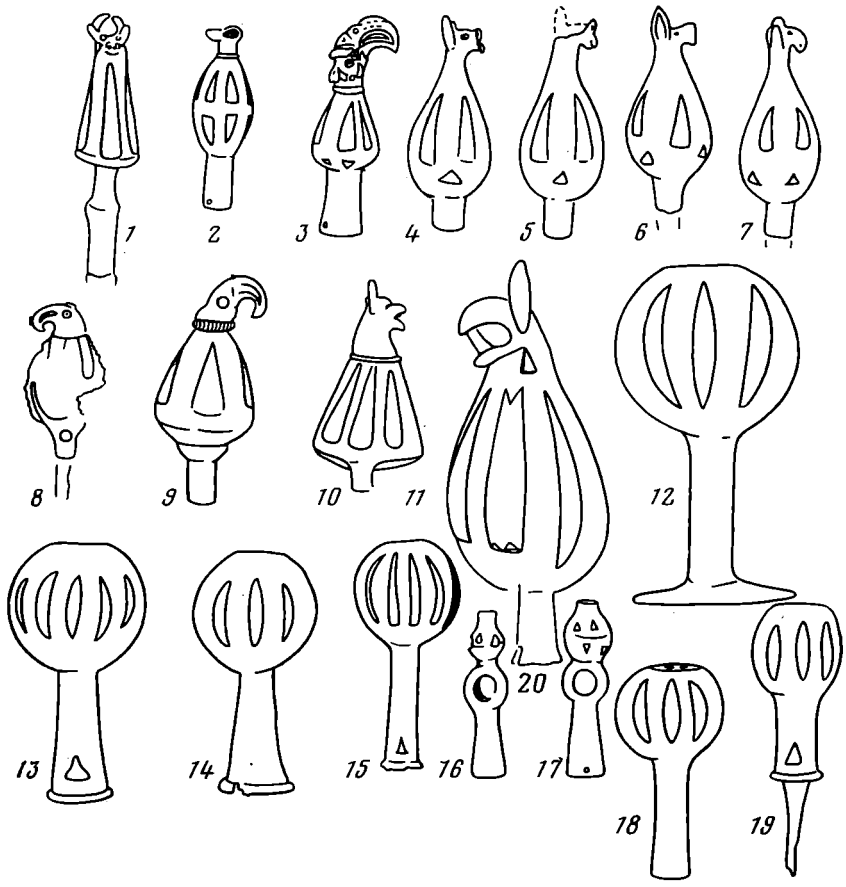


Рис. 1. Ранние навершия из курганов Посулья и Кубани (Келермес)

тов, в целых долях процента обнаружен и мышьяк. В этих сложных многокомпонентных оловянисто-свинцовисто-мышьяковистых бронзах олово обычно представлено в концентрациях от 3 до 33%, свинец — от 2 до 12%, а мышьяк — от 0,5 до 3%.

Кроме выделенных трех групп искусственных сплавов, из которых было отлито большинство изученных наверший, нельзя не отметить четыре изделия из Келермеса (анализы № 22.354; 22.491—493), медь которых не содержала искусственных примесей иных элементов в сколько-нибудь значительных количествах. Эти навершия отлиты из практически «чистой меди».

Таблица 1

Распределение металлургических групп наверший различных территорий по временным отрезкам

Дата	Район	Количество	Cu	Cu+Sn	Cu+Sn+Pb	Cu+Sn+Pb+As
VI, рубеж	Кубань	13	4(31%)	9(69%)	–	–
VI–V вв. до н. э.	Лесостепь (Посулье)	18	–	2(11%)	4(22%)	12(67%)
Рубеж V–IV вв. до н. э.	Кубань	6	–	4(67%)	2(33%)	–
IV–III вв. до н. э.	Лесостепь (Посулье)	16	–	3(19%)	13(81%)	–
	Степь	23	–	2(9%)	21(91%)	–
Всего		76	4(5%)	20(26%)	40(53%)	12(16%)

Рис. 2. Навершия V—III вв. до н. э. из районов Левобережья, степи и Кубани

Выявленные металлургические рецепты весьма неравномерно распределились среди наверший разного времени на сравниваемых территориях.

На основании данных табл. 1 следует прежде всего отметить различия в рецептуре для самых ранних наверший Посулья и Кубани. Архаические навершия, обнаруженные в келермесских курганах Кубани, отлиты либо из оловянистой бронзы (69% всей коллекции), либо из «чистой меди» (31%). Иных рецептов для них не отмечено.

Таблица 2

Результаты спектрального анализа металлических наверший скифского времени

№ п. п.	Шифр лаборатории	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Место находки; рисунок
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1	10.522	Навершие	Основа	9,0	0,01	–	0,001	0,002	–	0,04	0,6	0,01	0,01	0,001	Шунтук, кург.? р. 2, 2
2	10.581	»	»	9,0	0,006	–	–	0,06	–	0,2	0,02	0,01	0,02	0,001	То же
3	10.525	»	»	25,0	0,007	–	0,001	0,007	0,01	0,1	0,04	0,01	0,01	0,001	Кубань, случайная находка, рис. 2, 2
4	11.171	»	»	11,0	2,0	–	0,004	0,03	0,05	0,2	0,005	0,02	0,01	0,003–0,01	Анап-курган, рис. 2, 3
5	11.172	»	»	8,0	3,0	–	0,01	0,04	0,06	0,2	0,005	0,03	0,01	0,003–0,01	То же
6	12.583	»	»	3,5	0,2	–	0,001	0,03	0,15	0,2	0,2	0,008	0,004	0,001 0,003	Кубань, случайная находка, рис. 2, 1
7	17.082	»	»	3,2	4,5	–	–	0,03	0,08	0,2	0,5	0,05	0,06	0,001	Волковцы, кург. 7, рис. 1, 8
8	17.083	»	»	2,0	4,5	–	–	0,01	0,04	0,2	1,0	0,02	0,02	–	То же
9	17.274	»	»	3,0	2,0	–	0,1	0,03	0,08	0,5	0,2	0,03	0,003	0,001	Старшая Могила, р.1,1
10	17,274[а]	» (рога)	»	3,0	2,0	–	0,1	0,03	0,08	0,5	0,06	0,02	0,005	0,001	То же
11	17.275	»	»	3,0	2,0	–	0,2	0,03	0,08	0,5	0,5	0,02	0,003	0,001	»
12	17.275[а]	» (рога)	»	3,0	2,0	–	0,2	0,04	0,08	0,5	0,02	0,01	0,003	0,001	»
13	18.052	»	»	5,0	0,2	–	0,002	0,04	0,01	0,2	0,2	0,007	0,008	0,01 0,03	Келермес, рис. 1, 11
14	18.060	»	»	12,0	6,0	–	0,02	0,06	0,1	0,1	0,03	0,05	0,007	0,001	Александрополь, рис. 2, 21
15	18.060[а]	» (колокольчик)	»	12,0	3,0	–	0,003	0,03	0,01	0,07	0,1	0,01	0,001	0,001	То же
16	19.579	» (птица)	»	16,0	4,0	–	?	0,03	0,9	0,2	1,0	0,05	0,02	0,001	Близ Днепропетровска, рис. 2, 17
17	19.580	» (подставка)	»	12,0	2,0	–	?	0,03	0,2	0,2	1,0	0,05	0,02	0,001	То же
18	19.581	» («папай»)	»	33,0	2,0	–	0,005	0,08	0,2	0,2	0,1	0,05	0,01	0,001	»
19	19.582	» (колокольчик)	»	5,0	6,0	–	?	0,06	0,2	0,2	4,0	0,01	0,01	–	»
20	19.660	Навершие (шар)	Основа	12,0	0,8	–	0,005	0,05	0,06	0,2	4,0	0,05	0,005	0,01 0,03	Будки, рис. 2, 6–9
21	19.660[а]	» (олень)	»	12,0	2,0	–	–	0,03	0,07	0,2	0,6	0,02	–	0,01	То же

Таблица 2 (продолжение)

№ п. п.	Шифр лаборатории	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Место находки; рисунок
22	19.660б	» (платформа)	Основа	12,0	0,3	–	–	0,03	0,1	0,2	1,0	0,05	–	0,03 0,01 0,03	»
23	19.661	» (шар)	»	14,0	0,3	–	?	0,03	0,06	0,2	2,0	0,05	–	0,01 0,03	»
24	19.661а	» (олень)	»	14,0	0,3	–	–	0,02	0,06	0,2	0,03	0,05	–	0,01 0,03	»
25	19.661б	» (платформа)	»	12,0	0,8	–	0,002	0,06	0,1	0,2	0,03	0,05	0,001	0,01 0,03	»
26	19.662	»	»	12,0	4,0	–	0,02	0,1	0,08	0,6	1,0	0,05	0,05	0,01 0,03	Будки, кург. 476, рис. 1, 3
27	19.662а	» (клюв)	»	12,0	2,0	–	0,01	0,1	0,1	0,6	2,0	0,02	0,03	0,01 0,03	То же
28	19.663	» (шар)	»	16,0	2,0	–	–	0,05	0,02	0,2	0,9	0,02	0,002	0,01 0,03	Волковцы, кург. 1, 2, 4–5
29	19.663а	» (олень)	»	16,0	1,0	–	–	0,02	0,02	0,2	0,3	0,02	0,003	0,01 0,03	То же
30	19.663б	» (колокольчик)	»	2,0	6,0	–	–	0,06	0,04	0,2	0,1	0,05	0,002	0,01 0,03	»
31	19.664	» (втулка)	»	6,0	12,0	–	0,05	0,2	0,07	2,0	2,0	0,05	0,05	0,01 0,03	Роменский уезд, рис. 1, 4
32	19.664а	» (шар)	»	12,0	12,0	–	0,02	0,2	0,07	2,0	2,0	0,07	0,05	0,01 0,03	То же
33	19.665	» (втулка)	»	12,0	12,0	–	0,03	0,2	0,07	2,0	1,0	0,07	0,06	0,01 0,03	»
34	19.665а	» (шар)	»	12,0	10,0	–	0,02	0,2	0,04	2,0	1,0	0,05	0,02	0,01 0,03	»
35	19.734	Навершие (шар)	»	12,0	12,0	–	0,002	0,07	0,02	0,2	0,6	0,02	0,003	0,003 0,01	Волковцы, кург. 1, рис. 2, 4–5
36	19.734а	» (олень)	»	33,0	6,0	–	0,002	0,03	0,03	0,2	0,07	0,02	0,007	0,003 0,01	То же
37	19.734б	» (колокольчик)	»	12,0	6,0	–	0,005	0,03	0,03	0,2	0,07	0,05	0,002	0,003 0,01	»
38	19.735	»	»	33,0	6,0	–	0,005	0,07	0,02	0,2	0,1	0,05	0,005	0,003 0,01	»

Таблица 2 (продолжение)

№ п. п.	Шифр лаборатории	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Место находки; рисунок
39	19.769	»	Основа	5,0	0,1	–	0,001	0,05	0,01	0,02	0,01	0,02	0,004	0,001 0,003	Роменский уезд, рис. 1, 9
40	19.770	»	»	6,0	0,04	–	–	0,03	0,01	0,07	0,25	0,007	0,02	0,001 0,003	То же, рис. 1, 10
41	19.779	»	»	12,0	2,0	–	0,005	0,05	0,04	0,2	0,1	0,03	0,02	0,003 0,01	Волковцы, кург. 4, рис. 2, 20
42	19.899	»	»	33,0	12,0	–	0,005	0,07	0,3	0,2	0,1	0,05	0,001	0,01 0,03	Толстая Могила, рис. 2, 14
43	19.900	»	»	33,0	12,0	–	0,005	0,06	0,8	0,2	0,01	0,05	0,001	0,01 0,03	То же
44	19.901	»	»	33,0	6,0	–	0,03	0,2	0,06	0,2	0,1	0,05	0,007	0,01 0,03	То же, рис. 2, 15
45	19.902	»	»	33,0	0,3	–	0,002	0,2	0,02	0,2	0,01	0,07	0,02	0,01 0,03	То же, рис. 2, 12
46	19.903	»	»	33,0	7,0	–	0,01	0,2	0,06	0,2	0,03	0,07	0,02	0,01 0,03	То же
47	19.904	»	»	33,0	8,0	–	0,01	0,2	0,06	0,2	0,1	0,05	0,01	0,01 0,03	»
48	19.916	»	»	33,0	2,0	–	0,7	0,2	0,02	3,0	1,0	0,06	0,005	0,01 0,03	Поповка, кург. 5, рис. 1, 2
49	19.917	»	»	33,0	3,0	–	0,4	0,2	0,01	3,0	0,3	0,15	0,02	0,01 0,03	То же
50	19.918	Навершие	»	33,0	2,0	–	–	0,2	0,02	0,3	1,0	0,4	0,9	0,01 0,03	Будки, рис. 1, 6
51	19.919	»	Основа	14,0	6,0	–	0,007	0,2	0,02	0,2	0,2	0,4	0,9	0,003 0,01	То же, рис. 1, 5
52	19.932	» (олень)	»	8,0	6,0	–	–	0,06	0,02	0,1	0,2	0,02	–	0,003 0,01	То же, рис. 2, 6–9
53	19.932[a]	» (шар)	»	33,0	0,8	–	–	0,2	0,1	0,2	0,2	0,05	–	0,01 0,03	То же
54	19.981	»	»	16,0	12,0	–	?	0,06	0,06	0,2	1,6	0,03	0,003	0,003 0,01	Гайманова Могила, рис. 2, 19
55	19.982	»	»	33,0	12,0	–	0,005	0,008	0,02	0,07	2,0	0,03	0,003	0,003	То же

Таблица 2 (окончание)

№ п.п.	Шифр лаборатории	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Место находки; рисунок
56	19.983	»	Основа	33,0	6,0	–	–	0,05	0,04	0,2	1,2	0,06	0,001	0,01 0,01	»
57	19.984	»	»	33,0	12,0	–	–	0,03	0,03	0,2	1,2	0,05	0,001	0,03 0,01	»
58	19.993	»	»	33,0	0,3	–	0,002	0,07	0,02	0,2	0,1	0,07	0,02	0,03 0,01	То же, рис. 2, 11
59	19.994	»	»	33,0	6,0	–	–	0,07	0,06	0,2	0,2	0,05	0,007	0,03 0,001	То же, рис. 2, 13
60	22.340	»	»	10,0	0,1	–	0,002	0,02	0,1	0,2	1,0	0,005	0,001	0,001	Келермес, рис. 1, 12
61	22.342	»	»	5,0	0,1	–	0,001	0,02	0,05	0,1	0,001	0,005	0,005	0,001	» » 1, 15
62	22.343	»	»	10,0	0,1	–	0,002	0,01	0,03	0,1	0,003	0,005	0,005	0,001	» » 1, 11
63	22.352	»	»	10,0	0,1	–	0,003	0,08	0,03	0,08	0,6	0,01	0,005	0,001	» » 1, 19
64	22.354	»	»	0,15	0,2	–	0,01	0,05	0,1	0,2	1,0	0,02	0,01	0,001	» » 1, 18
65	22.355	»	»	5,0	0,2	–	0,005	0,01	0,15	0,15	0,7	0,001	0,001	0,001	» » 1, 16
66	22.356	»	»	10,0	0,2	–	0,01	0,02	0,25	0,2	0,001	0,02	0,005	0,001 0,003	» »
67	22.484	»	»	10,0	0,1	0002	0,001	0,02	0,01	0,03	0,001	0,005	0,005	–	» » 1, 17
68	22.485	»	»	10,0	0,1	0002	0,001	0,03	0,03	0,08	0,001	0,001	0,003	0,003 0,01	» »
69	22.491	Навершие	»	0,1	0,1	–	0,002	0,01	0,03	0,1	0,001	0,001	0,003	0,001	Келермес, рис. 1, 13–14
70	22.492	»	»	0,3	0,1	–	0,003	0,01	0,03	0,1	0,65	0,003	0,005	0,001	То же
71	22.493	»	»	0,1	0,09	–	0,001	0,005	0,03	0,08	1,0	0,001	0,001	0,001	»
72	22.442	»	»	6,0	3,0	–	0,005	0,001	0,03	0,2	0,003	0,02	0,05	0,001	Чертомлык, рис. 2, 10
73	22.443	»	»	5,0	3,0	–	0,01	0,005	0,03	0,2	0,01	0,02	0,05	0,001	То же
74	22.574	»	»	10,0	10,0	–	0,05	0,1	0,01	0,1	0,001	0,02	0,02	0,003 0,01	Краснокутский кург., рис. 2, 18
75	22.575	»	»	10,0	4,0	–	0,005	0,1	0,03	0,05	0,001	0,02	0,02	0,001	Близница Слоновская, рис. 2, 16
76	22.576	»	»	10,0	6,0	–	0,003	0,02	0,05	0,15	0,001	0,05	0,02	0,001	То же

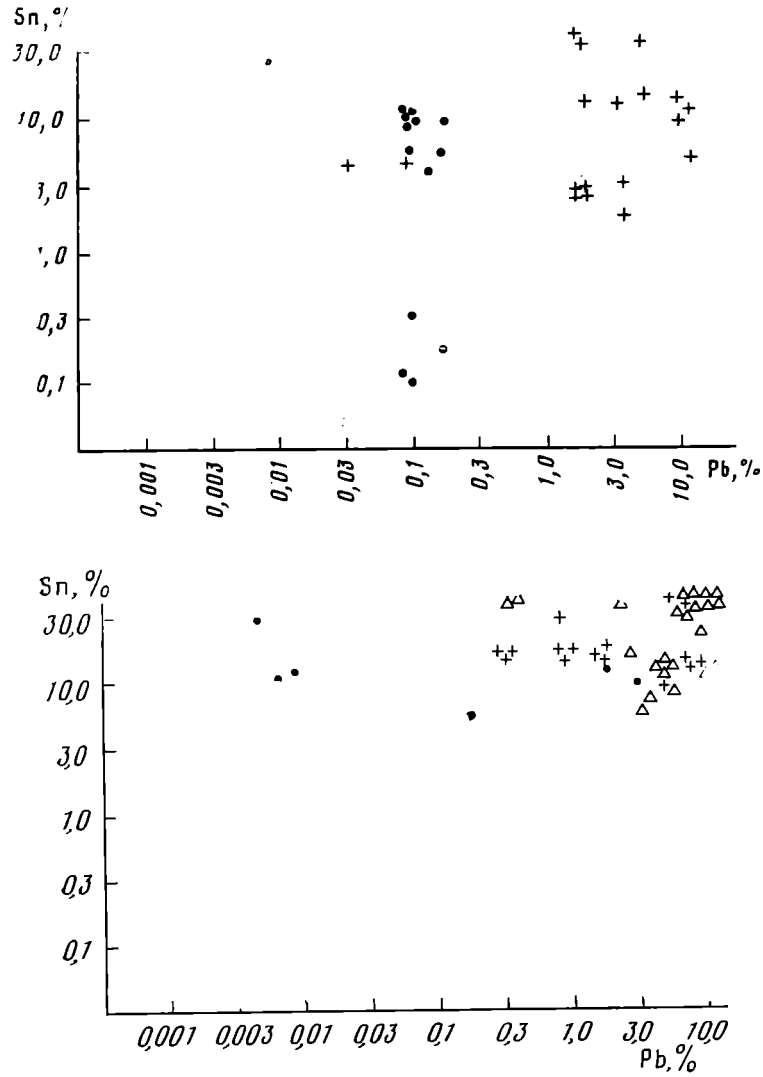


Рис. 3. Корреляционный график взаимозависимости концентраций: *а* — олова и свинца в меди ранних и *б* — поздних наверший (крестиком на рис. 3 и далее отмечена лесостепная коллекция, точками — коллекция Кубани, треугольниками — коллекция из степи)

В противоположность им посульские навершия VI и рубежа VI—V вв. до н. э., как правило, отлиты в большинстве случаев из сложных оловянисто-свинцовисто-мышьяковистых бронз. Из этого сплава отлито 67% изделий изученной посульской коллекции. В незначительных долях (11 и 22%) представлены иные рецепты — оловянистые и оловянисто-свинцовистые бронзы. Сплав «чистая медь» не зафиксирован ни разу.

Обнаруженная несхожесть металлургических рецептов для архаических наверший сравниваемых памятников находится в тесной взаимосвязи с показателями иного рода, характеризующими источники сырья. С этой целью для групп ранних наверший двух регионов была проведена корреляция между содержаниями висмута и мышьяка (рис. 5). Распределение точек на графике оказалось весьма показательным: для меди посульских наверший (на графике они обозначены крестиком) следует указать на положительную связь между двумя элементами, когда высокие концентрации висмута, представленные в области десятых — сотых долей процента, сочетаются с не менее высокими содержаниями мышьяка — от десятых до целых долей процента. Для меди кубанской коллек-

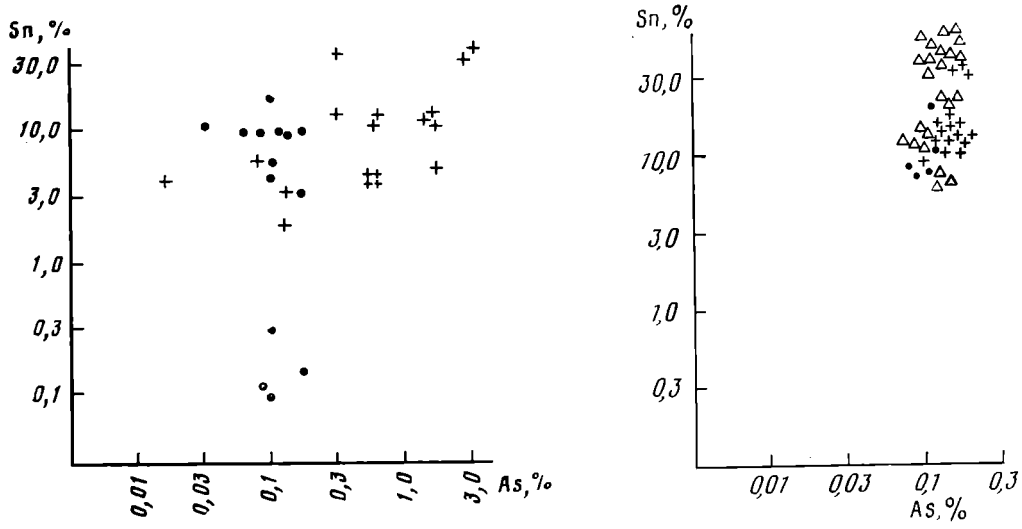


Рис. 4. Корреляционный график взаимозависимости концентраций: *а* — олова и мышьяка в меди ранних и *б* — поздних наверший

ции (на графике она обозначена точками) подобной связи между висмутом — мышьяком не отмечено. Содержания висмута в ней либо отсутствуют вообще, либо представлены в области его низких (тысячные доли процента) содержаний. Концентрации мышьяка также не поднимаются выше 0,2%. Полученные данные позволяют считать, что для отливки наверший, найденных в ранних комплексах Посулья и Кубани, использовалась медь не единого происхождения. Определение исходных районов, откуда могла поступать руда в руки мастеров-литейщиков, всегда связано с большими трудностями. С одной стороны, нельзя не учитывать отрывочность и неполноту данных о разработках медных рудников в древности, отсутствие аналитических определений о составе древних руд, а с другой — усложнение искусственных рецептов, переплавов, в результате чего исходная картина набора примесей к меди могла сильно исказиться. Нельзя также забывать и об изменении характера металлургических связей между отдельными культурными общностями, и усилении торговых связей, включавших в свою орбиту весьма удаленные друг от друга территории. В силу перечисленных причин наши выводы о возможных центрах производства наверший будут высказаны лишь в качестве предварительных.

По имеющимся на сегодняшний день аналитическим данным, медь кубанских изделий имеет полное соответствие с тем, что зафиксировано для этих мест, начиная с протомеотского культурного пласта вплоть до памятников сарматского типа [3].

Иное положение в безрудной Лесостепной зоне. Ближайшие соответствия металл посульских наверший с высокими содержаниями висмута — мышьяка находит среди синхронного металла восточных памятников типа Уйгарака в Северо-Западном Казахстане, Улангома в Северной Монголии, Богдановки, Камня, Баратала в Омской области и Алтайском крае.

Из более удаленных по времени памятников следует назвать металл карасукской культуры из Минусинской котловины и ирменской — из Алтайского края [4].

---

[3] *Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке. Канд. дис. М., 1974.— Архив ИА АН СССР, р-2, № 2130, табл. I—III.

[4] Архив кабинета спектрального анализа ИА АН СССР.

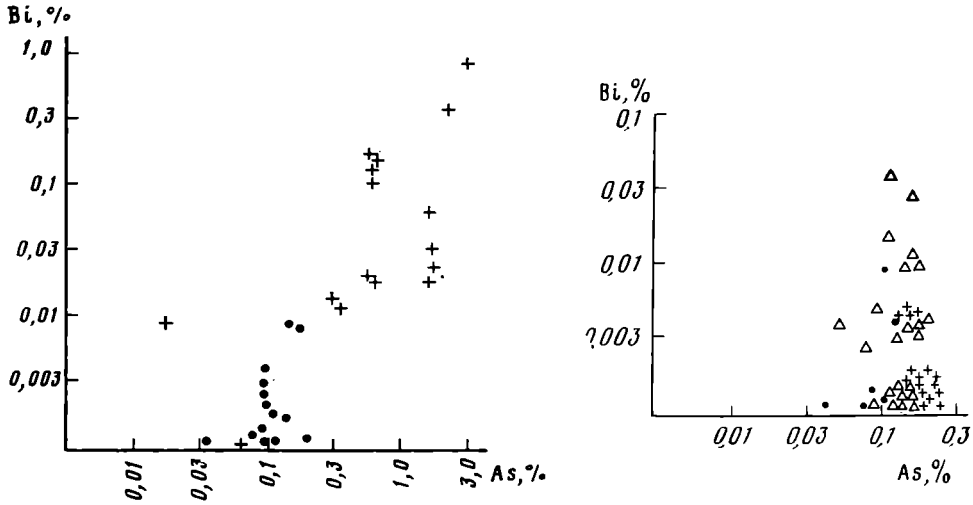


Рис. 5. Корреляционный график взаимозависимости концентраций: *а* — висмута и мышьяка в меди ранних и *б* — поздних наверший

Помимо совпадений химических характеристик сырья, хочется отметить, что и редкая для скифских древностей Украины многокомпонентная рецептура с добавками мышьяка довольно обычна в культурах восточного круга.

Химический состав меди ранних посульских наверший фактически полностью совпадает с аналогичными показателями у ряда иных уникальных изделий, найденных в погребальных комплексах Днепровской Лесостепи. Среди них можно выделить зеркало-диск с бортиком по краю, центральной петлей-ручкой и с изображением орлиной головы на диске из кург. 2 у с. Герасимовка [5], зеркало-диск с бортиком по краю, центральной ручкой на столбиках, накрытых бляшкой с изображением вепря, из кургана близ с. Бобрицы [6], зеркало-диск с центральной ручкой на столбиках из с. Глинище [7], массивные двухлопастные наконечники стрел из Старшей Могилы [8]. Многие аналогии перечисленным вещам можно указать среди древностей восточных районов Евразии [9].

Обнаруженные соответствия в химическом составе у названных предметов позволяют предположить производство их из сырья единого круга. Расхождения отмечены лишь для рецептуры. Так, зеркало-диск из Герасимовки с центральной петлей-ручкой и массивные двухлопастные наконечники стрел из Старшей Могилы отлиты из медно-оловянисто-мышьякового сплава, а зеркала-диски с центральной ручкой на столбиках, накрытых бляшкой,— из медно-оловянисто-свинцовисто-мышьякового. Подобные различия скорее всего могут свидетельствовать о существовании нескольких производственных мастерских, мастера которых хотя и имели свои профессиональные навыки и традиции, но использовали руды единого профиля.

Приведенные данные скорее всего позволяют считать исследованные изделия продукцией производственных центров, использовавших единые

---

[5] *Ильинская В. А.* Скифы..., табл. XLVI, *1*.

[6] *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы.— СПб., 1901, табл. XIX, *11*, с. 113, фиг. 62, *б*; *Капошина С. И.* О скифских элементах в культуре Ольвии.— МИА, № 50, 1956, рис. 22.

[7] *Ковпаненко Г. Т.* Пам'ятки скіфського часу в бассейні р. Ворсклі.— Київ, 1967, рис. 53, *112*.

[8] *Ильинская В. А.* Скифы..., табл. II, *19—21*.

[9] *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 155; *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— САИ, вып. Д 1—4. М., 1967, с. 35; *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, № 101, 1961, с. 43; *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, вып. Д 1—4. М., 1964, с. 19.

рудные месторождения, наиболее широко представленные в металле культур восточного круга. Из тех же производственных центров вышли и навершия с головками грифонов на прорезном бубенце из кур. 476 у с. Волковцы (№ 19.918—919 рис. 1, *5*, *6*). В отличие от основной группы медь этих наверший имеет более низкие содержания мышьяка (0,2—0,3%) и висмута (0,007%), но высокие — никеля — кобальта (0,4—0,9%). Учитывая их стилистическое сходство с навершиями из случайных находок бывшего Роменского уезда (№ 19.664—665, рис. 1, *4*, *7*), а также соответствия по содержаниям никеля—кобальта в улангомской и карасукской бронзе, мы сочли возможным отнести и эти изделия к кругу металла восточного производства.

В результате проведенного исследования обнаруженное сходство состава металла части ранних наверший Посулья с изделиями восточного круга, с одной стороны, и отличия его от металла Кубани — с другой, позволяют по-новому взглянуть на направление связей и зависимости посульской группы наверший от раннескифских наверший Кубани [10]. Не приходится теперь также говорить о Посулье как об основном районе производства всех ранних бронзовых шумящих наверший [11].

Помимо изделий, отлитых из восточного металла, в посульской коллекции отмечены навершия иных производственных центров. Среди них следует назвать пару наверший из случайных находок в бывшем Роменском уезде (№ 19.769—770 рис. 1, *9*, *10*) и навершия из кург. 7 у с. Волковцы (№ 17.082—083 рис. 1, *8*).

Волковецкие навершия из кург. 7, украшенные головкой орла, в отличие от восточных отлиты из оловянисто-свинцовистой бронзы, в химическом составе которой отсутствуют микропримеси висмута, а содержания мышьяка не поднимаются выше 0,2%. Зато микропримеси никеля—кобальта, представленные в меди этих наверший в сотых долях процента, сближают их металл с сырьем западного круга (типа балкано-карпатского) [12]. Возможно, что волковецкие навершия либо продукция еще одного из центров, снабжавших своими изделиями богатых воинов Левобережья, либо это местное изделие посульских мастеров, работавших на импортном сырье. В пользу последнего предположения может свидетельствовать обнаруженное несоответствие геохимических показателей, связанных с содержаниями сурьмы в меди разбираемых наверший и ряда иных изделий западного производства [13]. В качестве сравнительного материала привлекался металл части зеркал «ольвийского» типа из Ромен [14] кург. 38 у с. Гуляй-Город [15], кургана у с. Мачухи [16], уникальных зеркал с художественно оформленными ручками из курганов у сел Басовка и Волковцы [17].

Своеобразен состав металла еще одной пары наверший, найденных в бывшем Роменском уезде (№ 19.769—770 рис. 1, *9*, *10*). По своим геохимическим и рецептурным характеристикам медь этих изделий обнаруживает самые близкие соответствия с изученными келермесскими образцами. Навершия отлиты из оловянистой бронзы, где микропримеси всех сопутствующих элементов, таких, как висмут, сурьма, мышьяк, никель, кобальт, серебро, свинец, не поднимаются выше тысячных — сотых долей процента. Возможно, что эти изделия к производственным центрам Куба-

---

[10] *Іллінська В. А.* Про скіфські..., с. 55; *Ильинская В. А.* Скифы..., с. 158, 159.

[11] *Шкурко А. И.* О локальных различиях в искусстве Лесостепной Скифии.— В сб.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 92.

[12] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М., 1976, рис. 3.

[13] Архив кабинета спектрального анализа ИА АН СССР.

[14] *Бобринский А. А.* Курганы и случайные находки... СПб., 1901, т. III, табл. XI, *3*.

[15] *Бобринский А. А.* Курганы и случайные находки... СПб., 1887, т. I, табл. VIII, *3*.

[16] *Ковпаненко Г. Т.* Курганы близ села Мачуха на Полтавщине.— Археологія, XXIV, 1970, с. 158, рис. 4, *31*.

[17] Древности Приднепровья.— Київ, 1900, вып. III, табл. XLIV, № 351, табл. XLVI, № 351[6].

ни имели самое прямое отношение. Но при этом хочется подчеркнуть их своеобразную художественную манеру исполнения, которая весьма оригинальна и несхожа с кубанской.

Выявленное многообразие рецептурно-сырьевых показателей, отмечаемое для архаических наверший Посулья, прямо противоположно тому единообразию, которое обнаружено в ранней коллекции из келермесских курганов. Как уже отмечалось выше, ведущими рецептами в Прикубанье были оловянистые бронзы, изредка (4 случая из 13) медь их содержит несколько заниженные концентрации олова (0,1—0,3%). Связать эту рецептуру с какой-либо определенной формой самого навершия не удается (ср. анализы № 22.492—493 и 22.340, 22.342, 22.352). Еще более стабильна их геохимия: все исследованные навершия отлиты из северокавказского сырья. Скорее всего центр, производивший эти предметы, был расположен на территории Прикубанья, издавна известной как один из древнейших металлообрабатывающих очагов [18].

Не менее яркую и показательную картину распределения металла по химико-металлургическим группам дают поздние навершия, относящиеся к V—III вв. до н. э. (рис. 2).

Спектрально было проанализировано 32 изделия (45 анализов), охватывающих все три группы (кубанскую, посульскую, степную), выделенные для скифской культуры [19].

Основной рецепт, употреблявшийся для отливки наверший позднего типа,— оловянисто-свинцовистые бронзы (рис. 3, *а*). Изредка отмечены медно-оловянистые сплавы, доля которых невелика и равна 20% (от общего количества в 45 анализов) по сравнению с долей медно-оловянисто-свинцовистых (80%). Бывшие ранее в употреблении сложные тройные сплавы с высокими концентрациями олова—свинца—мышьяка, равно как и чисто медные сплавы, в поздних коллекциях отсутствуют полностью. На большинстве территорий (за исключением Кубани) начиная с рубежа V—IV вв. до н. э. отмечается стойкое употребление нового рецепта — оловянисто-свинцовистых бронз, вытеснившего все остальные рецепты. При существующем рецептурном однообразии поздних коллекций обращает на себя внимание небольшая группа наверший, связанная с находками из районов Прикубанья. Большинство наверший этой группы (примерно 67%) отлито из медно-оловянистого сплава. Не менее интересным оказался химический состав меди высокооловянистых наверший (рис. 2, *2*). Зачастую их медь либо не имеет в своем составе микропримесей ряда элементов, либо они содержатся в ней в крайне низких концентрациях. Среди них следует указать на микроконценграции серебра и сурьмы. В противоположность им концентрации никеля — кобальта довольно высоки и представлены в сотых долях процента (анализ № 10.522, 10.525, 10.581). Сходные химико-металлургические показатели отмечаются у ряда изделий, чье западное происхождение не вызывает сомнений и является общепризнанным в современной науке. Таковы, например, аттические шлемы, поножи из с. Ильинцы, пластинчатый доспех из-под Никополя, нагрудник панциря из Елизаветовской, кратер из Мартаноши, бронзовые черпаки с головкой уточки на конце длинной ручки, художественно оформленные зеркала из Анновки и Волковцев [20]. Из за-

---

[18] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, № 23, 1951; *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.

[19] *Іллінська В. А.* Ук. соч., рис. 4, *1—6*; рис. 5.

[20] *Рабинович Б. З.* Шлемы скифского периода.— Тр. ОИПК ГЭ, т. 1, 1941; *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, *Дитлер П. А.* Аттический шлем из ст. Темнолесской.— СА, 1964, № 1; *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев, 1968; *Галанина Л. К.* Греческие поножи Северного Причерноморья.— АСб. ГЭ, № 7; *Мелюкова А. И.* Поселения и могильник скифского времени у села Николаевка. М., 1975, с. 168; *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.— САИ, вып. Д 1—27. М., 1966, с. 18, 29 сл.

падных мастерских вышли и втульчатые навершия с головкой оленя, найденные на Кубани [21].

При отмеченном рецептурном сходстве поздних наверший всех сравниваемых областей нельзя не указать на различия, связанные с показателями, характеризующими сырьевые источники. Наиболее интересной оказалась взаимосвязь между содержаниями никеля — кобальта. На графике корреляционной зависимости этих элементов (рис. 6) хорошо выделяются две химические группы, граница между которыми наиболее четко прослеживается по высоким (более 0,01—0,02%) содержаниям кобальта. Концентрации никеля более нейтральны, они представлены в области его содержаний, равной 0,01—0,05%. Распределение изученной коллекции по выделенным группам весьма показательно: фактически все навершия из Левобережья (на графике они обозначены крестиком) попадают в группу низких концентраций кобальта. Сюда же вошли и несколько изделий из степных комплексов, таких, как Гайманова и Толстая Могила (анализы № 19.981—984; 19.899—900), а также навершие-бубенец из случайных находок на Кубани (№ 12.583).

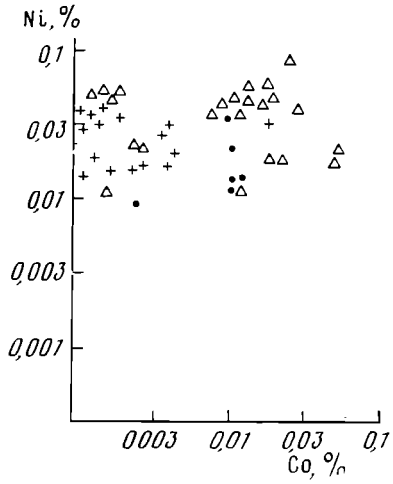


Рис. 6. Корреляционный график взаимозависимости концентраций никеля и кобальта в меди поздних наверший

Большинство же наверший из богатых комплексов степных курганов, таких, как Чертомлык, Слоновская Близница, Краснокутск, Александрополь, Гайманова и Толстая Могила, а также навершие с Лысой Горы из-под Днепропетровска сосредоточены в группе с высокими содержаниями никеля — кобальта (от 0,03 до 0,05%). Не менее интересным покажется распределение наверший по двум выделенным группам, если учесть моменты, связанные с художественными образами, украшающими навершия. Так, нельзя не отметить, что навершия, украшенные фигурками птицы, людей и борющихся фантастических животных, отлиты из металла, происходящего из западных источников (анализы № 19.993; 22.442—443; 19.579—582; 22.574—576). Из такого же металла изготовлено уникальное навершие-«конус» из волковецкого кургана (анализ № 19.779), аналогии которому в скифских древностях не обнаружено. Опираясь на выявленное единство химико-металлургических показателей, возможным представляется предположение о существовании единого центра или круга мастеров, изготовлявших эти изделия. Однако не зная детально всего металлообрабатывающего производства степного массива периода расцвета скифской культуры, конкретизировать местонахождения этих центров пока преждевременно. Хочется лишь отметить, что сходную химико-металлургическую характеристику обнаруживают исполненные в высокохудожественной манере уздечные наборы из Нимфея, Ак-Буруна, Тузлы [22], встреченные в могилах с первоклассными предметами греческого производства [23].

В духе тех же традиций изготовлены и ажурные навершия из Анапкургана (№ 11.171—172).

Иначе обстоит дело с навершиями из Посулья. Исполненные в своеобразной художественной манере из однотипного металла с низкими содержаниями кобальта, они, безусловно, были продукцией одного произ-

[21] *Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка..., с. 64, 78.
[22] Архив кабинета спектрального анализа ИА АН СССР.
[23] *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея.— МИА, № 69, 1959, рис. 30, *34*, *37*.

водственного центра. Скорее всего он находился на территории Посулья, где была выработана и оригинальная манера оформления наверший, не встреченная на иных территориях. Мнение о принадлежности этого типа наверший к местному позднескифскому локальному варианту уже высказывалось в специальной литературе [24].

Подводя итоги изучению одной из самых ярких и своеобразных вещественных категорий скифского времени, хочется еще раз подчеркнуть следующее.

1. Навершия архаического периода, наиболее полно представленные в памятниках Посулья и Кубани, обычно отливали из двух типов искусственных рецептов или сплавов на медной основе — оловянистой и оловянисто-свинцовисто-мышьяковистой бронзы. Единичны случаи, когда навершия отлиты из «чистой меди» без искусственных добавок иных примесей или из оловянисто-свинцовистой бронзы.

2. Распределение медных сплавов по территориальному принципу позволило рассматривать навершия Кубани и Посулья в качестве продукции самостоятельных производственных центров.

3. Химические (сырьевые) характеристики большинства посульских наверший скорее всего уводят в области восточных культур Евразии, где и следует искать основное направление культурных связей для этой категории вещей.

4. Бронзовые навершия-шары с территории Кубани, не известные в памятниках иных культур, по химико-металлургическим показателям можно увязывать с местными производственными центрами и сырьевыми ресурсами.

5. В поздней группе наверший (IV—III вв. до н. э.), особенно широко представленной в памятниках Лесостепного Левобережья, степи, господствующим сплавом становится оловянисто-свинцовистая бронза.

6. Для поздней коллекции из Посулья по сравнению с предшествующим периодом отмечается полная смена рецептурных и сырьевых показателей. Исчезают сложные тройные сплавы на медной основе, доля восточного сырья сходит на нет. На первое место теперь выдвигаются сложные медно-оловянно-свинцовые рецепты и сырье с низкими микроконцентрациями висмута, мышьяка и кобальта. Указанные новшества скорее всего свидетельствуют о полной переориентировке и изменениях в культурных связях, которые нельзя понять, не учитывая весь ход исторического развития.

7. Изучение химико-металлургического состава поздней посульской коллекции в сочетании с оригинальным внешним оформлением, не встречаемым на изделиях иных территорий, подтверждает мнение о местном производстве.

8. В районах днепровской левобережной степи было налажено либо собственное производство наверший на базе привозного сырья западного (балкано-карпатского) круга, либо это были импортные образцы единого центра, поставлявшего товары скифскому обществу. Только полная проработка металла степных коллекций позволит решить вопрос о центрах производства и выделить местные и импортные образцы.

9. Немногочисленная поздняя группа наверший из Прикубанья, исследованная спектрально, оказалась в большинстве своем западного производства. Полное совпадение химико-металлургических рецептов втульчатых наверший с головками оленей и ряда изделий средиземноморского производства служит весомым подтверждением этого вывода. Наряду с ними ажурные навершия из Анап-кургана отлиты по рецептуре оловянисто-свинцовистых бронз, отмеченных для поздних коллекций из степи и Посулья.

---

[24] *Ильинская В. А.* Скифы..., с. 159.

T. B. Bartseva

ON THE CHEMICAL COMPOSITION OF THE SCYTHIAN PERIOD POLE-TOPS

Summary

The article sums up the results of spectral analysis of collections, including 58 artifacts, dated to the VIth — IIId centuries B. C. from the sites of the forest-steppine regions of the left bank of the Dnieper (the Sula region), Dnieper steppe and the Kuban (fig. 1 and 2). Three types of artificial fusion on copper base, used by ancient masters for the casting of pole-tops were singled out (fig. 3, 4). The distribution of metal of the early pole-tops over the territory established two independent regions with different direction of cultural-economic links. Archaic pole-tops of the Sula region depended mainly on the cultures of Eastern regions of Eurasia. This is well confirmed by the data of raw materials analysis (fig. 5). At the Kuban the production of these artifacts was independent at that period. In the IVth — IIId centuries B. C. smelters preferred the only one fusion — tin-lead bronzes on the local base (fig. 3[a]). The stabil usage of them is one of the main changes in metalwork of the Scythian society during the period of its flourishing. The differences in the characteristics of raw materials (fig. 6) and stylistic peculiarities of pole-tops from the Sula region let the author consider them to be local production. Most part of pole-tops from the steppine sites was cast in one centre. The absence of spectral analysis data characterising the metalwork of the steppe is an obstacle for the concretization of the disposition of this centre.

Ю. Г. ВИНОГРАДОВ

ПЕРСТЕНЬ ЦАРЯ СКИЛА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ДИНАСТИЙНАЯ ИСТОРИЯ СКИФОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ V В. ДО Н. Э.*

Сведения о раннескифской династийной генеалогии VI—V вв. до н. э. исчерпываются хорошо знакомыми главами «Скифского логоса» Геродота. Повествуя о печальной судьбе царевича Анахарсиса, «отец истории» со слов своего информатора Тимна сообщает, что тот был сыном Гнура, внуком Лика, правнуком Спаргапифа и дядей по отцу Иданфирса; последний наследовал власть от своего отца Савлия, собственноручно отправившего к праотцам пренебрегшего их законами родного брата Анахарсиса (Herod. IV, 76). Из последующего рассказа мы узнаем, что Арпапиф, погибший от руки царя агафирсов Спаргапифа, оставил трон своему сыну Скилу, который, разделив сходную с Анахарсисом судьбу, распрощался с царским саном, а вместе с ним и с жизнью стараниями братоубийцы Октамасада (Herod. IV, 78—80). Если присовокупить сюда обросшие сединой легенд «подробности из жизни» мудреца Анахарсиса [1], а также сведения поздней традиции о победителе «персидского Бонапарта» Иданфирсе [2], то этим мы исчерпаем запас информации по интересующей нас проблеме. Казалось бы, новых сведений ожидать не приходится.

Тем не менее вот уже свыше 40 лет науке известен такой источник. Речь пойдет о небезызвестном золотом перстне, найденном в середине 30-х годов в Добрудже, в 10 *км* к югу от Истрии, на морском побережье, крестьянами с. Карахарман при вспашке поля [3]. К великому сожалению, нынешнее местонахождение перстня установить не удалось [4]. В отечест-

* Считаю своим приятным долгом выразить благодарность за ценные указания сведений, аналогий и литературы из тех областей исторического знания, в которых я не считаю себя компетентным, следующим специалистам; Г. А. Кошеленко, Б. А. Литвинскому, О. Я. Неверову, Д. С. Раевскому, а также всем коллегам, которые советами и критическими замечаниями способствовали созданию настоящей работы.

[1] Разбор традиции о нем см.: *Куклина И. В.* Анахарсис.— ВДИ, 1972, № 3, с. 113—125; ср. *Schmid W.* RE, I (1894), Sp. 2017f.

[2] *Pherek.* ap. *Clem. Alex.*, Strom. V, 567C; *Chrysip.* ap. *Plut.*, de stoic. rep. 20; *Megasth.* ap. *Strabo* XV, 1, 6 et *Arr.*, Ind. 5, 6; *Plut.*, reg. apophth., Idanthyrs.; *Dio Chrys.*, or. II, 77; *Just.* II, 5; *Oros.* II, 8, 4.

[3] *Apostolidis M.* Χρυσοῦς ἐξ Ἴστρου ἐνεπίγραφος δακτύλιος.— Θρακικά. VII.1936, p. 221—227; *Canarache V.* Monete scîtice din Dobrogia.— SCIV, v. I, № 1, 1950, p. 216, 217. М. Апостолидис, не видя перстня, пользовался фотографиями и «детальным описанием» его, присланными ему врачом Гектором Сарафидисом, проживавшим в румынском городе Констанца (*Apostolidis M.* Op. cit., p. 221, 225, not. 1). Судя по ряду деталей, В. Канараке, не читав статью первоиздателя (ср. ошибочное указание публикации, незаслуженная инвектива во фракофильстве), располагал своей информацией, источник которой не назван. В. Канараке не отмечает свою автопсию, сомнительно, чтобы она имела место.

[4] М. Апостолидис (*Apostolidis M.* Op. cit., p. 221) сообщает, что перстень был приобретен незадолго до того каким-то греком из Констанцы, имя которого не названо. Неизвестно также, пережил ли предмет вторую мировую войну. Вл. Илиеску любезно сообщил мне, что в Национальном музее в Бухаресте он не числится.

венной литературе мне известно лишь несколько упоминаний об этом замечательном документе [5].

Перстень представляет собой золотое кольцо-печать весом в 28,5 *г*, уплощенная дужка которого (больший диаметр 2,8, меньший — 2,4 *см*) монолитно переходит в овальный щиток (2×1,5 *см*), слегка выгнутый, что редко встречается у перстней этой эпохи [6]. По щитку глубокой гравировкой вырезано изображение сидящей на троне женской фигуры, обращенной влево; ноги ее покоятся на невысокой скамеечке. Женщина, одетая в платье, довольно плотно облегающее фигуру, держит в правой

Рис. 1. *1* — Фото перстня царя Скила (по М. Апостолидису и В. Канараке), *2* — увеличенное фото щитка перстня

руке крупное круглое зеркало с валиком по краю и предмет, определяемый издателем как ключ. Однако более правильной кажется трактовка, предложенная мне независимо друг от друга О. Я. Неверовым и М. Г. Мошковой: во «втором» атрибуте в правой руке фигуры скорее всего следует видеть круглое завершение ручки того же зеркала, данной с легким смещением [7]. В левой руке женщины плохо различимый на фотографии предмет — по всей видимости, невысокий жезл или скипетр, украшенный зооморфным или орнаментально-стилизованным навершием. По мнению О. Я. Неверова (per litteras), описанное изображение напоминает греко-персидские или ахеменидские типы (рис. 1, 2).

---

[5] *Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, с. 55, прим. 3; *Карышковский П. О.* Утерянная ольвийская надпись.— СА, XXVIII, 1958, с. 160, прим. 57; *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. М., 1974, с. 19 сл.; *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 99.

[6] Ср. золотой перстень первой половины IV в. до н. э. с изображением утки на щитке из Чертомлыка (*Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Л.— Прага, 1966, с. 47, рис. 98; ГЭ, Дн 1863, 1/82).

[7] Ср. наиболее близкие нашему греческие зеркала второй половины VI — начала V в. до н. э.: *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.— САИ Д1-27, М., 1966, с. 63, № 223, 224; с. 65, № 258, 259, 261—263; табл. XIX, *4*, *6*; XX, *1—5*; *Билимович З. А.* Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания.— ТГЭ, XVII, 1976, с. 38—42, Кат. № 5—16. Важно отметить, что наибольшее количество образцов таких зеркал найдено в Ольвии, где было налажено собственное их производство (*Билимович З. А.* Ук. соч., с. 40) и откуда они (импортные и ольвийские) вывозились в Скифию.

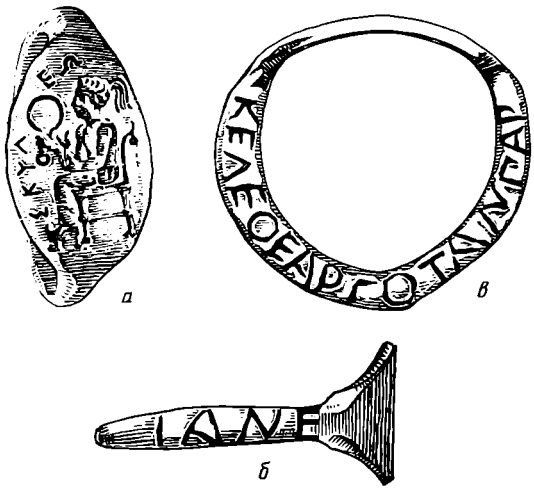


Рис. 2. Прорись щитка и дужка перстня. *а* — изображение и легенда на щитке; *б* — надпись на плоской части дужки; *в* — надпись на торцовой части дужки

Слева от изображения глубоко врезана надпись ΣΚΥΛ—ΕΩ, т. е. «(собственность) Скила». Фигура женщины так вписана в овальное поле, что мастер, вырезавший легенду, стесненный недостатком свободного пространства, был вынужден разорвать надпись надвое. Близкую аналогию композиции и легенды мы находим на золотом перстне, происходящем из фракийского кургана «Голяма могила» Дуванлийского некрополя[8]. Перстень-печать, также датируемый V в. до н. э., имеет изображение несущегося на лошади обнаженного юноши, удачно вписанное в овальное поле щитка. За спиной всадника легенда ΣΚΥΘΟΔ — ОКО, разорванная хвостом лошади надвое. Ж. Велкова приходит к интересному выводу, что имя Σκυθοδοκος, принадлежавшее погребенному в кургане знатному фракийцу, быть может даже представителю династии одрисских царей, отражает влияние скифов на фракийцев в результате тесных контактов между членами царских семей тех и других, наладившихся как раз во времена Ариапифа и Скила[9].

Законно возникающий вопрос о подлинности нашего памятника решается положительно языковым и палеографическим анализом нанесенных на него надписей. В легенде ΣΚΥΛΕΩ обращает на себя внимание лишенная эклектизма композиция из *сигмы*, с расходящимися под разными углами крайними гастами, *эпсилона* — с равновеликими горизонтальными чертами, *ипсилона* — с усиками без всякой тенденции к прогибу и ножкой в две трети литеры, т. е. формами, в целом характерными для конца VI—V в. до н. э. Однако классический абрис *ипсилона* с ножкой слегка отодвигает надпись от переходного периода (конец VI — начало V в.) ионийского шрифта[10]; с другой стороны, крайние углы *сигмы* разновелики, а *омега* удерживает еще архаический облик усиков, отходящих под разными углами от довольно крупного полукружия. Все сказанное позволяет датировать надпись на щитке второй четвертью V в. до н. э., с чем согласуется типично ионийский gen. ē-основ на -εω. Надпись находит ближайшие аналогии среди лапидарных и керамических эпиграфических памятников Ольвии (где и следует искать место изготовления перстня — см. ниже), например, в посвящении статуи IOSPE·I[2], 164 или в граффито на известном килике Н. Ф. Романченко[11].

---

[8] *Филов Б., Велков И., Миков В.* Надгробните могили при с. Дуванлий, Пловдивско. София, 1934, с. 18 сл., 105, 232, 240; *Огненова Л.* Разници на траки от V—III вв. пр. н. е.— Археология, I, кн. 1—2, 1959, с. 30 сл.

[9] *Велкова Ж.* Скифское влияние на личные имена Фракии (V в. до н. э.).— Studia Thracica, v. 1 — Фрако-скифские культурные связи. София, 1975, с. 139—141 (с литературой).

[10] Ср. *Jeffery L. H.* The local scripts of archaic Greece. Oxford, 1961, p. 325 (υ[4]).

[11] Подробнее о датировке IOSPE I[2], 164 второй четвертью V в. до н. э. см.: *Виноградов Ю. Г.* О методике обработки греческих эпиграфических памятников. В сб.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978, с. 48—52; ср. IOSPE I[2], 307 (ближе к середине столетия). Упомянутый килик (*Фармаковский Б. В.* Памятники античной культуры, найденные в России.— ИАК, 42, 1911, с. 134—140) датируется теперь около 450 г. до н. э. (абсолютную аналогию см.: *Sparkes B., Talcott L.* Black and Plain Pottery.— Athenian Agora, XII, Princeton — New Jersey, 1970, part 1, p. 269, No. 484; part 2, tab. 23, 50, fig. 5). С надписью Скила в этом

Указанная датировка надписи с учетом семантики изображения, а также места находки, прекрасно вписывающегося в контекст предания о происхождении и печальном конце Скила, дает полное право вслед за большинством исследователей [12] считать занимающий нас памятник личной печатью этого скифского владыки [13]. Побочную проблему составляет лишь вопрос о том, когда и каким образом перстень попал в район Истрии. Как известно из Геродота (IV, 78), Скила родила Ариапифу жена-истриянка, обучившая царевича γλῶσσάν τε Ἑλλάδα καὶ γράμματα. Ариапиф поддерживал контакты с соседившим с Истрией фракийским царством одрисов, что следует из его брака с дочерью фракийского правителя Тереса (Herod. IV, 80). Поэтому нельзя исключить, что перстень попал в Добруджу еще в юности Скила. Но более вероятной кажется связь этого факта с обстоятельствами низвержения скифского царя и бегства его к сыну Тереса Ситалку, разумеется, за Дунай, по которому, согласно данным древних авторов и мнению современных исследователей, проходила граница между Одрисским и Скифским царствами [14]. Скорее всего, перстень достался какому-то неизвестному нам лицу (фракийцу, греку?) в результате дарения или завещания (менее вероятно — утери) незадолго перед выдачей Скила Ситалком Октамасаду. Вблизи с. Карахарман (по любезному сообщению П. Александреску и М. Кожи) обнаружено архаическое поселение истрийской хоры, что предполагает там наличие и некрополя.

Но особенно интересно то, что перстень имеет и вторую надпись, занимавшую все свободное пространство уплощенного бока шинки. Не уместившиеся четыре буквы текста были подписаны на ребре шинки как раз под последними буквами на плоскости. В отличие от легенды на щитке эта надпись выполнена пунсонной техникой, оставлявшей возле углубленных букв выдавленный металл, что хорошо заметно по игре светотеней на фотографиях в обеих публикациях. Подобная техника, комбинировавшая набор прямолинейных и круглых штампов, позволяла избегать потерь драгоценного металла.

Надпись, исполненная греческими буквами, читается свободно: ΚΕΛΕΟΕΑΡΓΟΤΑΝΠΑΡ|ΙΑΝΕ . Первый издатель, М. Апостолидис предположил, что надпись надчеканена (точнее, усилена) по более древ-

---

граффито полностью совпадают формы *сигмы, ипсилона* и *омеги* (см. *Фармаковский Б. В.* Ук. соч., с. 139, рис. 5; *Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.— Л., 1953, с. 17, № 14).

[12] Оригинальная интерпретация предмета предложена М. Апостолидисом (*Apostolidis M.* Op. cit., p. 222sq., 225—227). Усматривая, на основании фотографии ли или описания Г. Сарафидиса?) в свободных полях щитка полустертые буквы (ниже зеркала вторую *лямбду*, за задней ножкой кресла *омегу* и остатки *ню*), он читает всю надпись ΣΚΥΛ⟨Λ⟩ΕΩΤΩ⟨Ν⟩. Исходя из этого, он предполагает, что перстень был выделан из архаической монеты с эмблемой реверса «сидящая богиня» и этниконом Σκυλλεωτῶν — неизвестного города, по-видимому, в Великой Греции. Этой фантастичной интерпретации противоречат следующие факты: 1) отсутствие города с таким именем, 2) отсутствие монет с подобной эмблемой и легендой, 3) отсутствие в V в. золотых монет такого крупного веса, 4) техническая невозможность изготовления монолитного перстня из монеты, к тому же без повреждения эмблемы и легенды, 5) отсутствие в нумизматике случаев энглифического изображения эмблемы и легенды. В энглифичности изображения и надписи на щитке перстня убеждают наблюдения над игрой света и тени при левом боковом источнике освещения (ср. *Canarache V.* Op. cit., p. 216; gravată adînc.). Сам М. Апостолидис (*Apostolidis M.* Op. cit., p. 223) считает изображение и легенду рельефными, что заставляет сомневаться в правдоподобности его замечания (p. 225, not. 1) о «детальности» располагаемого им описания.

[13] Таким образом, изредка встречавшиеся в литературе сомнения в историчности Скила должны быть решительно отвергнуты (*Aly W.* Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921, S. 128; *Куклина И. В.* Ук. соч., с. 116).

[14] *Мелюкова А. И.* К вопросу о границе между скифами и гетами.— В сб.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 79; ср. *Фол А.* Thraco-Scythica: проблемы письменных источников о V в. до н. э.— Studia Thracica, I, с. 162.

нему тексту, синхронному легенде на щитке (V—IV вв. по его датировке), следы которого ему виделись (на фотографии?). По его мнению, перечеканка — работа современного коллекционера или торговца древностями, не сведущего в эпиграфике, отчего и буквы, вышедшие из-под его руки, приобрели очертания, свойственные римской эпохе [15]. Подобная, мало похожая на истину, гипотеза понадобилась первоиздателю, чтобы заменить несколько букв надписи на якобы первоначально существовавшие (на 6-м месте — *сигма* вместо читаемого ныне *эпсилона*, на 11-м — *ипсилон* вместо *тау*, на 14-м — *тау* вместо *гаммы*, как М. Апостолидис читает ясное *пи*) и сконструировать таким способом новый текст Κελεὸς Ἄργου Ἀνταριάνε [или Ἀντάρι ἀνέ(θηκε)] [16], о научной достоверности которого говорить не приходится.

В. Канараке, не читавший, судя по всему, работы М. Апостолидиса, незаслуженно упрекнул его во фракофильстве и в попытке трактовки всего документа как фракийского [17]. В действительности предположение о фракоязычности надписи на дужке было высказано лишь Т. В. Блаватской [18]. Сам В. Канараке предложил (в форме гипотезы) видеть в надписи фразу на скифском языке, транскрибированную греческими буквами [19], что и было в осторожной форме поддержано Г. М. Бонгард-Левиным и Э. А. Грантовским [20]. Не говоря уже о том, что в таком случае мы имели бы уникальный пример письменной фиксации скифского языка, «скифская», как и «фракийская» интерпретации выглядят малоубедительными потому, что инициаторами их не только не представлены толкования текста, но и не проверяются — и это главное — другие возможности прочтения.

Между тем в тексте сразу бросаются в глаза две лексемы: ΚΕΛΕΟΕ=κέλεοε (или κελεόε) и ΠΑΡ=πάρ , оставляющие единственную возможность понимания всей надписи как греческой. При этом обращают на себя внимание характерные признаки ионийского диалекта: ευ>εο: κέλεοε=κέλευε; πάρ=παρά; ε=ει [21]. Фонетический переход ευ>εο свойственен в позднеархаическом ионийском диалекте пока только милетскому говору [22] и засвидетельствован как в метрополии [23], так и в ее колониях, а именно в Ольвии [24], что делает этот северопонтийский полис, тесно связанный со Скифским царством времени Ариапифа и Скила, наиболее вероятным центром изготовления перстня [25].

Более трудным для интерпретации кажется поначалу сочетание букв ΑΡΓΟΤΑΝ. Варианты прочтения ἀργὸ τᾶν (или τὰν, оба —доризмы!) и комбинаций с частицей ἄν (ἄργ' ὅ τ' ἂν,—ὅτ' ἄν,—ὅταν и т. п.) отпадают ввиду предполагаемого тогда дополнения фразы и усложнения синтаксиса

---

[15] *Apostolidis M.* Op. cit., p. 223 sq.

[16] Ibid., p. 224, 227.

[17] *Canarache V.* Op. cit., p. 217.

[18] *Блаватская Т. В.* Ук. соч., с. 55, прим. 3.

[19] *Canarache V.* Op. cit., p. 217.

[20] *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* Ук. соч., с. 20.

[21] *Thumb A., Scherer A.* Handbuch der griechischen Dialekte, II². Heidelberg, 1959, S. 253. Явление усечения предлога παρά свойственно ряду диалектов (Liddell-Scott, s. v.), в том числе и ионийскому, и синхронно засвидетельствовано в Милете (Milet I, 3, № 132 b.6: πὰρ τὸμ βᾶν, ок. 500 г. до н. э.).

[22] *Виноградов Ю. Г.* Древнейшее греческое письмо с о. Березань.— ВДИ, 1971, № 4, с. 80; *Vinogradov Ju. C.* Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Pontosgebietes.— Actes du VIIe Congrès International d'épigraphie grecque et latine. Bucarest, 1979, S. 296, Anm. 11.

[23] Milet I, 3, № 122, 1.5; 129.

[24] *Виноградов Ю. Г.* Древнейшее греческое письмо..., с. 80. Отмеченное явление, повсеместно распространенное в ион. диал. только с конца V — начала IV в., для архаической эпохи впервые четко указано в 1959 г. А. Шерером (см. прим. 21 в данной статье), в чем я вижу главный аргумент против сомнений в подлинности надписи и соответственно самого перстня.

[25] Не исключена, но менее вероятна Истрия, родственная Ольвии по культуре (включая язык и палеографию).

(необходимость введения protasis/apodosis). Фраза будет выглядеть грамматически завершенной, не требующей ни фантазии, ни насилия над текстом, если принять АРГОТАN за асс. личного имени Αργοτας. При этом смущала бы огласовка финали -ταν вместо -την при вышеуказанных ярких ионизмах. Но эту спих легко устранить, если признать, что греческий составитель надписи стремился к возможно более точной передаче негреческого антропонима. Великолепную параллель мы находим у Геродота (IV, 81) в имени скифского (!) царя Ἀριάν-τας.

Однако один из законов герменевтики — nomina barbara non sunt multiplicanda praeter necessitatem — заставляет подкрепить высказанное предположение параллелями из родственного иранского ономастического ареала, которые отыскиваются без труда. Так, Эсхил (Pers. 308) упоминает о персе Ἀργήστης, павшем при Саламине; Ктесий (ap. Nic. Dam., fr. 66, FGH II, 90) называет матерью Кира Старшего Ἀργόστη; в боспорской надписи I в. н. э. мы встречаем Αργοδας (IOSPE IV, 338-КБН 510) [26], и наконец, там же около 150 г. до н. э. или чуть позже всплывает полностью аналогичное имя Ἀργότας, причем в боспорском царском доме в лице второго мужа царицы Камасарии! [27] Место «возрождения» имени «Аргот» весьма знаменательно в связи с предпринятой ниже попыткой установить, какое положение в обществе занимал Аргот, хозяин перстня. Оно доказывает, что Камасария взяла себе вторично не безродного супруга, но мужа «из хорошего скифского дома», что полностью соответствует политике налаживания поздними Спартокидами тесных (в том числе и династийных) контактов со скифской верхушкой, как это показывает пример Савмака [28]. С царским саном обоих Арготов прекрасно согласуется этимология имени Αργοτας, предложенная еще В. Миллером [29] и развитая В. И. Абаевым [30], на основе осет. прич. arğud (от глаг. arğaun) — «благословенный» (benedictus), хотя и были сделаны попытки подвергнуть ее критике [31].

---

[26] Этимологии, предложенные для этих двух имен, сопоставленных впервые Ф. Кайпером, сведены в работе: *Schmitt R.* Die Iranier-Namen bei Aischylos. Stzbr. Wien, Bd. 337, 1978, S. 51 f. Р. Шмит вслед за Л. Русселем считает имя Ἀργήστη подгонкой некой исконной иранской формы [не была ли она близкой к нашей Arga-uda, Arga-uta?] к адекватно звучащему греч. прил. со значением «сияющий, блестящий». Ср. более далекое имя царя «скифов» в 244 г. н. э.— Argunt (SHA, Gord. 31, 1).

[27] IOSPE II, 19 = КБН 75, в форме gen. Ἀργότου. Разбираемая надпись полностью подтверждает реконструкцию В. В. Латышевым и издателями КБН nom. этого имени в форме Ἀργότας против предложенного Л. Згустой Αργοτος (*Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, Namenregister, S. 440). Возможность греческой интерпретации имени исключается ввиду того, что: 1) огласовка -ας предполагает доризм в целом ионийском тексте; 2) составные греческие антропонимы имеют корень ἀργ(ε)- всегда вторым компонентом (*Bechtel F., Fick A.* Die griechischen Personennamen. Göttingen [2], 1894, S. 65; *Bechtel F.* Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Keiserzeit. Halle, 1917, S. 64 f.); 3) потенциально возможная метатеза консонантов ἀργο-<ἀγρο- методически ослабляет интерпретацию.

[28] Пользуюсь случаем выразить свою абсолютную солидарность с точкой зрения С. Я. Лурье и Э. Л. Грейс (Казакевич) на Савмака и его восстание (см. из последних *Казакевич Э. Л.* К дискуссии о восстании Савмака.— ВДИ, 1963, № 1, с. 57—70) вопреки устоявшейся в науке концепции С. А. Жебелева (см. из последних *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971, S. 314, Anm. 17; *Карасев В. Н.* Политические события в Северном Причерноморье в конце II — начале I в. до н. э.— В сб.: Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. М., 1974, с. 4 сл.

[29] *Миллер В.* Эпиграфические следы иранства на Юге России.— ЖМНП, 1886, окт., с. 248 сл.

[30] *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М., 1949, с. 154.

[31] *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I: Die Iranier im Südrussland. Leipzig, 1923, S. 32 (без аргументации). Предложение Згусты (Op. cit., S. 338, 772 f) выводить Αργοτας/-δας из топонима Ἄργωδα (Prol. III, 6, 5) методически несовершенно, так как базируется на указании позднего автора

Итак, надпись на уплощенной поверхности дужки читалась бы следующим образом: Κέλεοε Αργοταν πάρ, с подразумеваемым inf. εῖναι. Эллипс именно этого глагола был предложен мною до ознакомления с публикацией М. Апостолидиса [32]. Editio princeps полностью подтвердила высказанное предположение, окончательно решив вопрос в пользу представленного чтения как единственно возможного: поскольку ни πὰρ ιανε, ни παριανε не дают в ион. диал. удобочитаемых комбинаций, четыре последние буквы надписи, размещенные на ребре шинки и смотрящие слева направо, следует читать справа налево, иными словами, в манере бустрофедон [33], т. е. как ἔναι — ион. форму inf. εῖναι!

В итоге вся надпись читается так: Κέλεοε Αργοταν πὰρ|ἔναι: «Вели быть при Арготе!». Вариант παρέναι менее приемлем, поскольку в случае адресования приказания к перстню, требовался бы не acc., a dat. Αργοται, конструкция же acc. cum inf. оставляет неразъясненной, при ком должен пребывать Аргот (при перстне?!). Вариант imper. κέλευε предпочтительнее перед 3 л. ед. ч. κελεύει — «он (она) велит», поскольку предполагает обращение от лица objet parlant (среди прочих возможных — пожелание хозяина вещи, наименее вероятно, зрителя): «вели быть (мне) при Арготе!». Обращение от самого «говорящего объекта» — постоянная формула архаических надписей [34], в то время как вторая возможная форма, видимо, для этой эпохи нехарактерна. Инверсия апокопированного πάρ в постпозиции оправдана тем, что текст оказывается метрическим — выполненным не какой-то определенной строфой, а просто версифицированными ямбами (∪—|∪—|∪—|∪—|∪) [35].

Итак, в предлагаемом чтении надпись Аргота, во-первых, не требует никаких насилий над текстом, непротиворечива синтаксически и даже являет собой определенное изящество при лаконичном выражении емкой мысли. Во-вторых, устанавливается семантическое единство контекста надписи и подтекста изображения: обращение к верховной богине-владычице, образу которой прекрасно подходит глагол κελεύω=- «приказать, повелеть».

Один из самых важных — вопрос о датировке надписи. При палеографическом анализе ее следует учитывать прежде всего пунсонную тех-

---

(II в. н. э.) о безызвестном по другим источникам поселении в Крыму и противоречит обычной практике создания топонимов из имен владык (например, Εὐπατόριον Strabo VII, 4, 7) или тех и других из одного общего источника: Παλάκιον из Πάλακος (Strabo VII, 4, 7; IOSPE I², 352), либо оба из Πάλοι (Diod. II, 43, 3—4) по гипотезе Д. С. Раевского (*Раевский Д. С.* Неаполь или Палакий.— ВДИ, 1976, № 1, с. 102—107). В. А. Лившиц любезно сообщил мне еще одну возможную интересную этимологию, а именно из др.-иран. arga-uta — «владеющий ценным знанием». Не берясь судить, какая из этимологий убедительнее в языковом отношении, отмечу, что обе они не противоречат «владычественному» статусу того и другого Аргота.

[32] Основные результаты данного этапа исследования нашли отражение в кратком резюме: *Виноградов Ю. Г.* Перстень царя Скила.— Античная балканистика, № 3. М., 1978, с. 7. Уже после этого благодаря любезности проф. П. Милонаса автор получил возможность ознакомиться с первоизданием.

[33] Не говоря уже о том, что такое направление чтения более оправданно (при чтении IANE этим буквам логичнее было бы находиться под началом, а не концом надписи), случаи инверсионной ориентации группы букв в конце надписи бустрофедон хорошо известны; абсолютная аналогия имеется в родосском граффито конца VI в. до н. э.: *Jeffery L. H.* Op. cit., p. 349, pl. 68, № 23 — Τελεσιγέροντ ὸς ἐμι←

[34] *Burzachechi M.* Oggetti parlanti nelle epigrafi greche. Epigraphica, 24 (1962—1963), p. 3—54; *Lazzarini M. L.* Le formule delle dediche votive nella Grecia arcaica.— Atti della Academia nazionale dei Lincei. Memorie, ser. VIII, vol. XIX, fasc. 2, 1976, p. 58 ecc. Наиболее показательна надпись на гемме второй половины VI в. до н. э. с Эгины с императивной конструкцией: Θέρσιός ἐμι σε̄μα, με̄ μ'ἄνοιγε (*Guarducci M.* Epigrafia greca, III. Roma, 1974, p. 356).

[35] Версификация (в том числе ямбическая) в архаическую эпоху характерна для надписей на мелких объектах (см. *Friedlaender P.* Epigrammata. Berkeley — Los Angeles, 1948, p. 162 f., № 177k, l, m, n). Для хиата во второй стопе ср. интереснейшее граффито начала V в. до н. э. из столицы Ликии Ксанфа, исполненное гекзаметром:

нику изготовления, заставляющую искать аналогии опять же в лапидарной эпиграфике и среди граффити Ольвии, исполненных монументальным шрифтом. При внимательном рассмотрении письма бросаются в глаза следующие особенности: колебания в начертании *альфы*, которая в трех случаях имеет ярко выраженную наклонную поперечную гасту, выравнивающуюся в 15-й букве надписи в строгую горизонталь; *эпсилон* абсолютно прямой, но вертикаль его в трех очевидных случаях выступает снизу за границы поперечной черты; *каппа* имеет достаточно длинные усики; крайние гасты *ню* наклонны (причем правая поднята выше левой), но уже строго параллельны, *омикрон* по габаритам равен остальным буквам. Совокупность шрифтовых признаков и прежде всего колебания в начертании *альфы* уверенно позволяют отнести надпись к переходной эпохе в развитии ионийского шрифта и датировать ее рубежом VI—V вв., не позже самого начала V в. до н. э., что подтверждается реминисценцией бустрофедона и согласуется с вышеотмеченным диалектальным признаком (ɛo=ɛυ), зарождающимся в Милете и его колониях как раз в последней четверти VI в. Наиболее близкие параллели надпись Аргота находит в следующих лапидарных ольвийских текстах этого времени, IOSPE I ², 212 и 215 (колебания в написании *альфы*), 213, 270; HO 1,62, 167 [36], а среди граффити в вотиве некоего Тихона [37]. Выступающую снизу вертикаль *эпсилона* надписи Аргота следует признать рудиментом, объясняющимся, вероятно, особой сакрально-магической тональностью текста. Результаты палеографического анализа подкрепляются и реалиями: как уже было отмечено, зеркала с подобной формой ручки имели наибольшее распространение во второй половине VI — начале V в. до н. э.

Таким образом, предложенная датировка занимающей нас надписи делает ее старше легенды ΣΚΥΛΕΩ минимум на 30, а максимум на 50 лет, что исключает возможность получения драгоценной вещи Арготом из рук печально знаменитого скифского царя [38]. Естественно, необычная судьба перстня, изготовленного, по всей видимости, ольвийским мастером где-то около 500 г. до н. э. для неизвестной нам личности по имени Аргот, а потом через несколько десятилетий очутившегося на пальце царя Скила, который повелел вырезать на нем свое имя, выглядит парадоксальной и требует объяснения. Очень трудно себе представить, чтобы скифский владыка позволил себе надеть на руку просто золотое кольцо с печатью, доставшееся ему от одного из его подданных или, положим, от поверженного им врага, да еще, присвоив драгоценность, снабдил ее своей сигнатурой. Не говоря уже о том, что такой факт трудно совместить с dignitas монарха, возникало бы опасение, что, ввиду широко распростра-

---

Κιμμέριός με ἔκλεψε[ν] ἐπείτ' ἔκπινέ μ'ἀμυστίν — хиат во второй стопе (*Metzger H.* Fouilles de Xanthos, IV. Les céramiques archaïques et classiques de l'acropole lycienne. Paris, 1972, p. 166—170, tab. 85, fig. 386).

[36] Датировка К. Ватцингера (*Kiseritzky G., Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, S. 8, № 54) надписи IOSPE I², 215 началом V в. предпочтительнее более широких дат, предложенных В. В. Латышевым (V в. до н. э.) и Т. Н. Книпович (*Knipovič T. N.* Acta of the Vth International Congres of Greek and Latin Epigraphy. Oxford, 1971, p. 114) — первая половина V в. до н. э. (ср., однако, ibid., p. 115, fig. 1, a5 — начало V в.). HO 1 и 167 справедливо отнесены издателями к началу VI в.

[37] *Леви Е. И.* Материалы ольвийского теменоса.— В сб.: Ольвия. Теменос и агора. М.— Л., 1964, с. 149, рис. 16, *1* (по росписи килик датируется рубежом VI—V вв.). Первым правильное чтение отчества ὁ Ἑκατοκλέος предложил Б. Лифшиц (Hermes, 94, 1966, S. 237).

[38] Т. В. Блаватская (*Блаватская Т. В.* Ук. соч., с. 55, прим. 3), не предпринимая палеографического анализа, предположила, что надпись на шинке перстня более поздняя и оставлена последующим владельцем кольца. Специалист по архаическим греческим надписям М. Л. Лазаринн в письме от 9.IV.1978 г. любезно сообщила мне свое суждение, целиком согласное с мнением одного из лучших в мире знатоков греческой палеографии архаической эпохи проф. М. Гвардуччи: надпись на шинке, безусловно, древнее легенды на щитке.

ненной в древности веры в магическую силу подобных символических украшений, на нового владельца могла перейти злая вражья сила [39].

Поэтому остается единственный путь решения — перстень был получен Скилом по наследству (прямо или опосредованно) от близкого родственника или предка по имени Аргот [40]. Очень важно было бы выяснить социальное положение в скифском обществе этого родственника, неизвестного нам из других источников, для чего необходимо обратиться к рассмотрению семантики как самой вещи, так и контекста нанесенного на нее изображения.

У ираноязычных народов, к которым относились и скифы, были широко распространены представления о символике кольца или перстня как insignia власти царя. В «Шах-наме» неоднократно сопоставляются вместе такие царские инсигнии, как перстень, венец, престол, пояс владык [41]. Омар Хайям (XII в.) пишет, что Сулайман (=царь Соломон) «потерял царство потому, что он испортил свой перстень» [42]. Он же передает рассказ о том, что Искандар Румский (=Александр Македонский) видел сон, в котором «весь мир был как один перстень и наделся на его палец» [43]. Последнее свидетельство особенно интересно: оно перекликается, с одной стороны, с древнейшими представлениями индоиранцев о мироздании как о круге (кольце) [44] и вытекающей отсюда символикой царского кольца (перстня) как микромодели мира. С другой стороны, легенда об Александре тотчас вызывает в памяти инвеститурные сцены сасанидского искусства, где верховный бог иранцев Ахура Мазда вручает царю кольцо как символ власти над миром [45]. Эти сцены связываются исследователями с идеей передачи царского Фарна [46], воспринимавшегося первоначально в его связи с солнцем [47].

Подобные представления не были чужды и античной цивилизации, с тем, однако, различием, что семантика перстня заложена там не в самом кольце, а в его печати: скреплявший своей печатью государственные документы обладал тем самым реальной властью, которая могла с вещью-символом передаваться по наследству. Александр на смертном

[39] В этой связи уместно вспомнить о вере скифов в то, что их царь может заболеть в том случае, если кто-то из его подданных ложно клялся «царскими Гестиями» (Herod. IV, 68), т. е. даже без физического контакта с царской персоной магической идеи, притом не материализованной в амулете.

[40] Если верить М. Апостолидису (*Apostolidis M.* Op. cit., p. 222 sq), видевшему полустертые буквы в свободных полях щитка, то можно констатировать любопытный факт: и прежний владелец повелел вырезать на перстне свою сигнатуру, уничтоженную (но не до конца!) Скилом при повторном нанесении своего имени. Тогда в социально-психологическом аспекте этот факт следовало бы сопоставить с неоднократными примерами палимпсестов среди бронзовых афинских табличек дикастов (*Kroll J. H.* Athenian Bronze Allotment Plates. Cambridge, Massachusets, 1972): уничтожая, но не целиком, имя своего отца на пинакионе, афинский гелиаст стремился тем самым показать легитимность своего гражданского статуса во втором колене. Случаи уничтожения и замены одного имени другим попадаются и на сасанидских геммах (*Борисов А. Я., Луконин В. Г.* Сасанидские геммы. Л., 1963, с. 48—54, № 3, 17). Однако полностью быть уверенным в детальности информации первоиздателя (см. прим. 12), равно как и в его наблюдательности (учитывая тенденциозность искусственной интерпретации), не приходится.

[41] Шах-наме, т. I. М., 1957, с. 113, 149, 170.

[42] *'Омар-Хайям.* Трактаты. Пер. Б. А. Розенфельда. М., 1961, с. 199.

[43] Там же, с. 200.

[44] *Kirfel W.* Die Kosmographie der Inder nach den Quellen dargestellt. Bonn — Leipzig, 1920, S. 10 f.

[45] *Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977, рис. на с. 181.

[46] *Ackerman Ph.* Sāsānian Seals.— In: A Survey of Persian Art. Teheran — London — New York — Tokyo, vol. II, 1967, p. 801 f.

[47] *Bailey H. W.* Zoroastrian Problems in the Ninth-Century Books. Oxford, 1943, p. 69 f.; *Dushesne-Guillomin J.* Fire in Iran and in Greece.— EW, vol. 13, № 2—3, 1962, p. 203 f.; *idem.* Le Xvarənah.— In: Annali del'Istituto Orientali di Napoli, vol. V, 1963, p. 19—31; *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский Фарн. Душанбе, 1968, с. 48 сл. Подобные же инвеститурные сцены не единичны и на хронологически более близких памятниках парфянского искусства; см., например, *Ghirshman R.* Arte persiana. Parti e sassanidi. Milano, 1962, fig. 67, 70.

одре передал свой перстень Пердикке, откуда многие заключили, что ему же было завещено и царство (Corn. Nep., Eumen. 2, 1—2; ср. Curt. X, VI, 16). Сам Александр во время похода Филиппа против Византия остался распорядителем государственных дел и одновременно царского перстня-печати (Plut., Alex. 9) [48].

Однако символика самого перстня как insigne царской власти не может сама по себе служить достаточным признаком для определения статуса его владельца, ведь, по замечанию того же Омара Хайяма, каждый человек должен иметь свой перстень [49]. Символику вещи многократно усиливает семантика нанесенного на него изображения, которая становится решающей в социальной атрибуции. Свыше полстолетия тому назад М. И. Ростовцев в основополагающей работе «Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре» [50] сопоставил целый ряд памятников скифской торевтики с изображением сидящей на троне богини с атрибутами в руках (ритоном или зеркалом) и стоящего перед нею, как правило, молодого скифа, держащего в руке ритуальный сосуд, из которого он приготовляется пить или пьет. Всю сцену М. И. Ростовцев определил как «акт приобщения богине царя ли, или просто миста», а в женском божестве увидел иранскую Астарту-Анахиту, синкретизированную с местной Афродитой Апатурой Уранией [51].

В отечественной литературе из всей интерпретации М. И. Ростовцева безоговорочно была принята лишь атрибуция женского образа как богини, в остальном мнения разделились по двум следующим пунктам: 1) определение женского божества, в котором одни предлагали видеть местную богиню Аргимпасу (при атрибуте — зеркале) безо всякой древнеперсидской подосновы [52], другие — Табити [53]; 2) трактовка мужского персонажа и отсюда всей сцены в целом: одни видят в молодом скифе исключительно верующего (миста), приобщающегося богине [54], другие — либо царя, либо воина, приобщающегося соответственно власти или покровительства божества [55].

Оригинальная интерпретация была предложена недавно Д. С. Раевским, который усматривает в описанной сцене обряд бракосочетания «царицы скифов» Табити с родоначальником скифов Колаксаем, равно как и заступающим его место земным воплощением — реальным скифским царем [56]. Не рассматривая ближе всей аргументации автора, трудно согласиться с ним уже в исходных методических пунктах. Единственной отправной точкой своей аргументации он избирает один только атрибут — зеркало в руках богини, отмечая его частую связь у разных индоиранских народов с брачным обрядом. Однако, во-первых, зеркало *может*, но совсем не *должно* быть обязательно связано с обрядом бракосочетания; справедливо указывалось на его связь с культом плодородия [57]. Во-вторых, существует ряд синхронных произведений торевтики, притом происходящих из тех же археологических комплексов [58], где зеркало в

---

[48] О символике императорских перстней-печатей в Риме см.: *Instinsky H. U.* Die Siegel des Keisers Augustus. Baden-Baden, 1962; *Jucker H.* Der Ring des Keisers Galba.— Chiron, 5, 1975, S. 349—364.

[49] *'Омар Хайям.* Ук. соч., с. 199.

[50] ИАК, 49, 1913, с. 1—62, 133—140.

[51] Там же, с. 7, 16, 44.

[52] *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов.— АСбГЭ, 2, 1961, с. 64 сл.

[53] *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности. Вып. 2. СПб., 1889, с. 44; *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971, с. 83; *Раевский Д. С.* Очерки..., с. 100.

[54] *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества..., с. 61 сл.

[55] *Граков Б. Н.* Скифы, с. 83.

[56] *Раевский Д. С.* Очерки...., с. 94—106.

[57] *Хазанов А. М.* Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов.— СЭ, 1964, № 3, с. 93 сл.

[58] Например, бляшки из Чертомлыка: *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов, с. 51, рис. 97.

руках богини отсутствует, заменяясь ритоном или арибалловидным ритуальным сосудом, который на других памятниках [59] контаминируется с зеркалом. И если вслед за инициатором гипотезы признать, что на всех изобразительных памятниках такого рода [60] представлен один и тот же сюжет, то следует согласиться с тем, что зеркало как *один из нескольких* атрибутов символизирует *одну из многих* функций божества [61], а не «ситуацию изображаемого обряда» [62].

Возвращаясь к перстню Скила, следует подчеркнуть одну деталь, отличающую его от приведенных выше памятников, а именно отсутствие партнера женского божества, что можно объяснить либо стилистическими соображениями резчика (нехватка места на щитке), либо «подразумеваемостью» его в самом носителе [63], устанавливая тем самым тесную идейно-генетическую связь между вещью и субъектом. Отсутствие мужского паредра, неизвестное мне по другим синхронным памятникам искусства, встречается на сасанидских геммах [64].

Обращает на себя внимание бесспорно самый интересный второй предмет (в левой руке богини), в котором уверенно можно узнать жезл или скипетр, заканчивающийся зооморфным или стилизованным навершием. Этот атрибут — неуместный ни для приобщения миста, ни при брачном обряде — позволяет определить весь сюжет на щитке перстня как сцену инвеституры — вручения царю власти верховным женским божеством. В таком случае можно констатировать генетическое единство семантики самого перстня и инвеститурного изображения на нем, в совокупности символизирующие владычество над скифскими народами, легитимность которого подчеркнута вручением его из рук верховного божества. В итоге полнее раскрывается и семантика подтекста самой надписи: Аргот не только молит богиню не разлучать его с перстнем, но и просит распространить ее волю на сохранение при нем на веки вечные царской власти, идея которой материализована в самом объекте — инсигнии.

Великолепная аналогия перстню Скила в указанном плане находится в золотом кольце-печати из Керчи, хранящемся в Британском музее [65], на щитке которого изысканной гравировкой изображены полуобнаженная Ника, прибивающая щит к обрубку дерева, и расположенная за ним лав-

[59] На пластине из Сахновки: *Бессонова С. С., Раєвський Д. С.* Золота пластина із Сахнівки.— Археологія, № 21, 1977, с. 39—50.

[60] Включая и те, где стоящую мужскую фигуру замещает конная: *Ростовцев М. И.* Ук. соч., с. 133—140; *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества..., с. 62 сл.; *Бессонова С. С., Кирилин Д. С.* Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана.— В сб.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 128—139 (авторы увидели на непонятом ими надгробии «сцену „священного брака" или адорации»! — с. 135). Аналогичные инвеститурные сюжеты в глиптике родственного фракийского мира см. *Златковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев VII—V вв. до н. э. М., 1971, с. 228 сл., рис. 14, 15.

[61] *Хазанов А. М.* Религиозно-магическое понимание..., с. 93.

[62] *Раевский Д. С.* Очерки..., с. 100.

[63] Что позволяет Д. С. Раевскому (*Раевский Д. С.* Очерки..., с. 99) видеть в перстне «своего рода обручальное кольцо».

[64] *Борисов А. Я., Луконин В. Г.* Ук. соч., с. 94, № 115. Принципиально сходное явление наблюдается и на монетах парфян, чеканивших на реверсе изображение основателя династии Аршака, протягивающего лук — символ власти. При этом адресат инвеститурного акта здесь также отсутствует — он представлен лишь на аверсе в виде погрудного изображения царя, чеканившего данную монету; см. об этом: *Раевский Д. С.* К вопросу об обосновании царской власти в Парфии («Парфянский лучник» и его семантика), Сб.: Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977, с. 81—86 (с указанием на работы предшественников — Д. Ласло и Я. Харматты).

[65] *Furtwängler A.* Die antiken Gemmen, Bd. II. Leipzig — Berlin, 1900, S. 47, № 44. Taf. 9; *Marshall F. H.* Catalogue of Finger Rings, Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. London, 1907, p. 11, № 51, tab. II; *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 414, not. 2; *Richter G. M. A.* Engraved Gems of the Greeks and the Etruscans. London, 1968, p. 83, № 246; *Boardman J.* Greek Gems and Finger Rings. London, 1970, p. 223, 298 f., tab. 724; *Guarducci M.* Epigrafia greca, III. Roma, 1974, p. 524sg., fig. 214.

ровая ветвь, т. е. сцена воздвижения трофея. За ветвью — ясно читаемая надпись: ΠΑΡΜΕΝΩΝ ΒΑΣΙΛΕΙ . А. Фуртвенглер предположил, что перстень — дар Александру Македонскому от его знаменитого полководца Пармениона, что оставляет непонятным, как столь славный подарок очутился в погребении пантикапейского некрополя; к тому же на щитке явственно читается Παρμένων , а не Παρμενίων. Эти два соображения дали возможность М. Гвардуччи критически отклонить высказанную гипотезу и предложить свое толкование: во втором слове скрывается не потестарное понятие «царь», а личное имя Βασιλεύς (так уже в первом издании: CIG, 7071 *d*); в таком случае легенду следовало бы переводить: «Парменон (сделал) для Басилея». Однако сама исследовательница отмечает, что личное имя Βασιλεύς — весьма редкое и встречается к тому же в позднюю эпоху (и в мифологии). Кроме того, традиционное чтение («царю») лучше согласуется с семантикой изображения.

Все издатели, транскрибируя первое слово с заглавной буквы, понимали тем самым надпись как дарственную: «Парменон (подарил, сделал) царю (или Басилею)» — [П] ρμένων βασιλεῖ. При таком, казалось бы, естественном понимании противоречивыми выглядят два обстоятельства: 1) обычно владыки дарили «со своего плеча» драгоценности подданным, но не наоборот; 2) в противном случае, со стороны Парменона было бы по меньшей мере нескромным нанести на подарок такую надпись, да еще, громко заявив свое имя, оставить царя анонимным.

Указанные противоречия будут сняты, если прочесть в первом слове вместо личного имени part. praes от παραμένω с подразумеваемым ὁ δακτύλιος (основным термином для кольца и перстня) [66]. В новом понимании надпись «неразлучный с царем, верный царю (перстень)» выражает то же, что и в украшении Скила, генетическое единство символики вещи, нанесенного на нее изображения и абстрактной идеи, материализованной в последнем. Вместе с перстнем властительный хозяин высказывает желание не разлучать его с победой, аллегорично представленной в образе Ники [67].

В результате проведенного анализа перед нами в самых общих чертах вырисовывается фигура неизвестного прежде скифского царя — предка Скила, а посему первым встает вопрос о его месте в генеалогии и хронологии правителей Скифского царства VI—V вв. Из нашего главного и практически единственного источника по данной проблеме — Геродота — выясняется следующий порядок смены скифских царей. Если оставить в стороне Прототия (Партатуа) и Мадия, установивших скифское владычество в Передней Азии (Herod. I, 103), из VI—V вв. нам известны две династийные линии, каждая из которых кровнородственная: первая — Спаргапиф, Лик, Гнур, Савлий, брат его Анахарсис и сын Савлия Иданфирс; вторая — Ариапиф, Скил и брат последнего Октамасад (IV, 78, 80). Кроме того, Геродот (IV, 120) сообщает о Скопасисе и Таксакисе, правивших двумя сопредельными частями трехчленного Скифского царства, владыкой третьей части коего был верховный царь Иданфирс.

Сложнее обстоит дело с абсолютной хронологией, для разработки которой мы имеем всего четыре более или менее твердых хронологических привязки биографий трех скифских царей. 1. Литературные [68] и эпигра-

[66] Апокопированная форма παραμένω, свойственная поэтическому языку, имеется уже у Гомера (Il.XIII, 151; ср. Pind., Pyth. I, 89; VIII, 40).

[67] Принимая во внимание место находки (Пантикапей) и убедительную датировку предмета последней четвертью IV в. до н. э., соблазнительно связать его изготовление с конкретными событиями боспорской истории: с победой Евмела (310—304 гг.) над братьями Сатиром и Пританом или, скорее, учитывая употребление на Боспоре потестарного термина βασιλεύων в отношении племен, с какими-то его военными успехами, например с победой над пиратствовавшими гениохами, таврами и ахеями (Diod. XX, 25, 2) или над другими варварскими народами (Diod. XX, 25, 3).

[68] *Diod.* IX, 26, 2; *Diog. Laert.* I, 101—105; *Plut.*, Solon 5.

фические[69] (правда, поздние) свидетельства о знакомстве Анахарсиса с Солоном и о визите его к Крезу предполагают в качестве даты его путешествия по Греции (и времени правления Гнура?) конец 90-х годов VI в. до н. э., а его гибели, судя по родству (дядя) с Иданфирсом,— примерно середину VI в.[70] 2. Об Иданфирсе мы узнаем в связи с походом Дария, который современные исследователи помещают различно между 519 и 510 гг. до н. э.[71] Анализ хроники Бехистунской надписи Дария, по всей видимости, заставляет предпочесть сообщаемую в ней дату единственному среди античных источников конкретному указанию Tabula Capitolina (513 г.) и отнести поход, по предложению Дж. М. Балсера, к весне — лету 519 г.[72] 3. Дата гибели Скила устанавливается на основании двух моментов: а) времени визита Геродота в Ольвию, б) времени правления царя одрисов Ситалка, мирно разрешившего конфликт с братом Скила Октамасадом. При всей сложности реконструкции хронологии путешествий Геродота[73] можно считать установленным, что он посетил Ольвию около середины V в. до н. э.[74], причем рассказ об Анахарсисе и Скиле он внес в свой труд в том окончательном виде, в каком он услышал его на берегах Гипаниса, по всей вероятности, от ольвиополита Тимна[75], без каких-либо последующих вставок и добавлений[76]. В шаткой хронологии фракийских царей имеются две твердые даты: союз Ситалка с Афинами 431 г.[77] и гибель его в битве с трибаллами в 424 г. (Thuc. IV, 101, 4). В совокупности установленные хронологические точки опоры дают terminus ante quem гибели Скила около 450 г. Вероятно, счастливое разрешение инцидента со скифами было одним из первых начинаний молодого одрисского царя Ситалка[78].

Таким образом, учитывая все вышеизложенные данные, можно изобразить следующую хронологическую схему. После 519 г. (не позже 513—

---

[69] Tabula Capitolina (IG XIV, 1297-FGH 252, II. 12).

[70] *How W. W., Wells J.* A Commentary on Herodotus, I. Oxford, 1912, p. 329. Я не разделяю сомнений в историчности Анахарсиса (например, *Aly W.* Op. cit., S. 127).

[71] Обзор предложенных датировок см. *Balcer J. M.* The Date of Herodotus IV, 1 Darius Scythian Expedition.— In: Harvard Studies in Classical Philology, 76. Cambridge, Massachusets, 1972, p. 103.

[72] Ibid., p. 99—132; ср. *Cameron G. G.* Darius the Great and His Scythian (Saka) Campaign. Bisitun and Herodotus.— In: Acta Iranica, I. Monumentum H. S. Nyberg. Leiden, 1975, p. 77—88.

[73] *Jacoby F.* Herodotos.— RE, Supplbd. II, 1913, Sp. 255 ff

[74] Не позже 445 г. Геродот уже поселился в Афинах, откуда он переехал (в 444—443 г.) в Фурии. См.: *Schmid W.* Geschichte der griechischen Literatur, II. München, 1934, S. 564 f., 588 f.; *Лурье С. Я.* Геродот. М.— Л., 1947, с. 16, 19, 24.

[75] H. Stein comm. ad Herod. IV, 76; *Jacoby F.* Op. cit., Sp. 256. Голословные возражения см.: *Aly W.* Op. cit., S. 127, Anm. 1; *Fehling D.* Die Quellenangaben bei Herodot. Berlin — New York, 1971, S. 89.

[76] Иного мнения М. Поленц (*Pohlenz M. Herodot.* Der erste Geschichtsschreiber des Abendlandes. Leipzig — Berlin, 1937, S. 74 f), аргументы которого задолго до того были отклонены: *Macan R. W.* Herodotus. The IV, V and VI Books. London, 1895, ad IV, 80, 1. 3; *Jacoby F.* Op. cit., Sp. 256 (Ф. Якоби допускает лишь одну вставку — спартанскую версию IV, 77).

[77] *Bengtson H.* Staatsverträge des Altertums, II². München, 1975, S. 85, № 165.

[78] См. *Iliescu Vl.* Zeitgeschichtliche Bezüge im *Rhesos.*— Klio, 58/II, 1976, S. 373. Развернутой аргументацией (с. 367—376) автор окончательно опровергает попытку Р. Госенса (*Goossens R.* Euripide et Athènes. Brüssel, 1962, p. 231—308) увидеть в драме (Псевдо-)Еврипида «Рес» художественно-метаморфическое изображение столкновения Ситалка со скифами и датировать его временем между 431 и 425 гг. Ср. *Фол А.* Thraco-Scythica..., с. 163 сл.; стремясь удревнить создание мощного царства одрисов при Тересе, автор уступает здесь более ранней датировке фрако-скифского конфликта, хотя и склоняется, как видно, к принятой им ранее (*Фол А.* Политическа история на траките. София, 1972, с. 138) более высокой хронологии, аргументируя ее допущением последующей вставки Геродотом в рассказ о Скиле имен фракийских царей. Трудно представить, однако (если не встать, конечно, на позиции Э. Сейса, Х. Панофски и Д. Фелинга), откуда Геродот мог почерпнуть в Афинах (тем более в Фуриях) столь детализированную информацию о последних днях Скила за Истром, к тому же так искусно «вшитую» в монолитную ткань всего повествования (ср. выше, прим. 76).

512 гг.) [79]. Иданфирс исчезает из нашего поля зрения, будучи к тому времени достаточно почтенным мужем, что следует из его сана верховного владыки и главнокомандующего скифов. Судя по тому, что Геродоту посчастливилось беседовать с Тимном, ἐπίτροπος Ариапифа, и что печальный конец сына последнего случился, по всей видимости, где-то в конце 50-х годов V в., гибель Ариапифа от руки царя агафирсов Спаргапифа едва ли далеко заходит в 70-е годы того же века. В итоге между моментом исчезновения из поля зрения источников победителя Дария и смертью отца Скила прошло около полстолетия, и перед нами встают две принципиальные возможности [80] связать концы прерванной традицией династийной нити: 1) предположить долгожительство Иданфирса либо Ариапифа, либо того и другого вместе; 2) примириться с наличием определенной лакуны в генеалогии.

Поскольку факты долгожительства владык (в том числе и скифских — Атей), специально собранные Лукианом (Macrobii), не редкость в древности, первое предположение вполне допустимо. Идя по этому пути, некоторые исследователи предлагали считать Ариапифа преемником [81] или даже сыном [82] Иданфирса, хотя еще Ф. Якоби [83] предостерегал от такого произвольного шага. Ряд высказанных ниже соображений в пользу дискретности скифской генеалогической линии склоняют меня в пользу гипотезы о лакуне, которую такой крупный знаток скифской «археологии» (в древнем, Флавиевом смысле этого слова), как Б. Н. Граков, предлагал заполнить правлением «вакантного» царя Арианта (Herod. IV, 81) [84]. Однако тут же, тонко чувствуя контекст Геродота (IV, 76), он не исключает равноправную возможность считать его таким же легендарным царем, как Колаксай, Пал или Нап [85]. Действительно, неуверенное Геродотово «местные рассказывали» (ἔλεγον οἱ ἐπιχώριοι) на фоне твердо проложенной линии от Спаргапифа к Иданфирсу [86] и ряда деталей в сложных отношениях родства скифской и фракийской династий V в. заставляет исключить Арианта из числа претендентов на престол Иданфирса.

Подобные расчеты, однако, так и оставались бы умозрительными комбинациями, если бы на сцене не появился предполагаемый новый царь Аргот, который — коли верна датировка надписи на его перстне — великолепно укладывается в предполагаемую лакуну. Реальность его царствования, условно помещаемого в 510—490 гг. (дата перстня), можно подтвердить, как представляется, повторным анализом всего пассажа Геродота (IV, 76—80), который позволяет мне предположить перерыв в прямолинейной династийной традиции после Иданфирса [87]. Геродот пользовался сведениями Тимна, который, будучи доверенным лицом Ариапифа, близко стоял к скифскому дому и великолепно разбирался в нюансах

---

[79] Если принять наиболее распространенную датировку похода Дария, базирующуюся на античных источниках (см., например, *Bengtson H.* Griechische Geschichte. München, 1977, S. 139). Свидетельство Мегасфена (fr. 20 ap. Strabo XV, 1, 6 et Arr., Ind. 5, 6) о вторжении Иданфирса в Азию до Египта — результат аберрации с походами Мадия (ср. Arr., Parth., fr. 1, 3; Jord., Get. 6, 47).

[80] *Граков Б. Н.* Легенда о скифском царе Арианте.— В сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 102.

[81] Например, *Яценко И. В.* Скифия VII—V вв. до н. э., 1959, с. 111 сл.; *Фол А.* Thraco-Scythica, с. 164 — автор помещает Тереса и Ариапифа в конец VI в.

[82] *Minns E.* Op. cit., p. 116.

[83] *Jacoby F.* Op. cit., Sp. 256.

[84] *Граков Б. Н.* Легенда..., с. 102.

[85] Там же, с. 103.

[86] С одной оговоркой в отношении Анахарсиса (Herod. IV, 76: «если он действительно происходил из этого дома»), выдающей не более чем критическое отношение историка к информации Тимна.

[87] К подобному же выводу, анализируя данные Геродота, задолго до того пришел В. Ф. Смолин (*Смолин В. Ф.* Главная династия скифских царей по Геродоту.— Гермес, 17, 1915, с. 390—394), констатировавший в качестве запасного варианта наличие лакуны в те же годы.

родства и генеалогии его членов [88]. Поэтому казалось бы в высшей степени удивительным, чтобы такой любитель многочисленных отступлений-парентез (со своим знаменитым: «но об этом довольно»), как Геродот [89], сообщающий тут же такие не связанные с целями новеллы и никак не вплетающиеся в основную нить ее подробности, как убиение Ариапифа Спаргапифом, наличие у первого жены Опойи и сына от нее Орика, нигде далее не фигурирующих, предпринимающего, наконец, ценный для нас, но бесполезный для его задачи экскурс в глубь скифской генеалогии, упустил, располагая соответствующими сведениями, соблазнительную возможность связать кровнородственными узами родственных по своим судьбам царей-аналогов Анахарсиса и Скила (составлявших аргументационный костяк его дидактического микрологоса — IV, 76—80) путем простого добавления к первый раз упомянутому Ариапифу [90] слов вроде τοῦ παιδὸς Ἰδανθύρσου .

Отсюда для меня вытекает лишь одно приемлемое (хотя и гипотетическое) решение: после Иданфирса непрерывная цепочка династического родства [91] оборвалась с появлением на политической арене представителя новой династии — Аргота. Приказав вырезать на своем перстне столь символическое изображение и надпись, не стремился ли он этим прокламировать легитимность своей власти, полученной свыше? [92] Не тем ли самым вызвано и решение Скила снабдить перешедший к нему от предка перстень-печать своей сигнатурой с целью доказать легитимность своего сана по крайней мере в третьем колене? Тогда, следуя вышеописанным принципам наследования власти у скифов, Аргота можно представить дедом либо, что менее вероятно, дядей Скила.

Чтобы убедиться в реальности высказанной гипотезы, необходимо кратко рассмотреть исторический контекст, в котором мог бы осуществиться приход к власти Аргота. Конец VI и начало V в. до н. э. проходят под знаком коренных изменений курса внешней политики Скифского царства, прослеживаемых по целому ряду разнохарактерных источников. Направление этого курса теперь вырисовывается все более и более четко — усиление территориальной экспансии в сопредельные страны.

Можно предположить, что одной из первых акций скифов-номадов было дальнейшее покорение или замирение лесостепных скифских племен. На многих лесостепных городищах именно в конце VI в. до н. э. прослеживаются слои пожарищ, возникшие, несомненно, в результате военных столкновений со степняками. В итоге одни городища погибают в огне [93], другие после пожара заново отстраиваются [94], третьи (где нет пожарищ) были просто оставлены их населением [95]. Была высказана ги-

[88] *Jacoby F.* Op. cit., Sp. 256.

[89] *Доватур А. И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, с. 151 сл., особенно 160 сл.

[90] Herodot, IV, 78, 1.

[91] Она практиковалась в Скифии VI—V вв. по линии «отец — сын» или, реже, от брата к брату (Скил — Октамасад) (ср. *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975, с. 195). Об аналогичной практике во фракийском царском доме см. *Златковская Т. Д.* Ук. соч., с. 213 сл.

[92] За подобными примерами в древней истории далеко ходить не приходится, достаточно вспомнить хотя бы историю воцарения Дария, который, не происходя из рода Камбиса, для легитимизации своей власти многократно подчеркивает в Бехистунской надписи: «милостью Ахура Мазды я — царь. Ахура Мазда дал мне царство» (*Дандамаев М. А.* Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, с. 182 сл.). Проводя такое сопоставление, следует, естественно, отдавать себе отчет, что речь идет об одном и том же политико-психологическом принципе, хотя и проявившемся в абсолютно не сравнимых по значению и монументальности памятниках.

[93] *Моруженко А. А.* Оборонительные сооружения городищ Поворсклья в скифскую эпоху.— В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 144.

[94] *Шрамко Б. А.* Восточное укрепление Бельского городища.— В сб.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 98; *его же.* Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон.— В сб.: Скифский мир, с. 116.

[95] *Ковпаненко Г. Т.* Раскопки Трахтемировского городища.— АИУ, I, 1967, с. 106; АИУ, II, 1968, с. 111; АИУ, III, 1971, с. 140.

потеза, что эти разрушения явились следствием вторжения Дария и отступления скифов по землям тех нескифских племен, которые отказались принимать участие в войне [96]. Едва ли это так. Даже принимая на веру реальность глубинного похода Дария, описанного Геродотом (IV, 121—144) [97], следует учитывать, что персы имели возможность сжигать городища лесостепи (подобно упомянутому в IV, 123) только по маршруту своего наступления. В покорении царскими скифами племен, не примкнувших к союзу, следует скорее усматривать отголоски замирения последних уже после войны.

В результате завоевания лесостепи [98] царские скифы стали распоряжаться огромными материальными богатствами, присваиваемыми путем внеэкономического принуждения (данничество, грабительские набеги) у покоренных земледельческих племен. Значительные излишки продуктов присвоения (зерно, скот, рабы и пр.) требовали сбыта, поэтому скифы, не имевшие ни торгового флота, ни навыков в морском деле, обратили свои взоры в сторону греческих полисов Причерноморья как источника обогащения и в то же время потенциальных трансагентов в торговле с Эгейским миром. Результаты скифской экспансии против припонтийских эллинов в разных областях Северного Причерноморья сказались по-разному: боспорские греки нашли в себе силы ей противостоять, консолидировавшись в мощное надполисное образование — Боспорское царство, автаркичный Ольвийский полис был вынужден отдать себя под экономический и политический контроль скифских царей, что нашло свое отражение в источниках (о чем подробнее предполагается сказать в другом месте). В течение первой четверти V в. до н. э. постепенно ликвидируется обширная хора Ольвии [99]; в полисе присутствует ἐπίτροπος царя Ариапифа. Детальный анализ рассказа Геродота о Скиле, подкрепляемый нумизматическими и новыми эпиграфическими документами, приводит меня к заключению об управлении Ольвии этой эпохи тиранами, иногда, возможно, ставленниками скифских династов, иногда — самими династами, о чем будет подробнее сказано в другом месте. Здесь отмечу только знаменательность того факта, что низложенный Скил даже не пытается укрыться за мощными стенами Ольвии, которая стала для него вторым домом: у полиса уже был главный хозяин — Скифское царство, с новым правителем которого ему не стоило конфликтовать из-за старого, каким бы эллинофилом тот ни оказался.

Но этот натиск не прошел для самих скифов бесследно, обернувшись процессом эллинизации, начавшим бурно развиваться с V в., пусть на первых порах затронувшим преимущественно верхушку кочевнического общества. Если в VI в. до н. э. одиноко маячит фигура мудреца Анахарсиса, приобщившегося эллинской философии и религии [100], то в V в. мы встречаем уже Ариапифа, женившегося на гречанке из Истрии и тесно связанного с Ольвией через Тимна, а также его сына — по своей культуре законченного эллина, т. е. с эллинизацией по крайней мере во втором колене. Наш перстень в этом ряду не исключение: ольвийский

---

[96] *Шрамко Б. А.* Восточное укрепление..., с. 98; *Моруженко А. А.* Ук. соч., с. 144.

[97] По сравнению с которым явно выигрывает сообщение Страбона (VII, 3, 14) о более скромных масштабах агрессии персов, дошедших всего лишь до «пустыни гетов» (Буджакской степи); ср. *Хазанов А. М.* Социальная история скифов, с. 232.

[98] Вероятно, сюда следует отнести слова Геродота (IV, 20) о том, что скифы царские всех остальных скифов считают своими рабами.

[99] Аналогичный взгляд на причины ее исчезновения высказан пока только К. К. Марченко (*Марченко К. К.* Взаимодействие эллинских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э.— Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 136).

[100] Интересно, что примерная дата возвращения Анахарсиса в Скифию и его гибели — середина VI в. до н. э.— замечательно совпадает с началом освоения эллинами (с участием туземцев) земель Нижнего Побужья и массовым проникновением в лесостепь греческого импорта (*Онайко Н. А.* Ук. соч., с. 41 сл.).

мастер, вырезая надпись на греческом языке, да еще и стихотворную, надеялся найти достойного адресата в лице Аргота.

Экспансия номадов не ограничилась северопонтийскими землями — с 496 г., когда скифы совершили через всю Фракию поход до Херсонеса Фракийского (Herod. VI, 40), начинается их Drang nach Süden [101]. Он открывает длительную полосу фрако-скифских военных конфликтов, чередовавшихся с мирными передышками [102]. Ухудшение фрако-скифских отношений проявляется археологически в исчезновении с начала V в. фракийской лепной керамики (resp. ее носителей) из хоры Ольвийского полиса, находившегося под контролем скифских правителей [103].

Итак, сопоставленные выше данные доказывают единовременность и неслучайность изменений во внешней политике Скифского царства. Закономерно возникает вопрос о причинах этих изменений. Сразу бросается в глаза, что их начало замечательно совпадает со временем непосредственно после победы над Дарием. А. Н. Карасевым [104] было подмечено, что поход Дария стал рубежом, имевшим огромное значение для истории античного Причерноморья, сказавшимся, в частности, на переменах во взаимоотношениях между греческими колониями и скифами. Победа над персами царских скифов — главного борца за независимость — должна была способствовать укреплению их политического самосознания [105] усилению их роли среди остальных скифских племен [106]. Однако политико-психологический фактор мог стать лишь одной из многих причин усиления Скифского царста. Главные движущие силы были скрыты, видимо, в самом процессе внутреннего развития скифского общества, в сложном комплексе экономического, социального и политического факторов. И хотя конкретная характеристика каждой из этих сил ввиду скудости или отсутствия данных нам далеко еще не ясна, прежде всего они должны были привести к консолидации и укреплению мощи Скифской державы. Разгром войск Дария в этом отношении мог явиться лишь катализатором, хотя и весьма действенным. Не стояло ли в ряду этих причин появление на политической арене предполагаемого родоначальника новой скифской династии — Аргота?

---

[101] О херсонесском походе в связи с проблемой вхождения Фракии в Персидскую державу см. из последних: *Balcer J. M.* The Persian Occupation of Thrace.— Actes du IIe Congrès International des études sud-est Européenes. II. 1972, p. 241—258; *Фол А.* Thraco-Scythica, с. 160—163. Соглашаясь с А. Фолом в неправомерности связывать с этой акцией посольство скифов к Клеомену I (Herod. VI, 84), должен заметить, что относить поход к концу VI в. можно лишь в случае полного доверия «отцу истории», объясняющему его реваншистскими устремлениями скифов. Между тем жажда реванша рассерженными Дарием скифами была для Геродота (или его источника) точно таким же естественным этиологическим объяснением, как вторжение скифов в Переднюю Азию в погоне за киммерийцами. Сомневаться же в историчности как похода, так и его даты, приводимой Геродотом, не вижу никаких оснований.

[102] О чем свидетельствуют женитьба Ариапифа на дочери Тереса и мирное разрешение столкновения Октамасада с Ситалком (Herod. IV, 80). Сам факт того, что Скил ищет убежища у Ситалка, а брат последнего (Спарадок?) — у Октамасада, говорит о напряженных отношениях фракийцев со скифами.

[103] *Марченко К. К.* Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I в до н. э.— ВДИ, 1974, № 2, с. 157.

[104] *Карасев А. Н.* Оборонительные сооружения Ольвии.— КСИИМК, вып. XXII, 1948, с. 29.

[105] Там же, с. 28.

[106] *Яценко И. В.* Ук. соч., с. 111.

Yu. G. Vinogradov

KING SCYLES'S RING

(scythian political and dynastic history in the first half of the fifth century B. C.)

Summary

Our information on Scythian royal genealogy has hitherto been confined to a passage in Herodotus (IV 76—80). The author of the present article brings to bear on this subject a gold ring with ΣΚΥΛΕΩ inscribed on the bezel. The ring was found near Istria in the mid — 1930s and the author adheres to the majority opinion that it belonged to Scyles, the Scythian king. A second inscription, on the band of the ring, has been variously interpreted by scholars assuming the language to be Scythian or Thracian. The author gives it a Greek reading: κέλεοε Αργοταν παρ|ξεναι — «tell to be with Argotas». This he sees as a message from the ring itself addressed to the goddess depicted on the bezel, asking that it be left with its owner; he bases his opinion on the semantics of the ring, the Indo-Iranian type of investiturial image depicted on it, and the idea of royal power which his expresses. Thus the author takes the name Argotas, which has parallels in Iranian onomastics (e. g. CIRB 75 — the second husband of the Bosporan queen Camasarye, ca. 150 B. C.), to be that of a hitherto unknown Scythian king. Palaeographic and other considerations favour dating the inscription on the band at the turn of the 6th to 5th centuries, that is, 30 to 50 years earlier than the signature on the bezel, which the author ascribes to the 60s or 50s of the 5th century. Accordingly, he suggests that Argotas was an ancestor of Scyles. Study of the genealogical tradition reflected in Her. IV 76—80 leads him to conclude that there was a break in the traditional line of descent from Spargapeithes to Octamasades and that in the lacuna (510—480 B. C.) between Idanthyrsus (victor over the Persians) and Ariapeithes, the father of Scyles, may be placed the conjectural king Argotas (as uncle or, more likely, grandfather of Scyles?). In this period, following directly upon the successful resistance to Darius, there were sharp changes in the foreign policy pursued by the Scythian kingdom (subjection of the marginally wooded steppe land, the protectorate established over Olbia, the campaign against Thrace in 496 B. C., encroachment on the Bosporan cities and the Kuban tribes), which in turn led to radical alterations in the modus vivendi of the riparian Greeks.

Е. А. ШИНАКОВ

КЛАССИФИКАЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ ЛУЧЕВЫХ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ

Вопрос о восточнославянских височных кольцах, в особенности пяти- и семилучевых, имеет длительную историю исследования. Еще в 90-е годы XIX в. А. А. Спицын считал их «самым характерным предметом радимичских погребений». Позднее Б. А. Рыбаков основательно аргументировал радимичскую принадлежность всех семилучевых колец [1].

В настоящее время количество известных лучевых колец достигает нескольких сотен, в том числе и неизвестных ранее типов. Без тщательной классификации, охватывающей всю полноту нового материала, нельзя с достаточной долей убедительности установить этнокультурную принадлежность данной категории височных колец.

Попытки такой классификации делались неоднократно, но либо не подкреплялись конкретным типологическим анализом, либо разработанные принципы классификации в дальнейшем не применялись к анализу конкретного материала и зачастую не охватывали всей полноты данных. Тем не менее рядом исследователей были сделаны многие верные наблюдения. Некоторые элементы классификации лучевых колец дает в «Курганах вятичей» А. В. Арциховский [2]. Сводку известных в то время лучевых височных колец опубликовал в 1932 г. Б. А. Рыбаков в разделе своей работы «Радимичи», посвященном их височным кольцам. Автор указывает на генетическую связь семилучевого кольца с полумесяцем на среднем луче с аналогичными арабскими привесками [3], а также выделяет наиболее ранние признаки лучевых височных колец.

Попытку классификации проделала и польская исследовательница К. Мусинович, но ее схема мало обоснована как типологически, так и хронологически. В статье К. Мусинович, однако, правильно указывается на генетическую связь семилучевых височных колец с семилопастными [4]. На эту же связь позднее обращает внимание и Н. Г. Недошивина. Она впервые заметила, что часть лучевых височных колец составляет особую группу с общими признаками: «у некоторых колец этой группы (Супруты, Кубаево, Гочево, Крюковско-Кужновский могильник) лучи расплылись и по очертаниям близки к лопастям вятичских колец, на верхних зубцах у них имеются шарики, которые на отдельных экземплярах почти превратились в вятичские городки; щитки этих колец обычно орнаментированы, причем их орнамент близок к убору вятичских колец» [5].

[1] *Спицын А. А.* Радимичские курганы. Вещи из раскопок П. М. Еременка в курганах Новозыбковского и Суражского уездов.— ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2. Новая серия, ЗОРСА, кн. 1, 1895, СПб., 1896, с. 95; *Рыбаков Б. А.* Радзімічы. Працы сэкцыі археолёгіі, т. III. Менск, 1932.

[2] *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.

[3] *Рыбаков Б. А.* Радзімічы, с. 35, 36.

[4] *Musianowicz K.* Kabłaczki skroniowe-proba typologii i chronologii.— Swiatowit, XX. Warszawa, 1949.

[5] *Недошивина Н. Г.* К вопросу о связях радимичей и вятичей.— Тр. ГИМ, вып. 37, 1960.

На эту же группу колец (Кубаево, Супруты, Новгород) указывает вслед за Н. Г. Недошивиной и В. П. Левашева. В своей статье она впервые обращает внимание на генетическую связь ранних пятилучевых восточнославянских височных колец с аналогичными моравскими зерненными украшениями и дает принципы классификации лучевых височных колец [6].

В. В. Седов делит всю массу лучевых колец на две хронологические группы — «семилучевые и пятилучевые украшения с ложнозерненым орнаментом» VIII—IX вв. и поздние типы семилучевых височных колец X—XI в., которые «по своему происхождению связаны с более ранними образцами» [7].

Из последних работ следует отметить статью В. В. Богомольникова [8], в которой проводится классификация самой распространенной и в то же время наименее разнообразной группы семилучевых височных колец с гладким или малоорнаментированным щитком (группа III, по нашей классификации). При незначительности отличий внутри этой группы колец данная классификация представляется единственно возможной.

Г. Ф. Соловьева [9] делит все лучевые кольца (куда она включает и «деснинские») на две группы — IX—X вв. и XI—XII вв., причем особо подчеркивает их преемственность и общее западнославянское происхождение. Однако при выделении каждого конкретного вида она использует различную подборку признаков, что создает впечатление о неравноценности видов.. Г. Ф. Соловьева прямо связывает один вид семилучевых колец XI—XII вв. с северной частью населения северянского союза племен, не затрагивая при этом вопроса о возможности существования такого образования в составе Киевского государства XI—XII вв.

Кроме того, из 16 местонахождений этого вида колец (2-й отдел) в ее статье упоминается лишь шесть, что существенно упрощает картину.

Задачей данной работы является построение типологического ряда, в котором каждый известный вариант пяти- и семилучевых височных колец займет определенное место во времени и пространстве. Определенное внимание здесь уделяется также типологической взаимосвязи лучевых колец с предшествующими и последующими формами украшений. Для того чтобы в какой-то мере нейтрализовать действие субъективных факторов при работе над материалом, для его классификации применяется простейший корреляционный анализ.

Всего из 354 учтенных лучевых височных колец было отобрано для корреляционного анализа 290 экземпляров, хранящихся в музеях или известных по хорошим изображениям в публикациях и отчетах. В табл. 1 это количество колец представлено 47 вариантами, за каждым из которых стоит разное число экземпляров лучевых колец — от одного до нескольких десятков. Таким образом, вариант представляет собой идеальную модель, определенный набор признаков, абстрагированный от временных, территориальных и иных связей.

На основании подробного рассмотрения вариантов в конечном результате было вычленено 35 признаков, подразделяющихся на пять категорий: материал, форма, размер, вид орнаментации и характер ее нанесения: 1 — бронза, 2 — биллон, 3 — семь лучей, 4 — пять лучей, 5 — зубчики без шариков на концах, 6 — зубчики с шариками на концах, 7 — три-пять зубчиков, 8 — семь зубчиков, 9 — свыше семи зубчиков, 10 — три шарика на концах лучей, 11 — один четкий шарик на концах лучей,

---

[6] *Левашева В. П.* Височные кольца.— Тр. ГИМ, вып. 43, 1967, с. 26, 27.

[7] *Седов В. В.* Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, № 163, 1970, с. 136.

[8] *Багамольнікаў У. У.* Радзіміцкія скроневые кольцы.— В сб.: Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, 1977, № 4(32).

[9] *Соловьева Г. Ф.* Семилучевые височные кольца.— В сб.: Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Таблица 1

Корреляция вариантов лучевых височных колец

Отдел	Группа	Вариант	Признаки																																	
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35
1	I	1		+		+	+	+	+					+	+			+		+		+		+										+			
		2		+		+	+		+				+	+	+			+			+	+		+		+								+			
		3		+		+	+		+			+	+				+				+	+		+							+			+			
		4		+		+	+		+			+	+				+				+	+		+										+			
	II	5		+	+		+	+		+				+	+	+					+	+		+		+					+	+	+	+	+		
		6		+	+		+	+		+				+	+	+					+	+		+							+		+	+			
		7		+	+		+			+				+	+	+					+	+		+										+			
		8		+	+		+			+					+	+					+	+									+	+	+				
		9		+	+		+			+					+	+					+	+															
		10		+	+		+			+			+						+	+		+		+							+		+				
		11		+	+		+			+				+		+					+		+	+					+		+	+		+			
		12		+	+		+			+			+			+		+			+		+	+							+		+				
		13		+	+		+			+	+		+					+			+		+	+							+		+				
		14		+	+		+			+			+					+		+			+	+							+		+				
		15	+		+		+			+			+					+		+			+	+										+			
		16	+		+		+			+			+					+		+			+	+										+			
		17	+		+		+		+	+			+					+		+			+	+	+						+	+	+	+			
		18		+	+		+			+			+					+		+			+	+				+				+		+			+
		19		+	+		+			+	+		+					+			+		+	+													+
		20	+		+		+			+			+	+				+			+		+	+													+
		21	+		+		+			+			+					+			+		+	+													+
		22	+		+		+			+			+					+			+		+	+													+
		23		+	+		+			+			+					+		+			+	+								+					
		24		+	+		+			+			+					+		+			+	+								+					
		25	+			+	+		+					+		+				+			+				+					+	+		+		

Признаки: 1 — Ширина кольца; 2 — Ширина ранней зоны; 3 — Ширина поздней зоны; 4 — Ширина ранней зоны / ширина кольца; 5 — Ширина поздней зоны / ширина кольца; 6 — Ширина ранней зоны / ширина поздней зоны; 7 — Ширина поздней зоны / ширина ранней зоны; 8 — Ширина ранней зоны × ширина поздней зоны; 9 — Ширина ранней зоны + ширина поздней зоны; 10 — Ширина ранней зоны − ширина поздней зоны; 11 — Ширина ранней зоны / ширина поздней зоны; 12 — Ширина поздней зоны / ширина ранней зоны; 13 — Ширина ранней зоны × ширина поздней зоны; 14 — Ширина ранней зоны + ширина поздней зоны; 15 — Ширина ранней зоны − ширина поздней зоны; 16 — Ширина ранней зоны / ширина поздней зоны; 17 — Ширина поздней зоны / ширина ранней зоны; 18 — Ширина ранней зоны × ширина поздней зоны; 19 — Ширина ранней зоны + ширина поздней зоны; 20 — Ширина ранней зоны − ширина поздней зоны; 21 — Ширина ранней зоны / ширина поздней зоны; 22 — Ширина поздней зоны / ширина ранней зоны; 23 — Ширина ранней зоны × ширина поздней зоны; 24 — Ширина ранней зоны + ширина поздней зоны; 25 — Ширина ранней зоны − ширина поздней зоны; 26 — Ширина ранней зоны / ширина поздней зоны; 27 — Ширина поздней зоны / ширина ранней зоны; 28 — Ширина ранней зоны × ширина поздней зоны; 29 — Ширина ранней зоны + ширина поздней зоны; 30 — Ширина ранней зоны − ширина поздней зоны; 31 — Ширина ранней зоны / ширина поздней зоны; 32 — Ширина поздней зоны / ширина ранней зоны; 33 — Ширина ранней зоны × ширина поздней зоны; 34 — Ширина ранней зоны + ширина поздней зоны; 35 — Ширина ранней зоны − ширина поздней зоны

Таблица 1 (*окончание*)

Отдел	Группа	Вариант	Признаки																																
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35
	IV	26		+	+			+		+				+			+				+	+			+		+		+			+		+		
		27		+	+			+	+				+				+		+		+	+		+				+			+		+			
		28		+	+			+		+			+								+	+			+				+							
	V	29		+	+			+		+			+						+		+		+		+				+			+		+		
		30		+	+			+		+			+						+		+		+		+				+	+		+		+		
		31		+	+			+		+			+						+		+		+		+	+			+		+			+		
		32		+	+			+		+			+						+		+		+		+	+			+					+		
		33	+		+			+		+			+						+		+		+		+	+			+	+		+		+		
		34	+		+			+		+			+	+							+		+		+			+	+			+		+		
		35		+	+			+		+			+	+				+			+		+		+			+		+				+		
		36	+		+			+		+				+				+			+		+		+		+			+				+		
		37	+		+			+		+				+				+			+		+		+		+		+		+			+		
		38	+		+			+	+					+				+			+		+		+		+		+		+			+		
		39	+		+			+		+				+				+			+		+		+		+				+	+		+		
		40			+			+		+				+				+			+		+		+		+				+			+		
		41			+			+		+				+				+			+		+													
		42	+		+			+		+				+				+			+		+													+
		43	+		+			+		+				+	+			+			+		+													
		44		+	+			+	+						+			+			+		+				+									
		45	+		+			+		+								+			+		+		+											
		46		+	+			+		+				+				+			+		+		+			+								
		47		+	+			+		+			+					+			+		+		+			+					+			

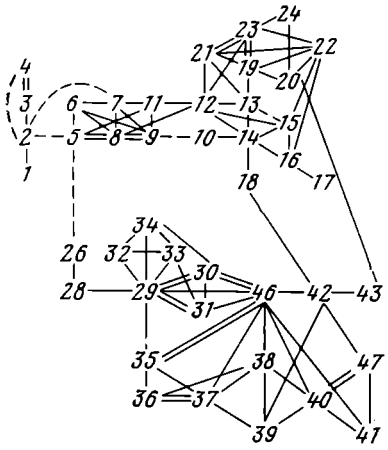


Рис. 1. Цепочки связей вариантов лучевых височных колец. Двумя черточками обозначены коэффициенты связи, бо́льшие 0,8; одной — бо́льшие или равные 0,5; прерывистой линией — условно равные 0,5 (0,48—0,49)

12 — один каплевидный шарик на концах лучей, 13 — бесшариковое оформление лучей, 14 — овальное утолщение на месте соединения дужки со щитком, 15 — фигурное утолщение, 16 — отсутствие утолщения, 17 — следы утолщения, 18 — размер менее 40 *мм* по вертикали, 19 — размер более 40 *мм* по вертикали, 20 — ложнозерненый орнамент на щитке, 21 — отсутствие ложнозерненого орнамента, 22 — гладкое продолжение дужки на щитке, 23 — два продолжения дужки на щитке, 24 — косые насечки (ложновитые) на дужке, 25 — вертикальные насечки на месте продолжения дужки на щитке, 26 — точечный поясок на месте продолжения дужки на щитке, 27 — фестоны, 28 — волнистая лента, имитирующая фестоны, 29 — обратные фестоны, 30 — бордюр на лучах или зубчиках, 31 двойной бордюр на лучах, 32 — орнамент рельефный (литой), 33 — орнамент плоский (гравированный), 34— специфические мотивы орманентации, 35— неорнаментированный щиток.

Коэффициент связи вариантов исчисляется по сокращенной формуле Я. А. Шера $K_j = \frac{S^2}{mn}$, где S — количество общих признаков у двух сравниваемых вариантов, m, n — общее количество признаков у каждого из вариантов. Цепочки связей вариантов строятся по принципу наибольшей связи варианта 1 (достоверно наиболее раннего) с вариантом 2; варианта 2 с вариантом 3 и т. д.

Однако на рис. 1 представлены по возможности все положительные связи каждого варианта ($K_j \geqslant 0{,}5$) [10]. Длина линий связей на рис. 1 вызвана чисто техническими причинами и значения не имеет.

Из рис. 1 видно, что лучевые кольца составляют два практически не связанных друг с другом отдела, восходящих к общему прототипу, но развивавшихся параллельно и самостоятельно [11].

Внутри групп практически все варианты имеют положительную связь между собой, что, с одной стороны, делает более наглядным выделение групп (кроме группы IV, представленной на рис. 1 двумя вариантами), с другой — мешает разграничению типов и запутывает картину развития типов внутри групп. На рис. 2 представлены поэтому лишь наиболее сильные и существенные связи, выявленные в результате классификации признаков (табл. 2).

Наиболее мелкие объединения вариантов — типы состоят из одной или нескольких связанных между собой жестких триад вариантов с рас-

[10] В отдельных случаях, когда вариант может оказаться типологически изолированным, в расчет условно принимаются и коэффициенты связи, приблизительно равные 0,5 (0,48—0,49), если при этом общие признаки весомы, а дифференцирующие — несущественны. При этом допускается, что между парой вариантов могло существовать неизвестное пока связующее звено.

[11] Связь двух отделов (варианты 20 и 43) — явление позднее (вариант 43 датируется не ранее конца XI в.) и является следствием упрощения части колец группы V, теряющих постепенно такие вторичные признаки этой группы, как детали сложного орнамента, и типологически сближающиеся с группой III. Варианты 47 группы V (датируемый XII в.) и 18 группы III при абсолютном различии в форме имеют почти идентичный орнамент. Именно благодаря орнаменту вариант 18 связан с группой III. В обоих случаях генетическая связь отсутствует.

полагающимися вокруг них менее типическими вариантами типа. Но таким образом можно выделить лишь более или менее распространенные типы, вычленение же типов, состоящих из одного-двух вариантов, исходя из одной только этой схемы, не представляется возможным.

Предложенная классификация проводилась по всему комплексу признаков, но для дальнейшей работы требовалось определение значимости признаков, т. е. выделение ведущих признаков типов, групп типов и отделов. Для этого сначала вычленялись признаки, общие для всех вариантов ядра каждого типа, затем для нескольких типов в каждом отделе (группы типов) и, наконец, для всех групп в отделе. Таким образом удалось включить в схему (см. рис. 2) типы и варианты, не обладающие существенными связями по комплексу признаков, зато имеющие ведущие признаки типов и групп.

Ведущими признаками являются: для отделов — форма зубчиков [12]; для групп внутри обоих отделов — наличие либо отсутствие ложнозерненого орнамента; для типов — различные в каждом конкретном случае детали орнаментации и формы. В результате проведенной классификации все 47 вариантов объединились в 15 типов, пять групп и два отдела. Для того чтобы проверить соответствие типологических построений действительности, откорректировать их и в то же время выяснить реальное содержание каждого из перечисленных подразделений, на полученную систему накладывается хронологическая сетка и проводится картографирование.

Пятилучевые. Самый ранний вариант 1 восточнославянских пятилучевых височных колец восходит, вероятно, к золотым и серебряным моравским зерненым пятилучевым кольцам VI—IX вв.[13]. Кроме пяти лучей вариант 1 сближают с западнославянскими украшениями этой категории три зубчика, рельефное продолжение дужки на щитке и размер — менее 40 *мм* по вертикали [14]. Отличает их лишь техника исполнения: напайка шариков натуральной зерни на ободок в виде пирамидок у западнославянских украшений, ложнозерненые литые лучи у варианта 1, у которого продолжение дужки на щитке имеет уже не функциональное, а чисто декоративное значение. Таким образом, вариант 1 представляет собой упрощенное подражание западнославянским (моравским) пятилучевым кольцам. Вариант 1 может быть датирован по кладу y_3 Новотроицкого городища IX в. Все остальные типы восточнославянских лучевых колец генетически восходят к варианту 1.

Группа I (типы А, В; варианты 2, 3, 4) насчитывает 7 экз. и включает практически все известные пятилучевые височные кольца; названа группой лишь потому, что наличием ложнозерненого орнамента отличается от варианта 25, формально включаемого в пятилучевые, но имеющего все остальные признаки первого отдела семилучевых, особенно типа Е. Характерные признаки: три шарика на концах лучей, пять зубчиков без шариков (у варианта 1 — еще только три зубчика). Материал — биллон. У типа А утолщение у оснований дужки отсутствует, продолжение дужки на щитке гладкое, как у варианта 1, шарики на концах лучей сливаются. Датирующего материала, кроме бусины-лимонки, найденной вместе с вариантом 1 в развале печи городища Титчиха, не имеет.

Тип Б имеет фигурное утолщение у основания дужки, бордюр, на крайних лучах — лишь по одному четкому шарику. Вариант 4 имеет косые насечки на дужке. Датируется тип Б, как и тип В группы II, по Железницкому (Зарайскому) кладу. Предпринимались неоднократные

---

[12] По этому признаку все пятилучевые кольца сближаются с первым отделом семилучевых и, таким образом, формально могут представлять отдельную его группу.

[13] *Poulik J.* Staroslavanska Morava. Praha, 1948, s. 146, t. L (7).

[14] В описании даются лишь наиболее характерные признаки вариантов, отличающие их от других вариантов типа. Подробно все признаки указаны в табл. 1. То же самое относится к типам, группам и отделам.

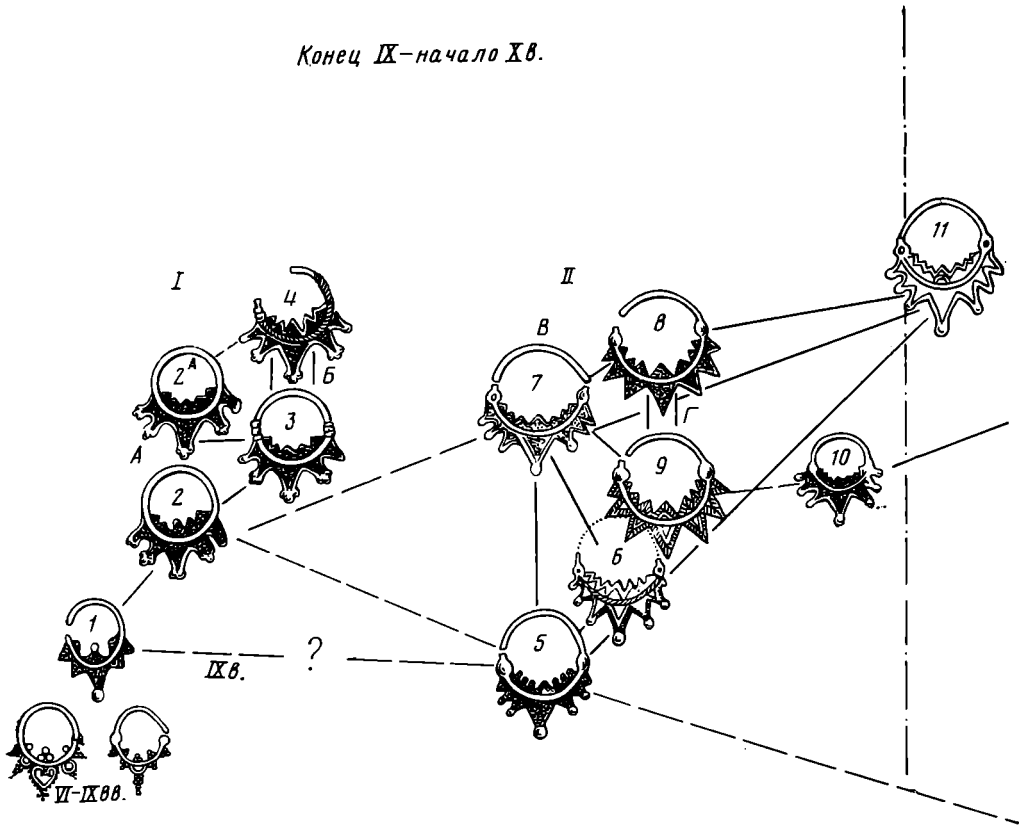


Рис. 2. Типологическая схема развития лучевых височных колец. Одной цифрой без рисунка обозначены варианты, данные о которых не опубликованы

попытки датировать этот клад, однако даже для наиболее аргументированной из них (Б. А. Рыбакова) привлекаются далеко не все датирующие аналогии, и дата зарытия клада определяется как IX в. Автор считает, что можно определить более узкую дату. В составе клада находились: сасанидская драхма 618 г.; 257 (или, по другим сведениям, 170 целых и 102 рубленых) аббасидских дирхемов 861—878 гг. чеканки; тордированные серебряные гривны с грибовидными застежками определенного типа, неоднократно встречаемые в восточнофинских древностях (Прикамье, Глазовский уезд, мордовские Пановский и Лядинский могильники) конца IX—XI в., в кургане 53 Кветуньского могильника, датируемого концом X—XI в.; серебряные серьги салтовского типа, датируемые концом VIII — первой половиной IX в., но известные и позднее; серебряные проволочные браслеты с расширяющимися концами, встречаемые в славянских древностях вплоть до XI в. (Гочевский и Квентуньский могильники); браслеты с гвоздевидными окончаниями и насечками в виде елочки, имеющие самые близкие аналогии в Лядинском могильнике, где датируются X в., а также в Пановском, Елизавет-Михайловском, Младшем Ахмыловском и Муромском могильниках X—XI вв.; серебряный наконечник ремня и перстнеобразные височные кольца, имеющие широкое время бытования. Исходя из этого, наиболее вероятным временем зарытия клада нам представляется конец IX либо, скорее, рубеж IX—X вв.

Переходным между пятилучевыми (вариант 1) и семилучевыми кольцами и соответственно непосредственным прототипом обоих отделов последних является вариант 5. Пять центральных лучей у него четкие, с шариками на концах, два крайних — в зачаточном состоянии. Зубчиков семь, причем все, кроме центрального, с шариками на концах. Щиток с рельефным гладким продолжением дужки на нем покрыт ложной зернью. От варианта 1 он отличается овальными утолщениями у

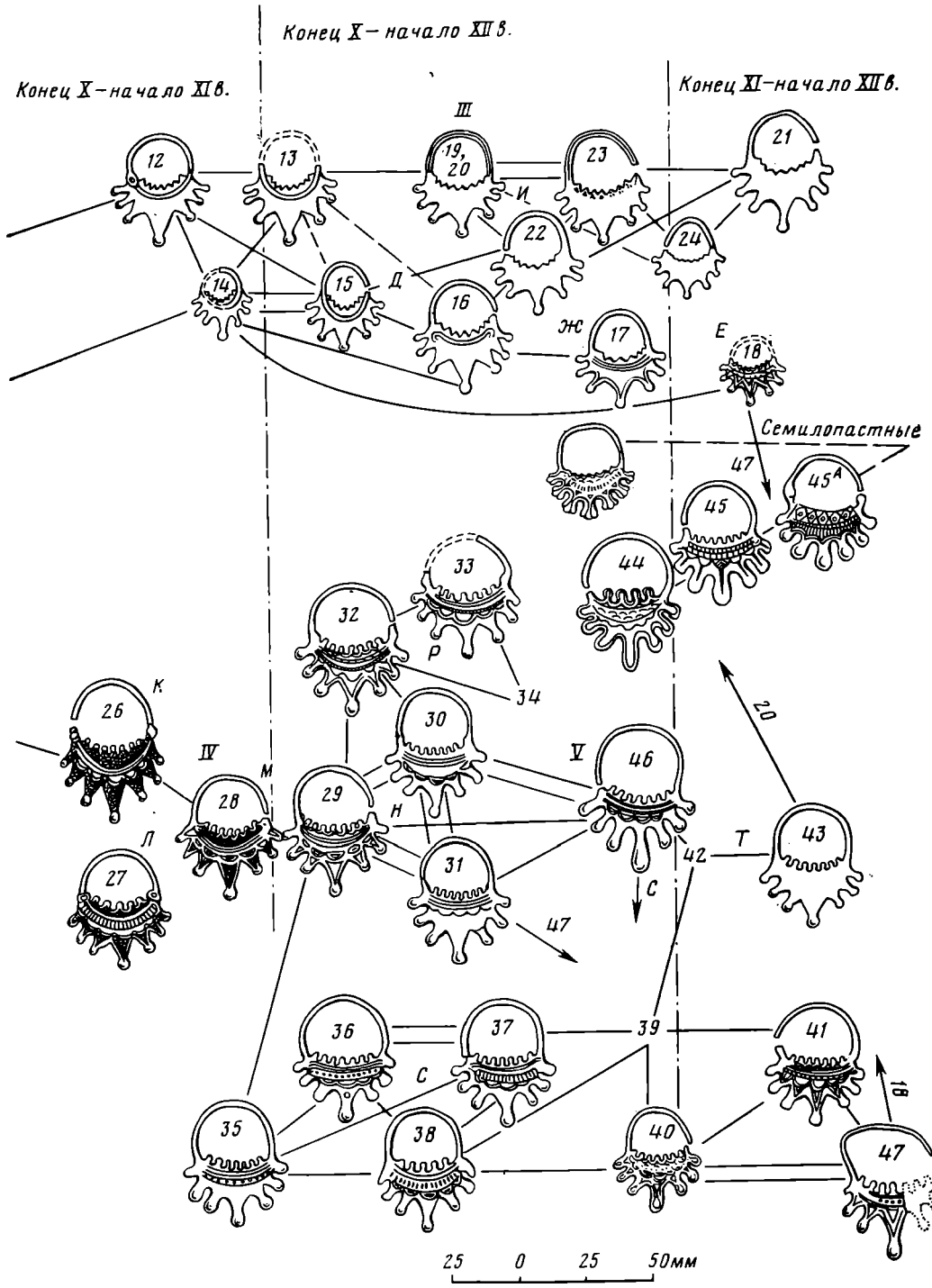


Рис. 2

оснований дужки и размером — больше 40 *мм* по вертикали. Датироваться может лишь боршевским слоем городища Титчиха — концом IX—X в.[15]

Семилучевые. **Первый отдел.**

Группа II (типы В, Г; варианты 7, 8, 9) насчитывает 7 экз. Характерные признаки: ложнозерненый орнамент, овальные утолщения у осно-

[15] В слое городища есть стеклянный браслет и некоторые другие предметы (наконечники стрел, ножи, украшения), датируемые более поздним периодом, нередко не ранее XII в.

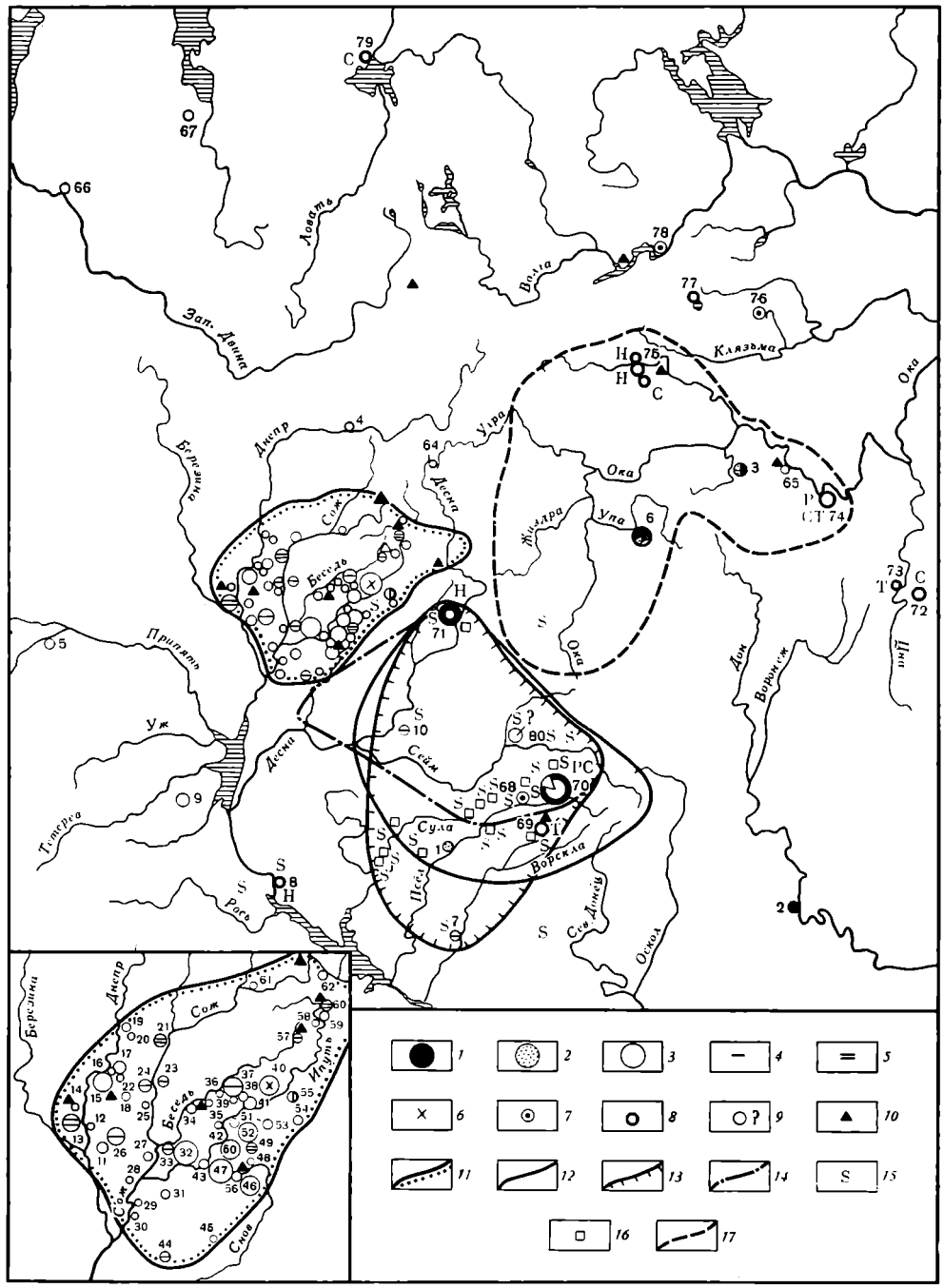


Рис. 3. Карта-схема распространения лучевых височных колец IX—XII вв. *1* — Новотроицкое, *2* — Титчиха, *3* — Железницы, *4* — Гнездово, *5* — Хотомель, *6* — Супруты, *7* — Полтава, *8* — Леплява, *9* — Нежиловичи, *10* — Воронеж, *11* — Чеботовичи, *12* — Кордон, *13* — Проскурни, *14* — Каменка, *15* — Веточка, *16* — Гадиловичи, *17* — Юдичи, *18* — Ботвиновка, *19* — Обидовичи, *20* — Анелино, *21* — Туровичи, *22* — Курганье, *23* — Беляевка, *24* — Турищевичи, *25* — Чечерск, *26* — Новый Кривск, *27* — Радуга, *28* — Гомель, *29* — Терюх, *30* — Студена Гута, *31* — Жгунь, *32* — Демьянки, *33* — Однополье, *34* — Попова Гора, *35* — Боровичи, *36* — Батуровка I, *37* — Антоновка, *38* — Новое Новицкое, *39* — Поповка, *40* — Влазовичи, *41* — Козаричи, *42* — Смяличи, *43* — Тимошкин Перевоз, *44* — Верхние Щербиничи, *45* — Гетманская Буда, *46* — Митьковка, *47* — Людково, *48* — Гулевка, *49* — Голубовка, *50* — Холевичи, *51* — Ольховка, *52* — Чертовичи, *53* — Коржевка, *54* — Белогошь, *55* — Ляличи, *56* — Карховка, *57* — Кузьмичи, *58* — Хрыстово, *59* — Пильня, *60* — Сукромля, *61* — Стракайлы, *62* — Рославль, *63* — Елизаветино, *64* — Добрышина, *65* — Борки, *66* — Олинькалнс, *67* — Изборск, *68* — Горналь, *69* — Ницахи, *70* — Гочево, *71* — Кветунь, *72* — Крюковско-Кужноьский могильник, *73* — Моршанск, *74* — Старая Рязань, *75* — Шейка III, *76* — Кубаево, *77* — Усолье (Купанский могильник), 78 — Крева (2-й Пекуновский могиль-

Таблица 2

Классификация признаков

	1								2						
	I		II		III				IV			V			
	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	И	К	Л	М	Н	Р	С	Т
Пятилучевые	4	4													
Характерные признаки пятилучевых группы I	7 10	7 10					7			7					
Семилучевые			3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Отделообразующие признаки	5	5	5	5	5	5	5	5	6	6	6	6	6	6	6
Вторичные признаки отделов (только для 2)	19	19	19	19			19	19	19	19	19	19	19	19	19
Группообразующие признаки	20	20	20	20	21	21	21	21	20	20	20	21	21	21	21
Вторичные признаки групп и типообразующие признаки	2	2	2	2	(1)*		1	(1)							1
			8	8	2	2			2	2	2	2			
		11			8	8		(8)	8		8	8	8	(8)	8
					11	11	11	11		11	11	11	11		
	13		13	13					12					12	12
			14	14											
		15							15	15					
	16				16	16	16	16				16		16	16
					(18)	18					17		17		
	22	22	22	22	22					22					
						23	23		23		23	23	23	(23)	
						26				25				25	
														26	
									27	27	27	27	27	(27)	
												28		(28)	
	32	32	32	32	(32)	32			32	32	32	32	32	32	
						33	33			33			33	33	33
								35							35

* В скобках дан признак, имеющийся не у всех вариантов данного типа. $\frac{25}{26}$ — взаимоисключающие признаки, встречающиеся в равной степени у всех вариантов типов, могущие служить характерными признаками типа лишь в комплексе.

ваний дужки, рельефное гладкое продолжение дужки на щитке. Шарики на лучах у типа В нечеткие, у типа Г отсутствуют. Тип В отличает также весьма специфический орнамент, не встреченный больше нигде; у варианта 9 типа Г ложная зернь располагается лишь по краям лучей и зубчиков (ложнозерненый бордюр). Тип В датируется по Железницкому кладу, тип Г — по горизонту разрушения городища Новотроицкое рубежом IX—X вв. и раннему периоду существования Гнездовского селища.

ник), *79* — Новгород, *80* — Студзенец (Голубово), *81* — Звенигород (Саввинская группа), *82* — Деснинское селище; *1* — группа I и вариант 5, *2* — группа II и варианты 1, 10, *3* — группа III и тип И, *4* — тип Д, *5* — тип Ж, *6* — тип Е, *7* — группа IV, *8* — группа V с указанием типов, *9* — группа неизвестна, *10* — лучевые височные кольца с каплевидными отростками, *11* — границы радимичей X—XII вв., по Б. А. Рыбакову, *12* — границы северян X—XII вв., по Б. А. Рыбакову, *13* — границы северян X—XII вв., по В. В. Седову, *14* — границы северян X—XII вв., по Г. Ф. Соловьевой, *15* — спиралебидные височные кольца, *16* — пластинчатые головные венчики, *17* — границы вятичей XI—XIV вв., по А. В. Арциховскому

Переходным между ранней группой II и более поздней группой III первого отдела является вариант 10. Этот вариант еще сохраняет ложную зернь на щитке с рельефным гладким продолжением дужки, следы утолщений у ее оснований, но по форме и пропорциям он больше напоминает кольца группы III, особенно (благодаря размерам, меньшим 40 *мм*) некоторые варианты типа Д. Ю. В. Кухаренко и И. П. Русанова датируют верхний слой городища Хотомель, в котором был найден вариант 10, VIII — началом X в.[16] Более точную дату может дать лишь типологический анализ самого кольца.

Группа III (типы Д, Е, Ж, И; варианты 12—24) насчитывает около 230 экз. Характерные признаки: отсутствие ложнозерненого, а на подавляющем большинстве колец и вообще какого-либо орнамента, четкие шарики на концах лучей.

Тип Д (13 экз.). Этот тип обладает чертами, сближающими его с ранней группой II — гладким рельефным продолжением дужки на щитке, а у варианта 12 — следами утолщения. Варианты 14 и 15 этого типа обладают размером менее 40 *мм* по вертикали, что указывает на их сходство с переходным вариантом 10. У варианта 16 продолжение дужки на щитке гравированное, с закручивающимися вниз концами; оно не соединено с дужкой — представление о функциональном назначении дужки уже утрачено.

Наиболее раннюю дату по ряду архаических признаков может иметь вариант 12, хотя датировка Полтавского клада, где он был найден,— IX в.— представляется заниженной (вряд ли возможен разрыв в 100 лет со временем бытования семилучевых колец группы III и спиральных височных колец).

Один экземпляр варианта 13 найден также в Полтавском кладе; один — в кург. 6 группы у местечка Воронеж, которая может датироваться концом X — началом XI в. (из 16 курганов девять — с кремацией, семь — с ингумацией).

Вариант 14 из кург. 6 у с. Н. Крпвск может датироваться лишь обрядом погребения — трупоположением на углистом слое (для радимичей — ранний обряд). Один экземпляр варианта 15 (кург. 59 у с. В. Щербиничи) по сочетанию сердоликовых круглых и многогранных и золотостеклянных бус, синих пронизок может датироваться концом X — первой половиной XI в. Три экземпляра варианта 15 (Турищевичи, Беляевка) имеют более позднюю дату — вторая половина XI — начало XII в., на что указывает сочетание золото- и серебростеклянных бус, двустворчатых бронзовых бубенчиков, трехбусинного узелкового височного кольца, синей стеклянной двойчатки и лировидных пряжек. Вариант 16 синей пронизкой и бубенчиками может датироваться концом X — началом XII в.

Тип Ж (вариант 17) имеет две гравированных дуговидных полоски на щитке, зубчики крупные и их только пять-шесть; на некоторых лучах бордюр. Особой сложностью отличается тип Е (вариант 18). Точечный поясок между двумя дуговидными рубчиками на щитке сближает его с типом С группы V, а вписанные друг в друга гравированные треугольники на лучах (двойной бордюр) — с пятилучевым кольцом варианта 25. Тип Е (кург. № 25 у дер. Влазовичп) датируется мелкими золотостеклянными бусами, бронзовыми лунницами, витой гривной с грибовидными застежками XI в.

Из шести экземпляров типа Ж датируется лишь один — из кург. 2 у дер. Туровичи (золото- и серебростеклянные бусы, гривна двускатная с розетками — вторая половина XI в.).

---

[16] *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья.— САИ, вып. 1—57. М., 1961, с. 9—10; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.— САИ, вып. 1—25. М., 1973, с. 19; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 21.

Самый простой тип И (200 экз.) по 41 хорошо датируемому комплексу из 25 памятников укладывается в рамки конца X — начала XII в. Перечислять все комплексы здесь нет ни возможности, ни необходимости, так как варианты этого типа отличаются один от другого лишь признаками, вызванными для данного типа, очевидно, чисто технологическими причинами. Четкой связи и взаимозависимости между этими признаками выявить не удалось.

Ниже приводятся лишь комплексы, имеющие более узкую дату. К концу X — началу XI в. относятся варианты 21, 22 (Ляличи), датирующиеся лунницей особого типа, серебряной подвеской с изображением хищного зверя и желтым бисером; вариант 21 (кург. 7 и 8 у дер. Гадиловичи) — трупоположением на золистом слое, железной гривной и лепной керамикой; варианты 21, 22 (кург. 11 у дер. Демьянки) — саманидским дирхемом начала X в., сердоликовыми шарообразной и призматической бусинами, горшком гнездовского типа.

Характерно отсутствие во всех этих комплексах золотостеклянных бус. Не ранее начала XI в. сребрениками Владимира I датируются варианты 19 и 23 (Митьковка), 19 (Обидовичи). Ко второй половине XI — началу XII в. относятся варианты 21 и 22 (найденные вместе с кольцом типа Ж в кург. № 2 у дер. Туровичи); вариант 22 (вместе с вариантом 15 типа Д в Турищевичах); варианты 20, 21, 22 (кург. 7) и вариант 24 (кург. 8 у дер. Людково), найденные при трупоположениях в ямах; вариант 20 (Нежиловичи), датируемый серебростеклянными бусами и топором. Дата группы III — конец X — начало XII в.

Второй отдел. Размер всех колец второго отдела, за одним исключением, более первого и составляет в среднем около 5 *см* по вертикали. Группа IV (типы К, Л, М; варианты 26, 27, 28) насчитывает шесть экземпляров. Характерные признаки: ложнозерненый орнамент, фестоны под двумя рельефными гладкими продолжениями дужки на щитке, фигурные утолщения у оснований дужки или их следы. У типа Л рельефные рубчики заменены уже вертикальными насечками — одна из характерных черт следующей группы V; у типа М на некоторых лучах ложная зернь исчезает, она заменяется гравированным орнаментом. Четкую дату имеет лишь самый ранний, по-видимому, в группе IV тип К, обнаруженный в комплексе с серебряными варварскими подражаниями саманидскому дирхему 960—970 гг. на городище Горналь [17].

Группа V (типы Н, Р, С, Т; варианты 29—45) насчитывает 68 экз. От группы IV ее отличает лишь отсутствие ложнозерненого орнамента и фигурных утолщений у оснований дужки.

Типы внутри группы V различаются по деталям орнаментации и формы. Кольца типа Н имеют два параллельных дугообразных рубчика на щитке и фестоны либо волнистую ленту под ними. Вариант 29 этого типа является почти точной копией типа М группы IV, но уже без ложной зерни, у вариантов 30 и 31 узор упрощается. Тип С выделяется на основе двух рельефных либо гравированных продолжений дужки на щитке и пояска вертикальных насечек либо точек под ними. У большинства вариантов этого типа имеются также фестоны либо волнистая лента и под и над дугообразными рубчиками, что сближает их с вариантами 32 и 34 типа Р. Вариант 38, как и тип Л группы IV, имеет лишь пять зубчиков, а варианты 39, 40, 41, 46 типа Н сближаются по форме лучей, приближающейся к каплевидной. Варианты 39, 40 и 47 отличаются также и специфическим сложным орнаментом, характерной чертой которого являются треугольники, вписанные в лучи, и концентрические фестоны (у варианта 40) наряду с пояском вертикальных насечек и точек. Ва-

[17] Автор пользуется случаем выразить благодарность А. В. Кузе и А. К. Станюковичу, любезно предоставившим неопубликованный материал раскопок Горналя и Деснинского селища.

риант 40 — единственный во втором отделе, имеющий размер менее 40 *мм*.

Тип Р отличается от всех типов группы V наличием довольно значительных следов утолщения на месте соединения дужки со щитком, косых насечек, имитирующих кручение, на нижнем рубчике у вариантов 32 и 33. Тип Т, самый простой в группе V, характеризуется либо полным отсутствием всякого орнамента, либо незначительными его следами, что внешне сближает его с типом И группы III.

И, наконец, имеется несколько вариантов, кажущихся переходными к семилучевым височным кольцам, так как они имеют форму лучей, приближающуюся к лопастям, отличаясь от последних лишь более округлыми очертаниями. В остальном эти три варианта настолько несхожи (каждый имеет сложный и только ему присущий орнамент, вариант 44 — лишь четыре зубчика, а у варианта 45-А зубчики вообще слились), что это не позволило объединить их в один тип или достоверно связать с каким-либо конкретным типом группы V.

Датируется группа V по 19 хронологически определенным комплексам шести памятников и городским слоям Новгорода и Ницахи в целом XI—XII вв., однако многие варианты и типы ее имеют собственную, более узкую дату.

Вариант 29 (кург. 180 Кветуни) по желтому рубленому бисеру, сердоликовым круглым и призматическим бусам, синей стеклянной многогранно-ромбической бусине в сочетании с двустворчатыми бронзовыми бубенчиками и обрядом трупоположения на горизонте может датироваться концом X — началом XI в. Так же, вероятно, датируются 8 экз. варианта 30: кург. 102 — обряд кремации, в котором уже прослеживаются новые веяния — кальцинированные кости уложены в форме человеческой фигуры с западной ориентировкой, и желтый рубленый бисер; кург. 53 — трупоположение на горизонте, горшок волынцевского типа, сердоликовая многогранная и хрустальная круглая бусины, серебряная тордированная гривна с грибовидной застежкой. По трупоположению в яме, синим стеклянным пронизкам, синим белоромбическим и сердоликовым восьмигранным бусам, амулетам-привескам и в то же время сердоликовым круглым бусам и рубленому бисеру чуть позднее можно датировать 6 экз. варианта 30 в кург. 126 Кветуни.

На основании материалов Кветуни тип Н можно было бы датировать концом X — началом XI в. (недаром во всех упомянутых погребениях отсутствуют золотостеклянные бусы), однако севернее, в Подмосковье, варианты этого типа существовали позднее.

Вариант 31 (Шейка III) из датирующего материала имеет лишь мозаичную коричневую с желтыми волнами бусину. Вариант же 46, найденный в парном захоронении в срубе кург. 2 Саввинской группы у Звенигорода, датируется ранними семилопастными височными кольцами и решетчатым двузигзаговым перстнем концом XI—XII в. Следует отметить, что вариант 46 по каплевидной форме лучей близок типу С, особенно его поздним вариантам.

Варианты 32 и 33 (Гочево) датируются синими пронизками, синими белоромбическими, мозаичными, золотостеклянными бусами и крестопорезными бубенчиками XI в. Вариант 34 четко не датируется, поэтому тип Р можно датировать XI в. условно.

Варианты 36 и 37 сочетанием золото- и серебростеклянных бус датируются, вероятно, второй половиной XI в. Пережитки обряда кремации в захоронении могут дать варианту 35 более раннюю дату в типе С. Вариант 41 найден в слое 1140-х годов Новгорода. Вариант 47 по слою Деснинского селища может датироваться не ранее рубежа XI—XII вв.

Самую позднюю дату имеет тип Т, вариант 42 которого датируется древнерусским слоем городища Ницахи не ранее рубежа XI—XII вв., а вариант 43 сочетанием золото- и серебростеклянных бус (погребение 32 Старой Рязани) — концом XI в.

Подведем некоторые итоги. Хронологическую информацию несут в основном группы внутри отделов и варианты внутри типов, периоды бытования типов в большинстве совпадают с периодами бытования группы, лишь иногда имея чуть более раннюю или позднюю, чем группа в целом, дату.

Пятилучевые кольца группы I и семилучевые — группы II существовали параллельно во времени, но независимо друг от друга в конце IX — начале X в. Группа III первого отдела и второй отдел (группы IV и V) бытовали в конце X — начале XII в., причем группа IV — в начале этого периода (конец X — начало XI в.).

Для каждого из этих периодов бытования лучевых височных колец характерен особый набор признаков. Наиболее ранними признаками следует, по-видимому, признать пять лучей, ложнозерненый орнамент, три шарика на концах лучей, утолщения у основания дужки, рельефное продолжение дужки на щитке, преобладание в сплавах серебра (биллон). Часть ранних признаков переходит и во второй период, но быстро исчезает или трансформируется. Для конца X — начала XII в. присущ уже другой набор признаков: семь лучей с одним четким либо каплевидным шариком на концах, отсутствие всякой орнаментации для большинства колец группы III, специфические узоры для второго отдела, а также преобладание в сплавах меди.

Между лучевыми кольцами первого и второго периодов бытования существуют промежуточные звенья — например, вся группа IV, совмещающая в себе характерные признаки обеих периодов. Детальная классификация и уточнение датировок лучевых височных колец показали, что последние не являются чем-либо однородным ни в типологическом, ни в хронологическом смысле и поэтому однозначный подход к решению вопроса об их этнической принадлежности не является оправданным.

Картографирование лучевых височных колец показало, что кольца IX — первой половины X в. разбросаны равномерно по всей центральной части Восточной Европы: Новотроицкое, Супруты, Титчиха, Гнездово, Железницкий клад, Хотомель. Ареал ранних лучевых височных колец чрезвычайно широк, но в каждом пункте они насчитываются буквально единицами (20 экз. из шести пунктов), причем найдены они исключительно на поселениях (кроме Железницкого клада, точные обстоятельства находки которого неизвестны). Отметим, что к этому же периоду относятся находки великоморавских изделий на рассматриваемой территории. Интересен факт совпадения трехшарикового оформления концов лучей на кольцах группы I с оформлением рогов лунницы из Титчихи, имеющей точные аналогии в Старо Място, Нитра, Дольни Вестонице [18]. Великоморавские украшения повлияли, очевидно, и на происхождение чуть более поздних польских серег с виноградовидными привесками [19].

Этническая интерпретация ранних групп лучевых колец внутри восточнославянского ареала затрудняется однородностью и невыразительностью сопровождающего материала. Серебряные толстопроволочные браслеты с расширяющимися концами; дротовые, иногда тордированные и с грибовидными застежками серебряные и бронзовые гривны; серебряные перстнеобразные височные кольца с несомкнутыми концами и серьги салтовского типа также имеют широкий ареал.

Область распространения колец группы III — левобережье среднего Днепра, включающее в себя бассейны рек Сож, Ипуть, Беседь, Остер, верховья Снови и в очень незначительной степени Десны. Очерченная территория почти полностью совпадает с границами расселения радимичей,

---

[18] *Poulik J.* Velka Morava. Bratislava, 1976, tabl. 140, 148; *Klanica Z.* Prace Klenotniků na slavanskych hradištich. Praha, 1974, t. II, III.

[19] *Kostrzewski J.* O pochodzeniu ozdob srebrnych z polskich skarbov wrzecnosredniowiecznych.— «Slavia Antiqua», t. IX. Posnan, 1962, s. 180, tabl 12.

по Б. А. Рыбакову, центральным стержнем которой является р. Сож с притоками, на которой летописец поселяет радимичей.

В восьми случаях кольца группы III найдены в комплексе с характерными для радимичей пластинчатыми и треугольными в сечении гривнами с розетками на концах, часто украшенными орнаментом «волчий зуб». Известно всего 12 местонахождений подобных гривен. Кольца, найденные в Митьковке, и сами были украшены этим орнаментом. Свыше 230 из 250 колец группы III найдены на 54 памятниках радимичского Посожья, а за его пределами — менее 20 колец на 10 памятниках, причем удаленных друг от друга на сотни километров [20].

Радимичский племенной союз был разгромлен в 984 г. Союзные институты власти ликвидировались, племенная знать высылалась в пограничные со степью и финскими территориями крепости (о чем говорят находки колец группы III и другого радимичского инвентаря в Гочеве, Нежиловичах, Борках). Но этнографические различия не исчезают мгновенно [21], тем более в районах с подавляющим преобладанием сельского населения [22], а христианизация дала толчок к замене на этой территории обряда кремации, при котором вещи из цветных металлов практически не сохранялись, ингумацией, чем и объясняется, очевидно, массовость находок семилучевых колец в курганах конца X — начала XII в.

Самые ранние варианты 12 и 13 группы III найдены за пределами радимичской территории X—XI вв.— Полтава, Воронеж, и, очевидно, в целом эта группа лучевых височных колец не связана с этногенезом радимичей. Типы и варианты внутри группы III локальных групп не образуют.

В работе не проводится типологический анализ еще одного вида лучевых колец — семи- и пятилучевых с каплевидными отростками [23] — как из-за специфичности данного вида, так и в основном из-за его малой внутренней дифференциации. Всего известно 26 экз. колец этого вида, происходящих из 15 пунктов, из них на территории радимичей — около 20 в девяти пунктах.

За пределами расселения радимичей XI — начала XII в. эти кольца территориально распространены чрезвычайно широко — от с. Сельцо и Глинников на Верхней Волге, Спас-Тушино (пятилучевые с каплевидными отростками) до Борок Рязанских, Ницахи и Белой Вежи, причем три последних являлись пограничными крепостями общегосударственного значения и были заселены разноплеменным населением. Поэтому нельзя согласиться с Т. В. Равдиной, которая фактически отрицает какую-либо определенную этнокультурную принадлежность лучевых колец с каплевидными отростками [24]. Очевидно, за ними следует признать то же этнокультурное значение, что и за семилучевыми кольцами группы III.

Семилучевые височные кольца группы IV происходят из позднероменских слоев городищ Горналь и Супруты и восходят, вероятно (коэффициент связи невелик — 0,49) к несколько более ранним вариантам 5 и 1, происходящим из раннероменского городища Новотроицкое и боршевского городища Титчиха. Два экземпляра колец этой группы происходят из

---

[20] Оликнькалнс, Изборск, Борки, Добрышина, Сеннинский уезд Могилевской губ., Воронеж, Нежиловичи, Полтава, Гочево.

[21] О том, что радимичи в XI—XII вв. представляли собой определенную общность, говорят слова летописца: «и платят дань Руси, и повоз везут до сего дня» (Повесть временных лет, т. I. М.— Л., 1950, с. 14).

[22] Характерно почти полное отсутствие синхронных курганным группам городищ. Из 54 местонахождений колец группы III лишь в 10 существуют городища, причем не все из них достоверно славянские.

[23] «Семилопастные с лилиевидными отростками», по А. А. Спицыну, «деснинского типа», «древнейшие семилопастные», по Т. В. Равдиной, «типа Сельцо», по Н. Г. Недошивиной.

[24] *Равдина Т. В.* Древнейшие семилопастные височные кольца.— СА, 1975, № 3, с. 218.

курганов у дер. Кубаево Владимирской обл. (раскопки А. С. Уварова), четыре — из 2-го Пекуновского могильника. Небольшое количество известных колец группы IV само по себе не дает оснований для каких-либо этнических выводов, однако эта группа важна как непосредственный прототип следующей по времени группы V, помогающий выяснению истоков и значения последней.

Основная масса колец группы V (55 экз. из 68) найдена в трех пунктах Северской земли — курганных некрополях Трубчевска (Кветунь) и Гочева и в древнерусском слое городища Ницахи. Остальные кольца группы V разбросаны по широкой территории — от Новгорода до Крюковско-Кужновского могильника, в основном на вновь осваиваемых славянами в XI — начале XII в. Северо-Восточных территориях, где они являются явно чужеродным элементом. С территории радимичей известно только одно кольцо группы V (Ляличи), в целом наименее характерное для этой группы.

Проще всего интерпретировать кольца группы V как характерные украшения определенной части северян, однако сам характер памятников делает такое предположение несколько преждевременным. Все три памятника являлись общегосударственными, следовательно, для Руси разноплеменными центрами. В Кветуни вскрыты радимичские, дреговичские, в Гочеве — радимичские и «полянские» погребальные комплексы, в Ницахах найдены радимичские украшения. Однако подавляющей частью населения их были все же северяне, о чем говорят десятки спиральных колец и головные ленты и венчики, в четырех случаях найденные в одних комплексах с семилучевыми кольцами группы V [25].

Начало функционирования Гочевской крепости совпадает с устройством пограничной линии Владимиром I, на которую он поселяет «лучших мужей» со всех концов Руси. Вполне естественно, что крепости этой линии Гочево и Ницахи наряду с г. Трубчевском становились и местными ремесленными центрами, в каждом из которых и производился свой особый тип или типы колец группы V. Те же типы колец, только в гораздо меньшем количестве, были найдены на Северо-Восточных территориях, причем, за исключением городского слоя Новгорода, в курганных и грунтовых могильниках [26]. Вероятно, центров производства было и больше, ведь материалы Кветуни, Горналя, Ницахи и Старой Рязани — результат буквально последних 10 лет раскопок.

Итак, на данном этапе исследования можно сделать вывод, что семилучевые височные кольца группы V являлись продукцией ремесленников городских и «предгородских» (пограничные крепости) центров, расположенных на территории бывшего Северянского племенного союза [27], взявших за образец произведения, продолжившие и развившие традиции роменских мастеров. Неоднократно попадая на территорию вятичей [28], кольца группы V послужили прототипом семилопастных височных колец. Веским доказательством этого служит находка варианта 46 в типично вятичском погребении конца XI—XII в. в Саввинской курганной группе близ Звенигорода.

---

[25] В. А. Падин, автор раскопок в Кветуни, считает это доказательством принадлежности первых также и радимичам (*Падин В. А.* Кветуньский древнерусский могильник.— СА, 1976, № 1), однако, как уже говорилось, колец группы III на территории радимичей практически нет.

[26] Тип К (группа IV) — Горналь и 2-й Пекуновский могильник; Н — Кветунь и Шейка III, Звенигород; Р и С — Гочево и Старая Рязань, Крюковско-Кужновский могильник, Деснинское селище, Новгород; Т — Ницахи и Старая Рязань, Моршанск.

[27] Позднее, вероятно, и Старой Рязани, и, возможно, Новгорода.

[28] Сейчас известно четыре пункта: Шейка III, Саввино, Деснинское селище, Старая Рязань.

Вариант 1(1) *, 8(1), 9(2) Новотроицкое — *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое.— МИА, № 74, 1958, рис. 85, *5*, табл. XCII, *17*.

2(2), 5(1) Титчиха — Архив ИА АН СССР, р-1, № 1566, рис. 26; *Москаленко А. Н.* Городище Титчиха. Воронеж, 1965, с. 121; Архив ИА АН СССР, р-1, № 2061, табл. IV, *1*, *2*.

3(1), 4(3), 7(4) Железницы — ГИМ, № 54746, опись 269.

10(1) Хотомель — *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья.— САИ, вып. 61—57. М., 1961, табл. 8; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.— САИ, вып. 61—25. М., 1973, табл. 30; *ее же.* Славянские древности VI—VII веков. М., 1976, рис. 11, *1*.

12(7) Полтава — *Макаренко М. Н.* Материалы по археологии Полтавской губернии.— ТПУАК, вып. 5. Полтава, 1908, табл. I.

13(11) Воронеж — Гос. Эрмитаж, 836/35—38.

14(1) Новый Кривск — *Соловьева Г. Ф.* Славянские курганы близ села Новый Кривск.— КСИИМК, № 125, 1970, рис. 19, *4*.

15(5) Верхние Щербиничи — ГИМ, № 32884, 115/25а, опись 709(18). Беляевка, Турищевичи — ГИМ УССР, В-4296, 97, В-4281. Кузьмичи — *Musianowicz K.* Ук. соч., т. IX, *3*.

16(3), Антоновка — Архив ЛОИА, 1894/103, л. 29—45. Однополье — ГИМ УССР, В-3436.

17(3) Голубовка — Архив ЛОИА, 1894/103; л. 29—45. Проскурни — Гос. Эрмитаж, 805/64, 67—68. Сукромля — *Лауданскі А.* Археолёгічныя досьледы у Смаленщчыне. Працы сэкцыі археолёгіі, т. III. Менск, 1932, табл. V, *3*, *7*. Туровичи — ГИМ, № 22924-931, Р-5/23б, опись 731(17). Юдичи — *Сабурова М. А.* О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси.— КСИА АН СССР, № 144, 1975, рис. 2.

18(1) Влазовичи — ГИМ, № 32884, 121/27а, опись 688(14).

19—22, 24(190) Анелино, Антоновка, Батуровка I, Боровичи, Гетманская Буда, Голубовка, Гулевка, Коржевка, Новое Новицкое, Попова Гора, Поповка, Смяличи, Холевичи, Чертовичи — Архив ЛОИА, 1894/103, л. 29—45. Влазовичи, Козаричи, Ляличи — Архив ЛОИА, 1891/50; ГИМ, № 32884, 121/18б, опись 688. Белогощь, Тимошкин Перевоз — Архив ЛОИА, 1906/55, л. 99 (рис. 46); 1890/90, л. 1—2. Ботвиновка, Веточка IV—V, Гадиловичи — Архив ИА АН СССР, р-1, 3811; 2824, 3814; 3812. Демьянки, Курганье — Архив ИА АН СССР, р-1, 2633, Гомельский областной краеведческий музей, № 13219/25; № 14297/365—368. Жгунь, Карховка, Людково, Ляличи, Обидовичи, Сеннинский у.— ГИМ, 44286, опись 125/51б (9—10); № 32884, 115/20б, опись 265; № 32884, 107/14а, 115/5б, опись 712 (22—26); № 32884, Р4/22б, опись 718/7; № 77012, 123/3б, СБ 13223; № 44826, 125/51б (9—10), опись 401. Гочево, Каменка, Нежиловичи, Проскурни — Гос. Эрмитаж, 818/128—133; 805/128—129; 826/3, 14; 805/44—47, 65—66, 90. Новоселки, Однополье, Турищевичи, Чеботовичи — ГИМ УССР, В-3436; В-4279-80; В-3445. Митьковка — Брянский областной краеведческий музей, № БОМ 2604. Ольховка — Клинцовский районный краеведческий музей, № Оф. 4153. Борки — *Милонов Н. П., Фролов В. П.* Новые данные о вятичах и радимичах.— Уч. зап. Рязанского пед. института, т. 36. М., 1965, с. 132. Олинькалнс — *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, табл. XXXII, *4*. Хрыстово — *Лауданскі А.* Ук. соч., табл. V, *1*.

23(2) Митьковка — Брянский областной краеведческий музей, № БОМ 2604.

26(2) Горналь — Архив ИА АН СССР, р-1, 4916, л. 6—9. Крева (2-й Пекуновский могильник).— Архив ИА, Р-1, 4939.

27(1) Супруты — *Недошивина Н. Г.* Ук. соч., рис. 1, *6*.

28(2) Кубаево — *Спицын А. А.* Владимирские курганы.— ИАК, вып. 15, 1905, с. 113; ГИМ, № 54746.

29, 30(20) Кветунь — *Падин В. А.* Кветуньский древнерусский могильник.— СА, 1976, № 1, рис. 1.

31(4) Шейка III.— Архив ЛОИА, д. ГАИМК, № 1926/111, л. 70.

32(3), 33(6), 35(3), 36(10), 37(7), 44(1), 45(2) Гочево — *Самоквасов Д. Я.* Атлас Гочевских древностей. М., 1915, табл. XXVII, *2*, *3*; XXVIII, *3*, I, *4*. Гос. Эрмитаж, 816/330, 205; 818/111—116, 48; 819/79—83, 147—148.

34(1), 39(1) Старая Рязань — Архив ИА АН СССР, р-1, 4891.

38(2) Крюковско-Кужновский — *Иванов П. П.* Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Дневник археологических раскопок. Моршанск, 1952, табл. VIII, *6*, *8*; *Недошивина Н. Г.* Ук. соч., рис. 1, *7*.

40(1) Ляличи — ГИМ, № 32884, Р4/22б, опись 718/7.

41(1) Новгород — *Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X—XV вв.).— МИА, № 65, 1959, рис. 1, *5*.

42(2) Ницахи — Архив ИА АН УССР, д. 1973—74/31.

---

* Цифра, стоящая в скобках после номера варианта в списке памятников, означает количество колец данного варианта.

43(2) Моршанск — *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, № 28, 1952, табл. XXXV, *8*. Старая Рязань — Архив ИА АН СССР, р-1, 4891.

45-А(1) Усолье (Купанское) — *Куза А. В., Никитин А. Л.* Славянский могильник в пос. Купанское близ г. Переславля-Залесского.— КСИА АН СССР, № 104, 1965.

46(2) Звенигород — *Успенская А. В.* Звенигородские курганы.— КСИА, № 49, 1953.

47(1) Деснинское селище — *Станюкович А. К.* Раскопки 1978 г.— Архив ИА АН СССР.

E. A. Shinakov

THE CLASSIFICATION AND ETHNOCULTURAL ATTRIBUTION OF THE RAYED TEMPORAL RINGS

Summary

The detailed classification of the Eastern Slavic rayed temporal rings is published in the article. The simplest mathematic correlation was used in this work. As a result of the correlation 47 variants of 290 temporal rings were united into 15 types, 5 groups and 2 sections. The chronologic net was put upon this typological row. Both sections, different mainly in the shape of cogs have the same prototypes — the Western Slavic five-beamed rings of the VI—IXth centuries A. D., but later they developed independently, though synchronously. The most significant are the groups of types, which are singled out on the basis of the presence or absence of ornamentation. The dating of the groups I and II are the late IX-early X century A. D., IV — the late X-early XI century A. D., III and V — the late X-early XII century A. D. The rings of the Vth group were the prototype of the temporal rings of the tribe Vyatichi. The cartographic analysis showed, that the rings of the groups I and II were spread over the whole central part of the Eastern Europe, independently of the ethnical borders, at the territories of the cultures of the Luka-Raykovetskaya, Romny and Borshevo and the slavinized territories in a small number. The group III belonged to the tribe Radimichi. The group IV is characteristic for a small number of the Late Romny sites. The centres of production of the rings of the group V are towns and fortresses of different tribes at the territory of the former Severyanian tribal union.

Ю. С. АСЕЕВ

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ КИЕВСКОГО СОФИЙСКОГО СОБОРА

Дата основания и строительства Киевской Софии как в научных, так и в популярных изданиях принимается по-разному. В большинстве случаев заложение собора относят к 1037 г. на основании известной статьи «Повести временных лет» — «В лето 6545. Заложи Ярослав город великый... заложи же и церковь святыя Софья, митрополью...». Эту дату авторы «Повести временных лет» уточняют предыдущей статьей 1036 г., где речь идет о победоносной битве Ярослава с печенегами у стен Киева: «... и сступишася на месте, иде же стоить ныне святая Софья, митрополья русьская: бе бо тогда поле вне града» [1]. Однако в связи с тем, что новгородские летописи приводят другую дату, еще в XIX в. возникла острая дискуссия по этому вопросу, вспыхнувшая недавно в ряде новых публикаций. В результате вопрос об основании Киевской Софии, имеющий большое значение для трактовки ряда важных событий первой половины XI в., оказался настолько запутанным, что возникла настоятельная необходимость проанализировать все последние данные исследований прославленного памятника древнерусской архитектуры.

Летописи, восходящие к новгородско-софийскому циклу, сообщение о заложении Софийского собора переносят в статью 1017 г., рассказывающую о первом приходе Ярослава в Киев. В эту же статью новгородские летописи включают сообщение о битве с печенегами. Первая новгородская летопись повторила запись о заложении Софии и под 1037 г., но в последующих списках это, явно видимое несоответствие было скорректировано таким образом, что 1037 г. был записан как год окончания строительства.

В XIX в. исследователи по различному объясняли это несоответствие. К. М. Бестужев-Рюмин, С. М. Соловьев и другие отдавали предпочтение новгородско-софийским летописям. Затем в XX в. А. А. Шахматов [2], М. Д. Приселков [3] и Д. С. Лихачев обосновали справедливость датировки «Повести временных лет».

Вопросу древнейших летописных сводов посвящена большая литература [4], и исследователи высказывали различные мнения о соотношении известий «Повести временных лет» и летописей Софийско-Новгородского цикла. Д. С. Лихачев считает, что заложение Софии состоялось именно в 1037 г., хотя нельзя утверждать, что все перечисленные в этой статье деяния Ярослава, его обширная строительная деятельность относились целиком к 1037 г., так как отнесение этой статьи к 1037 г. было сде-

[1] ПВЛ, ч. I. М.— Л., 1950.

[2] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 228.

[3] *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, с. 228.

[4] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 158—159.

лано позднее и приурочено к наиболее известному событию — закладке Софии в 1037 г.[5] Анализируя тексты данной статьи летописи и «Слово о законе и благодати», Д. С. Лихачев приходит к выводу о том, что их автором был Иларион[6], т. е. дата заложения Софии исходит от одного из участников, и как считают исследователи (в частности, В. Н. Лазарев),— автора программы росписей собора. «Датировка построения Софии в новгородской летописи — 1017 г. относительна»,— пишет Д. С. Лихачев. «В новгородской летописи XI в. не было дат вообще, они расставлены позднее и нередко с ошибками»[7], что еще убедительно доказал А. А. Шахматов.

В опубликованной недавно книге, посвященной определению истоков Начальной летописи, А. Г. Кузьмин выдвинул гипотезу о принадлежности этих текстов перу летописца круга Десятинной церкви. В частности, сближая «Похвалу Ярослава» с «Похвалой Изяславу» 1078 г., исследователь считает, что текст статьи 1037 г. был составлен в 70—80-х годах XI в.[8], т. е. опять-таки современниками постройки Софийского собора и битвы с печенегами, отлично помнившими даты этих событий. Что же касается несоответствия данных «Повести временных лет» и новгородско-софийских летописей, то А. Г. Кузьмин объясняет это довольно сложным методом перерасчета дат[9].

Академик Б. А. Рыбаков, признававший большое значение софийско-новгородских летописей для реконструкции новгородского летописания XI в., писал о том, что «новгородские летописцы нередко были весьма тенденциозны и пользовались очень примитивными приемами грубых переделок текста, вставок, замен Киева именем Новгорода и т. д.»[10]. «В летописях XI в.,— писал далее Б. А. Рыбаков,— давно уже отмечена странная двойственность, которая объясняется, вероятно, путаницей... Набег печенегов на Киев упоминается под 1017 и под 1037 гг. ...Возможно, что перемещение какого-либо одного известия или вмонтированного в летопись документа повлекло за собой удвоение других известий»[11].

Несмотря на, казалось бы, убедительность приведенных выше аргументов, все же нельзя считать, что летописи дают однозначное и бесспорное решение вопроса, поскольку могут быть и иные интерпретации летописных текстов. В связи с этим в решении вопроса о времени строительства Киевского Софийского собора существенную роль должен сыграть анализ исторической обстановки, методов строительства и, в частности, системы эволюции размеров кирпича; установление сроков производства работ, стилистических особенностей архитектурных форм и росписей, настенных надписей — граффити. Мнения по этим вопросам у исследователей архитектуры и живописи различны.

Противником даты заложения Софийского собора в 1037 г. выступил Д. В. Айналов[12]. В работе, посвященной деятельности Владимира Святославича, Д. В. Айналов выдвинул гипотезу о том, что строительство Софийского собора было задумано Владимиром и Ярослав в 1017 г. приступил к его реализации. При этом Д. В. Айналов считал, что собор начали сооружать византийские мастера, строившие Десятинную церковь, имевшие, по мысли автора, достаточно времени, чтобы подготовиться к строительству. Свою гипотезу Д. В. Айналов подкрепил двумя соображениями. Во-первых, он обратил внимание на фразу Илариона в его «Сло-

---

[5] ПВЛ, ч. II. М.— Л., 1950, с. 75.
[6] Там же, с. 66—74.
[7] ПВЛ, ч. II, с. 363.
[8] *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 206, 213.
[9] Там же, с. 257.
[10] *Рыбаков Б. А.* Ук. соч., с. 194.
[11] *Рыбаков Б. А.* Ук. соч., с. 206.
[12] *Айналов Д. В.* К вопросу о строительной деятельности св. Владимира. Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. Пг., 1917, с. 34—39.

ве», обращенную к Владимиру: «иже недокончанная твоя доконьча, акы Саломон Давыдова, иже дом божий великий святый его премудрости созьда на святость и освещение града твоему». Из этого текста Д. В. Айналов сделал заключение, что Ярослав «окончил недоконченное Владимиром и во исполнение устава отца создал храм Софии». И более того, на долю Ярослава выпало только «выполнение планов Владимира по созданию церкви св. Софии, а не самостоятельное изобретение этого плана» [13]. Во-вторых, на основании известного сообщения Титмара Мерзербургского о приеме киевским архиепископом Болеслава и Святополка в 1018 г. «в монастыре св. Софии, который в прошлом году, по несчастному случаю сгорел» [14].

Несмотря на гипотетичность доказательства Д. В. Айналова, авторитет замечательного ученого и тонкого знатока древнерусского искусства был столь велик, что его точку зрения в той или иной степени разделяли или во всяком случае считали вопрос о датировке Софийского собора спорным Ф. И. Шмит, Н. Н. Воронин, М. В. Алпатов и Н. И. Брунов (в своих ранних работах). Решительными противниками даты 1017 г. были И. В. Моргилевский, Н. П. Сычев, В. Н. Лазарев и особенно М. К. Каргер. Последний на основании всестороннего анализа всех фигурирующих в дискуссии данных и соображений пришел к категорическому выводу о достоверности даты закладки храма, сообщаемой «Повестью временных лет» [15].

Дискуссия возобновилась после выхода в 1957 г. книги Н. Н. Ильина «Летописная статья 6523 года и ее источник», в которой автор на основании анализа ирландских саг доказывает, что нападение печенегов на Киев произошло в 1017 г. и сообщение «Повести временных лет» о заложении Софийского собора неверно [16], и особенно после публикации статьи С. А. Высоцкого об исследовании граффити на стенах Софийского собора. Среди них были обнаружены две надписи, относимые автором к 1030 и 1032 гг., что, по его мнению, свидетельствовало о более ранней, чем 1037 г., дате заложения собора [17]. Позже С. А. Высоцкий развил свои выводы, повторив при этом аргументы Д. В. Айналова [18].

Выводы Н. Н. Ильина и С. А. Высоцкого поддержал П. П. Толочко, высказав ряд собственных соображений в пользу ранней даты заложения Софийского собора, которые и повторил в книге о древнем Киеве [19]. С решительными возражениями Н. Н. Ильину и С. А. Высоцкому выступил польский ученый Анджей Поппе, подтвердивший и развивший аргументацию М. К. Каргера и высказавший ряд собственных соображений в пользу правильности сообщения «Повести временных лет» [20].

Особенно категорично поставил вопрос о дате строительства Киевской Софии Г. Н. Логвин [21], повторивший аргументы Д. В. Айналова, Н. Н. Ильина, С. А. Высоцкого и П. П. Толочко. При этом следует отметить, что С. А. Высоцкий, приводя аргументы в пользу раннего построения Софийского собора, не считал этот вопрос решенным [22].

[13] *Айналов Д. В.* Ук. соч., с. 35.

[14] Сборник матер. для исторической топографии Киева и его окрестностей. Ч. 1. Киев, 1874, с. 7.

[15] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. II. М.— Л., 1961, с. 102.

[16] *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957.

[17] *Висоцький С. О.* Графіті та спорудження Київської Софії.— УІЖ, 1966, № 7, с. 103—106.

[18] *Висоцький С. О.* Графіті та час побудови Софійського собору в Києві.— В кн.: Стародавній Київ. Київ. 1975, с. 171—181.

[19] *Толочко П. П.* До історії будівництва «Города Ярослава» та Софії Київської.— «Археологія», XXII, 1969, с. 196, 202; *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1976, с. 66—74.

[20] *Поппе А.* Заснування Софії Київської.— УІЖ, 1965, № 9, с. 97—104; *его же.* Графіті і дата спорудження Софії Київської.— УІЖ, 1966, № 9.

[21] *Логвин Г. Н.* К истории сооружения Софийского собора.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М., 1977, с. 169—183.

[22] *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976, с. 250.

Г. Н. Логвин, напротив, считает, что открытые С. А. Высоцким датированные надписи являются надежным источником, позволяющим решить споры о дате сооружения. При этом он предлагает свою дату строительства собора — 1017/1019—1031/1032 гг., делая при этом решительное заключение: «В свете этих выводов с очевидностью возникает неизбежность пересмотра всей периодизации начального периода в истории развития архитектуры и живописи Древней Руси» [23]. Считая этот вопрос решенным, Г. Н. Логвин в дальнейших своих публикациях приводит эту несколько странную дату уже без комментариев [24].

Обратимся к аргументам Н. Н. Ильина, так как они приводятся всеми защитниками ранней даты заложения собора. Работа Н. Н. Ильина в основном посвящена критике концепций А. А. Шахматова. Защищая правильность записи в Новгородских летописях, Н. Н. Ильин исходит из трех положений. Во-первых, полное доверие свидетельству Титмара о существовании Софийского монастыря в 1018 г., который будто бы год тому назад сгорел. Н. Н. Ильин считает, что речь идет не о монастыре, а о Софийском соборе, который был заложен Ярославом в 1017 г. и окончен строительством 1037 г. [25] При этом сам Н. Н. Ильин считает, что тут можно видеть «скрытый анахронизм», так как срок строительства оказался слишком долгим. Во-вторых, Н. Н. Ильин на основании анализа Ирландских саг, где описываются подвиги Эймунда во время обороны Киева от печенегов, считает, что эта битва, описанная в «Повести временных лет» под 1037 г., происходила в 1017 г. В-третьих, он считает, что статья 1037 г. в «Повести временных лет» является «сплошным нагромождением анахронизмов» [26], так как в ней идет речь о событиях, которые происходили не только в 1037 г., но и позже. Поскольку это мнение Н. Н. Ильина разделяют С. А. Высоцкий и П. П. Толочко, на нем следует остановиться особо.

Если считать, что статья была написана позже 1037 г. (в этом никто никогда не сомневался — расхождения были лишь в определении времени ее написания: до или после смерти Ярослава Мудрого), то обвинение в анахронизме отпадает само собой. Киевский летописец (а это был современник строительства) должен был отлично знать время строительства собора, равно как и последующих событий, рассказ о которых он помещает в этой же статье. Таких примеров в летописи очень много. Так, под 1051 г. летописец пишет: «Постави Ярослав Лариона митрополитом русина в светей Софьи собрав епископи» (кстати, это первое по времени упоминание о Софии как о законченной постройке), и далее под тем же годом идет рассказ о печерском монастыре и о том, что сделалось после смерти Ярослава и т. п.

Из записи 1037 г. явствует, что автор ее — киевлянин и современник события — хорошо помнит, что до заложения Софии там было «поле вне града». Если бы на этом месте когда-то стояла другая София, он не преминул бы об этом сказать так, как сказал летописец-новгородец о месте, где была построена Новгородская деревянная София в статье под 989 годом: «Постави владыка епископ Иоаким первую церковь деревянную дубовую святыя Софии, имущую верх 13, и стояла 60 лет и подняся от огня в лето 6557... а стояла по конец Пискупли улицы,... идеже последи поставил Сотко богатый церковь камену Бориса и Глеба...» [27]. Тут также в одной статье идет речь о разновременных событиях 989, 1049 и даже 1167 г.

---

[23] *Логвин Г. Н.* Ук. соч., с. 183.

[24] *Логвин Г. Н.* Новые исследования древнерусской архитектуры.— «Строительство и архитектура», № 8. Киев, 1978, с. 33.

[25] *Ильин Н. Н.* Летописная статья..., с. 118.

[26] Там же, с. 75.

[27] ПСРЛ, т. III. Новгородские летописи. Летописец новгородский церквам божиим, с. 173.

Свидетельство Титмара менее всего говорит в пользу заложения Ярославом Софии в 1017 г. По этому свидетельству, София в 1017 г. сгорела, но в 1018 г. в ней архиепископ принимал Святополка и Болеслава. Если даже полностью доверять свидетельству Титмара, то совершенно ясно, что это могла бы быть быстро восстановленная деревянная постройка, а не грандиозный храм Ярослава.

Сведения Титмара обычно считают точными (рукопись его дошла в подлиннике), хотя они касаются главным образом событий германской истории. Сведения же о Киеве Титмар получил от немцев, находившихся в войсках Болеслава [28]. Совершенно справедливым было замечание В. В. Мавродина: «Свидетельство Титмара Мерзебургского само по себе еще ничего не означает, так как считать его более компетентным, нежели наш летописец, писавший во времена сына и внуков Владимира, нет никаких оснований» [29]. В тексте Титмара о русских делах много ошибок. Так, например, он пишет, что Владимир был женат на царевне Елене, которая была засватана за Оттона III, что Владимира похоронили в церкви Христа и папы Клемента [30], само слово Киев у него звучит как Китава, Китана, кроме того, латинский язык Титмара путаный и тяжело понимаемый [31].

С. А. Высоцким была высказана гипотеза о том, что встреча войск Святополка и Болеслава происходила в резиденции Киевского митрополита — в монастыре св. Софии, церковь которого перед тем сгорела. «Какое-то строительство,— пишет С. А. Высоцкий,— возможно, закладка в 1017 г. каменной Софии, несомненно, (?) происходила в «монастыре св. Софии» или русской митрополии и, именно (?) на том месте, где до наших дней стоит Софийский собор». Далее С. А. Высоцкий пишет, что монастырь св. Софии был загородным монастырем, укрепленным мощными каменными стенами, найденными М. К. Каргером во время раскопок на территории Софийского заповедника [32]. Следует заметить, однако, что ни о каком строительстве в тексте Титмара не говорится.

Стена вокруг Софийского собора, как показали раскопки, имела толщину немногим более метра (ширина фундаментов 140—160 *см*) [33] и была сложена из камней и кирпичей, типичных для середины XI в., т. е. резко отличных от кирпичей эпохи Владимира, что ни при каких обстоятельствах не дает возможности датировать ее концом X — началом XI в. Наличие таких стен в черте города — дело обычное в древнерусской градостроительной практике. Так, при строительстве Михайловского собора в Переяславе 1089 г. метроличья резиденция, находившаяся внутри детинца, была обнесена точно такой же стеной. Для сравнения можно отметить, что толщина стен XII в. вокруг Печерского монастыря, действительно имевших оборонное значение, была равна 205 *см*.

Решение вопроса о дате заложения Киевской Софии во многом зависит от интерпретации статьи «Повести временных лет» 1036 г.— о битве с печенегами под стенами города: «Печенези приступати почаща, и оступишася на месте, иде же стоить ныне святая Софья, митрополья русьская: бе бо тогда поле вне града» [34]. Анализируя этот текст, П. П. Толочко пишет: «Убедительный на первый взгляд аргумент этот уязвим в своей основе. Ведь если бы удалось доказать, что битва с печенегами, так подробно описанная «Повестью временных лет» под 1036 г. произошла на 20 лет раньше, тогда бы пришлось отодвинуть на такое же

---

[28] *Беркут Л.* Етюди з джерелознавства середньої історії. Киев, 1928, с. 98.
[29] *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. Л., 1945, с. 305.
[30] *Ильин Н. Н.* Ук. соч., с. 104, 119. По другому чтению — «Христова мученика папы Клемента».
[31] *Фортинский Ф.* Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872, с. 58—60.
[32] *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской..., с. 248, 249.
[33] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. II, с. 207.
[34] ПВЛ, с. 101.

время и закладку Софии»[35]. Но в статье 1036 г. не говорится, что София была заложена на следующий год. Из статьи лишь следует, что ранее этого года София не могла быть заложена. Ниже постараемся доказать, что битва с печенегами на «поле вне града» происходила именно в 1036 г.

Н. Н. Ильин доказывает, что это событие произошло не в 1036 г., а в 1017 г. на том основании, что эта битва имеет много общих черт с битвой, описанной в Эймундовой саге, главный герой которой находился на Руси с 1016 по 1022 г. В дальнейшем этот вывод Н. Н. Ильина приводят все защитники даты 1017 г., забывая при этом, что далее Н. Н. Ильин пишет, что нападения печенегов на Киев были и в 1015, и в 1017, и в 1018, и в 1036 гг., поскольку «массовая гибель печенегов, о которой сообщают летописи под 6544 (1036), действительно происходила около этого времени, что подтверждается иноземными источниками»[36].

Борьба с печенегами являлась главным стержнем внешней политики Владимира и Ярослава. Летопись пишет, что у Владимира была «рать с печенегами без перестани». Печенежская угроза не уменьшалась и при Ярославе, которому приходилось биться с печенегами во время междоусобной войны 1015—1019 гг. Но особенно эта угроза усилилась в 30-х годах, когда печенеги, теснимые половцами, устремились на запад. В связи с этой угрозой Ярослав срочно укрепляет поросскую оборонительную линию: «В лето 6540 (1032), Ярослав поча ставити городы по Ръси»[37], в том числе, по свидетельству тверской летописи, Корсунь, а также Треполь, т. е. укреплял и старую линию обороны по Стугне.

Анализируя печенежские дела этого времени, М. В. Левченко пишет: «В 1034 г. печенеги ворвались на территорию Болгарии и проникли до Фессалоник, уничтожая все живое. Опустошительные печенежские вторжения повторялись в 1035 и трижды в 1036 г. В 1036 г. Ярослав нанес печенегам решительное поражение под Киевом. Это заставило их усилить натиск на Балканы»[38]. Это событие зафиксировано рядом источников[39]. После этого печенеги, теснимые торками, окончательно перекочевывают на низовья Дуная, оставляя в покое южные границы Руси. 1040-е годы наполнены бесконечными войнами печенегов с византийцами на Балканах, куда переместился главный театр военных действий[40]. Завершение 120-летней войны, окончательная победа над печенегами отмечается торжественной записью летописи: «И побегоша печенези разно, и не ведяхуся, камо бежати, и овии бегающе тоняху в Седомли, ине же в инех реках, а прок их побегоша и до сего дне»[41]. Запись эта не могла относиться к 1017 г., потому что в ней речь идет об окончательной гибели печенегов, больше уже не появлявшихся в Русской земле.

Для датировки строительства Софийского собора очень важны надписи — граффити, над изучением которых работает С. А. Высоцкий. Среди датированных надписей внимание исследователя привлекли надписи с датами 1054, 1052, 1046 и 1042. При этом С. А. Высоцкий отмечал, что все они, кроме даты 1042, не противоречат факту заложения собора в 1037 г. Что же касается даты 1042, то такая надпись не смогла бы при этом появиться, так как за пять лет собор нельзя было бы построить[42]. На последнем обстоятельстве мы остановимся ниже. Среди других граффити исследователь выделяет надпись без даты «Всеволода роди», которую он считает записью о рождении Всеволода Ярославича, родившегося

---

[35] *Толочко П. П.* Древний Киев..., с. 70.
[36] *Ильин Н. Н.* Летописная статья..., с. 118.
[37] ПВЛ, с. 41.
[38] *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., с. 399.
[39] Очерки истории СССР. Период феодализма IX—X вв., ч. I. М., 1953, с. 198.
[40] *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги. Труды, т. I, СПб., 1908, с. 9—24.
[41] ПВЛ, с. 102.
[42] *Висоцький С. О.* Графіті та спорудження..., с. 103—106.

в 1030 г., и надпись в Георгиевском приделе, в которой исследователь в результате сложных расчетов видит дату 1031—1032 [43].

Последний вывод С. А. Высоцкого оспорил Анджей Поппе, видевший в воспроизведенной С. А. Высоцким надписи случайное арифметическое упражнение [44]. В дальнейшем С. А. Высоцкий, расчистив участок стены вокруг даты, выявил остатки неясной греческой надписи, которую он интерпретировал как название святого и обращение к богу, а начертанную ниже цифру счел возможным считать датой 1032 год, которая, по его же словам, написана «не совсем обычно» [45]. По мнению С. А. Высоцкого, все без исключения даты софийских граффити означают время их написания, т. е. исследователь исключает возможность ретроспективного написания дат на том основании, что в обнаруженных им надписях ретроспективных дат он не усматривает. Последний вывод исследователя далеко не бесспорен. Во-первых, ретроспективные даты характерны для летописания, а сходство граффити с летописными данными неоднократно отмечал сам исследователь [46]. Во-вторых, ретроспективные записи XI в. известны среди граффити Софийского собора в Новгороде. Так, мастера, строившие собор, оставили запись на верху башни (т. е. тогда, когда собор уже был построен) о том, что свою работу они «почали делати на святаго Константина и Елены» [47] — день заложения Софийского собора в Новгороде. Из 28 надписей, относимых исследователем к XI в., лишь две (запись о «громе» 1052 г. и запись о смерти Ярослава Мудрого 1054 г.) имеют даты, связанные с текстом; при этом С. А. Высоцкий отмечает, что запись «О громе» — это «древнейшая в настоящее время датированная древнерусская надпись» [48]. Даты же 1042 и 1046 не сопровождаются текстом и смысл их расшифровать невозможно. Это тем более относится к дате 1032. Еще менее убедительна дата 1030 г., которую С. А. Высоцкий усматривает в надписи: «...волода роди...». Исследователь считает, что эта запись о рождении князя Всеволода Ярославича, родившегося, как известно по летописи, в 1030 г. При этом С. А. Высоцкий не пытается реконструировать надпись (кроме имени Всеволода), так как придумать грамматически правильную фразу с подобным соотношением слов крайне трудно. А. Поппе считал возможным читать ее как «Всеволода родственники» или «у Всеволода родился сын» [49]. С. А. Высоцкий, полемизируя с А. Поппе, считает, что «одним из главнейших доказательств в пользу предложенного чтения надписи является месторасположение ее рядом с записью о саркофаге Всеволода Ярославича» [50]. Но рядом с этой же надписью имеется запись о смерти Владимира Мономаха [51], а под 1053 г. летопись дает следующую запись: «В лето 6561 у Всеволода родился сын, и нарече имя ему Володимер, от царице грекыне» [52]. Независимо от того, о ком идет речь в рассматриваемой нами надписи, возможность иного толкования лишает ее характера доказательства. Более того, софийские граффити скорее подтверждают, чем опровергают дату заложения Софии в 1037 г. Ни одна из обнаруженных надписей не может быть с достаточным основанием отнесена ни к 1030-м, ни тем более к 1020-м годам, в основном они относятся ко времени после 1040-х годов, в то время как, например, в Софийском

---

[43] *Висоцький С. О.* Графіті та час..., с. 180.
[44] *Поппе А.* Графіті й дата..., с. 94.
[45] *Висоцький С. О.* Графіті та час..., с. 179.
[46] *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи..., с. 212.
[47] *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978. с. 56, 57.
[48] *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи..., с. 6.
[49] *Поппе А.* Графіті й дата спорудження Софії Київської.— УІЖ, 1968, № 9, с. 94—97.
[50] *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи..., с. 11.
[51] Там же, с. 62.
[52] ПВЛ, с. 108.

соборе в Новгороде были обнаружены многочисленные надписи, относящиеся ко времени его строительства и украшения.

Главным аргументом Д. В. Айналова в пользу раннего заложения Софийского собора были слова Иларион в его «Слове о законе и благодати»: «...иже недоконьчаная твоа наконьча, акы Соломон Давыдова», относящиеся к деятельности Ярослава. Д. В. Айналов [53], а теперь С. А. Высоцкий [54] и Г. Н. Логвин [55] делают вывод о том, что строительство Киевской Софии было замыслено Владимиром и даже уже начато теми мастерами, которые строили Десятинную церковь, а Ярослав сразу же после того, как вступил в Киев, продолжил это строительство (или произвел заложение Софии) и окончил его то ли в 1037 г., как считает С. А. Высоцкий, то ли в 1031—1032 гг., как утверждает Г. Н. Логвин. Ниже постараемся доказать, что мастера, строившие Десятинную церковь, не имели никакого отношения к строительству Софийского собора и что сроки строительства последнего не могли быть растянуты на 15—20 лет. Как считает большинство исследователей, «Слово» было написано между 1037 и 1050 г. [56] и, как пишет Д. С. Лихачев, «Слово», несомненно, предназначалось для произнесения во вновь сооруженном Софийском соборе [57]. Хронологически это хорошо укладывается в дату освящения Киевской Софии, убедительно аргументированную В. Н. Лазаревым,— 11 мая 1046 г., девятого года после заложения здания и года после заключения мира с Византией [58]. Последняя дата вполне приемлема независимо от того, обязательно ли было в ту пору освящение храмов в воскресенье или нет. Слова Иллариона о замысле Владимира едва ли можно возводить в степень доказательства. Во-первых, они могли быть риторической фразой о продолжении Ярославом политики Владимира. Во-вторых, если Иларион имел в виду действительное намерение Владимира, то это ни в коей мере не противоречит заложению Софии не в 1017, а в 1037 г. Трудно предположить, что Ярослав, недавно начинавший беспрецедентную в истории Руси войну против своего отца Владимира, не ладящий со своими братьями, едва ли простивший Владимиру позор своей матери Рогнеды (о чем красочно повествует Тверская летопись), враждовавший с близкими сподвижниками Владимира, в разгар междуусобной войны в 1017 г. так стремился к выполнению задуманных Владимиром дел. Объявить же себя наследником деяний Владимира как раз впору было после установления в 1036 г. «самовластия», когда события вражды с отцом уже отошли в прошлое.

Исследования Десятинной церкви и Софийского собора, о которых еще не знал Д. В. Айналов, дали неоспоримые данные, решительно опровергающие предположение, что в них работали одни и те же мастера. Композиция Десятинной церкви имеет четко выраженный осевой характер с шестистолпным ядром, по типу относящимся к так называемому простому крестовокупольному варианту, распространенному в византийской провинциальной архитектуре. Композиция Софийского собора приближается к центрической, с крещатым в плане центральным пространством, что, как считают некоторые исследователи, сближает архитектуру собора с традицией константинопольской столичной школы, хотя, как отмечал Н. И. Брунов, сочетание пятинефного плана с простым вариантом крестовокупольной системы не встречается ни в Константинополе, ни в Малой Азии [59].

[53] *Айналов Д. В.* Ук. соч., с. 38.

[54] *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи..., с. 245.

[55] *Логвин Г. Н.* К истории сооружения..., с. 174.

[56] *Розов Н. Н.* Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в.— In: Slavia. Casopis pzo slovanskŏu filologii. Roc. XXXII (1962), seš. 2. Nakladatestvi Ceskoslovenské Akademie věd. 1963, s. 147.

[57] *Лихачев Д. С.* Национальное самосознание Древней Руси. М.— Л., 1945, с. 31.

[58] *Лазарев В. Н.* Мозаика Киевской Софии. М., с. 56.

[59] *Брунов Н. И.* Киевская София — древнейший памятник русской каменной архитектуры.— ВВ, т. III, 1950, с. 190.

Решительно отличаются приемы строительной техники в обоих зданиях. Кровля Десятинной церкви была черепичной, что в архитектуре Киевской Руси известно еще лишь в одном случае — в епископском дворце 1089 г. в Переяславе, в то время как кровля Софийского собора состояла из обычных для древнерусской строительной техники свинцовых листов. Отличны конструкции фундаментов, конструкции полов (наборные из различных пород камня полы Десятинной церкви и выложенные из смальты полы Софийского собора), иной стилистический характер резных украшений [60] и фресковых росписей [61], свидетельствующий о различных художественных школах. В этом отношении никак нельзя согласиться с Г. Н. Логвиным [62], усматривающим стилистическую близость росписей Десятинной церкви и Софийского Собора. Фрески Десятинной церкви (судя по нескольким сохранившимся фрагментам) отличаются от софийских трактовкой нижних век глаз, характером моделировки, в которой преобладает элемент графичности. Особенно различны орнаменты — в Десятинной церкви более дробные и имеющие иную систему композиции и колористики [63]. Резко различен размер кирпичей в обеих постройках, на чем следует остановиться особо. Важнейшим (а в некоторых случаях и единственным) критерием датировки древнерусских построек являются размеры кирпича, употребляемого строителями в тот или иной период. Методика этой датировки хорошо разработана исследователями древнерусской архитектуры П. Д. Барановским, П. А. Раппопортом, Н. В. Холостенко, Г. М. Штендером.

Из приведенных в Приложении данных видно, что в X—XI вв. древнерусские мастера употребляли крупноформатную плинфу, толщина которой возрастала по мере развития и совершенствования строительного производства. В эволюции кирпича X—XI вв. четко прослеживаются три этапа: X — начало XI в.— толщина кирпича не превышает 2,5 *см*; вторая треть XI в.— 3—3,5 *см* и вторая половина XI в.— 4 *см*. При этом кирпичи эпохи Владимира по форме приближаются к квадрату, что роднит их с византийской традицией. Со времени Ярослава кирпичи приобретают прямоугольную форму. Кирпичи каждого периода отличны кроме размеров и по характеру формовки, обжигу, глинам и замесу. Кирпичи Софийского собора в основном типичны для построек второй трети XI в.

Для решения вопроса о дате сооружения Софийского собора большое значение имеет вопрос о сроке строительства, который защитники ранней даты определяют в 20 лет, чтобы увязать его с сообщениями новгородских летописей.

Г. Н. Логвин, рассчитывая срок строительства в 10 лет («Собор... был возведен и украшен мозаиками и фресками за один строительный период, занявший не более 10 лет»), вместе с тем определяет дату строительства в 1017/1019—1031/1932 гг. [64], что составляет 14 лет.

Срок строительства можно с большей долей вероятности определить расчетом времени производства строительных работ. Нами были составлены расчеты объемов конструктивных элементов собора: фундаментов, стен, перекрытий, полов, окон, кровли и др. Нормы выполнения работ брались по «Урочному положению» середины XIX в. с коэффициентами на уровень организации строительных работ, с учетом особенностей строительного производства для XI в. (характер кладки, вес и форма кирпичей, сложность изготовления раствора и т. п.). Расчеты показали,

[60] Ср., напр., рисунок капители из Десятинной церкви и Софийского собора (*Каргер М. К.* Древний Киев, т. II, с. 57, табл. XXXIX; *Івакін Г. Ю.* До історичної топографії середньовічнього Киева.— В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Киева. Київ, 1976, с. 219.

[61] *Сычов Н. П.* Древнейший фрагмент в русско-византийской живописи. In: Seminarium Kondakovianum, т. II. Прага, 1928, с. 90—104, табл. XIII.

[62] *Логвин Г. Н.* К истории сооружения..., с. 181.

[63] *Каргер М. К.* Ук. соч., табл. XI, XII.

[64] *Логвин Г. Н.* К истории строительства..., с. 178, 183.

что при количестве 40 квалифицированных мастеров и 80 вспомогательных рабочих (не считая изготовлявших и подносивших строительные материалы), основные строительные работы по возведению Софийского собора можно было выполнить за два с половиной — три строительных сезона. Если прибавить еще год на неучтенные нами обстоятельства, то срок исполнения строительных работ не будет превышать трех с половиной — четырех лет. Как уже отмечали В. Н. Лазарев [65] и Анджей Поппе [66], этот срок был типичным для сооружения большинства крупных каменных зданий древней Руси. Десятинная церковь строилась и украшалась с 990 до 996 г., строительство Печерского собора продолжалось пять лет. Новгородский Софийский собор строился с 1045 по 1050 г. Летопись отмечает и более сжатые сроки каменного строительства. Так, например, Спасский собор Ефросиниевого монастыря в Полоцке был построен мастером Иваном Бельчицким всего за 30 недель. Поэтому срок производства строительных работ по возведению Софийского собора с 1037 по 1041 г. представляется наиболее вероятным.

Что касается выполнения фресковых росписей и мозаик, то тут можно привести следующие соображения. Как показали исследования, роспись Киевской Софии делалась одновременно во всех помещениях [67]. Для этого требовалось много бригад мастеров. Если учесть, что в Киевской Софии было около 4000 $м^2$ фресковой живописи, включая орнаменты, и 640 $м^2$ мозаик, то работы по их выполнению могли занять не более трех сезонов. Как доказал В. Н. Лазарев, над выполнением мозаик в центральной части собора работало не менее восьми бригад [68], что свидетельствует о быстром времени завершения работы. Все эти данные доказывают, что строительство собора не было длительным и что дата графити «1042 г.» могла соответствовать времени ее написания.

К числу доказательств, подтверждающих дату сооружения собора, изложенных в «Повести временных лет» относится исключительно важный факт. Как известно, в западной части центрального пространства собора находится групповой портрет семейства Ярослава Мудрого. На нем изображены дети Ярослава, причем большинство из них изображено во взрослом состоянии и лишь младшие выглядят детьми лет 10—15. Атрибуция портретов вызвала острую полемику в литературе.

В. Н. Лазарев определяет крайние даты написания портрета как 1046 г.— так как дочери Ярослава изображены без королевских корон. К этому году исследователь относит и окончание всех работ по оформлению Софии и ее освящению [69]. В. Н. Лазарев считает, что на северной стене центрального нефа были изображены Изяслав, Святослав, Всеволод и Игорь, и на основании известных дат их рождения и антропологического анализа изображенных относит написание портретов к 1042—1043 гг. [70]

С. А. Высоцкий на основании анализа рисунков А. ван-Вестерфельда и С. П. Солнцева предложил иную интерпретацию портрета, по которой на северной стене должны были быть изображены дочери, а на южной — сыновья: Владимир, Изяслав, Святослав и Всеволод. Исследователь датирует портреты 30-ми годами XI в.[71] Однако персонаж, атрибутированный С. А. Высоцким как родившийся в 1030 г. Всеволод, изображает

---

[65] *Лазарев В. Н.* Мозаики Софии Киевской. М., 1960, с. 55.

[66] *Поппе А.* Заснування Софії Київської..., с. 101.

[67] *Тоцька І. Ф.* Про час виконання розписів галерей Софії Київської.— В кн.: Стародавній Київ, Київ, 1975, с. 193; *Логвин Г. Н.* Новые наблюдения в Софии Киевской.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 158.

[68] *Лазарев В. Н.* Мозаики Киевской Софии..., с. 158.

[69] *Лазарев В. Н.* Мозаики Киевской Софии..., с. 57.

[70] Там же. См. также: *Лазарев В. Н.* Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. Групповой портрет семейства Ярослава.— ВВ, XV, 1959, с. 148—169.

[71] *Висоцький С. О.* Про портрет родини Ярослава Мудрого у Софійському соборі у Києві.— «Вісник Київського університету», № 8, вып. І. Київ, 1967, с. 41.

юношу или девушку не менее 12—15 лет (по мнению В. Н. Лазарева — это младшая 13—14-летняя дочь Ярослава). Интересная реконструкция С. А. Высоцкого далеко не бесспорна. Рисунки Вестерфельда нельзя считать абсолютно точным документом. Они, несомненно, были выполнены по зарисовкам позже, и к тому же нам неизвестно, что в этих рисунках изменил копиист XVIII в. Неизвестны нам и оригиналы копий XVIII в., о них мы судим лишь по репродукциям в работе И. Я. Смирнова. На рисунках Вестерфельда есть ряд бесспорных неточностей: фигуры расставлены со значительно бо́льшими промежутками, антураж из кустов, цветов и травы явно придуман художником. Еще менее точен схематический рисунок Ф. Г. Солнцева, на котором невозможно установить, сыновья или дочери изображены на южной стене. И С. А. Высоцкий и особенно Г. Н. Логвин несколько преувеличивают переделки реставраторов. Как известно, фигуры дочерей Ярослава переделал в святых Веру, Надежду, Любовь и Софью живописец Пешехонов, работавший в темперной технике. Эти изображения Иринарх и Желтоножский покрыли масляной росписью. Их роспись в 1936 г. удалил П. И. Юкин, и вполне вероятно, что он мог дорисовки Пешехонова принять за древнюю роспись. Но при этом никак нельзя согласиться с Г. Н. Логвиным, писавшим: «...когда в 1936 г. снимали масляный слой живописи и не знали о сообщениях П. Лебединцева и Н. Беляшевского, писавших о своеволии «реставраторов», забыли и о рисунках Вестерфельда и фрески ошибочно определили как изображения дочерей Ярослава Мудрого. Эти ошибки повлекли за собой другие: будто бы на северной стене была изображена мужская половина семьи князя»[72]. Как показали последние исследования И. П. Дорофиенко, П. И. Юкин допустил немало ошибок. Однако при работах П. И. Юкина присутствовал И. В. Моргилевский — исследователь рисунков Вестерфельда, и эти рисунки были все время перед глазами реставраторов, что видел и автор настоящей статьи, также присутствовавший при этом. Если изображения дочерей Ярослава подвергались «поновлению» художниками XIX—XX вв., то открытые две (а не одна, как пишет Г. Н. Логвин[73]) фигуры на северной стене «поновлениям» не подвергались и представляют собой подлинную и отлично сохранившуюся фреску XI в. Достаточно посмотреть на старшего княжича, изображенного фронтально (а не идущего, как на рисунке Вестерфельда), с короткой стрижкой волос, надвинутых на лоб, мужественным лицом, чтобы убедиться, что тут изображен мужской персонаж. Спорным в реконструкции С. А. Высоцкого представляется утверждение об обязательном изображении мужчин на южной стене, а женщин — на северной и отрицание возможности помещения на одной и той же стороне мужчин и женщин. В знаменитых ктиторских портретах, по масштабу и характеру ближе всех стоящих к софийским, в Кинцвиси и Бетании в одном ряду изображены царь Георгий, царица Тамара и царевич Давид. Кстати, написаны эти портреты на северной (левой) стороне церкви. Как бы ни решался вопрос об атрибуции изображенных, исполнение всей композиции ранее начала 40-х годов XI в. совершенно исключено[74].

К аргументам в пользу позднейшей даты строительства Софийского собора можно привести одно соображение. Как показали последние исследования, строительство софийских соборов в Полоцке и Новгороде (последнее началось в 1045 г.) велось мастерами, явно повторявшими приемы Киевской Софии[75]. О том, что мастера, расписывавшие Киев-

[72] *Логвин Г. Н.* София Киевская..., с. 41.

[73] *Логвин Г. Н.* К истории сооружения Софийского собора..., с. 175.

[74] Гипотезу С. А. Высоцкого опровергают А. В. Поппе и В. Н. Лазарев. См. *Лазарев В. Н.* Русская средневековая живопись. М., 1970, с. 54, прим. 85.

[75] *Штендер Г. Н.* К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 204.

скую Софию, позже расписывали Новгородский собор, может косвенно свидетельствовать обнаруженный С. А. Высоцким автограф мастера Георгия, расписавшегося в Михайловском приделе Киевской Софии и в парусе северо-западного купола Новгородского собора [76]. Отъезд из Киева в Новгород мастеров резоннее всего предположить сразу же по окончании строительства Киевского собора, а в Полоцк — после окончания строительства Ирининского и Георгиевского монастырей (50-е годы XI в.).

Важнейшим обстоятельством при определении даты сооружения Киевской Софии является анализ исторической обстановки, что, кстати, недостаточно учитывают противники даты 1037 г. Для заложения Софии необходимо было, во-первых, иметь большие денежные ресурсы (не менее 10 тысяч гривен, по самым скромным расчетам); во-вторых, опытных мастеров, в том числе, как можно предполагать, приглашенных из Византии; в-третьих, запасы строительных материалов: камня, который в Киев надо было везти издалека, свинца и мрамора, привозимых из Византии, кирпича и загашенной извести.

Осенью 1016 г. Святополк, а в 1018 г. Болеслав разграбили Киев и увезли с собой все княжеские ценности («Възма именье и бояре Ярославле»). В 1018 г. у Ярослава не было денег на наем варягов — пришлось занимать деньги у новгородцев (с мужа — по 4 куны, со старост — по 10 гривен и с бояр — по 18 гривен). Вступив после победы над Святополком в 1019 г. в разграбленный Киев, Ярослав не только не имел свободных денег, но был должен крупные суммы для расплаты с варягами и новгородцами, и затевать огромное строительство он, конечно, не мог. Для приглашения мастеров, в частности, из Византии понадобилось бы не менее года. Все это дает основание считать, что строительство собора никак не могло быть начато ни в 1017, ни в 1019 г. Существенно проследить время пребывания в Киеве самого Ярослава. Впервые Ярослав вошел в Киев осенью 1016 г. В 1018 г. Киев захватывают Болеслав со Святополком. В борьбе со Святополком проходят 1018 и 1019 гг., и лишь после битвы на Альте Ярослав «седе в Киеве, утер пота с дружиною своею, показав победу и труд велик». Однако уже в 1021 г. Ярослав воюет с Брячиславом Полоцким и с 1021 по 1023 г. занимается делами Северо-Западной Руси, находясь главным образом в Новгороде. Именно там застает его известие о приходе к Киеву Мстислава («в лето 6532 Ярославу сущу в Новгороде, прииде Мьстислав...Ярославу суще Новгороде тогда»). В битве при Листвене Ярослав был разбит и бежал опять в Новгород («Ярослав же приде Новугороду, а Якун иде за море... И не смяша Ярослав ити в Кыев, донеже смиристася»). И лишь после мира у Городца в 1026 г., по которому Русь была разделена на две части, Ярослав возвращается в Киев («и приде Кыеву и створи мир»). И только после 1026 г. «уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли» [77]. Эту десятилетнюю междуусобную войну долго помнили на Руси: «помняшеть бо, рече, первых времен усобице», как писал о ней автор «Слова о полку Игореве».

Следует согласиться с А. Г. Кузьминым, отмечавшим, что сведения о первой половине правления Ярослава в основном дают софийско-новгородские летописи, так как в ту пору Ярослав находился главным образом в Новгороде [78]. Важно отметить тот факт, что после 1026 г. летописи нигде не подчеркивают старшинства Ярослава. С Мстиславом они жили «мирно и в братолюбстве», правили на равных правах, иногда выступая в походы совместно.

---

[76] *Высоцкий С. А.* Автограф художника из Софийского собора в Киеве.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 122—126.

[77] ПВЛ, т. I, с. 100.

[78] *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы..., с. 252—253.

Из сказанного выше следует сделать вывод о том, что из всех лет правления Ярослава годы с 1017 по 1036 не были благоприятны для строительства и Софийского собора, и «града великого Киева». И самое главное, у Ярослава не было причин затевать это строительство, пока Русь была разделена. К этому выводу совершенно справедливо пришел М. К. Каргер, писавший: «...события политической жизни Киевского государства со времени смерти Владимира в 1015 г. до установления «единовластия» Ярослава убедительно свидетельствуют о том, что два десятилетия (с 1017 по 1037 г.), которые многие исследователи считали временем строительства городских укреплений Киева, Софии и княжих монастырей, в действительности отнюдь не располагали к решению этих величественных градостроительных начинаний» [79].

Феодальные войны 1021 и 1024 гг. привели к обособлению от Киева сначала Полоцкой, а потом Северской земель с другими владениями Мстислава, что определило политику Ярослава Мудрого в те годы. Объединение Руси в 1036 г. резко меняет эту политику. Ярослав срочно подавляет сепаратистские тенденции в Новгороде, подчиняя его Киеву, расправляется с Новгородским посадником Константином, сажает в Новгороде наместником своего сына Владимира, сажает в тюрьму сидевшего в Пскове своего брата Судислава (и все это в 1036 г.), т. е. ведет активнейшую политику укрепления централизованной власти. Разделавшись с врагами и став «самовладцем», Ярослав приступил к осуществлению широкой программы государственного устройства, в которую входили и упорядочение церковных дел, и строительство столицы объединенного государства и главного собора Руси, и возвеличение личной власти в противовес другим представителям рода Владимира, что выразилось в династических браках с иноземными правителями, а на стенах Софийского собора возникает огромный портрет князя и его семейства. Портрет князя-«самовладца» с сыновьями мы увидим позже на рельефе Дмитриевского собора во Владимире.

В 1036 г. происходят два важнейших события, сыгравших, как следует полагать, основную роль в задуме строительства общерусской митрополии — Софийского собора и общерусской столицы — «града великого Киева». Во-первых, это было второе объединение Руси вокруг Киева, что произошло после смерти Мстислава, о чем столь торжественно сообщают летописи: «Посемь же перея власть его всю Ярослав и бысть самовладелець Рустей земли» [80]. Во-вторых, в 1036 г. произошел разгром под стенами Киева последнего печенежского нашествия, чем закончилась 120-летняя борьба с печенегами.

Тема победы и объединения Руси ярко выражена в художественном облике Киевского Софийского собора, в его симфонической архитектуре, нарастающей кверху многоглавой композицией, в которой воплощена «славянская композиционная идея», полихромии фасадов, программе внутренних росписей.

---

[79] *Каргер М. К.* Ук. соч., с. 250—251.
[80] ПВЛ, ч. I, с. 101.

Таблица основных размеров кирпичей древнерусских построек X–XI вв.

Сооружение	Дата	Размер кирпича (массовый), см
Северная дворцовая постройка Киевского детинца	Первая половина X в.	41×31×2–2,5
Десятинная церковь в Киеве	989–996	31×30×2,5
Южная дворцовая постройка Киевского детинца	Конец X – начало XI в.	31×30,5×2,5
Церковь Богородицы в Тьмутаракани	1022	H=2,5 (по фрагменту кирпича)
Спасский собор в Чернигове	Около 1036	34×28×3
Софийский собор в Киеве	1037–1044	36×27×3–3,5
Каменная стена вокруг Софийской митрополии в Киеве	1037 – середина XI в.	36×28×3,5
Золотые ворота в Киеве	1037	36×28×3,5
Ирининская церковь в Киеве	1037 до 1051	39×27×3,5
Софийский собор в Новгороде	1045–1050	39×26×3,5
Михайловский собор Выдубедского монастыря в Киеве	1070–1080	35×28×4
Успенский собор Печерского монастыря в Киеве	1073–1077	36×28×4
Собор Кловского монастыря в Киеве	Конец XI в.	34×29×4
Церковь XI в. в усадьбе Художественного института в Киеве	Конец XI в.	35×27×4
Михайловский собор в Переяславе	1089 – конец XI в.	34×28×4,5
Успенская церковь на Княжем дворе в Переяславе	1098	34×27,5×4,5

Yu. S. Aseev

ON THE TIME OF FOUNDATION OF THE CHURCH OF ST. SOFIA IN KIEV

Summary

The question of the time of foundation and erection of the church of St. Sofia in Kiev was many times disputed by different investigators in connection with different data of chronicles on this subject. The majority of investigators believe, that the church was founded in 1037, as it is mentioned in the «Povest Vremennyh Let». During last years a number of publications appeared, arguing this dating. The most substantial proof of the earlier dating of the erection of this church is the graffiti at its walls, read by S. A. Vysotski as a number 1032. The author of this article proves the erroneousity of this statement and gives arguments, proving the correctness of the foundation of the church in 1037, as mentioned in the «Povest Vremennyh Let».

П. А. РАППОПОРТ

ПОЛОЦКОЕ ЗОДЧЕСТВО XII ВЕКА

Противоречиво и неравномерно развивалось изучение полоцкого зодчества XII в., и в итоге история развития архитектуры древнего Полоцка оказалась разработанной очень слабо.

В XIX в., когда история древнерусского зодчества как наука делала свои первые шаги, были известны два сохранившихся памятника полоцкой архитектуры — Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке и церковь Благовещения в Витебске. Оба эти памятника вместе с полоцким Софийским собором и вскрытым раскопками большим собором Бельчицкого монастыря изучил и опубликовал А. М. Павлинов [1]. Затем наступил почти 30-летний перерыв, во время которого о полоцком зодчестве почти не вспоминали. В 20-х годах XX в. интерес к полоцким памятникам оживился в связи с открытием Н. И. Бруновым и И. М. Хозеровым замечательной конструкции завершения Спасской церкви [2]. Впрочем, работа эта не была доведена до конца: комиссия авторитетных специалистов во главе с И. Э. Грабарем отметила, что в исследовании Н. И. Брунова и И. М. Хозерова имеются существенные ошибки и необходимо дальнейшее тщательное изучение Спасской церкви [3]. Изучение это так и не было проведено; в литературе по-прежнему продолжали использовать реконструкцию памятника, предложенную Н. И. Бруновым и И. М. Хозеровым. Тем не менее даже на таком материале Н. Н. Воронин смог блестяще показать, какое огромное значение имела Спасская церковь в сложении самостоятельных форм национального русского зодчества [4].

В 30-х годах XX в. выявились еще два частично сохранившихся памятника полоцкой архитектуры: оказалось, что Борисоглебская и Пятницкая церкви Бельчицкого монастыря, считавшиеся поздними постройками, в действительности представляют собой сооружения XII в. Изучением этих двух храмов занимался И. М. Хозеров. К сожалению, его исследования не были своевременно опубликованы, а позднее материалы этих исследований погибли. За это время были уничтожены и сами церкви. На основании частично сохранившихся материалов публикацию погибших памятников подготовил Н. Н. Воронин [5]. Несколько позднее Н. Н. Воронин опубликовал сведения еще об одном, давно уже уничтоженном храме

---

[1] *Павлинов А. М.* Древние храмы Витебска и Полоцка.— Тр. IX, АС, т. I. М., 1895, с. 1—18.

[2] *Брунов Н. И.* Извлечение из предварительного отчета о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск в сентябре 1923 года. М., 1926; *Хозеров И. М.* К исследованию конструкции Спасского храма в Полоцке. Смоленск, 1928.

[3] «Наш край», 1929, № 8—9, Минск, с. 77, 78.

[4] *Воронин Н. Н.* У истоков русского национального зодчества.— В кн.: Ежегодник Института истории искусств 1952. М., 1952, с. 260—299.

[5] *Воронин Н. Н.* Бельчицкие руины.— Архитектурное наследство, 6, 1956, с. 3—20.

в том же монастыре [6]. Наконец, археологические раскопки 50-х годов выявили новый памятник — фундамент недостроенной церкви в Минске [7]. К сожалению, в 1961 г. была разрушена так и не дождавшаяся детального исследования церковь в Витебске [8].

Очень небольшое количество известных памятников полоцкой архитектуры и слабая их изученность вызвали необходимость в организации специальной археологической экспедиции для систематического раскрытия и исследования древних памятников зодчества Полоцка и Полоцкой земли. Такую задачу поставил себе М. К. Каргер, начавший архитектурные раскопки в Полоцке в 1961 г. За 1961—1968 гг. экспедицией М. К. Каргера были раскопаны два ранее неизвестных храма — в Полоцке на детинце [9] и Борисоглебский в Новогрудке [10]; почти полностью раскопан храм-усыпальница в Евфросиньевом монастыре [11]; произведено частичное раскрытие большого собора Бельчицкого монастыря и небольшие раскопки Благовещенской церкви в Витебске [12]. К сожалению, работа М. К. Каргера не была завершена: не были закончены раскопки, не были подведены итоги [13]. Эту работу необходимо было завершить.

Новые архитектурные раскопки в Полоцке начались в 1975 г. [14] В 1976 г. были завершены раскопки храма-усыпальницы в Евфросиньевом монастыре, проведено детальное исследование Спасской церкви того же монастыря, обнаружены еще три древних памятника, из которых один — княжеский дворец на детинце был раскопан. В 1977 г. закончено изучение дворца (раскопки примыкавшей к терему деревянной постройки) и раскопаны два найденных в предыдущем году памятника — церковь на Нижнем замке и церковь на рву. Спасской церкви и дворцу посвящены отдельные публикации [15], материал по остальным памятникам приводится в настоящей статье (рис. 1) [16].

В Евфросиньевом монастыре в Полоцке кроме хорошо известного Спасского собора существовал второй храм, остатки которого неоднократно выявлялись при случайных земляных работах. В 1947 г. здесь впервые были проведены разведочные раскопки под руководством Е. Ащепкова, а в 1957 г. памятник обследовал М. К. Каргер. В дальнейшем экспедиция под руководством М. К. Каргера в течение трех полевых сезонов (1961, 1962 и 1964 гг.) вела его раскопки [17].

Были вскрыты остатки большого храма, к которому с севера, запада и юга примыкали широкие галереи. Несмотря на многочисленные ямы и перекопы, план здания выявился с достаточной полнотой, за исклю-

---

[6] *Воронин Н. Н.* К истории полоцкого зодчества XII века.— КСИА АН СССР, № 87, 1962, с. 103, 104.

[7] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966, с. 203.

[8] *Глазунов И.* Что помнить, чем гордиться... Газета «Известия», 1962, № 82.

[9] *Каргер М. К.* К истории полоцкого зодчества XII в.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 202.

[10] *Каргер М. К.* Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке.— КСИА АН СССР, № 150, 1977, с. 79.

[11] *Каргер М. К.* Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре в Полоцке.— СА, 1977, № 1, с. 240.

[12] *Каргер М. К.* Церковь Благовещения в Витебске.— КСИА, АН СССР, № 155, 1978, с. 71.

[13] Общая сводка материалов по архитектуре древнего Полоцка была дана Г. В. Штыховым. См. *Штыхов Г. В.* Древнеполоцкое каменное зодчество.— Белорусские древности. Минск, 1967, с. 263; Каменное зодчество XI—XIII вв.— В кн.: Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 2. Минск, 1972, с. 188—197.

[14] Раскопки в Софийском соборе проводил отдельный отряд экспедиции. Исследование и публикацию памятника готовит руководитель отряда В. А. Булкин.

[15] Публикация Спасской церкви Евфросиньева монастыря подготовлена П. А. Раппопортом и Г. М. Штендером, а публикация дворца — П. А. Раппопортом и Е. В. Шолоховой.

[16] Руководители участков раскопок: храм-усыпальница — О. М. Иоаннисян, церковь на Нижнем замке — С. Ю. Аверьянов, церковь на рву — А. Е. Аверьянова (1976) и Л. Н. Большаков (1977).

[17] *Каргер М. К.* Храм-усыпальница..., с. 240.

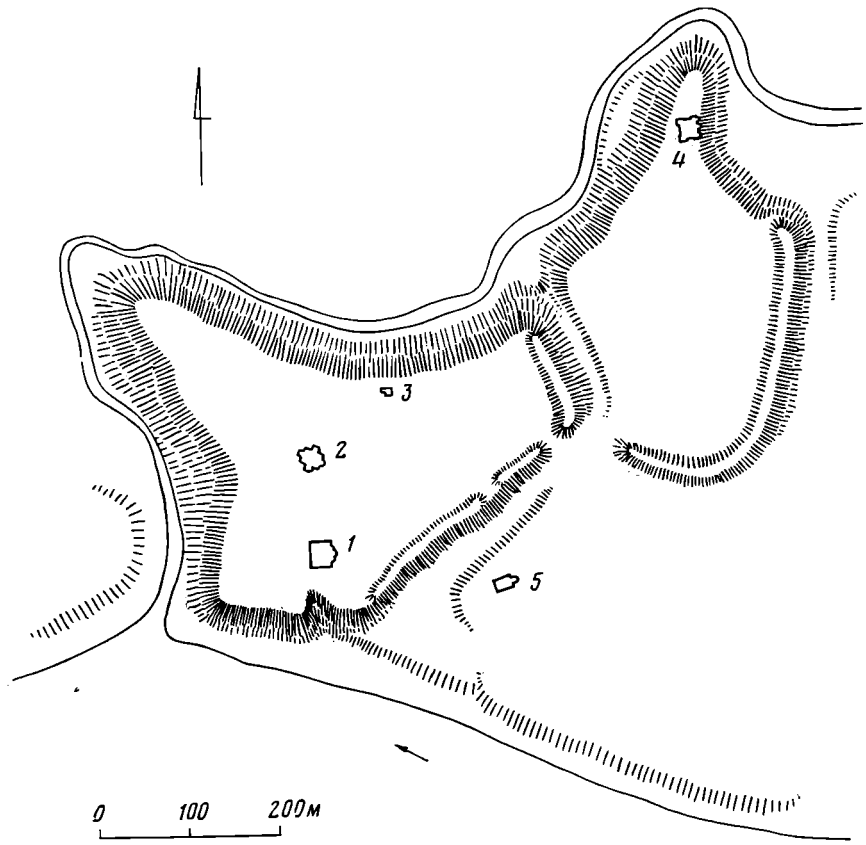


Рис. 1. Расположение памятников монументального зодчества в центральной части древнего Полоцка. *1* — Софийский собор; *2* — церковь на детинце; *3* — дворец; *4* — церковь на Нижнем замке; *5* — церковь на рву

чением его восточной части, которая оказалась полностью уничтоженной. Полагая, что дальнейшие раскопки не смогут дать дополнительных данных, М. К. Каргер закончил исследование и, публикуя его результаты, предложил реконструкцию плана раскопанного памятника. Реконструкция эта в отношении центральной и западной частей храма не вызывает сомнений, поскольку все необходимые элементы были здесь найдены. Правда, из внутренних столбов церкви был найден лишь один юго-западный, но положение еще трех столбов определилось достаточно точно по расположению лопаток на стенах храма. Гораздо сложнее обстояло дело с реконструкцией плана восточной части здания. М. К. Каргер обратил внимание на совершенно необычный план галереи, имеющей на северо-западном и юго-западном углах расширения. Начало подобных расширений было вскрыто раскопками и в той части, где стены галереи обрываются и далее к востоку не прослеживаются. Полагая, что расширения галереи в восточной части должны быть равны западным, М. К. Каргер писал: «Восточная стенка этих помещений упиралась, очевидно, в четвертую пару лопаток на северной и южной стенах основного храма, что позволяет установить первоначальную длину храма (без апсид)»[18]. Таким образом, определилась четырехстолпная структура здания. Однако на чертеже реконструкции М. К. Каргер показал шестистолпный храм, ссылаясь при этом на аналогию — церковь Благовещения в Витебске, план которой, по его мнению, «достаточно близок к плану полоцкого храма».

[18] Там же, с. 243.

Неубедительность реконструкции, предложенной М. К. Каргером, и совершенно необычные формы раскопанного памятника делали необходимыми новые попытки обнаружить какие-либо участки восточной части здания. Такая попытка и была предпринята в 1976 г. Вначале для уточнения технических характеристик кирпичной кладки раскопками была вновь вскрыта южная половина западной стены храма (рис. 2). Затем были вскрыты те участки северной и южной стен, где кладка обрывалась, после чего раскопки были продолжены в восточном направлении. Выяснилось, что остатки самого храма на этом участке полностью уничтожены большим котлованом. Ничего не дали и раскопки восточной части северной галереи, так как земля здесь оказалась перерытой хозяйственными ямами. Сильно пострадала от ям и поздних погребений также и южная галерея, но на этом участке все же удалось проследить линии фундаментных рвов (рис. 3). Рвы эти оказались заполненными древним строительным мусором и слегка гумусированным песком. Кое-где во рвах сохранились отдельные камни фундамента, а на одном участке над фундаментом уцелели даже кирпичи нижнего ряда кладки стены.

Оказалось, что восточная часть южной галереи имела характер самостоятельной часовни с апсидой. С запада эта часовня была отделена от остальной части галереи стенкой, которая в верхней части и с восточной стороны вычинена брусковым кирпичом и, очевидно, по этой причине не показана на реконструкции М. К. Каргера. Между тем под кладкой из брускового кирпича хорошо сохранилась кладка из плинфы, перевязанная с кладкой продольных стен как галереи, так и самого храма. М. К. Каргер считал, что сходство строительной техники дает основание считать галереи построенными вскоре после храма. Выявление перевязки кладки поперечной стенки, соединяющей стены храма и галереи, показывает, что в действительности весь комплекс был возведен полностью одновременно (рис. 4). Точно такая же картина вскрыта при изучении поперечной стенки северной галереи, что позволяет реконструировать восточный конец этой галереи вполне аналогично южной. В отличие от стенок, идущих поперек галерей, стенка, проходящая на той же линии поперек самого храма, оказалась целиком сложенной из брускового кирпича и не имеющей древнего основания.

Фундаментный ров южной стены основного здания храма заканчивается у угла юго-восточной часовни, безусловно определяя тем самым четырехстолпность церкви. Однако вопрос о форме плана восточной части церкви остается, к сожалению, неясным. Небольшой отрезок поперечной стенки фундаментного рва у восточного конца южной стены как будто бы свидетельствует в пользу того, что храм не имел боковых апсид. И все же этот отрезок стенки рва настолько невелик по длине, что не может служить достаточно убедительным доказательством: одноапсидность восточной стены храма остается предположительной (рис. 5).

Большой храм Евфросиньева монастыря представлял собой четырехстолпную церковь, ориентированную продольной осью по азимуту 77°. Ее ширина 14,85 *м*, длина (без апсиды) 16,3 *м*. Столбы крестчатые в плане. Размер подкупольного пространства поперек храма 5,15 *м*. Наружные лопатки храма двухуступчатые. На внутренней поверхности стен лопатки, отвечающие столбам, имеются лишь на западной стене, в то время как на северной и южной стенах примерно через 2 *м* размещены небольшие выступы, возможно, разделявшие аркосольные ниши. Толщина стен 1,05 *м*. Стены галереи более тонкие — 0,55 *м*. Их средние отрезки на северной и южной стенах имеют снаружи выступы, аналогичные выступам на внутренней поверхности стен храма. Ширина галереи 4,1 *м*.

Среднее членение западной стены храма имеет несколько бóльшую толщину, чем боковые (1,5 *м*), но вскоре после возведения здания боковые членения западной стены были утолщены до уровня среднего. Наружная поверхность западной стены до этого утолщения была покрыта слоем

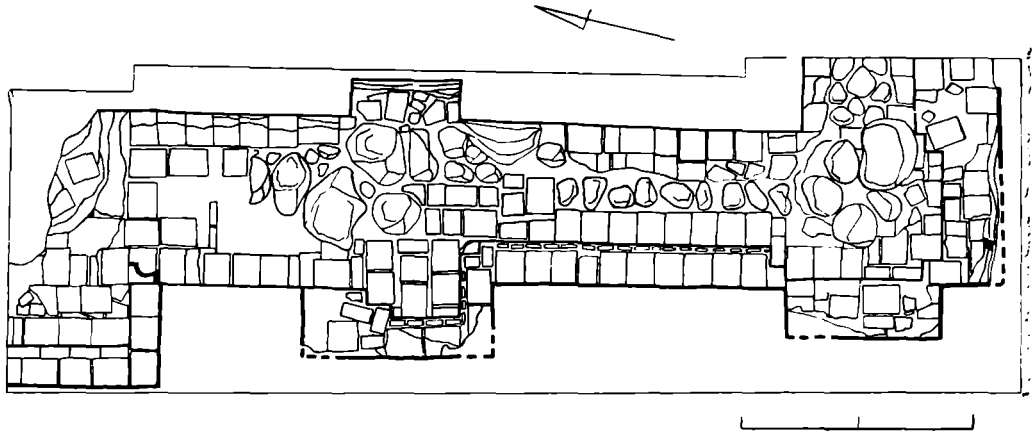


Рис. 2. Храм-усыпальница. Южная половина западной стены

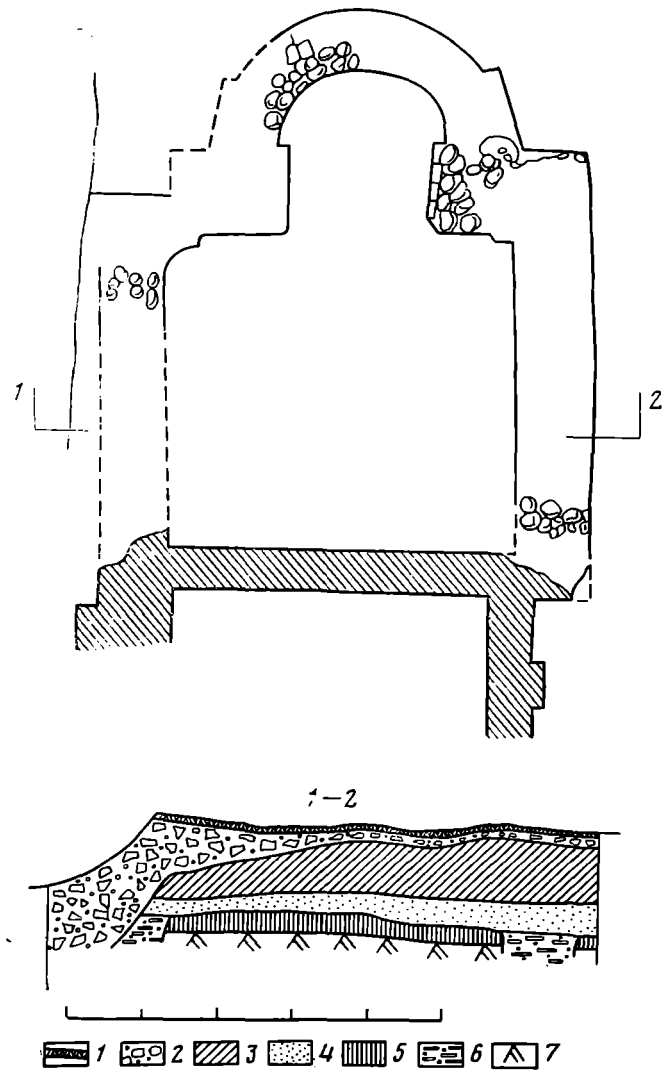


Рис. 3. Юго-восточная часовня. *1* — дерн; *2* — поздний строительный мусор; *3* — темная земля; *4* — песок; *5* — культурный слой; *6* — засыпка фундаментных рвов; *7* — материк

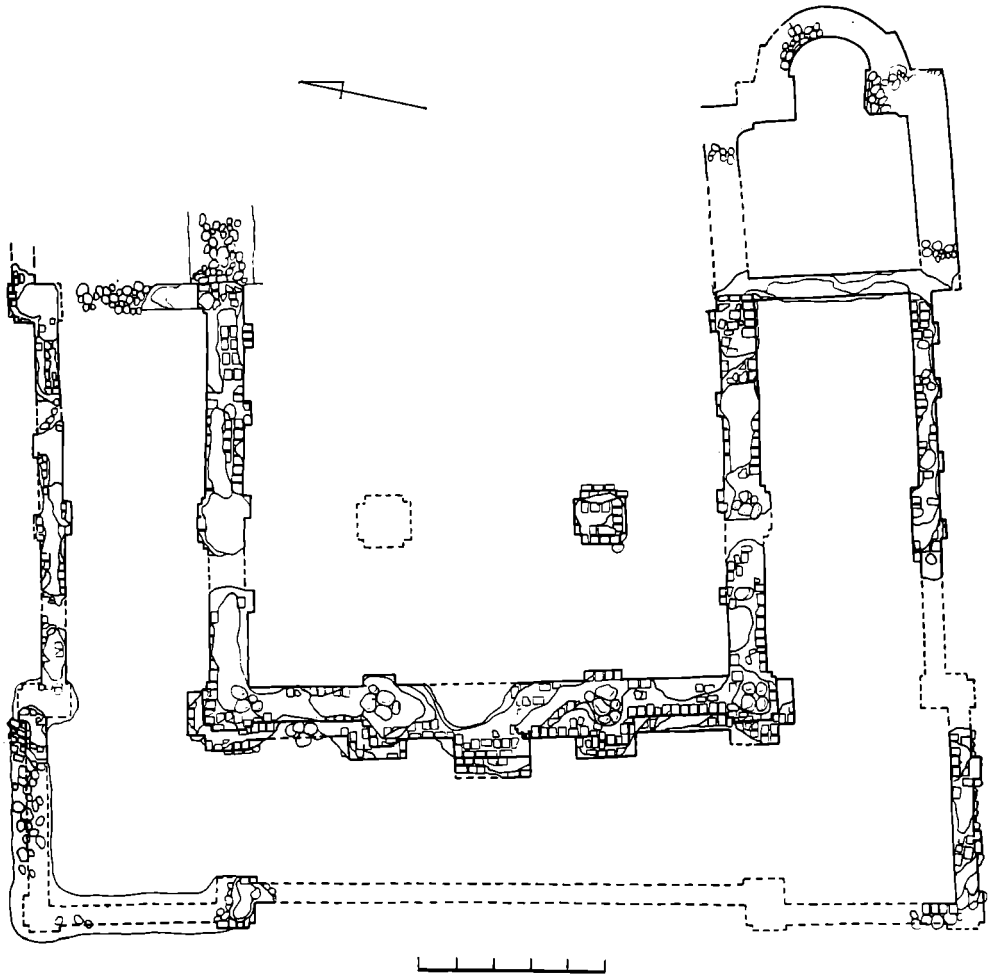


Рис. 4. Храм-усыпальница. План (по материалам раскопок 1961, 1962, 1964 и 1976 гг.)

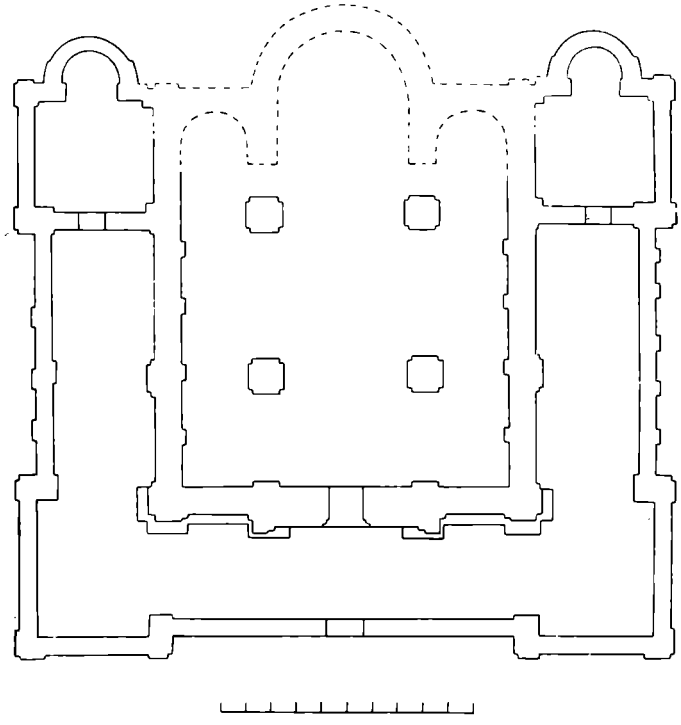


Рис. 5. Храм-усыпальница. Реконструкция плана

обмазки толщиной в 1,5 *см*. Техника кладки стены и прикладок абсолютно идентична. Лопатки на прикладке широкие одноуступчатые.

Вопрос о наличии в храме хор остается открытым, так как стены церкви недостаточно толстые, чтобы в них можно было бы разместить лестницу. В утолщенном же среднем участке западной стены размещению лестницы препятствует портал. Следует отметить, что боковых порталов ни в храме, ни в галереях, по-видимому, не было, так как на местах, где они должны были бы находиться, имеются выступы. Пол храма был, очевидно, расположен несколько выше пола галерей, поскольку перед западным порталом имелись две ступени. Сам портал снаружи был обрамлен уступом, в котором стояла тонкая полуколонка. Портал был расписан фресками.

Фундаменты церкви сложены из булыжников, но верхние камни слегка пролиты раствором, возможно, стекшим из кладки стен. Фундамент шире стен на 15—20 *см* в каждую сторону, а над ним лежит вымостка из двух-трех рядов кирпичей на растворе. Вымостка эта шире фундамента и местами имеет ширину от стен до 50 *см*. Отмечено, что от западной стены к юго-западному столбу и от северной стены к северо-восточному столбу шли ленточные фундаменты, позднее целиком выбранные на камень. Над материком (плотный песок) всюду имеется культурный слой толщиной от 15 до 40 *см*, в котором встречаются фрагменты керамики XI в.[19] Вымостка над фундаментом лежит непосредственно на культурном слое, а фундамент прорезает этот слой. Глубина фундамента 1,2 *м*.

Кладка стен исполнена из хорошо обоженных кирпичей размером 3,5×23—24×30 *см*, с незначительными отклонениями. Кроме того в меньшем количестве использованы более узкие кирпичи — 3,5×15,5×26 *см*. Найдено также несколько обломков узких кирпичей (шириной 14 *см*) с полукруглым торцом. На торцах кирпичей встречаются немногочисленные выпуклые знаки. Кладка исполнена в технике со скрытым рядом, с толщиной швов между кирпичами 3,5—4,0 *см*. Раствор в кладке известковый, розовый от примеси цемянки. Наружные поверхности стен выложены из целых кирпичей в один, а местами в два ряда. Середина стен сложена из булыжников диаметром около 20 *см*. Углы здания и участок у портала выложены без камней, причем в средней части стены использованы также целые кирпичи, хотя встречаются и обломки. Против лопаток внутри стен уложены крупные камни.

Храм имел богатое внутреннее убранство. В процессе раскопок было найдено большое количество фрагментов штукатурки с фресковой росписью, где кроме орнаментов и мраморировки встречаются и части ликов. Полы были покрыты мозаикой и плитками, последние чрезвычайно разнообразны. Применялись квадратные плитки нескольких размеров. Встречались довольно крупные плитки со сторонами 12—13 *см*, несколько меньше — со сторонами 9—10 *см* и маленькие — со сторонами около 5,5 *см*. Толщина плиток от 1 до 2 *см*. В значительном количестве найдены совсем маленькие квадратные плитки — со сторонами 3,5 *см* при толщине 0,8 *см*. Треугольные плитки выявлены только маленькие, соответствующие набору из самых маленьких квадратных плиток. Полива применена трех цветов: желтая, зеленая и черная. Помимо квадратных и треугольных плиток найдены фигурные. В основном это части дуг, имеющих разную ширину, причем ширина заметно меняется даже в пределах одного обломка плитки. Наименьшая ширина дуг 3,8 *см*, наибольшая — 5,5 *см*. Поверхность их разделена узкими канавками на треугольные поля, покрытые поливой зеленого и желтого цвета. На самых узких фрагментах дуг — по черному фону идут желтые кружки. Имеются плитки щитково-крестообразной формы. Все плитки сделаны из красножгущей-

[19] Фрагменты керамики в целом совпадают с темп, которые приводит Г. В. Штыхов из раскопок в Полоцке (*Штыхов Г. В.* Древний Полоцк. Минск, 1975, с. 81, тип II; с. 84, рис. 42, 10—20).

ся глины, но часть имеет темно-серую середину. На тыльной стороне большинства плиток заметны следы известкового раствора.

Во время раскопок было найдено большое количество кусочков смальты. Всего за все сезоны раскопок храма их собрано более 43 *кг*. Наибольшее количество смальты собрано в северной галерее, особенно в районе «крипты». Смальта четырех цветов — черная (12,5 *кг*), красно-коричневая (15,5 *кг*), желтая (11 *кг*), и зеленая (4,5 *кг*). На некоторых кусочках заметны следы известкового раствора. Толщина пластинок смальты от 6 до 8 *мм*. Несмотря на то что смальта кололась грубо и кусочки ее имеют обычно неровные края и не вполне правильную форму, им стремились придать форму квадратов, треугольников и полосок. Квадраты более или менее определенно делятся на три группы: большие (со сторонами около 4 *см*), средние (3—3,5 *см*) и малые (2,5 *см*). Треугольники равнобедренные, с прямым углом; они также делятся на три группы: большие (гипотенуза равна 5—6 *см*), средние (4 *см*) и малые (2,5—3 *см*). Полоски имеют ширину около 1,5 *см*, длина их различна. Распределение этих форм по цвету очень неравномерно. Это хорошо видно из нижеследующей таблицы.

Цвет	Квадраты			Треугольники			Полоски
	большие	средние	малые	большие	средние	малые	
Черный	–	–	×	×	×	×	×
Красно-коричневый	×	×	×	мало	–	×	×
Желтый	мало	×	×	мало	×	×	–
Зеленый	мало	мало	мало	мало	×	×	мало

Несомненно, что вся найденная смальта, так же как и керамические плитки, происходит от убранства пола храма. Об этом свидетельствуют как относительно большие размеры пластинок, так и крайне ограниченный ассортимент цветов. Мелкие кубики смальты (размером менее 1 *см*) встречались в ничтожно малом количестве и относились к тем же четырем цветам. Предположение М. Г. Каргера, что здесь имелась и стенная мозаичная живопись, не подтвердилось. Анализ смальт показал, что они полностью идентичны по составу смальтам Киева и Чернигова [20]. Следует отметить, что при раскопках найдено несколько обломков пирофилитового сланца (так называемый красный шифер), который обычно применялся либо в качестве карнизных плит, либо в виде инкрустированных мозаикой плит пола.

О внешнем облике раскопанного здания имеется очень мало данных. Судя по разнице в толщинах стен, очевидно, что галереи храма были значительно ниже его основного объема. Естественно поэтому, что объемная композиция в целом должна была иметь ступенчатый характер, подчеркивая этим доминирующее значение центральной главы. Кровля храма была покрыта свинцовыми листами, оплавившиеся куски которых найдены были при раскопках. Галереи, возможно, имели деревянные перекрытия.

Раскопки М. К. Каргера показали, что в храме находилось большое количество кирпичных склепов. Стенки этих склепов большей частью имеют толщину, равную длине кирпича, но некоторые стенки более тонкие — они сложены из положенных продольно узких кирпичей (ширина около 15 *см*). Особое место занимала камера для погребений в северной галерее, имевшая размер 2,5×5,2 *м* и глубину около 1,7 *м* (М. К. Каргер называл ее криптой). Именно здесь было найдено наибольшее коли-

[20] *Безбородов М. А.* Исследования мозаичных стекол XII в. из Полоцка.— Докл. АН БССР, 1964, т. VIII, № 3, с. 170.

чество смальты. В большинстве склепов были найдены мужские погребения. М. К. Каргер справедливо полагал, что именно данный храм был той первоначальной усыпальницей полоцких епископов, которая упомянута в «Житии» Евфросиньи Полоцкой. Вероятно, многие особенности памятника — отсутствие боковых порталов, форма галерей, узкие выступы на стенах— объясняются назначением здания, построенного как храм-усыпальница.

Форма двухуступчатых лопаток и применение мозаик позволили М. К. Каргеру датировать храм началом XII в. Слабая изученность истории полоцкого зодчества не дает пока возможности уточнить эту датировку. Скорее наоборот, сейчас памятник следует датировать еще более широко — в пределах первой половины XII в.

История гибели храма-усыпальницы рисуется пока очень приблизительно. Несомненно, что храм испытал сильный пожар, следами которого являются затекшие в склепы большие куски расплавившегося свинца от кровли. Очевидно, после пожара вся восточная часть храма была полностью разобрана, включая фундамент, а площадка выровнена. Над фундаментными рвами восточной части вследствие этого появилась прослойка чистого песка (отмечена в районе южной часовни). Однако здание продолжало в какой-то степени использоваться. Стенки, идущие поперек галерей, были при этом вычинены брусковым кирпичом размером 6×13—14×29—30 *см*. Большинство кирпичей имеет на постели продольные бороздки. Из такого же кирпича были построены тонкая, в полтора кирпича, стенка поперек всего храма; по линии его восточных столбов сделаны какие-то пристройки к южной галерее, а также обширный притвор с запада. Когда были совершены эти пристройки, судить трудно.

Точно также неясно, когда храм был окончательно заброшен. М. К. Каргер полагал, что храм еще стоял в полуразрушенном виде в конце XVI в. и именно к нему относятся слова документа 1582 г., в котором отмечено, что церковь Евфросиньева монастыря «близка к разрушению»[21]. При этом М. К. Каргер исходил из предположения, что в документе 1582 г. не могли такими словами охарактеризовать полностью сохранившийся Спасский собор. Между тем изучение Спасского собора, проведенное в последние годы, показало, что его верхние части подверглись очень существенной перестройке в XVII в., и, следовательно, в конце XVI в. этот храм вполне можно было считать «близким к разрушению». Судя по тому, что в документе упомянута лишь одна монастырская церковь, можно думать, что храм-усыпальница в это время уже был разрушен или во всяком случае не функционировал как церковь.

Местность, где расположен Евфросиньев монастырь, до недавнего времени называлась «Спас-Юревичи». Естественно возникало предположение, что храм-усыпальница назывался церковью Георгия. Это казалось тем более вероятным, что Георгий — крестное имя отца Евфросиньи Полоцкой. При описании похода Ивана Грозного на Полоцк в 1563 г. несколько раз упоминается «Георгий Великий» или «Егорий Святой», причем неясно, идет ли речь о церкви или названии урочища, где некогда стояла церковь[22]. Во всяком случае в документе 1582 г. в перечне полоцких церквей церковь Георгия не числится[23]. К сожалению, упоминание «Георгия Великого» и Спаса как отдельных самостоятельных пунктов, хотя и расположенных поблизости, делает предположение о названии храма-усыпальницы церковью Георгия маловероятным, и вопрос о первоначальном названии раскопанного храма пока остается открытым.

На стрелке Нижнего замка, обращенной к р. Полоте, Г. В. Штыхов

---

[21] *Сапунов А.* Витебская старина. Т. V. Витебск, 1888, с. 73.

[22] Лебедевская летопись. ПСРЛ, т. XXIX. М., 1965, с. 306—309; Разрядная книга Полоцкого похода 1563 г. (*Сапунов А.* Витебская старина. Т. IV. Витебск, 1885, ч. I, с. 50, 51).

[23] *Сапунов А.* Витебская старина. Т. V, с. 73.

Рис. 6. Церковь на Нижнем замке. План раскопанных остатков

и М. К. Каргер отмечали наличие развала древних строительных материалов. Попытки обнаружить памятник, от которого происходил этот развал, долгое время не давали результатов. В 1976 г. был, наконец, обнаружен участок древнего фундамента — в районе домов № 22 и 23 по ул. Горького. В 1977 г. были произведены раскопки найденного памятника. К сожалению, стоящие здесь хозяйственные постройки, сад и асфальтовое покрытие, а также проходящая по ул. Горького траншея водопровода не позволили раскрыть памятник полностью. Кроме того, лишь в двух местах были найдены нижние ряды кирпичной кладки стен; на остальных участках сохранились только фундаменты, а кое-где лишь фундаментные рвы. Тем не менее раскрытые участки позволяют в общих чертах понять план древнего здания (рис. 6).

Памятник представлял собою четырехстолпную церковь, имеющую ширину в 14,1 *м*, а длину (без апсиды) около 14,5 *м*. Ориентация ее продольной оси по азимуту приблизительно 77—79°. Судя по разбивке наружных стен лопатками, можно судить, что подкупольное пространство имело стороны, равные примерно 3,7 *м*. Лопатки храма плоские двухуступчатые, с выносом от стены 0,34 *м* и общей шириной 1,3 *м*. Толщину стен удалось определить только на участке северной стены — 1,1—1,12 *м*. Однако, судя по фундаментам, среднее членение западной стены имело значительно бо́льшую толщину (ширина фундамента 1,9 *м*).

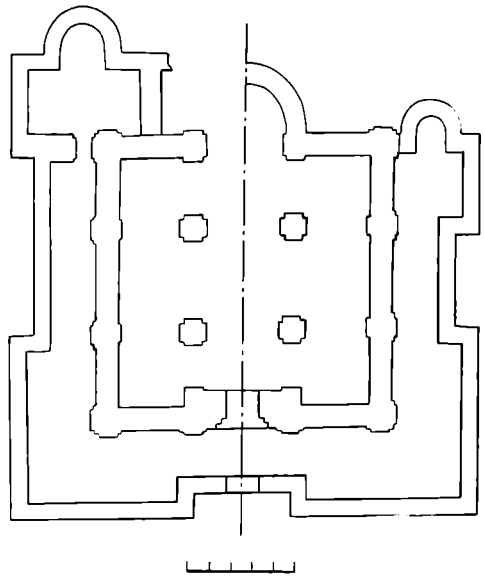


Рис. 7. Церковь на Нижнем замке. Варианты реконструкции плана

С северной стороны церкви обнаружен небольшой кусок фундамента галереи. Галерея имела ширину около 2 *м*, а у западных углов храма образовывала расширения, подобно галерее храма-усыпальницы в Евфросиньевом монастыре. Стены галереи были значительно тоньше стен самого храма, ширина их фундаментов всего 0,75 *м*. Общая схема плана западной и центральной частей церкви восстанавливается достаточно уверенно. Значительно сложнее обстоит дело с восточной частью. Начало восточной стены, выявленное на обоих восточных углах здания, свидетельствует, что церковь была одноапсидной. Сама апсида не была раскрыта, и значительная ее часть, очевидно, давно уже обрушилась вниз по склону. Форма апсиды может быть реконструирована лишь предположительно. Очень вероятно, что северная и южная галереи храма заканчивались с востока апсидами, и общая схема плана была, таким образом, чрезвычайно близка схеме плана храма-усыпальницы Евфросиньева монастыря (рис. 7 — справа). Однако вполне возможно, что небольшой кусок фундамента, примыкающий к восточной лопатке северной стены, является не восточной стеной галереи, а поперечной стенкой, выделявшей в восточных членениях галереи самостоятельные часовни. Эти часовни могли быть несимметричными и вплотную примыкать к центральной апсиде храма, подобно тому, как это имело место в некоторых памятниках византийской архитектуры (рис. 7 — слева). При таком решении находит объяснение и непонятный кусок фундамента, вскрытый в северо-восточной части храма, тянущийся к востоку от его восточной стены. Этот вариант реконструкции полнее отвечает плану обнаруженных фундаментов, но зато становится непонятным, как строилась сама апсида храма. В обоих вариантах реконструкция восточной части церкви на Нижнем замке остается крайне гипотетичной.

Стены церкви были сложены из хорошо обожженных кирпичей, имевших размер 3,5—4,0×22×29,5—30 *см* с отклонениями до 2 *см* как в бо́льшую, так и в меньшую сторону. Около 20% кирпичей — узкие, шириной 15—16 *см*. Раствор в кладке известковый, розовый от примеси цемянки. Кладка — в технике со скрытым рядом. Наружные ряды кладки исполнены из целых кирпичей ложковыми или тычковыми рядами. Середина стены также в основном заполнена целыми кирпичами, хотя здесь встречаются и битые кирпичи. В развале кроме обычных и узких найдены кирпичи, имеющие слегка трапециевидную форму, а также несколько кирпичей, кра̀й которых имеет характер узкого валика. На торцах кирпичей встречаются выпуклые знаки.

Фундамент состоит из камней-булыжников величиной от 10 до 15 *см*, уложенных без раствора. Фундаментный ров был врезан в культурный слой и имел глубину всего 30—35 *см*; подошва фундамента намного не доходит до материка (рис. 8). После этого площадка была поднята примерно на 70 *см* с помощью подсыпки чистым желтым суглинком, а фундамент на эту высоту также заполнен камнями. В итоге глубина фундамента получилась равной примерно 1 *м*. Края фундамента в верхней его части почти вертикальны, а внизу наклонны. Ширина фундаментов около 1,3 *м*, а ленточных фундаментов внутри здания — 0,8 *м*. Под лопатка-

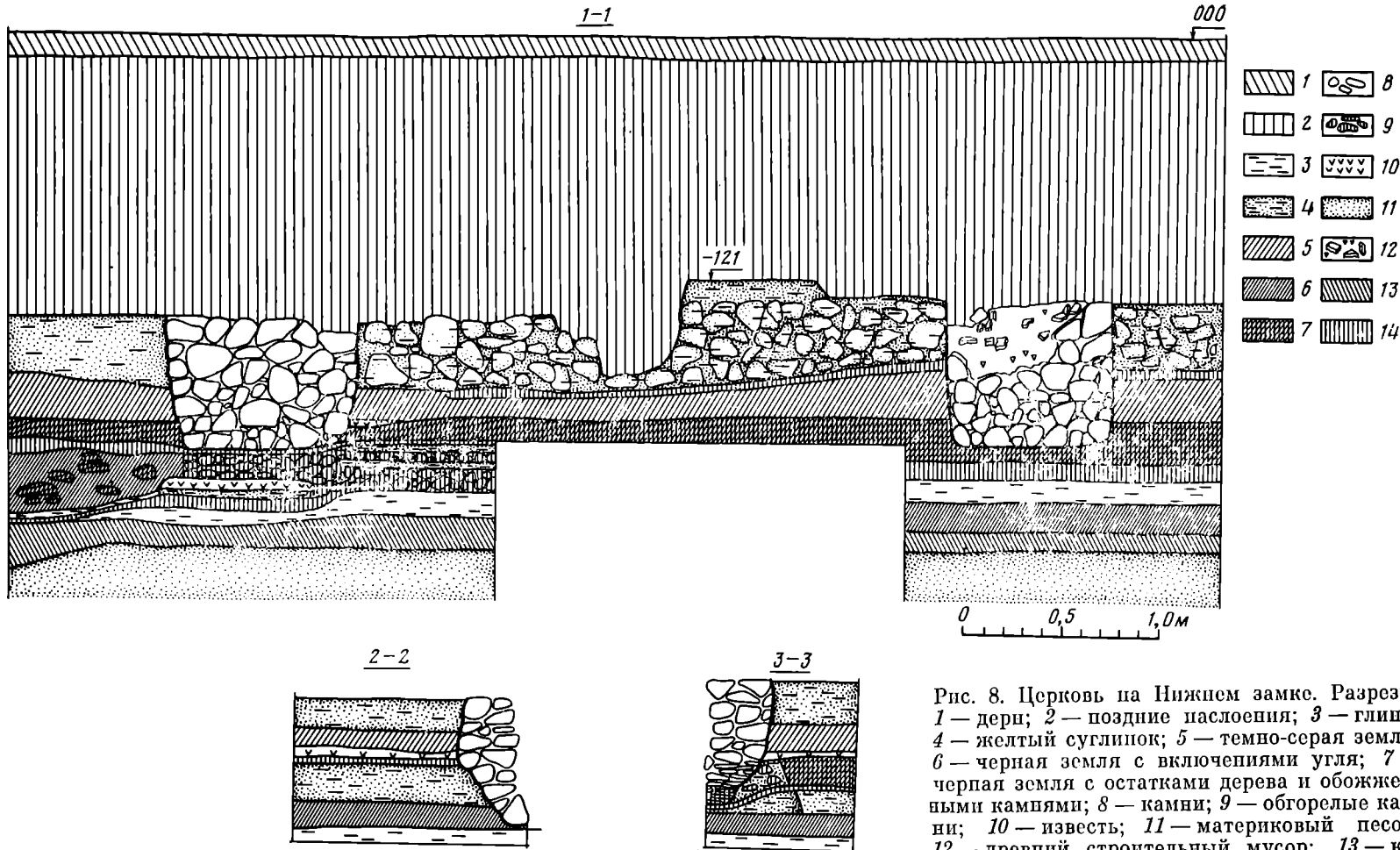


Рис. 8. Церковь на Нижнем замке. Разрезы. *1* — дерн; *2* — поздние наслоения; *3* — глина; *4* — желтый суглинок; *5* — темно-серая земля; *6* — черная земля с включениями угля; *7* — черная земля с остатками дерева и обожженными кампями; *8* — камни; *9* — обгорелые камни; *10* — известь; *11* — материковый песок; *12* — древний строительный мусор; *13* — коричневая земля; *14* — углистая прослойка

ми фундаменты имеют выступы трапециевидной формы. В местах пересечения лент фундамента (т. е. под столбами храма), так же как в углах здания, и в районах примыкания лопаток в фундаменте уложены крупные камни диаметром до 50 *см*.

Помимо основных фундаментов в памятнике обнаружены еще дополнительные, не заглубленные в древнюю поверхность, а впущенные только в слой подсыпки. В основных фундаментах пространство между камнями образует пустоты, а в дополнительных, лежащих только в толще подсыпки из суглинка, пространство между камнями заполнено тем же желтым суглинком. Дополнительные фундаменты не могут быть объяснены какими-то более поздними перестройками, поскольку здесь не отмечено никаких следов перекопов. Подобно дополнительным фундаментам, не заглублен в уровень древней поверхности и фундамент галереи.

В процессе раскопок были найдены некоторые фрагменты первоначального внутреннего убранства церкви — плитки пола и обломки штукатурки с остатками фресковой росписи. Плитки квадратные или прямоугольные, близкие к квадрату. Стороны их 10,0—10,5 *см*, реже 11 *см*, толщина 1,3—1,5 *см*, полива желтая, зеленая или красно-коричневая. Фрагменты фресковых росписей происходят, по-видимому, в основном от нижних частей стен здания: это красно-коричневые разграничительные полосы; «змейки» струйчатого орнамента; «набрызг», очевидно, имитирующий мраморную облицовку; белый растительный орнамент на коричневом фоне. Найдено также несколько обломков амфор, вероятно от голосников.

При раскопках западной части церкви обнаружено большое количество кусков известковой обмазки с заглаженной и часто окрашенной поверхностью (красная, желтая и черная окраска). Куски обмазки толстые, порой до 20 *см* толщиной. На их тыльной стороне часто видны отпечатки плинф, причем большей частью не торцов, а постелистой стороны. На тыльной стороне одного из кусков отпечатки тонкого бревна. Имеются куски обмазки от углов и даже от трехгранного угла. Эта обмазка, очевидно, происходит от гробниц, т. е. покрытых обмазкой и росписью кирпичных саркофагов. Во втором с запада членении северного нефа найдены куски красного шифера, в том числе два обломка плиты толщиной 6 *см* с остатками декоративной резьбы на лицевой поверхности. Тыльная сторона этих плит имеет довольно ровно обтесанную, но не заглаженную поверхность. Несомненно, что это куски шиферного саркофага.

По наружную сторону фундамента галереи обнаружено несколько погребений, хорошо согласованных с направлением кладок и лежащих на уровне желтой подсыпки. Сохранились следы деревянных гробов. По-видимому, эти погребения относятся ко времени функционирования церкви. Судя по тому, что среди погребений имеются как мужские, так и женские, церковь, очевидно, была не монастырской. Наличие богатых, покрытых росписью гробниц, особенно шиферного саркофага, дает основания полагать, что церковь играла роль усыпальницы полоцких князей.

Культурный слой, в который врезан фундамент, относится, судя по керамике, к XI в. (см. сн. 19). Очень вероятно, что до постройки кирпичной церкви на этом месте стояла деревянная на каменном основании. Об этом свидетельствует прослойка горелого дерева и обожженных камней, лежащая в уровне низа фундамента кирпичного храма. Это подтверждается также наличием нескольких погребений, перекрытых сверху желтым слоем подсыпки, т. е. совершенных до постройки кирпичной церкви.

При детальном исследовании остатков юго-восточного угла храма выяснилось, что под неповрежденным участком кирпичной кладки в фундаменте имеются две прослойки строительного мусора, включающие мелкие кусочки плинфы, раствора и штукатурки со следами фресковой росписи. Судя по характеру остатков, мусор происходит от разрушенных

частей этого же здания. Наличие прослоек дает основания полагать, что в храме (или во всяком случае в его юго-восточной части) имели место какие-то очень существенные перестройки. Кирпичная кладка юго-восточного угла не отличается от кладки северной стены, и, следовательно, перестройка угла была исполнена вскоре после возведения здания. Объем и характер перестройки установить не удалось.

Время разрушения церкви, в известной мере, определяется литовской монетой, найденной в слое развала строительных материалов памятника: это денарий Александра Ягеллончика (1501—1506 гг.).

Несмотря на фрагментарность обнаруженных остатков, церковь на Нижнем замке дает достаточно оснований для сопоставления ее с храмом-усыпальницей Евфросиньева монастыря. Их сближают общие пропорции четырехстолпного плана и сравнительно небольшая разница в ширине центрального и боковых нефов. Совпадают в этих храмах такие необычные черты, как заметное расширение среднего членения западной стены и расширенные угловые членения галереи. Одинакова профилировка лопаток. Близка и строительная техника, включая формат кирпичей. Все эти данные позволяют достаточно уверенно считать церковь на Нижнем замке произведением той же строительной артели, а вероятно, и того же зодчего, что и большой храм-усыпальница Евфросиньева монастыря. Судя по тому, что кирпичи церкви на Нижнем замке чуть-чуть меньше по формату, чем кирпичи храма-усыпальницы, можно полагать, что первым из этих двух памятников был построен храм-усыпальница [24]. К сожалению, датировать оба храма можно пока лишь в очень широких рамках — первая половина XII в. Нет никаких данных и для суждения о первоначальной объемной композиции памятника, за исключением того, что галерея, имеющая такой узкий и неглубокий фундамент, должна была быть очень невысокой и, вероятно, перекрывалась не сводами, а деревянным потолком.

Разведка, проведенная М. К. Каргером в 1962 и 1967 гг. на ул. Горького, в районе, примыкающем к усадьбе бывшей 8-й школы, где неоднократно отмечали находки древних кирпичей, выявила развал плинф и древнего строительного раствора. Однако поиски древнего здания были безрезультатны. В 1976 г. удалось обнаружить фундамент древней постройки, а в 1977 г. провести раскопки сохранившихся остатков. Выяснилось, что древняя церковь стояла на внешнем краю оборонительного рва детинца. Церковь была уже давно разобрана на кирпич, а в начале XX в. при строительстве здания школы западная и средняя части ее руин были полностью срыты, поскольку территория участка оказалась спланированной на уровень, лежащий ниже основания фундаментов. В раскопках удалось изучить лишь восточную часть церкви, от которой сохранились частично фундаменты, а местами только фундаментные рвы (рис. 9).

Церковь на рву имела только одну апсиду — очень большую и необыкновенно сильно выступающую от корпуса здания. Длина апсиды около 7,5 *м*, ширина 7,1 *м*, азимут продольной оси 65°. Ширина среднего нефа церкви была 4,45 *м*; ширину боковых нефов установить не удалось, поскольку от северной и южной стен не сохранилось ни одного участка. Фундамент церкви состоял из булыжников размером 10—15 *см*, насыпанных в фундаментные рвы без всякого связующего. В западной части апсиды фундамент имел глубину 1,05 *м*, причем он был врезан в основном в культурный слой, а в материковую супесь заглублен всего на 10—15 *см*. В восточной части апсиды картина несколько иная: здесь фундамент был заглублен в культурный слой и материк всего на 70 *см* (из них около 30 *см* — в материк). Однако выше уровня древней поверх-

---

[24] *Раппопорт П. А.* Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича.— СА, 1976, № 2, с. 89.

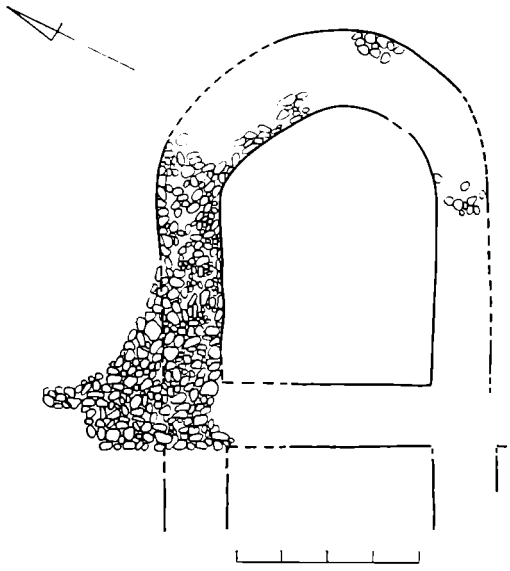


Рис. 9. Церковь на рву. План раскопанных остатков

ности здесь лежит искусственная подсыпка, состоящая из слоя извести (толщиной 8—14 *см*) и поверх него слоя чистой красной глины (19—27 *см*). В слое красной глины встречаются большие куски плинф, не бывших в употреблении. Каменный фундамент поднимается вверх на толщину подсыпки, и общая глубина фундамента здесь также равна приблизительно 1 *м*. Слой подсыпки прослежен не только внутри апсиды, но простирается на небольшое расстояние (к востоку 15 *см*, а к северу несколько больше) и вне апсиды. Таким образом, подсыпка создавала искусственный подъем уровня поверхности в апсиде и вокруг нее.

Ширина фундаментов церкви около 1,4—1,6 *см*, стенки их слегка наклонны. Кирпичи имеют размер 3,6—3,7×21,0—21,5×31—32 *см* с отклонениями до 2 *см* в обе стороны. Около 20% кирпичей имеют ширину 14—17 *см*. Встречаются также кирпичи, имеющие слегка трапециевидную форму, ромбовидные, с дугой большого радиуса. В небольшом количестве найдены обломки кирпичей толщиной 2,3—2,5 *см*. На торцах кирпичей встречаются выпуклые знаки.

При раскопках найдены обломки плиток для пола с поливой желтого, зеленого или коричневого цвета. Толщина плиток различная — от 1,8 до 3,0 *см*. Найдены также мелкие куски штукатурки с остатками фресковой росписи. Культурный слой на участке церкви, судя по немногочисленным фрагментам керамики, относится к XII в.

В 1967 г. во время раскопок на этом участке М. К. Каргер обнаружил две кирпичные гробницы. Соотношение этих гробниц с церковью на рву неясно. На многих кирпичах гробниц имеются крупные «княжеские» знаки на постелистой стороне.

Для датировки памятника может быть использовано сопоставление его кирпичей с кирпичами церкви на детинце, раскопанной М. К. Каргером в 1966—1967 гг.[25] Некоторые, довольно сложные знаки на торцах кирпичей здесь совпадают настолько точно, что свидетельствуют не просто об общности рисунка, а об использовании тех же деревянных форм-матриц. Этот факт может быть объяснен только работой одних и тех же мастеров-плинфотворителей, а следовательно, чрезвычайной хронологической близостью указанных памятников. Церковь на детинце, несомненно, послужила прототипом смоленской церкви архангела Михаила, возведенной в конце 80-х — начале 90-х годов XII в.[26] Следовательно, полоцкая церковь на детинце была построена немного раньше смоленской, т. е. в пределах 60—80-х годов XII в. Судя по тому, что кирпичи церкви на рву немного больше по размерам, чем в церкви на детинце, можно полагать, что церковь на рву — более ранняя из этих двух построек. Так определяется ориентировочная датировка церкви на рву — третья четверть XII в.

---

[25] *Каргер М. К.* К истории полоцкого зодчества XII в., с. 202.

[26] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков.— В сб.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 23.

Сравнительно небольшое количество изученных памятников и отсутствие более или менее определенных их датировок сильно затрудняют изучение общей картины развития полоцкого зодчества. Тем не менее можно попытаться уже сейчас наметить некоторые, хотя бы самые основные вехи этого процесса. Так, несомненно, что полоцкий Софийский собор, построенный в середине XI в., был возведен силами приезжих, очевидно, киевских мастеров. Исследования последних лет убедительно показали, что полоцкий Софийский собор был значительно ближе киевскому и новгородскому Софийским соборам, чем это казалось раньше [27]. Его необычные западные апсиды, в которых некоторые исследователи видели влияние романского зодчества, оказались поздними, не имеющими никакого отношения к древнему памятнику. У западного фасада полоцкой Софии была обнаружена лестничная башня. О связи с киевскими традициями свидетельствует и строительная техника. Наконец, наиболее убедительным доказательством отсутствия в эту пору в Полоцке собственных мастеров-строителей является тот факт, что после окончания строительства Софийского собора монументальное строительство здесь полностью прервалось не менее чем на полстолетия.

Начало собственного монументального строительства в Полоцке относится к началу XII в. По-видимому, именно тогда был возведен большой собор Бельчицкого монастыря. Близость этого памятника киевской церкви Спаса на Берестове уже обращала на себя внимание историков архитектуры. Здесь совпадают как архитектурные формы, так и строительная техника. В соборе Бельчицкого монастыря выявлены даже такие типичные для киевского зодчества конца XI — начала XII в. технические детали, как деревянные лежни под фундаментом, сбитые на перекрестьях железными костылями. На схеме плана собора, опубликованной Н. Н. Ворониным, притворы показаны квадратными в плане; в действительности они даже по плану ближе киевской церкви (рис. 10). Н. Н. Воронин высказал очень убедительное предположение, что собор Бельчицкого монастыря был построен в 20—30-х годах XII в., т. е. сразу же после церкви Спаса на Берестове [28]. Строителями были, очевидно, киевские мастера.

Но в Полоцке эти зодчие сделали очень существенный шаг по сравнению с их киевскими постройками. В соборе Бельчицкого монастыря они перенесли подкупольное пространство на одно членение к западу, что дает возможность создать строго центрическую объемную композицию. Вряд ли могут быть сомнения, что при таком решении плана храм должен был иметь сильно повышающуюся центральную часть. Подобная композиция, продолжающая традиции ступенчато-пирамидальных объемов памятников эпохи Киевской Руси, в то же время давала широкие возможности для дальнейшей разработки. Киевские мастера, приехавшие в Полоцк, вероятно, во втором или третьем десятилетии XII в., в отличие от строителей Софийского собора не только возвели одно здание в Бельчицком монастыре, но заложили основы развития местного строительства, которое с этого времени ведется в Полоцке непрерывно.

Таким образом, полоцкие князья, получив мастеров-строителей из Киева, смогли обеспечить создание в Полоцке местной строительной артели. Несколько иначе развивалось строительство в Витебске. Церковь Благовещения в Витебске была, безусловно, построена не русскими, а византийскими зодчими. Об этом говорит прежде всего типичная для Византии и совершенно неизвестная на Руси техника кладки из чередующихся рядов тесаного камня и плинфы [29]. Необычна для русской архитектуры

[27] *Булкин В. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М.* Раскопки памятников архитектуры в Полоцке.— АО — 1976. М., 1977, с. 400; *Булкин В. А., Раппопорт П. А., Шолохова Е. В.* Раскопки памятников архитектуры в Полоцке.— АО — 1977. М., 1978, с. 410.

[28] *Воронин Н. Н.* Бельчицкие руины, с. 17.

[29] Впрочем, в Константинополе в XII в. такая техника отличается менее тщательной отеской камней (см., например, *Reusche E.* Polychromes Sichtmauerwerk by-

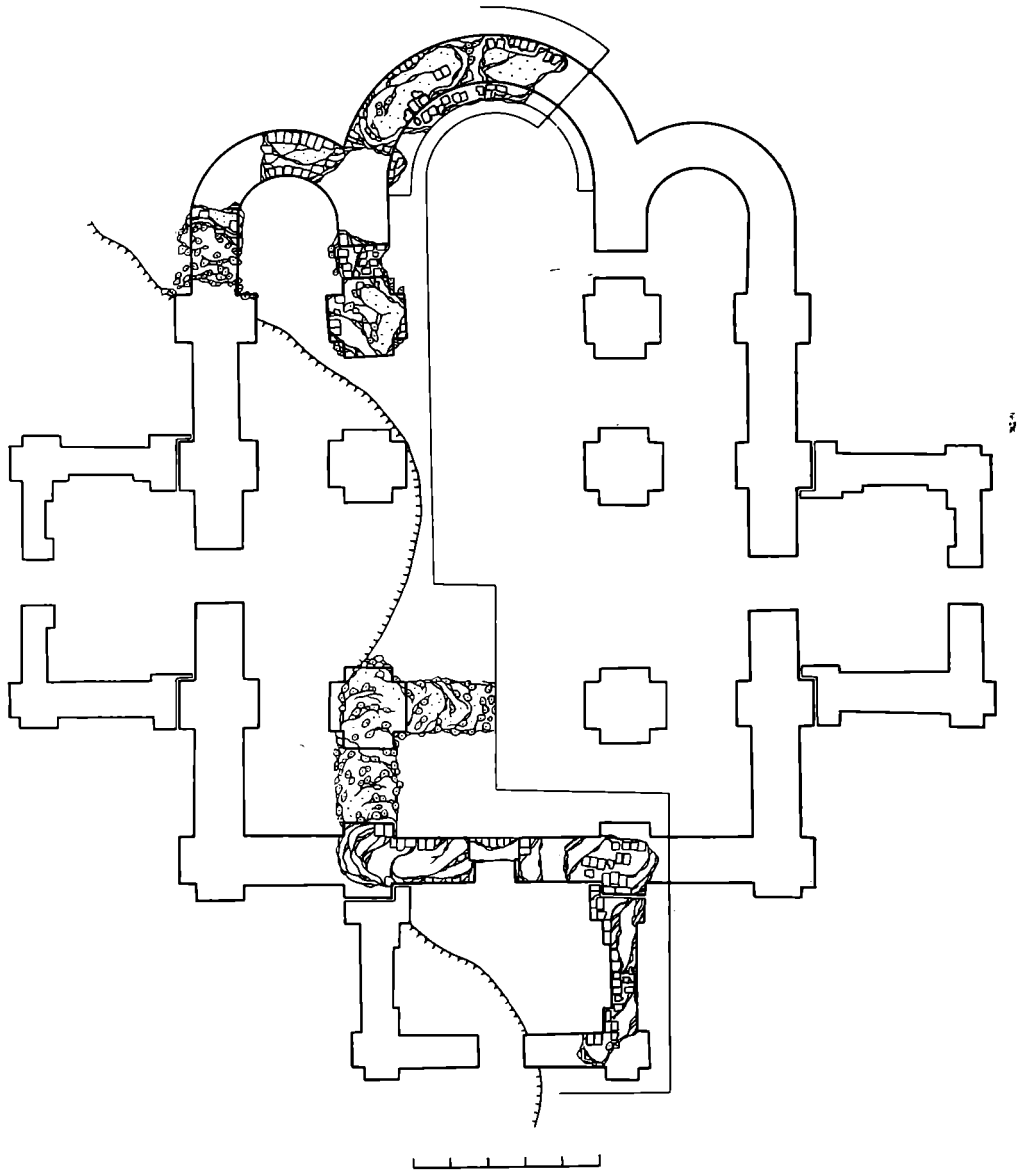


Рис. 10. Большой собор Бельчицкого монастыря. По обмерному чертежу И. М. Хозерова с нанесением данных раскопок М. К. Каргера (1964—1965 гг.)

предшествующей поры и такая особенность плана, как одноапсидность. Наиболее вероятно, что витебский князь привез греческих мастеров с собой, возвращаясь в 1140 г. из Византии, куда он был выслан вместе с остальными полоцкими князьями киевским князем Мстиславом Владимировичем [30].

Так, в 20—40-х годах XII в. в Полоцкой земле появились две самостоятельные строительные артели, ориентировавшиеся на различные архитектурные традиции. Дальнейшая судьба этих артелей оказалась совершенно различной. В Полоцке развитие монументального строительства продолжалось непрерывно, тогда как почерк витебских мастеров мы мо-

zantinischer und for Byzanz beeinflusster Bauten Südosteuropas. Köln, 1971, S. 62). Значительно ближе техника некоторых болгарских церквей, однако относящихся уже, как правило, к XIII в. (*Миятев К.* Архитектурата в средневековна България. София, 1965, с. 149 и др.).

[30] Ипатьевская летопись. ПСРЛ, т. 2. М., 1962, стлб. 293 (6638 г.) и 304 (6648 г.). О том, что сосланные полоцкие князья служили военачальниками в византийской армии см. *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. М.— Л., 1963, с. 142.

жем увидеть еще лишь в одном памятнике, да и то за пределами собственно Полоцкой земли — в Новогрудке[31]. При этом, судя по технике кладки, витебские мастера построили в Новогрудке только само здание церкви, а галерею при этой церкви строили уже мастера из Полоцка. Таким образом, строители, приехавшие из Византии в Витебск, по какой-то причине не создали здесь устойчивой строительной традиции, а ограничили свою деятельность постройкой всего двух церквей — в Витебске и Новогрудке.

Следующими по времени памятниками, построенными в Полоцке, вероятно, являются большой храм-усыпальница в Евфросиньевом монастыре, а вслед за ним церковь на Нижнем замке. Общий характер строительной техники (кладка со скрытым рядом) здесь прямо продолжает традиции собора Бельчицкого монастыря. Конечно, в этих постройках были кое-какие технические новшества: так, например, фундамент в них клали насухо, а не на растворе, однако новшества не настолько велики, чтобы можно было думать о смене мастеров. Очевидно, здесь продолжала работать строительная артель, сложившаяся еще на строительстве Бельчицкого собора, но в архитектурных формах обоих новых памятников безусловно есть черты, свидетельствующие о проникновении каких-то иных архитектурных традиций. Сложная форма плана галерей с расширениями на углах и особенно одноапсидность отличают храм-усыпальницу и церковь на Нижнем замке от всех памятников русского зодчества, возведенных до этого; такие приемы на Руси еще не применялись. Чем можно объяснить эти новшества? Этому может быть несколько объяснений. Вернувшиеся из византийской ссылки полоцкие князья могли привезти с собой византийского зодчего, который мог включиться в работу уже существовавшей здесь строительной артели, внеся некоторые новые элементы но не изменив коренным образом характер деятельности местных строителей. Такое предположение вполне вероятно, поскольку кладка из плинфы со скрытым рядом была широко распространена в Византии, и греческий мастер мог работать так и у себя на родине. Впрочем, учитывая тесные родственные связи полоцких князей с византийским императорским домом (дочь князя Всеслава в 1106 г. была выдана замуж за сына императора[32]), нельзя исключить возможность, что греческий зодчий прибыл в Полоцк еще до ссылки полоцких князей, т. е. до 1130 г. Возможно и другое решение этого вопроса — новые элементы композиции могли проникнуть в практику полоцких мастеров благодаря их творческой взаимосвязи с зодчими, работавшими в пределах того же княжества в Витебске. Витебские мастера применяли другую технику кладки, но в отношении приемов разбивки плана, т. е. чисто композиционных решений, они могли оказать влияние на соседнюю строительную артель.

К середине XII в. в Полоцке сложились исключительно благоприятные условия для яркого развития новых архитектурных форм. Работавшая здесь строительная артель отличалась высоким уровнем мастерства и в полной мере обладала блестящими традициями киевского зодчества. Кроме того, сюда было в какой-то мере привнесено и прямое наследование византийских форм и приемов. И вместе с тем полоцкие зодчие в значительно меньшей степени, чем зодчие большинства других русских земель, были вынуждены повторять киевские образцы. В архитектуре Киева к середине XII в. уже полностью господствовали храмы с статичной композицией объема, с одной массивной главой и спокойным ритмом закомар. Переход к новой кирпичной технике порядовой кладки сопровождался введением совершенно новых элементов декора — мощных полуколонн на лопатках, аркатурных поясков и пр. В Смоленской, Волын-

[31] *Каргер М. К.* Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке, с. 79.

[32] *Мошин В.* Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв.— Byzantinoslavica, IX/I. Прага, 1947, с. 83.

ской, Рязанской землях зодчие полностью повторяли эти формы. В Полоцке было не так; здесь политическая обстановка создавала иные условия, дававшие больше возможностей для самостоятельного творчества. Раннее выделение Полоцкой земли в независимое княжество и почти постоянная его враждебность Киеву не раз отмечались историками как один из важнейших факторов истории Полоцка. Недаром же летописец, описывая под 1128 г. враждебные действия между полоцкими и киевскими князьями, завершил этот текст словами: «И оттоле мечь взимають Рогволожи внуци противу Ярославлим внуком» [33]. Естественно, что в таких условиях несходство храмов, возводимых в Полоцке, с киевскими должно было восприниматься заказчиками скорее как достоинство, чем как отступление от задания.

В отношении строительной техники полоцкие мастера, в противовес киевским, так и не перешли к порядовой кладке, сохранив систему кладки со скрытым рядом. В отношении же архитектурных форм они уже очень рано начали поиск новых композиционных решений, ведущих к полному переосмыслению старой крестово-купольной схемы храма. В такой обстановке полоцкий зодчий Иоанн смог в середине XII в. возвести здание Спасской церкви Евфросиньева монастыря, в котором решительно порвал с традициями и сделал первый, но очень существенный шаг по пути создания архитектурного образа храма-памятника с башнеобразно поднятым центром. Килевидная форма арок и сводов, применение кокошников в основании барабана не только предвосхитили формы, ставшие характерными для русского зодчества конца XII — начала XIII в., но и послужили темой, которую успешно разрабатывали в течение нескольких последующих веков. Роль Спасской церкви в создании форм национального русского зодчества в свое время очень точно охарактеризовал Н. Н. Воронин [34].

Возможно, что Спасская церковь была не первым произведением, где применили новую композицию и новые формы. Очень вероятно, что еще более ранним подступом к решению этой задачи, быть может, созданным тем же зодчим Иоанном, была Борисоглебская церковь Бельчицкого монастыря [35].

Дальнейший путь развития полоцкого зодчества отмечен церковью на рву. Церковь эта, к сожалению, почти целиком уничтожена, и мы не имеем возможности судить о ее плане. Но наличие одной большой и очень сильно вытянутой апсиды несомненно свидетельствуют о каком-то очень своеобразном, не стандартном решении композиции. Вслед за нею были построены церковь на детинце и княжеский терем [36]. В церкви на детинце, созданной, вероятно, в качестве княжеской дворцовой церкви, зодчий продолжал разрабатывать идею, заложенную еще в Спасской церкви — создание динамической, устремленной кверху, в какой-то степени даже башнеобразной композиции. Но за основу композиции церкви на детинце зодчий взял схему не Спасской церкви, а гораздо более раннего большого собора Бельчицкого монастыря, внеся, однако, в эту схему очень существенные изменения. На восточном фасаде церкви на детинце имеется всего одна, но сильно выступающая апсида. В объемном решении памятника апсида эта играет роль, аналогичную роли притворов на остальных фасадах. Это создает строго центрическую композицию здания в целом. Вертикальные членения фасадов подчеркнуты несколько более сложными, чем в Бельчицком соборе, не одно-, а двухуступчатыми лопатками. Живописную сложность объема еще усиливают небольшие апсиды притворов. По сравнению со Спасской церковью цер-

---

[33] Лаврентьевская летопись, 1128 (6636) г.
[34] *Воронин Н. Н.* У истоков русского национального зодчества, с. 260.
[35] *Воронин Н. Н.* Бельчицкие руины, с. 4.
[36] *Каргер М. К.* К истории полоцкого зодчества XII вв., с. 202.

ковь на детинце демонстрирует новую композиционную идею в гораздо более разработанном и законченном виде.

Так, в полоцком зодчестве раньше, чем в других русских архитектурных школах, сложилось новое направление, ставшее к концу XII — началу XIII в. характерным для большинства русских земель. Яркие и выразительные формы полоцких храмов, их великолепное техническое исполнение, по-видимому, создали полоцким мастерам широкую популярность. В конце 80-х — начале 90-х годов XII в. полоцкий зодчий был вызван в Смоленск, где построил княжескую дворцовую церковь архангела Михаила и тем заложил основы создания там замечательной местной архитектурной школы и блестящего расцвета смоленского зодчества. Приблизительно в те же годы полоцкие мастера возвели в Новгороде церковь Петра и Павла на Синичьей горе [37]. Очень вероятно, что полоцкие мастера и в первую очередь плинфотворители принимали участие в создании строительной артели в Гродно.

Таким образом, в 70—80-х годах XII в. полоцкое зодчество оказало очень существенное влияние на развитие архитектуры соседних земель. Но само полоцкое зодчество на этом завершило свое развитие. В конце XII — начале XIII в. здесь, по-видимому, не было построено ни одного кирпичного здания. С чем было связано полное прекращение монументального строительства в Полоцке, пока неясно, но главную роль, вероятно, сыграли такие факторы, как постоянные княжеские усобицы, политическая слабость Полоцка, зависимость его от Смоленска.

Конечно, датировка памятников, перечисленных в настоящем обзоре, и их место в истории полоцкой архитектуры определяются пока очень предварительно. Есть памятники, место которых в этом процессе пока вообще совершенно неясно. И все же основные черты истории полоцкого зодчества начинают постепенно проясняться.

P. A. Rappoport

THE POLOTSK ARCHITECTURE OF THE XIITH CENTURY

Summary

Architecture of ancient Polotsk is one of most weekly studied parts of ancient Russian architecture. The investigation of monuments and their archaeological excavations were carried out in a very small scale and without any general plan. In 1957—1967 M. K. Karger conducted systematic excavations here, but this work was not finished. Archaeological excavations and investigation of architectural monuments of ancient Polotsk were carried out by the expedition, headed by the author. Three monuments of Polotsk architecture of the XIIth century are published in the article. The church-tomb in the former monastery of St. Evfrosinia was partly unearthed by works of M. K. Karger, but in 1976 the conclusive excavations of its eastern part were carried out. Two more monuments — the church at the Lower Castle and the church at the moat — were excavated in 1977 for the first time. The article is concluded by the author's attempt on the basis of all available materials to show the picture of establishment and development of the Polotsk architectural school and to clarify the place of this school in the process of development of ancient Russian architecture.

[37] *Каргер М. К.* Новгород. Л.— М., 1970, с. 109.

Ю. Ф. БУРЯКОВ

К ДАТИРОВКЕ И АТРИБУЦИИ НЕКОТОРЫХ ШАХМАТНЫХ НАБОРОВ

(в свете находок 1977 г. на Афрасиабе)

История шахмат — мудрой игры, получившей широкое распространение среди народов всех стран и явившейся составной частью культуры,— представляет большой интерес. Где зародилась эта игра, как проходило ее распространение и развитие? Со времени первого монументального специального труда Г. Меррея, вышедшего в 1913 г.[1], этому вопросу была посвящена обширная научная и популярная литература [2].

Родиной шахмат большинством исследователей определяется Индия, а отдельными авторами — Китай; в самой игре ученые видят различные истоки — от военной мысли до отражения сложных космологических теорий [3]. В последние годы в качестве ареала формирования шахмат выдвинут более широкий центральноазиатский регион, включающий, в частности, Северную Индию и южные районы Средней Азии [4].

Фактологическая база этих гипотез еще слаба. Возрастающая роль среди источников принадлежит археологическим материалам, без которых, по мнению исследователей, сегодня не могут быть решены вопросы происхождения шахмат и их первоначального развития во многих странах мира [5]. Принципиальный интерес для истории формирования и ранних этапов развития этой игры приобретает выявление и датировка наиболее ранних шахматных наборов. К их числу принадлежит найденный в 1977 г. на городище Афрасиаб в Самарканде набор из семи миниатюрных фигурок слоновой кости [6].

Сопровождающий наши находки материал представлен преимущественно керамическими и стеклянными сосудами, в основном круглодонными котлами и одноручными кру́жками, характерными для второй половины VII — начала VIII в. н. э. Более точную дату дают медные монеты. Это аббасидский фельс самаркандского чекана Дауда бин Гураза

---

[1] *Murray H. J.* A History of Chess. Oxford, 1913.

[2] Обзор литературы см.: *Линдер И. М.* Шахматы на Руси. Изд. 2-е. М., 1975, с. 14—33.

[3] *Орбели И., Тревер К.* Шатранг. Книга о шахматах. Л., 1936; *Gratz H. R.* Schach im Wandel der Zeites. Eine Internazionale Ausstellung in Rahmen XIV Schach Olimpiade. Bildcatalog. Leipzig, 1961; *Needham J.* Science and Civilisation in China, vol. 4, pt. 1. Cambridge, 1962, p. 314—333; *Bidev. P.* Sah — simbol kosmosa. Geneza šaha od kinesce astrologije do indijske mistike. Skopje, 1972.

[4] *Ходжаев З., Дюммель Ф.* Новые данные по истории шахмат.— Шахматы в СССР. М., 1951, № 10; *Майзелис И.* К вопросу о происхождении и развитии шахмат.— Шахматы в СССР, 1952, № 10, 12; *Тургунов Б.* Новые данные к истории шахмат в Средней Азии.— ОНУ, 1973, № 11; *Линдер И. М.* У порога открытия.— СЭ, 1975, № 2.

[5] *Линдер И. М.* Тайна происхождения шахмат.— Шахматы в СССР, 1975, № 11, с. 12.

[6] *Буряков Ю. Ф.* Шахматные фигуры VIII в. с Афрасиаба.— ОНУ, № 9, 1977, с. 35—39; *его же.* Афрасиёб шахмати.— Фан ва турмуш, № 11. Ташкент, 1977, с. 11—12; *его же.* Самаркандские находки.— Шахматы в СССР, 1977, № 12, с. 18—19.

143 г.х. (760—761 г.н.э.); девять монет чекана самаркандского наместника Ашаба бин Яхья, из которых одна 144 г.х. (761—762), такого же типа (в ней читаются лишь сотни) и четыре сильно обломанных, но этого же времени. Все эти материалы позволяют датировать слой с фигурками самым началом второй половины VIII в., а сами фигуры, учитывая стилистические аналогии и длительность употребления (по степени залощенности), не позднее VII в. н. э. Детальное исследование набора позволит уточнить датировку и назначение ряда шахматных фигурок из других находок, хранящихся в собраниях крупных музеев мира.

Остановимся кратко на самаркандских фигурках. Поделки высотой от 2,6 до 4,8 *см* на плоском, овальном в плане основании. Из них одинаковы только две самые маленькие фигурки высотой 2,6—3 *см*, при ширине 1,5—1,6 *см* и длине 1,2 *см* (рис. 1, *1*, *2*). Они изображают пешего воина, припавшего на правое колено. В левой руке его щит неправильной округлой формы с металлическим умбоном в виде многолепесткового цветка. В согнутой в локте правой руке воина оружие типа широкого короткого меча, конец которого опирается на плечо. Фигуры воинов переданы в стилизованной манере, редкими штрихами трактованы детали одежды, прямые прически. Несомненно, в наборе они играли роль пешек.

Третья фигурка (рис. 1, *3*) изображает слона с погонщиком-карнаком на голове. Поделка высотой 3,7 *см* при длине 3 *см* и ширине 1,5 *см* Слон массивных пропорций, завитый в кольцо хобот опущен до земли. Насечкой подчеркнута, вероятно, кольчуга, покрывающая туловище. Погонщик с характерным для набора щитом в левой руке, правая согнута в локте, но предмет в ней неясен. На голове убор типа округлого шлема с рифлением. Позу слона с опущенным до земли хоботом можно считать характерной для ранних шахмат.

Четвертая фигурка высотой 3,7 *см* (рис. 1, *4*) изображает всадника на коне. Несмотря на не очень хорошую сохранность (залощенность правого бока и разрушенность от влаги левого) и стилизованную манеру передачи, можно подчеркнуть ряд характерных особенностей. Всадник имеет прямую посадку с задрапированной, прямо опущенной ногой, свидетельствующей об отсутствии стремени. Лицо, выполненное схематически, выдается вперед. На нем лишь намечены нос, округлые глаза, небольшой рот. Головной убор типа невысокого округлоконического шлема с рифленым переходом к закругленной тулье слегка сдвинут на затылок. Детали снаряжения сохранились фрагментарно. В левой руке характерный щит, в правой — кривое оружие, причем последнее четко показано лежащим навершием на плече. Можно отметить справа сзади воина вертикально опускающийся цилиндрический колчан, а слева за всадником округлый треугольник налучья.

Конь довольно стройных пропорций, с небольшой головой, острым гребешком гривы на холке, показан в легком движении. Из снаряжения его четко очерчена узда, остроугольный поклад потника или попоны и пояски ременной шлеи.

В связи с этой фигуркой следует отметить находку в 1976 г. севернее описанного пункта, но также в пределах соборной мечети еще одной миниатюрной скульптурки. Получена она из раскопа археолога М. Садиева, первичная популярная характеристика принадлежит А. Дильмурадову, неверно определившему ее как мраморную и датировавшему находку VI в. н. э.[7] М. Садиев отнес ее к поделкам из слоновой кости и датировал VI—VIII вв., отметив найденную вместе с ней согдийскую монету VII в. н. э.[8] В действительности фигурка не слоновой кости, а выполнена

[7] *Дильмурадов А.* Ибодатхона устида... Масжид.— Ленин йули, 22 сентября 1976.

[8] *Садиев М.* Шахматная фигурка с городища Афрасиаб.— В кн.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (Тезисы Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте ТаджССР). Душанбе, 1977, с. 65, 66.

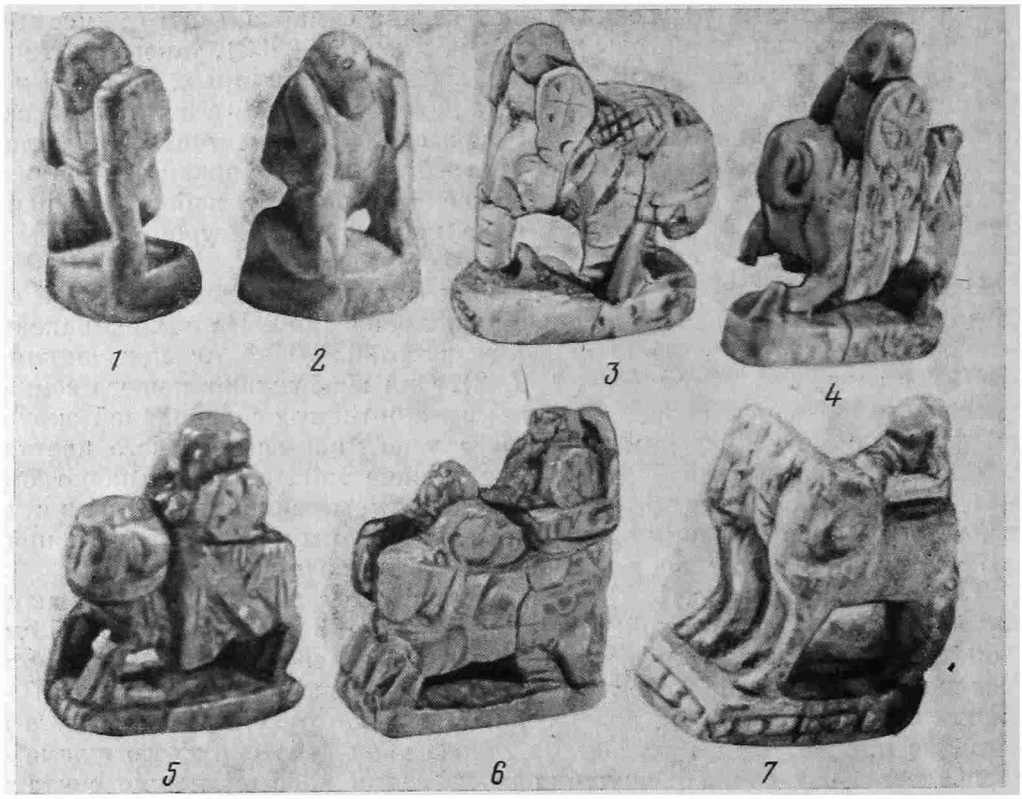
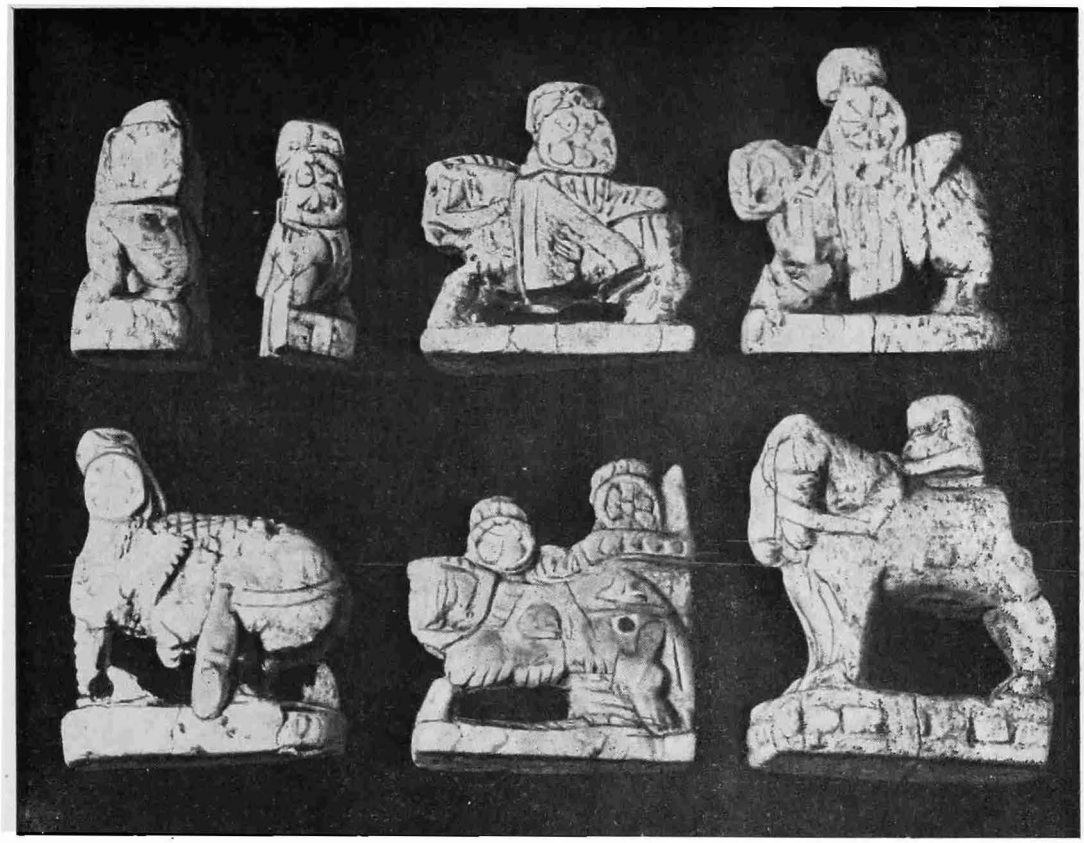
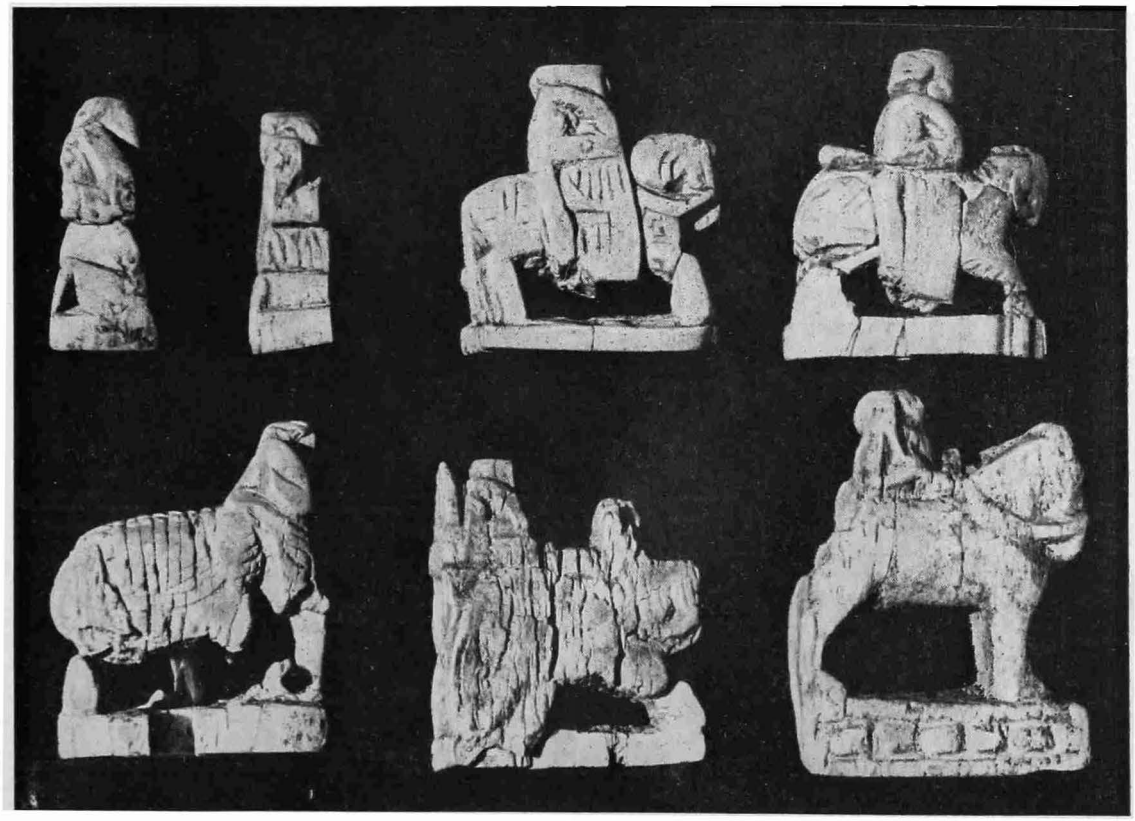


Рис. 1. Шахматный набор, найденный на Афрасиабе в 1977 г.





Шахматный набор, найденный на Афрасиабе в 1977 г.
вверху — вид слева, внизу — вид справа

Советская археология, № 3 (*к статье Ю. Ф. Бурякова*)

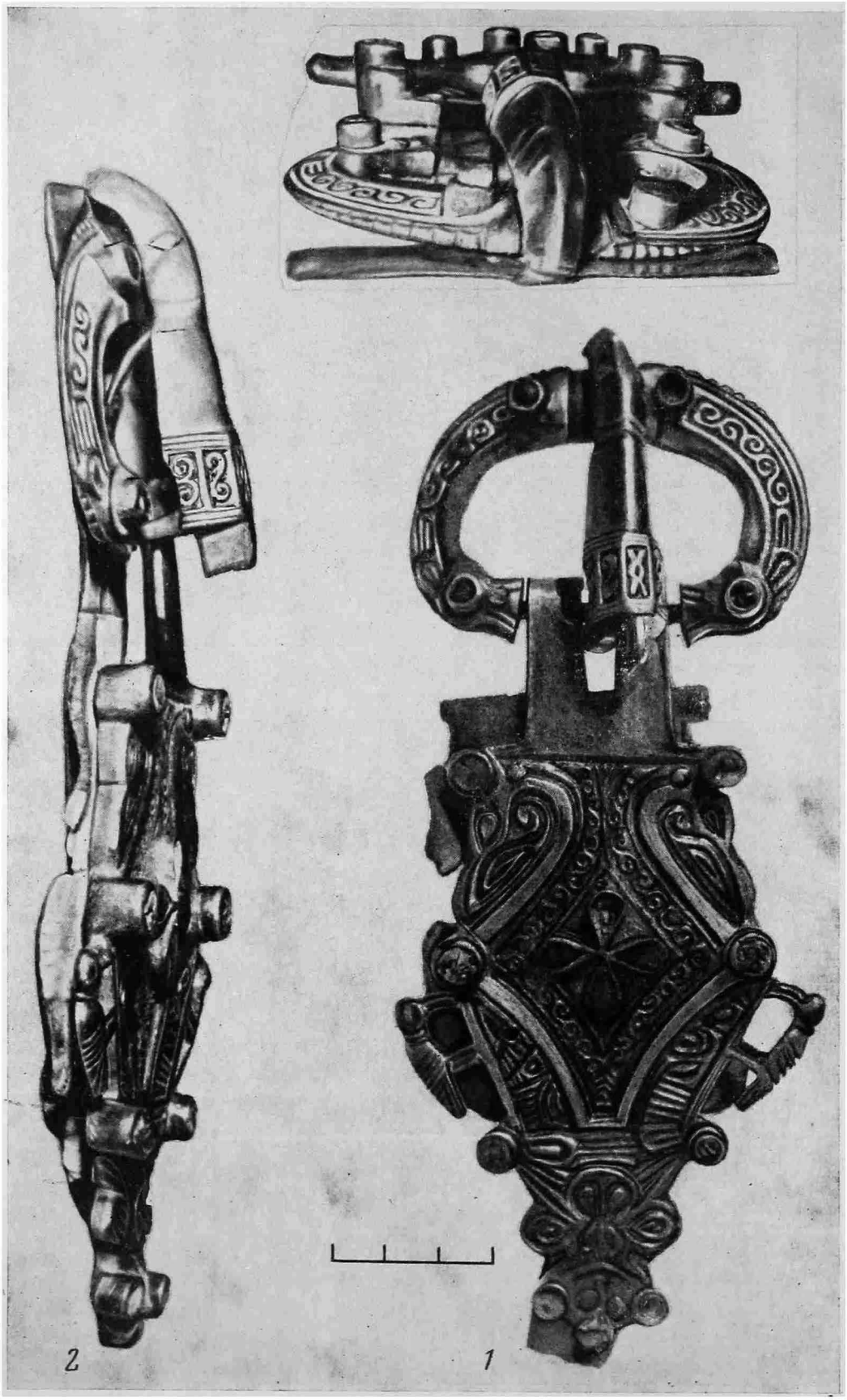


Рис. 2. Серебряная пряжка из склепа 288. Масштаб относится к № *1*

скорее всего из ребра животного. Цвет ее серо-черный, высота 3,3 *см*, длина 2,9 *см*, ширина 0,7 *см*. Фигурка сильно залощена. Она также изображает всадника, сидящего на коне. Лицо и фигура схематичны, но посадка хорошо передает наличие стремян — ноги всадника полусогнуты и вынесены ступнями вперед. В правой руке всадника, вероятно, палица. В левой руке неясный предмет. Конь передан стилизованно. Крупная утяжеленная голова, не проработанное снизу туловище, укороченные ноги. Хвост длинный до пола, как и у нашей фигуры, рельефно показана узда и подчеркнуты детали конского убора (часть попоны, подхвостник, возможно, с украшавшими шлею бляшками). Основание фигурки украшено линией перлов. Помимо монеты для датировки можно исходить из стратиграфического положения поделки. Она извлечена из-под пола мечети, построенной после 712 г., и, учитывая значительную залощенность в использовании, может быть датирована VII в. н. э. При определенной стилистической близости нашему набору она изображает воина на коне уже со стременами. Появление стремян в Средней Азии относится к VI—VII вв. н. э. и связывается с тюрками[9]. Как мы видим, не позднее VII в. появляется изображение всадников со стременами и в шахматах[10].

Рис. 2. Фигурка коня с Афрасиаба (Гос. Эрмитаж)

Эти ориентированные во времени фигурки представляют базу для датировки деталей других наборов. В первую очередь к ним можно отнести интересную по выразительности и реалистичности исполнения фигурку из коллекции Государственного Эрмитажа, найденную на Афрасиабе и приобретенную в 1905 г. у Комаровой[11]. Поделка из слоновой кости довольно крупных размеров высотой 7 *см*, длиной 5,5 *см* и шириной 1,8 *см* на овальном в плане основании, боковая поверхность которого украшена поясом перлов (рис. 2). Фигурка изображает всадника на коне с поднятой в правой руке булавой. Посадка с вынесенными вперед ногами и горизонтальной ступней передает наличие стремян, хотя ни седло ни стремена в натуре не показаны. Всадник с крупной головой, большим слегка приплюснутым носом, округлым головным убором. Очень реалистична передача коня вплоть до украшенного бляшками убора. Фигурка описана И. А. Орбели и К. В. Тревер, которые, обнаружив ряд аналогий в деталях с памятниками сасанидского искусства, отнесли ее осторожно к VIII—IX вв., считая возможным переживание этого стиля в ремесле и искусстве Средней Азии постсасанидского периода[12]. Однако в свете

[9] Кирпичников А. Н. отмечает, что древнейшие стремена известны в IV—V вв. в Корее и Японии. В Восточной Азии их заимствовали тюрки, с которыми стремена хлынули на Запад. См. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XII вв. Л., 1973, с. 43.

[10] Можно допустить период сосуществования традиционных изображений всадников без стремян и со стременами.

[11] Коллекция СА — 14770.

[12] *Орбели И., Тревер К.* Ук. соч., с. 144, 145.

последних находок на Афрасиабе возможно отнесенные фигурки к тому же периоду, с которым связан весь круг аналогий, т. е. к VII в. н. э.

Пятая фигурка наиболее хорошей сохранности (рис. 1, *5*). Она близка по типу к описанной, но более массивна, хотя и меньше по высоте. Высота ее 3,2 *см*, ширина 1,6 *см*, длина 3 *см*. Поделка представлена всадником на львоподобном коне. Переданы характерные черты коня в движении, хвост опущен до пола. Но массивная морда с небольшим носом, округлыми, выпуклыми глазами, густой гривой более характерна для льва Животное взнуздано, седла не видно, но подчеркнуты детали крупной попоны.

Всадник укороченных пропорций, фигура трактована стилизованно. Лицо передано схематично, глаза крупные, округлые, широкий нос слегка приплюснут. Лицо больше похоже на львиную маску. Голова сверху плоско срезана. Посадка всадника прямая, передающая отсутствие стремян. Ноги изображены в виде прямой линии с опущенными носками. Сзади косыми насечками передана ткань одежды или защитный доспех. Эта деталь находит близкие аналогии в искусстве сасанидской эпохи, в частности в изображении сцены Шапура III, поражающего льва, на бронзовом блюде из Эрмитажа [13]. Вдоль ноги его также косыми насечками показана ткань или пояс защитного доспеха. Те же детали можно проследить и в конной фигуре Шапура II [14]. Возможно, деталь эта, изображавшая первоначально ткань, затем используется и в передаче доспеха в виде кольчужных поножей. В левой руке всадник держит круглый щит с умбоном, украшенным семилепестковой розеткой из перлов по краям и в центре. Мотив этот широко распространен в пору раннего феодализма от украшения костюма до деталей конской упряжи в разных материалах от бронзы до штука [15].

В правой согнутой руке, как у большинства фигур, оружие типа однолезвийного короткого меча с изогнутым лезвием. Близких аналогов найти ему не удается, хотя на различных этапах подобное оружие встречено от Ближнего Востока до Северной Европы в V—XIV вв. н. э.[16] Слева на поясе изображены висящие наискосок длинные прямые ножны, не соответствующие форме меча, сзади подтреугольное налучье, справа сзади цилиндрический колчан для стрел. Это снаряжение характерно для сасанидского или согдийского вооружения тяжелой конницы [17].

Поделка находит поразительно точные аналогии с шахматной фигуркой из Ирана (рис, 3, *1*), хранящейся в Метрополитэн музее Нью-Йорка [18]. Крупная, высотой 10 *см*, скульптурка из слоновой кости на овальном в плане, украшенном бордюром из перлов основании изображает всадника, сидящего на фигуре, похожей на льва с широкой мордой, округлым крупом и массивными ногами. Всадник укороченных пропорций, с плоско срезанной головой, выдающимся вперед лицом, выпуклыми глазами и приплюснутым носом.

Косыми насечками передан костюм или защитный доспех. Характерна посадка с опущенными вниз ступнями. В левой опущенной руке округлый орнаментированный щит, тождественный афрасиабским. К сожалению, в публикации представлено фото лишь одной стороны фигурки, поэтому мы не знаем, что у воина в правой руке. Находка ориентировоч-

---

[13] A Survey of Persian Art. London and New York. Sec. Impr., Tokio, 1967, v. VII, pl. 205.

[14] A Survey of Persian Art..., pl. 211.

[15] Ibid., pl. 166, 175 — A.

[16] *Seitz H.* Blahkwaffen. Wützburg, 1965, S. 70, pl. 46; S. 187, pl. 92, 193. Latvijas Archaeologia, DSR, Riga, 1976, tab. 39, *19*.

[17] *Распопова В. И.* Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв.— КСИА АН СССР, № 122. М., 1970, с. 88, 89.

[18] Chess: East and West, Past and Present. Intr. by Ch. K. Wilkinson. New York, 1968, pl. 3.

Рис. 3. *1* — фигурка ферзя из Метрополитэн музея, *2* — фигурка короля из Гос. Эрмитажа

но датирована XI в., однако тождество ее афрасиабскому набору позволяет указать более раннюю дату и отнести фигурку к VII—VIII вв. н. э.

Кроме того, тип всадника со срезанной головой, сидящего на львоподобном животном, найденный в различных пунктах, заставляет считать его характерным для фигуры определенного типа шахматного набора. Вероятно, более прав И. М. Линдер, предложивший трактовать эту фигурку не как коня, а как фарзина-ферзя [19]. Это предположение можно подкрепить этнографическими материалами из шахматных наборов кочевых народов, у которых ферзь изображается в виде льва и даже имеет соответствующий термин «арслан» [20].

Интересна шестая фигурка высотой 3,4 *см*, шириной 1,3 *см*, длиной 3 *см* (рис. 1, *6*). Она изображает двух всадников, сидящих на тройке лошадей. Первый, погонщик, сидит на холке. Слева он прикрыт характерным для набора щитом. Изображение правой, расслоившейся стороны не сохранилось. Вторая фигура сзади более крупных размеров, изображает всадника, сидящего в богато украшенном кресле, представляющем собой редуцированную колесницу. Кресло имеет прямо поставленную спинку, закругляющуюся сверху. Основание сзади и подлокотники кресла украшены пояском перлов. Всадник держит в левой руке щит, в правой — кривой короткий меч. Проработка всадников схематична. Лошади имеют три головы, но далее идут два туловища. Четко прорисована их сбруя от уздечек до подхвостников, высокие холки с гривами, опущенные до пола хвосты. Судя по значению, фигура обладала большими боевыми качествами. Учитывая это и исходя из современных свойств фигуры, мы пред-

[19] *Линдер И. М.* Ценное открытие.— Шахматы в СССР. М., 1977, с. 20.

[20] *Кочешков И. В.* Шахматы у монголоязычных народов XIX—XX вв.— СЭ, 1972, № 1, с. 133, 134, рис. 1, *4—5* на с. 133.

положили, что она обозначает ферзя[21]. Однако анализ древних правил показал, что на ранних этапах самой могучей фигурой являлась ладья-рух. Интересно сравнительное описание этих фигур в «Шахнаме» Фирдоуси[22].

Наставник в сраженье близ шаха идет
И только на клетку уходит вперед...
А рухов не может никто обогнать
Дано им все поле насквозь пролетать.

И. А. Орбели и К. В. Тревер считали ладьей-рухом хранящуюся в Эрмитаже фигуру из слоновой кости, изображающую хищную птицу, клюющую другую, возможно утку[23]. Фигурка высотой 5 *см*, шириной 2,5 *см*, толщиной 2,8 *см* найдена в Фергане (Чуст) в 1885 г. и поступила в Эрмитаж из коллекции Н. И. Веселовского[24]. Подставка неустойчива, но внизу есть гнездо для штыря, на который она когда-то была насажена. Наличие костяных наверший подтверждается этнографически.

На основании этого авторы высказывают мысль о замене рухом «незнакомой и чуждой строю сасанидского войска боевой колесницы в порядке замены конкретного, но чуждого образа фантастическим, но близким и хорошо знакомым»[25]. Однако материалы показывают, что замена была частичной: хотя в некоторых регионах стал господствовать новый термин, все же у ряда народов трансформированная колесница осталась символом ладьи. Так, у монголов вплоть до наших дней ладья изображается в виде повозки, запряженной парой лошадей. Иногда она заменяется повозкой, запряженной быками[26]. И если рассматривать этапы стилизации шахматных фигур, то, конечно, от данной фигуры, а не от птицы рух, «у которой остались лишь обрубки крыльев в виде верхних выступов», надо выводить арабскую средневековую ладью, в выступах которой проступают головы коней и навершие колесницы, а в двух средних складках — возничий и воин[27] или просто остаются два крупных выступа при S-образном прогибе[28].

Седьмая фигурка несколько крупнее остальных и отличается деталями (рис. 1, 7). Высота ее 4,1 *см*, длина 3,2 *см*, ширина 1,7 *см*. В ней представлен невооруженный всадник, сидящий на тройке лошадей. Левой рукой он сжимает поводья, в правой — булава. Как и в предшествующей фигуре, три головки лошадей переходят в два туловища. Ни седла, ни украшений на лошадях нет, но они стоят на высоком основании с бордюром из перлов. Крупные размеры фигуры, наличие символов власти и полное отсутствие вооружения позволяют предположить, что перед нами король.

Однако изучение фигур из восточных коллекций музеев позволяет выделить короля ранних наборов, трактуемого и в ином плане. Особый интерес в этом плане представляет хранящаяся в Государственном Эрмитаже фигурка, упоминаемая в качестве пешки[29], хотя и не получившая детального описания в научной литературе. Поделка из слоновой кости (рис. 3, *2*). Точное место находки ее неизвестно, но поступила

[21] *Буряков Ю. Ф.* Шахматные фигуры..., с. 37.
[22] Перевод И. М. Дьяконова. Цит. по кн.: *Орбели И., Тревер К.* Шатранг..., с. 193.
[23] *Орбели И., Тревер К.* Ук. соч., с. 145.
[24] Коллекция СА — 14769.
[25] *Орбели И., Тревер К.* Ук. соч., с. 146, 147.
[26] *Кочешков Н. В.* Шахматы у монгольских народов..., с. 133, 134.
[27] Ср. *Линдер И. М.* Шахматы на Руси. М., 1975, с. 29. Им же впервые в связи с находкой нашего шахматного набора на Афрасиабе высказано предположение о данной фигуре как исходной для последующей стилизации. См. *Линдер И. М.* Ценное открытие..., с. 20.
[28] Арабские шахматные фигуры VIII—IX вв. См. *Линдер И. М.* Шахматы на Руси, рис. на с. 28, 29, ладья.
[29] Фигурки из среднеазиатской коллекции. Шифр СА — 2184; см. *Линдер И. М.* Шахматы на Руси, рис. на с. 28.

она из коллекции В. Н. Кастальского, что позволяет, учитывая круг его интересов, предполагать ее афрасиабское происхождение. Фигурка размером 4,5×3×1,5 *см* изображает сидящего мужчину. Лицо выполнено схематично, намечены лишь крупные глаза, и рельефно показаны уши. На голове низкий головной убор с проработкой сверху граней как у тюрбана. На шее крупное ожерелье. Торс с резким сужением к узкой талии, перетянутой поясом. Мужчина сидит, вероятно, подложив под себя правую ногу (она не сохранилась) и выставив левую прямо. Левая рука свободно лежит на колене, правая не сохранилась. Сама манера передачи фигуры с крупной широкой грудью и узкой талией характерна для изображения дихканской верхушки и знатного воинства Согда. Это прослеживается, например, в изображении дихканской верхушки в монументальных росписях Согда, на Афрасиабе, на щите с горы Муг и др. Принадлежность к знатному сословию подчеркнута и крупным ожерельем. Однако сохранившаяся фрагментарно подставка фигуры очень неустойчива. Несомненно, это лишь часть фигуры. Анализ ранних шахматных наборов показывает, что невооруженной фигурой был лишь король. Если учесть и характер изображения в виде знатной персоны, атрибуция его как пешки не представляется возможной. Для ее понимания интересно привлечение шахматной фигуры, хранящейся в национальном кабинете медалей Франции (рис. 4). Это крупная, высотой 15,5 *см* скульптурная группа, в центре которой —царь, сидящий на слоне в открытом паланкине типа трона-тахта. Вокруг восемь пеших воинов и четыре конных фигуры. По описанию слон хватает хоботом акробата [30]. Однако фактически изображена сцена битвы. С головы слона свешивается убитый погонщик-карнак, а слон хватает хоботом воина противника, стаскивая его с коня. Но обратимся к фигуре короля. Он сидит в свободной позе, подогнув под себя одну ногу и слегка выставив вперед другую. Рука покоится на колене. На голове его корона или богато расшитый тюрбан, на шее — крупное ожерелье. Нельзя не отметить, что положение фигуры, поза и даже детали украшений совершенно аналогичны поделке из Эрмитажа. Правда, уровень исполнения значительно выше. Перед нами завершенная миниатюрная скульптурная группа с тщательной проработкой всех деталей от отделки лица, волос, усов, короны короля, до тщательной разделки конского убора и конного воинства, их оружия. И это не случайно: фигурка по традиции относилась к набору из подарка халифа Гаруна ар-Рашида королю Карлу Великому. Датировалась она в пределах от IX в. (около 800 г. н. э.) до эпохи Акбара и трактовалась как индийская пластика с сигнатурой арабского резчика. На основании ее сохранилась надпись: «амала Юсуф ал Бахили». Чтение лакаба не совсем уверенное, но почерк считается архаическим, характерным для IX—X вв.[31] Бахилийцы известны по источникам. Они населяли район Басры, упоминаются среди начальников арабских военных отрядов, выступавших в Индию, среди приближенных халифов, философов, поэтов, литераторов VII—IX вв.[32] Однако в последние годы большинство исследователей склоняется к поздней датировке фигуры. Занимавшийся миниатюрой Индии Моти Чандра отметил, что костюмы воинов по аналогии с персидской миниатюрой могут быть отнесены к периоду 1300—1560 гг., а орнамент круглого основания (перлы) найден в другом персидском манускрипте того же времени [33]. Поэтому исследовавший данную фигурку Д. Барре считает ее произведением гуджерат-

[30] L'Islam dans les collections nationales. Paris, 1977, p. 150, 151, p. 27.

[31] *Barrett D.* Note on the Elephant Ivory in the Cabinet des Medailes.— Oriental Art. New Series, № 1, 2. London, 1955, p. 51.

[32] *Zambauer.* Manuel de génealogie et de chronologie. Hannover, 1927, p. 279; Encyclopaedia of Islam, 2-nd ed., vol. 1, p. 920 — «Bahila».

[33] *Chandra Moti.* Jain Miniature Paintings from Western India. Ahmedabad, 1949, p. 123, fig. 136.

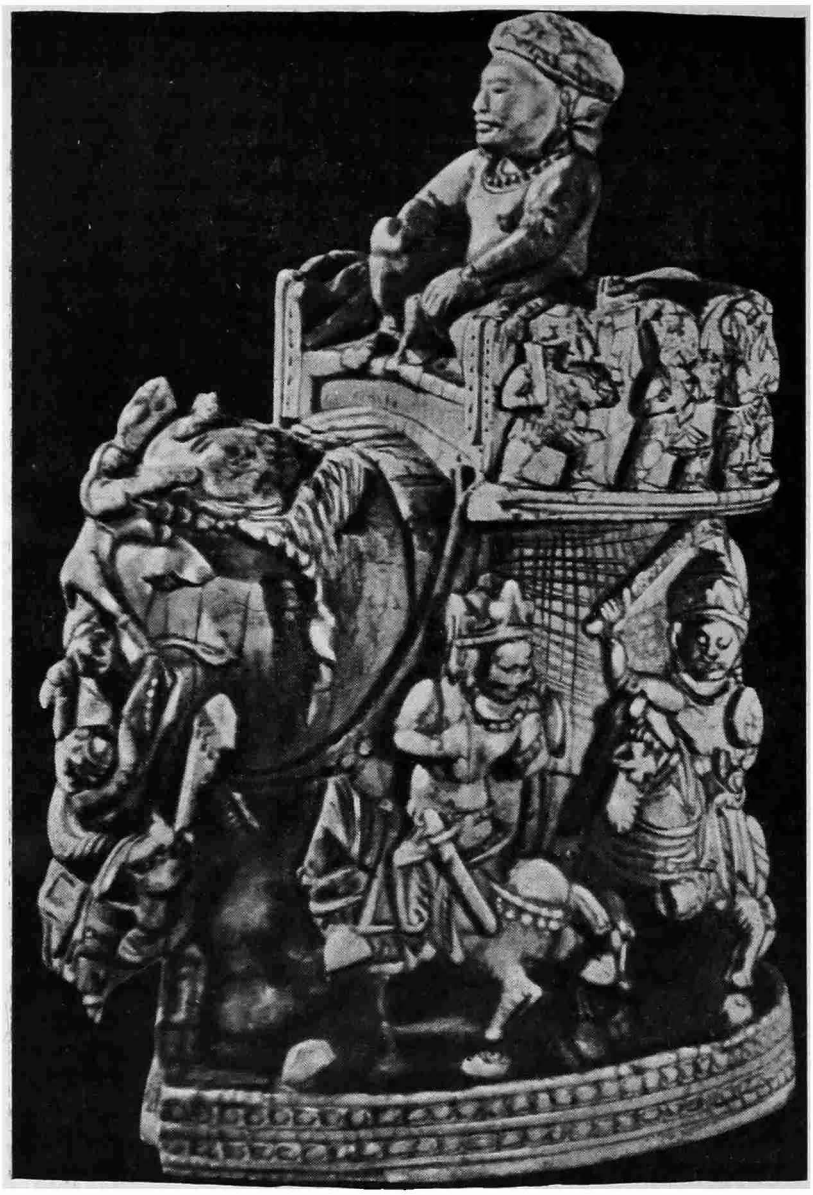


Рис. 4. Фигурка короля из кабинета медалей (Франция)

ского искусства XV в.[34] Эта точка зрения сохранилась и в современных описаниях и каталогах данной коллекции [35]. Однако и выполненная типичным саманидским куфическим стилем надпись и орнаментальные детали — передача попоны или кольчуги слона, конского убора, разделка основания перлами, некоторые элементы одежды — находят довольно близкую аналогию в наших комплексах, а главное, сам реалистический стиль изображений позволяет вновь вернуться к ранней датировке в пределах IX в. Ранняя дата (IX в.) принята для данной фигурки и Э. Кюнелем, рассматривавшим шахматные наборы в составе исламского искусства Востока и нашедшим в пользу этого ряд дополнительных аргументов [36].

---

[34] *Barrett D.* Op. cit., p. 51.

[35] L'Islam dans les collections..., № 377.

[36] Die islamischen Elfensculpturen VIII—XIII Jahrhundertm bearbeitet fon Ernst Kühnel. Berlin, 1971, S. 1, 30—31, Taf. VI—VII, № 17*a*, *b*, *c*, *d*, *e*.

Тождественность изображения всадников данной фигурки и поделки из Эрмитажа дает основание считать последнюю также частью фигуры короля. В этом плане следует отметить и известную в литературе фигуру как называемого Elephant rook — «Руха-слона» из частной коллекции д-ра Ф. Р. Мартина [37]. Фигурка из слоновой кости высотой 6 *см*, изображающая слона с троном на спине и покрытого стилизованно переданным ковром или попоной. Хоботом он перехватывает какое-то животное. По аналогии с фигурой из коллекции Карла Великого слон-рух датируется XV в. Однако изображение трона-паланкина на спине заставляет предполагать в нем не слона-руха, а часть королевской фигуры, на которой должен сидеть всадник типа воина из Эрмитажа. И хватает он хоботом, вероятно, схематично переданного всадника противника, как это представлено на фигуре из набора Карла Великого. Это стилизованная передача характерной фигуры IX в., причем стилизация, не утерявшая зримых черт оригинала. И она не должна быть удалена во времени, особенно учитывая, что перед нами экземпляр рядового, а не царского подарочного набора.

Анализ древнейших шахматных фигур позволяет утверждать, что шахматы зародились и развивались в первую очередь как военная игра, сражение двух армий, завершающееся поражением одного из правителей, что между прочим подчеркивается в ранних поэтических произведениях.

В процессе развития игры совершенствовались правила, ее теоретические и стратегические возможности. Шахматы получили широкое распространение среди различных слоев населения восточных стран, несмотря на отрицательное к ним на первых порах отношение ортодоксальных мусульманских требований. В то же время, с одной стороны, под влиянием догм ислама, не разрешавшего изображение живых существ и в первую очередь человеческих фигур [38], но в еще большей мере и в связи с демократизацией шагнувшей в народные массы игры происходит быстрая стилизация фигур. И уже начиная с IX в. в наборах шахмат в лучшем случае остаются фигуры животных, а чаще появляются такие упрощенные наборы, в которых трудно узнать прототипы. К их числу могут быть отнесены и стеклянный конь из слоя XI—XII вв. Афрасиаба [39], и фигурка слона XI в. из национального музея Борджелло во Флоренции [40], и стилизованный набор поделок из слоновой кости X в. с городища Хульбук в Южном Таджикистане [41].

Yu. F. Buryakov

ON THE DATING AND ATTRIBUTION OF SOME CHESS SETS
(In the light of finds of 1977 at Afrasiab)

Summary

The article is devoted to the analysis and dating of a unique chess set, found during the author's excavations at the territory of a cathedral mosque at the fortified settlement Afrasiab in Samarkand in 1977. Basing on this find the author attributes a series of chess figurines from the Middle Asia and its neighbourhood from different museums. The collection of 7 ivory figurines from Afrasiab is a unique early medieval complete chess set. The analysis of figurines and accompanying material let the author say, that the set was made not later, than the VIIth century A. D., and buried in the cultural deposit in

---

[37] A Survey of Persian Art..., vol. IV, pl. 1435 B.

[38] *Линдер И. М.* Шахматы на Руси, с. 28, 29.

[39] *Обельченко О. В.* Шахматный конь с городища Афрасиаб.— ОНУ, 1969, № 6, с. 47, 48.

[40] A Survey of Persian Art, vol. VI, pl. 2661.

[41] *Гулямова Э.* Хульбук — столица Хутталя. Душанбе, 1969, с. 20—26.

the middle of the VIIIth century A. D. Made in a realistic manner, the set characterizes the role of every figure in the period of the establishment of the chess game, and, in accordance with the written sources, let the author claim, that chess appeared and developed first as a military game, a battle of two armies with the more and more complicated tactics and strategy and the change of role of different figures in the process of improving of the rules. Basing on the Samarkand set, the author made an attempt of dating and attribution of some figurines from other sites of Middle Asia and its neighbourhood. The analysis of asynchronous collections shows, that in the process of development of the game, in parallels with the improving of the rules and changes of role of some figures, in the IXth—XIIth centuries, under the influence of the Islam dogmata and the democratization of the game a stylization of figurines takes place, as a result of which it was impossible to recognize their prototypes in some cases. The find of chess at Afrasiab let the author trace real ways of evolution of chess figurines from the VIIth till the Xth—XIIth centuries A. D.

Публикации

В. С. ГОРБУНОВ, М. Ф. ОБЫДЕННОВ

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ЮЖНОЙ БАШКИРИИ

В 1972 и 1974 гг. совместной экспедицией Башкирского государственного университета и Педагогического института исследован Красногорский курганный могильник[1]. Памятник находится на восточной окраине дер. Красногорка Мелеузовского р-на БАССР, в 3 *км* от известных Береговских поселений абашевской культуры. Курганы располагаются на первой надпойменной террасе правого берега р. Белой перед входом в неширокое ущелье, образованное отрогами Уральских гор. Высота террасы над поймой 2 *м*. Терраса в месте расположения курганов слабо понижается в сторону поймы, поэтому западная сторона насыпей всегда выше восточной, часто сливающейся с поверхностью. На небольшой площади 100×120 *м* зафиксировано 14 насыпей, расположенных компактной группой (рис. 1).

Насыпи курганов округлой формы, диаметром от 6 до 10 *м* и высотой 0,1—0,3 *м*, очень плохо заметны на поверхности. Выделяется кург. 6, имевший овальную форму (14×8,5 *м*), вытянутый с запада на восток, высотой 0,4 *м*. Насыпи курганов состоят из спрессованного гумуса с гравием черного цвета. Погребенная почва отличается от насыпи в основном по степени твердости и в ряде случаев по линзам могильных выбросов. Подстилающий слой — красноватый материковый гравий, из которого сложено основание террасы.

В течение 2 лет исследовано 13 насыпей. Не раскопан лишь кург. 10 диаметром 9 *м*, имеющий в центре воронку грабительской ямы.

Курган 1. Диаметр 9, высота 0,2 *м*. Погребение 1. В южной поле насыпи в древней почве скорченно на правом боку, головой на запад лежал скелет ребенка. Вещей при погребении не обнаружено.

Погребение 2. В центре кургана выявлена яма правильной формы простой конструкции; размер 2,3×1,3, глубина 0,65 *м*[2]. Могила ориентирована по линии С — Ю с отклонением к востоку. На дне в северо-западной части могилы обнаружены беспорядочно разбросанные кости человеческого скелета (рис. 2, *1*). В юго-восточном углу лежали ребра барана[3], поверх которых находился бронзовый кинжал киммерийского

---

[1] *Васюткин С. М., Горбунов В. С.* Экспедиция Башкирского государственного университета.— АО — 1972. М., 1973, с. 170; *Васюткин С. М., Горбунов В. С., Калинин В. К., Обыденнов М. Ф.* Работы в Башкирии — АО — 1974. М., 1975, с. 140; *Обыденнов М. Ф.* Курганный могильник черкаскульской культуры. Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание (тезисы). Казань, 1974, с. 20, 21.

[2] Здесь и в дальнейшем глубина дается от уровня погребенной почвы.

[3] Определено старшим научным сотрудником биологического факультета Башкирского университета А. Ф. Маматовым.

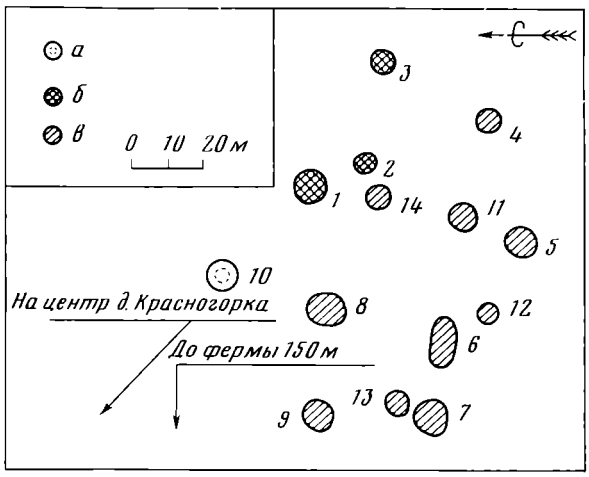


Рис. 1. План I Красногорского курганного могильника. *а* — нераскопанный курган; *б* — курганы, раскопанные в 1972 г.; *в* — курганы, раскопанные в 1974 г.

типа (рис. 3, *2*). В южной поле кургана на уровне погребенной почвы найдено несколько фрагментов керамики (рис. 3, *5*, *7*).

Курган 2. Диаметр 6, высота 0,2 *м*. Южнее центра кургана выявлено два детских погребения. Погребение 1. В могиле размером 0,9×0,4 и глубиной 0,3 *м* лежал скелет вытянуто на спине головой на З—СЗ. Следы растительного тлена на костях и на дне ямы указывают, что умерший был обернут, возможно, лубом.

Погребение 2 располагалось в 2 *м* к западу от первого. Могила размером 1,2×0,6 и глубиной 0,35 *м* содержала костяк, лежащий на спине головой на З—СЗ. Вещей в обоих погребениях не найдено.

Курган 3. Диаметр 7, высота 0,25 *м*. В центре расчищена могила размером 2×0,8, глубиной 0,65 *м*. На дне вытянуто на спине, головой на З—СЗ лежал скелет взрослого человека. Правая рука покойного прижата к туловищу, левая слегка отброшена в сторону. В ногах находилась большая известняковая плита правильной прямоугольной формы размером 30×30×15 *см*.

Курган 4. Диаметр 7, высота 0,12 *м*. Южнее центра кургана на погребенной почве найдены три кости конечностей человека. В 1,5 *м* юго-восточнее на том же уровне лежал бронзовый прорезной наконечник копья (рис. 3, *1*). Могильной ямы под курганом не обнаружено.

Курган 5. Диаметр 9, высота 0,2 *м*. В северной поле насыпи найдены два неорнаментированных фрагмента керамики. В юго-восточном секторе на погребенной почве на расстоянии 1,75 *м* друг от друга найдены два человеческих черепа. Рядом с одним находилась бедренная кость. В восточной части кургана рядом лежали берцовые кости, а поверх них — сломанная нижняя челюсть. Южнее найдена вторая нижняя челюсть.

Погребение 1. В западной поле кургана в погребенной почве лежал костяк плохой сохранности, на левом боку в слабо скорченном положении, головой к югу. Восточнее этого погребения по одной линии с ним выявлены две могильные ямы, ориентированные по линии С—Ю.

Погребение 2. Могильная яма размером 1,76×0,85 и глубиной 0,25 *м* оказалась разграбленной. След грабительской ямы хорошо прослеживался в восточной стенке могильной ямы. Над южной частью могилы найден череп, над центром ее — кость конечности.

Погребение 3 располагалось в центре кургана. Могила имела размеры 2,3×0,95 и глубину 0,38 *м*, дно ее уложено крупной галькой. Скелет мужчины старше 55 лет[4] лежал вытянуто на правом боку, головой на юг (рис. 2, *2*). Руки согнуты в локтях, кости у лица. Ноги перекрещены. Перед лицом погребенного найдена бронзовая бляшка с ушком на обороте (рис. 3, *4*).

Курган 6. Насыпь вытянута с востока на запад, размеры 14×8,5 *м*. Выявлено шесть погребений (рис. 4).

Погребение 1. В западной части кургана на погребенной почве найден фрагмент стенки сосуда, орнаментированный двумя рядами наклон-

[4] Определение А. В. Шевченко.

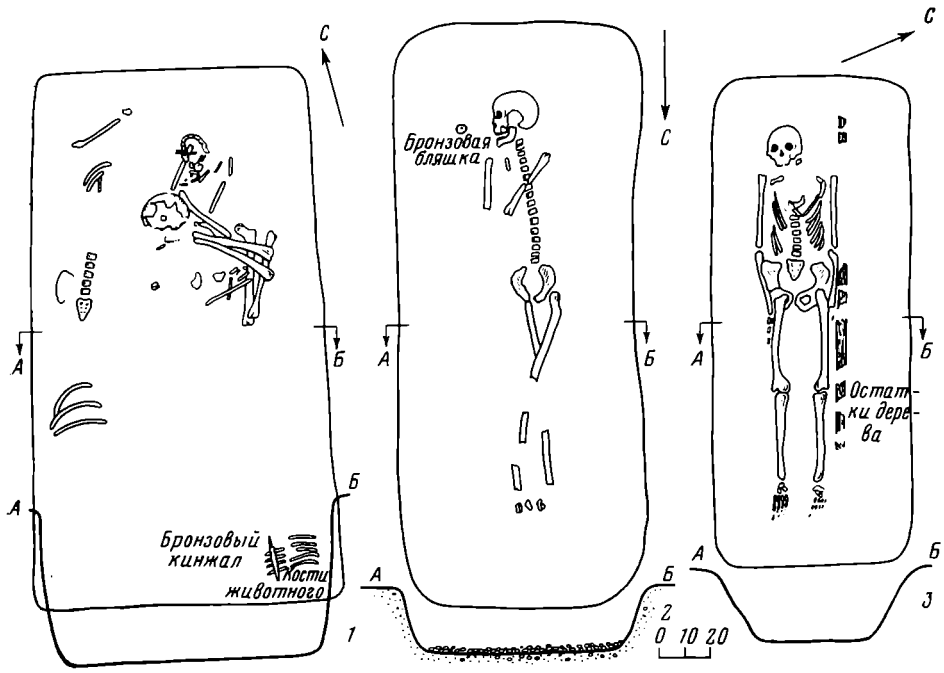


Рис. 2. Планы погребений. *1* — кург. 1, погр. 2; *2* — кург. 5, погр. 3; *3* — кург. 11, погр. 1

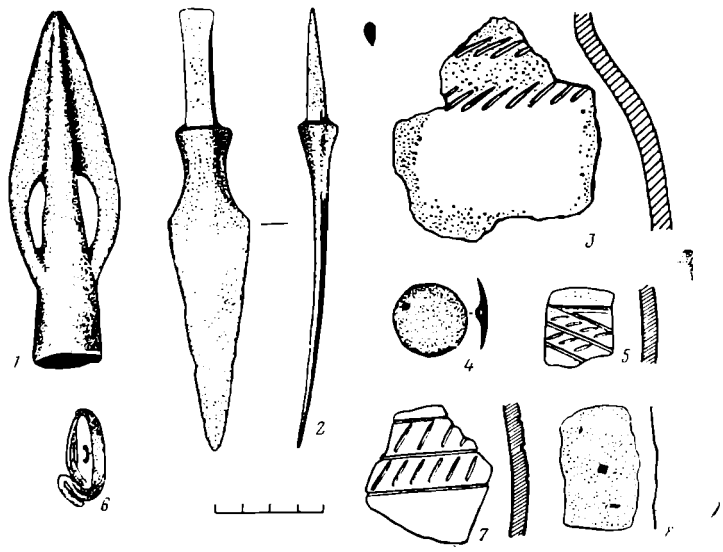


Рис. 3. Бронзовый и глиняный инвентарь. *1*— кург. 4; *2* — кург. 1, погр. 2; *3* — кург. 6, погр. 1; *4* — кург. 5, погр. 3; *5*, *7* — кург. 1, насыпь; *6* — кург. 13; *8* — кург. 1, насыпь

ных насечек (рис. 3, *3*). В 2 *м* к северу на том же уровне в беспорядке лежали кости ног и череп ребенка. Рядом обнаружено 10 мелких неорнаментированных обломков от одного сосуда. В 2,5 *м* к западу найдена часть днища от этого же сосуда. Днище без закраин диаметром 14 *см*.

Погребение 2. Рядом с центром кургана выявлено второе подобное же захоронение, в котором почти полный скелет (кости собраны в кучу) лежал на уровне погребенной почвы. Южнее черепа мужчины старше 55 лет найдены крупные обломки большого сосуда. Сосуд реконструирован (рис. 5, *3*).

Погребение 3 совершено в могиле овальной формы, размером 1,1× ×0,55, глубиной 0,35 *м*. Костяк ребенка лежит вытянуто на спине, го-

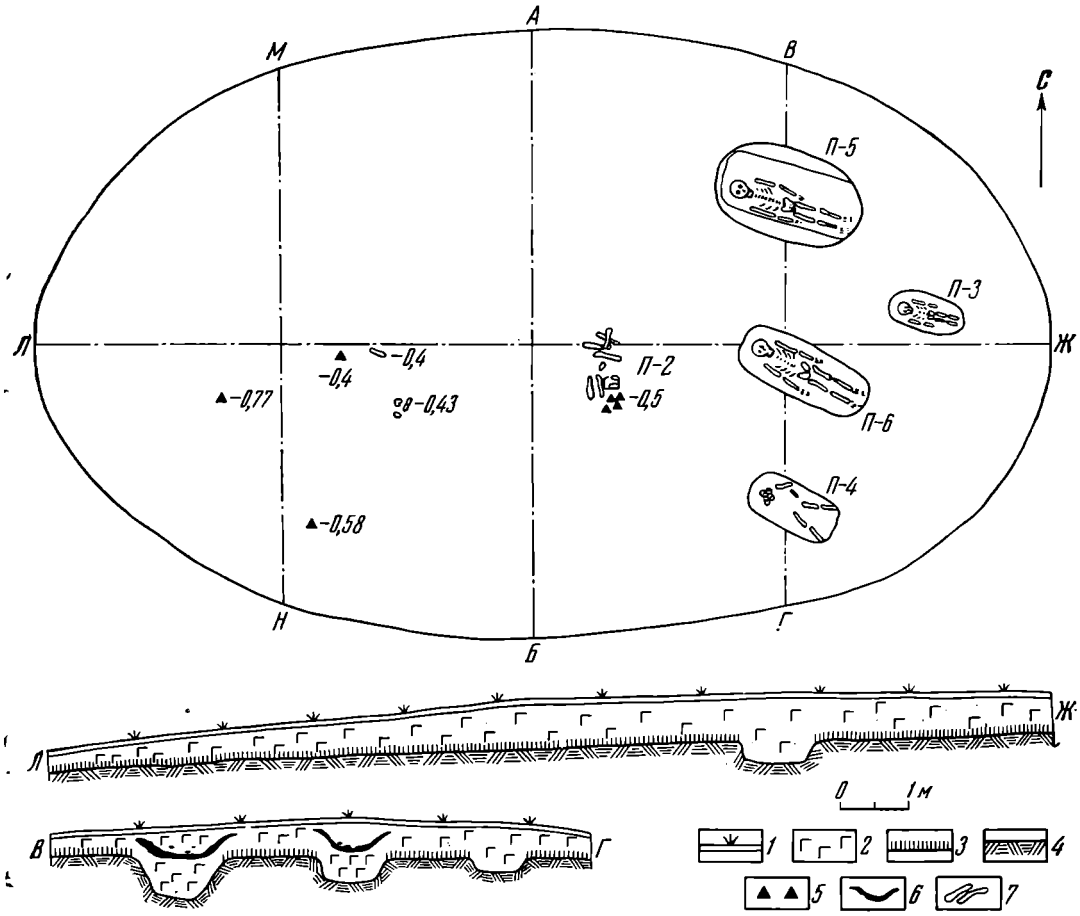


Рис. 4. План кургана 6. *1* — дерн; *2* — гравий; *3* — погребенная почва; *4* — материк; *5* — фрагменты керамики; *6* — светлый песок; *7* — кости

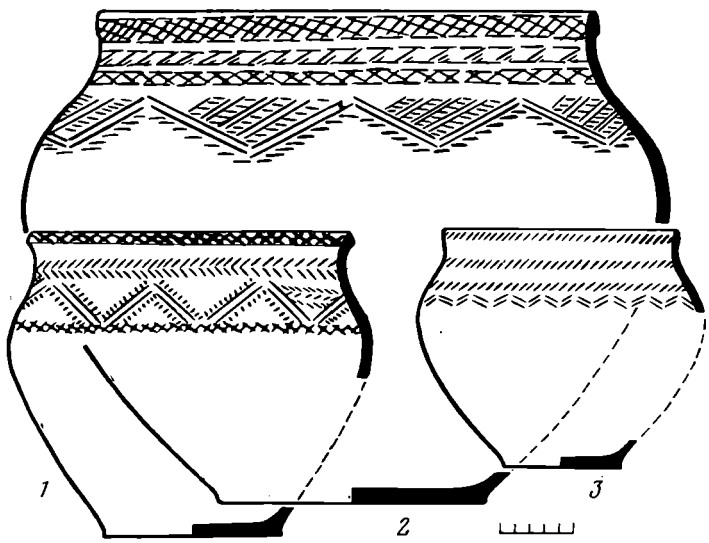


Рис. 5. Реконструкции сосудов. *1* — кург. 8; *2* — кург. 7, погр.; *3* — кург. 6, погр. 2

ловой на З—СЗ. Слева от нижней челюсти лежал крупный булыжник. Второй булыжник найден в ногах.

Погребение 4. Могила размером 1,25×0,62 *м* углублена на 0,4 *м*. На дне находились кости неполного детского скелета. Череп расколот надвое. Позвонки, ребра, тазовые кости отсутствовали. Вероятно, покойник был положен на спину, головой на З—СЗ.

Погребение 5. Могила размером 2×0,8, глубиной 0,8 *м* была перекрыта поперек на уровне древней почвы плохо сохранившимися бревнами. Над могилой в насыпи кургана выявлена площадка из светлого песка, частично провалившаяся центральной частью в могилу. На дне лежал костяк мужчины в возрасте около 50 лет, вытянуто на спине, головой на З—СЗ.

Погребение 6 располагалось между погр. 4 и 5, образуя с ними один ряд. Размеры могилы 1,8×0,75, глубина 0,52 *м*. В насыпи кургана над могилой сооружена площадка, подобная описанной выше. На уровне материка виден след от бревна, положенного вдоль северного края могилы. На этом же уровне найдено несколько человеческих костей, не относящихся к погребению могилы. Покойный мужчина в возрасте 35—45 лет был положен на спину, с прижатыми к телу руками, головой на З—СЗ. Вещей в погребениях 3—6 не найдено.

Курган 7. Диаметр 10, высота 0,3 *м*. В юго-западном секторе на уровне погребенной почвы выявлены лежавшие в беспорядке кости скелета. Юго-западнее обнаружены обломки разбитого сосуда (рис. 5, *2*). Восточнее центра кургана, в ямке диаметром 30 *см*, вырытой в древней почве на глубину 15 *см*, обнаружены мелко раздробленные кости коровы (?) и овцы (не более одной особи). Судя по цвету, возможно, кости вареные [5].

Курган 8. Диаметр 10, высота 0,26 *м*. В 0,5 *м* к востоку от центра кургана на уровне древней поверхности найдены две кости нижних конечностей человека. Юго-восточнее этой находки лежали фрагменты сосуда (рис. 5, 1), обломок черепа и несколько человеческих зубов.

Курган 9. Диаметр 8, высота 0,25 *м*. Как по внешним признакам, так и по строению насыпи этот курган не отличался от остальных. Однако ни могильных ям, ни отдельных костей или вещей в нем не было обнаружено.

Курган 11. Диаметр 8, высота 0,2 *м*. Выявлено три погребения (рис. 6, *1*). Одно погребение (без номера) представлено отдельными костями и частями разломанного сосуда. В южной поле на погребенной почве найдены фрагменты детского черепа и кость предплечья. Под широтной бровкой в разных местах найдены обломки неорнаментированных стенок сосуда и плоского днища со слабой закраиной. Здесь же найдена часть нижней челюсти человека. В северной поле кургана выявлено два грунтовых погребения.

Погребение 1. Могильная яма размером 2×0,8 и глубиной 0,45 *м* содержала скелет женщины старше 55 лет, уложенной на спину, головой на З—СЗ (рис. 2, *3*). Руки погребенной вытянуты вдоль тела, кисти уложены под бедра. В верхней части заполнения могилы прослежен тлен бревна, положенного вдоль могилы слева от костяка. Над могилой сооружена площадка из светлого песка.

Погребение 2. Располагалось в 4 *м* к северу от погр. 1. Могила размером 1,8×0,65, глубиной 0,45 *м*, ориентирована, как и предыдущая. Над могилой песчаная площадка; на уровне материка слева над костяком след бревна. Погребенный — ребенок 7—8 лет — лежал вытянуто на спине, головой на З—СЗ. Кисти рук уложены рядом с бедрами. Вещей в погребениях 1, 2 не найдено.

---

[5] Определение А. Г. Петренко.

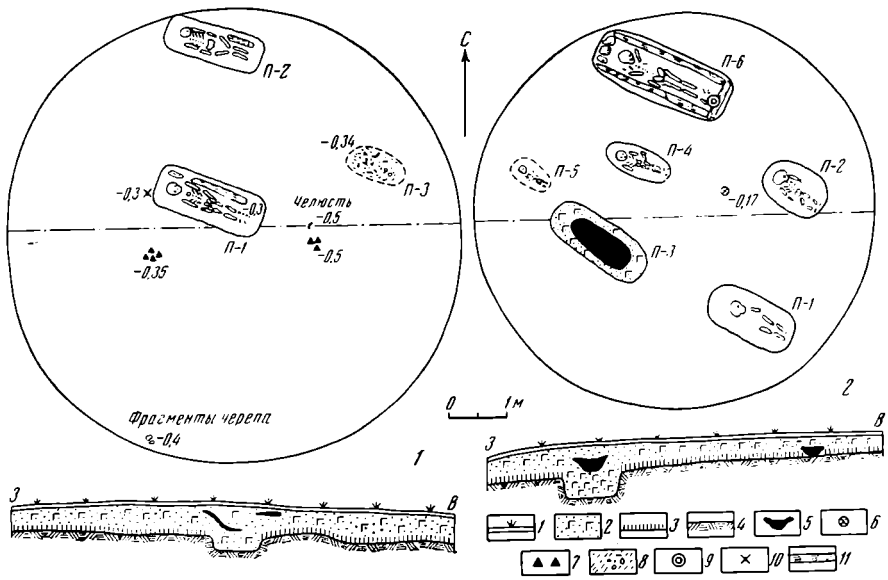


Рис. 6. Планы курганов 11 и 14. *1* — дерн; *2* — гравий; *3* — погребенная почва; *4* — материк; *5* — светлый песок; *6* — дерево; *7* — обломок кости; *8* — фрагмент керамики; *9* — уголь; *10* — вертикальный столб; *11* — бронзовая пластина

Курган 12. Диаметр 6, высота 0,10 *м*. Выявлено шесть погребений. Погребение 1. На древней почве в северной поле кургана найдены несколько разбросанных костей скелета. Вещей нет.

Погребение 2 располагалось в юго-восточной части кургана. В могиле размером 1,1×0,55 и глубиной 0,5 *м* лежал костяк ребенка на спине, головой на запад с отклонением к северу, без вещей.

Погребение 3 найдено в южной поле кургана. В могиле размером 0,7×0,4 и глубиной 0,35 *м* лежал костяк ребенка на спине, головой на З—СЗ, череп раздавлен. Вещей нет.

Погребение 4 обнаружено в северной части кургана. Яма имела размеры 1,6×0,6 и глубину 0,6 *м*. На дне лежал скелет ребенка 6—8 лет, ориентированный на З-СЗ. С левой стороны костяка обнаружено несколько мелких угольков.

Погребение 5 обнаружено рядом с погр. 1 и было частично перекрыто им (несколько костей от скелета из погр. 1 найдено над могилой). Яма имела размеры 1,7×0,65 и глубину 0,7 *м*. Над могилой прослежены остатки деревянного перекрытия, располагавшегося вдоль ямы. На дне лежал скелет подростка 16 лет, вытянуто на спине, с тесно прижатыми к туловищу руками, головой на З—СЗ. Ступни ног прижаты друг к другу. Видимо, руки погребенного были привязаны к бедрам, а ноги связаны или, что более вероятно, погребенный чем-то был обернут. Вещей нет.

Погребение 6 располагалось в юго-западном секторе кургана. Могила размером 0,35×0,42, глубиной 0,3 *м* ориентирована по линии З—В. В центре ямы кучкой лежали человеческие кости, на них был положен череп ребенка. К западу от костей на дне могилы обнаружено несколько угольков.

Курган 13. Диаметр 7, высота 0,23 *м*. В центре кургана на погребенной почве найден человеческий череп и одна кость конечности. Череп лежал на правой стороне, лицевой частью к северу. Под ним найдена бронзовая подвеска (рис. 3, *6*) и миниатюрная трубочка из свернутого листочка бронзы — часть какого-то украшения. Рядом лежали два мелких фрагмента керамики без орнамента.

Курган 14. Диаметр 7, высота 0,22 *м*, располагался около кург. 2. Рядом с центром кургана на глубине 0,17 *м* от поверхности найдена бронзовая пластина с пробитым в центре четырехугольным отверстием (рис. 3, *8*). Под насыпью выявлено шесть могильных ям ориентированных по линии З-СЗ—В-ЮВ. Погребения 4—6, располагались по одной линии С-СВ—Ю-ЮЗ, в северно-западной половине кургана. Над могилами 2, 3, 6 выявлены песчаные площадки в насыпи курганов, аналогичные описанным в предыдущих курганах (рис. 6, *2*).

Погребение 1 находилось в юго-восточной части насыпи. Могила размером 1,65×0,8 и глубиной 0,5 *м* содержала плохо сохранившийся костяк человека, положенного на спину в вытянутом положении, головой на З—СЗ.

Погребение 2. В могиле размером 1,25×0,8, глубиной 0,63 *м* на дне вытянуто на спине, головой на З—СЗ лежал костяк ребенка.

Погребение 3. На дне могильной ямы размером 1,8×0,73, глубиной 0,7 *м* лежали беспорядочно сложенные в центре кости одного человеческого скелета. Череп принадлежал мужчине 20—35 лет.

Погребение 4 совершено в погребенной почве. Костяк ребенка лежал на спине головой на З—СЗ. Над ним в засыпке могилы найден фрагмент керамики без орнамента.

Погребение 6 выявлено в северной части кургана. Над могилой размером 2,4×1, глубиной 0,8 *м* в насыпи кургана расчищен один венец сруба из бревен размером 2,3×0,7 *м*, заполненный светлым песком. Сруб был сооружен на погребенной почве. В заполнении найден обломок днища сосуда со слабой закраиной диаметром 12 *см*. В глиняном тесте черепа примесь мелкотолченой раковины. На дне могилы лежал потревоженный скелет мужчины 45—55 лет в вытянутом положении на спине, головой на З—СЗ. Вещей при всех погребениях не найдено.

Под 13 исследованными курганами Красногорского могильника обнаружено 35 погребений, из которых 21 совершено по обряду трупоположения, 13 — расчленения и одно — трупосожжения (см. таблицу количественного соотношения типов погребений).

Таблица количественного соотношения типов погребений

Тип	Обряд захоронения		Кол-во	%
I	Трупоположения в могилах	Вытянуто на спине головой на З–СЗ	18	51,2
		На боку, скорченно	2	5,6
		Вытянуто на правом боку	1	2,8
II	Вторичные захоронения	На уровне дневного горизонта	10	29,2
		В могилах	3	8,4
III	Сожжение		1	2,8
		Итого	35	100,0

Наиболее многочисленны захоронения в могилах. Как правило, покойные погребены в узкой неглубокой яме. Стены могилы прямые или слегка наклонные. Дно плоское. Костяки лежат в вытянутом положении на спине, головой на З—СЗ. Можно предполагать, что покойного обертывали в ткань (?) или в растительный луб, о чем свидетельствуют тесно сдвинутые ноги и прижатые к туловищу руки. Изредка кисти рук находились под бедрами.

Сверху вдоль могильной ямы клали мощное бревно, служившее, видимо, опорой для более тонкого деревянного перекрытия. Реже над мо-

гилой устанавливали сруб, состоящий из одного-двух венцов бревен, покоившийся прямо на древней почве. Сверху на могильное перекрытие и внутрь сруба насыпался чистый светлый песок или гравий, образовывавший песчаную площадку над погребением. Такие площадки хорошо зафиксированы в семи погребениях курганов 6, 11 и 14. Этот тип погребений вещевым инвентарем, как правило, не сопровождался.

Как разновидность описанных погребений имеются захоронения в скорченном положении (кург. 1, погр.; кург. 5, погр. 1) также без вещей и одно захоронение в вытянутом положении на правом боку, рядом с которым найдена бронзовая бляшка (рис. 3, *4*).

Второй тип погребений составляют вторичные захоронения костей, которые выявлены на уровне древнего горизонта и в могильных ямах. Разбитый глиняный сосуд, по всей вероятности, также символизировал расчленение — все три реконструированные сосуда (рис. 5) представлены крайне ограниченным числом обломков, составляющих менее одной пятой каждого сосуда.

В соотношении погребений в могилах и вторичных захоронений на уровне погребенной почвы свидетельствуют данные кург. 12. Здесь беспорядочно разбросанные кости захоронения 1 перекрывали погр. 5, совершенное в могиле. Видимо, следует считать, что первый тип погребений в могилах хронологически предшествовал второму типу захоронений или же они совершались в хронологически единый отрезок времени. Последнее более вероятно, так как между двумя описанными типами погребений существовал переходный — с захоронениями расчлененных костяков (кург. 1, погр. 2; кург. 12, погр. 6; кург. 14, погр. 3) в могильных ямах, ориентированных, как и могилы с целыми скелетами, по линии З-СЗ—В-ЮВ. В двух случаях (кург. 6, погр. 4; кург. 14, погр. 4) в могилах с трупоположениями отмечено искусственное нарушение скелета.

Следует отметить очень ограниченное применение огня в ритуале, представленное только сожжением в кург. 11 и отдельными угольками в погр. 4 и 6 кург. 12. Ритуальные захоронения животных или их костей обнаружены в погр. 2, кург. 1, где найдены кости барана, и в кург. 7 в ямке находились мелко раздробленные кости.

Описанные типы погребального обряда находят очень ограниченные параллели в погребениях бронзовой эпохи Приуралья. Несколько сходный способ захоронения существовал на Кумысском могильнике [6]. Здесь открыты подкурганные погребения, где костяки лежали вытянуто на спине или были повернуты на бок в могилах простой конструкции, часто без вещей. Преобладающей ориентировкой погребенных является юго-восточная. Полностью аналогично первому типу красногорских захоронений погр. 10 Кумысского могильника, где костяк лежал вытянуто на спине, головой на З—СЗ. Кисть левой руки была прижата к бедру. Вещей при погребенном не было. По двум круглодонным сосудам маклашеевского типа[7] Кумысский могильник относят к финалу бронзовой эпохи Прикамья. Единичное сожжение (кург. 11) напоминает широко представленный в Зауралье черкаскульский погребальный обряд, связанный с культом огня [8].

Для определения культурной принадлежности и хронологии раскопанных курганов необходимо обратиться к крайне немногочисленному

---

[6] *Генинг В. Ф., Старостин П. Н.* Кумысские стоянка и могильник.— ОНКАЭ, вып. 1. М., 1972, с. 95—102.

[7] Там же, с. 101; с. 98, рис. 10.

[8] *Старков В. Ф.* Кокшарово I — многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье.— СА, 1970, № 1; *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, с. 86—90; *Кузьмина Е. Е.* Могильник Туктубаево и вопросы хронологии памятников федоровского типа на Урале.— В сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

инвентарю могильника. Керамический материал представлен исключительно разбитыми сосудами. Удалось графически реконструировать три сосуда (рис. 5). Все они горшковидной формы с плоским дном, имеющим слабую закраину. Венчики двух сосудов (рис. 5, *1, 2*) оформлены в виде «воротничка» и несколько отогнуты наружу. Сосуды вылеплены из глины с обильной примесью мелкотолченых раковин. Наружная поверхность фрагментов заглажена, на внутренней заметны полосы от зачистки шероховатым предметом. Все сосуды орнаментированы в верхней части гладкими отпечатками короткого штампа. Сосуд из погр. 2 кург. 6 (рис. 5, *3*) имел высоту около 16,5, диаметр устья 16, дна — 8 *см*. Венчик закруглен без «воротничка». В верхней части сосуд орнаментирован тремя рядами наклонных отпечатков, ограниченных по плечику двойным зигзагом из коротких нарезных линий. Сосуд из кург. 7 (рис. 5, *2*) имел высоту около 34, диаметр устья 34, дна — 18 *см*. По «воротничку» сосуд орнаментирован оттисками штампа в виде ленты из ромбической сетки, по шейке сосуда нанесены два орнаментальных пояска: верхний из треугольников, выполняемых косыми насечками, нижний из ромбов. На плечико сосуда опускаются равнобедренные треугольники из двойных нарезок вершинами вниз, окаймленные бахромой. Треугольники заштрихованы рядами наклонных лент с поперечной штриховкой. Третий сосуд из кург. 8 (рис. 5, *1*) имел высоту около 21, диаметр устья 22, дна — 12 *см*. По «воротничку» сосуд также орнаментирован ромбической сеткой, по шейке — одним рядом горизонтальной елочки из коротких нарезок. На плечики сосуда спускается зигзаг из двойных прочерченных линий, образующих треугольники, обрамленных с обеих сторон мелкими овальными насечками. Один из треугольников заполнен оттисками горизонтальной елочки. Найденные отдельные фрагменты (рис. 3, *3, 5, 7*) как по составу глиняного теста, так и по орнаментике не отличаются от описанных сосудов.

Наиболее близкие аналогии этой посуде мы находим в керамике памятников черкаскульской культуры. Общими здесь являются горшковидная форма сосудов, примесь в тесте толченых раковин и элементы орнамента. К. В. Сальников, описывая башкирскую группу черкаскульских памятников межовского этапа, считал, что орнамент на сосудах ограничивается небольшим количеством элементов, куда входят елочка, ряды насечек, наклонные заштрихованные полосы и некоторые другие [9].

Красногорские сосуды близки по орнаментации керамике таких зауральских межовских поселений, как Черкаскуль II [10], Замараево [11] и стоянки Ахметово I в Башкирии [12].

Из металлического инвентаря наиболее интересны наконечник копья, кинжал и бляшка. Бронзовые копья с прорезным пером широко распространены на территории Прикамья и Зауралья в приказанской и ананьинской культурах. А. В. Збруева, разрабатывая типологию ананьинских прорезных копий, выделила ранние переходные типы, относящиеся к эпохе бронзы, датировав их самым началом I тысячелетия до н. э.[13] Б. Г. Тихонов разделил их по размерам на две группы, отнеся к первой небольшие, длиной от 7 до 13 *см*, а ко второй — более крупные экземпляры [14]. Наконечник копья из кург. 4 Красногорского могильника (рис. 3, *1*) имеет длину 12,5 *см* и укладывается в параметры первой

[9] *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 365.

[10] *Сальников К. В.* Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы — ВАУ, вып. 6, 15, рис. 4, *9, 10, 12*.

[11] *Стоколос В. С.* Ук. соч., с. 77, рис. 31, 41.

[12] *Збруева А. В., Тихонов Б. Г.* Памятники эпохи бронзы в Башкирии.— В сб. Древности Башкирии. М., 1970, с. 50, рис. 6, *4, 5, 8*.

[13] *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, № 30, 1952, с. 97.

[14] *Тихонов Б. Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье.— МИА, № 90, 1960, с. 34.

группы. Наиболее близкий наконечник этой группы связывается с поздними памятниками черкаскульской культуры. Это находки из Челябинской обл., хранящиеся в Свердловском музее [15]. Копье с оз. Куяш Огневское К. В. Сальников считает черкаскульским [16]. В связи с красногорской находкой это предположение находит новое подтверждение. Б. Г. Тихонов датирует тип прорезных наконечников эпохи бронзы концом II — началом I тысячелетия до н. э.[17]

К этому же времени относится нож-кинжал «киммерийского» типа (рис. 3, *2*) из погр. 2 кург. 1. Близкого типа орудия опубликованы еще А. В. Городцовым [18]. Общепризнанной датой «киммерийских» кинжалов является XI—IV вв. до н. э.[19] Правда, от типично «киммерийских» кинжалов красногорская находка отличается пламевидным лезвием.

Датирующей может являться и бляшка с ушком (рис. 3, *4*). Подобные украшения были широко распространены в Прикамье и известны на атабаевском и маклашеевском этапах приказанской культуры, по А. Х. Халикову — XII—IV вв. до н. э.[20] Подобная бляшка была найдена на дне жилища I Ерзовской стоянки, которую В. П. Денисов относит к IX в. до н. э.[21] Круглая бляшка с ушком на обороте найдена нами при раскопках II Ново-Кизгановской стоянки [22], форма для отливки подобных бляшек обнаружена на Жуковской стоянке близ г. Уфы [23].

Исследованные курганы у дер. Красногорки, судя по вещевому инвентарю, относятся к эпохе поздней бронзы и могут датироваться XI—IX вв. до н. э. В этот отрезок времени укладываются приуральские находки межовского этапа черкаскульской культуры, которые выделил К. В. Сальников. В настоящее время есть мнения о разнокультурности черкаскульских и межовских древностей [24]. Однако генетическая преемственность межовский керамики от черкаскульской не оспаривается. Поэтому в настоящее время можно говорить о межовском хронологическом пласте в Южном Приуралье как о позднечеркаскульской культуре этого района. К позднечеркаскульским (межовским) памятникам относится и Красногорский могильник.

V. S. Gorbunov, M. F. Obydennov

A LATE BRONZE AGE BARROW CEMETERY
IN THE SOUTHERN BASHKIRIA

Summary

A cemetery consisting of 14 barrows was excavated near village Krasnogorka Meleuz district of Bashkirian autonomous republic in 1972 and 1974. The barrows 6—10 metres in diameter and 0,1—0,3 metres high contained from one to six burials, among them inhumations (fig. 2, 2, 3), re-buried (2, 1) and cremations (fig. 6, 1). Table I represents the quantitative correlations of the types of burials. The pottery (fig. 5) let the authors relate the barrows to the Mezhovoe type of the final bronze Age sites, and the artifacts (fig. 3) show, that the cemetery should be dated to the XIth—IXth centuries B. C.

[15] Там же, табл. VIII, *4*, *5*.

[16] *Сальников К. В.* Очерки древней истории..., с. 361, рис. 58, *9*; с. 367.

[17] *Тихонов Б. Г.* Ук. соч., с. 36.

[18] *Городцов А. В.* К вопросу о киммерийской культуре.— ТСА РАНИОН, т. II. М., 1928, с. 46—59.

[19] *Тихонов Б. Г.* Ук. соч., с. 76.

[20] *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, рис. 55, 133, 173, 178.

[21] *Денисов В. П.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры.— В сб.: Тр. IV Уральского археологического совещания (УЗ ПГУ, № 148). Пермь, 1967, с. 41, 42.

[22] *Обыденнов М. Ф.* Новые стоянки черкаскульской культуры эпохи поздней бронзы в Башкирии.— СА, 1976, № 4, с. 112, рис. 1, *5*.

[23] *Калинин В. К., Обыденнов М. Ф.* Исследование поселений эпохи бронзы на р. Деме.— В сб.: Очерки истории дореволюционной России, вып. 3. Уфа, 1975, с. 184, рис. 3, *6*.

[24] *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. Автореф. докт. дис. М., 1976.

Г. Б. ЗДАНОВИЧ, С. Я. ЗДАНОВИЧ

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ У с. ПЕТРОВКА

В 1968 г. Северо-Казахстанской археологической экспедицией был исследован детский могильник, расположенный на левом берегу р. Ишим в 100 *км* к юго-западу от г. Петропавловска. Памятник занимал мыс первой надпойменной террасы (рис. 1), значительная часть которого к моменту раскопок была разрушена карьером.

Работы велись двумя раскопами. Общая вскрытая площадь составила 376 $м^2$. Обнаружено 32 ямы (см. таблицу), основная часть которых расположена довольно компактно, но без видимой закономерности, в центральной части раскопа I. Среди дополнительных конструкций, обнаруженных на территории раскопа I, следует отметить канавку на линиях 6 и 7. Ширина канавки около 20 *см*, углублена в материковый грунт на 5—10 *см*. В местах поворота канавки — два столба диаметром 20 и 25 *см*, глубиной до 15 *см*. В квадрате Б/5 на глубине 0,6 *м* обнаружены кости животных. В обрыве участка В/2,3 фиксировался разрез ямы глубиной до 1,2 *м* с двойным слоем прокала, толщиной 0,1 и 0,2 *м*. В 1971—1972 гг. были произведены осмотры новых обнажений карьера, в результате обнаружены еще две разрушенные ямы, из которых получено по два сосуда (№ 33—36).

Большинство ям имеет малые размеры, длина варьирует от 0,5 до 1 *м*, ширина от 0,4 до 0,8 *м* при глубине 0,8—1,1 *м*. Преобладающая ориентировка З—В с различными отклонениями. В ямах от 1 до 3 сосудов, иногда кости животных (барана, козла), в одном случае зафиксированы украшения.

Несмотря на то, что в большинстве ям была обнаружена только керамика, их следует связывать с захоронением детей младенческого возраста, от которых не сохранились костные остатки. Этому не противоречит расположение в ямах сосудов и костей жертвенных животных. Не исключено, однако, что некоторые углубления сооружались для жертвоприношений.

На памятнике сохранилось два погребения, относящихся к эпохе бронзы. Одно из них (яма 7) принадлежало подростку, лежащему скорченно на левом боку, головой на СЗ (рис. 1). В области груди — бронзовое кольцо (разрушенное), в западном углу — сосуд. В яме 9 обнаружено погребение взрослого человека в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. У головы бронзовое тесло, нож, кости животных (рис. 1, *6—8*). С более поздним временем следует связывать скелет ребенка в яме 24. Он лежал вытянуто на спине, головой на юг, без сопровождающих вещей. На северо-западных участках раскопа вскрыто еще одно позднее детское захоронение и погребение взрослого человека с сосудом эпохи железа (яма 29).

Вещевой материал могильника включает несколько бронзовых предметов. Нож пластинчатый, листовидной формы, с небольшим утолщением по центру и черенком подтреугольных очертаний (рис. 1, *8*). Тесло

Яма				Погребенный			Вещевой инвентарь	Кости животных
№ ямы	размеры, м	форма	ориентировка	способ захоронения	поза	ориентировка головой		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	0,7×0,6×1,0	Подпрямоугольная	З–В	–	–	–	Сосуд № 5	Ребра, кости ног, череп барана
2	0,9×0,6×1,1	»	ЗСЗ–ВЮВ	–	–	–	Сосуд № 6	–
3	1,0×0,8×1,1	Неправильно подпрямоугольная	З–В	–	–	–	–	–
4	0,8×0,5×1,0	Подпрямоугольная	СЗ–ЮВ	–	–	–	Сосуд № 9	–
5	1,1×0,9×1,0	»	С–Ю	–	–	–	Сосуд № 10	–
6	1,1×0,9×1,0	Овальная	З–В	–	–	–	Сосуды № 11–13	–
7	1,1×0,8×1,0	Подпрямоугольная	СЗ–ЮВ	Трупоположение	Скорченно на левом боку	СЗ	Бронзовое кольцо, сосуд № 14	–
8	1,5×1,2×1,1	Прямоугольная	З–В	–	–	–	–	–
9	1,9×1,3×1,4	Овальная	З–В	Трупоположение	Скорченно на левом боку	З	Бронзовые тесло и нож	Кости животного
10	0,9×0,4×0,9	»	ЮЗ–СВ	–	–	–	Сосуд № 15	–
11	0,7×0,4×0,8	»	ЮЗ–СВ	–	–	–	Сосуд № 16	–
12	1,5×1,2×1,2	Неправильно округлая	–	–	–	–	Два сосуда (№ 17, 18), 8 астрагалов, охра	Кости ног и череп барана
13	1,1×0,6×0,9	Прямоугольная	З–В				Два бронзовых кольца, сосуд № 19	Кости барана (?)
14	0,8×0,6×1,2	Неправильно прямоугольная	С–Ю					
15	1,3×0,7×1,3	Овальная	С–Ю					Зуб лошади
16	1,4×?×1,5	Неправильная	З–В	Впускное погребение ребенка, трупоположение	На спине вытянуто	ЮЗ		Кости и череп лошади
17	1,0×0,7×0,9	Овальная	З–В				Сосуд № 20	Кости животного
18	0,8×0,7×1,0	Неправильно овальная	СЗ–ЮВ				Сосуд № 21	
19	0,7×0,5×0,9	Овальная	З–В				Два сосуда № 22, 23	
20	1×0,5×0,9	»	С–Ю				Сосуд № 24	
21	1×0,5×0,9	»	С–Ю				Сосуд № 25	
22	1×0,5×1,0	Прямоугольная	СЗ–ЮВ				Два сосуда № 26, 27	

Продолжение таблицы

Яма				Погребенный			Вещевой инвентарь	Кости животных
№ ямы	размеры, *м*	форма	ориентировка	способ захоронения	поза	ориентировка головой		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
23	0,7×0,4×1,0	Овальная	З–В					
24	0,8×0,6×0,8	»	С–Ю	Трупоположение	На спине	Ю		
25	1,0×0,9×1,2	Округлая					Сосуд № 28	
26	0,6×0,4×0,9	Овальная	З–В	Трупосожжение (?)			Сосуд № 29	
27	1,0×0,5×0,9	Овальная, сочетается с канавкой	З–В					
28	0,5×0,4×0,8	Подпрямоугольная						
29	?×?×1,8	Неправильная		Впускное, трупоположение	Вытянуто на спине	СЗ	Два сосуда № 30, 31 Сосуд эпохи железа	
30	Диаметр 1,3 *м*, глубина 1,6 *м*	Округлая						
31	0,6×0,5×1,1	Овальная	З–В				Сосуд № 32	
32	?×0,6×1,0	»	С–Ю					

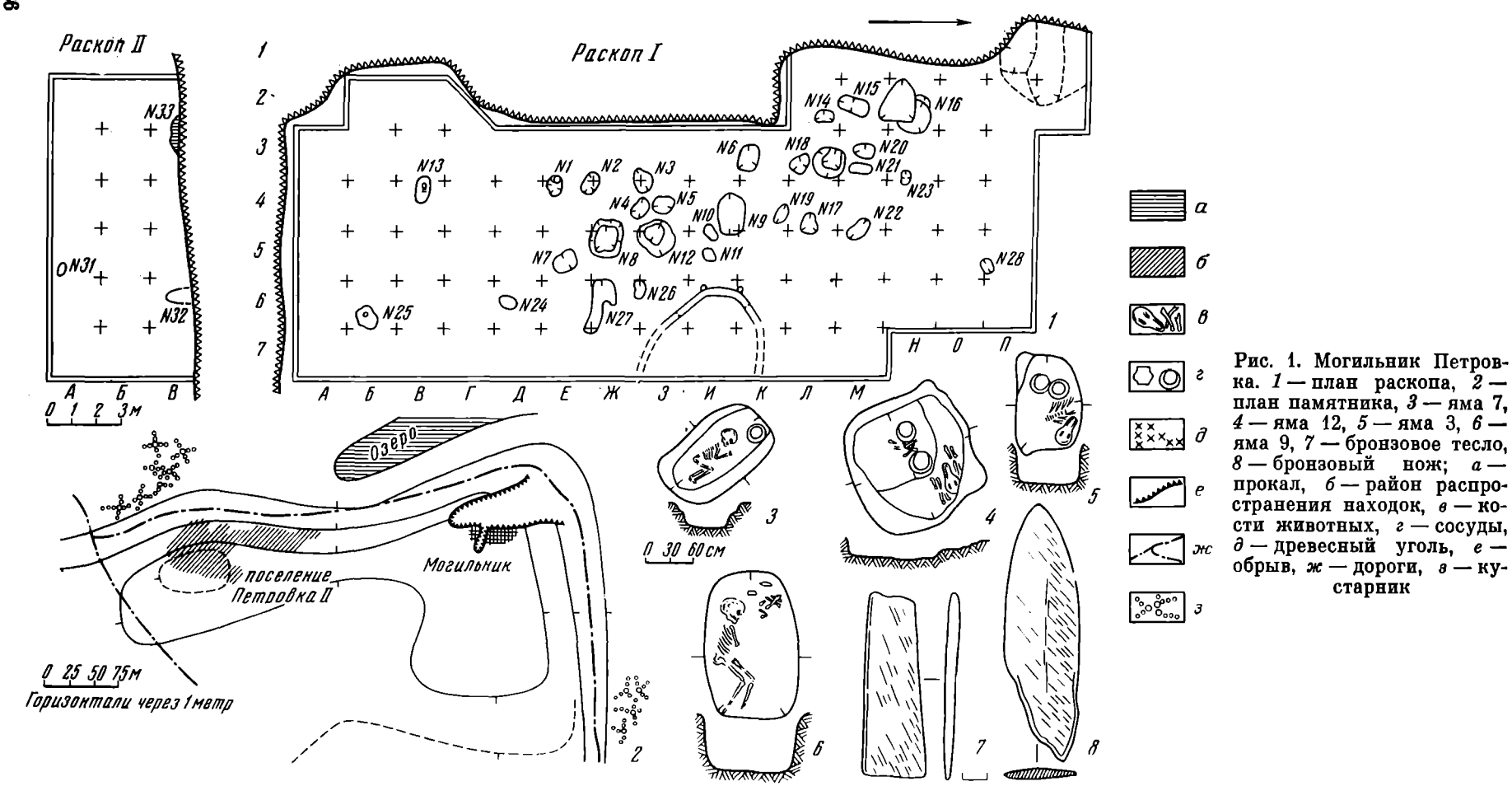


Рис. 1. Могильник Петровка. *1* — план раскопа, *2* — план памятника, *3* — яма 7, *4* — яма 12, *5* — яма 3, *6* — яма 9, *7* — бронзовое тесло, *8* — бронзовый нож; *а* — прокал, *б* — район распространения находок, *в* — кости животных, *г* — сосуды, *д* — древесный уголь, *е* — обрыв, *ж* — дороги, *з* — кустарник

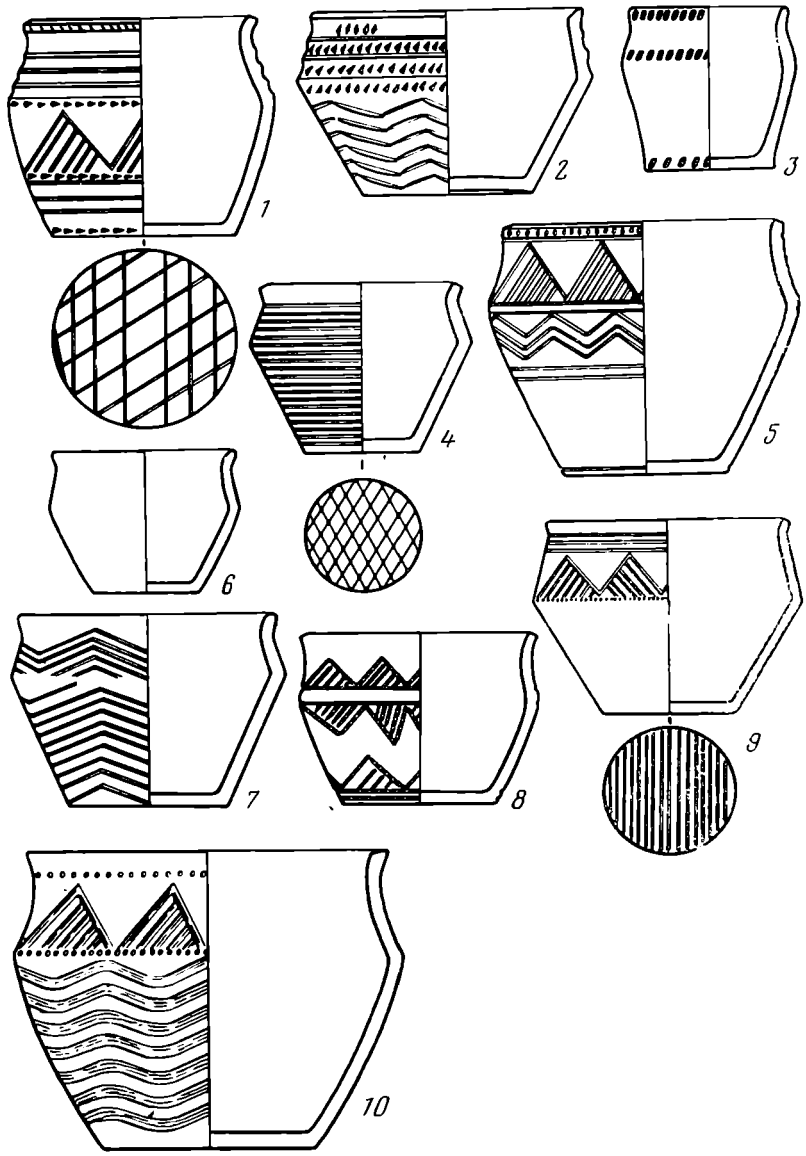


Рис. 2. Могильник Петровка. Керамика. *1* — № 23, *2* — № 7, *3* — № 5, *4* — № 8, *5* — № 18, *6* — № 26, *7* — № 9, *8* — № 13, *9* — № 12, *10* — № 4, *11* — № 30

плоское, с прямыми расширяющимися гранями и слегка выпуклым лезвием (рис. 1, 7). Кольца диаметром 2,2 и 3,5 *см* с несомкнутыми концами из вогнутой пластинки (детские браслеты?).

Комплекс керамики состоит из 36 сосудов (рис. 2—4). Форма и орнаментация позволяют разделить их на три группы. I — сосуды с остроребериой или близкой к ней профилировкой с отогнутым верхним краем, имеющим плоский срез, обращенный наружу. II — сосуды традиционных андроновских горшечных форм. III — банки различной профилировки. В количественном отношении сосуды распределяются следующим образом: I группа — 19, II — 5, III — 12.

Посуда I и III групп по технологии изготовления и орнаментации составляет единый комплекс. Это довольно толстостенная керамика (8—12 *мм*), коричневато-пепельного, иногда почти черного цвета. В качестве примеси использовались песок, шамот, раковины и слюда. На внутренней поверхности в придонной части и на днищах часто встречаются отпечатки ткани. 45% сосудов полностью покрыты орнаментом,

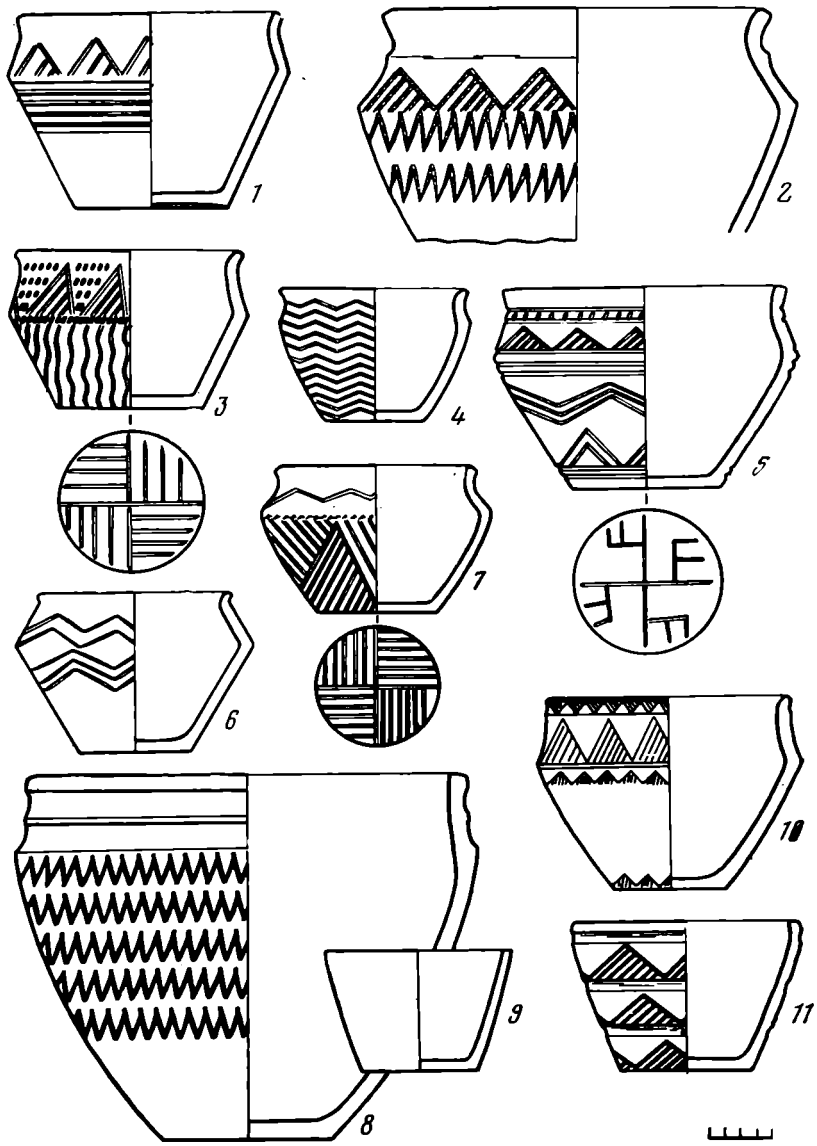


Рис. 3. Могильник Петровка. Керамика. *1* — № 27, *2* — № 36, *3* — № 24, *4* — № 31, *5* — № 25, *6* — № 22, *7* — № 33, *8* — № 35, *9* — № 11, *10* — № 19, *11* — № 1

причем в большинстве случаев орнамент нанесен и на днищах[1]. На остальных сосудах рисунок сплошным полем покрывает верхнюю часть, спускаясь ниже ребра, иногда образует зону у дна.

Резной техникой и техникой плоского штампа, которые часто трудно различить и применение которых, вероятно, было однозначным, выполнено 36,7% элементов. Наиболее распространены желобки, они составляют почти половину всех узоров комплекса (48,3%); довольно часто используются ямочные вдавления (8,1%), редко — гребенка и щепа. Преобладающими элементами орнамента являются каннелюры, зигзаги и волнообразные линии, заштрихованные равнобедренные треугольники, ямочные вдавления. Довольно разнообразны рисунки, выполненные на днищах: прямые и волнистые линии, ромбическая сетка, спиральный завиток, ямки, свастические узоры. Следует отметить, что 18% петровских сосудов орнаментированы вариациями одного элемента.

[1] Таблицу орнаментации см. *Г. Б. Зданович.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области.— ВАУ, вып. 12, 1973, с. 27, табл. III.

Рис. 4. Могильник Петровка. Керамика. *1* — № 14, *2* — № 10, *3* — № 15, *4* — № 16, *5* — № 21, *6* — № 17, *7* — № 29, *8* — № 6, *9* — № 2, *10* — № 3, *11* — № 34, *12* — № 28, *13* — № 20, *14* — № 32

Поскольку в настоящеее время большинство керамических комплексов из могильников Северного Казахстана обработано по программе статистической обработки, предложенной В. Ф. Генингом[2], целесообразно привести несколько цифр, характеризующих керамику I и III групп из могильника у с. Петровка. Все параметры сосудов в их суммарных показателях характеризуются малыми или средними размерами. Так, для сосудов горшечных форм среднеарифметический показатель диаметра по венчику равен 16,2 *см*, а показатель наибольшего диаметра по тулову — 17,7 *см*. Показатель общей высоты — 12,6 *см*, при этом высота шейки имеет малые размеры (10,8 *мм*). Высотный указатель определяет общую пропорцию сосуда — это результат отношения общей высоты к наибольшему диаметру тулова. Для I типа петровской керамики он

[2] *Генинг В. Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок.— СА, 1973, № 1, с. 114—136.

варьирует в пределах 0,58—0,83 при среднеарифметическом показателе 0,7. Профилировка шеек совсем незначительная, средний показатель ее равен 0,2. Отгиб определяется по котангенсу угла между плоскостью горловины и линией шейки. Петровские сосуды характеризуются широкими днищами — 7—11 *см*. Указатель ширины днища в среднем равен 0,5.

Керамика II группы (рис. 4, *1—4, 14*) резко отличается от основного (будем называть «петровского») комплекса посуды по всем показателям. Она имеет более равномерный обжиг и светло-коричневый цвет. Относительно высокие шейки плавно переходят в раздутое тулово, орнамент нанесен тонким гребенчатым штампом. Один из сосудов этой группы — высоких пропорций, с косыми треугольниками и сложным меандром — имеет андроновский (федоровский) облик. Элементы узора на трех других орнаментированных сосудах и их зональное размещение скорее указывают на алакульскую принадлежность.

Самостоятельность петровского комплекса посуды не подлежит сомнению. На Среднем Ишиме она известна по материалам поселений Амангельды, Боголюбово, могильников Кенес и Улубай [3]. Наиболее яркие коллекции были получены при исследовании многослойных поселений Петровка-II и Новоникольское-I. С первого памятника для обработки было выделено 222 сосуда, со второго — 124. Никаких резких отличий в формах погребальной керамики и керамики с поселений нет. Основную группу также составляют остроребериые сосуды, 30% от общего количества — банки. Близки между собой индексы орнаментации и техники изготовления.

В Притоболье керамика петровского типа известна из могильников Раскатиха [4], Царев Курган [5], поселения Семиозерное [6] и по ряду других памятников. В 1973 г. в Оренбуржье, в Новокумакском могильнике, был раскопан кург. 25, в котором оказалось несколько погребений, близких по инвентарю петровским комплексам [7]. Особенно большое значение для характеристики выделенной группы памятников имеют уникальные материалы из могильника Синташта [8], исследованного Уральской археологической экспедицией в 1973—1974 гг.

Относительная хронология североказахстанских памятников петровского типа четко устанавливается вертикальной и горизонтальной стратиграфией: на поселениях Петровка-II и Новоникольское-I петровские комплексы залегают ниже алакульских и перекрываются ими [9]. Эти наблюдения находят подтверждение и в планировке погребального комплекса у с. Кенес [10].

Для решения вопроса об абсолютной датировке петровских материалов используется бронзовый инвентарь: плоские тесла, двулезвийные ножи с

---

[3] *Зданович Г. Б., Хабдулина М. К.* Петровские (раннеалакульские) комплексы Северного Казахстана.— В сб.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976, с. 95, 96; *Зданович Г. Б.* Раннеалакульский погребальный комплекс у села Кенес.— В сб.: Вопросы истории, языка и литературы. Караганда, 1976, с. 153—162.

[4] *Потемкина Т. М.* Раскопки у села Раскатиха на реке Тобол.— В сб.: Из истории Южного Урала и Зауралья, вып. IV. Челябинск, 1969, с. 8, 9, рис. 4, 5.

[5] *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 33, рис. 13, *9*.

[6] *Евдокимов В. В., Логвин В. Н., Бурнаева В. Д.* Исследования в Верхнем Притоболье.— АО — 1974. М., 1975, с. 484, 485.

[7] *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Ранние погребальные комплексы под Орском и проблема хронологического соотношения культур эпохи бронзы Приуралья.— В сб.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976, с. 45—47.

[8] *Генинг В. Ф.* Хронологические комплексы XVI в. до н. э. (по материалам Синташтинского могильника).— В сб.: Новейшие открытия советских археологов, ч. I. Киев, 1975, с. 94, 95.

[9] *Зданович Г. Б.* Стратиграфия поселения Новоникольское-I.— В сб.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 113—127.

[10] *Зданович Г. Б.* Раннеалакульский погребальный комплекс...., с. 159, 160.

намечающейся рукоятью, ножи с перехватом, серпы-струги, копья с несомкнутой втулкой и ряд других изделий, время бытования которых определяется в рамках середины II тысячелетия до н. э.[11].

Однако решающее значение для установления абсолютной даты имеют находки дисковидных псалиев с шипами в мог. Синташта и на поселениях Петровка-II и Новоникольское-I. Наиболее ранние находки такого типа изделий происходят из надежно датируемых комплексов — IV шахтная гробница Микен[12]. Захоронения в шахтных гробницах относятся ко времени не позднее 1500 г. до н. э., а для IV гробницы установлена дата — 1570—1550 гг.[13]. Вероятно, что появление дисковидных псалиев в Приуралье и Северном Казахстане в свете известных исторических фактов[14] должно относиться не к более позднему, а, скорее к более раннему времени.

Петровская керамика генетически связана с алакульской. Имеющиеся в нашем распоряжении коллекции посуды с поселений и из погребений позволяют проследить становление алакульских комплексов на базе петровских. Этот процесс отразился и в развитии орнаментальных композиций, и в изменении форм. Особенно четко эволюция форм фиксируется на сосудах типа горшков со сдвоенной шейкой. В средней части такие шейки имеют очень невысокий выступ, и их профиль состоит как бы из двух дуг[15]. При этом верхняя дуга несколько большего диаметра и образована глиняной лентой, прилепленной к горловине обычной петровской банки. Увеличение высоты придает сосудам стройные алакульские пропорции.

Петровские комплексы содержат новые данные по проблеме происхождения скотоводческо-земледельческих культур степной Евразии. Генетическая преемственность алакульских и петровских комплексов позволяет определить последние как раннеалакульские и считать Северный Казахстан одним из районов формирования алакульской культуры.

Сегодня можно считать установленным, что этот процесс протекал на местной основе при постоянных контактах и активных взаимодействиях с западным населением Южного Урала и Поволжья. На петровских поселениях и могильниках встречаются сосуды, совершенно идентичные срубным и абашевским, что можно объяснить только проникновением в местную среду населения западных районов. Среди бронзового инвентаря петровского этапа много европейских форм. Наиболее яркие из них — ножи-копья с несомкнутой втулкой, серповидные орудия — струги, плоские тесла. Нельзя не отметить и такую важную деталь, как своеобразный способ сооружения насыпи над петровскими могилами (Кенес), что очень редко встречается на территории Евразии и связывается прежде всего с абашевскими курганами.

Вероятно, на формирование петровских памятников оказывали некоторое влияние и земледельческо-скотоводческие племена Средней Азии. В раннеалакульских комплексах Северного Казахстана встречаются мелкие полусферические чаши со сливом, широко распространенные в земледельческих оазисах. Интересен случай находки сосуда петровской формы с крашеным геометрическим орнаментом. Следует отметить также конструкции оборонительных сооружений, глинобитные полы жилищ, плани-

---

[11] *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья. Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 21; *Генинг В. Ф.* Хронологические комплексы..., с. 95; *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977, с. 34—37.

[12] *Reichel W.* Homerische Waffen. Wien, 1901, S. 105, Abb. 42; *Лесков А. М.* Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова.— СА, 1964, № 1, с. 303, рис. 3.

[13] *Marinatos S.* Crite and Mycenae. London, 1960, p. 177, pl. XXXV; *Лесков А. М.* Ук. соч., с. 304.

[14] *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев..., с. 52—55.

[15] *Зданович Г. Б.* Раннеалакульский погребальный комплекс..., с. 156, рис. 2, *10*; с. 158, рис. 3, *6*, *8*, *9*.

графию петровских поселков, отдаленные аналогии которым можно найти в энеолитических памятниках Геоксюрского оазиса.

В последние годы активно накапливаются новые материалы по раннеалакульскому времени, выделение которых было положено исследованием детского могильника у с. Петровка. Делаются первые попытки его интерпретации, сопоставляются лингвистические и археологические свидетельства, ставятся проблемы этнической принадлежности и социальной структуры общества [16]. На этом этапе исследования особенно важно выработать общепринятые названия и закрепить их за тем или иным кругом памятников, чтобы в дальнейшем избежать терминологических трудностей. К. Ф. Смирнов и Е. Е. Кузьмина предложили объединить материалы XVI—XV вв. до н. э. Северного Казахстана и Приуралья под понятием «новокумакский хронологический горизонт». Представляется, что в рамках этого хронологического горизонта для Северного Казахстана и прилегающих районов Западной Сибири следует сохранить название «памятники петровского типа», а для Южного Урала и Приуралья закрепить наименование «памятники синташтинского типа». И неважно, как в дальнейшем будут рассматриваться эти материалы — будут ли они выделены в отдельную самостоятельную культуру, или определены как ранний этап алакульской культуры. Главное, что отмеченные группы памятников специфичны. Это обнаруживается даже при поверхностном сравнении керамических комплексов. Керамика североказахстанских поселений и могильников отличается единообразием, малочисленным набором орнаментальных композиций и обнаруживает значительную связь с местной культурой ранней бронзы. Посуда Южного Урала и Приуралья намного разнообразнее и по форме и по орнаментации, здесь более четко прослеживается влияние раннеабашевской, полтавкинской и многоваликовой керамики. Безусловно, с накоплением материала будут определены специфические черты двух групп памятников и в погребальном обряде, и в архитектуре поселков, и в других элементах материальной культуры.

Возвращаясь к коллекции могильника у с. Петровка, необходимо остановиться на соотношении сосудов с плавной профилировкой тулова и основного керамического комплекса. Вопрос о принадлежности к описанному памятнику андроновской (федоровской) посуды следует оставить открытым. Сегодня несомненно, что алакульская керамика сформировалась на территории Приуралья, Западного и Северного Казахстана. Вероятный район формирования керамики типа Андроновского могильника — Восточный Казахстан и лесостепные районы Западной Сибири. Такая постановка вопроса позволяет рассматривать алакульские и андроновские (федоровские) материалы как комплексы, принадлежащие двум самостоятельным археологическим культурам.

Причины появления федоровских сосудов на могильнике у с. Петровка могут быть различными. Если это одновременный памятник, то следует признать, что взаимодействие федоровских и алакульских племен относится к раннему (петровскому) периоду развитой бронзы. Но возможно и другое предположение: могилы с федоровскими сосудами сооружены в более позднее время.

Окончательное решение вопроса о времени появления федоровских сосудов на могильнике у с. Петровка зависит от накопления нового материала и систематизации керамики в районе формирования андроновской культуры.

---

[16] *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев..., с. 51—57; *Генинг В. Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен.— СА 1977, № 4, с. 72, 73.

G. B. Zdanovich, S. Ya. Zdanovich

A BRONZE AGE CEMETERY NEAR VILLAGE PETROVKA

Summary

A ground cemetery at the river Ishim in a 100 km to the south-west from Petropavlovsk was investigated by the North-Kazakhstan expedition in 1968. 33 graves were excavated, most part of them contained burials of infants. The grave furniture is represented mainly by original pottery, known in literature as the Petrovski type. It is dated to the middle of the IInd millenium B. C. The new mass materials, obtained during last ten years let the authors speak about genetic heritance of the Alakul and Petrovka complexes and consider Northern Kazakhstan one of the regions of formation of the Alakul culture.

Б. Ю. МИХЛИН

ФИБУЛЫ БЕЛЯУССКОГО МОГИЛЬНИКА

Некрополь Беляусского городища, открытый в 1967 г. и с тех пор систематически исследуемый Донузлавской экспедицией ИА АН СССР и ЕКМ [1], до настоящего времени остается единственным известным позднескифским могильником Северо-Западного Крыма. Погребальные сооружения некрополя различны, но дужковые фибулы и броши встречались преимущественно в земляных и каменных склепах [2]. Все склепы содержали многократные захоронения, причем предыдущий покойник, как правило, сдвигался к задней стенке камеры, где постепенно образовывалось беспорядочное скопление костей и инвентаря. Могилы имеют различные хронологические рамки в пределах конца III в. до н. э.— I в. н. э., и верхняя граница некрополя совпадает с верхней границей городища [3].

Фибулы юга СССР постоянно привлекали внимание исследователей. В частности, фибулам позднескифской культуры посвящена специальная статья Э. А. Сымоновича [4], они публиковались в работах Н. Н. Погребовой, П. Н. Шульца, В. П. Бабенчикова [5]. Однако все эти публикации страдают отсутствием четкой классификации и общей терминологии, введенных более поздним капитальным трудом А. К. Амброза [6]. К тому же датировка фибул из земляных склепов Неаполя скифского затруднена перемешанностью материала, что вынуждало исследователей опираться в основном не на данные комплексов, а на привлеченные аналогии [7]. Нам представилась возможность использовать для датировки фибул из склепов Беляусского могильника результаты кропотливого труда О. Д. Дашевской по периодизации погребений в этих склепах (см. Приложение). Накопление костяков и инвентаря в могиле происходило в определенной последовательности, нашедшей отражение в своеобразной «горизонтальной» стратиграфии. Такие наблюдения позволили О. Д. Дашевской выделить последовательные комплексы отдельных погребений или групп погре-

---

[1] Начальник экспедиции — О. Д. Дашевская, которой я признателен за предоставленные материалы и помощь в работе. О раскопках см. ее информации в сборниках АО за 1967—1978 гг. Находки хранятся в ЕКМ.

[2] *Дашевская О. Д.* Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий.— ПСА, с. 155; *ее же.* Два склепа Беляусского могильника.— КСИА АН СССР, № 119, 1969, с. 65—73; *ее же.* Каменные склепы Беляусского могильника.— КСИА АН СССР, № 145, 1976, с. 55—60.

[3] *Дашевская О. Д.* Античная башня на городище Беляус.— КСИА АН СССР, № 116, 1969, с. 91. В последние годы на некрополе открыты погребения греческого периода существования городища. См. *Дашевская О. Д., Голенцов А. С., Михлин Б. Ю., Старченко Е. В.* Раскопки на Беляусе.— АО — 1975. М., 1976, с. 321, 322.

[4] *Сымонович Э. А.* Фибулы Неаполя скифского.— СА, 1963, № 4, с. 139.

[5] *Погребова Н. Н.* Погребения в мавзолее Неаполя скифского.— МИА, № 96, 1961; *Шульц П. Н.* Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953; *Бабенчиков В. П.* Некрополь Неаполя скифского.— ИАДК, с. 122, 123, табл. II.

[6] *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ, Д1 — 30. М., 1966. В дальнейшем мы пользуемся классификацией А. К. Амброза.

[7] *Сымонович Э. А.* Ук. соч., с. 139, 140; *Бабенчиков В. П.* Ук. соч.; *Раевский Д. С.* Скифы и сарматы в Неаполе.— ПСА, с. 145.

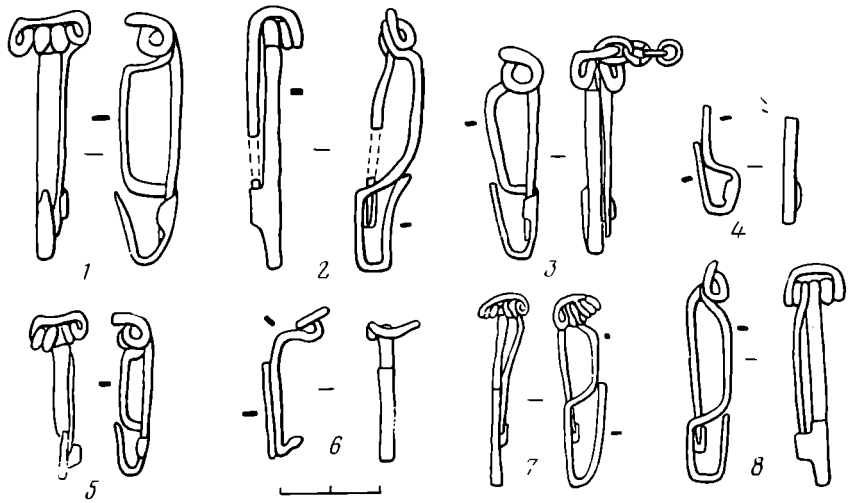


Рис. 1. Фибулы латенской схемы со свободным концом ножки. *1* — 1ЮК-80; *2* — 53—18; *3* — 34—19; *4* — 34—45а; *5* — 1СК-46; *6* — 34—45б; *7* — 90—24; *8* — 39—55. Бронза

бений, получая для них сравнительно узкие даты. В некоторых случаях хронологический термин может дать и степень нарушения анатомического порядка сдвинутых костяков. Так, при отсутствии нарушений или слабой их степени можно утверждать, что между этим и последующим захоронением прошло не более 10 лет [8]. Таким образом, при выяснении даты той или иной фибулы мы зачастую получаем возможность опираться не на один какой-то датирующий предмет, а на ряд их. Накопление узких дат позволяет уточнить и время бытования типа, и время его наибольшего распространения. Исходя из этих положений, рассмотрим имеющийся материал.

Проволочных фибул со свободным концом ножки (раннелатенской схемы?) найдено шесть целых и два фрагментированных экземпляра (рис. 1). Все они имеют небольшие размеры (3,5—5,5 *см*), прямоугольную форму корпуса, короткую пружину и наружную тетиву. Спинка фибул прокована в пластинку, приемник имеет вид небольшого «язычка»-выступа [9]. До сих пор эти фибулы в отдельный вариант не выделялись. А. И. Фурманская, рассматривая такие фибулы с незакрепленным концом ножки из Ольвии, считала их поломанными [10]. Аналогичного мнения придерживался А. К. Амброз, который предположительно включил эти фибулы в группу со скрепками [11]. Е. В. Максимов, рассматривая комплекс ольвийского погребения 10/1903 г., где найдена фибула со свободным концом ножки, отметил ее отличия от обычных фибул скрепленной конструкции и провел параллель с фибулами раннелатенской схемы [12]. Беляусские находки вдвое увеличивают число известных фибул этого варианта, а отличная сохранность большинства экземпляров определенно указывает на необходимость их выделения в отдельный вариант.

Четыре экземпляра беляусских фибул со свободным концом ножки (рис. 1, *1, 2, 5, 7*) датируются не позднее I в. до н. э., но допускают

---

[8] Поскольку погребения в склепах землей не засыпáлись, то этот срок можно считать максимальным (см. Судебная медицина. М., 1968, с. 256, 257).

[9] У фибулы 90—24 (рис. 1, *7*) шестивитковая пружина на железной оси и круглопроволочная дужка (но прокованная ножка), что объясняется, вероятно, крайней тонкостью проволоки этого экземпляра.

[10] *Фурманська А. І.* Фібули з розкопок Ольвії.— Археологія, VIII, 1953, с. 70, рис. 1, *5—10*.

[11] *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 21.

[12] *Максимов Е. В.* Про датування зарубінецької культури.— Археологія, № 1, 1971, с. 70.

и несколько более раннюю дату. Остальные четыре экземпляра (34—19, 45а, 45б, 39—55; рис. 1, *3*, *4*, *6*, *8*) [13] относятся к концу II — началу I в. до н. э. Эта дата представляется достаточно надежной. Так, в могиле 34 фибулы сопровождались большим количеством сосудов II — начала I в. до н. э. (три поздних чернолаковых канфара, две «мегарские» чаши, два чернолаковых и одно раннее краснолаковое блюдо, расписная ойнохоя и др.) [14]. В комплексе с керамикой этого же времени (чернолаковые чаша и канфар, рыбное блюдо с концентрическими полосами черного лака, краснолаковая мисочка) оказалась и фибула 39—55, причем ее дата подтверждается и хорошо датирующимся инвентарем последующих погребений конца II — начала I в. до н. э. (серьги в виде палицы Геракла, предметы поясных наборов) [15]. Из приведенных в сводке А. К. Амброза аналогичных фибул датируются только три ольвийские находки [16]. Две из них (мог. 67/1901 г. и 110/1902 г.) сопровождались монетами Амиса конца II в. до н. э., что позволяет относить их к этому времени или к началу I в. до н. э. Уже упоминавшаяся фибула из мог. 10/1903 г. вызвала значительные расхождения в датировке комплекса: от середины II в. до начала I в. до н. э.[17] Думается, что сейчас нет возможностей для разрешения этого спора. Следует только констатировать, что основная масса датированных фибул со свободным концом ножки относится к концу II — началу I в. до н. э. Вероятно, отдельные экземпляры могли появиться несколько раньше или прожить несколько дольше указанной верхней границы.

Две аналогичные фибулы найдены и в одном из могильников Болгарии. И. Гылыбов датирует весь могильник по «мегарской» чаше не ранее конца III в. до н. э., но чаша скорее II в. до н. э., а повторяющая форму «мегарских» стеклянная чаша из этого могильника допускает, вероятно, и I в. до н. э. На II в. до н. э., а возможно, и I в. до н. э. указывают упоминающиеся в тексте веретенообразные флаконы и простые поясные кольца [18]. Таким образом, болгарские фибулы вряд ли значительно старше беляусских, а скорее синхронны им. Важно заметить, что одна из болгарских фибул специальными муфтами крепилась к золотому щитку с изображением Эрота. Накладной щиток есть и у одной из беляусских фибул (17—6, рис. 8, *7*). Если перед нами действительно какая-то особая раннелатенская (по схеме) форма, то уместно провести параллель с близ-

---

[13] Каждая фибула в тексте обозначена двумя цифрами: первая указывает номер могилы, а вторая — номер в полевой описи. Стоящие после номера могилы буквы обозначают камеру в двухкамерных склепах. В описании материал оговаривается в основном для железных фибул, остальные условно считаем бронзовыми (анализы не проводились).

[14] *Дашевская О. Д.* Отчет о работе Донузлавской экспедиции ИА АН СССР и ЕКМ в 1974 г.— Архив ЕКМ, № 117, с. 26—29 (в этом же комплексе найдена и фибула «неапольского» варианта 34—41, рис. 4, *2*).

[15] Там же, с. 38—42. В комплексе с этими серьгами найдена и фибула 39—22 (рис. 2, *11*). Уже после нее, в пределах первой половины I в. до н. э., в склеп попала фибула 39—34 (рис. 2, *8*), сопровождающаяся поздним чернолаковым рыбным блюдом. У последнего в этом склепе скелета VII оказалась фибула 39—36 (рис. 4, *1*) и поясные кольца (одно с зооморфным выступом, характерным для ранних комплексов мавзолея Неаполя). Последняя фибула, судя по состоянию костяков и инвентарю предыдущих погребений, вероятно, попала в склеп во второй — третьей четверти I в. до н. э.

[16] *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 21, № 8, 10—17, 23.

[17] *Фармаковский Б. В.* Раскопки Ольвии в 1902—1903 гг.— ИАК, вып. 13, 1906; с. 154, 155; *Мачинский Д. А.* О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой и одновременных ей культур.— КСИА АН СССР, № 94, 1963, с. 24; *Максимов Е. В.* Ук. соч., с. 70; *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура.— САИ, Д1 — 19, 1964, с. 49. М. Парович-Пешикан датирует это погребение первой половиной III в. до н. э., что является явным недоразумением (см. *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974, с. 178, № 100).

[18] *Гълъбов И.* Каменни гробници от Несебър.— В сб.: Гаврил Кацаров, ч. II. ИАИ БАН, кн. XIX. София, 1955, с. 134—136, 144—146, обр. 5, 6, 7, 16б, 17в, г.

кими, но более ранними кельтскими фибулами, украшенными полихромными щитками [19].

Из беляусских фибул со свободным концом ножки особо отметим фибулу 34—19 (рис. 1, *3*), в тетиву которой вставлена бронзовая цепочка (сохранились четыре звена). Часть этой цепочки найдена вместе с обломками еще двух аналогичных фибул (34—45а,б, рис. 1, *4, 6*). Возможно, цепочка скрепляла парные фибулы, но не исключено, что она украшала и одну фибулу. Подобный случай украшения платья на юге СССР как будто до сих пор не встречался, но хорошо известен у кельтских и зарубинецких племен [20]. В Крыму известны только фибулы, украшенные бронзовыми кольцами и браслетами [21].

Проволочные фибулы со скрепкой (среднелатенская схема) — самая многочисленная группа фибул Беляусского могильника (17 экз.). Эти фибулы имеют обычно узкий, порой прямоугольный корпус, однако встречаются и экземпляры с плавно изогнутой дужкой. Форма последних напоминает более поздние «лучковые» подвязные фибулы. Тетива у фибул рассматриваемого варианта обычно наружная, а пружина четырехвитковая, реже шестивитковая. Некоторые пружины имеют железные оси. Конец ножки крепится к дужке довольно высоко, чаще всего выше середины. По типу скрепки можно выделить три, вероятно, одновременных подварианта: а) отдельная простая кольцевая муфта (рис. 2, *1—7*); б) отдельная кольцевая «гофрированная» муфта (рис. 2, *8*, *9*, *11*); в) «лапка», изготовленная из расплющенного конца ножки (рис. 3). Длина этих фибул колеблется от 5 до 9,5 *см*. Встречены и две миниатюрные (3,5 *см*) из детского склепа 16.

Из 17 наших экземпляров семь датированы I в. до н. э.[22], но четыре из них (40—66, 1ЮК — 82, 16СВК — 3, 16ЮЗК — 19, рис. 2, *1*, *3*; 3, *4*, *5*) найдены в комплексах, допускающих и некоторое удревнение этой даты. Восемь экземпляров (38—73, 39—22, 34, 61—21, 22 и 43, 64—18, 77—8, рис. 2, *2*, *4*, *7*, *8*, *10*, *11*; 3, *1*, *2*) датируются концом II — началом I в. до н. э. или первой половиной I в. до н. э.[23]. Так, погребение с фибулой 61—43 (рис. 2, *7*) совершено после погребения с канфаром II в. до н. э. и перекрыто погребением с бронзовым медальоном конца II — начала I в. до н. э. (погрудное изображение Афродиты). При этом следующий скелет (VI) сопровождался флаконом с полосками белой краски II — начала I в. до н. э. и фибулами 61—21, 22 (рис. 2, *10*; 3, *2*). Таким образом, все фибулы мог. 61 относятся к концу II — началу I в. до н. э. Вероятно, уже позже описанных погребений в мог. 61 попала «мегарская» чаша (скелет VII). Фибула 64—18 (рис. 2, *4*) датируется не позднее рубежа II—I вв. до н. э., так как этому же погребению принадлежал канфар II в. до н. э., а последующие погребения

---

[19] *Keller J.* Seltener Schmuck aus den Keltengräbern von Saint-Sulpice.— In: JSGU, Bd 52, 1965, Abb. 1, *2*, *3*, *7*, *8*. Указанием на это издание я обязан любезности А. К. Амброза.

[20] *Кухаренко Ю. В.* Распространение латенских вещей в Восточной Европе.— СА, 1959, № 1, с. 32; *его же.* Чаплинский могильник.— МИА, № 70, 1959, с. 158, 165, табл. V, *3*; *Самойловский И. М.* Корчеватовский могильник.— Там же, с. 73, 77, табл. IX, *253—255*; *Каспарова К. В.* Зарубинецкий могильник Велимичи II.— АСб. ГЭ, № 14, 1972, с. 84, рис. 20, *15*, *18*; *Filip J.* Keltově ve Střední Evropě. Praha, 1956, tabl. CXXVI, *19*; *Филип Я.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, с. 100; *Todorović J.* Kelti u Jugoistočnoj Evrope. Beograd, 1968, sl. 13, *2*; 21, *15*, t. XII, *3*, *4*; XII, *1*, *5*; XVI, *3*; XL, *1*.

[21] *Сымонович Э. А.* Ук. соч., с. 143; *Гущина И. И.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму.— В сб.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974, табл. VI, *19*; VII, *16*. Ср. *Калитинский А. П.* О некоторых формах фибулы из Южной России.— В сб. Seminarium Kondakovianum, vol. I. Prague, 1927, с. 194, табл. XV, *5*. Подобный способ украшения одежды также известен у кельтов, см. *Todorović J.* Op. cit., sl. 21, *18*, *22*, *26*; *Filip J.* Op. cit., tabl. LXIV, 6.

[22] Ср. *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 19, 21.

[23] Обоснование дат фибул 39—22, 34 и 38—73 см. прим. 15 и 35.

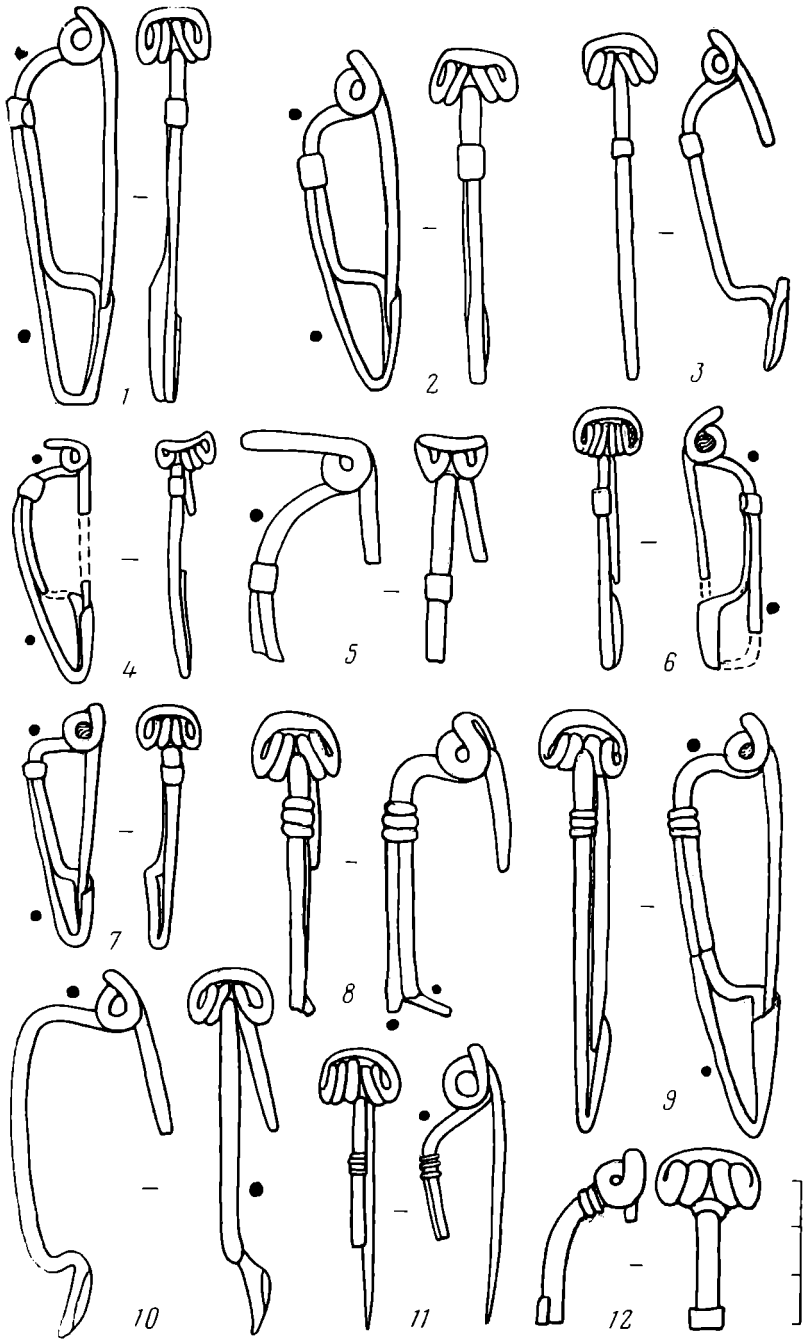


Рис. 2. Фибулы среднелатенской схемы со скрепкой. *1—7* — отдельная гладкая скрепка-муфта; *8*, *9*, *11* — «гофрированная» скрепка-муфта. *1* — 40—66; *2* — 77—8; *3* — 1ЮК-82; *4* — 64—18; *5* — 86—14; *6* — 90—12; *7* — 61—43; *8* — 39—34; *9* — 5—10; *10* — 61—21; *11* — 39—22; *12* — 29—15. *1—4*, *6—12* — бронза; *5* — железо

сопровождались инвентарем конца II—I в. до н. э. (ранняя краснолаковая керамика, наконечник пояса). Вместе с вещами конца II — начала I в. до н. э. найдена и фибула 77—8: ранняя краснолаковая мисочка, бусы, бронзовые медальон с изображением богини и лунница с пунсонным орнаментом. Однако наиболее раннюю дату дает фибула 90—12 (рис. 2, *6*), которая сопровождалась эллинистическим херсонесским кувшином. С учетом инвентаря последующих погребений, где имеется материал II в.

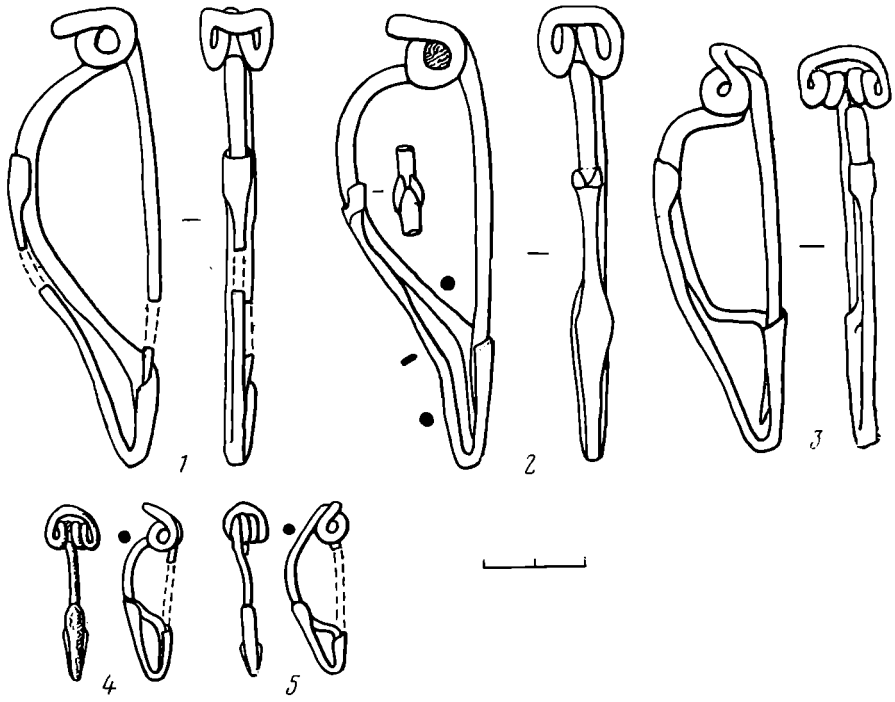


Рис. 3. Фибулы среднелатенской схемы со скрепкой-«лапкой». *1* — 38—73; *2* — 61—22; *3* — 31—23; *4* — 16СВК-3; *5* — 16ЮЗК-19. Бронза

до н. э. («мегарская» чаша и др.) [24], эта фибула может быть отнесена ко второй половине II в. до н. э. Еще одну фибулу (86—14, рис. 2, *5*) можно отнести к середине — второй половине I в. до н. э.[25], причем она отличается от прочих материалом (железо) и своей очень длинной тетивой. Таким образом, по данным Беляусского могильника [26], фибулы со скрепкой появляются еще в конце II в. до н. э., основное же время их бытования — самое начало и первая половина I в. до н. э. Отдельные экземпляры могут встречаться и во второй половине I в. до н. э.

Фибулы среднелатенской схемы уже встречались с позднеэллинистической керамикой. Все эти случаи собраны в сводке А. К. Амброза, где в целом правильно названы и даты сопровождающего материала [27] (что, впрочем, совершенно не отразилось на общей дате варианта). Возражения вызывает только датировка ольвийской мог. 95/1901 г. на основании одного светильника. Вся керамика этого комплекса была подробно рассмотрена М. Парович-Пешикан, которая отнесла его к первой половине II в. до н. э.[28] Однако не был учтен тот факт, что буролаковой чаше и светильнику она находит аналогии в комплексе «Д» Афинской агоры, который датируется серединой века [29]. Погребение может оказаться и несколько более поздним, однако нет оснований относить этот комплекс к I в. до н. э., и его оптимальной датой, с учетом фибулы, представляется конец II в. до н. э.

---

[24] *Дашевская О. Д.* Отчет о работе Донузлавской экспедиции ИА АН СССР и ЕКМ в 1975 г.— Архив ЕКМ, № 118, с. 54—57.

[25] Найдена вместе с двумя краснолаковыми блюдами I в. до н. э., причем попала в склеп позже группы из шести скелетов с материалом II — начала I в. до н. э. и раньше последнего скелета с краснолаковой миской конца I в. до н. э.— первой половины I в. н. э.

[26] Для других могильников возможны, очевидно, и другие хронологические акценты.

[27] *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 21, № 1, 3, 6, 7.

[28] *Парович-Пешикан М.* Ук. соч., с. 92, 110, 115, 123, 202, 203.

[29] *Thompson H.* Two Centuries of Hellenistic Pottery.— Hesperia, vol. III, № 4, 1934, p.311 сл.

Стремление ряда исследователей к омоложению дат ранних северопричерноморских комплексов со среднелатенскими (по конструкции) фибулами связано, вероятно, с недостаточной разработанностью периодизации и абсолютной хронологии соответствующих памятников. Только создание подробной периодизации северопричерноморских могильников III—I вв. до н. э. позволило бы определить место в них фибул. На материалах Беляусского могильника сделан первый шаг в этом направлении, и он говорит в пользу более ранней даты их появления здесь, чем предложенная исследователями на основе сопоставления с хронологией кельтских древностей на Западе. Это же можно сказать и о верхней границе для подобных фибул. Пока у нас нет ни одного экземпляра, датирующегося определенно I в. н. э., а ссылки на такие находки в Чехословакии и Польше [30] вряд ли убедительны для Северного Причерноморья.

Проволочные надвязные фибулы «неапольского» варианта выделяются по многовитковой обвязке конца ножки вокруг средней части дужки. Они имеют угловато изогнутую спинку, многовитковую пружину (обычно на железной оси), наружную тетиву и, как правило, довольно большие размеры: 9,5—11,5 *см.* В Беляусском могильнике найдено два целых (39—36, 34—41; рис. 4, *1*, *2*) и четыре фрагментированных экземпляра (1СК—48, 38—28, 44, 31—27; рис. 4, *3*), которые датируются не позднее второй — третьей четверти I в. до н. э. Заметим, что четыре подобные фибулы из мавзолея Неаполя (ящики VII, X, XI, XIII) датируются первой половиной I в. до н. э.[31], а все остальные 12 фибул, собранные А. К. Амброзом [32], не датируются. На одной из них следует остановиться подробнее, так как это единственная находка, которая могла бы служить основанием для отнесения рассматриваемых фибул и к концу I в. до н. э.— началу I в. н. э. Именно таким временем датируется погребение в ящике XXI мавзолея Неаполя, к которому Н. Н. Погребова отнесла обломок дужки фибулы «неапольского» варианта. Однако она же отметила, что этот обломок найден вне погребения, разрушенного современным перекопом. Думается, что отнесение фибулы к погребению в ящике XXI весьма условно, поскольку этот же перекоп прорезал и более раннее погребение в ящике VI [33]. Велика вероятность, что фибула выброшена именно из этого богатого погребения. Таким образом, пока у нас нет ни одной фибулы «неапольского» варианта, которую можно датировать временем позже третьей четверти I в. до н. э. [34] Что касается нижней границы данных фибул, то и тут нельзя исключить конец II или рубеж II—I вв. до н. э. На эту дату могут указывать фрагментированные фибулы 38—28 и 38—44, оказавшиеся в комплексе из 11 сосудов II в. до н. э., бронзового поясного наконечника и копья с листовидным пером [35]. На эту же дату указывает и фибула 34—41 (рис. 4, *2*), найденная в упоминавшемся выше раннем комплексе [36].

Проволочные надвязные фибулы «беляусского» варианта выделяются впервые, в своде А. К. Амброза подобные фибулы не зафиксированы. От фибул предыдущего варианта они отличаются высокой плавно изогну-

---

[30] *Мачинский Д. А.* Ук. соч., с. 26.

[31] *Погребова Н. Н.* Ук. соч., с. 178.

[32] *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 22; *его же.* Фибулы из раскопок Танаиса.— В сб.: Античные древности Подонья — Приазовья. М., 1969, с. 249, табл. II, *1*. Кроме беляусских находок, эта сводка может быть дополнена двумя фибулами: из Донбасса (*Шаповалов Т. О.* Сарматські поховання поблизу с. Новолуганське.— Археологія, № 8, 1973, с. 83, рис. 2, *1*) и некрополя Керкинитиды (склеп 1977 г., раскопки А. С. Бирюкова).

[33] *Погребова Н. Н.* Ук. соч., с. 195, 205, рис. 1А, 2Б.

[34] См. прим. 15 о фибуле 39—36 (рис. 4, *1*).

[35] *Дашевская О. Д.* Ук. отчет за 1974 г., с. 33—38. В этом же комплексе найдены и фибулы 38—27, 73 (рис. 8, *1*; 3, *1*).

[36] В склепах 4 и 39 восточного участка некрополя Неаполя найдены три фибулы «неапольского» варианта. Э. А. Сымонович (*Сымонович Э. А.* Ук. соч., рис. 3, *30*, *31*) датирует склепы II в. и рубежом II—I вв. до н. э.

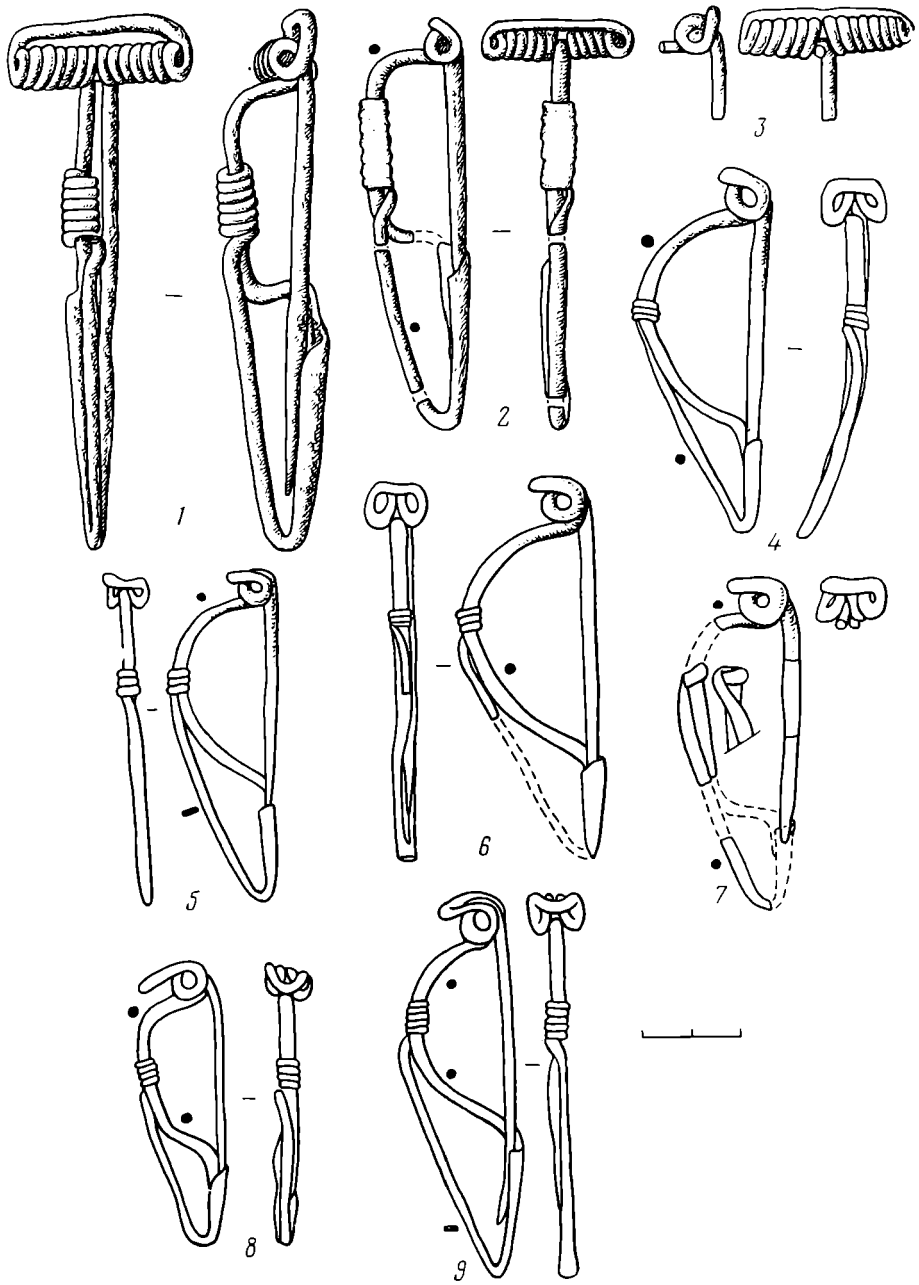


Рис. 4. Фибулы среднелатенской схемы, надвязные. *1—3* — «неапольский» вариант; *4—9* — «беляусский» вариант. *1* — 39—36; *2* — 34—41; *3* — 31—27; *4* — 71—9; *5* — 1ЮК-81; *6* — 35—6; *7* — 31—28; *8* — 96—12; *9* — 141—14. Бронза

той дуговидной спинкой и короткой пружиной. По очертаниям корпуса фибулы «беляусского» варианта приближаются к «лучковым» подвязным. Это важно отметить, так как до сих пор среди латенских фибул не встречалось такого детального внешнего сходства с подвязными. Длина рассматриваемых фибул 6—8 *см*. Всего найдено пять целых и один фрагментированный экземпляр (рис. 4, *4—9*). Из них три (31—28, 35—6, 71—9; рис. 4, *4, 6, 7*) относятся к первой половине I в. до н. э., а остальные имеют широкую дату в пределах I в. до н. э. Последняя дата, учитывая малочисленность находок, должна быть пока принята для всего варианта, хотя она, очевидно, нуждается в сужении.

Фибулы с треугольно расширенным концом ножки, обычно называемые «зарубинецкими», представлены в Беляусском могильнике одним экземп-

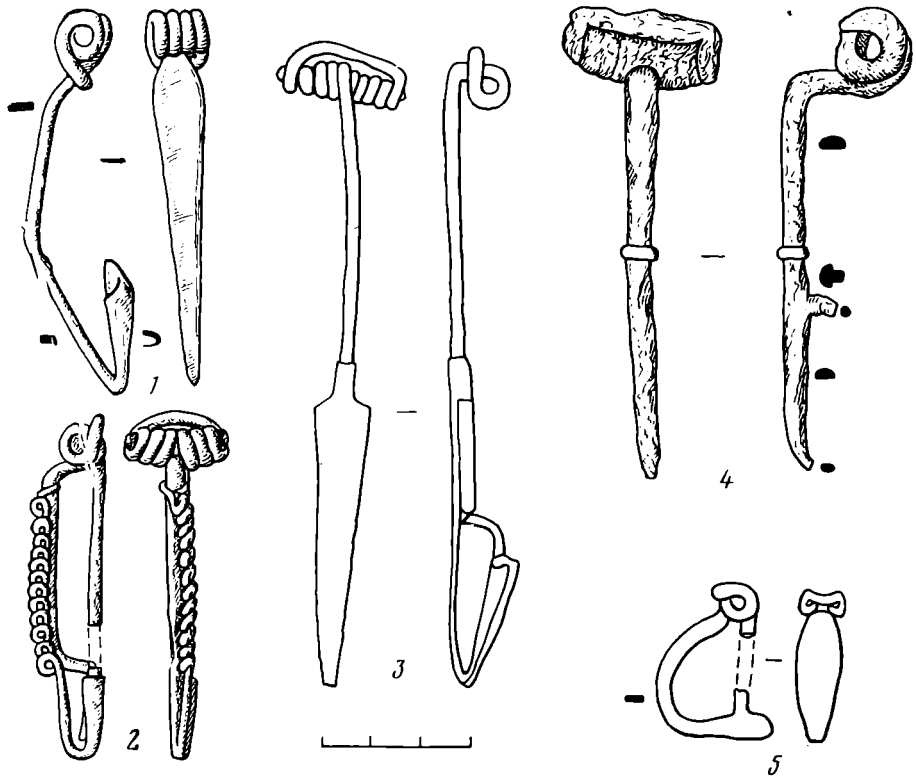


Рис. 5. Единичные типы фибул Беляусского могильника. *1* — 117—4; *2* — 50—...; *3* — 20—6; *4* — 20—12; *5* — 101—12. *1—3* — бронза; *4*, *5* — железо

ляром (20—6, рис. 5, *3*). Длина фибулы 13,5 *см*. Многовитковая пружина имеет железную ось, тетива наружная. Конец ножки превращен в треугольный щиток и при помощи «лапки» прикреплен к средней части дужки. Утрачена игла. Необычно короткий, но достаточно развитый щиток заставляет предполагать наличие починки. По всем признакам беляусская находка должна, вероятно, относиться к третьему варианту «зарубинецких» фибул, который А. К. Амброз датирует последней третью I в. до н. э.— началом I в. н. э.[37] Эта датировка совершенно не подходит нашей фибуле. Она принадлежала первому погребенному в мог. 20, тогда как у скелета II оказался железный втульчатый наконечник стрелы, датирующийся не позднее конца II — начала I в. до н. э.[38] Еще более определенно на дату фибулы указывает инвентарь скелета III (предпоследнего): большой железный поясной крюк конца II—I в. до н. э. и рыбное блюдо с концентрическими полосами черного лака, которое в Беляусском могильнике встречается в комплексах не позднее рубежа II—I вв. до н. э.[39] Заметим, что, судя по состоянию костяков, между скелетами I и II очевиден некоторый хронологический разрыв, а скелеты II и III практически одновременны. Все это указывает на необходимость отнесения фибулы 20—6 еще к концу II в. до н. э.[40]

---

[37] *Амброз А. К.* Фибулы юга..., с. 14—17; *его же.* Фибулы зарубинецкой культуры.— МИА, № 70, 1959, с. 184—188, табл. 6.

[38] *Раевский Д. С.* Ук. соч., с. 145, прим. 11.

[39] *Дашевская О. Д.* Ук. отчет за 1974 г., с. 38—42; *ее же.* Отчет о работе Донузлавской экспедиции ИА АН СССР и ЕКМ в 1972 г.— Архив ЕКМ, № 138, с. 20—24. Единственная известная мне аналогия такому блюду из некрополя Аполлонии датируется еще концом III в. до н. э. (см. *Иванов Т.* Антична керамика от некропола на Аполония.— В сб.: Аполония. София, 1963, с. 232, табл. 122, № 625а, тип II).

[40] *Дашевская О. Д.* Отчет о работе Донузлавской экспедиции ИА АН СССР и ЕКМ 1973 г.— Архив ЕКМ, № 115, с. 28—31.

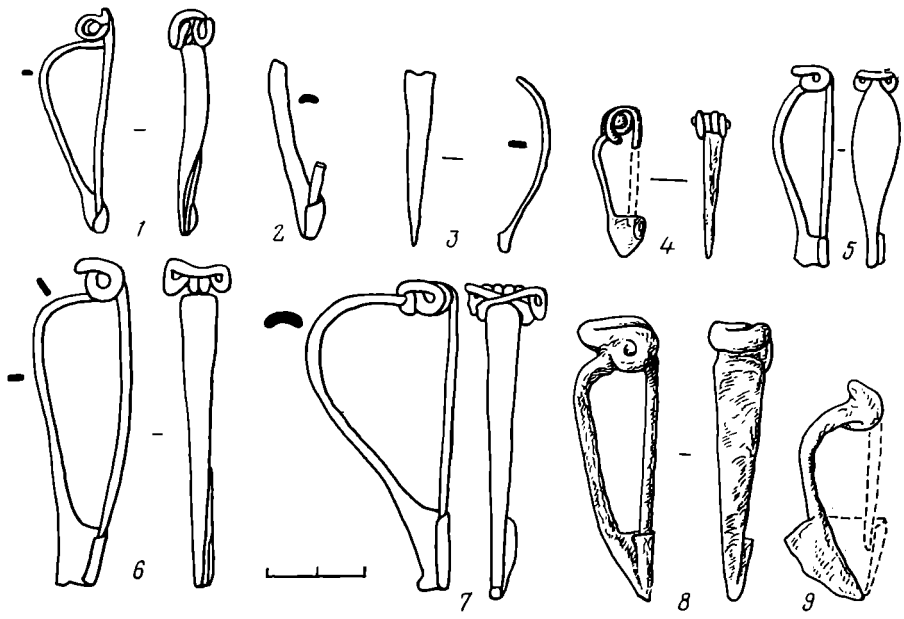


Рис. 6. *1—4*, *8*, *9* — «воинские» фибулы; *5—7* — фибулы с кнопкой на конце приемника. *1* — 10—8; *2* — 13—23; *3* — 2—16; *4* — 2—17; *5* — 38—31; *6* — 86—36; *7* — 71—60; *8* — 113—15; *9* — 140—1. *1*, *3—7* — бронза; *2*, *8*, *9* — железо

Новая находка «зарубинецкой» фибулы в датированном комплексе представляет значительный интерес. Ранняя дата единственной сохранившейся в мавзолее Неаполя серебряной «зарубинецкой» фибулы третьего варианта, происходящей из каменной гробницы, вызывала сомнения, и высказывалась мысль, что она попала в гробницу с землей из верхних погребений[41]. Думается, что с находкой в Беляусском могильнике фибулы с такой же датой эти сомнения могут быть отброшены. Вероятно, это могло быть сделано и раньше. Неапольская фибула найдена несомненно in situ. Она лежала у левого бедра погребенного, а симметрично ей у правого бедра оказалась распавшаяся в дальнейшем аналогичная, судя по тексту Н. Н. Погребовой, бронзовая фибула. Не могла серебряная фибула случайно попасть к бедру погребенного из-за того, что обвалившаяся средняя плита перекрытия гробницы закрывала именно эту часть скелета. Но даже если бы и произошло нечто подобное, то фибула (обе?) могла попасть в гробницу только из перекрывавших ее ящиков XI и XII, а оба эти погребения (кстати, не потревоженные) относятся к началу I в. до н. э.[42], что все равно не совпадает с существовавшей хронологией «зарубинецких» фибул. К. В. Каспарова, сопоставив «зарубинецкие» фибулы с близкими «копьевидными» фибулами Югославии (первая половина II в. до н. э.—1 в. н. э.), пришла к выводу о необходимости некоторого удревнения «зарубинецких» фибул (середина II в. до н. э.— первая половина I в. н. э.) и высказала предположение о том, что крымские фибулы ближе к «копьевидным»[43]. Дата беляусской фибулы согласуется с основным выводом К. В. Каспаровой, но следует заметить, что предположение о юго-западном происхождении крымских находок нуждается в дополнительных обоснованиях.

Единственный экземпляр «рамчатых» фибул позднелатенской схемы (рис. 5, *4*), как и предыдущая фибула, найден в мог. 20. Фибула при-

[41] *Амброз А. К.* Фибулы юга..., с. 17. В Крыму известна еще одна «зарубинецкая» фибула, см. *Высотская Т. Н.* Позднескифские погребения в кургане близ городища Кермен-Кыр.— АИУ — 1967. Киев, 1968, с. 113, 114, рис. 2.

[42] *Погребова Н. Н.* Ук. соч., с. 158, 176, 178, 186, рис. 4, *5*, *6*.

[43] *Каспарова К. В.* О фибулах зарубинецкого типа.— АСб. ГЭ, № 18, 1977, с. 69, 75, 76.

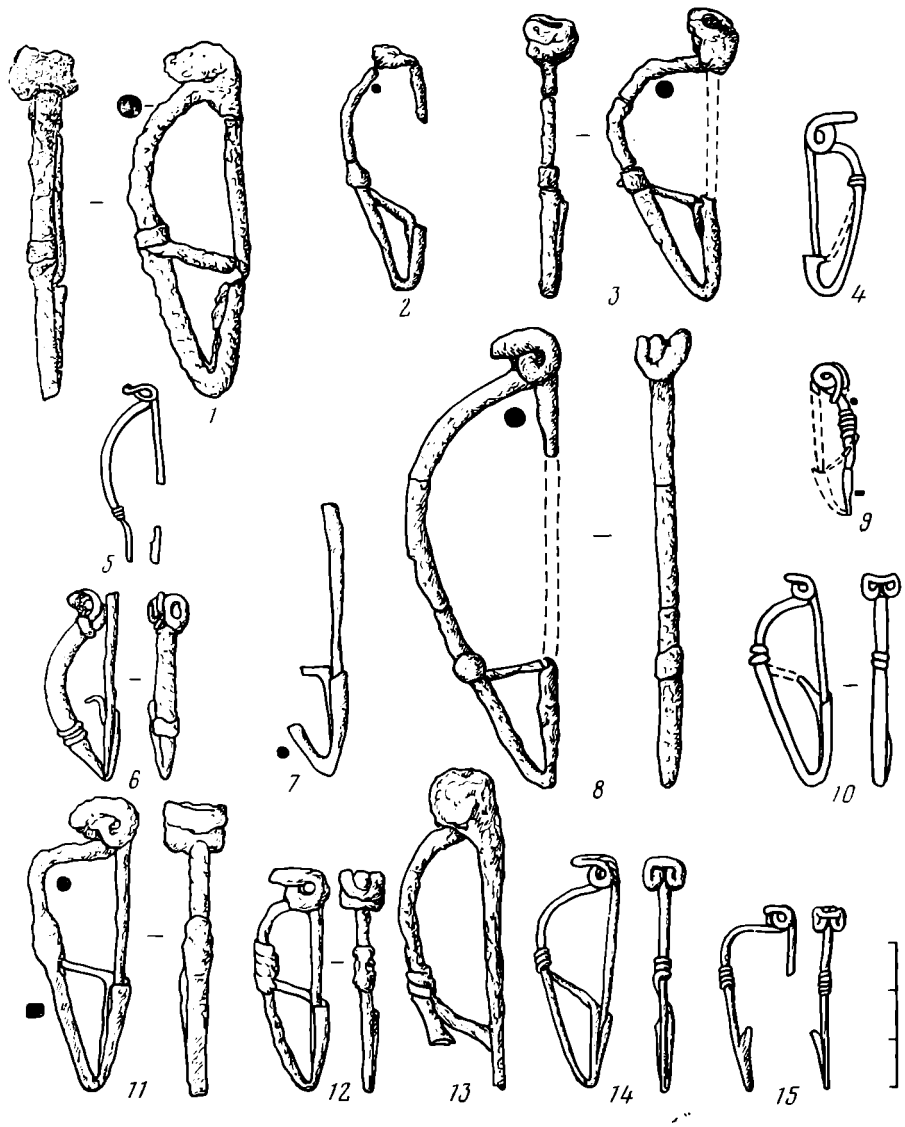


Рис. 7. Фибулы «лучковые» подвязные. *1* — 12—16; *2* — 12—17; *3* — 10—16; *4* — 50—9; *5* — каменный склеп 3—16; *6* — 10—9; *7* — 71—13; *8* — 2—13; *9* — 10—13; *10* — 101—5; *11* — 138—1; *12* — 138—26; *13* — 141—13; *14* — 126—1; *15* — 123—1. *1—3, 6—8, 11—13* — железо; *4, 5, 9, 10, 14, 15* — бронза

надлежала последнему в склепе скелету IV (похоронен вскоре после скелета III) и сопровождалась краснолаковым блюдом эллинистического облика. Рассматриваемая фибула является первой подобной находкой на юге СССР. До сих пор в СССР эти фибулы встречались только на территории зарубинецкой культуры и в малых количествах. Рассматриваемый экземпляр железный, головка корродирована, но заметны наружная тетива и восемь витков пружины. Прямая дужка украшена в средней части бронзовым ободком, что наряду с желобками характерно для данных фибул. Длина беляусской фибулы 9,5 *см*, утрачены игла и приемник, однако ясно, что эта фибула относится к варианту с прямым корпусом (форма прямоугольной рамки) [44]. Дата беляусской фибулы (начало 1 в. до н. э.) совпадает с датировкой Р. Хахмана [45].

[44] *Мачинский Д. А.* Ук. соч., с. 26, рис. 5, *Б5*; *Амброз А. К.* Фибулы юга..., с. 22, рис. 3, *10*.

[45] *Hachmann R.* Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. Studien zum Stand der Forschung im nördlichen Mitteleuropa und im Skandinavien.— 41 Bericht der

«Воинских» фибул с прогнутым корпусом найдено всего три целых (2—17, 10—8, 113—5) и три фрагментированных экземпляра (рис. 6, *1—4*, *8*, *9*). Четыре экземпляра железные, в одном случае зафиксирована нижняя тетива и железная ось (2—17, рис. 6, *4*). Все находки относятся к варианту с прогнутой спинкой и коротким приемником, который А. К. Амброз датирует I в. н. э.[46] Беляусские фибулы подтверждают такую дату, указывая, вероятно, на первую половину века[47]. Так, фибула 10—8 (рис. 6, *1*) оказалась в склепе раньше трех «лучковых» подвязных фибул I варианта (10—9, 13 и 16; рис. 7, *3*, *6*, *9*). Вряд ли позднее рубежа нашей эры фрагментированная фибула 13—23 (рис. 6, *2*), найденная среди сдвинутых скелетов с материалом II—I вв. до н. э., тогда как у позднейших скелетов оказались бронзовое кольцо с зооморфным выступом и краснолаковая миска конца I в. до н. э.— первой половины I в. н. э. К рубежу нашей эры О. Д. Дашевская относит бусы, вместе с которыми найдена фибула 140—1 (рис. 6, *9*).

Пружинные фибулы с гладким корпусом и с кнопкой малочисленны в Беляусском могильнике. Найдено всего три целых экземпляра. Среди фибул с кнопкой, собранных в книге А. К. Амброза, подобных беляусским нет. Все беляусские находки этой группы имеют едва намеченные кнопки и ленточные дужки. У фибул 38—31 и 86—36 короткая пружина и наружная тетива (рис. 6, *5*, *6*). Фибула 71—60 отличается более резкой профилировкой корпуса и длинной пружиной с обвитой тетивой (рис. 6, *7*). По комплексу керамики последняя фибула относится ко второй половине I в. до н. э. Она найдена у ног предпоследнего в склепе скелета и, вероятно, осталась от сдвинутых погребений с противоположной ориентировкой. Если это наблюдение ошибочно, то фибула все равно не позднее рубежа нашей эры, так как у последнего в склепе скелета оказалась краснолаковая мисочка второй половины I в. до н. э. и фрагментированная «лучковая» фибула (рис. 7, *7*)[48]. Фибула 86—36 (рис. 6, *6*) датируется концом I в. до н. э.— первой половиной I в. н. э. по совместной находке с краснолаковой миской с изогнутыми ручками[49]. К концу I в. до н. э. отнесена фибула 38—31 (рис. 6, *5*)[50]. Она может оказаться и дефектным экземпляром фибулы с завитком, которые, впрочем, на Беляусе не встречались. Малочисленность наших находок не позволяет пока ставить вопрос о расширении даты фибул с кнопками, но они должны учитываться при дальнейшей работе над фибулами Причерноморья.

Все 15 «лучковых» подвязных фибул (рис. 7), найденных в Беляусском могильнике, относятся к выделенному А. К. Амброзом первому варианту этого типа[51]. Их даты не противоречат общепринятым (преимущественно первая половина I в. н. э., но возможен и конец I в. до н. э.). Среди фибул этого типа необычно высок для Беляусского могильника процент железных (9 из 15). В двух случаях зафиксирована нижняя тетива, в большинстве же она верхняя.

RGK, 1960. Berlin, 1961, S. 255, 258, Taf. I (Frühphase), II, 45. Я. Филип датирует «рамчатые» фибулы второй половиной века (см. *Filip J.* Op. cit., s. 112—114, 484).

[46] *Амброз А. К.* Фибулы юга.., с. 25, табл. 4, *6—8*.

[47] Ср. *Каспарова К. В.* О фибулах..., с. 75 и прим. 65, 66.

[48] *Дашевская О. Д.* Ук. отчет за 1975 г., с. 32—36.

[49] Там же, с. 47—51. Ср. *Сокольский Н. И.* Таманский толос и резиденция Хриталиска. М., 1976, с. 93, рис. 50, *11*.

[50] Такая дата представляется оптимальной, но возможны небольшие колебания. Фибула найдена западнее стоп последнего в камере скелета IV и явно осталась от сдвинутых скелетов (I—III) с западной ориентировкой. Первый из них сопровождался краснолаковой мисочкой I в. до н. э. и мечом I в. до н. э.— I в. н. э., тогда как скелету IV принадлежит краснолаковая миска с изогнутыми ручками конца I в. до н. э.— первой половины I в. н. э. См. *Дашевская О. Д.* Ук. отчет за 1974 г., с. 33—38.

[51] *Амброз А. К.* Фибулы юга..., с. 48; ср. *Скрипкин А. С.* Фибулы Нижнего Поволжья.— СА, 1977, № 2, с. 105.

Считается, что «лучковые» подвязные фибулы возникают как дальнейшее развитие северопричерноморских фибул среднелатенской схемы [52]. Ряд подобных фибул Беляусского могильника (особенно «беляусский» вариант) может служить наглядной иллюстрацией этого тезиса. Исходя из этого, очевидно, имеет смысл выделить среди «лучковых» фибул первого варианта два подварианта [53]: а) с высоко расположенной завязкой (уже бессмысленное калькирование этого элемента надвязных фибул, см. фибулы 10—13, 16; 12—16, 17; 50—9; 101—5; 138—1, 26; 123—1; 126—1; 141—13; рис. 7, *1—4*, *10—15*); б) с низко расположенной завязкой (2—13; 10—9; каменный склеп 3—16; рис. 7, *5*, *6*, *8*).

За 12 лет раскопок (160 могил) найдено всего 13 брошей различных типов и с разными датами в пределах II в. до н. э.— I в. н. э. В связи с этим можно утверждать, что подобные украшения особой популярностью у поздних скифов не пользовались, хотя в других синхронных могильниках эта цифра еще меньше, в Неаполе скифском всего две броши найдены в мавзолее и шесть происходят из раскопок Э. А. Сымоновича и О. А. Махневой на восточном участке некрополя [54].

Наиболее многочисленную группу брошей Беляусского могильника составляют пружинные (9 экз). По устройству игольного аппарата они подразделяются на два вида: броши с двумя иглами и броши с припаянной дужковой фибулой.

Первый вид представлен 6 экз. (рис. 8, *1—6*). Бронзовая брошь 38—27 (рис. 8, *1*) имеет плоский кольцевой щиток и двусторонний приемник. Четырехвитковая пружина с внутренней тетивой, заканчивающаяся двумя иглами, прикреплена к высокой стойке с помощью петлевидной оси. Датируется эта брошь II — началом I в. до н. э.[55], и аналогий ей на других памятниках я не знаю. Возможно, она была обтянута тканью (тонкой, с очень мелкой сеткой плетения), следы которой сохранились на обеих сторонах щитка. Аналогичный бронзовый щиток, но с заходящими концами остался от броши 119—8, с той же датой (рис. 8, *2*). Близкое устройство имеет и собранная из обломков брошь 31—14 (рис. 8, *3*), но она биметаллическая: игольный аппарат бронзовый, а щиток железный, также в виде плоского кольца с заходящими концами. Незначительные отличия от броши 38—27 дает игольный аппарат, который крепился к щитку специальным «язычком», соединявшимся с головкой при помощи оси. Приемник не сохранился; вероятно, он был такой же, как и у остальных брошей с двумя иглами. С конкретным погребением брошь 31—14 связать не удается, и она датируется в рамках всего склепа концом II—I в. до н. э.[56] От броши 5—20 (I в. до н. э.) до нас дошел игольный аппарат с приемником. Он отличается от аппарата броши 31—14 более длинной, шестивитковой, пружиной и петлевидной осью (рис. 8, *4*). От броши 53—68 (II—I вв. до н. э.) найден лишь двусторонний приемник с частью одной из игл (рис. 8, *6*).

Предположительно к рассматриваемому виду можно отнести и брошь 90—38 (рис. 8, *5*), от которой остался только бронзовый щиток. Последний является репликой броши с двумя иглами из Тавельского кургана и такой же броши из кургана у с. Соколово Днепропетровской обл.[57] Щиток

---

[52] *Almgren O.* Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Stockholm, 1897, S. 71—74; *Калитинский А. П.* Ук. соч., с. 201 сл.

[53] Ср. *Амброз А. К.* Фибулы юга..., с. 48.

[54] *Погребова Н. Н.* Ук. соч., с. 156, рис. 6, *10*; 24, *9*; *Шульц П. Н.* Ук. соч., с. 24, 36, 37, рис. 19, 21; *Сымонович Э. А.* Ук. соч., с. 143, 144, рис. 2, *1—4*; *Махнева О. А.* Склеп с египетскими изделиями на восточном участке некрополя Неаполя скифского.— ЗОАО, т. II(35), 1967, с. 194, рис. 3, *11*, *12*.

[55] См. прим. 35.

[56] *Дашевская О. Д.* Ук. отчет за 1974 г., с. 32 сл.

[57] ОАК за 1897 г., СПб., 1900, с. 37, 38, рис. 117; *Posta B.* Archäologische Studien auf russischem Boden. Bd II. Budapest — Leipzig, 1905, S. 480, 484, Taf. 265, *6*; *Ам-*

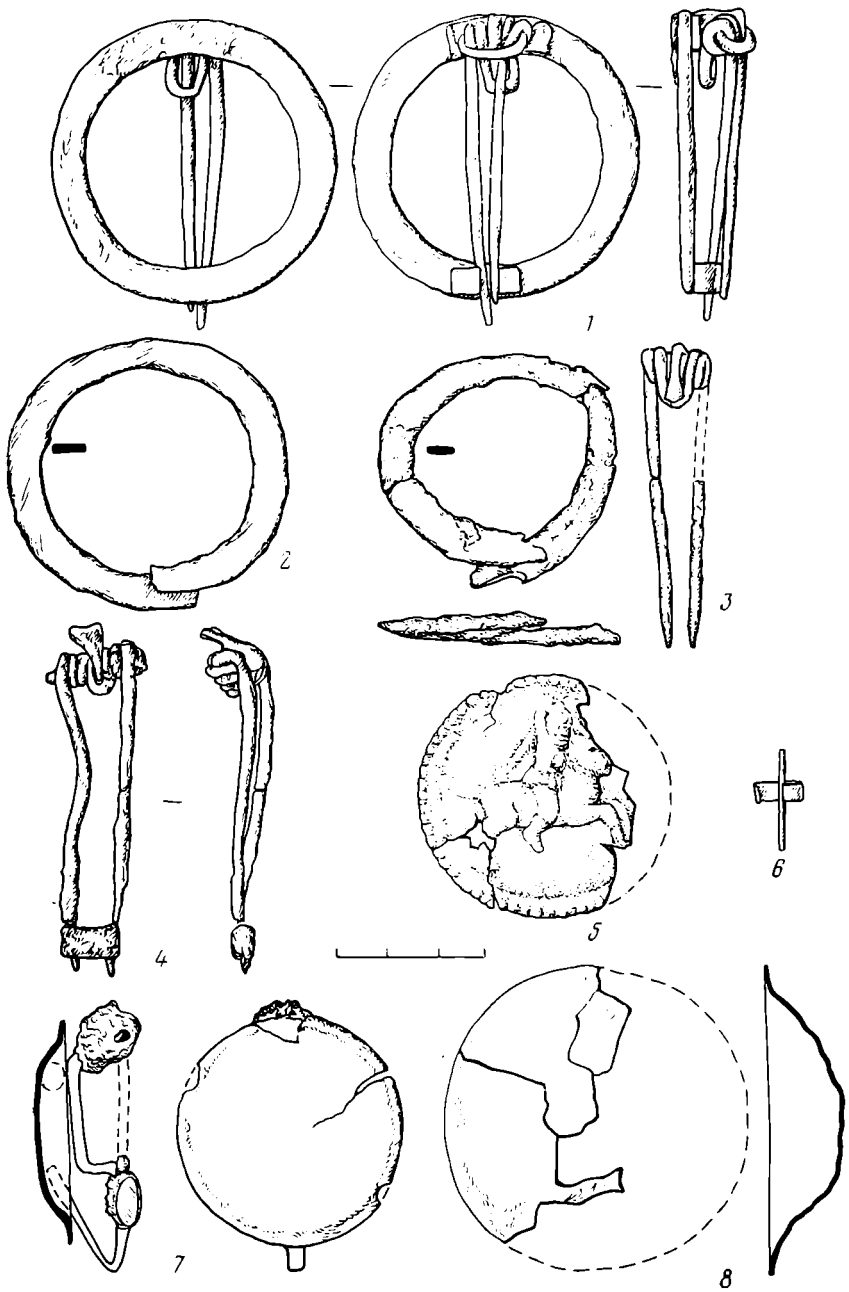


Рис. 8. Броши. *1* — 38—27; *2* — 119—8; *3* — 31—14; *4* — 5—20; *5* — 90—38; *6* — 53—68; *7* — 17—6; *8* — 77—9; *1*, *2*, *4*—*6* — бронза; *3*, *7* — бронза и железо; *8* — серебро

обведен по краю пунсоном и несет изображение всадника с копьем вправо. Хорошо различимы остроконечный головной убор, кафтан с поясом. На кафтане можно усмотреть попытку мастера изобразить металлические панцирные пластины. Трактовка скачущего коня очень близка изображению на известном рельефе Трифона из Танаиса. Тавельская брошь по комплексу узкой даты не имеет, соколовская датируется концом II — началом I в. до н. э., а беляусская — I в. до н. э., скорее первой половиной века.

Второй вид беляусских пружинных брошей также представлен 3 экз. (рис. 8, 7; 9, *1, 2*). Брошь 17—6 (рис. 8, 7) имеет небольшой выпук-

броз А. К. Фибулы юга..., с. 31; *Костенко В. И.* Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары.— СА, 1979, № 4, с. 192—199, рис. 3, *2*.

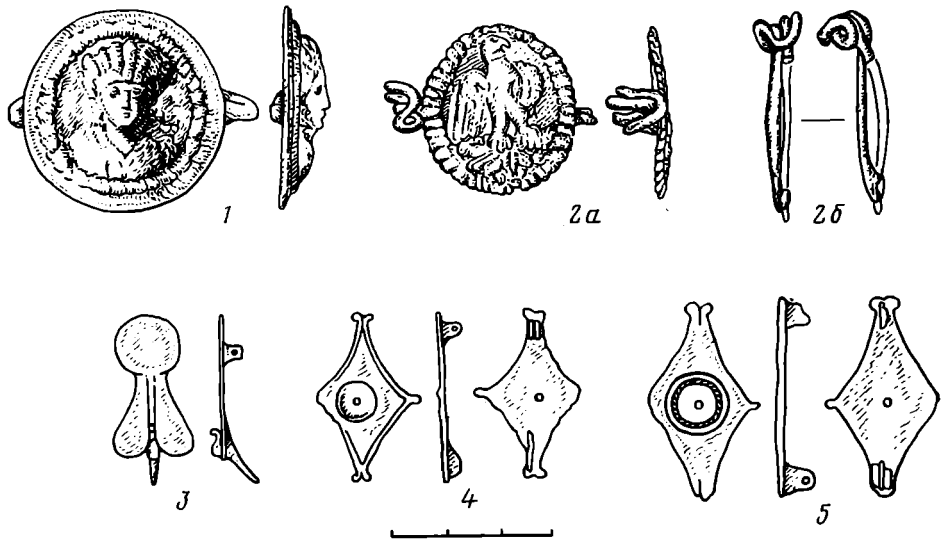


Рис. 9. Броши. *1* — 90—35; *2* — 149—4; *3* — 10—7; *4*, *5* — каменный склеп 2—23, 22; *1* — серебро с бронзой; *2—5* — бронза

лый бронзовый щиток и припаянную к нему железную фибулу со свободным концом ножки (см. рис. 1). Фибула прикреплена дужкой к специальному шарику на внутренней поверхности щитка и свободным концом ножки — к его краю. Брошь принадлежала самому раннему в склепе погребению; ее датой, судя по сочетанию веретенообразного флакона и «дырчатой» курильницы, является I в. до н. э.[58] У второй броши этой группы (90—35, рис. 9, *1*) соединены серебряный рельефный щиток[59] с изображением Кибелы в башенной короне (?) и сильно поврежденная бронзовая фибула с остатками ленточной дужки и приемника в виде «лодочки». Головка и игла утрачены. Утрачена и завязка (?), которой приемник, вероятно, крепился к дужке. По условиям находки брошь датируется концом II—I в. до н. э.: она попала в склеп позже броши 90—12 (рис. 2, *6*) и найдена среди сдвинутых погребений с материалом II—I вв. до н. э. Бронзовая брошь 149—4 (рис. 9, *2*) имеет небольшой круглый щиток с изображением орла и игольный аппарат из «воинской» фибулы. Находка хорошо датируется по сопровождающему материалу I в. н. э., а по характеру игольного аппарата — его первой половиной.

От броши 77—9 (рис. 8, *8*) до нас дошел только фрагментированный круглый выпуклый серебряный щиток, по условиям находки датирующийся первой половиной I в. до н. э., и неясно, к какому виду данной группы относилась эта брошь.

К группе шарнирных принадлежат три броши. Щиток миниатюрной бронзовой броши 10—7 (рис. 9, *3*) представляет собой довольно схематичное изображение цикады. Мы принимаем это определение вслед за европейскими учеными, но вряд ли есть возможность столь точной интерпретации, и некоторые исследователи столь же правомерно усматривают на близких брошах или, например, золотых бляшках изображения мух или пчел[60]. Основная масса брошей с подобными изображениями, которые,

---

[58] *Дашевская О. Д.* Ук. отчет за 1972 г., с. 29—31; *ее же.* О скифских курильницах.— СА, 1980, № 1, с. 24, рис. 6, *3*.

[59] Щиток, вероятно, использован вторично и может быть более ранним, чем сама брошь. См. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.— САИ, Д1—27, 1970, с. 33, табл. XXIII, 429б; XXV, 429д.

[60] *Амброз А. К.* Фибулы юга..., с. 35; *Погребова Н. Н.* Ук. соч., с. 134, рис. 6, *2е*; *Шульц П. Н.* Ук. соч., с. 74, табл. II, *7*.

как считается, служили приносящими счастье амулетами [61], относится к V или V—VI вв. н. э. [62] З. Вински, со ссылкой на Х. Кюна, упоминает и изображения цикад более ранних эпох. Брошь 10—7 хорошо датируется первой половиной I в. н. э. как вообще по сочетанию фибул в могиле, так и по совместной находке с миниатюрной подвязной фибулой (10—13, рис. 7, *9*). К сожалению, ее игольный аппарат сохранился фрагментарно. От головки осталась одна стойка, и можно только предполагать, что тут крепился шарнир. «Язычок» приемника утрачен, но сохранился длинный наклонный выступ-стойка, какой иногда можно наблюдать на некоторых брошах [63]. Интересно, что приемник снабжен завитком, выходящим на внешнюю поверхность щитка.

Еще две бронзовые броши (рис. 9, *4*, *5*) происходят из каменного склепа 2 (I в. н. э.) и относятся к известному типу простых ромбических брошей с завитками на концах [64]. Сохранность их плохая, повреждены щитки, утрачены иглы, но остались низкие пластинчатые приемники и стойки шарниров. Для нас данные броши особенно интересны тем, что это единственные из найденных в Беляусском могильнике фибул, которые принято относить ко второй половине I в. н. э.

Помимо рассмотренных выше, в основном массовых находок, в Беляусском могильнике имеется еще несколько разновременных единичных фибул. В мог. 50 найдена фибула (рис. 5, *2*) среднелатенской схемы с шестивитковой пружиной на железной оси и наружной тетивой. Конец ее ножки превращен в 12-витковую спираль, которая растянута по дужке и зацеплена за нее. Подобные украшения, судя по таблице Я. Филипа, характерны для второй половины II в. до н. э.[65], что заставляет считать эту фибулу одной из самых ранних фибул среднелатенской схемы в Северном Причерноморье. Комплекс могилы не противоречит такой дате, но и не позволяет уточнить ее (II—I вв. до н. э.) [66].

Необычна для Беляуса фибула 117—4 (рис. 5, *1*), имеющая внутреннюю тетиву и ленточную спинку, согнутую под тупым углом и переходящую в высокий приемник-«лодочку» с одной утолщенной стенкой. Фибула относится к подвязным [67], но завязка, как и игла, не сохранилась. Впрочем, на внутренней поверхности дужки следы завязки заметны. Фибула найдена при самом раннем в склепе скелете I и датируется I в. до н. э., так как позднейший скелет III сопровождался краснолаковой чашей I в. до н. э. и очковидной пряжкой того же времени [68].

Маленькая железная фибула из детского склепа 101 (рис. 5, *5*), датирующаяся I в. н. э.[69], переделана из какой-то сломавшейся фибулы. Последняя была согнута так, что ее ленточная спинка перешла в перпендикулярную игле ножку. Как удерживалась игла, судить трудно — эта часть фибулы сильно корродирована. Вероятно, «приемником» послужил какой-то выступ прежней конструкции (верх пластинчатого приемника?).

В данной работе использовано 78 фибул, а всего в Беляусском могильнике найдено более 100 экземпляров (из-за фрагментарности тип остальных не определяется). По нашим подсчетам, одна фибула прихо-

---

[61] *Vinski Ž.* Zikadenschmuck aus Jugoslavien.— In: Jahrbuch der RGZM, 4. Mainz, 1957, S. 157.

[62] *Амброз А. К.* Фибулы юга..., с. 35; *Vinski Z.* Op. cit., S. 134, 144 (тут же см. краткую сводку изображений цикад юга СССР, S. 144—148).

[63] *Almgren O.* Op. cit., Taf. X, № 223.

[64] *Дашевская О. Д.* Два склепа..., с. 67—71, рис. 41, *4*; 32, *2*; 33, *1—7*, *9—12*. Ср. *Амброз А. К.* Фибулы юга..., с. 33, табл. 15, *5*.

[65] *Филип Я.* Кельтская цивилизация..., с. 88, рис. 21. Ср. *Filip J.* Op. cit., obr. 34, *3*.

[66] *Дашевская О. Д.* Ук. отчет за 1974 г., с. 52, 53.

[67] На это мне любезно указано А. К. Амброзом.

[68] *Дашевская О. Д.* Отчет о работе Донузлавской экспедиции ИА АН СССР и ЕКМ в 1976 г.— Архив ЕКМ, № 146, с. 35—38.

[69] *Дашевская О. Д.* Ук. отчет за 1975 г., с. 62—64.

дится на четыре или пять погребенных[70]. Это же соотношение называет и Э. А. Сымонович для восточного участка некрополя Неаполя скифского[71]. Чуть реже встречались фибулы (15 фибул на 85 скелетов, т. е. одна на пять-шесть скелетов) в мавзолее Неаполя. Вероятно, эти цифры можно считать средними для культуры поздних крымских скифов. В других приблизительно синхронных могильниках мы можем найти и другие данные. Так, подсчеты по весьма подробным публикациям М. И. Вязьмитиной и Т. М. Арсеньевой показывают, что в Золотобалковском некрополе одна фибула приходится приблизительно на восемь скелетов (18 фибул на 150 скелетов), а в некрополе у с. Ново-Отрадное — даже чаще чем на каждого второго погребенного (44 фибулы на 77 скелетов).

В Беляусском могильнике фибула является принадлежностью костюма преимущественно взрослого человека, как мужчины, так и женщины. В многочисленных подбойных могилах, где похоронены дети младшего возраста, найдено всего четыре фибулы. Малочисленны (9 экз.) находки фибул и в детских земляных склепах, причем там подавляющее большинство составляют дети подросткового возраста.

По вопросу о том, как носилась фибула, А. П. Калитинский замечает, что обычным было положение головкой вниз[72]. Вряд ли, однако, в этом отношении было единое правило. Исследователи, к сожалению, редко фиксируют этот момент, но порой наблюдалось различное положение фибул: горизонтальное, вертикальное головкой вверх или вниз и т. п. О горизонтальном пристегивании некоторых фибул-брошей свидетельствует конструкция беляусских экземпляров с сюжетными изображениями (рис. 9, *1, 2*), причем такое положение фибулы 149—4 прослежено О. Д. Дашевской и при раскопках.

Основная масса фибул оказывается обычно на плечах погребенных. В Беляусском могильнике на груди скелетов найдено 10 фибул, а на правом и левом плечах — десять и шесть соответственно. Три фибулы (две — броши) найдены на тазовых костях и одна у бедра погребенного[73]. Последние два положения не уникальны, и можно назвать аналогичные в других могильниках[74]. Несколько раз в некрополе Беляуса встречались фибулы у черепа погребенного, но каждый раз при сдвинутых костяках. Заметим, что в Беляусском могильнике пока не встречались парные фибулы, но есть четыре случая, когда один скелет сопровождался двумя разнотипными фибулами: 10—7, 13 (рис. 7, *7*; 9, *2*); 61—21, 22 (рис. 2, *10*; 3, *2*); 5—10, 11 (рис. 2, *9* и неясный обломок); 31—22, 23 (рис. 3, *3* и неясный обломок).

Интересно сопоставить фибулы Беляуса и Неаполя. Количественно они приблизительно совпадают, но заметно разнятся по составу. Так, фибулы среднелатенской схемы в Беляусском могильнике многочисленнее и разнообразнее по вариантам. Этого нельзя сказать о фибулах более поздних типов. Объяснение следует искать в различии хронологических акцентов могильников. В Неаполе до сих пор известно мало погребений II в. до н. э., тогда как начальной датой скифского некрополя Беляуса является конец III в. до н. э. Если Беляусское городище и могильник вряд ли пережили конец I в. н. э., то в некрополе Неаполя известны погребения III в. н. э.[75] Показательно, что в Беляусском могильнике второй полóвиной I в. н. э. датируются две ромбические броши, а все

[70] Число ограбленных могил невелико и не может изменить картину.

[71] *Сымонович Э. А.* Ук. соч., с. 140.

[72] *Калитинский А. П.* Ук. соч., с. 193, прим. 1.

[73] Фибулы встречаются иногда на ногах покойника (*Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев, 1972, с. 53). Несколько раз оказывались фибулы у стоп скелетов и в Беляусском могильнике, но обычно они лежали далеко от костей и скорее остались от сдвинутых скелетов с противоположной ориентировкой.

[74] *Погребова Н. Н.* Ук. соч., с. 186; *Вязьмитина М. И.* Ук. соч., с. 64.

[75] *Сымонович Э. А.* Фибулы Неаполя скифского, с. 140; *Раевский Д. С.* Ук. соч., с. 150.

остальные датированные фибулы оказываются не позднее середины I в. н. э. Полностью отсутствуют «лучковые» подвязные фибулы II и последующих вариантов, которые значительным числом представлены в Неаполе. В конце I в. н. э. в Неаполе появляются «смычковые» фибулы, но их нет в Беляусском могильнике. Складывается впечатление, что количество населения Беляуса в течение конца I в. до н. э.— первой половины I в. н. э. уменьшается постепенно под влиянием каких-то еще недостаточно изученных причин, а около середины I в. н. э.— более резко. Известно, что в 50-х — начале 60-х годов I в. н. э. произошло новое серьезное столкновение Херсонеса со скифами, повлекшее за собой экспедицию Т. Плавтия Сильвана и поражение скифов [76]. Не с этими ли событиями связано резкое уменьшение числа населения Беляуса, а возможно, и некоторых других городищ [77] Северо-Западного Крыма? Такой вывод, безусловно, нуждается в проверке путем изучения всех материалов городища и могильника. Однако, учитывая как массовый характер изучавшейся группы, так и ее сравнительно надежные хронологические рамки, можно предполагать, что он окажется верным.

Данных о месте и характере производства рассмотренных фибул у нас почти нет. Можно только указать на заготовку бронзовой фибулы, найденную О. Д. Дашевской в 1962 г. на соседнем Южно-Донузлавском городище [78]. Заготовка круглопроволочная, длина ее 9,5 *см*, средняя часть прокована в небольшую подтреугольную ленточную дужку. Один конец заготовки, более длинный и предназначавшийся, вероятно, для изготовления приемника, еще не обработан, а другой много короче и представляет собой половину витка спирали. Очевидно, при попытке изготовить пружину заготовка сломалась и была брошена. Факт ее находки позволяет предполагать, что по крайней мере часть беляусских фибул могла быть изготовлена на месте или на соседних городищах Северо-Западного Крыма.

Приложение

Список фибул Беляусского могильника (1967—1978 гг.) и основания для датировки комплексов

Каменный склеп 2. № 22, 23 (рис. 9, *4*, *5*) — см. КСИА АН СССР, № 119, 1969, с. 67 сл.

Каменный склеп 3. № 16 (рис. 7, *5*) — см. КСИА АН СССР, № 145, 1976, с. 55 сл.

Мог. 1. СК-46, 48 (рис. 1, *5*; типа рис. 4, *1*), ЮК-80, 81 и 82 (рис. 1, *1*; 4, *5*; 2, *3*) — двухкамерный склеп III—I вв. до н. э. По погребениям не дифференцируется.

Мог. 2. № 13, 17 (рис. 7, *8*; 6, *4*) — сдвинутые костяки, конец I в. до н. э.— первая половина I в. н. э. (краснолаковое блюдо, браслеты, бусы). № 16 (рис. 6, *3*) — скелет II, I в. н. э. (первая половина?) — лепная керамика, браслеты, бусы.

Мог. 5. № 20 (рис. 8, *3*) — сдвинутые костяки, I в. до н. э. (краснолаковые блюдо и кувшин, копье с ромбическим пером, стеклянный алабастр). № 10 (рис. 2, *9*) — около плеча скелета IV, но скорее осталась от сдвинутых погребений.

Мог. 10. № 8, 9 (рис. 6, *1*; 7, *6*) — сдвинутые костяки. № 16 (рис. 7, *3*) — скелет I. № 7, 13 (рис. 7, *9*; 9, *3*) — скелет II. Материал I в. н. э. (краснолаковый кувшин, сапожковый и ладьевидный светильники, «дырчатая» курильница-кружка, бусы, браслеты), без узких дат. Фибулы названы в порядке попадания в склеп: первая половина I в. н. э.

Мог. 12. № 17 (рис. 7, *2*) — скелет II. № 16 (рис. 7, *1*) — скелет III (надвинут на скелет II). Оба практически одновременны скелету I: копье с листовидным пером и краснолаковая миска с изогнутыми ручками конца I в. до н. э.— первой половины I в. н. э.

Мог. 13. № 23 (рис. 6, *2*) — сдвинутые костяки, не позднее рубежа нашей эры (позднейшие скелеты I и II: краснолаковая миска с изогнутыми ручками и кольцо с зооморфным выступом).

[76] CIL, XIV, 3608; *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 102, 103; *Дашевская О. Д.* Скифы на северо-западном побережье Крыма..., с. 154; *Скржинська М. В.* Значення «Природничої історії» Плінія для вивчення Північного Причорномор'я.— Археологія, № 19, 1976, с. 59.

[77] См., например, *Яценко И. В.* Исследование сооружений скифского периода на городище «Чайка» в Евпатории.— КСИА АН СССР, № 124, 1970, с. 36.

[78] Мне удалось посмотреть заготовку в фондах ЕКМ в 1975 г., но в дальнейшем вещь была утрачена.

Мог. 16. СВК-3 (рис. 3, *4*) — сдвинутые костяки. ЮЗК-19 (рис. 3, *5*) — скелет V. II—I вв. до н. э. (бусы).

Мог. 17. № 6 (рис. 8, *7*) — скелет I, I в. до н. э. (веретенообразный флакон, «дырчатая» курильница).

Мог. 20. № 6 (рис. 5, *3*) — скелет I, конец II в. до н. э. № 12 (рис. 5, *4*) — скелет IV, начало I в. до н. э. Подробно см. в тексте.

Мог. 29. № 15 (рис. 2, *12*) — скелет III, I в. до н. э. (краснолаковое блюдо со штампованными насечками, поясные кольца).

Мог. 31. № 28 (рис. 4, *7*) — сдвинутые костяки. № 27 (рис. 4, *3*) — скелет I. Не позднее начала I в. до н. э.: позднейший скелет II сопровождается подвесной лощеной орнаментированной курильницей конца II — начала I в. до н. э. На скелет II надвинут скелет III с № 23 (рис. 3, *3*) — в пределах I в. до н. э. (скелет IV — сероглиняный кувшин, скелет V — краснолаковая миска с изогнутыми ручками). № 14 (рис. 8, *2*) — в рамках склепа: конец II—I в. до н. э.

Мог. 34. № 19, 45а, 45б (рис. 1, *3*, *4*, *6*), 41 (рис. 4, *2*) — сдвинутые костяки, II — начало I в. до н. э. (12 сосудов II в. до н. э., бусы IV—I вв. до н. э.). Фибулы могут быть все в пределах II в. до н. э., так как, вероятно, предпоследнему скелету XII принадлежала одна из «мегарских» чаш.

Мог. 35. № 6 (рис. 4, *6*) — скелет X, первая половина I в. до н. э. (краснолаковая чаша, медальон с пунсонным орнаментом).

Мог. 38. № 27, 73 (рис. 8, *1*; 3, *1*), 28, 44 (фрагменты типа рис. 4, *1*) — группа из 11 сдвинутых скелетов с материалом II — начала I в. до н. э. (11 сосудов II в. до н. э., наконечник пояса, копье с листовидным пером). № 31 (рис. 6, *5*) — скелеты I—III, не позднее конца I в. до н. э. (см. прим. 50).

Мог. 39. № 55 (рис. 1, *8*) — скелет II, конец II в. до н. э. (скелеты II и III: черлолаковые чаша и канфар, рыбное блюдо с концентрическими полосами черного лака, ранняя краснолаковая мисочка; скелет III: наконечник пояса). № 22 (рис. 2, *11*) — скелет IV, конец II — начало I в. до н. э. (серьги в виде палицы Геракла с львиной мордой на конце и с бусиной на дужке). № 34 (рис. 2, *8*) — скелет V, первая половина I в. до н. э. (скелеты V и VI: позднее чернолаковое рыбное блюдо). № 36 (рис. 4, *1*) — скелет VII, вторая — третья четверти I в. до н. э. (поясной набор). См. прим. 15.

Мог. 40. № 66 (рис. 2, *1*) — сдвинутые скелеты, конец II—I в. до н. э. (серьги типа из мог. 39, краснолаковая мисочка, меч с кольцевым навершием).

Мог. 50. № 1 (рис. 5, *2*) — под плечом скелета XI, но скорее осталась от сдвинутых. № 9 (рис. 7, *4*) — скелет XI («скарабеи»). II—I вв. до н. э., в основном I в. до н. э. (бусы).

Мог. 53. № 18, 68 (рис. 1, *2*; 8, *6*) — сдвинутые скелеты I—XVII, II—I вв. до н. э. (чернолаковая и ранняя краснолаковая керамика, «мегарская» чаша и др.).

Мог. 61. № 43 (рис. 2, *7*) — скелет IV, № 21, 22 (рис. 2, *10*; 3, *2*) — скелет VI. Конец II — начало I в. до н. э. (подробно см. в тексте).

Мог. 64. № 18 (рис. 2, *4*) — скелет II, не позднее рубежа II—I вв. до н. э. (поздний чернолаковый канфар, подробно см. в тексте).

Мог. 71. № 9 (рис. 4, *4*) — скелет III, первая половина I в. до н. э. (скелет II — «мегарская» чаша, скелет V — краснолаковая мисочка второй половины I в. до н. э.). № 13 (рис. 7, *7*) — скелет VII, не позднее рубежа н. э. (краснолаковая мисочка). № 60 (рис. 6, *7*) — осталась от скелетов IV и V, вторая половина I в. до н. э.

Мог. 77. № 8, 9 (рис. 2, *2*; 8, *8*) — скелеты I и II, конец II — начало I в. до н. э. (ранняя краснолаковая мисочка, бронзовые медальон с погрудным изображением богини и лунница с пунсонным орнаментом).

Мог. 86. № 14 (рис. 2, *5*) — скелеты VII и VIII, середина — вторая половина I в. до н. э. (см. прим. 25). № 36 (рис. 6, *6*) — скелет IX, краснолаковая миска с изогнутыми ручками конца I в. до н. э.— первой половины I в. н. э.

Мог. 90. № 12 (рис. 2, *6*) — скелет I, II до н. э. (вторая половина?) — эллинистический херсонесский кувшин. № 24, 35 (рис. 1, *7*; 9, *1*) — сдвинутые скелеты II—VIII, II—I вв. до н. э. («мегарская» чаша, краснолаковая мисочка и др.). № 38 (рис. 8, *4*) — скелет IX, I в. до н. э., скорее первая половина (бусы; дата предшествующих погребений).

Мог. 96. № 12 (рис. 4, *8*) — скелет XVIII, I в. до н. э. (бусы).

Мог. 101. № 5 (рис. 7, *10*) — сдвинутые костяки. № 12 (рис. 5, *5*) — скелет IX, I в. н. э. (ведерковидная подвеска, серьга с петлей и крючком).

Мог. 113. № 15 (рис. 6, *8*) — сдвинутые скелеты I—VIII, начало (?) I в. н. э. (бусы; позднейшие скелеты X—XII: краснолаковая мисочка, серьги с петлей и крючком, бусы с миниатюрной мозаикой).

Мог. 117. № 4 (рис. 5, *1*) — скелет I, I в. до н. э. (позднейший скелет III: ранняя краснолаковая чаша, очковидная пряжка).

Мог. 119. № 8 (рис. 8, *2*) — разграбленная, конец II — I в. до н. э. (раннее краснолаковое блюдо с насечками, «дырчатая» курильница).

Мог. 123. № 1 (рис. 7, *15*) — подбойная, один ребенок, конец I в. до н. э.— I в. н. э. (бусы, серьга, браслет).

Мог. 126. № 1 (рис. 7, *14*) — то же (бусы).

Мог. 138. № 26 (рис. 7, *12*) — скелеты XI—XII. № 1 (рис. 7, *11*) — скелет XVIII (с пряжкой I в. н. э.) I в. н. э.

Мог. 140. № 1 (рис. 6, *9*) — подбойная, один ребенок, рубеж н. э. (бусы).

Мог. 141. № 14 (рис. 4, *9*) — скелеты I—II, I в. до н. э. (скорее первая половина: красноглиняная мисочка, железный наконечник пояса, браслет). № 13 (рис. 7, *13*) — скелет XII, краснолаковая миска с изогнутыми ручками конца I в. до н. э.— первой половины I в. н. э.

Мог. 149 (рис. 9, *2*) — подбойная, один ребенок, I в. н. э. (краснолаковая мисочка, серьга с петлей и крючком, ведерковидная подвеска, бусы).

B. Yu. Mikhlin

FIBULAE FROM THE BELYAUS CEMETERY

Summary

The article is devoted to the studies of fibulae from the excavations of the nekropolis of the late Scythian fortified settlement Belyaus (North-Western Crimea). Fibulae were found mainly in ground vaults, containing numerous repeated burials. Observations, made by O. D. Dashevskaya, who studied the accumulation of burials in the vaults and the big number of grave furniture, let the author establish comparatively narrow datings for a series of fibulae. Nearly 100 fibulae were found, 78 fibulae of definite types are studied in the article. Brooches of early La Tène type with free bent up end of the foot (fig. 1), dated to the late IInd—Ist century B. C. are singled out as a separate variant for the first time. The most part of finds are the fibulae of the middle La Téne type of four variants: 1) fibulae with bent up end of the foot (fig. 2 and 3); among 17 exemplars one is dated to the second half of the IInd century B. C., eight to the late IInd-early Ist century B. C., or the first half of the Ist century B. C.; and one to the second half of the Ist century B. C. 2) fibulae with tied round end of the foot of the «Neapolis» variant (fig. 4, *1—3*), dated to the late IInd — the third quarter of the Ist century B. C. 3) fibulae with tied round end of the foot of the «Belyaus» variant (fig. 4, *4—9*), singled out for the first time, similar to the later bow-shaped tendril fibulae by their general view, but not the construction, dated to the Ist century B. C. 4) one fibula of the «Zarubintsi» type, dated to the late IInd century B. C. The only one fibula of the late La Tène type with frame-shaped foot is dated to the early Ist century B. C. (fig. 5, *4*). «Military» (fig. 6, *1—4*, *8*, *9*) and bow-shaped tendril fibulae (fig. 7), confirming generally their common datings were found. Also three fibulae with closed catch plate with a knob were discovered (fig. 6, *7* dated to the second half of the Ist century B. C., fig. 6, *5*, *6* — to the late Ist century B. C.— first half of the Ist century A. D.). Various are shield-brooches, dated to the IInd century B. C.— Ist century A. D. (fig. 8 and 9).

В. М. КОСЯНЕНКО

КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ НЕКРОПОЛЯ КОБЯКОВА ГОРОДИЩА

(по материалам раскопок 1956—1962 гг.)

Кобяково городище и примыкающий к нему некрополь, расположенные на восточной окраине Ростова-на-Дону,— один из наиболее исследованных памятников, оставленных местным населением Нижнего Дона позднеантичной эпохи. Городище входило в систему поселений, возникших на рубеже н. э. в округе Танаиса, на берегах рек Дон и Мертвый Донец (северный рукав дельты Дона) [1].

За последние полвека городище и некрополь неоднократно посещались археологами, а также подвергались шурфовке и раскопкам. Так, в 1923—1928 г. городище обследовалось Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК под руководством А. А. Миллера [2]. В 1955 г. начала работы экспедиция Ростовского областного музея, а в 1956—1962 гг. под руководством С. И. Капошиной большие полевые работы на городище и некрополе провела совместная Кобяковская экспедиция ЛОИА АН СССР, Ростовского областного музея и Ростовского государственного университета [3].

За годы работы Кобяковской экспедиции была исследована часть городища, а на некрополе вскрыто 276 погребений [4]. В итоге был накоплен значительный материал, остающийся, однако, в основном до сих пор не опубликованным. Он позволяет решить ряд вопросов, связанных с историей Нижнего Подонья в I—III вв. н. э.

Среди находок на некрополе немногочисленную, но очень выразительную группу составляет привозная краснолаковая керамика, представленная в 18 погребениях 24 сосудами.

Особое ее значение заключается в том, что она является одним из источников для датировки могильника, а также способствует решению вопроса о торговых связях населения в первые века нашей эры.

Задача настоящей работы — дать описание краснолаковой керамики из некрополя Кобякова городища, установить хронологические рамки бытования отдельных ее форм. Думается, что привлечение к этой работе нескольких красноглиняных, не покрытых лаком сосудов этого же некрополя уместно, так как они повторяют формы краснолаковых.

Краснолаковая керамика некрополя не представляет каких-то уникальных форм. Такая керамика характерна для первых веков нашей эры, когда происходила ее стандартизация. Она была широко распростра-

[1] *Книпович Т. Н.* Танаис. М., 1949; *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.

[2] Советская археологическая литература (библиография 1918—1940). М.— Л., 1965, № 2464—2468.

[3] Подробнее о результатах исследования этого памятника см.: *Капошина С. И.* Раскопки Кобякова городища и его некрополя.— В сб. Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962, с. 95—112.

[4] Автор предполагает публикацию материалов некрополя продолжить в следующих работах.

нена в Ольвии, Херсонесе, городах Боспора, в поселениях округи этих городов, а в Подонье — главным образом в Танаисе и поселениях его периферии.

В ходе исследования краснолаковой керамики я придерживалась тех критериев для определения дат и центров производства этой керамики, которые разработаны Т. Н. Книпович и Л. Ф. Силантьевой по материалам Ольвии, Мирмекия, Тиритаки, Илурата [5]. Поэтому и в качестве аналогий привлекаются в первую очередь эти же материалы, так как для них разработаны хронологическая шкала, позволяющая решить вопрос о датировке краснолаковой керамики Кобяковского некрополя. Привлекаются и материалы из раскопок Танаиса, что дает возможность уточнить некоторые датировки краснолаковой керамики для такого удаленного от основных центров Северного Причерноморья района, как Подонье — Северо-Восточнее Приазовье [6].

Определенные трудности при описании краснолаковой керамики связаны с неустойчивостью терминологического обозначения ряда ее форм [7].

Так, сосуды, типа изображенных на рис. 1, *7, 10, 11*, фигурируют в литературе под названиями «тарелки» [8], «блюда» [9], «миски» [10].

Одна из попыток унификации номенклатуры принадлежит В. И. Кадееву: «Херсонесские краснолаковые миски по своим формам, качеству черепка и облицовке очень похожи на чашки. Основное различие — размеры» [11]. Далее он приводит размеры для чашек: высота 7—8,5 *см*, диаметр 14 *см*, для мисок: высота 11 *см*, диаметр 26 *см*. Видимо, и в отношении «тарелок», «блюд», «мисок» придется в дальнейшем придерживаться этого же принципа, установив определенные границы размеров. Тогда «тарелки» и «блюда» будут отличаться величиной диаметров, а «тарелки» и «миски» — диаметром, а главное высотой (глубиной). Принимая во внимание указанные соображения, сосуды этого типа, найденные в некрополе Кобякова городища, я называю тарелками.

Т. Н. Книпович выделила среди краснолаковой керамики чашки с загнутым внутрь краем. Так же их называют Л. Ф. Силантьева, Д. Б. Шелов [12]. С. И. Капошина, И. И. Гущина, А. В. Бураков именуют их мисками [13]. И в этом случае, видимо, надо исходить из размеров сосудов, учитывая их функциональную роль. Два достаточно больших и глубоких сосуда этого типа, найденных на Кобяковском некрополе,

---

[5] *Knipowitsch T. N.* Untersuchungen zur Keramik römischer Zeit aus den Grichenstädten an der Nordkrüste des Schwarzen Meeres.— Materialen zur römisch-germanischen Keramik. Bd 4. Frankfurt a. M., Baer, 1929; *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из Боспорской экспедиции 1935—1940 гг.— МИА, № 25, 1952; *Силантьева Л. Ф.* Краснолаковая керамика из раскопок Илурата.— МИА, № 85, 1958.

[6] *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса.— МИА, № 98, 1961; *его же.* Танаис и Нижний Дон...; *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. М., 1977.

[7] Это одна из актуальных проблем не только советской, но и западноевропейской античной археологии. См.: *Димитрова Ал.* XI Международен конгресс по проблемите на римската керамика в Мец-Нанси, Франция.— Археология, кн. 3. София, 1978, с. 63.

[8] *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика..., с. 301; *Силантьева Л. Ф.* Ук. соч., с. 284; *Бураков А. В.* Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. К., 1976, с. 98.

[9] *Капошина С. И.* Отчет о работе Кобяковской экспедиции за 1957 г. Архив РОМК, ф. 2, д. 6, с. 17.

[10] *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон..., с. 134; *Сорокина Н. П.* Тузлинский могильник. М., 1957, с. 41; *Гущина И. И.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников).— В сб. Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974, с. 145.

[11] *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV вв. Харьков, 1970, с. 93.

[12] *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика..., с. 315; *Силантьева Л. Ф.* Ук. соч., с. 287; *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон..., с. 134.

[13] *Капошина С. И.* Ук. отчет за 1957 г., с. 18; 1961 г., ф. 2, оп. 6, с. 40; *Гущина И. И.* Ук. соч., с. 37; *Бураков А. В.* Ук. соч., с. 95.

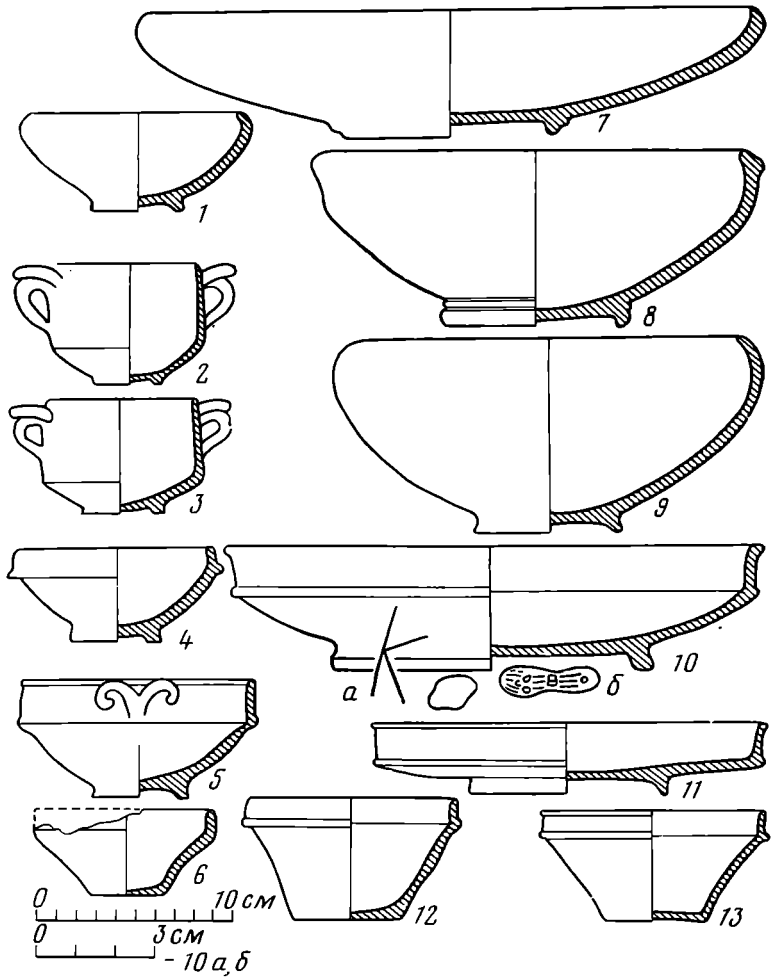


Рис. 1. *1* — погр. 23/1961; *2*, *3*, *7* — погр. 4/1958; *4* — погр. 9/1961; *5* — погр. 18/1956; *6* — погр. 54/1957; *8* — погр. 45/1957; *9* — погр. 46/1957; *10* — погр. 59/1957; *11* — погр. 9/1956; *12* — погр. 1/1962; *13* — погр. 86/1957

именуются мною «мисками» (рис. 1, *8*, *9*), а маленький сосуд, повторяющий их форму, но имеющий, безусловно, другое функциональное назначение, я называю «чашкой» (рис. 1, *1*).

Небольшие сосудики (рис. 2, *4*, *7*, *9*) известны как горшочки, кувшинчики, кружечки, сосуды «типа кружечки» [14]. Наиболее соответствующим их форме следует признать наименование «кружка», предложенное Д. Б. Шеловым.

Сосуды, изображенные на рис. 1, *2*, *3*, Т. Н. Книпович, Д. Б. Шелов называют кубками и канфарами, С. И. Капошина и А. В. Бураков — кубками [15]. Сосуды аналогичной формы, отличающиеся техникой изготовления (полива, глазурь), названы А. С. Голенцовым кубками. Он пишет: «Кубок имеет форму неглубокого канфара» [16]. В этом же номере журна-

[14] *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика..., с. 304; *Гущина И. И.* Ук. соч., с. 36; *Кадеев В. И.* Ук. соч., с. 96; *Арсеньева Т. М.* Ук. соч., с. 126; *Капошина С. И.* Ук. отчет за 1961 г., с. 41; 1959 г., с. 70; *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса, с. 23, 68; *его же.* Танаис и Нижний Дон..., с. 136.

[15] *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика..., с. 310; *ее же.* Танаис. М., 1949, с. 68; *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон..., с. 130; *Капошина С. И.* Раскопки Кобякова городища..., с. 110; *Бураков А. В.* Ук. соч., с. 98.

[16] *Голенцов А. С.* Античный поливной сосуд из Северо-Западного Крыма.— КСИА АН СССР, № 128, 1971, с. 63.

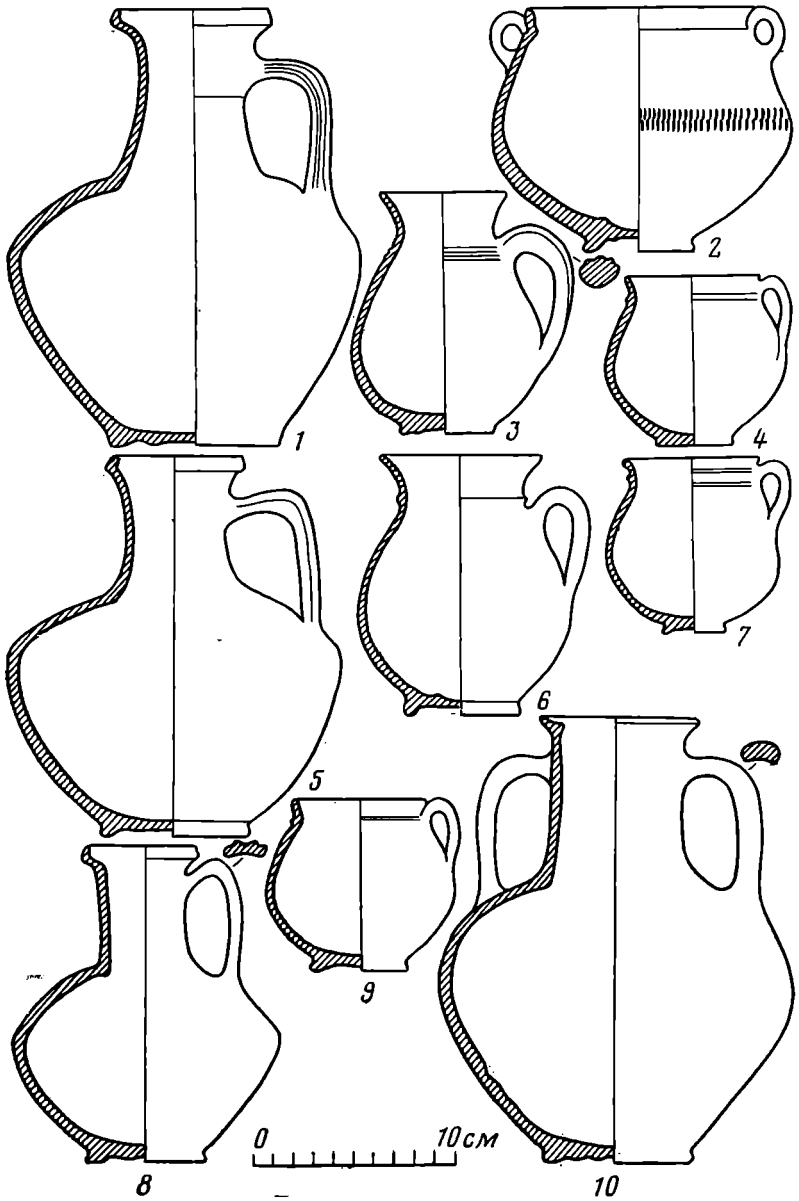


Рис. 2. *1* — погр. 59/1957; *2*, ± — погр. 49/1961; *3* — погр. 5/1957; *5* — погр. 17/1960; *6* — погр. 15/1958; *7* — погр. 15/1959; *8* — погр. 45/1957; *9* — погр. 13/1960; *10* — погр. 46/1957

ла И. Д. Марченко называет подобные сосуды «скифосами» [17]. Кобяковские сосуды я называю кубками. Под таким же названием они изданы С. И. Капошиной [18].

В свете изложенного в номенклатуру краснолаковой керамики некрополя, представленную отчетной документацией Кобяковской экспедиции и в предварительной публикации [19], внесены некоторые изменения.

На некрополе преобладающей является керамика, покрытая лаком оранжево-красного цвета (рис. 1, *7, 10—13*; 2, *5*; 3, *1, 3*). Некоторые сосуды покрыты лаком того же цвета, но более темного оттенка (рис. 1, *2, 3, 6*; 2, *8*; 3, *2*). На одной из мисок (рис. 1, *8*) в результате пере-

[17] *Марченко И. Д.* Об античных глазурованных сосудах из музеев СССР.— КСИА АН СССР, № 128, 1971, с. 31.

[18] *Капошина С. И.* Раскопки Кобякова городища..., с. 110, рис. 10, *1*.

[19] *Косяненко В. М.* Краснолаковая керамика некрополя Кобякова городища.— Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1973, с. 36—38.

Рис. 3. *1* — погр. 42/1961; *2* — погр. 29/1961; *3* — погр. 12/1958

жога на лаковом покрытии образовались черные пятна. Один кувшин и одна кружка имеют лак коричневато-оранжевого цвета (рис. 2, *6, 9*). На четырех сосудах: кувшине, миске, канфаре и кувшине с двумя ручками (рис. 1, *9*; 2, *1, 2, 10*) лаковое покрытие подстилает светло-желтый ангоб. Подробно этот способ покрытия сосудов описан В. И. Кадеевым [20].

Особым блеском и густотой отличается красно-коричневый лак чашки из погр. 9/1961 г. (рис. 1, *4*).

Одной из ранних форм краснолаковой керамики некрополя являются кубки из погр. 4/1958 (рис. 1, *2, 3*) с вертикальными стенками, резко загибающимися к кольцевому поддону, с двумя ручками-петельками, к верхней части которых крепятся горизонтальные пластины с рельефным узором в виде полосы. Очень близкие им по форме сосуды, украшенные в технике барботина, известны в Ольвии (I в. н. э.) [21], в некрополе (начало I в. н. э.) [22] и завале помещения Танаиса [23], в фондах Одесского археологического музея [24]. Обломки однотипных с кобяковскими кубков без орнамента встречаются при раскопках Танаиса [25], идентичный по форме кубок хранится в Одесском археологическом музее [26]. Т. Н. Книпович пришла к выводу, что ручки на кубках являются датирующим признаком. Ручки, аналогичные кобяковским, она относит к ранним [27]. Обломки подобных кубков из Тиритаки и Мирмекия она датирует началом I в. н. э. и относит к изделиям пергамских мастерских [28]. Этим же временем датирует кобяковские кубки С. И. Капошина, также считая их продукцией Пергама [29]. Близкие по форме сосуды, но из стекла найдены у ст. Воздвиженской (курган I в. до н. э.— I в. н. э.) [30], а из серебра —

[20] *Кадеев В. И.* Ук. соч., с. 112.

[21] *Фармаковский В. Ф.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г.— ИАК, 1908, вып. 8, с. 51, 52, рис. 51.

[22] *Арсеньева Т. М.* Ук. соч., с. 125, табл. XXIV, *5*.

[23] *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон..., с. 130, 131, рис. вверху.

[24] ОГАМ, А — 21 954, сосуд найден в Ольвии, случайная находка.

[25] *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон..., с. 130.

[26] ОГАМ, А — 232 244.

[27] *Knipowitsch T. N.* Untersuchungen..., s. 28, Abb. 6, *2*.

[28] *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика..., с. 310.

[29] *Капошина С. И.* Раскопки Кобякова городища..., с. 110.

[30] ОАК за 1899 г. СПб., с. 45, рис. 73; *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.). САИ, ДІ — 27. М., 1970, с. 99.

в Жуковском могильнике (курган 28, первая половина I в. н. э.) [31].

Появление сходных форм в разных материалах (серебро, стекло, глина) свидетельствует о взаимном влиянии в развитии этого вида посуды. Время изготовления почти совпадает.

Вместе с кубками было обнаружено своеобразное краснолаковое блюдо с невысокими округлыми стенками на кольцевой подставке (рис. 1, 7). Идентичные изделия мне не известны. Некоторое сходство оно имеет с низкими блюдами из Пергама [32], общими очертаниями напоминает большую тарелку I в. н. э. из Ольвии [33]. Низкие блюда с закругленным краем, видимо, не получили в Северном Причерноморье и Приазовье такого широкого распространения, как некоторые другие виды краснолаковой керамики. Однако форма блюда с закругленным краем сохраняется, известна и в III в. н. э., но становится грубее, массивнее [34]. Глиняное тесто кобяковского блюда слоистое, легко впитывает воду — все это позволяет предположить самосское происхождение изделия. Дату блюда определяет тот факт, что найдено оно в одном погребении с краснолаковыми кубками начала I в. н. э.

Три краснолаковые тарелки (рис. 1, *10, 11*; 2, *3*) Кобяковского некрополя относятся к широко распространенному в Северном Причерноморье и Приазовье типу и отличаются друг от друга в основном лишь размерами и пропорциями. Внутри наиболее хорошо сохранившейся тарелки из погр. 59/1957 (рис. 1, *10*) расположено клеймо в форме ступни в сандалии (рис. 1, *10б*), аккуратно вырисованной, окруженной четырьмя концентрическими кругами; третий и четвертый сдвоены. На наружной стороне дна, не покрытого лаком, прочерчено граффити (рис. 1, *10а*). На дне тарелки из погр. 9/1956 (рис. 1, *11*) сохранилась только часть такого же клейма. Т. Н. Книпович отмечает, что клейма в форме ступни и ступни в сандалии являются одним из характернейших и излюбленных клейм в первые века нашей эры. Датой их появления она считает начало I в. н. э. [35] Д. Б. Шелов отмечает, что клеймение доживает, по-видимому, до II в. н. э., но к этому времени клейма не только утрачивают четкость очертаний, но изменяются до неузнаваемости [36]. Данный тип тарелок, как известно, является переработкой раннего малоазийского типа под влиянием италийских образцов. Среди них наблюдается разнообразие в отношении деталей формы и характера выделки. По форме, четкости профилировки, технике изготовления кобяковские тарелки соответствуют типу 6(М) из Мирмекия, типу 19 из Ольвии, которые Т. Н. Книпович относит ко второй трети I в. н. э. [37] К этому же времени относятся и кобяковские тарелки. Хороший лак не оставляет сомнения, что это продукция мастерских округи Пергама.

Две миски, найденные в погребениях 45/1957 (рис. 1, *8*) и 46/1957 (рис. 1, *9*), относятся к одному широко распространенному в Северном Причерноморье и Приазовье типу с округлыми стенками, край которых слегка загнут внутрь, на небольшой кольцеобразной подставке. В погр. 23/1961 (рис. 1, *1*) открыта небольшая краснолаковая чашка, повторяющая по профилю стенок форму мисок.

Кобяковские миски и чашка соответствуют типу 13(Т) из Тиритаки и типу 14(М) из Мирмекия, которые датируются достаточно широко с конца I по III в. н. э. Существуя долгое время, такие миски изменялись в разные периоды, что выразилось в отличии деталей очертаний, поэтому для датировки необходимо основываться на общем характере

[31] *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 150, 151, рис. 58, *1*.

[32] Altertum von Pergamon, Bd I, Teil., S. 268, Berlin. 1913.

[33] *Knipowitsch T. N.* Op. cit., Taf. I, *2*.

[34] *Силантьева Л. Ф.* Ук. соч., с. 302, рис. 15, *1*.

[35] *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика..., с. 297, 298.

[36] *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон..., с. 134.

[37] *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика..., с. 298, рис. 2, *1, 2*.

выделки [38]. Более детальную датировку этого типа провела Л. Ф. Силантьева по материалам Илурата. Она пришла к выводу, что стенки сосудов ко II в. н. э. теряют округлость, становясь более косыми, а бортик еще сильнее загибается внутрь [39]. Округлость стенок, слегка загнутый край, высокое качество обжига, столь характерное для мисок и чашек I в. н. э., присущи миске из погр. 46/1957 (рис. 1, *9*), которая и может датироваться концом I в. н. э. К этому же времени я склонна отнести и чашку из погребения 23/1961 (рис. 1, *1*). Вторая миска (рис. 1, *8*), сохраняя округлость, имеет более толстые стенки и несколько утолщенный загнутый край, т. е. те изменения деталей формы, которые начинают проявляться во I в. н. э. Учитывая особенности профилировки, ее можно датировать рубежом I—II вв. н. э., точнее, началом II в. н. э. Все эти сосуды малоазийского производства.

В погребении 18/1956 (рис. 1, *5*) обнаружена чашка также широко распространенного типа, со слегка наклоненным, чуть выпуклым в нижней части бортиком, плавно изогнутыми выпуклыми стенками, на небольшой кольцевой подставке. Изящный бортик украшен снаружи волютообразными налепами, имитирующими ручки, и двумя врезными бороздками. Дно ровное, небольшая кольцевая подставка с плоским основанием. Общая тенденция развитая краснолаковой керамики в первые века нашей эры в сторону огрубления выразилась в этом типе керамики в оплывании деталей формы, изгибе профиля стенок, увеличении глубины чашек, замене выпуклых ручек-налепов плоскими и полном их исчезновении [40]. Кобяковская чашечка по своей форме представляет раннюю разновидность, она сохраняет четкость в отработке деталей, выпуклые налепы. Соответствует типу 9(М) из Мирмекия [41], типу 24 из Ольвии [42] и датируется второй третью I в. н. э. Высокие технические качества, хорошее лаковое покрытие позволяют ее считать продукцией мастерских пергамского круга.

Иная чашка найдена в погр. 9/1961 (рис. 1, *4*). У нее слегка наклонный, в нижней части сильно выступающий бортик, округлые выпуклые стенки и сравнительно высокая кольцеобразная подставка с широким основанием. Качество густого красносургучного лака на сохранившихся участках указывает на возможность отнести ее к изделиям италийских мастерских. Этот тип чашек имеет в своей основе форму, характерную для раннеримской керамики. В первые века нашей эры происходит упрощение формы, утрата деталей, в частности утрата деталей по бортику. Т. Н. Книпович указывает, что при датировке этого типа, если нет твердо датируемого материала в погребении, следует основываться на характере выделки [43]. Кобяковская чашка по форме близка типу 13(М) из Мирмекия [44]. Густая темная глазурь, характерная для раннего периода, позволяет отнести ее к концу I — началу II в. н. э.

В погребениях 54/1957 (рис. 1, *6*), 86/1957 (рис. 1, *13*), 1/1962 (рис. 1, *12*) найдены краснолаковые чашки с вертикальным бортиком, косыми стенками и плоским дном. Чашки отличаются размерами и характером лакового покрытия. Этот тип чашек соответствует типу 12(М) из Мирмекия, который Т. Н. Книпович считает вторым вариантом упрощения одного из видов чашечек, распространенных в раннеримское время [45]. В связи с тем, что экспорт этих чашек продолжается длительное время, а изменения в основном сказываются на качестве выделки и лака,

---

[38] Там же, с. 300—303.
[39] *Силантьева Л. Ф.* Ук. соч., с. 293.
[40] *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон..., с. 135.
[41] *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика..., с. 299, рис. 2, *7*.
[42] *Knipowitsch T. N.* Op. cit., Taf. II, *24*.
[43] *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика..., с. 303.
[44] Там же, рис. 3, *4*.
[45] Там же, с. 303.

то и в этом случае для датировки кобяковских чашек нам приходится основываться на технике их изготовления. По особенностям выделки чашки Кобяковского некрополя можно отнести ко II—III в. н. э. Чашку (рис. 1, *12*) можно считать самой ранней и отнести ее еще к началу II в. н. э., что касается других чашек (рис. 1, *6, 13*), то они могут датироваться II—III вв. н. э. Глина и качество лакового покрытия позволяют считать их продукцией малоазийских мастерских.

Краснолаковые кувшины из некрополя делятся на три типа. Пять из них (рис. 2, *1, 5, 8*; 3, *1, 3*) относятся к типу высоких одноручных кувшинов со слегка скошенным вертикальным венчиком, расширяющимся кверху горлом, с намечающимся ребром, туловом на небольшом кольцевом поддоне. Один кувшин (рис. 3, *1*) отличается более округлой формой тулова. Основные различия кувшинов заключаются в размерах, качестве работы и лакового покрытия. Этот тип кувшинов, безусловно, близок по форме и пропорциям ранним краснолаковым, таким, как кувшин I в. до н. э. из кызаульского некрополя [46], кувшин из погр. 79 некрополя Танаиса, относимый Д. Б. Шеловым к первой половине I в. н. э. [47] Д. Б. Шелов считает, что кобяковский кувшин из погр. 59/1957 очень близок по форме кувшину из погр. 79 (Танаис) [48]. Аналогичный кувшин найден и в погр. 103 некрополя Танаиса, стратиграфически датируемом I в. н. э. [49] Особенно он близок по размеру и форме кувшину из погр. 45/1957 (рис. 2, *8*) Кобяковского некрополя. Оба являются бракованными изделиями.

Такие кувшины найдены в могильнике у дер. Ново-Отрадное, где датируются I в. н. э. [50], в могильнике Бельбек IV в комплексах I в. н. э. и I—II вв. н. э. Позднее, чем во II в. н. э. они не встречаются [51]. В I—II вв. н. э. форма кувшинов мало изменяется, и для датировки особенно важно качество работы. Это отмечает Т. Н. Книпович и для другой формы кувшинов, изученных ею по материалам Мирмекия и Тиритаки [52]. Наиболее ранними среди кобяковских являются кувшины из погребений 17/1960 (рис. 2, *5*), 59/1957 (рис. 2, *1*). 42/1961 (рис. 3, *1*), которые по характеру выделки можно датировать I в. н. э., остальные — II в. н. э. Все кувшины малоазийского производства, в отношении кувшина из погр. 42/1961 (рис. 3, *1*) место производства можно определить более точно — Самос.

К иному типу относится кувшин из погр. 15/1958 (рис. 2, *6*) с воронкообразным устьем, яйцевидным туловом, с маленькой ручкой, на небольшом кольцевом поддоне, найден вместе со стеклянным бальзамарием второй половины I в. н. э.[53] Кувшины такой формы менее распространены.

Здесь же следует остановиться на двух красноглиняных кувшинах. Один из погр. 5/1957 (рис. 2, *3*) — из красновато-оранжевой глины без видимых примесей. Качество изделия позволяет датировать его временем не ранее конца II в. н. э.

Красноглиняный кувшин из погр. 6/1956 (рис. 4) относится к типу больших кувшинов с высоким цилиндрическим горлом и одной ручкой (часть горла и ручка отсутствуют). Покрыт желтоватой глиняной обмазкой — ангобом. Аналогичные сосуды, только намного меньшие по размерам, известны в некрополе Танаиса (погребения 86 и 122). Они

---

[46] *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов.— МИА, № 69, 1959, с. 188; рис. 73, *1*.

[47] *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса, с. 67; табл. XVI, *5*.

[48] *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон..., с. 136.

[49] *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса, с. 67, 68, табл. XXIX, *3*.

[50] *Арсеньева Т. М.* Могильник у дер. Ново-Отрадное.— МИА, № 155, 1970, с. 135, табл. 14, *2, 9, 10*.

[51] *Гущина И. И.* Население сарматского времени..., с. 36, рис. VIII, *8*; IX, *15*; X, *12*; XII, *1, 19*.

[52] *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика..., с. 307.

[53] *Кропоткин В. В.* Ук. соч., с. 29.

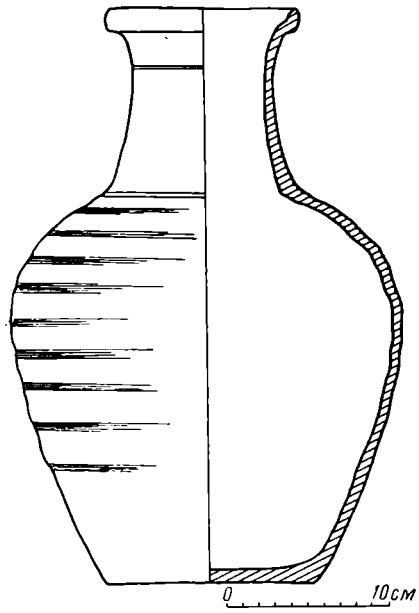


Рис. 4. Погр. 6/1956

датируются II в. н. э.[54] Бронзовое зеркало-подвеска, найденное вместе с кобяковским кувшином, позволяет датировать его II—III вв. н. э.[55] Оба кувшина являются подражанием краснолаковой керамике и происходят из боспорских мастерских.

В погр. 46/1957 обнаружен краснолаковый кувшин с двумя ручками (рис. 2, *10*), с цилиндрическим горлом, обрамленным небольшим отогнутым венчиком, округло-биконическим туловом на невысоком кольцевом поддоне. Вместе с ним в погребении найдена краснолаковая миска, датируемая концом I в. н. э. Аналогии этому сосуду мне неизвестны. Характер изделия свидетельствует о его малоазийском производстве.

Из погр. 43/1961 (рис. 3, *2*) происходит большой краснолаковый кубок, широкое горло которого окаймлено низким, вертикальным, немного отогнутым венчиком, с округло-биконическим туловом, которое покоится на низком и нешироком кольцевом поддоне. У основания венчика сосуд опоясан желобком. Две вертикальные маленькие петельчатые ручки прикреплены к верхней части тулова. Часть верхней половины тулова покрыта двумя сливающимися рядами вертикальных насечек.

Поиски аналогий убедили меня в том, что такие кубки относятся к менее распространенным формам краснолаковой керамики. Так, Л. Ф. Силантьева считает эту форму нетипичной для Илурата[56]. Т. Н. Книпович подчеркивала, что для датировки и этой формы важно учитывать характер выделки. Кобяковский сосуд соответствует типу 16(М) Мирмекия и типу 21(Т) Тиритаки[57]. Аналогичный кубок найден в кызаульском некрополе, в погребении I—II вв. н. э.[58] Известны подобные кубки в мог. Бельбек IV в погребениях I — начала II в. н. э.[59] Для ранних кубков характерна мягкость и округлость формы тулова, где самый большой диаметр приходится на середину его высоты. Более поздние кубки отличаются вытянутой формой, самая выпуклая часть тулова перемещается книзу, уменьшается поддон и увеличиваются ручки. Примером поздних кубков могут служить кубки из погр. 116 и помещения Г в Танаисе, датируемые II—III вв. н. э.[60] Кобяковский кубок может быть датирован I в. н. э. В пользу этой даты свидетельствует и тот факт, что стратиграфически более поздним временем кубок не может быть датирован, так как погр. 43/1961, в котором он обнаружен, прорезано погр. 42/1961, краснолаковый кувшин из которого относится к I в. н. э.

В погребениях 15/1959 (рис. 2, *7*), 13/1960 (рис. 2, *9*), 49/1961 (рис. 2, *4*) были найдены три красноглиняные одноручные кружечки, две из которых (рис. 2, *4*, *9*) покрыты красным лаком. Эта форма краснолаковой керамики, возникнув в восточногреческих областях, послужила эталоном для создания местных изделий, главным центром произ-

---

[54] *Шелов Д. Д.* Некрополь Танаиса, с. 34; табл. XIX, *1*; XX, *6*.

[55] *Капошина С. И.* Отчет Кобяковской экспедиции за 1956 г. Архив РОМК, ф. 1, оп. 6, с. 35.

[56] *Силантьева Л. Ф.* Краснолаковая керамика..., с. 295.

[57] *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика..., с. 317.

[58] *Гайдукевич В. Ф.* Ук. соч., рис. 61.

[59] *Гущина И. И.* Ук. соч., рис. XIII, *37*.

[60] *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса, табл. XXIX, *5*.

водства которых стал Херсонес [61]. В первые века эта форма широко распространяется в Северном Причерноморье [62].

Существуя долгое время, этот тип керамики претерпел изменения, касающиеся общих очертаний и отдельных деталей. Для ранних экземпляров характерна мягкость и округлость тулова, наибольшее расширение приходится на среднюю часть. В позднем варианте формы исчезает округлость, наибольшее расширение приходится на нижнюю часть тулова; отделяющий венчик поясок, который в ранних формах был в виде узенькой плоской полоски, позднее превращается в валик; ручка круче поднимается и теснее прижимается к стенке. Как и для многих других краснолаковых изделий, и в этом случае для датировки их важно учитывать качество и характер выделки и лакового покрытия [63]. Кобяковские кружечки соответствуют типу 15(М) Мирмекия и типу 11(Т) Тиритаки [64], датирующимся I—II в. н. э.

Относительно одной из них (рис. 2, *4*) дату можно определить точнее — I в. н. э., так как найдена она в погребении с двуручным канфаром этого времени.

Подводя итоги изучения краснолаковой керамики некрополя Кобякова городища, необходимо отметить, что найдено ее немного. В обиходе жителей поселения преобладала сероглиняная керамика, изготовленная в местных гончарных мастерских. Редкая краснолаковая керамика высоко ценилась местным населением: неоднократно найдены экземпляры со следами ремонта.

Ассортимент краснолаковой керамики невелик; встречаются те формы, которые широко распространены в Северном Причерноморье: тарелки, кувшины, миски. Такую же картину мы наблюдаем и в других поселениях округи Танаиса и в нем самом в первые века нашей эры.

Самая ранняя краснолаковая керамика из некрополя Кобякова городища датируется началом I в. н. э., основная часть приходится на I—II вв. н. э. и всего несколько экземпляров относится к концу II — первой половине III в. н. э.

В некрополе Кобякова городища преобладает малоазийская краснолаковая керамика. Небезынтересно отметить, что некоторые сосуды отличаются поразительным сходством цвета и качества глины, лакового покрытия и характера выделки, что может соответствовать одной мастерской. Одну такую группу составляют два кувшина и миска (рис. 1, *9*; 2, *9, 10*). Их объединяет необычная легкость, ангобированность поверхности, единообразный характер пережженности лака.

Лишь один сосуд можно предположительно отнести к италийскому производству (рис. 1, *4*).

Красноглиняная керамика из некрополя, представленная несколькими экземплярами, относится к изделиям боспорских мастерских.

Вместе с краснолаковой керамикой в погребениях некрополя найдены бронзовые фибулы, браслеты, сероглиняная керамика. Датировка краснолаковой керамики, предлагаемая в данной публикации, при дальнейшем исследовании материалов некрополя позволит уточнить время бытования и других категорий вещей.

---

[61] *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика..., с. 304.

[62] *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса, табл. XXII, *1*; XXIII, *3*. *Гущина И. И.* Население сарматского времени..., с. 36, рис. XII, *25*; XIII, *44*; *Кадеев В. И.* Ук. соч., с. 96, рис. 3, *4*.

[63] *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика..., с. 304.

[64] Там же, с. 304, 313.

V. M. Kosyanenko

THE RED WARE POTTERY FROM THE NEKROPOLIS OF THE FORTIFIED SETTLEMENT KOBYAKOVO

Summary

The article is devoted to the investigation of the Red Ware pottery from the fortified settlement Kobyakovo (Lower Don, the eastern suburb of Rostov-at-Don), excavated in 1956—1962 by S. I. Kaposhina. The article gives the general characteristic of the Red Ware pottery, defines its chronology and the main centres of its production. The Red Ware pottery is represented by 24 vessels from 18 burials, among them plates, basins, cups, jugs, mugs, bowls. The earliest vessels are dated to the early Ist century B. C., the majority relates to the Ist — IInd centuries A. D., some are dated to the late IInd — IIId centuries A. D. The Red Ware pottery from workshops of Asia Minor predominates, which is characteristic for the Bosporus at the first centuries A. D. In some cases the centres of production are defined more accurately — Pergamum and Samos. Only one vessel could be related to the production of Italian workshops. The Red Ware pottery from the nekropolis of the fortified settlement Kobyakovo is especially important for the dating of this site and establishing of its trading links.

Х. Х. БИДЖИЕВ, В. И. КОЗЕНКОВА

ПРЕДМЕТЫ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ сел. ТЕРЕЗЕ (КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИЯ)

В 1975 г. при строительных работах на территории Учкекенского районного объединения «Сельхозтехника» Малокарачаевского района Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края был частично разрушен древний памятник, скорее всего погребального характера. Географически он расположен на первой террасе правого берега р. Подкумок, непосредственно в селении Терезе. При выравнивании склона террасы на глубине около 1,5 *м* от поверхности из земли были извлечены многочисленные предметы, из которых только 143 позднее попали в руки археологов. Предметы оказались столь важны для изучения древностей раннего железного века района Пятигорья и верховий Кубани, что предварительная публикация их представляется нам необходимой еще до полного, более обстоятельного исследования самого памятника в целом.

В научный оборот вводятся предметы вооружения, орудия труда и украшения. Среди последних немало оригинальных, подлинно художественных предметов, особенно бронзовых поделок малой объемной скульптуры. Культурная атрибуция находок не вызывает затруднений. Все они относятся к кругу материалов западного варианта кобанской культуры. Ареал этой группы охватывал в начале I тысячелетия до н. э. территорию гор и предгорий Северного Кавказа от правобережья р. Баксан до междуречья Урупа и Большого Зеленчука бассейна верховий р. Кубани.

Оружие представлено семью бронзовыми наконечниками стрел двух типов. Первый тип — местные черешковые наконечники стрел — «площики» (4 экз.). Все они были отлиты в одностворчатой литейной форме. Перо наконечников подтреугольное с острыми опущенными вниз асимметричными жальцами. Черешок удлиненный, раскованный и закругленный на конце. Размеры наконечников крупные. Длина их 3,9—6,5 *см* (рис. 1, *14—17*). «Площики», вырезанные из бронзового листа, были распространены во многих культурах Кавказа, Передней и Малой Азии и Европы, начиная со второй половины II тысячелетия до н. э. На Кавказе они встречаются в памятниках до середины I тысячелетия до. н. э.[1] Однако литые крупные «площики» имели более узкий территориальный и хронологический диапазон бытования. Наиболее близкие и прямые аналогии (по пропорциям, размерам и технологическим особенностям) публикуемые наконечники-«площики» находят среди экземпляров из памятников X—VIII вв. до н. э. кобанской культуры, в частности на Сержень-Юртовском поселении. Именно здесь, в слое X—VIII вв. до н. э.

[1] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 200; *Козенкова В. И.* Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии.— АЭС, II, Грозный, 1968, с. 25; *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, с. 80, рис. 65, *8*.

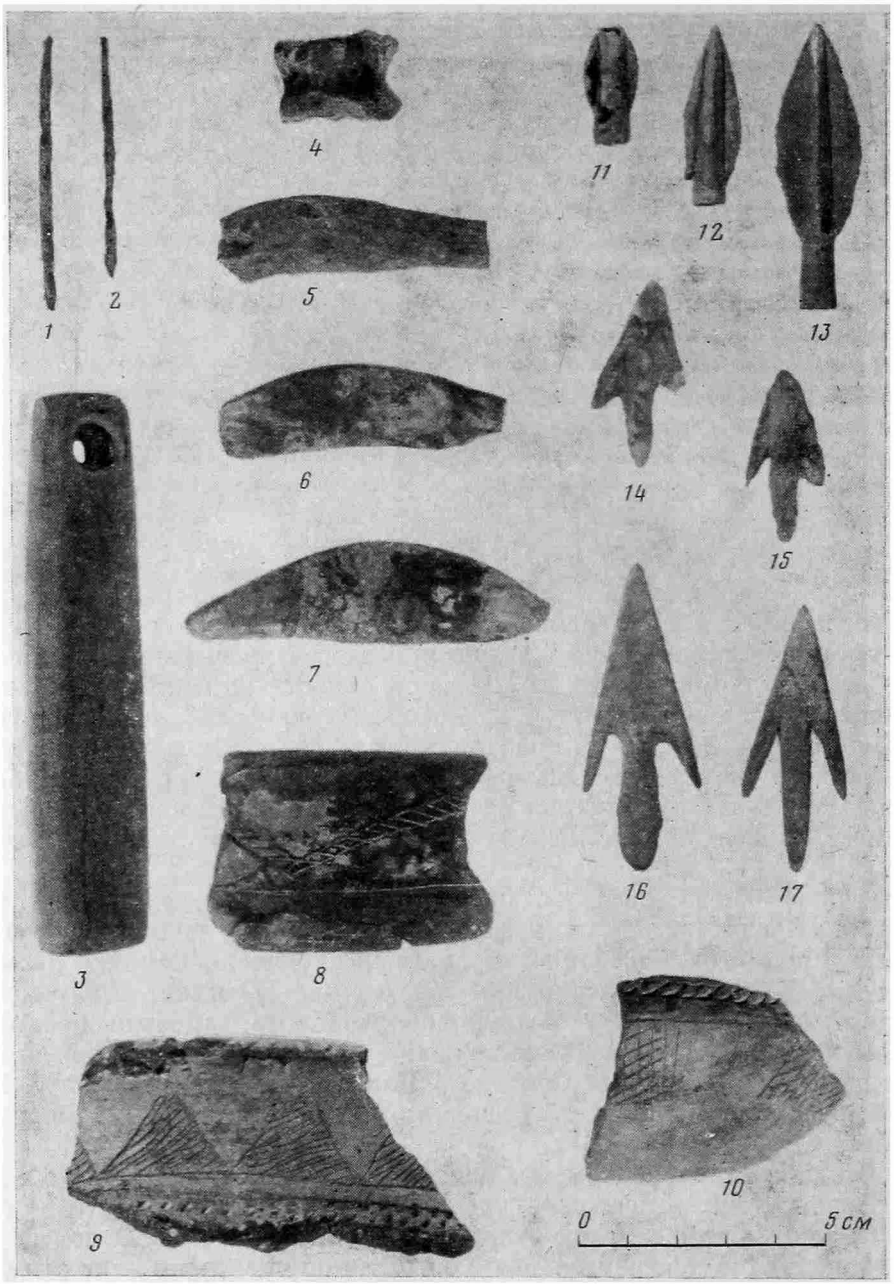


Рис. 1. Орудия труда, оружие и керамика из могильника у сел. Терезе. *1, 2* — иглы; *3* — точильный брусок-оселок; *4* — бараний астрагал; *5—7* — ножи; *8—10* — обломки мисок; *11—17* — наконечники стрел. *1, 2, 5—7, 11—17* — бронза; *3* — камень; *4* — кость; *8—10* — глина

(помещение для металлообработки), найдены подобные целые наконечники, необработанные отливки для них, а также сама форма для изготовления таких наконечников [2]. О местном изготовлении в одностворчатых литейных формах ранних наконечников-«площиков» красноречиво свидетельствует находка литейной формы из Бамутского поселения [3]. Особенно важно то, что здесь на одном и том же камне был вырезан негатив наконечника стрелы и серпа, аналогичного серпам Боргустан-

[2] *Козенкова В. И.* Ук. соч., с. 18 сл., рис. 3, *5*, *19*.

[3] *Магомедов А. Р.* Бамутское поселение — новый памятник кобанской культуры.— СА, 1972, № 2, с. 125, рис. 8.

ского и Бекешевского кладов. Подобное соседство, а также некоторые хорошо датирующие слой Бамутского поселения предметы, такие как костяной псалий X—IX вв. до н. э.[4], литейные формы для крестовидных и конических бляшек, указывают на VIII в. до н. э.[5] как на самую позднюю дату бытования литых плоско-выпуклых в сечении наконечников-«площиков» из селения Терезе. Период же массового их производства скорее всего может быть отнесен к X—IX вв. до н. э., так как в многочисленных кобанских комплексах, синхронных по времени Новочеркасскому кладу (VIII — середина VII вв. до н. э.), они еще не представлены.

Второй тип наконечников стрел в материалах из сел. Терезе представлен 3 экз. бронзовых литых втульчатых наконечников стрел степных форм (рис. 1, *11—13*). Все они имели лавролистную головку и конусовидную втулку. Один из наконечников имел на втулке шип. Общим для всех наконечников было наличие на втулке выпуклых поперечных полосок. Длина наконечников 3—6 *см*. Прямые аналогии наконечникам из сел. Терезе неизвестны. Однако по форме головки, по наличию на втулке выпуклых полосок они могут быть сопоставлены с наконечниками стрел из курганов у Малой Цимбалки и у сел. Марьино в Северном Причерноморье (III тип черногоровского времени по А. И. Тереножкину)[6]. Каковы бы ни были в настоящее время разногласия между исследователями в определении абсолютной хронологии наконечников стрел такого типа, можно согласиться с мнением, что они относятся к наиболее ранним наконечникам стрел «скифского» типа. Присутствие их в материалах кобанской культуры времени ее расцвета (не позднее VIII в. до н. э.) лишнее тому свидетельство. Кстати, это не противоречит и мнению А. И. Тереножкина, который считает подобного типа наконечники стрел характерными для степных памятников не позднее середины VIII в. до н. э.[7]

Орудия труда представлены в материалах из сел. Терезе ножами, иглами и оселком. Все ножи бронзовые (рис. 1, *5—7*). Они, как и наконечники стрел, были отлиты в одностворчатых литейных формах и морфологически близки между собой. Для них характерны горбатая спинка, слегка выделенный черешок и загнутый кверху острый конец лезвия. Длина ножей 7,2—7,7 *см*. Аналогичные бронзовые ножи были обычно на Северном Кавказе до появления железных экземпляров, т. е. для горизонта древностей, хронология которых определяется не позднее VIII в. до н. э. (Сержень-Юртовское поселение, Сержень-Юртовский и Николаевский могильники и т. п.)[8].

Бронзовые иглы представлены лишь двумя обломками довольно крупных экземпляров диаметром сечения 0,2 *мм* (рис. 1, *1, 2*). Бронзовые иглы длиной 12—13 *см* с таким же, как у игл из сел. Терезе диаметром сечения, имелись в слое X—VIII вв. до н. э. Сержень-Юртовского и Змейского поселений[9], а также в погребениях начала I тысячелетия до н. э. могильников западного варианта кобанской культуры (погр. 1,

---

[4] *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья.— В сб.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 84, рис. 4.

[5] *Козенкова В. И.* К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа.— В сб.: Studia Thracica, I. София, 1975, с. 96.

[6] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976, рис. 18, *9*; 24, *7*.

[7] Там же, с. 133, 134, 195.

[8] *Козенкова В. И.* Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 году.— КСИА АН СССР, 1965, № 103, с. 72; *ее же.* Исследование памятников раннего железного века у сел. Сержень-Юрт.— КСИА АН СССР, № 112, 1967, с. 85, рис. 27, *6*; *Анфимов Н. В.* Протомеотский могильник с. Николаевского. Сборник по археологии Адыгеи, т. II. Майкоп, 1961, с. 119, табл. III, *7, 8*.

[9] *Козенкова В. И.* Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 году, с. 70, рис. 24, *10*; *Деопик Д. В., Крупнов Е. И.* Змейское поселение кобанской культуры.— В сб.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, с. 29, рис. 8, *6*.

26 на территории мебельной фабрики в Кисловодске; погр. 5 Султан-Горского I могильника; погр. 5, 8 могильника Индустрия I из раскопок 1971 г. и т. д.) [10].

Каменный точильный брусок-оселок из красноватого плотного сланца (рис. 1, *3*) удлиненно-прямоугольной формы с закругленными углами, четырехгранный в сечении. На одном конце круглое отверстие двустороннеконического сверления. Длина оселка 11,1, ширина 2,1, размер отверстия 0,6 *см*. На боковых гранях оселок имел следы залощенности — результат длительной утилизации. Форма и размеры оселка типичны для памятников предскифского периода на всей территории распространения колхидской и кобанской культур [11]. Близок он к оселкам из памятников начала I тысячелетия до н. э. более северных районов Предкавказья, Поволжья и Северного Причерноморья [12].

Массово представлены в материалах из могильника у сел. Терезе всевозможные украшения (булавки, височные кольца, браслеты, бляхи, пуговицы, пронизи и привески ожерелья, бусы). Многие из них дают яркое представление о мастерстве и художественном творчестве обитателей, оставивших изучаемый памятник.

Бронзовые стержневидные булавки, представлены двумя типами. Первый тип — булавки с гладким (4 экз.) или витым стержнем (1 экз). Навершие в виде раскованной плоской пластинки, свернутой в трубочку (рис. 2, *1—5*). В сечении верхняя часть булавок была квадратная или круглая, нижняя часть всегда круглая. Длина булавок 10,2—19 *см*. Аналогичные булавки были широко распросранены в культурах Кавказа с конца II тысячелетия до н. э, и доживают до начала VII в. до н. э.[13] Обычны они и в памятниках XII—VII в. до н. э. всего ареала кобанской культуры (Сержень-Юртовское поселение и могильник, Пседахский, Кобанский, Тлийский, Заюковский, Кисловодский, Березовский, Эшкаконский, Эчкивашский и многие другие могильники) [14]. Многочисленные факты не позволяют согласиться с утверждением Б. В. Техова, что «в материальной культуре племен Центрального Кавказа булавки с завернутыми в трубку головками не нашли широкого применения» [15].

Второй тип — бронзовая булавка с шаровидной головкой и отверстием в пей. Длина булавки 6, 8 *см* (рис. 2, *6*). Прямых аналогий булавке с шаровидной головкой найти не удалось, однако генетически форма ее восходит скорее всего к одному из вариантов гвоздевидных булавок конца II тысячелетия до н. э., например к булавкам из Стырфазских кромлехов в Южной Осетии [16]. Они отличаются от булавки из Терезе большей массивностью и расположением отверстия; в отличие от публикуемой, отверстие на булавках из Стырфаза были проделаны под навершием.

Височные бронзовые кольца представлены в могильнике тремя типами.

---

[10] Раскопки Н. Н. Михайлова, А. П. Рунича, Г. Е. Афанасьева. Материалы не опубликованы.

[11] *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии.— МИА, № 3, 1941, с. 21, рис. 4, *6*; *Крупнова Е. И.* Ук. соч., с. 189, рис. 28, *13*, табл. XII, *6*, *7*; XXXIX, *5*; *Деопик Д. В.*, *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 34; *Козенкова В. И.* Исследование памятников раннего железного века..., с. 83, рис. 26, *3*; *Трапш М. М.* Древний Сухуми. Труды, т. 2. Сухуми, 1969 (Красномаяцкий могильник), рис. 32, *2*.

[12] *Тереножкин А. И.* Ук. соч., с. 30, рис. 5, *4*; 6, *2*; *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII—VI вв. до н. э. М., 1977, с. 158, рис. 58.

[13] *Чубинишвили Т. Н.* Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, с. 40, рис. 12, табл. XVIII; *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 284, рис. 110, *5*; *Хачатрян Т. С.* Древняя культура Ширака. Ереван, 1975, рис. 91.

[14] *Гриневич К. Э.* Новые данные по археологии Кабарды.— МИА, № 23, 1951, с. 136, рис. 14, *1*; *Замятнин С. Н.* Работы на строительстве санатория КСУ в Кисловодске.— В сб.: Археологические работы Академии на новостройках в 1931—1933 гг., т. 1. ОГИЗ, 1935, с. 213, рис. 207; *Техов Б. В.* Ук. соч., с. 148, рис. 106, *15—22*.

[15] *Техов Б. В.* Ук. соч., с. 149.

[16] *Техов Б. В.* Стырфазские кромлехи. Цхинвали, 1974, рис. 30, *7*.

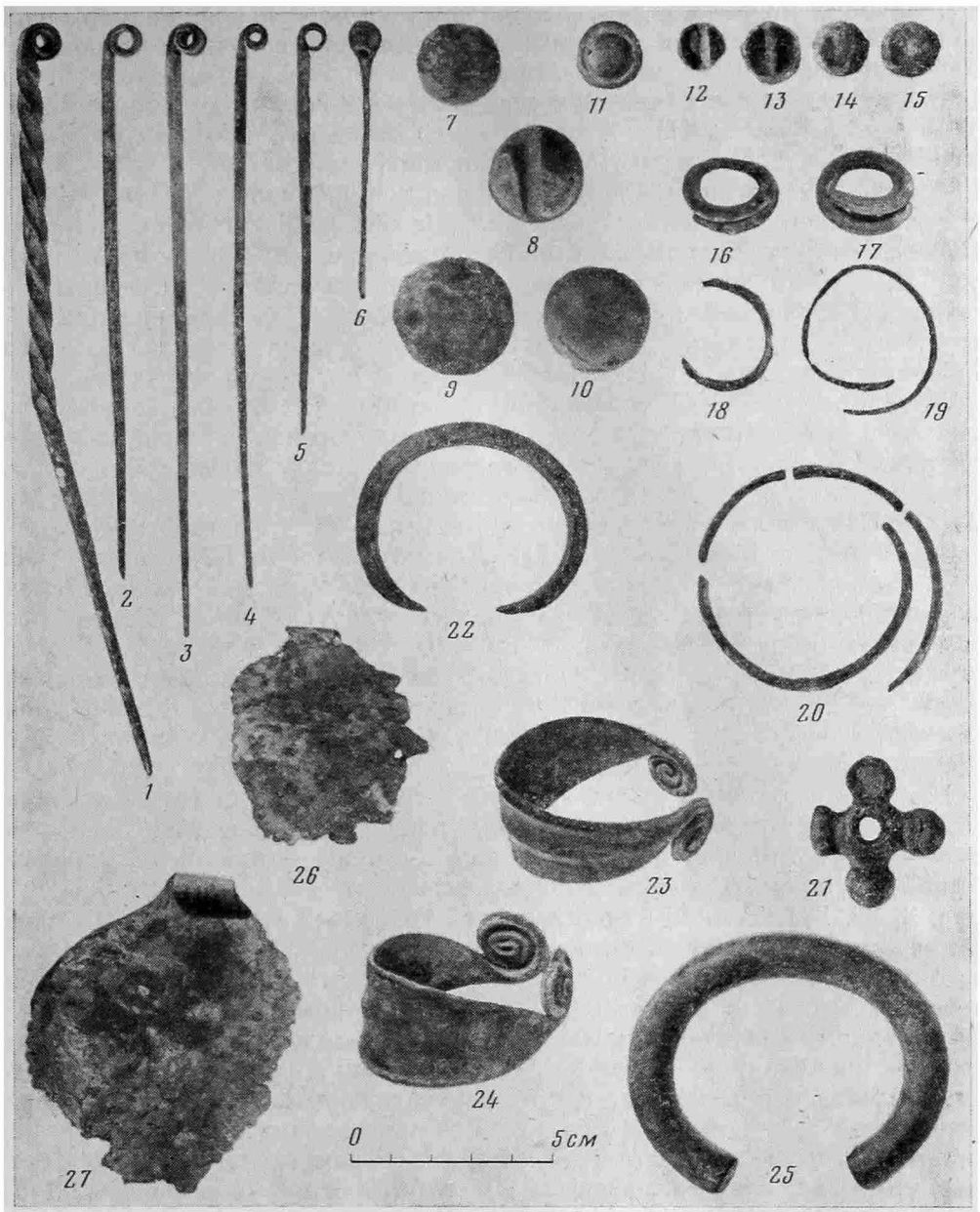


Рис. 2. Бронзовые украшения из могильника. *1—6* — булавки; *7*, *8*, *11—15* — пуговицы; *9*, *10*, *26*, *27* — бляхи; *16—20* — височные кольца; *21* — крестовидная привеска; *22—25* — браслеты

Первый тип (2 экз.) — круглые небольшие кольца в 1—1½ оборота, диаметром 2,5 *см*, из ромбической в сечении проволоки (рис. 2, *16*, *17*). Тип этот архаичен и известен в памятниках Кавказа с эпохи бронзы. Из синхронных и близких по территории памятников, где обнаружены такие же височные кольца, можно отметить могильник на Эшкаконе (раскопки Н. М. Егорова в 1953 г.). Два таких же височных кольца происходят из погр. 9 Эчкивашского могильника [17]. На территории Колхиды они зафиксированы в погребениях VIII—VII вв. до н. э. Красномаяцкого могильника.

Второй тип (2 экз.) — височные кольца, овальной формы, с заходящими друг за друга раскованными в пластину концами (рис. 2, *18*,

[17] *Рунич А. П.* Отчет о работах в районе Кавминвод в 1966 году.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3251, рис. 19.

19). Сечение проволоки треугольное или прямоугольное. Размеры колец 2,5×3; 3,2×3,8 *см*. Как и первый тип, подобные височные кольца бытовали на Кавказе с III тысячелетия до н. э. и до раннего железного века. Ближе всего они сопоставимы с овальными височными кольцами, найденными в погребениях XII—X вв. до н. э. Тлийского могильника, а также с височными кольцами из Красномаяцкого могильника [18].

Третий тип (1 экз.) — круглое кольцо, скрученное в полтора оборота из треугольной в сечении проволоки. Концы расплющены и заострены. Диаметр кольца 5 *см*. В изучаемом памятнике оно найдено в обломках (рис. 2, *20*). Аналогии таким крупным кольцам изредка встречены в памятниках кобанской культуры самого начала I тысячелетия до н. э. (случайно разрушенное в 1935 г. курганное погребение близ Заюково в Кабардино-Балкарии; погребения Сержень-Юртовского могильника) [19].

Пуговицы (40 экз.) составляли в материалах из сел. Терезе самую многочисленную группу. Все они бронзовые, литые, выпукло-вогнутые в сечении. На оборотной стороне петля-перекладина. Различаются гладкие пуговицы, иногда с конической вершиной в центре (рис. 2, *7, 8, 12—15*). Но имелись и уплощенные, украшенные углубленным колечком по краю лицевой стороны (рис. 2, *11*). Диаметр пуговиц 1,2—2,4 *см*. Аналогичные бронзовые пуговицы широко представлены не только в ареале кобанской культуры, но и во всех других культурах эпохи поздней бронзы — раннего железа Кавказа.

Бляхи круглые, большие, с петлей для прикрепления составляли значительную группу в изучаемом памятнике (9 экз.). Все они бронзовые и скорее всего служили нагрудными украшениями. По технике изготовления они делятся на две подгруппы.

Первая подгруппа (3 экз.) — тонкие, кованные из листа бляхи, слегка выпуклые и с конической вершиной в центре. На краю выделена петля-трубочка. На лицевой стороне по самому краю бляхи были украшены линией пуансонных точек, выбитых изнутри. Диаметр блях 5,5—8 *см* (рис. 2, 26, 27). Тонкие бляхи с петлей-трубочкой составляли локальную специфику украшений западного варианта кобанской культуры. Самым восточным памятником, где они встречены, был могильник на правом берегу р. Баксан в районе сел. Заюково [20]. Кроме того, они имелись в погребальном инвентаре каменных ящиков «Агачевского» и Сосновогорских могильников в районе Кисловодска [21]. Как на Баксане, так и в Кисловодской котловине состав сопутствующих тонким бляхам предметов могильных комплексов отличался некоторыми архаическими признаками (наличие сурьмяных украшений, сосуды с «ногтевым» орнаментом), что может свидетельствовать в пользу их относительно более ранней даты в пределах общего периода — X—VII вв. до н. э.

Вторая подгруппа объединяла литые массивные выпукло-вогнутые в сечении бляхи с широкой петлей в центре оборотной стороны. Среди них различаются несколько разновидностей. Имелись экземпляры (рис. 2, *9, 10*; 3, *5, 8*) округло-выпуклые или слегка конические, гладкие, диаметром 2,6—5,5 *см* (6 экз.). Одна из таких блях была декорирована чеканным изображением на лицевой стороне двух расположенных визави парящих птиц (рис. 3, *5*). Кроме того, выделяются округло-выпуклые бляхи, украшенные по краю лицевой стороны рельефным шнуровым

---

[18] *Техов Б. В.* Центральный Кавказ..., с. 170, рис. 114, *2*; *Трапш М. М.* Ук. соч., табл. IX; *8*; XI, *9, 10*.

[19] *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Восточный вариант.— САИ, вып. В2—5. М., 1977; табл. XIX, *4, 5*.

[20] Материалы не опубликованы, фонд ГЭ, ОИПК, коллекция В. П. Ренгартена 1914 года, инв. № 1321.

[21] *Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавказских Минеральных вод за 1965 год.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3033, погр. 31 и 47; *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья.— АЭС, IV, Грозный, 1976, с. 62, рис. 9, *4*.

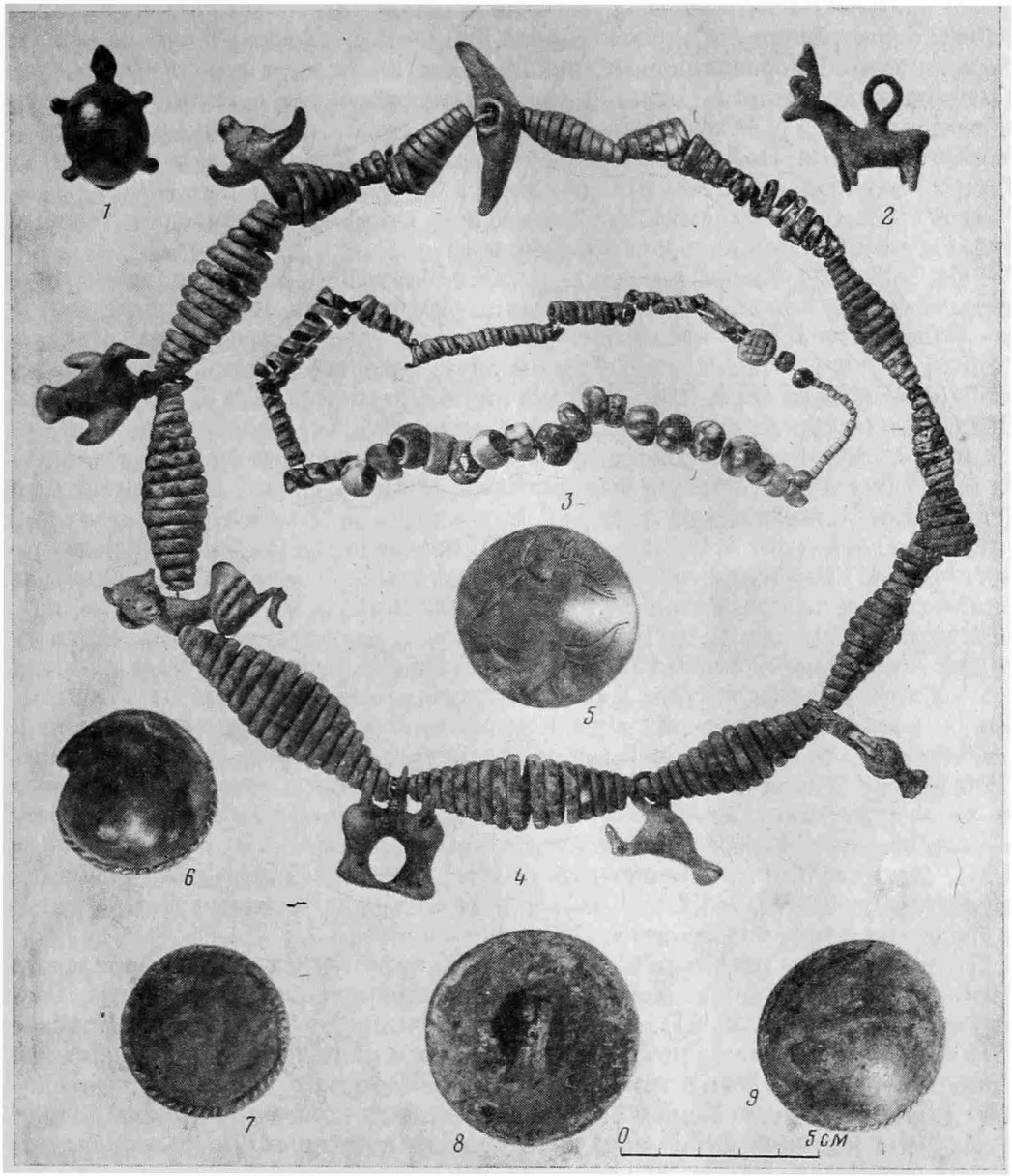


Рис. 3. Бронзовые украшения и ожерелья из могильника. *1*, *2* — зооморфные привески-амулеты; *3* — бусы; *4* — ожерелье из привесок и биконических пронизей; *5—9* — бляхи

кантом, выполненным в литье (3 экз.). Диаметр блях с кантом близок между собой — 4,2—4,9 *см* (рис. 3, *6*, *7*, *9*). Одна из блях имела двойной шнуровой кант («косичка»). Литые выпуклые бляхи известны в памятниках Кавказа с конца II тысячелетия до н. э. и доживают до середины I тысячелетия до н. э.[22] Однако орнаментированные экземпляры, аналогичные бляхам из сел. Терезе, имели место только в кобанских древностях X—VIII вв. до н. э. Близкая по форме и размеру бляха с изображением на лицевой стороне двух рыб, расположенных визави, известна из могильника на территории Кисловодской мебельной фабрики. Изображение птиц в полете и детальная прорисовка хвостового оперения и крыльев насечками чрезвычайно близко напоминают привески-птички из погребений рас-

[22] *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 153, рис. 62, *5*; 82, *6*.

цвета кобанской культуры Тлийского могильника [23]. Там же известна и бляха, украшенная по краю лицевой стороны рельефным пояском [24]. Но самая прямая, поразительно близкая аналогия бляхам с рельефным кантом зафиксирована в погр. 53 Сержень-Юртовского восточнокобанского могильника. Она находилась среди украшений, положенных в могилу воину-всаднику. Погребение относится к ранней в пределах могильника группе, датированной X—VIII вв. до н. э.[25]

Браслеты в изучаемой группе вещей из сел. Терезе представлены тремя типами. Все они бронзовые (4 экз.).

Первый тип (2 экз.) — литые, пластинчатые браслеты с тремя продольными рельефными ребрами на лицевой стороне. Ребра дополнительно украшены косой насечкой. Оборотная сторона предметов гладкая. Концы браслетов раскованы в узкий дрот, который затем был закручен в плоскую спираль (рис. 2, *23, 24*). Размеры браслетов 4,6×5,7; 4,8×5,4 *см*. Ширина пластины по центру 2,5—3; толщина 0,2 *см*. Пластинчатые ребристые браслеты со спиралевидно закрученными концами типичны для кобанской культуры периода ее расцвета. В значительно видоизмененной форме они доживают до начала VII в. до н. э. Наиболее массово этот тип представлен в комплексах XI—VIII вв. до н. э. (Кобанский, Верхнерутхинский, Тлийский могильники) [26] центрального варианта культуры. Заметное место принадлежит им и в памятниках VIII—VII в. до н. э. западного (Березовский, Каменномостский, Заюковский могильники) [27] и восточного вариантов (Сержень-Юртовское поселение, могильник у сел. Шарой) [28]. Лишь эпизодически, причем вне закрытых комплексах, они встречены в западной части Северного Кавказа и Закавказья в контактной зоне с ареалом кобанской культуры (Майкоп, Лечхум, Брили, Куланурхва, Ожоли) [29]. Анализ новых материалов, особенно выявленных за последние годы, не подтверждают мнение некоторых исследователей, в частности М. М. Трапша и следующих за ним В. Б. Виноградова и А. П. Рунича, о том, что повсеместно установленной для этих браслетов датой являются VII—VI вв. до н. э.[30] Противоречит этому утверждению и хронология материалов из сел. Терезе.

Второй тип — массивный браслет из круглого в сечении бронзового дрота диаметром 1,1 *см*. Концы браслета обрублены и не сомкнуты. Размер 6,5×8 *см* (рис. 2, *25*). Такие браслеты широко бытовали на Кавказе во многих культурах позднебронзового и раннежелезного периодов. Наиболее ранние засвидетельствованы в памятниках конца II тысячелетия до н. э.[31] Но в основном они характерны для памятников начала I тысячелетия до н. э.[32] В ареале кобанской культуры они были обычны

[23] *Техов Б. В.* Центральный Кавказ..., с. 166, рис. 112, *9*.

[24] *Техов Б. В.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, с. 210, рис. 74, *2*.

[25] *Козенкова В. И.* Кобанская культура..., с. 25.

[26] *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.— МАК, VIII, 1900, табл. XXX, *4, 5*; *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 236; *Техов Б. В.* Очерки древней истории..., с. 150, рис. 54, *11*; *его же.* Центральный Кавказ..., с. 160, рис. 109.

[27] *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 206; *Гриневич К. Э.* Ук. соч., с. 131, рис. 8, *1*; браслеты из Заюково не опубликованы. Хранение — Нальчикский музей краеведения Кабардино-Балкарской АССР и народный музей селения Заюково на р. Баксан.

[28] *Козенкова В. И.* Кобанская культура..., с. 8 и с. 52, № 65.

[29] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, № 23, 1951, с. 82, рис. 5, *6*; *Трапш М. М.* Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. 1962, с. 65, табл. XXXI, *1*; *Куфтин Б. А.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Кураракский энеолит.— ВГМГ, XIII-В. Тбилиси, 1944, табл. XIV, *1*; *Коридзе Д. Л.* К истории колхской культуры. Тбилиси, 1965, с. 154, табл. XXIV, *1*.

[30] *Трапш М. М.* Памятники..., с. 65; *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Ук. соч., с. 44.

[31] *Хачатрян Т. С.* Ук. соч., с. 184, рис. 91.

[32] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг..., с. 93, рис. 22; *Трапш М. М.* Древний Сухуми. табл. XII, *1, 2*.

для памятников X—VIII вв. до н. э. западного варианта (могильники — Кисловодский, Эшкаконский, Исправненский, Индустрия I) [33]. На северо-восточном Кавказе такого типа браслеты встречены в контактной зоне кобанской и каякентско-хорочоевской культур (погребения X—VIII вв. до н. э. Зандакского могильника [34]).

Третий тип — бронзовый браслет из подтреугольного в сечении дрота. Несомкнутые концы заострены. На лицевой стороне по центру браслеты имели заметно выступающее продольное ребро. Размер 5×6,2 *см*, ширина 1,5 *см* (рис. 2, *22*). Аналогичные браслеты в ближайших к Терезинскому могильнику памятниках найдены в Эшкаконском и Николаевском могильниках [35]. На востоке такие же браслеты имелись в слое Сержень-Юртовского поселения в погребениях X—VIII вв. до н. э., Аллероевского могильника [36], а также в каменных ящиках начала I тысячелетия до н. э. Бачи-Юртовского могильника в Чечено-Ингушетии [37]. Для районов северо-восточного Кавказа узкие треугольные в сечении браслеты с ребром на лицевой стороне не характерны. Проявление их на востоке скорее всего следует объяснять усилившимися контактами западных и восточных «кобанцев» в период интенсивных передвижений племен в евразийских степях в самом начале I тысячелетия до н. э.

Привески-амулеты (10 экз.) — наиболее яркая в художественном отношении группа предметов, происходящих из могильника у сел. Терезе. Все поделки бронзовые, литые, видимо, с утратой литейной формы. Каждый из предметов морфологически индивидуален, что свидетельствует в первую очередь о сакрально-магическом и охранительном назначении предметов. В изучаемой группе выделяются следующие амулеты.

1. Крестовидная привеска с шаровидными концами и отверстием в центре (рис. 2, *21*). Размер ее 3,3×3,9 *см*. Один конец привески сломан. Крестовидные привески широко бытовали в памятниках XI—VIII вв. до н. э. центрального и западного вариантов кобанской культуры. Они имелись в Кобанском могильнике [38]. Довольно много их происходит из памятников бассейна Баксана (коллекция Ольшевского, Заюковский могильник) [39]. Особенно много их в погребениях XII—X вв. до н. э. Тлийского могильника [40]. На территории распространения колхидской культуры известны всего три таких привески (сел. Абгархук, погр. 23 Красномаяцкого могильника, погр. 3 VIII в. до н. э. в могильнике Куланурхва) [41].

Графическое изображение солярных знаков в виде креста известно у многих земледельческих народов с глубокой древности. На Кавказе происхождение формы крестовидных подвесок также связано скорее всего с солярной культовой символикой. Изображение подобных крестов можно видеть, например, на сельскохозяйственных предметах XII—XI вв. до н. э. в Западной Грузии (клад мотыг из Опшквити) [42] и на гравированных боевых топорах колхидской культуры из Абхазии [43]. Но особенно ярко они представлены на боевых бронзовых поясах из погр. 74 и 76 второй по-

---

[33] *Замятнин С. Н.* Ук. соч., с. 224; *Егоров Н. М.* Могильник у реки Эшкакон.— КСИИМК, № 64, 1956, с. 137, рис. 59.

[34] *Марковин В. И.* Дагестан и Горная Чечня в древности. М., 1969, с. 63, рис. 27, *1*.

[35] *Егоров Н. М.* Ук. соч., с. 137; *Анфимов Н. В.* Ук. соч., с. 125, табл. IV, *10*.

[36] *Виноградов В. Б.* Центральный и северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 254, рис. 40, *11*.

[37] *Мунчаев Р. М.* Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии.— КСИИМК, № 84, 1961.

[38] *Уварова П. С.* Ук. соч., с. 69, табл. XXX, *8*; XXXVI, *22*.

[39] *Гриневич К. Э.* Ук. соч., с. 136, рис. 14, *1*.

[40] *Техов Б. В.* Центральный Кавказ..., с. 167, рис. 112, *15—28*.

[41] *Трапш М. М.* Памятники..., с. 19, табл. XXII, *1—3*; *его же.* Древний Сухуми, табл. XXVII, *20*; *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 22, № 79, табл. XXXVII, *42*.

[42] *Коридзе Д. Л.* Ук. соч., с. 154, рис. 16, табл. XXX, *3*.

[43] Там же, табл. XXXVIII, *21*, *22*.

ловины X в. до н. э. Тлийского могильника. Здесь подобные знаки отчетливо выступают как компонент единой композиции, включающей знаки в виде круга с крестом в центре и изображения птиц [44].

Кавказские аналогии конца II — самого начала I тысячелетия до н. э. не позволяют нам согласиться с мнением А. И. Тереножкина о том, что подобные крестовидные привески (как и многие другие предметы, относимые им к собственно киммерийским) были изготовлены «по киммерийским образцам в духе киммерийского прикладного искусства» [45] и что кобанцы заимствовали их извне у степных киммерийцев [46]. Столь прямое и по сути дела априорное суждение, на наш взгляд, глубоко ошибочно, так как игнорирует имеющиеся фактические данные. Их количественное соотношение и сравнительная хронология свидетельствуют скорее о противоположном явлении, а именно об огромном воздействии культур Кавказского региона на степные культуры конца II — первой половины I тысячелетия до н. э. юга Восточной Европы, Северного Причерноморья, Нижнего Подонья и Поволжья, что неоднократно подчеркивалось А. А. Иессеном, Е. И. Крупновым и Б. Б. Пиотровским.

2. Черепаха бронзовая, выполненная в реалистической манере, с проработанными деталями ног и головы. На оборотной стороне статуэтки в полости туловища приделана петля-перекладина для подвешивания. Длина фигурки 3,7 *см* (рис. 3, *1*). Близкие аналогии предмету неизвестны.

3. Олень с ветвистыми рогами и круглой петлей на спине. Статуэтка объемно моделированная, литая. Длина 3,7 *см*, высота до концов рогов 3,3 *см*. Поза статична (рис. 3, *2*). Ближайшей аналогией статуэтке являются такие же бронзовые олени из погребений IX—VIII вв. до н. э. Верхне-Кобанского могильника [47], а также из погребений XII—X вв. до н. э. Тлийского могильника [48].

4. Головка быка (рис. 3, *4*), рельефно моделированная, литая, с петлей для привешивания на черепе. Такие головки были широко распространены на всей территории кобанской культуры. Особенно близкие экземпляры известны из случайных сборов в бассейне р. Баксан [49].

5. Фигурки птиц, иногда сдвоенные, с раскрытыми или сложенными крыльями. Все четыре фигурки литые, объемно моделированные и имели петли для привешивания (рис. 3, *4*). Чрезвычайно близкие параллели таким фигуркам птиц известны среди материалов, собранных при случайных раскопках близ Заюково в Баксанском ущелье [50]. Почти все сходные с терезинскими разновидности привесок-птичек найдены также в погребениях X—VIII вв. до н. э. Тлийского могильника [51].

6. Клык хищника, бронзовый, литой, с отверстием для привешивания (рис. 3, *4*). Длина 4,6 *см*. Близкая аналогия известна среди материалов из случайных сборов близ Заюково на Баксане [52]. Массивный бронзовый клык с отверстием также находился в составе ожерелья в погр. 7 могильника Индустрия I (раскопки Г. Е. Афанасьева 1971 г.) Погребение относится к первой половине VIII в. до н. э.

7. Привеска-распределитель для ожерелья в виде трубочки, украшенной двумя фигурками: головой оскалившегося хищника и птицей, видимо

---

[44] *Техов Б. В.* Центральный Кавказ..., с. 130, рис. 99, 100.

[45] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 173, 177.

[46] Там же, с. 180.

[47] *Уваров А. С.* К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе.— Тр. V АС, в Тифлисе. М., 1887. Приложение, с. 7.

[48] *Техов Б. В.* Центральный Кавказ..., с. 172, рис. 115, *2*, *3*.

[49] Материалы не опубликованы. Хранятся в Кабардино-Балкарском краеведческом музее в Нальчике.

[50] Материалы не опубликованы. Хранятся в Народном музее в школе № 2 сел. Заюково Кабардино-Балкарской АССР.

[51] *Техов Б. В.* Центральный Кавказ..., с. 166, рис. 112, *8*, *9*, *12*.

[52] Музей г. Нальчика. Экспозиция.

водоплавающей (рис. 3, *4*). Привески-пронизи с подобными двойными изображениями разных животных, как правило зверя и птицы, во множестве происходят из бассейна Баксана и из междуречья верховий Баксана и Чечема [53]. Стилистическое своеобразие привески из могильника в сел. Терезе, собственно сюжет и особенности моделировки тела птицы косыми желобчатыми линиями роднят ее с украшениями Кяфарского клада X—IX вв. до н. э.[54]

Среди материалов из Терезинского могильника имелись также пронизи и бусы.

Бронзовые пронизи цилиндрической формы (7 экз.) изготовлены из треугольной в сечении узкой пластины шириной 0,2 *см*. Длина пронизей 2,5—3,5 *см* (рис. 3, *3*). Более многочисленны биконические пронизи (15 экз.), свернутые из бронзовой проволоки. Длина их 3,5—6,5 *см*, диаметр по центру 1—2,2 *см* (рис. 3, *4*). Цилиндрические пронизи известны на территории Кавказа с глубокой древности и до середины I тысячелетия до н. э. Биконические пронизи характерны для ареала кобанской культуры, в особенности для ее центрального и западного вариантов. Преимущественно они находились в комплексах X—VII вв. до н. э. (Кобанский, Заюковский, Березовский 4, Инжиччукунский могильник) [55]. Две таких пронизи имелись в погребениях VII—VI вв. до н. э. Красномаяцкого могильника в Колхиде [56].

Бусы самые разнообразные по материалу, бронзовые, каменные и стеклянные (рис. 3, *3*).

Бронзовые бусы представлены тремя формами: а) цилиндрическая (из тонкого листа) длиной 1,5 *см*; б) бочковидная (7 экз., длиной 0,5—0,6 и диаметром 0,9—1,1 *см*); б) биконическая (диаметр 1,2 и длина 1 *см*). Все разновидности бронзовых бус широко бытовали на Кавказе в культурах конца бронзового — раннего железного века. Каменные, сердоликовые бусы (11 экз.) из сел. Терезе имели шаровидную, неправильную усеченно-коническую и цилиндрическую форму (рис. 3, *3*). Изготовлены они из темно-красного и коричневатого камня с белыми прожилками. Сверление отверстий односторонне-коническое и цилиндрическое. Диаметр бус 0,6—1 *см*. Сердоликовые бусы такого же цвета и качества изготовления постоянно находили в памятниках кобанской культуры первой половины I тысячелетия до н. э.

Из стеклянных бус две (бочковидной формы) были изготовлены из черного глухого стекла и 13 (цилиндрической формы) — из голубой стекловидной пасты (бисер). Особо необходимо упомянуть бусину из голубой пасты, катушковидной формы, с отверстием в центре. На торцовых частях ее была прочерчена тонкая сеточка. Размер бусины 0,7×0,8 *см*. Такие бусы, судя по закавказским аналогиям, являются важным датирующим признаком. Наиболее ранние из них относились к концу II тысячелетия до н. э. (Цинцкароевский могильник XI—VIII вв. до н. э. в Триалети) [57], наиболее поздние не бытовали позднее VIII в. до н. э. (могильник X—VIII вв. до н. э. у сел. Мухан в Армении) [58].

---

[53] *Zichy E.* Voiages au Caucuse et en Asie Centrale. Description de Collextions par les docteurs J. Jankó et Bela Pósta, p. 11. Budapest, 1897, pl. XVII. *34*, *35*, *39*.

[54] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг..., с. 93, рис. 22.

[55] *Замятнин С. Н.* Ук. соч., рис. 207, *18*; *Гриневич К. Э.* Ук. соч., с. 136, рис. 14, *1*; *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 301, табл. 7а, *5*; *Виноградов В. Б.* Ук. соч., с. 332, рис. 16, *10*; *Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях по району Кавминвод за 1964 год.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2869, погр. 1.

[56] *Трапш М. М.* Древний Сухуми, табл. XXII, *6*, *7*.

[57] *Менабде М., Давлианидзе Ц.* Могильник Триалети, т. I. Тбилиси, 1968, с. 35, 36, табл. II, *62*, *87* (Цинцкаро — погр. 6, 14, 19).

[58] *Мнацаканян А. О.* Археологические раскопки на осушенной территории озера Севан.— СА, XXIII, 1955, с. 185, 186, 194, рис. 8, *8* (в ожерелье из каменного ящика № 2 Муханского могильника).

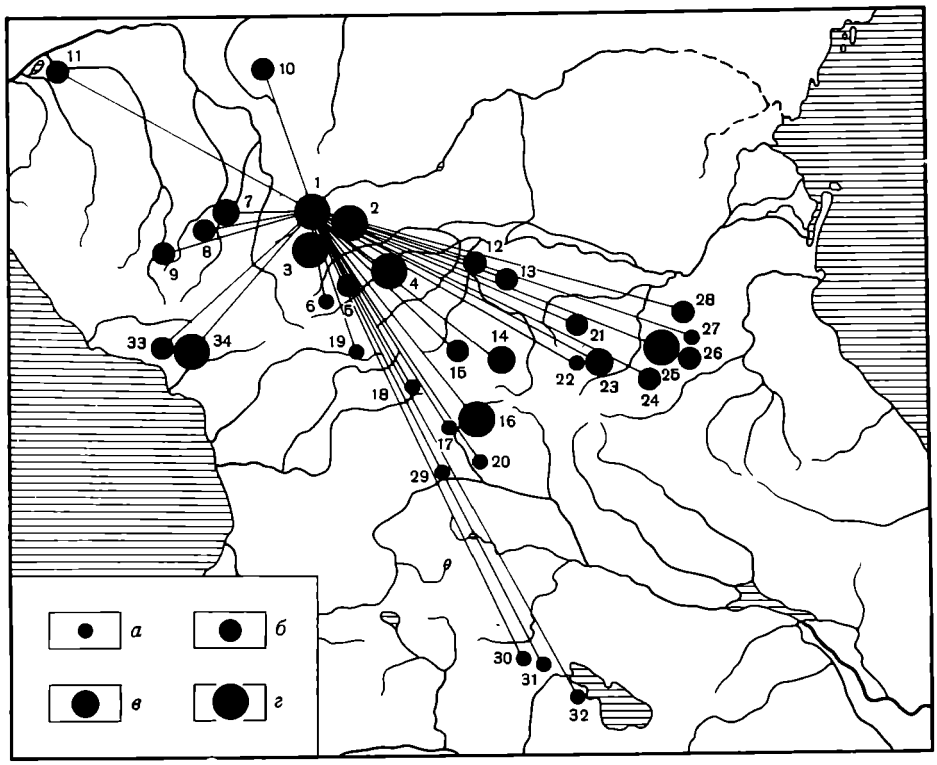


Рис. 4. Схема степени связи культурных компонентов (орудия труда, оружие, украшения, керамика) могильника у сел. Терезе и других памятников Кавказа
1 — Терезе; *2*, *3* — Кисловодская котловина; *4* — Заюково; *5* — Каменномостское на Малке; *6* — Кич-Малка; *7* — Инжиччукун; *8* — Исправная; *9* — Кяфар; *10* — Ставрополь; *11* — Николаевское; *12* — Змейская; *13* — Пседах; *14* — Кобань; *15* — В. Рутха; *16* — Тлп; *17* — Стырфаз; *18* — Брили; *19* — Лечхум; *20* — Самтавро; *21* — Бамут; *22* — Гатын-Кале; *23* — Шарой; *24* — Хорочой; *25* — Сержень-Юрт; *26* — Зандак; *27* — Бачи-Юрт, *28* — Аллерой; *29* — Цинцкаро; *30* — Ленинакан; *31* — Артик; *32* — Мухан; *33* — Куланурхва; *34* — Красный маяк. *а* — один компонент; *б* — два компонента; *в* — три — пять компонентов; *г* — более пяти компонентов

Кроме перечисленных выше предметов среди находок из сел. Терезе были астрагал барана и три фрагмента глиняных мисок, орнаментированных прочерченным и штампованным геометрическим узором в виде заштрихованных двойных ломаных линий (рис. 1, *8*), косо заштрихованных треугольников и квадратов в сечении с поперечно расположенными поясами, также заштрихованными или заполненными наколами (рис. 1, *9, 10*). Сочетание зон орнамента и его отдельные элементы близки орнаментальным мотивам, характерным для посуды самого начала I тысячелетия до н. э. западного варианта кобанской культуры [59].

Таким образом, анализ всех категорий предметов из сел. Терезе позволяет достаточно определенно установить их хронологическую культурную принадлежность. Большинство их датируется в пределах X—VIII вв. до н. э. Не противоречат этой дате и самые ранние наконечники стрел степных форм, имевшиеся среди материалов. Большинство приведенных выше аналогий, близких, а иногда и прямых для орудий труда, оружия и в особенности для украшений и керамики, свидетельствует о кобанской принадлежности нового памятника у сел. Терезе (рис. 4).

О находке близ сел. Терезе кинжала кобанского типа и сосуда с геометрическим орнаментом писал в свое время А. А. Иессен [60]. Новый па-

[59] *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 191, рис. 29, табл. XXXII; *Гриневич К. Э.* Ук. соч., с. 134, рис. 12; *Алексеева Е. П.* Ук. соч., с. 298, табл. 5; *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Ук. соч., рис. 5, *25*, *26*; 6, *17*.

[60] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг..., с. 82, рис. 5, *2*, *3*.

мятник вместе с другими, выявленными сравнительно недавно, такими как Эшкаконский, Инжиччукунский и Исправненский могильники, убедительнейшим образом свидетельствуют о том, что бассейн верхнего течения Подкумка и Кубани и первой четверти I тысячелетия до н. э. были заселены носителями кобанской культуры [61]. Вывод этот стал возможен лишь с выявлением за последние годы новых археологических источников, среди которых материалы из сел. Терезе, даже в неполном виде, выступают как особо важные для хронологической и культурной классификации древностей Северного Кавказа.

H. H. Bidjiev, V. I. Kozenkova

ARTIFACTS OF THE KOBAN CULTURE FROM THE VILLAGE TEREZE (Karachaevo-Cherkesia)

Summary

The article is devoted to the publication and historical interpretation of the artifacts from a destroyed ancient cemetery with a partial cremation rites in the village Tereze at the right bank of the Podkumok river. Weapons are represented by bronze arrowheads of the local Caucasian type and arrowheads of steppine forms of the prescythian period. Tools (grindstones, bronze knives and needles) are numerous. Ornaments (bronze pins, plates, temporal rings, zoomorphic necklace pendants, beads) compose a significant series. The analysis of all artifacts from Tereze let the authors date them to the Xth — VIIth centuries B. C. Most analogies indicate the belonging of the new cemetery to the Koban culture of the Caucasus. Results of recent investigations of the Podkumok and Upper Kuban basins show that the population of the western local variant of the Koban culture settled there in the first quarter of the Ist millenium B. C.

---

[61] *Козенкова В. И.* К вопросу о границах западного варианта кобанской культуры. Тезисы доклада на VII Крупновских чтениях в Черкесске в апреле 1977 г.

В. Н. КОРПУСОВА, В. П. БЕЛОЗОР

МОГИЛА КИММЕРИЙСКОГО ВОИНА У ДЖАНКОЯ, В КРЫМУ

Киммерийская проблема, до недавнего времени остававшаяся во многом туманной и неясной, после выхода в свет работы А. И. Тереножкина получила новое, археологически аргументированное освещение. Однако состояние ее источников таково, что отдельный археологический комплекс может еще сыграть определенную роль при исследовании многих вопросов, что отмечено и автором указанного труда [1]. Именно таким комплексом и является погребение 3 кург. 16 у с. Целинного Джанкойского р-на Крымской обл., открытое Северо-Крымской экспедицией Института археологии АН УССР в 1977 г.

Погребение 3 было впущено в насыпь кургана эпохи бронзы на расстоянии 6 *м* к востоку от центра. Контур могильной ямы в насыпи проследить не удалось. На глубине 2,1 *м* от поверхности насыпи лежал скелет молодого (до 30 лет) мужчины [2] на левом боку в скорченном положении, ориентированный головой на восток (рис. 1). Голова погребенного сильно наклонена к груди. Обе руки согнуты в локтях и сложены на животе. Ноги согнуты в коленях таким образом, что колени оказались на уровне живота, а пяточные кости почти соприкасаются с тазовыми. Дно могилы посыпано мелом. За головой погребенного стояла лепная корчага с черноложеной поверхностью, широким горлом и горизонтально отогнутым венчиком (рис. 2). Переход плечиков в тулово выделен уступом. Тулово корчаги раздутое, с максимальным диаметром на середине высоты, с маленьким плоским дном. Верхняя часть тулова с трех сторон украшена тремя вертикальными каннелюрами. Черепок плотный, темно-коричневого цвета, тесто с примесью мелкого песка. Высота корчаги 30 *см*, диаметр устья 19 *см*, дна — 11 *см*, тулова — 34 *см*. На корчаге и рядом с ней лежали кости и череп барана. Под нижней челюстью погребенного мужчины обнаружены две массивные бронзовые, плакированные золотом височные подвески. Они имеют форму изогнутых бараньих рогов с одним заостренным концом. Второй конец выполнен в виде шляпки, на плоской поверхности которой выгравирован знак из трех сходящихся в центре лучей (рис. 3, *1*; 4). Длина подвесок 2,5 *см*. В области таза погребенного лежал клинок железного кинжала со следами деревянных ножен (рис. 3, *3*). Рукоять и перекрестие не сохранились. Вероятно, они были железные, судя по следам окиси железа. Заметим, что никаких следов окиси бронзы здесь не обнаружено. Клинок кинжала имеет широко откованное лезвие с высоко выступающим ребром по центру. Длина сохранившейся части лезвия кинжала 20 *см*, ширина 6 *см*. В левой кисти погребенного был зажат каменный, тщательно шлифованный оселок (рис. 3, *2*). Он имеет

[1] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976, с. 109, 185, 212. Пользуясь случаем, авторы приносят свою благодарность А. И. Тереножкину за консультацию во время подготовки данной статьи.

[2] Определение канд. истор. наук С. И. Круц.

прямоугольную форму с одним клиновидным концом и отверстием для подвешивания на противоположном конце. Длина оселка 14 *см*. В ногах погребенного лежала часть туши животного. Кости сохранились очень плохо, прослеживались ребра и позвонки, вероятно, барана.

Перейдем к характеристике инвентаря, сопровождавшего погребенного воина. Сосуд относится к кругу керамики позднего периода бронзы и раннего железного века Восточной Европы и территории распространения культур типа Гальштат. Аналогичные по форме и пропорциям сосуды из различных гальштатских могильников приводятся М. Гернесом[3]. Сходные же формы наблюдаем и в керамике из Бондхейма и Оденбурга[4]. Но все они, обладая близкими формами, в отличие от сосуда из с. Целинного сильно осложнены орнаментальными мотивами. Близкие сосуду формы из с. Целинного находятся и в керамике позднебелозерских погребений эпохи бронзы юга Восточной Европы. Несомненно сходство нашего сосуда с сосудами XI—X вв. до н. э., происходящими из погр. 2 кург. 5 и погр. 1 кург. 3 могильника Степное[5], и с сосудом, обнаруженным в срубном погребении 9 кург. 11 могильника Аккермень I[6]. Сосуд из с. Целинного с позднебелозерской керамикой объединяет сходство форм и единство лаконичных орнаментальных мотивов — вертикальных параллельных каннелюр. Однако тесто их и размеры различны. Близкие формы керамики существуют и в более позднее время. В качестве примеров могут быть приведены кизил-кобинские сосуды, опубликованные Х. И. Крис[7], а также П. Н. Шульцем и А. Д. Столяром[8], но они, как и гальштатские, отличаются от сосуда из с. Целинного своей орнаментацией.

Височные подвески, подобные находке из с. Целинного, чрезвычайно

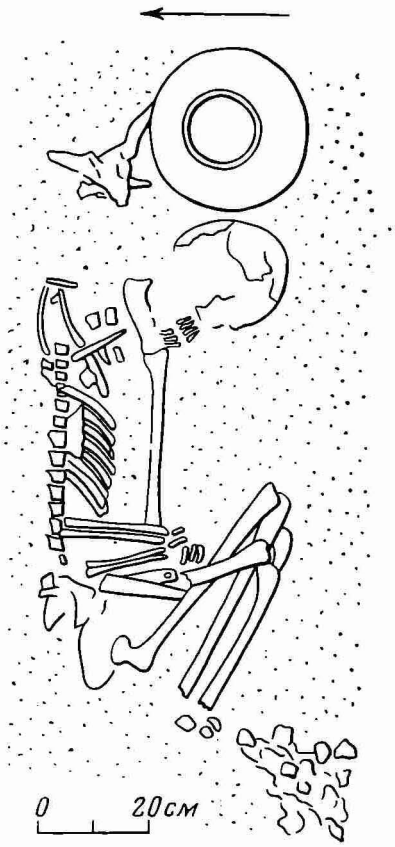


Рис. 1. План погребения 3, кург. 16

Рис. 2. Лепной сосуд

[3] *Гернес М.* Первобытная культура. Рига, 1914, ч. III, с. 68, рис. 20, *3—6*.
[4] *Dechelette G.* Manuel d'archeologie. Paris, 1913, p. 818, f. 331; p. 825, f. 335.
[5] *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени.— В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 200, рис. 5, *1, 2*.
[6] *Вязьмітіна М. І., Іллінська В. А., Покровська Є. Ф., Тереножкін О. І., Ковпаненко Г. Т.* Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень».— АП, т. VIII, 1960, с. 79.
[7] *Крис Х. И.* К вопросу о периодизации кизил-кобинской культуры.— СА, 1961, № 4, с. 70, рис. 4, *8*.
[8] *Шульц П. Н., Столяр А. Д.* Курганы эпохи бронзы в долине р. Салгира.— КСИИМК, № 71, 1958, с. 57, рис. 13, *13*.

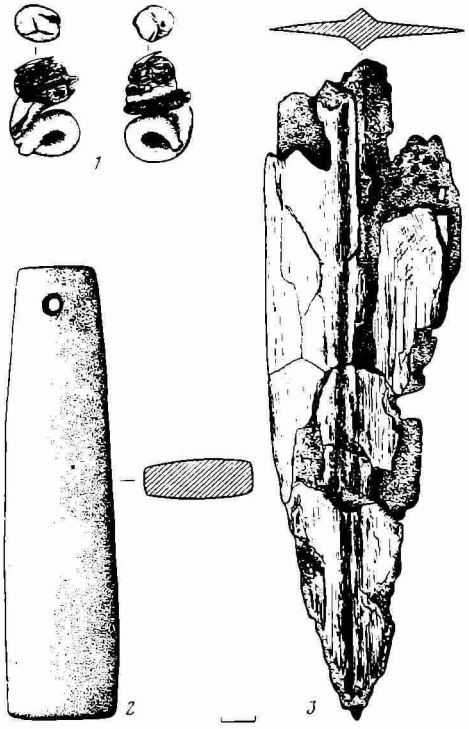


Рис. 3. Находки из погребения: *1* — височные подвески, бронзовые с золотой обкладкой; *2* — каменный оселок; *3* — фрагмент железного кинжала

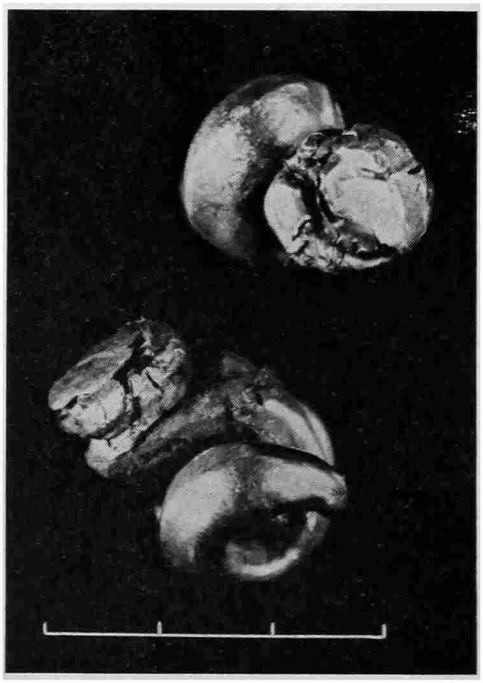


Рис. 4. Височные подвески

редки (в литературе они получили название гноздевидных), известны по раскопкам двух киммерийских погребений у с. Львово [9] и в кургане Высокая могила [10]. В последнем случае височная подвеска, подобная находке из с. Целинного, была цельнозолотой. Подвески этой формы скорее всего служили не только простыми украшениями, а имели также символическое значение. Обращает на себя внимание их форма — закрученные бараньи рога. Вероятно, череп барана, найденный в могиле, не играл роли заупокойной пищи. Для более позднего иранского мира символическое значение барана и его рогов, изображаемых и на головных уборах, известно [11]. Если признавать киммерийцев одним из иранских народов, то возможно предположение о символическом значении подвесок, учитывая глубокие корни любой символики.

Кинжал, несмотря на то, что сохранился лишь в обломках, представляет определенный интерес. Из-за отсутствия рукояти и перекрестия тип его установить невозможно. Однако большая ширина лезвия клинка, его форма, высокая срединная жилка — все эти признаки дают основание предполагать, что кинжал из с. Целинного может быть отнесен по типу к карасукским кинжалам и является их восточноевропейской разновидностью.

Оселки, аналогичные найденному в с. Целинном, обычны для состава погребального инвентаря киммерийских воинов [12].

Детали погребального обряда захоронения у с. Целинное, а именно сильно скорченное положение погребенного на левом боку, его восточная ориентировка, наличие мясной сопутственной пищи, состав и характер погребального инвентаря, характерны для обряда захоронения предскифского времени, известного по памятникам черногоровской ступени, относящейся к 900—750 гг. до

[9] *Тереножкин А. И.* Ук. соч., с. 50, рис. 22, *1*.
[10] *Бидзиля В. И., Яковенко Э. В.* Киммерийское погребение Высокой могилы.— СА, 1974, № 1, с. 151—155, рис. 5.
[11] *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968, с. 89—91.
[12] *Тереножкин А. И.* Ук. соч., с. 146.

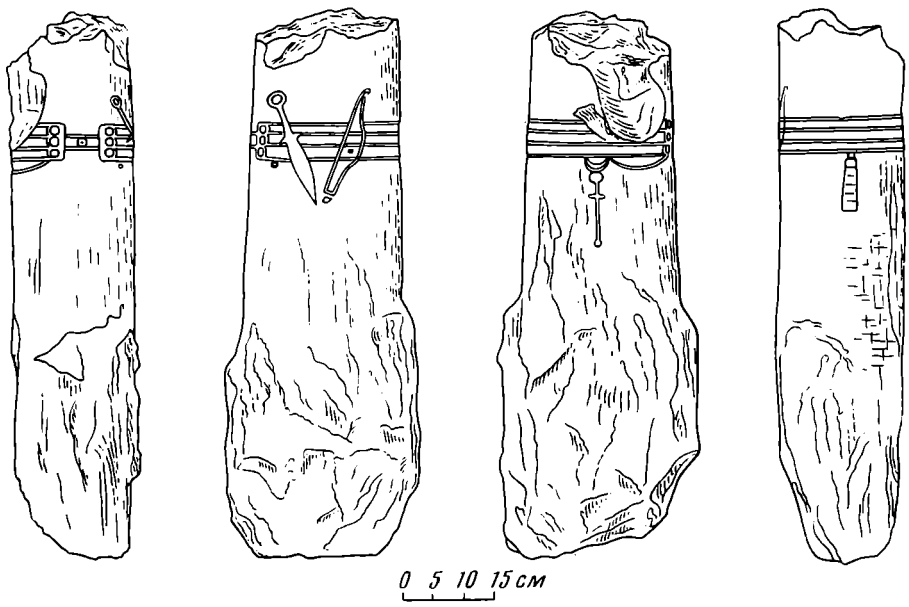


Рис. 5. Прорисовка каменной стелы (с натуры)

н. э.[13] Для киммерийцев отмечен иобычай вкладывать в руки погребаемых предметы вооружения и оселки[14]. Впервые для киммерийского погребального обряда засвидетельствована такая деталь, как посыпка дна могилы мелом. Аналогии этому обычаю находим в белозерских погребениях родо-племенной знати могильника степного[15]. С погребальным обрядом этого могильника погребение у с. Целинное сближает и положение погребенного — скорченное на левом боку, наличие напутственной пищи, местоположение сосуда в изголовье. Эти черты погребального обряда и отмеченная выше близость сосуда из с. Целинного к белозерским позволяют считать, что погребение у с. Целинное обладает признаками если не одного из самых ранних, то во всяком случае не самого позднего комплекса в рамках черногоровского этапа киммерийской культуры. Таким образом, комплекс из с. Целинного можно с уверенностью отнести к IX в. до н. э.[16].

Наибольший интерес представляет каменное изваяние, обнаруженное в насыпи кургана в 21 *м* к востоку от центра кургана. Стела из с. Целинного является вторым из известных киммерийских памятников монументального искусства, происходящих из твердо датированных археологических комплексов. Подавляющее большинство известных в настоящее время изваяний не связаны с киммерийскими погребениями, а найдены случайно или же происходят из музейных фондов[17].

Изваяние из с. Целинного дошло до нас в фрагментированном виде (рис. 5 и 6). Верхняя часть его (выше пояса изображенного) была отбита в древности. Но и в этом виде памятник представляет исключительный интерес. Фигура человека передана условно, в виде овального в разрезе столба. Материалом для изваяния послужил плотный, желтоватого оттенка известняк. Стела предназначалась для закапывания в землю, поэтому нижняя часть ее отделена от верхней небольшим уступом, необработана в отличие от верхней, тщательно обтесанной и покрытой красной охрой. Общая высота сохранившейся части стелы 0,9 *м*, ширина в верхней ча-

[13] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 92—95, 208.
[14] Там же, с. 99.
[15] *Отрощенко В. В.* Ук. соч., с. 198.
[16] Эту датировку подтверждает и А. И. Тереножкин, см. сноску на с. 18 в его статье: Кіммерійські стели.— Археологія, № 27, 1978.
[17] *Тереножкін А. И.* Кіммерійські стели.— Археологія, № 27, 1978, с. 12—22.

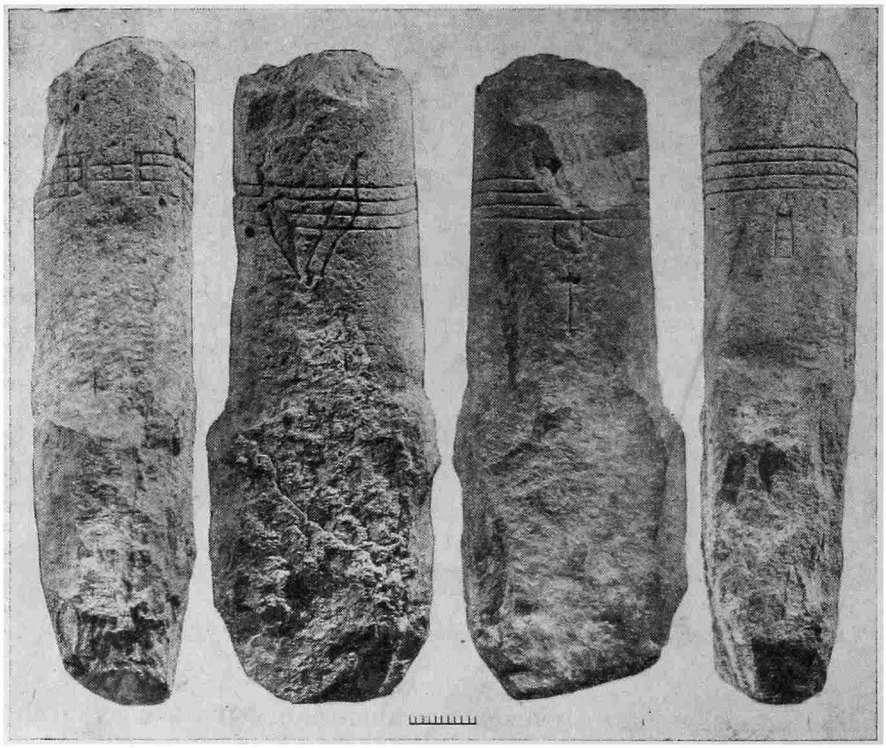


Рис. 6. Каменная стела

сти 0,21 *м*, в нижней — 0,26 *м*. Детали костюма и предметы вооружения исполнены реалистично, в технике углубленного рельефа. Узкая часть изваяния была лицевой, как это принято в карсук-киммерийском монументальном искусстве. Изображенный на стеле воин опоясан партупейным поясом, переданным с помощью четырех углубленных, строго параллельных линий, образующих на поясе как бы нашитые или тисненые полосы. На концах пояса изображено по три округлых предмета (видимо, нашивные бляшки), расположенных вертикально в строгом соответствии полосам на поясе. Концы пояса замкнуты на передней стороне пряжкой (рис. 7, *1*). Она втрое у́же пояса и как раз соответствует ширине каждой из его полос. В середине пряжки имеются два концентрических кружка, больший из которых равен по диаметру бляшкам на концах пояса, а меньший расположен внутри первого. Сантиметрах в пяти от левого конца пояса, непосредственно под ним, высверлено глубокое отверстие, назначение которого неясно.

На левой стороне стелы изображены кинжал и горит с луком (рис. 7, *2*). Кинжал подвешен наискосок к поясу, в «скифской» манере, за тем лишь исключением, что скифские акинаки подвешивались под поясом, а киммерийский как бы заткнут за него. Изображение кинжала выполнено в технике контррельефа. Рукоять кинжала сужается к навершию в виде кольца. Перекрестием служат прямые шипы. Кольцевое навершие, короткие заостренные шипы перекрестия, широкое лезвие клинка не оставляют сомнений в его карасукской принадлежности [18].

Горит, как и кинжал, подвешен наискосок и также заткнут за пояс. В отличие от кинжала горит с луком исполнен контурно при помощи углубленных линий. Горит имеет прямоугольное дно, расширенную среднюю часть, соответствующую очертаниям лука. В его верхней части выглядывает крючок конца лука. Непосредственно под горитом и у острия

[18] *Членова Н. Л.* Карасукские кинжалы. М., 1976, табл. 1, *8*, *9*.

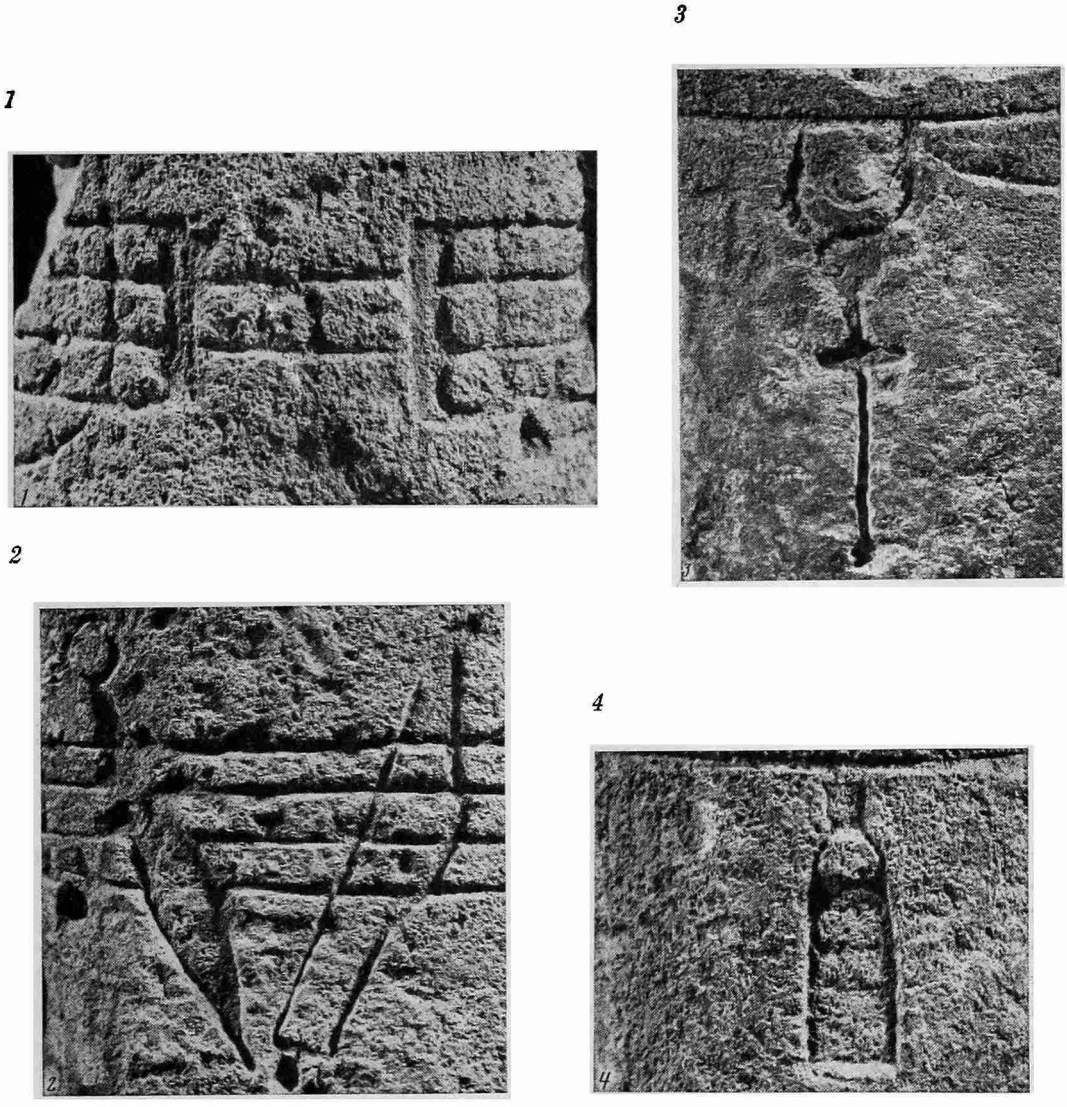


Рис. 7. Детали каменного изваяния: *1* — поясная пряжка; *2* — кинжал и горит с луком; *3* — оселок; *4* — предмет неизвестного назначения

кинжала изображена трапециевидная выемка, назначение которой неясно.

Следующим после горита предметом, изображенным у пояса на узкой стороне стелы, является оселок (рис. 7, *3*). На всех известных стелах с его изображением он располагается на правой стороне, тогда как на нашем изваянии он изображен на задней. Ваятель, изображая оселок, имел, вероятно, в виду все же правую сторону, так как местоположение точильного бруска на спине мелоправдоподобно и не соответствует способу его ношения в реальном воинском быту, известному нам по археологическим данным. Здесь скорее всего имеем дело с неверным расчетом рабочей плоскости или с иными обстоятельствами, известными лишь мастеру, выполнявшему это изваяние. Прямоугольный оселок подвешен к поясу и свисает перпендикулярно. С поясом его соединяет довольно широкий ремешок, прикрепленный к верхней части бруска узлом в виде выпуклого кружка. Оселок выполнен в технике контррельефа, его плоскость расчленена тремя горизонтальными, слегка углубленными линиями.

С правой стороны стелы помещен непонятный предмет (рис. 7, *4*). Он прикреплен к поясу следующим образом: от правого конца пояса отхо-

дит, по-видимому, ремешок, свободно свисающий дугой. У конца ремешка к поясу прикреплен крючок в виде лунницы, от которого и свисает изображенный предмет. В верхней части он имеет круглое расширение в виде навершия, затем узкую и короткую ручку, отделенную от опускающегося стержня брусковидным перекрестием. На конце стержня имеется округлое расширение, подобное наконечникам на ножнах кинжалов. Аналогичный предмет изображен в руке одного из скифских воинов на серебряной чаще из Гайматовой могилы [19]. По мнению В. И. Бидзили, это изображение булавы. Все же такая интерпретация этого предмета оставляет некоторые сомнения.

Находка киммерийского изваяния при твердо датированном комплексе, относящемся к черногоровской ступени, важна для уточнения датировки как киммерийских стел, так и оленных камней в районах их исконного бытования. Несмотря на то, что после открытия памятников киммерийского искусства в виде стел и установления их прямой связи с оленными камнями Южной Сибири и Центральной Азии [20] появилась возможность для уточнения датировки оленных камней. Датировка кург. Аржан и обломка оленного камня, найденного в его насыпи [21], не позднее чем начало VIII в. до н. э. была поставлена некоторыми исследователями под сомнение [22]. Большинство археологов продолжают датировать оленные камни не ранее чем VII в. до н. э.[23] Находка стелы у с. Белоградец не могла существенно изменить положения, так как погребение, с которым она связана, относится к новочеркасской ступени позднейшего предскифского периода и соответственно может датироваться серединой VIII — серединой VII в. до н. э.[24] В этом смысле особое значение приобретает находка киммерийской стелы в кургане у с. Целинного. Мы исходим из того, что в настоящее время прямая связь оленных камней с киммерийскими стелами ни у кого не вызывает сомнения, последние не только родственны оленным камням Востока, но и непосредственно производны от них. Скорее всего это результат этнического влияния, так как, по справедливому замечанию Н. Л. Членовой, появление подобных памятников в Европе нельзя объяснить простым культурным взаимообменом. Памятники этого типа в Центральноазиатском регионе гораздо более распространены, обладают развитым комплексом, имеют глубокие местные традиции, чего нельзя сказать о киммерийских стелах Европы. Указанные обстоятельства заставляют признать появление киммерийских стел в результате прямого воздействия восточного элемента, а это означает, что некоторые из восточных образцов оленных камней неизбежно должны быть старше любого из архаичных европейских киммерийских стел. Таким образом, стела из с. Целинного подтверждает вывод М. П. Грязнова и М. Х. Манной-Оола о создании оленных камней еще в доскифское время в XII—IX вв. до н. э.[25]

Помимо вопросов, связанных с хронологией карасукских и киммерийских памятников монументальной скульптуры, изваяние из с. Целинного предоставляет данные для решения еще одного важного вопроса — генезиса киммерийских мечей и кинжалов. Изображение кинжала с кольцевым навершием подлинно карасукского типа на стеле из с. Целинного

---

[19] *Бідзіля В. І.* Дослідження Гайманової могили.— Археологія, № 1, 1971, с. 54, рис. 8; 11.

[20] *Членова Н. Л.* О связях Северо-Западного Причерноморья и нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху.— В сб.: Фракo-скифские культурные связи. Studia thracia, № 1, София, 1975, с. 88.

[21] *Грязнов М. П., Маннай-Оол М. Х.* Третий год раскопок кургана Аржан.— АО—1973. М., 1974, с. 195; *Тереножкин А. И.* Ук. соч., с. 210.

[22] *Членова Н. Л.* Карасукские кинжалы, с. 26; *Кызласов Л. В.* Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры.— СА, 1977, № 2, с. 78.

[23] *Членова Н. Л.* О связях..., с. 88; *Кызласов Л. В.* Ук. соч., с. 70.

[24] *Тереножкин А. И.* Ук. соч., с. 201, 208.

[25] *Грязнов М. П., Маннай-Оол М. Х.* Ук. соч., с. 195.

подтверждает вывод А. И. Тереножкина о происхождении киммерийских мечей и кинжалов с крестовидными рукоятями от их карасукских прототипов, сделанный на основании находок бронзовых карасукских мечей и кинжалов других типов в Восточной Европе [26]. До последнего времени все достоверно известные карасукские бронзовые кинжалы с территории киммерийской степи были представлены лишь случайными находками и только с грибовидным навершием. Это позволило некоторым исследователям высказываться в пользу кавказского происхождения железных киммерийских мечей и кинжалов [27], так как на Северном Кавказе известно значительно большее количество находок оружия этого типа, чем в степи и лесостепи Восточной Европы. Открытие описанной стелы еще раз отрицает возможность случайного попадания карасукских кинжалов в киммерийскую степь. Изображение карасукского кинжала на изваянии подтверждает бытование у киммерийцев этого типа оружия, так как на памятниках монументального искусства изображаются лишь самые характерные и распростаненные предметы быта и оружие, о чем свидетельствует весь комплекс киммерийских стел. С другой стороны, эта находка указывает на степи Северного Причерноморья как на основную территорию формирования железных и стальных кинжалов с крестовидными рукоятями, так как для этого региона нам уже известны карасукские прототипы двух видов — с грибовидным навершием и навершием в виде кольца, тогда как на Кавказе для первого вида не находится старейших образцов, а второй вид совершенно неизвестен. Таким образом, общая линия генезиса кинжалов и мечей киммерийского типа, разработанная А. И. Тереножкиным,— от карасукских кинжалов с короткими шипами к кинжалам и мечам с развитой крестовидной рукоятью — линия развития, в которой кавказские экземпляры занимают лишь юго-восточное периферийное положение и являются заключительным звеном ее [28], а не исходным пунктом, как считают некоторые исследователи, доказана окончательно.

Сейчас уже можно смело говорить о внедрении целого культурного комплекса из Центральноазиатского и Южносибирского региона в степи Северного Причерноморья в киммерийскую эпоху. К этим привнесениям, кроме карасукских кинжалов и оленных камней, относятся бронзовые литые котлы сибирского типа, обнаруженные на Северном Кавказе [29], бронзовые наконечники стрел цимбальского типа [30], оригинальные орнаментальные мотивы, ведущими в которых являются четырехлучевые солярные знаки [31] и, наконец, обнаруженные недавно в фондах Херсонесского музея бронзовые ножи с петлей на рукояти сибирского типа [32], показавшие, что находка подобного же ножа в погр. 8 кург. № 58/26 у городища Саркела [33] отнюдь не является случайностью.

Комплекс у с. Целинного дает новые материалы и для изучения социальной стратификации киммерийского общества. Самым богатым ким-

[26] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 132.

[27] *Крупнов Е. И.* Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г.— Уч. зап. КНИИ, вып. V. Нальчик, 1950, с. 263; *его же.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 203; *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 65, 67.

[28] *Тереножкин А. И.* Киммерийские мечи и кинжалы.— В сб.: Скифский мир. Киев. 1975, с. 132.

[29] *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— ВССА, с. 124—126.

[30] *Клочко В. И.* О киммерийских наконечниках стрел.— Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Тезисы докладов XVII конференции Института археологии АН УССР. Ужгород, 1978, с. 53.

[31] *Белозор В. П.* О генезисе скифского монументального искусства.— Доклад на XVII конференции Института археологии АН УССР. Ужгород, апрель 1978 г.

[32] Негатека Государственного Херсонесского музея, № 518. Авторы приносят благодарность В. М. Зубарю за любезное сообщение об этой находке.

[33] *Иессен А. А.* Раскопки курганов на Дону в 1951 г.— КСИИМК, № 53, 1954, с. 74, рис. 35, *1*.

мерийским погребением, известным в настоящее время, считается захоронение у с. Белоградец, сопровождавшееся каменной стелой и различной утварью, оружием, украшенным золотом [34]. Погребенного воина у с. Целинного, над могилой которого также была установлена каменная стела и сопровождал разнообразный инвентарь, в том числе плакированные золотом височные подвески, которые, по нашему мнению, являлись знаком сословного достоинства, следует относить к числу привилегированных слоев киммерийского общества, как и погребенного воина у с. Белоградец.

Таким образом, погребение у с. Целинного представило в распоряжение науки весьма ценный материал, позволяющий с большей определенностью, чем это было возможно прежде, судить о ряде вопросов археологии переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в Восточной Европе.

V. N. Korpusova, V. P. Belozor

A BURIAL OF A CYMMERIAN WARRIOR NEAR JANKOY IN THE CRIMEA

Summary

The material of a new complex, discovered near village Tselinnoye (Jankoy district, Crimean region) is published in the article. The analysis of the funeral rite and grave furniture enabled the authors date the burial 3 from the barrow 16 to the IXth century B. C. and relate it to the Chernogorovka stage of the Cymmerian culture. The tombstone, related to the burial, the presence of gilded temporal pendants among the grave furniture indicate, that a representative of military aristocracy was buried there. The weapons, discovered in the burial and depicted on the tombstone help to concretize the questions of the genesis of daggers and swords of the Cymmerian type. The chronology of the Karasuk and Cymmerian monumental art species is defined more accurately. The archaeological data let the authors speak about the intrusion of some cultural complex (among others sculpture, ornamental motives, arms and objects of everyday life) from the Central-Asian and Southern-Siberian region into the North Pontic steppes at the Cymmerian epoch.

---

[34] *Тончева Г.* Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям.— Thracia. София, 1972, № 1, с. 101—119.

Е. В. ВЕЙМАРН, А. К. АМБРОЗ

БОЛЬШАЯ ПРЯЖКА ИЗ СКАЛИСТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА (склеп 288)

Раннесредневековые пряжки и пальчатые фибулы с рельефным орнаментом уже давно используются как ценный источник по истории художественной культуры, мировоззрения и разветвленных связей народов Европы. Публикуемая пряжка — одна из наиболее ярких находок этого рода в Крыму. Она найдена в склепе 288, раскопанном в центральной части восточной половины обширного могильника V—IX вв. Скалистое-I в юго-западном Крыму.

Склеп вырублен в белых материковых глинах на крутом склоне горы. Раскопан сверху через провалившийся потолок (рис. 1, *1*, *2*). Пол склепа на 5 *м* ниже поверхности земли. Входное отверстие 0,7×0,8 *м* при глубине 0,19 *м* сделано в середине западной стены на 0,9 *м* выше пола и заложено плитой из местного известняка размерами 0,72×1×0,1 *м*. За ним находился дромос, как обычно ориентированный по склону (не расчищался). Размеры камеры 2,1×3,2 *м*. Обвалившийся потолок был, по-видимому, куполообразным, судя по небольшим остаткам основания свода и по сопоставлению с хорошо сохранившимися склепами с аналогичными перекрытиями. Его высота, вероятно, не превышала 2 *м*. У задней стены оставлен выступ у виде полки 2,4×0,3 *м* при высоте 38 *см*. Хотя закладка входа не нарушена, склеп был ограблен в древности. В его стенах имеется четыре пролома разной величины. Один из них вел в дромос более раннего склепа 292 и образовался при сооружении склепа 288, судя по тому, что заложен со стороны последнего склепа камнями. Пробой из склепа 294 слишком мал, чтобы из него можно было проникнуть в склеп 288. Сильное повреждение северо-восточной стены образовалось при обвале пола в более позднем склепе 290. Поэтому можно предполагать, что склеп 288 был разграблен через пролом в западной стене строителями более позднего склепа 289.

На полу камеры среди остатков разбросанных грабителями и истлевших человеческих костей найдены отдельные уцелевшие при разграблении предметы. К женским украшениям относятся 198 бус, разнообразных по величине, форме и цвету (среди них три сердоликовых и одна хрустальная), два золотых городка с петельками вверху (рис. 1, *7*, *8*), пара массивных серебряных браслетов круглого сечения (рис. 1, *14*, *15*), большая серебряная, богато орнаментированная пряжка от широкого пояса (рис. 2). С мужским погребением, возможно, связаны обломки медных и бронзовых бляшек и скрепок. Из них удалось восстановить лишь медные бляшки в форме трилистника (рис. 1, *5*). Кроме того, в склепе найдены следующие бронзовые предметы: пряжка с ажурным щитком и тремя шпеньками для крепления на обороте (рис. 1, *3*), маленькая прямоугольная со щитком из согнутой вдвое медной пластинки (рис. 1, *6*), перстень с ромбовидной стеклянной вставкой (рис. 1, *12*), другой перстень, проволочный, с прикрепленным круглым щитком (рис. 1, *9*). На овально рас-

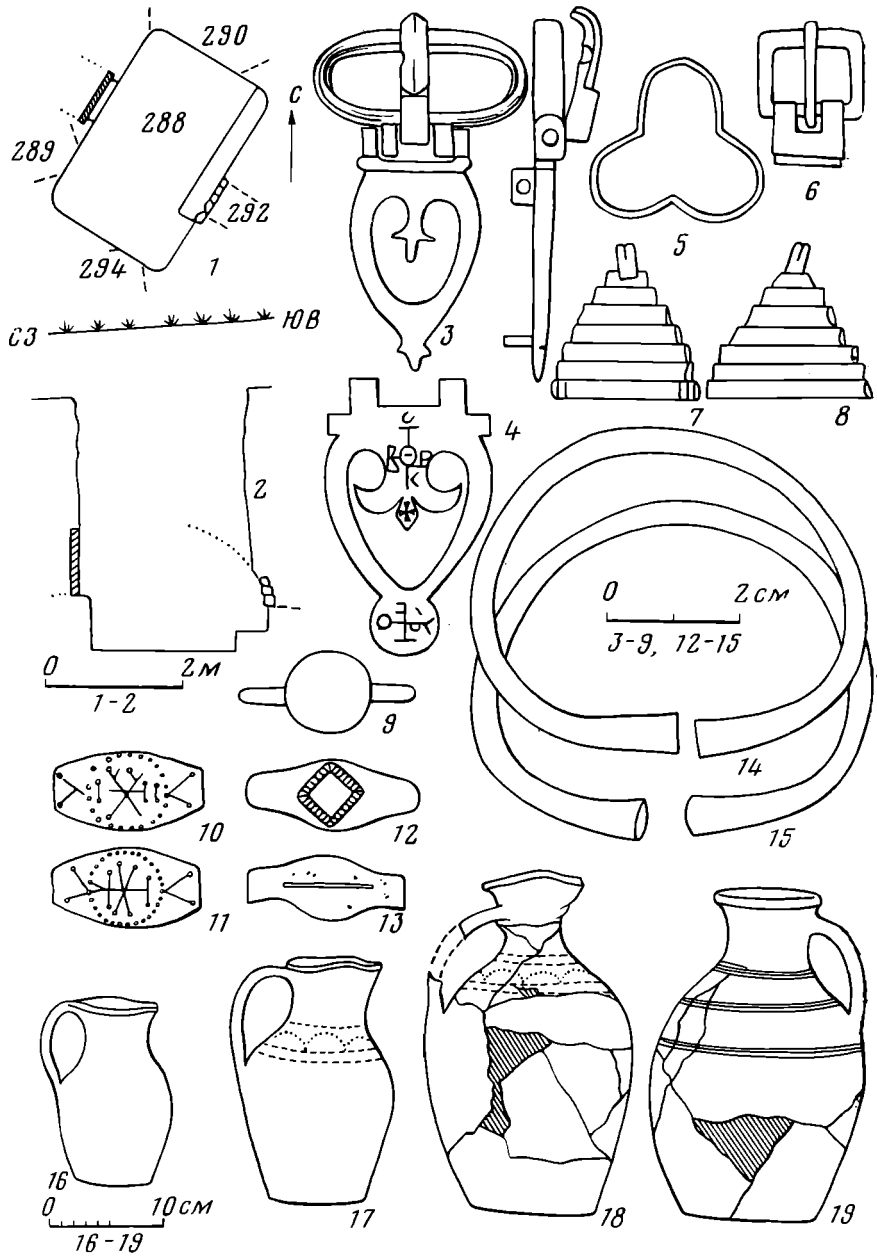


Рис. 1. Скалистое, склеп 288. *1*, *2* — план и разрез (пунктиром показаны прилегающие части склепов 289, 290, 292, 294); *3*, *5—19* — находки; *4* — пряжка из накрытой плитами могилы 7 в Бал-Готе, по Н. И. Репникову; *3—6*, *9—13* — сплавы меди (*12* — со стеклом); *7*, *8* — золото; *14*, *15* — серебро; *16—19* — глина (*17*, *18* — с белой росписью); *10*, *11* — по схематической зарисовке, сделанной до расчистки перстней

ширенной части двух медных пластинчатых перстней плохо видны процарапанные кресты и буквы (рис. 1, *10*, *11*). От ножей сохранились два сильно коррозированных обломка. Судя по вещам, в склепе было не менее двух погребений: мужчины и женщины.

Глиняная посуда вся находилась у задней стены склепа. Обломки четырех кувшинов были на полу возле полки. Три из них с венчиками типа ойнохои украшены по плечам белыми горизонтальными и волнообразными линиями. На верхней части ручек — пальцевые вмятины. Высота кувшинов 25, 32,5, 31,5 *см* (рис. 1, *18*). Четвертый, с простым венчиком, украшен тремя поясами, прочерченными гребнем, высота 31,5 *см* (рис. 1, *19*). На полке стояли еще три ойнохои. Две с белым орнаментом, высота их 23 (рис. 1, *17*) и 27 *см*. Третья без орнамента, высота 16,2 *см* (рис. 1, *16*).

Находки позволяют определить дату захоронений. Пряжка с прорезным щитком (рис. 1, *3*) по своей конструкции и орнаменту входит в группу византийских. От известной пряжки из могилы 7 в Бал-Готе [1] она отличается более вытянутыми пропорциями, меньшими размерами пальметки в центре и формой конца щитка. Вместе с пряжками из случайных находок в Египте (Ахмим), Югославии, Албании и депаспортизированными экземплярами из коллекции И. Диргардта она типологически предшествует развитому варианту пряжек типа Бал-Гота, связанному с эпохой верхнего слоя Суук-Су конца VII—VIII вв., и поэтому датируется в пределах VII в.[2] К тому же времени относятся бляшки в виде трилистника, обычный элемент наременных украшений в «геральдическом» стиле. В могиле 162 в Суук-Су с ними была большая орлиноголовая пряжка с таким же длинным пластинчатым держателем кольца, как в Скалистом. Золотые городки хорошо известны в южнокрымских комплексах второй половины VI—VII вв. Кувшины из склепа 288 отличаются от кувшинов VIII—IX вв. по пропорциям шейки и тулова, по соотношению частей [3]. Есть все основания предполагать, что погребения в рассматриваемом склепе не были разделены существенным промежутком времени и относились к одному хронологическому периоду в пределах VII в.

Большая пряжка с ромбической узорной пластиной отлита из серебра (рис. 2,, 3). Орнамент имеет следы подправки после литья. Высокие цилиндрические гнезда для вставок отлиты с пряжкой. Вставки, по-видимому, стеклянные: на кольце и в крестовидной фигуре в центре щитка темно-красные, остальные вставки на щитке светло-зеленые на желтой мастике. Общая длина пряжки с кольцом и язычком 20 *см*, наибольшая ширина щитка 8,2 *см*. Длинная петля (3,2 *см*), соединяющая щиток с кольцом, отлита вместе со щитком. Свободный длинный конец петли (или, как ее иногда называют, «держателя кольца») подогнут и подведен под щиток. Между этими двумя слоями металла сохранились большие куски кожи от широкого пояса толщиной 2—3 *мм*. К узкому тыльному концу щитка была приклепана тонкая поперечная пластинка из меди длиной 7,2 см, предохранявшая пояс возле пряжки от скручивания (на рис. 2, *1* виден ее обломок, на рис. 2, *3* она неправильно подложена под кольцо). Такие пластинки сохранились у многих больших пряжек юго-западного Крыма с орлиноголовой и ромбической обоймами [4] (Рис 2 см. вкл. к стр 165).

О том, что перед нами изделие местных южнокрымских мастеров, говорят признаки, неизвестные не только на западе, но даже на соседнем Боспоре. Это длинный держатель кольца, на пряжках из других областей Европы не превышающий 1 *см*, очень редко 1,5 *см*; вне южного Крыма нет также опорных поперечных пластинок под тыльным концом щитков. Местная особенность — фигурка клюющей птицы на плоско срезанном

---

[1] *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов, ч. I.— ИАК, № 19, 1906, рис. 16.

[2] *Чаллань Д.* Памятники византийского металлообрабатывающего искусства. I.— Acta antiqua, t. 2, fasc. 3—4. Budapest, 1954, pl. VI, *8*; *Werner J.* Byzantinische Gürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergardt.— Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte, 1, 1955, S. 38, 43, Taf. 5, *3*, *5*, *7*; 8, *5*; *Vinski Z.* Kasnoantički starosjedioci u Salonitanskoj regiji prema arheološkoj ostavštini predslavenskog supstrata.— Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku, 1967, t. LXIX. Split, 1974, s. 28. tabl. XX, *3*, *6*; *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, ч. I.— СА, 1971, № 2, с. 116, 118.

[3] *Веймарн Е. В., Смирнов А. П.* Сосуд с росписью из могильника у села Скалистое.— КСИА АН СССР, № 100, 1965, рис. 41, *1—3*; *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые поселения восточной Таврики.— МИА, № 85, 1958, с. 482 сл., рис. 9, *2*, *3*.

[4] *Репников Н. И.* Некоторые могильники..., ч. I, табл. VIII, *5*; *его же.* Некоторые могильники.... ч. II.— ЗООИД, 1907, т. XXVII, табл. XIV, *4*; *Кропоткин В. В.* Могильник Чуфут-Кале.— КСИА АН СССР, № 100, 1965, рис. 45, *5*; *Лобода И. И.* Новые раннесредневековые могильники в юго-западном Крыму.— СА, 1976, № 2, рис. 4, *1*.

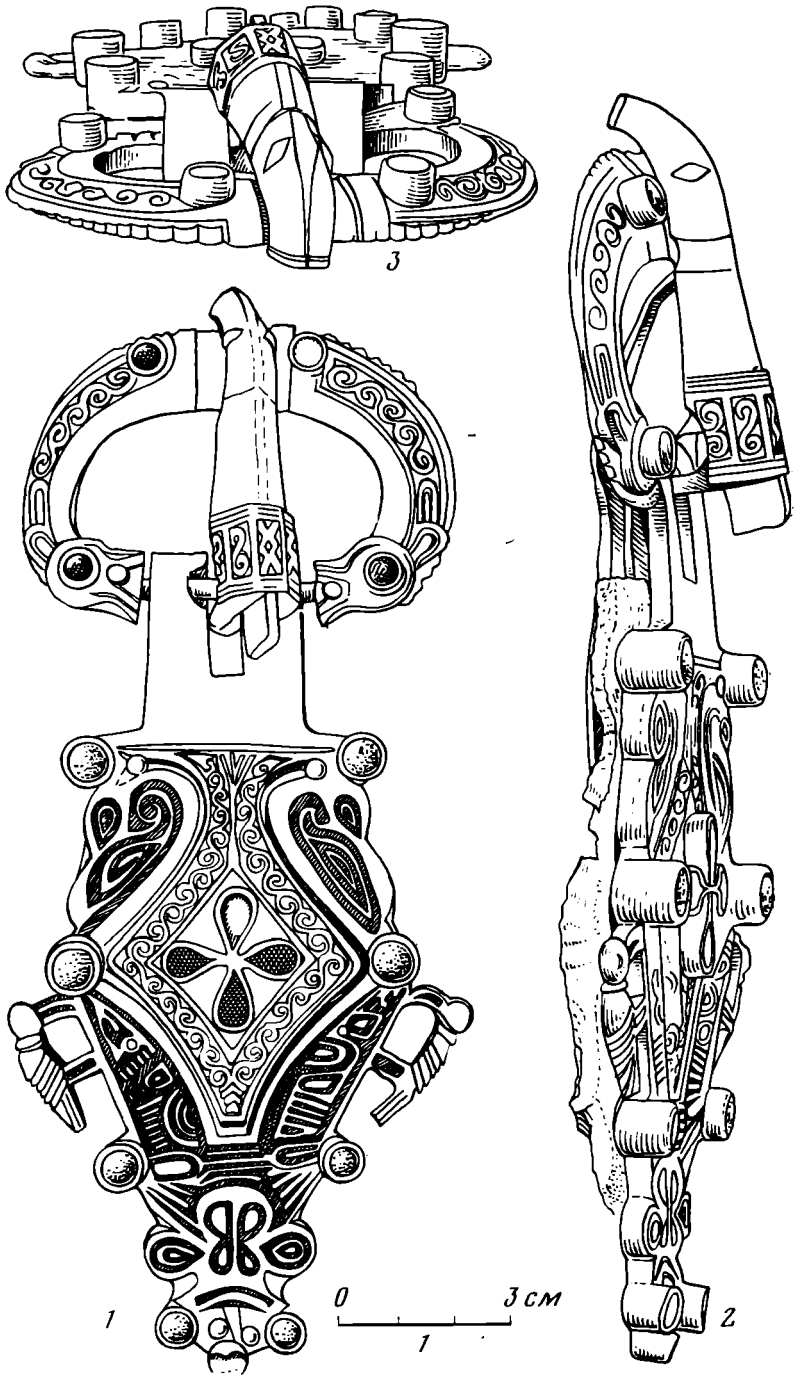


Рис. 3. Схема орнаментации пряжки из склепа 288. Прориси сделаны по фотографии. Масштаб относится к № *1*

тупом конце язычка, обычно сильно схематизированная (что это именно птица, видно при сравнении с детально выполненными изображениями на некоторых пальчатых фибулах и пряжках, см. рис. 5), а на язычке скалистинской пряжки превратившаяся в сплошную пластинку. Язычки боспорских рельефных пряжек всегда гладкие сзади, на западе — то гладкие, то с большой птичьей головой, но целых фигур птиц на них не бывает [5]. Также местная особенность — очень широкая и высокая треуголь-

[5] *Мацулевич Л. А.* Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, с. 46, рис. 8; *Bierbrauer V.* Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975, Taf. I—LXXXIV.

ная петля под язычком для скрепления с рамкой. В других местах петлю делали небольшой, по размерам оси, которую она охватывала. Два гнезда с цветными вставками на передней части кольца по обе стороны углубленного ложа для язычка нигде не известны вне юго-западного Крыма. Два редчайших исключения — пряжка из Торре дель Маньяно в Италии с прямоугольными вставками и рамка более раннего типа с литой имитацией каплевидных вставок, найденная, возможно, в Испании [6]. Рассмотренные признаки общи южнокрымским рельефным пряжкам с орлиноголовыми и ромбическими щитками. Но только для последних делали кольца, на основаниях которых изображения звериных головок дополнены двумя миндалевидными фигурами (рис. 2, *1*) [7]. Даже на близких по технике изготовления и орнаменту кольцах местных орлиноголовых пряжек они пока не встречены.

Таким образом, все три части скалистинской пряжки местной работы и, вероятно, изготовлены как один комплект. Необычна только трактовка головы животного на острие язычка. На соответствующих южнокрымских изображениях глаза обычно переданы круглыми гнездами с инкрустацией, на меньших пряжках — широкими полукруглыми выступами. Здесь они имеют вид маленьких ромбических возвышений. Тем более интересны изображения на щитке этой местной пряжки, редкие в искусстве Северного Причерноморья.

В основе орнаментации щитка — ромб, с одной стороны заканчивающийся большой звериной головой в фас (очень характерна ее трактовка в виде «восьмеркообразной» фигуры: с подчеркнутыми широкими глазами и как бы вывернутыми ноздрями), с другой стороны переходящий в пару склоненных звериных голов в профиль, широко раскрывших пасти с вытянутыми спирально закрученными языками. Вдоль краев ромба изображены два животных, лежащих, припав на лапы. Эта композиция очень специфична. Имея в основе прототипы из позднеримской Галлии [8], она была переработана мастерами Северной Европы, получив особенно широкое распространение в искусстве Скандинавии и Англии VI в., меньше встречается на Рейне и совсем редко на Дунае. Она является одним из основных мотивов I северогерманского звериного стиля, по принятой в современной науке классификации шведского археолога Б. Салина [9]. В области распространения I звериного стиля его использовали для украшения различных предметов, но указанную композицию помещали только на женских фибулах и никогда не изображали на пряжках. Напротив, на юге Европы, где единичные находки вещей с орнаментом I стиля выглядят чем-то экзотическим, эта композиция вдруг появилась на целой серии пряжек для местных широких женских поясов. Сходство щитков таких пряжек с ромбическими пластинами северных фибул настолько близко, что щиток с приклепанным держателем кольца из Дьюлы считали переделанным обломком скандинавской фибулы. Однако все прочие щитки отлиты вместе с держателями.

О пряжках в I зверином стиле за последние 70 лет писали Б. Салин, Х. Арбман, Н. Феттих, И. Вернер, Д. Чаллань, А. К. Амброз, Ф. Бирбрауер [10]. По одной пряжке найдено в Италии, Венгрии и Польше и че-

[6] *Bierbrauer V.* Op. cit., Taf. XLI, *1*; *Zeiss H.* Die Grabfunde aus dem spanischen Westgotenreich. Berlin und Leipzig, 1934, S. 25, 169, Taf. 10, *2*.

[7] *Репников Н. И.* Некоторые могильники..., ч. I, рис. 42, табл. VIII, *6*; IX, *2*; *Кропоткин В. В.* Из истории средневекового Крыма.— СА, XXVIII, 1958, рис. 3, *1*; *Лобода И. И.* Ук. соч., рис. 4, *1*.

[8] *Haseloff G.* Zum Ursprung der germanischen Tierornamentik — die spätrömische Wurzel.— Frühmittelalterliche Studien, Bd 7. Berlin — New York, 1973, S. 406—442.

[9] *Salin B.* Die altgermanische Tierornamentik. Stockholm, 1904, S. 214—245; *Bakka E.* On the Beginning of Salin's Stile I in England. Bergen, 1958; *Амброз А. К.* Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI—VII вв.).— КСИА АН СССР, № 113, 1968, с. 10—13, 18, рис. 3, *4*, *6*, *8*, *12*.

[10] *Амброз А. К.* Дунайские элементы..., с. 17—23 (приведена историография); *Bierbrauer V.* Op. cit.. S. 138—142, 332—334.

тыре экземпляра в юго-западном Крыму. В отличие от западных три опубликованных до сих пор крымских экземпляра имеют настолько схематизированные и видоизмененные изображения, что на их основании можно было говорить только о следах прототипов в I скандинавском стиле, использованных местными мастерами. Публикуемая пряжка из Скалистого — первое крымское изделие с вполне ясными, хотя и подвергшимися схематизации изображениями в I зверином стиле.

Художники раннесредневековой Скандинавии, как и ее поэты, пользовались особым набором изобразительных приемов, специфическим художественным языком, в полном объеме понятным только посвященному. Ранние изображения в I зверином стиле относительно просты, потом усложняются и все более теряют связь с образами реального мира. Своей изощренной условностью поздняя звериная орнаментика в какой-то мере напоминает поэзию скальдов. Безусловно, хорошо понятная современникам, она подчас кажется нам головоломкой. Скандинавские археологи проделали большую работу по иконографической расшифровке композиций в зверином стиле, разделили каждую из них на элементы, составили сводные таблицы вариации голов, ног, туловищ зверей на многих изделиях [11]. Теперь они служат как бы ключом при дальнейшей работе. Особенно трудно изучать подражания вещам I стиля, даже если подражания сделаны превосходным мастером. Например, роскошная фибула из Чессел Дауна (Англия) считалась одним из лучших образцов ранней англосаксонской рельефной орнаментики. Исследование Э. Баккой ее орнамента показало, что это «технически хорошая, но невразумительная копия еще более великолепной и интересной фибулы. Основное поле так плохо скопировано, что на неоднократные попытки проанализировать его изображения ушло три месяца, прежде чем было найдено решение и стало возможным определить роль всех деталей в осмысленном рисунке» [12]. Хотя крымские мастера копировали гораздо более простые образцы звериного стиля, они тоже часть непонятых деталей повторяли точно, другие искажали или опускали.

На рис. 4, *5*, *13*, *22*, *31*, *39*, *44*, *47*, *50*, *52*, *57*, *59*, *62*, *65*, *68* представлены как бы «словарь» и «алфавит» изображений на пряжке из Скалистого. Правее помещены соответствующие детали южнокрымских пряжек из Суук-Су, Артека и Чуфут-Кале [13], левее — детали западных пряжек из Конажева (Польша), Дьюлы (Венгрия), Веккиаццано (Италия) [14] и северных фибул из Гуммерсмарка и Ведструпа (Дания), Лангло (Норвегия), Энгерса (ФРГ) и Бифронза (Англия) [15]. Две последние вещи привлечены к теме потому, что, хотя они и сделаны в юго-восточной Англии, но в традициях скандинавского искусства и, возможно, выходцем из Скандинавии. Показаны некоторые позднеримские прототипы второй половины IV — первой половины V в. (рис. 4, *9*, *26*, *27*, *43*). Хорошо видно, как в крымских изделиях усиливается схематизация по сравнению с западными.

[11] *Salin B.* Op. cit., Fig. 495, 515—524; *Bakka E.* Op. cit., fig. 8—12, 23—37; *idem.* Methodological problems in the study of gold bracteates.— Norwegian archaeological review. Oslo, 1968, vol. 1, p. 51—55.

[12] *Bakka E.* On the beginning..., p. 18, fig. 7, *10—12*.

[13] *Репников Н. И.* Некоторые могильники..., ч. I, с. 36, 63, табл. VIII, *2*; ч. II, с. 102, 141, табл. XIV, *4*; *Кропоткин В. В.* Могильник Чуфут-Кале..., рис. 45, *5*; *Амброз А. К.* Дунайские элементы..., рис. 3, *1*, *2*, *7*.

[14] *Jażdżewski K.* Przewodnik po muzeum archeologicznym w Łodzi. Łódź, 1951, tabl. 26, *12*; *Klindt-Jensen O.* Bornholm i folkevandringstiden. København, 1957, fig. 80, *3*, *4* (Konarzew); *Csallány D.* Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken. Budapest, 1961, S. 113, 114, Taf. CXCII, *2* (Gyula); *Alfieri N., Arias P. E., Bermond-Montanari G., Degani M., Mansuelli G. A., Pincelli R.* Ori e argenti dell'Emilia antica. Bologna, 1958, fig. 62; *Bierbrauer V.* Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde..., Abb. 40, Taf. XLVII, *1* (Vecchiazzano); LXXX, *1*, *2*; *Амброз А. К.* Дунайские элементы..., рис. 3, *3* (Веккиаццано: место находки уточнено Ф. Бирбрауэром).

[15] *Salin B.* Op. cit., Fig. 134, 518, 519; *Bakka E.* On the beginning..., fig. 13, 15, 16, 19, 23, 25—29; *Амброз А. К.* Дунайские элементы..., рис. 3, *4*, *6*, *8*, *12*.

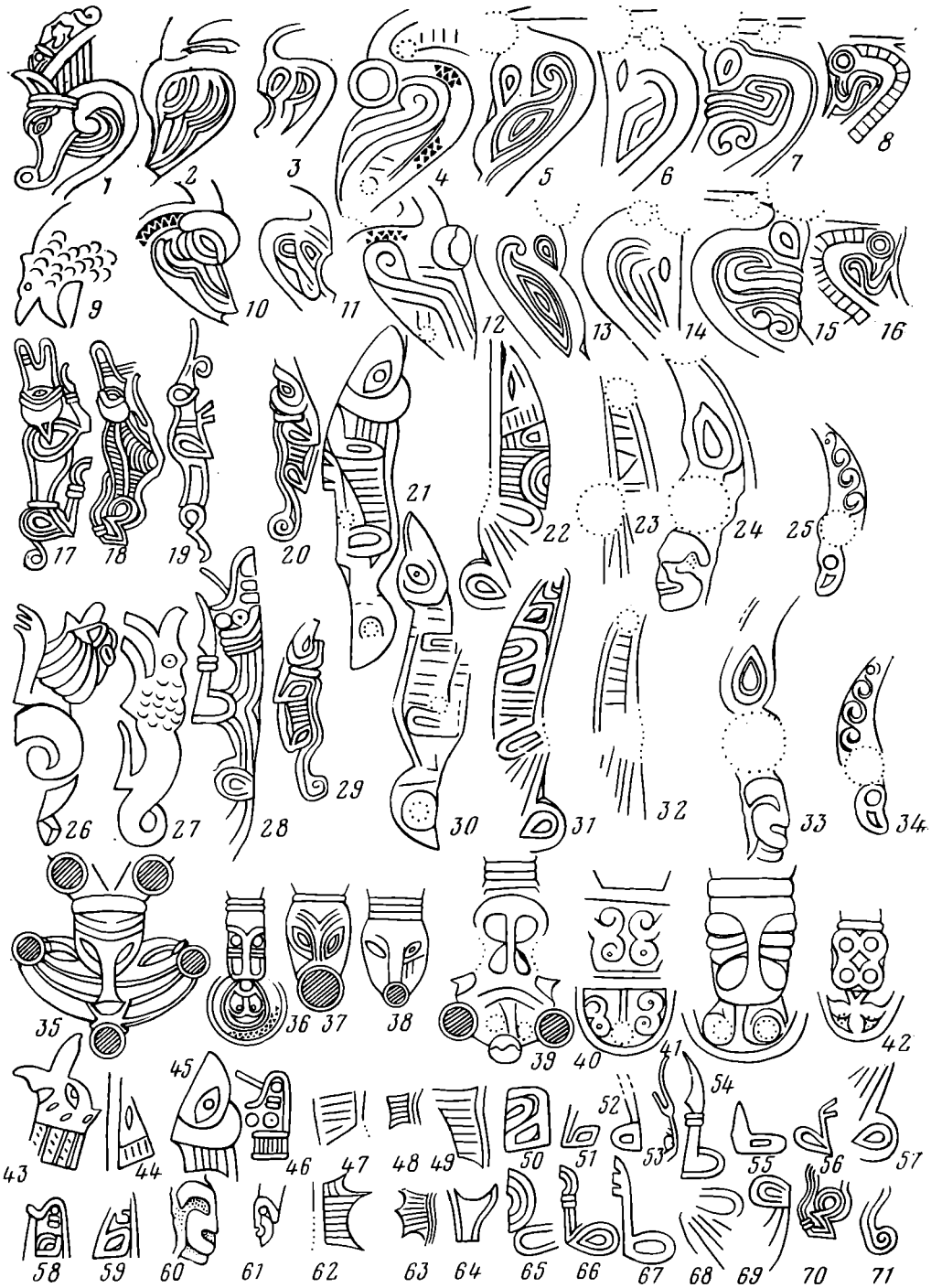


Рис. 4. Детали зооморфного орнамента пряжки из склепа 288 и их аналогии. *1*, *17*, *18*, *28*, *36*, *46*, *53*, *54*, *58*, *61*, *63*, *64*, *66*, *69*, *70* — изображения на североевропейских рельефных фибулах конца V — первой четверти VI в.; *2—4*, *10—12*, *19—21*, *29*, *30*, *37*, *38*, *45*, *48*, *49*, *51*, *55*, *56*, *67*, *71* — на западных пряжках того же времени; *5—8*, *13—16*, *22—25*, *31—34*, *39—42*, *44*, *47*, *50*, *52*, *57*, *59*, *60*, *62*, *65*, *68* — на южнокрымских пряжках VII в.; *9*, *26*, *27*, *43* — на провинциально-римских изделиях второй половины IV — первой половины V в.; *35* — на пряжке второй половины V в.; *1*, *17*, *64*, *66* — Гуммерсмарк (Дания); *2*, *10*, *19*, *56* — Конажев (Польша); *3*, *11*, *20*, *29*, *37*, *48*, *51*, *71* — Дьюла (Венгрия); *4*, *12*, *21*, *30*, *38*, *45*, *49*, *55*, *67* — Веккиаццано близ Форли (Италия); *5*, *13*, *22*, *31*, *39*, *44*, *47*, *50*, *52*, *57*, *59*, *62*, *65*, *68* — Скалистое, склеп 288 (Крым); *6*, *14*, *23*, *32*, *40* — Суук-Су (Крым); *7*, *15*, *24*, *33*, *41*, *60* — Чуфут-Кале, склеп 98 (Крым); *8*, *16*, *25*, *34*, *42* — Артек (Крым); *9*, *27* — Мандорф (ФРГ); *18*, *36*, *53*, *70* — Ведструп (Дания); *26* — Италия (?); *28*, *46*, *54*, *69* — Бифронз (Англия); *35* — Гава (Венгрия); *43* — Эннс (Австрия); *58* — Энгерс (ФРГ); *61* — Грёнбю (Швеция); *63* — Лангло (Норвегия). Масштаб разный

У основания ромбических пластин в I стиле находится пара звериных голов в профиль, склонившихся на длинных шеях. На римских прототипах это обычно львы с широко разинутой пастью [16], северные мастера часто превращали изогнутую нижнюю челюсть в высунутый закрученный язык (рис. 4, *1*). Графичность сближает головы пряжек из Веккиаццано, Скалистого и Суук-Су (рис. 4, *4—6*, *12—14*). Мастера из Чуфут-Кале и Артека, делавшие пряжки, совсем не понимали изображений, послуживших оригиналом. Первый сохранил только глаза парных голов и совершенно исказил завиток нижней губы (рис. 4, *7*, *15*). Второй, безуспешно пытаясь понять оригинал, вырезал уродливые, непропорционально маленькие головы птиц на длинных шеях и непонятные завитки под ними, заканчивающиеся листочком (рис. 4, *8*, *16*). Но даже в таком виде композиция артекской пластины настолько необычна в искусстве варварских народов юга Европы, что Б. Салин по ней одной безошибочно указал на использование прототипа в I зверином стиле [17].

Изображения лежащих зверей на краях ромбической пластины — второй важный элемент I стиля. На западных пряжках они относительно просты и имеют соответствия на нескольких роскошных фибулах из Дании, Норвегии и Англии (рис. 4, *17—20*, *28*, *29*). Их общие черты: зверь лежит, подогнув под себя лапы; нос поперечно штрихован, т. е. сморщен при рычании: (рис. *4*, *17*, *18*, *28*, *31*, *36*, *41*, *46*, *58*, *59*; ср. рис. 5, *5*, *10*); туловище обычно заштриховано (рис. 4, *18*, *20*, *21*, *29*, *30*, *48*, *49*, *63*); плечо и бедро выделены миндалевидным контуром (рис. 4, *17—22*, *28—31*, *51—56*, *65—70*); вся фигура обведена выпуклой линией. Названные признаки имеются у зверей на краях пряжки из Скалистого (рис. 4, *47*, *50*, *52*, *59*, *62*, *65*, *68*), хотя они более схематизированы, чем западные, и по сути награвированы широкими линиями.

У зверя на левом краю скалистинской пластины голова только намечена (небольшая выемка — глаз?), зато четко сделана шея с продольной штриховкой (рис. 4, *22*, *44*). Сопоставление с римскими прототипами (рис. 4, *9*, *26*, *27*, *43*) показывает, что это — искажение первоначальной львиной гривы (рис. 4, *21*, *22*, *44—46*) [18]. Туловище заштриховано. Очерченное миндалевидным контуром плечо невелико (рис. 4, *52*), аналогии чему есть в западных изделиях (рис. 4, *18*, *21*, *53*, *55*), хотя, как правило, плечо изображалось крупнее. Контур бедра перевернут и обращен заострением вверх, к спине (рис. 4, *22*, *68*). Действительно, на западе встречаются краевые фигурки, у которых задняя нога вывернута назад и вверх так, словно зверь упал на бегу (рис. 4, *18*, *28*, *69*, *70*) — это напоминает сюжет более древнего скифского искусства. Однако позднеримские прототипы показывают иной, не связанный с востоком путь сложения сюжета на севере. На краях провинциальных пластин с рельефным декором часто изображались морские чудовища в виде львов с извитым в кольца рыбьим туловищем (рис. 4, *26*) [19]. При дальнейшей схематизации и переосмыслении скандинавские мастера превратили кольца в повернутую назад и вверх ногу. Но плохо разбиравшийся в сложностях северного звериного стиля южнокрымский мастер поступил здесь нелогично: внизу под перевернутой ногой он вырезал непропорционально большие когти ноги, подобранной зверем под живот (рис. 4, *22*, *65*). Трактовка когтей имеет аналогию в Дании (рис. 4, *17*, *66*). Завершает фигуру хвост (рис. 4, *22*, *31*, *57*) или неправильно понятая художником вывернутая задняя нога (ср. рис. 4, *17—20*, *27—29*, *57*, *69*, *71*).

Правая фигура лежащего животного на пряжке из Скалистого имеет ряд отличий от левой (рис. 4, *31*). Голова прорисована более детально: видно сморщенный нос и глаз с типичным для I стиля угловатым надбро-

[16] *Haseloff G.* Op. cit., S. 412, Taf. II—VI.
[17] *Salin B.* Op. cit., S. 361.
[18] *Haseloff G.* Zum Ursprung..., S. 420—425.
[19] Ibid., S. 417—428.

вьем (рис. 4, *17*, *18*, *31*, *58*, *59*). Гривы нет. Между головой и туловищем находится неясный сложный рисунок, вероятно, искаженное изображение плеча и когтей (рис. 4, *31*, *50*, *51*, *65*, *66*). Туловище покрыто обычной штриховкой, но более широкое, так как его не закрывают отсутствующие у правого зверя когти задней лапы (от нее осталось только бедро). Возможно, мастер копировал фигуру зверя с вывернутой назад ногой (рис. 4, *18*, *19*, *28*, *68—70*). Различающиеся в деталях парные фигурки зверей встречаются на украшениях в I стиле: на пряжке из Веккиаццано грива есть только у правой фигурки, на фибуле из Ведструпа не выделено плечо у одного из зверей. Но этот художественный прием применялся очень умеренно.

Иное дело в Крыму. На пряжке из Скалистого фигуры зверей по краям различаются сильно. Грива есть только у левого, глаз с угловатым надбровьем и сморщенный нос только у правого. Лапа с когтями у каждого зверя одна (на западе и в Скандинавии всегда две), притом у левого задняя, у правого передняя. Несомненно стремление мастера внести больше движения в ритмику линий, избежать сухости при плоскостной моделировке узора. С той же целью неодинаков рисунок ртов у пары склоненных голов на основании пластины. При общей симметричности крупных деталей щитка мелкие вариации действительно оживляют декор (рис. 2—3). Приняв эту гипотезу, можно попытаться объяснить необычный поворот бедра у зверей по краям. Судя по положению когтей у левой фигуры, ноги зверей на протооригинале пряжки были изображены поджатыми под живот. Это подтверждается именно таким наклоном бедра, как при поджатой, а не вывернутой назад ноге (ср. рис. 4, *18*, *19*, *28* и рис. 4, *20—22*, *29—31*). Зарубежные археологи давно показали, что контуры плеч и бедер как самые простые и заметные детали изображений I стиля дольше всего сохранялись при упрощении (рис. 4, *24*, *33*). Делая скалистинскую пряжку, южнокрымский мастер специально перевернул бедро на 180°, чтобы, как ему казалось, избежать повторения: три миндалевидные фигуры (плечо, бедро, конец хвоста) попеременно обращены то вверх, то вниз. Подобная вольность была невозможна на севере, где мастера и заказчики хорошо знали и любили специфический язык I стиля, где декор был полон для них глубокого значения и потому всегда строго логичен. Крымские мастера и заказчики видели в северном зверином стиле прежде всего красивую экзотику. Стремясь передать лишь общее впечатление от декора в скандинавском стиле, местные ювелиры произвольно варьировали мелкие детали, что быстро привело к полной деградации подобных изделий при сохранении внешне эффектной формы (например, пряжка из Артека). Аналогично протекал процесс распада и перерождения геометрического орнамента архаического типа — в близких формах у многих народов в различные эпохи [20].

Фигуры лежащих зверей на пряжках из Суук-Су, Артека и Чуфут-Кале схематизированы до неузнаваемости (рис. 4, *23—25*, *32—34*). На пряжке из Чуфут-Кале они имеют внизу человеческие головы в профиль (рис. 4, *24*, *33*). На вещах в I зверином стиле человеческие фигуры (иногда со смешением черт человека и животного) редки. По краям ромбической пластины — только на фибуле из Грёнбю (Швеция, рис. 4, *61*), где они также обращены вниз, но переплетены как бы в борьбе (?) с лежащим зверем [21]. До новых находок трудно сказать, восходит ли чуфут-калинский щиток к иному прототипу, чем другие рассмотренные здесь пряжки, или это просто вторичное переосмысление общего для них мотива.

---

[20] *Амброз А. К.* Раннеземледельческий культовый символ «ромб с крючками».— СА, 1965, № 3, с. 26, 27; *его же.* О символике русской крестьянской вышивки архаического типа.— СА, 1966, № 1, с. 61, 62.

[21] *Salin B.* Die altgermanische Tierornamentik..., Fig. 495.

Завершение ромбических пластин южнокрымских пряжек (рис. 4, *39—42*) не такое, как у их западных прототипов. Те оканчиваются крупной звериной головой в фас и небольшой цветной вставкой (рис. 4, *37*, *38*). Сходно завершение ножек северных фибул (рис. 4, *36*) [22]. Такая же голова, исполненная в характерной манере, видна на пряжках из Скалистого и Чуфут-Кале (рис. 4, *39*, *41*). Она искажена, но легко распознается на пряжках из Суук-Су и Артека (рис. 4, *40*, *42*). Отличие всех четырех крымских пряжек — связанный с головой широкий полукруглый выступ. Можно было бы пытаться объяснить его как рудимент диска с человеческим лицом, изображенного на некоторых скандинавских фибулах перед концевой мордой зверя (рис. 4, *36*). Тогда продольная линия на выступе (рис. 4, *39—42*) может соответствовать носу (?). Однако крымские мастера пользовались дунайскими, а не непосредственно скандинавскими оригиналами: на пряжках из Дьюлы, Веккиаццано и Крыма лежащие звери обращены головами к широкой части пластины, на пряжке из Конажева (отличающейся от них по ряду признаков) и на ранних фибулах I стиля, кроме кентских из Англии,— к узкому концу пластины.

На пряжке из Скалистого, лучше всего сохранившей черты оригинала в I стиле, выступ ничем не напоминает диски с лицом у скандинавских фибул. Он имеет три гнезда со стеклами и два изогнутых желобка поперек (рис. 4, *39*). Единственно возможная параллель — завершение дунайских пряжек типа Гавы и Каравукова (рис. 4, *35*; 5, *1—4*): оно изображает пару орлиных голов с желобчатыми клювами и шеями по сторонам большой звериной головы [23]. Как показывают фигуры клюющих птиц (орлов?) по сторонам скалистинской пластины, создавший ее мастер действительно соединил в одном изделии черты дунайских пряжек типа Веккиаццано и типа Каравукова—Домолошпусты (рис. 5, *2*, *4*, *8*) и от них же взял завершение конца пластины. Но он упростил сложное соединение, почти переплетение голов на конце щитка, сдвинув звериную морду вверх, а линии двух клювов заменив одной дугой. Оставил он и три стекла, отмечавшие на пряжках типов Гавы и Каравукова глаза птиц и конец морды зверя. В этом случае упомянутая выше продольная полоска не могла быть рудиментом человеческого лица. И на христианских (лев св. Марка), и на скандинавских языческих изображениях встречается лента (у христиан также пальметка), выходящая изо рта животного. Именно с такой лентой сопоставимы полоски на трех и пальметка на четвертой крымской пряжке. Исследователи считают, что мастера хотели так изобразить речь, дыхание, дух [24]. Возможно, что подобное объяснение справедливо и для южнокрымских образцов.

Широкое распространение орнаментики в I зверином стиле на южных пряжках заставляет кратко остановиться на ее соотношении с местными художественными традициями. Две зоны варварской звериной орнаментики: южная с центром на Среднем Дунае и северная (окончательно сложившаяся к началу VI в.) в Дании, Швеции, Норвегии, отчасти нижнем Порейнье и Англии — образовались во второй половине V в. Для них характерен резной орнамент из граненых линий и завитков, звериные головы с подчеркнутыми глазницами и ноздрями, со сморщенным носом; как основа композиции широко применялся ромб. Истоком послужил декор широких мужских поясов второй половины IV и первой половины V в. из западных римских провинций, творчески переработанный и наполненный новым содержанием. На сложение общих черт повлияло так-

---

[22] Ibid., Fig. 116, 119, 131, 134, 138, 142, 305, 472, 490, 495, 538; *Амброз А. К.* Дунайские элементы..., рис. 3, *4*, *6*, *8*, *12*.

[23] *Annibaldi G., Werner J.* Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta.— Germania, Jg. 41, Halbband 2. Berlin, 1963, Taf. 37, 39, 42, 44—47, Abb. 8.

[24] *Erä-Esko A.* Germanic animal art of Salin's style I in Finland. Helsinki, 1965, p. 101—104; *Vierck H.* Ein Relieffibelpaar aus Nordendorf.— Bayerische Vorgeschichts-Blätter, Jg. 32, Ht. 1/2. München, 1967; *Haseloff G.* Op. cit., S. 427, 428, Fig. 30, 31.

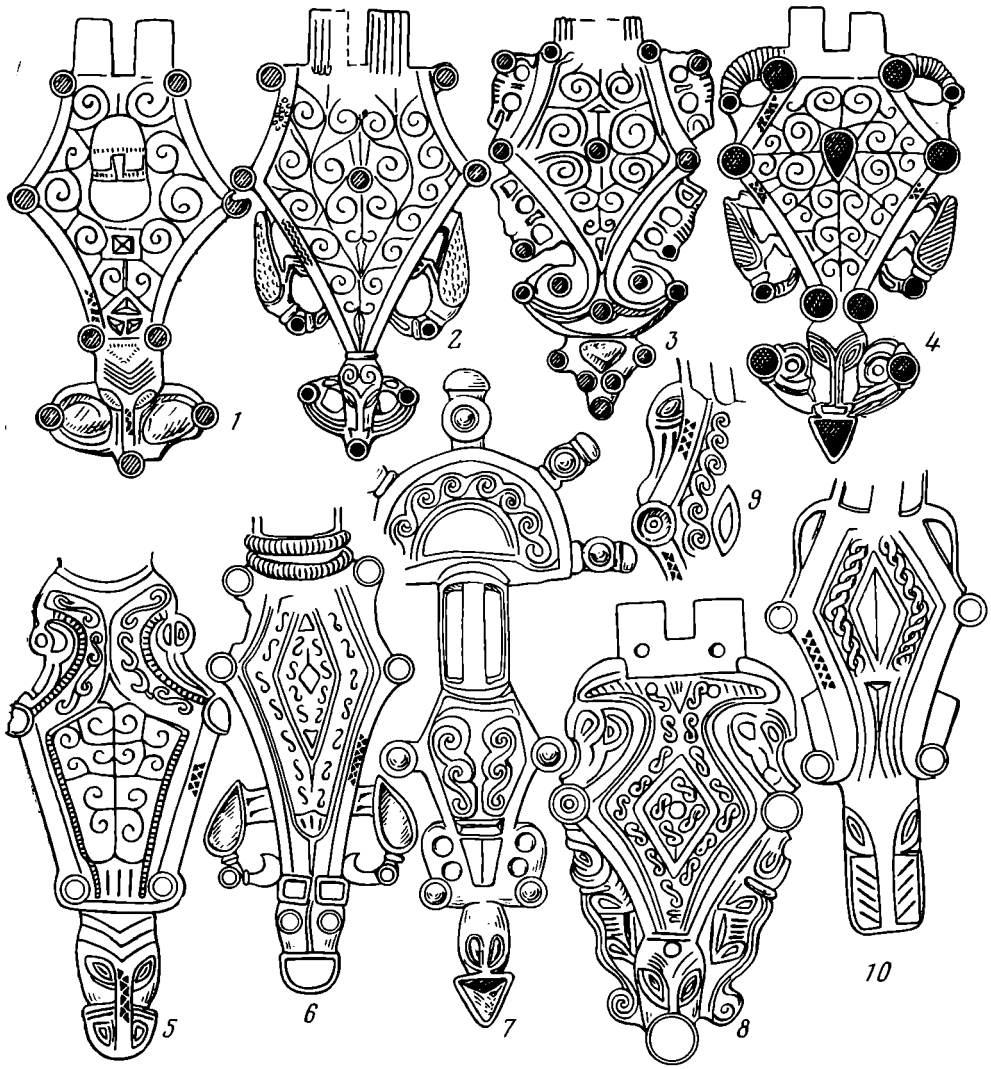


Рис. 5. Схемы рельефной орнаментации пряжек и фибул второй половины V—VI в. *1—4*, *8* — щитки пряжек; *5—7*, *9*, *10* — детали фибул. *1* — Аквасанта; *2* — Каравуково; *3* — Италия; *4* — Домолошпуста; *5* — Берегово; *6* — Венгрия; *7* — Керчь; *8* — Дьюла; *9* — Сентеш-Надьхедь; *10* — Аквилея (*1*, *3*, *10* — Италия; *2* — Югославия; *4*, *6*, *8*, *9* — Венгрия; *5*, *7* — СССР). Масштаб разный

же этническое родство населения, делавшего и носившего рельефные украшения: скандинавов, саксов, франков, готов, гепидов и др.

Уже декор римских поясов не был чисто орнаментальным, а отражал религиозные и магические представления, как показывает его изучение Г. Хазелоффом. Это естественно, так как и в античном мире, и у древних германцев поясу приписывали магическое значение, считая его воплощением силы и крепости (например, бог Тор, подпоясавшись, удвоил свою силу) [25]. Придавалось какое-то значение и фибулам, так как среди форм римских брошей есть явно магические фигуры (например, ступня ноги). Нередок на античных фибулах и ожерельях «узел Геракла». В раннесредневековую эпоху на пряжках поясов нередки христианские кресты. В готовый щиток пряжки из Веккиацдано довольно грубо вделан инкрустированный крест, а южнокрымские пряжки с орнаментом в I стиле уже обязательно имели в середине щитка крестовидную инкрустацию. Цвет-

[25] *Haseloff G.* Op. cit., S. 441; *Schlette F.* Germáni mezi Thorsbergem a Ravennou. Praha, 1977, s. 138.

ные кресты имеют все пряжки с ромбической пластиной II варианта (как в склепе № 7 в Чуфут-Кале), крестовидная фигура выделена и в орнаменте самого позднего варианта орлиноголовых пряжек с держателем кольца длиной 2,5—3,8 *см*. Пережитки былого смыслового содержания народного декора женских украшений фиксируются этнографами у многих народов. Так, «буквально каждое украшение, целиком либо отдельными своими деталями, было связано в сознании таджиков с каким-либо суеверным представлением. Две основные функции амулетов — охранную и „множительную", связанную с идеей плодовитости,— выполняли все украшения» [26].

Тем более был полон смысла декор женских украшений у варваров V—VI вв. На многих фибулах и поясах центральное место занимает большой ромб, густо заполненный завитками, образовавшимися из искаженного античного растительного орнамента. Известно, что фибулы, изображенные на рис. 5, носили иглой вверх, судя по их положению в могилах и по фигуркам птиц, обращенным головами в ту же сторону. Так как некоторые другие типы фибул носили иглой вниз (судя по изображениям на них), принято условно все фибулы рисовать одинаково: иглою вниз и пружиной («головкой») вверх. Чтобы яснее видеть систему рельефного декора, надо перевернуть рис. 5. Сказанное относится и к пряжкам той же орнаментальной схемы, вообще носимым на поясе боком. Видно, что ромб на фибулах и пряжках увенчан сверху большой головой зверя, на севере иногда и человека (по Г. Хазелоффу, на римских прототипах здесь была голова божества Океана, знак Солнца или стилизованное дерево). От основания ромба поднимаются парные головы чудовищ на длинных шеях (на прототипах это были львы и грифоны). С боков ромб окружен живыми существами (зверями и птицами). Перед нами широко распространенный в искусстве многих народов мира образ древа жизни, или мирового древа [27].

Мировое древо неоднократно описывается в исландских преданиях. Ветви Игтдрасиля простерты над миром. Один корень — на небе, в царстве богов-асов (под ним источник судеб-норн и судилище богов), другой — в стране великанов. Третий корень — над страною мертвых Хель, под ним — истоки всех рек и дракон Нидхёгг, грызущий этот корень и трупы. По другому варианту, корни находятся над людьми, исполинами и Хель. На древе сидит орел, обладатель мудрости и враг Нидхёгга, по дереву бегает белка, ветви объедают коза и олени. Среди чудовищных образов мирозданья фигурируют Мировой Змей, опоясавший землю, два волка, преследующие Луну и Солнце, наконец, могущественный волк Фенрир, которому суждено поглотить Одина: его «верхняя челюсть до неба, нижняя до земли» [28]. Сейчас можно лишь предполагать, какие из этих персонажей могли быть изображены мастерами V—VI вв. на рельефных украшениях. Искать буквальных соответствий в «Эдде» тем труднее, что она отражает позднюю стадию истолкования древних образов, соответствующую развитому язычеству с культом Одина как главного бога. А в народном искусстве архаического типа разных эпох на женских украшениях и одежде изображались древние хтонические образы, связанные с тем в системе мирозданья, что наиболее важно для земледельца: земля в ее разных проявлениях (почвенная, пашенная, плодоносящая), растительность, живые существа и оплодотворяющие силы. Нельзя согласиться с Х. Фирком, сводящим символику рельефных ромбических пластин к роли оберега. Он считает, что парные головы в основании изображают некую охранительную силу, звери по краям — побеждаемое ею зло, ядру композиции (ромбу) вообще не придается значения.

[26] *Чвырь Л. А.* Таджикские ювелирные украшения. М., 1977, с. 96, 98—100.
[27] *Амброз А. К.* Раннеземледельческий культовый символ..., рис. 4 и 7.
[28] Старшая Эдда. М.— Л., 1963, с. 11, 13, 15, 38, 39; Младшая Эдда. Л., 1970, с. 22—24, 31, 53.

Х. Фирк прав в главном выводе, что I звериный стиль служил не только декоративной цели, но имел для людей того времени хорошо им понятный смысл [29].

При общности содержания и ряда изобразительных форм, иконографическое различие северных и южных изделий велико и все углублялось со временем. На юге древо окружают только орлы (с большим клювом и когтистыми лапами, рис. 5, *1—6*), на севере — звери. Но все же и на юге был известен столь излюбленный в Скандинавии вариант древа жизни с парой раскрывших пасти голов у основания. Одни или в сочетании с орлами они есть на многих пальчатых фибулах Италии, Венгрии, Румынии, запада СССР (Берегово), на пряжке из Домолошпусты (Венгрия) [30]. Парные головы лишь намечены, редко имеют рот или глаза, чаще же мастера ограничивались гладкими выступами у основания ромба (рис. 5, *4, 5, 9, 10*). Вещи эти не несут никаких признаков скандинавского влияния, и сходство композиции, вероятно, связано с общностью вложенных в нее представлений и с использованием форм, взятых от римских прототипов. В таком случае местному варварскому населению не были совсем чужды и изображения в I стиле с той же композицией.

Все больше исследователей склоняются к мысли, что рассмотренные выше пряжки из Дьюлы, Конажева и Веккиаццано сделаны гепидскими мастерами. В Гепидии и соседних с нею областях единично найдены чужеродные, чисто скандинавские украшения в развитом I стиле [31]. Но они не оставили никакого следа в местном искусстве. С другой стороны, относительная многочисленность пряжек I стиля (три на западе, четыре в южном Крыму) и существенные различия между ними в деталях показывают, что это следы довольно разветвленного местного производства, а не случайное одноразовое механическое подражание какому-то одному, занесенному с севера предмету. Судя по ним, гепидские (и готские?) мастера свободно владели рядом приемов раннего I звериного стиля, весьма творчески объединяя их с обычным на Дунае заполнением внутреннего поля щитков. Учились ли они у выходцев из Скандинавии или использовали орнамент с привозных предметов?

Только в Скандинавии прослежено постепенное сложение I звериного стиля (через предшествующий нюдамский стиль). Вне Скандинавии ранние образцы I звериного стиля встречены в очень малом числе на предметах местных (не скандинавских) форм только в Порейнье и на трех ромбических пластинах пряжек из Венгрии, Италии и Польши (не идут в счет находки в Англии, так как туда стиль принесен вместе со скандинавскими формами фибул). Исследователи очень осторожно предполагают, что порейнское население могло принимать какое-то участие в разработке раннего I стиля. Элементы звериного стиля на южных пряжках очень просты, хотя их связь именно с I стилем, а не непосредственно с позднеримским видна по обводке фигур выпуклым контуром и по сильно подчеркнутым деталям (бедрам, надбровьям). Возможно, что в обстановке творческих контактов со скандинавскими мастерами гото-гепидские ювелиры в очень небольшой мере приняли участие в первых шагах по разработке I звериного стиля. Во всяком случае их работа не сводилась к простому подражанию.

---

[29] *Vierck H.* Ein Relieffibelpaar..., S. 132—134, 140.

[30] *Csallány D.* Archäologische Denkmäler... Taf. XVIII, *4*, *5*; XXIV, *17*; XXXIII, *2*; XXXVI, *2*; CIX, *8*; CLXXV, *5*; CCIII, *1*; CCIV, *14*, *15*; CCVI; CCXIII, *11*; CCXXVI, *4*; CCLX, *6*; *Bierbrauer V.* Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde...., Taf. I, *1*, *2*; II, *1*; XXIX, *2*; XXXVII, *1*, *2*; XXXVIII, *3*; LIII, *1*; LVI, *2*; LX, *1—3*; LXIV, *1—3*; LXV, *2*; LXXI, *4*, *6*; LXXII, *6*, *7*; LXXIII, *1*; LXXVIII, *1*.

[31] *Csallány D.* Op. cit., Abb. 12, Taf. XXXIX, *5*; CCXLVI, *1*; *Werner J.* Die Langobarden in Pannonien. München, 1962, S. 104; *Bóna I.* A középkor hajnala. Budapest, 1974, kép. 19, 20, 24, tab. 26, 29, 30; *Vinski Z.* Krstoliki nakit epohe seobe naroda u Jugoslaviji.— Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu, serija 3, svezak III. Zagreb, 1968, s. 106, 134, tabl. II.

Дальше первого шага на юге не пошло, тогда как в Скандинавии звериный стиль пышно расцвел и, усложняясь, быстро потерял внешнее сходство с южным. На юге же местная рельефная орнаментика скоро пришла в упадок, стала беднее и суше после кратковременного расцвета второй половины V в.: красивый резной орнамент из острых граней сменился имитацией, фигурки птиц превратились в выступы (рис. 5, *7*, *10*) и т. д. Не связано ли это с изменениями в идеологии рядового гото-гепидского населения, укреплением в его сознании норм христианства? Может быть, и фигурки птиц потому преобладали на южных изделиях, что они менее всего противоречили христианской символике.

Северное Причерноморье, удаленное от области распространения западноримской рельефной орнаментики, оказалось на окраине южной зоны того варварского искусства, центр которого был на Среднем Дунае. Тем более южнокрымские мастера плохо разбирались в деталях экзотического для южной зоны I звериного стиля, допускали грубый эклектизм: объединяя орнаменты разных типов, создатель скалистинской пряжки «посадил» орла на спину зверя, чего никогда не бывает на западных и скандинавских образцах. Но и в Крыму символика древа с его спутниками была понятна, поэтому узорные ромбические щитки пряжек вошли довольно широко в обиход. Вся сумма данных показывает, что крымские ювелиры заимствовали пряжки I стиля из Среднего Подунавья. С ним, особенно с могущественным и богатым королевством гепидов, они были тесно связаны. Оттуда взяты образцы для поясных пряжек с ромбической пластиной II варианта и с орлиноголовой пластиной [32]. На Боспоре немало подлинно гепидских вещей.

Далекие связи мастеров обычны в ту эпоху. Так, скандинавское искусство широко использовало западноримские прототипы; на острове Готланд переработали одну из форм пальчатых фибул остготской Италии (с бордюром из орлиных голов), в Мазурии массово имитировали пальчатые фибулы франков, тюрингов и дунайских славян. В ряде случаев удается проследить творчество отдельных мастеров или мастерских. Так, Х. Фирк с помощью письменных свидетельств собрал и подробно изучил произведения франкского ювелира VI в. епископа Элигия. По особенностям вещей Э. Бакка выделил изделия художника, условно названного «Кентским мастером», который принес I звериный стиль из Ютландии в Англию. Странствующие ювелиры упоминаются при дворе короля ругиев V в. на Дунае, раскопаны могилы таких ремесленников VI—VII вв.[33] Гепидские мастера могли попасть в Крым через степи, поскольку гепиды заключали со степняками Восточной Европы союз против Византии (553 г.) и помогали славянским набегам. С другой стороны, готы и гепиды поступали наемниками в византийскую армию. Например, в 527 г. Юстиниан I послал готские полки под командованием Иоанна и готских офицеров Годилы и Вадуария с приказом отнять у гуннов город Боспор [34]. С таким отрядом мог прийти мастер или отдельные женщины, принесшие с собою характерные украшения. Завоевание Гепидии аварами в 568 г. могло вызвать выселение части гепидов.

Между южнокрымскими и западными изделиями в I зверином стиле имелся большой хронологический разрыв. Все четыре ромбические пряжки снабжены очень длинным держателем кольца — чисто местная особенность, неизвестная вне юго-западного Крыма и, вероятно, связанная

---

[32] *Амброз А. К.* Дунайские элементы..., с. 10—17, 20, рис. 1; 2; 3, *9*, *10*. Связь орлиноголовых пряжек с гепидами подтверждается новыми данными: *Vinski Z.* Adlerschnallenfunde in Jugoslawien.— In: Liber Iosepho Kostrzewski. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, S. 317, 318, 321—323, 325.

[33] *Werner J.* Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten.— Antikvarisk Arkiv 38. Early medieval studies 1. Stockholm, 1970, S. 67—71, 78—81.

[34] *Кулаковский Ю. А.* Керченская христианская катакомба 491 года.— МАР, № 6, 1891, с. 26, 27.

с особым способом застегивания широких женских поясов. Орлиноголовые пряжки середины и второй половины VI в., датирующиеся по гепидским аналогиям VI в. и монете 527—565 гг. из могилы 56 в Суук-Су, еще имели обычный короткий держатель (1 и 1,4 *см*). В могиле 77 из Суук-Су с монетой 597—602 гг. держатель пряжки только слегка удлинен (2 *см*). Следовательно, такие длинные держатели, как у пряжек из Скалистого и им подобных, могли развиться только в течение VII в. Действительно, более короткие из них (2,4 *см*) найдены в комплексах III периода Суук-Су (после 597—602 гг.), более длинные, как у зооморфных (2,5—3,8 *см*), с периодом IV — не ранее середины и второй половины VII в.[35] Пряжки I стиля из Артека и Суук-Су найдены случайно, из Чуфут-Кале и Скалистого — в разграбленных склепах с византийскими пряжками VII в. Дата подтверждается тем, что пряжка из Чуфут-Кале починена обломком днепровской пальчатой фибулы, характерной именно для IV периода Суук-Су, а на Днепре встреченной в кладах с «псевдопряжками» (роскошный вариант псевдопряжек сопровождался в Малом Перещепине и Келегеях монетами 641—668 гг.).

С другой стороны, ранний период I звериного стиля, а с ним и западные пряжки относятся по общепринятой хронологии к концу V и первой четверти VI в. Конажевский клад, кроме различных украшений этой эпохи, содержал золотые монеты 474—491 гг. Еще древнее пряжки типов Гавы и Каравукова — Домолошпусты: второй половины V в. Две эти даты основаны на большом материале и соответствуют двум последовательным периодам европейских древностей [36]. Находки второй половины VI и VII в. там совсем другие. Таким образом, хронологический разрыв между западными пряжками и их крымскими репликами составляет не менее 100—150 лет. Вывод, основанный на комплексах, подтверждается и типологическими различиями. Западные пряжки из позолоченного серебра с альмандинами украшены хорошим звериным орнаментом, лишь одна из них имеет позднее вделанный крест. Южнокрымские из серебра без позолоты (кроме артекской), с зеленоватыми и синими стеклами, большинство с искаженным до неузнаваемости звериным орнаментом уже первоначально имели кресты в центре, как многие другие местные и византийские пряжки VII в., и необычно длинные держатели кольца.

Можно предполагать, что интенсивные контакты населения Крыма со Средним Подунавьем осуществлялись в основном до завоевания Гепидии кочевыми аварами в 568 г. Это наиболее вероятно исторически и совпадает с датой западных аналогий первой половины VI в. По-видимому, пряжки этого времени с орнаментом в зверином стиле еще будут найдены в Крыму. Четыре рассмотренных здесь экземпляра представляют их поздние реплики, свидетельствуя о длительной, не менее 100 лет, традиции изготовления подобных вещей в юго-западном Крыму.

---

[35] *Амброз А. К.* Проблемы..., ч. I, с. 114, 116, рис. 3, *9*, *11*, *15*, *17*, табл. II (три варианта); *его же.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы. Автореф. докт. дис. М., 1974, с. 20 (пять вариантов).

[36] *Werner J.* Münzdatierte austrasische Grabfunde. Berlin, 1935, S. 30—34; *Bakka E.* Goldbrakteaten in norwegischen Grabfunden: Datierungsfragen.— Frühmittelalterliche Studien. Jahrbuch des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster, Bd 7. Berlin — New York, 1973, S. 53—85.

E. V. Veimarn, A. K. Ambroz

THE BIG BUCKLE FROM THE CEMETERY SKALISTOYE (vault 288)

Summary

A buckle of a wide woman's belt was found in the vault 288 (robbed in ancient times) at the large cemetery of the IVth — IXth centuries near village Skalistoye in the south-western Crimea. It is cast in silver, the edges of the buckleplate are decorated by greenish glass, the middle of the plate and the frame by dark red. It is 20 cm long and 8,2 cm wide. The master joint the signs, characteristic for the buckles of the Vecchiazzano-Gyula and Gava-Karavukovo types. The imitation is made rather accurately, with small disfigurations: twin big drooping animal heads in profile at the base of the plate and marginal animals, characteristic for B. Salin's animal style I are clearly seen. The long hinge for joining of the plate with the frame, high cells with glass at the forpart of the frame, the schematic figure of a bird at the base of the tongue indicate the local production of the buckle in the south-western Crimea. The ornamentation in the animal style I is much more unintelligible at the three other Crimean buckles of this type (fig. 4, *6—8*, *14—16*, *23—25*, *32—34*, *40—42*). The dating of the buckle and other finds from the vault is the VIIth century, possibly the middle or the second half. The prototypes were taken from the middle Danube, most likely from the gepides, pobably not later than 568; and their imitations were manufactured by the population of the south-western Crimea during 100 years.

All the big buckles with rhombic plate and animal style I decorations, found from Italia to Crimea, are not direct and exact copies of ornamented feets of scandinavian brooches, made in the same style. The brooches and buckles are very like indeed, but marginal animals on the latters are upward-facing with exception of Konarzew ones. The same composition with animals, surrounding the central rhombus, is a common symbole of arbor vitae. Very schematized twin drooping animal heads are good visible on a great number of gotic and gepidic brooches and one buckle without any traces of scandinavian influence (fig. 5, *4*, *5*, *9*, *10*). One italian rhombic buckle and all crimean ones have inlaid coloured cross over pagan ornament, a sign of increased role of Christianity in privat life.

В. Н. ЗАЛЕССКАЯ

ГРУППА СВИНЦОВЫХ АМПУЛ-ЭВЛОГИЙ ИЗ ФЕССАЛОНИКИ

Ампулы эвлогии — небольшие сосуды, предназначавшиеся для освященного масла или воды,— широко известный вид памятников, изготовление которых было налажено в центрах, связанных с событиями нового завета или при мартириях популярных святых. Как свидетельствуют данные письменных источников, при монастырях и мартириях существовали специальные мастерские, изготовлявшие такого рода предметы. Так, в житии Симеона Столпника младшего говорится о существовании особой, работавшей на древесном угле печи, в которой обжигались глиняные эвлогии с изображениями святого [1]. Как правило, художественная ценность таких предметов невелика, что, однако, не снижает их научной значимости. Будучи связанными с совершенно определенными центрами в Сирии, Палестине, Египте и М. Азии, эти изделия характеризуют массовую, выполненную из дешевых материалов (глина, стекло, свинец) продукцию мастерских этих областей и являются надежными источниками по установлению связей и взаимовлияний между отдельными провинциями византийской империи.

Ампул-эвлогий ранневизантийского периода (IV—VII вв.) известно огромное количество [2]. Однако подавляющее большинство центров производства ампул прекратило свое существование в VII в.: многие мартирии были разорены во время вторжения арабов, а деятельность тех, что остались на византийской территории, была пресечена в период иконоборчества [3]. Производство эвлогий в широком смысле слова — не только ампул, но и образков, памятных медальонов и реликвариев — возрождается, хотя и в более скромных масштабах, чем в ранневизантийский период, лишь в X в., когда территории Сирии и Палестины вновь входят в состав Византийской империи [4]. В это же время возникает производство эвлогий и в некоторых новых центрах: например, изготовление эвлогий св. Димитрия в Фессалонике [5].

---

[1] Vita Symeonis ed. J. P. Migne. Patrologia Graeca, vol. 86, 2, col. 3197—3200.

[2] *Kaufmann C. M.* Ikonographie der Menas-Ampullen. Cairo, 1910, Abb. 42, 97; *idem.* Die Menasstadt. Bd I. Leipzig, 1910, Taf. 89—99; *Grabar A.* Les ampoules de terre sainte. Paris, 1958, pl. I—LVI; *Dan Barag.* Glass pilgrim Vessels from Jerusalem. (Part I).— Journal of Glass Studies, vol. XII. New York, 1970, p. 35—63; Part II—III, vol. XIII. New York, 1971, p. 45—63.

[3] *Grabar A.* Quelques reliquaires de Saint Démétrios et le martyrium du saint à Salonique. L'art de la fin de l'antiquité et du Moyen Age, vol. I. Paris, 1968, p. 435.

[4] *Залесская В. Н.* Свинцовый медальон с изображением Симеона Столпника.— СГЭ, т. 34, 1972, с. 15—17; *Zalesskaya V.* Objet d'art melkits de la deuxiéme moitié du XI ième siècle. XV Congrès international d'études byzantines. Résumés des communications. III. Art et archéologie. Athènes, 1976.

[5] *Grabar A.* Quelques reliquaires..., p. 435—453; Idem. Un nouveau reliquaire de Saint Démetrios. L'art de la fin de l'antiquité et du Moyen Age, vol. I. Paris, 1968, p. 455—460; *Théocharis M.* Une icone en mosaïque de Saint Démétrius et la découverte des reliques du saint en Italie. Πρακτικὰ τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν, t. 53, Ἀθῆναι, 1979, σελ. 510, πίν. IV, α, β.

Однако ампулы-эвлогии средневизантийского периода — не отдельные драгоценные экземпляры, а производившиеся для паломников дешевые изделия — почти неизвестны. Тем не менее, поскольку культ освященного масла и воды, доставленных от мест поклонения чтимым святым, продолжал существовать, должны, очевидно, были изготовляться и сосуды такого назначения. Проблема состоит в том, что они не выделены еще из массы аналогичных предметов IV—VII вв. В этой связи особую ценность приобретают археологические находки последних лет. Четыре свинцовые ампулы были найдены на территории Болгарии: предметы были обнаружены в средневековой крепости Цепина, в Мельнике, в Пловдиве и в Тырново [6]. В 1976 г. свинцовая ампула была найдена в Херсонесе [7].

Ампула, обнаруженная в 1974 г. на холме Царевец в Тырново, вероятно, была завезена паломниками в период византийского господства в Болгарии. Исходя из эпиграфических особенностей греческих надписей, содержащих имена популярных фессалоникских святых, св. Димитрия и св. Феодоры, представленных на ампуле, издатель этого сосуда А. Писарев утверждал, что публикуемый им предмет следует датировать XI—XII вв. и считать сделанным в Фессалонике [8] (рис. 1, *1, 2*). Предложенная А. Писаревым локализация бесспорна. Что же касается даты, то нам представляется маловероятным отнесение этого предмета к XI в.; эпиграфические данные скорее указывают на XII и даже XIII вв.: «μ» с теобразной перекладиной и лигатура «τε» характерны именно для этого времени.

Находка в Тырново важна в двух аспектах: во-первых, она позволяет выделить новый центр по производству ампул, функционировавший именно в средневизантийский период, а во-вторых, этот бесспорный в смысле датировки и локализации экземпляр дает возможность атрибутировать хранящиеся в музейных собраниях ампулы как аналогичные изданной А. Писаревым, так и несколько отличающиеся от нее деталями иконографии и стиля изображений, т. е. поставить вопрос о массовом производстве такого рода предметов в средневизантийский период. Упомянутая выше ампула из Херсонеса значительно отличается своими размерами, формой и характером имеющихся на ней изображений от находки в Тырново. Доступный нам материал позволяет утверждать, что она происходит не из мастерских Фессалоники, но вопрос о ее локализации требует специального изучения.

При сопоставлении металлических ампул VI—VII вв. (имеются в виду ампулы из Монци и Боббио как наиболее изученный вид памятников) со свинцовой ампулой из Тырново отличия обнаруживаются как в технике исполнения и структуре сосудов, так и в характере расположения центрального изображения, его соотношения с надписью и орнаментацией края и горла. На ранних ампулах изображения, как правило, выполнены в технике литья с последующей спайкой каждой из образующих ампулу сторон [9]; ручки чаще всего отсутствуют или же бывают очень незначительных размеров, кольцевидной формы и припаиваются у горла [10]; изображение занимает бóльшую часть створки, его окружает

---

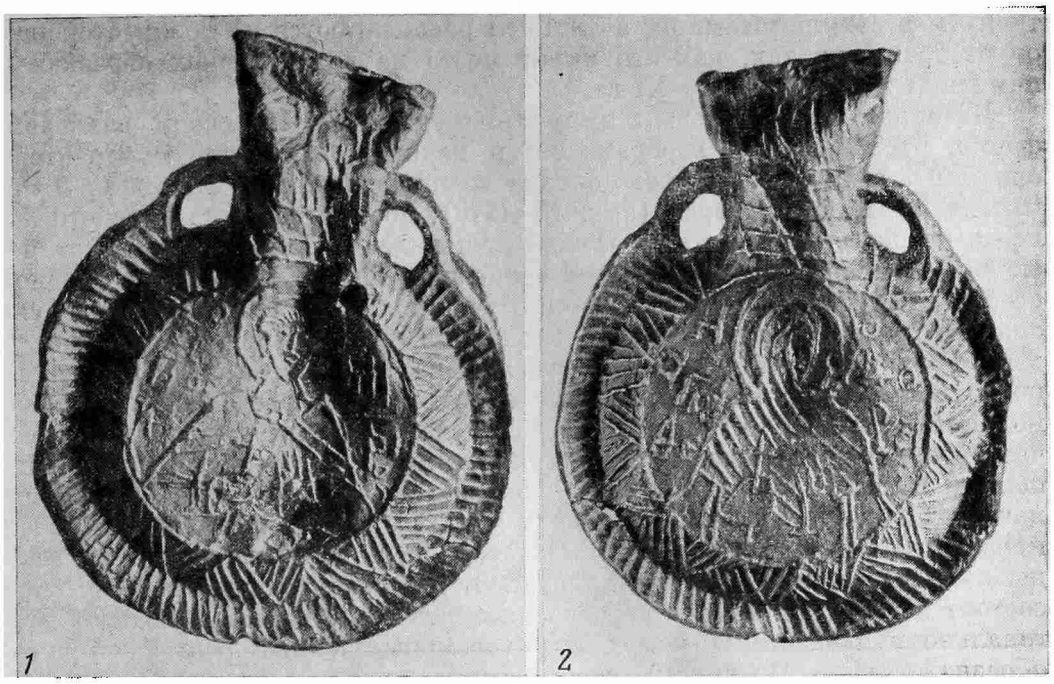
[6] *Писарев А.* Оловна ампула от хълма «Царевец» във Велико Търново.— Археология, кн. I. София, 1976, с. 46—50. Ампулы, найденные в Цепине, Мельнике и Пловдиве, еще не изданы; сам факт их обнаружения сообщен мне сотрудницей Института археологии в Софии С. Георгиевой, которой приношу благодарность за эти сведения.

[7] Как любезно сообщил мне Г. Д. Белов, предмет был найден в северной части Херсонеса, в развалинах дома XIII—XIV вв., квартал 29, помещение 44.

[8] *Писарев А.* Ук. соч., с. 49.

[9] *Grabar A.* Les ampoules..., p. 11.

[10] См. ампулу из музея в Болоньи.— *Кондаков Н. П.* Иконография богоматери, т. 1. СПб., 1914, с. 168, рис. 92.



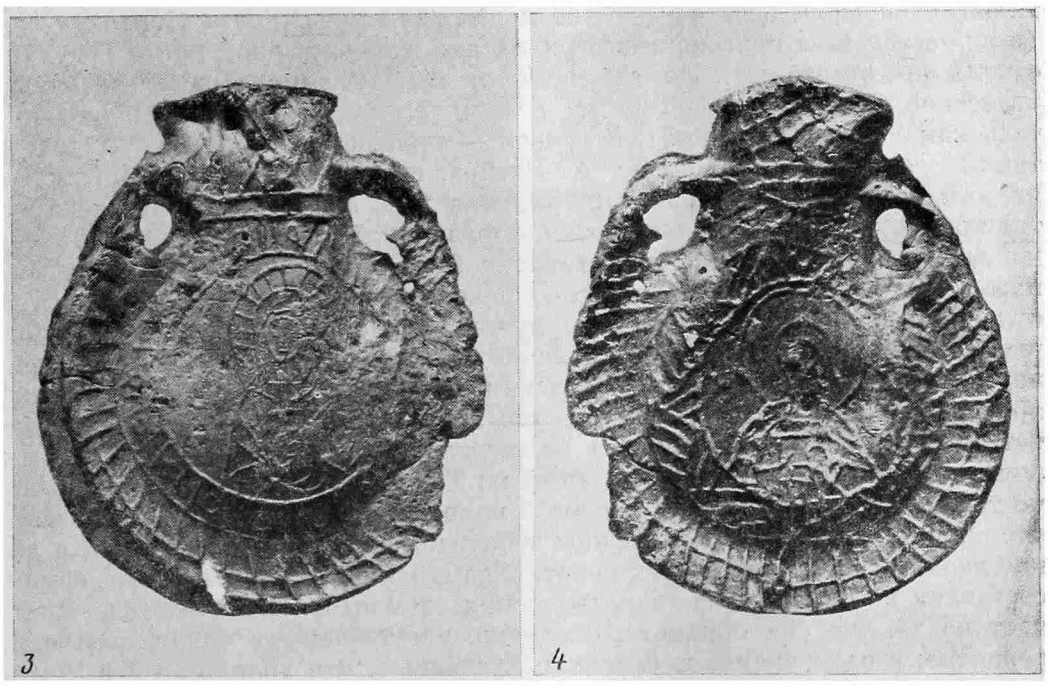


Рис. 1. *1* — ампула: изображение св. Димитрия. Тырново; *2* — изображение св. Феодоры. Тырново; *3* — изображение св. Матроны. Гос. Эрмитаж; *4* — изображение св. Феодула. Гос. Эрмитаж

надпись или орнаментальная полоса [11], встречающаяся крайне редко (отсутствует вовсе на ампулах из Монци и Боббио). В отличие от последних на ампуле из Тырново изображения святых окружают двойные ряды орнаментальных полос, которые так же, как и плоские ручки ампулы, от-

[11] См. римские ампулы — *Kaufmann C. M.* Ikonographie..., Abb. 20—21; Frühchristliche Kunst aus Rom. Ausstellung 3. September bis 15 November 1962 in Villa Hugel. Essen, 1962, S. 149, 150, № 279—280.

тиснуты в свинце штампом, а надписи располагаются по обеим сторонам от изображения так, как это имеет место на византийских образках и памятных медальонах X—XI вв.[12]

Изданная А. Писаревым ампула не единична. По своим размерам, форме, расположению изображения и надписи, структуре и характеру орнамента ампуле из Тырново близка хранящаяся в Государственном Эрмитаже свинцовая ампула (инв. № ω446), поступившая из Русского археологического института в Константинополе[13]. На этом предмете несколько меньших размеров, чем вышеописанный[14], помещено с одной стороны полуфигурное изображение мученицы (рис. 1, *3*): в правой руке она держит крест, левая рука с раскрытой ладонью поднята перед грудью. Голову святой окружает своеобразно декорированный нимб: его поверхность между внешним и внутренним кругами разделена лучеобразно направленными штрихами. Слева от изображения видны следы греческой надписи, которые по аналогии с ампулой из Тырново, могут быть поняты как Η ΑΓΙΑ — ἡ ἁγία (святая); от ее собственного имени, начинавшегося в левой части, вслед за ἡ ἁγία, и продолжавшегося в правой, не сохранилось ничего. (Правая часть ампулы сильно повреждена.) Изображение мученицы окружают две декоративные полосы: одна состоит из чередующихся лучеобразных полос и кружков, вторая из диагонально направленных косых штрихов, пересеченных рельефной дугообразной линией. На другой стороне ампулы имеется изображение задрапированного в плащ святого (рис. 1, *4*). Его правая рука поднята и раскрыта ладонью наружу, левая — держит схематично переданную книгу. Иконографически этот образ близок изображению Христа Пантократора (именно так этот персонаж был определен в инвентарной книге Государственного Эрмитажа). По сторонам от изображения видны отдельные греческие буквы: в левой части — О, Г, І, что, очевидно, следует читать как ὁ ἅγιος (святой), в правой — небольшой, расплывчатых очертаний треугольник, возможно, Δ. Изображение святого окружено двумя рядами декоративных полос: ближайшая к изображению составлена из треугольников, заполненных разнонаправленной параллельной штриховкой, вторая — аналогична представленной на уже описанной стороне ампулы. Эти расположенные по краю декоративные полосы, уплощаясь и сужаясь, образуют кольцевидные ручки. Горло ампулы, слегка расширяющееся в верхней части, украшено по обеим сторонам крестообразно пересекающимися линиями. Последние образуют своеобразную сетку, ярко выраженную на той стороне, где представлен святой, и создающую четыре крестообразные фигуры на противоположной стороне. Сходство эрмитажной ампулы и происходящей из Тырново очевидно. Их сближают не только форма, структура и способ нанесения изображений, но и стиль исполнения: черты лица и одежды выделены рельефными линиями, а декор двойных орнаментальных полос, обрамляющих основное изображение, составлен из однородных геометрических элементов. Это сходство указывает на то, что оба предмета, очевидно, изготовлены в одном центре и, вероятно, в одно время, т. е. можно заключить, что хранящаяся в Эрми-

---

[12] *Schlumberger G.* Grand médaillon de cuivre aux effigies des saints Théodore Tiron et Georges. Monuments byzantins inédits. Florilegium ou recueil de travaux d'érudition dédiés à M. de Vogue. Paris, 1909, p. 559; *Пуцко В. Г.* Византийский медальон с изображением Георгия-воина.— СА, 1969, № 2, с. 218, 219, рис., *а*.

[13] В собрании Эрмитажа имеются еще две свинцовые ампулы (инв. № ω845 и № ω1158), также поступившие из РАИК. На обеих сторонах этих ампул помещены в медальонах, окруженных зигзагообразным орнаментом, поясные изображения святых. Технически и стилистически эти предметы принадлежат к тому же типу, что и ампулы из Тырново и из Эрмитажа (инв. № ω446), но изображения на них настолько стерты, а орнаментальный край настолько поврежден и частично утрачен, что произвести детальное сопоставление с названными образцами затруднительно.

[14] Ампула из Тырново: в.— 8,6 *см*, дм.— 6,7 *см*; ампула из Эрмитажа: в.— 6,6 *см*, дм.— 5,6 *см*.

таже ампула сделана в Фессалонике и относится, вероятнее всего, к XII в. Однако при всем стилистическом и техническом сходстве предметов заметно, что штампы, которыми были произведены оттиски на сторонах ампулы, разные. Есть различия в составляющих декоративные полосы элементах, несколько отличаются размеры, представлены разные святые, хотя в обоих случаях изображены мученик и мученица. При определении имен святых, представленных на эрмитажной ампуле, следует учесть две особенности культа мучеников в Фессалонике, особенности, которые, с одной стороны, указывают на дату ante quem, выполненных в этом центре ампул, а с другой — на подбор изображений на них. Для времени ранее X в. отсутствуют какие бы то ни было свидетельства о чудодейственном истечении миро, которое собирали в ампулы, развозимые затем паломниками [15]. По данным хроники Иоанна Камениаты [16], лишь с начала X в. мощи св. Димитрия начинают источать миро, и святому присваивается эпитет мироточивого (μυροβλήτης) [17]. Тогда же миротечение как проявление чудодейственной силы святого становится отличительным признаком и других фессалоникских святых: св. Феодоры [18] и св. Матроны [19]. Кроме того, фессалоникские святые нередко фигурируют как в письменных источниках, так и на вещественных памятниках парами: мученик и мученица. Так, в житии св. Димитрия говорится о некой госпоже Евтаксии, считавшейся покровительницей города и помогавшей святому совершать чудеса [20]. На ампуле из Тырново св. Димитрий представлен в паре со св. Феодорой. Таким образом, можно видеть, что защита и покровительство оказываемо было не одним святым, а двумя одновременно: мучеником и мученицей. Ф. И. Успенский видел в таких парах влияние распространенного в Фессалонике древнего культа кабира, многие атрибуты которого перешли затем к св. Димитрию, и рассматривал их как намек на мифологическую двоицу кабиров [21].

На эрмитажной ампуле представлена такая же пара: мученик и мученица. Хотя сохранность предмета не дает возможности прочесть их имена, особенности иконографии их изображений позволяют сделать некоторые выводы. Помимо основного святого Фессалоники — Димитрия, в городе чтились и имели свои мартирии, а позднее посвященные им церкви и монастыри и другие местные святые [22]. Среди мучениц следует назвать Феодору и Матрону, а также трех сестер: Агапию, Хионию и Ирину. Очевидно, одна из них и представлена на эрмитажной ампуле. Это не св. Феодора, изображенная на ампуле из Тырново. Иконографический тип этой святой иной: она закутана в мафорий, скрывающий часть ее лица, и имеет нимб обычного типа. Это и не одна из трех сестер, поскольку непременным атрибутом каждой из них были ковши или миски,

---

[15] *Grabar A.* Quelques reliquaires..., p. 441, 442.

[16] *Иоанн Камениата.* Взятие Фессалоники. (Пер. С. В. Поляковой и И. В. Филенковской).— В сб. Две византийские хроники. М., 1959, с. 160, 215.

[17] Следует отметить существенное различие в истолковании содержимого ампул в IV—VII вв. и в средневизантийское время. Для паломников IV—VII вв. находившийся в ампулах елей не был реликвией, а вместе с ампулой являлся лишь привезенным из святых мест памятным предметом, благословением (ἡ εὐλογία); для паломников же X—XII вв. содержимое ампул символизировало кровь святого и приравнивалось к мощам. (*Grabar A.* Quelques reliquaires..., p. 441.) Существовала и разница в терминах: освященное масло в раннехристианских ампулах называлось τὸ ἔλαιον (елей) — термин, фигурирующий в надписях на ампулах Монци; что касается интересующих нас ампул из Фессалоники, то их содержимое следует называть τὸ μύρον (миро) как производное от основного эпитета святого (μυροβλήτης), выражающего его чудодейственную силу.

[18] *Писарев А.* Ук. соч., с. 47.

[19] *Delehaye H.* Les origines du culte des martyrs. Bruxelles, 1933, p. 230.

[20] *Успенский Ф. И.* О вновь открытых мозаиках в церкви св. Димитрия в Солуни.— Известия Русского археологического института в Константинополе, т. XIV, вып. 1. София, 1909, с. 18.

[21] *Успенский Ф. И.* Ук. соч., с. 24.

[22] *Delehaye H.* Op. cit., p. 229, 230.

форму которых они приняли, чтобы скрыться от преследовавших их язычников [23]. Из перечисленных фессалоникских мучениц наибольшей популярностью в городе пользовалась св. Матрона. С ее именем связывался ряд культовых сооружений. Св. Матроне были посвящены два монастыря: один, находившейся за городской стеной и служивший одновременно крепостью, другой, посвященный также Хионии и Ирине,— в пределах города [24]. В центре Фессалоники, около via Egnatia [25] стояла посвященная св. Матроне церковь, в которой находилась рака (εὐκτῆριον οἶκον) с мощами мученицы (τὸ ἅγιον λείψανον κατέθηκεν) [26]. Изображение св. Матроны имеется в церкви св. Димитрия в Фессалонике [27]. Своеобразно переданный нимб святой на эрмитажной ампуле указывает на то, что представленная на этом предмете мученица вполне могла быть именно св. Матроной. Такой нимб, так называемого геометрического типа, встречается редко и только у святых, бывших до совершения ими христианских подвигов светскими людьми (не монахами) [28]. Именно таким лицом, согласно житию, и была Матрона (ее языческое имя Плаутила) [29] — жена стратопедарха Фессалоники (γυναικὸς στρατοπεδάρχου ἐν τῇ Σαλονικέων πόλει) [30]. Таким образом, связав интересующий нас памятник с Фессаликой, следует признать, что св. Матрона Фессалоникская является наиболее подходящим лицом для отождествления ее с изображением мученицы на эрмитажной ампуле.

На другой стороне исследуемого предмета представлен святой с книгой в руках. Этот персонаж не может быть св. Димитрием, так как последний никогда не изображался с книгой, а только с атрибутами воина либо мученика. Помимо знаменитого патрона города к местным фессалоникским святым относятся также св. Фронтон и святые Феодул и Агатопод (или Агатон) [31]. Какие-либо сведения о культе св. Фронтона отсутствуют, он только упомянут в актах деяний Агапии. Хионии и Ирины. Остаются св. Феодул и св. Агатопод. Первоначальным центром поклонения этим святым было место их казни, находившееся за городской стеной [32]. В XI в. в Фессалонике известна церковь. посвященная св. Феодулу [33]. Характерным атрибутом последнего является именно книга, так как по житию св. Феодул был чтецом священного писания (ἀναγνώστης) [34] во время тайных литургий христиан, которых собирал дьякон Агатопод [35]. Таким образом, оказывается, что из всех фессалоникских мучеников Феодул-чтец — наиболее подходящее лицо для отождествления его со святым с книгой на эрмитажной ампуле [36]. Косвенным подтверждением этому определению является помещенная справа от изображения святого «Δ», так как при размещении в поле медальона имени святого (Θεοδούλος) по буквам оказывается, что «Δ» как раз занимает то место, на котором бы она оказалась, если бы имя сохранилось полностью.

---

[23] *Dunbar A. B. C.* A Dictionary of Saintly Women, vol. I. London, 1904, p. 19—21; vol. II. London, 1905, p. 77.

[24] *Tafrali O.* Topographie de Thessalonique. Paris, 1913, p. 24.

[25] Ibid., p. 189.

[26] *Дмитриевский А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. I. Киев, 1895, с. 61.

[27] *Успенский Ф. И.* Ук. соч., табл. X.

[28] *Collinet-Guérin M.* Histoire du nimbe. Paris, 1961, p. 703, 704.

[29] Lexikon der christlichen Ikonographie (Herausgegeben von W. Braunfels). Bd 7. Rom — Freiburg — Basel — Wien, 1974, S. 587.

[30] *Дмитриевский А.* Ук. соч., с. 61.

[31] *Delehaye H.* Les origines..., p. 229.

[32] Ibidem.

[33] *Кондаков Н. П.* Македония. СПб., 1909, с. 102.

[34] *Дмитриевский А.* Ук. соч., с. 62.

[35] *Сергий.* Полный месяцеслов Востока. М., 1876, с. 87, 97.

[36] Не исключено, однако, что этот образ вобрал в себя черты обоих святых, дьякона Агатопода и чтеца Феодула, поскольку во всех деяниях эти лица всегда выступают вместе. Агатопод, так же как и Феодул, мог изображаться с книгой.

Итак, на исследуемом предмете, вероятнее всего, представлены св. Матрона и св. Феодул, т. е. эта ампула, как и найденная в Тырново — со св. Димитрием и св. Феодорой,— образует определенную группу памятников, изготовлявшихся для нужд посещавших Фессалонику паломников.

Нам известно чрезвычайно мало о бесспорных памятниках прикладного искусства этого центра в X—XII вв. В настоящее время могут быть названы только отдельные уникальные экземпляры[37]. Выделенная группа предметов дает некоторое представление о создававшихся в Фессалонике массовых изделиях. Грубость и некоторая примитивность характера изображений, дешевизна материала указывают на то, что мы как раз имеем дело с предметами, получившими широкое распространение.

V. N. Zalesskaya

A GROUP OF LEAD AMPULLAS FROM THESSALONICA

Summary

The article is devoted to the attribution of a group of lead ampullas with pair pictures of martyrs. The recent finds of such artifacts in Bulgaria marked the production of the ampullas with the pictures of local saints for the pilgrims in Thessalonica in the Xth — XIIth centuries. These finds let the author put up a question about the mass production of such artifacts in the Middle Byzantine period and attribute similar finds from museum collections. For example, the ampulla from the State Hermitage, similar to the one, found in Tyrnovo in 1974 is analysed; depicted on it are popular Thessalonican saints: St. Matrone and St. Theodulos.

---

[37] *Grabar A.* Quelques reliquaires..., p. 435—453; Idem. Un nouveau reliquaire..., p. 455—460; *Банк А. В.* Два памятника мелкой пластики из Фессалоники.— ВВ, XXIX, 1968, с. 265—268.

Заметки

Н. Ф. ЛИСИЦЫН

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ В РАЙОНЕ БАТЕНЕВСКОГО КРЯЖА НА ЕНИСЕЕ

Батеневский кряж, протянувшийся в северо-восточном направлении от горного массива Кузнецкого Алатау, служит естественной границей между тремя крупными впадинами Минусинского межгорного прогиба: Чулымо-Енисейской, Сыдо-Ербинской и Минусинской. Енисей прорезает кряж на стыке трех впадин, и на этом участке долина реки не более 3—4 км шириной. Склоны хребта круто обрываются к воде и только в местах выхода долин небольших речек и логов имеют выположенный характер.

Стоянки каменного века, известные в данном районе, были расположены как на низких I и II надпойменных террасах, так и на склоне высокой, 100-метровой террасы у северного склона Батеневского кряжа при выходе Енисея в древнюю Бейбулукскую долину. В настоящее время между речками Таштык и Карасук (10—11 *км*) известно 10 палеолитических поселений, из которых наиболее исследованы две стоянки в устье р. Таштык [1].

Но в 1974 г. З. А. Абрамова нашла новую палеолитическую стоянку Крутогорское, расположенную у южного склона кряжа. А в 1976—1977 гг. исследовалась стоянка Афанасьева Гора, которая резко выделяется своеобразным геоморфологическим положением и набором каменного инвентаря.

Стоянка Крутогорское находится в 500 *м* к северо-западу от Крутогорского хлебоприемного пункта в небольшой котловине, окруженной с трех сторон отрогами Батеневского кряжа, на правом борту оврага. Гипсометрически поселение приурочено к высоте 40 *м* над бывшим руслом Енисея и связано с относительно пологим склоном (30—35°). В результате размыва покровных отложений водами Красноярского водохранилища на склоне при устье лога сформировалась горизонтальная площадка площадью 20×40 *м*, на которой под обнажением 1,2—1,5 *м* высоты в 1974 и 1976 гг. проводились сборы подъемного материала. Участок ниже по склону, уходящий под воду, не размыт и покрыт дерновым покровом.

С целью привязки подъемного материала к литологическим слоям была сделана зачистка обнажения. Стратиграфия: 1) гумусный слой темного цвета, к низу светлеет, граница неровная — 0—0,4 *м*; 2) супесь бурого цвета, слабокарбонатная — 0,4—1,05 *м*; 3) суглинок красновато-коричневый, карбонатный — 1,05—1,30 *м*; 4) прослойка суглинка светло-коричневого цвета с включениями мелких слабоокатанных галечек — 1,30—1,35 *м*; 5) суглинок коричневого цвета с включениями бурого —

[1] *Сосновский Г. П.* Палеолитические стоянки Северной Азии.— Тр. II Международной конф. АИЧПЕ, вып. V. М.— Л., 1934, с. 262, 263; *Абрамова З. А.* Раскопки палеолитических стоянок на речке Таштык в 1960 г.— КСИА АН СССР, № 92, 1962, с. 65—70.

1,35—2,00 *м*; в нем на глубине 1,6 м прослеживается четкая прослойка чистого серовато-бурого суглинка мощностью 0,03 *м*; 6) ниже слой бурокоричневой глины с линзами грубозернистого песка. Во втором слое на глубине 0,75 *м* от поверхности найден отщеп зеленого кремнистого сланца. Вероятно, культурный горизонт связан с этим слоем.

На стоянке собрано 106 осколков и обломков галек, 342 отщепа, 66 крупных пластин, представленных преимущественно в обломках, 36 микроотщепов, 2 ретушера, 9 галечных орудий или галек в начальной стадии обработки, 6 скребел (2 обломка), 4 обломка орудий (?). Скребла изготовлены из массивных отщепов и имеют выпуклый рабочий край, обработанный ретушью со стороны спинки. Интересна группа из шести концевых скребков на отщепах. Четыре скребка имеют широкое выпуклое лезвие и суженное основание (рис. 1, *1, 6*), один скребок изготовлен на широком плоском отщепе из коричневой яшмовидной породы (рис. 1, *8*), другой — на первичном отщепе зеленого кремнистого сланца (рис. 1, *2*).

В коллекции имеется остроконечник, изготовленный из массивной, трехгранной в сечении пластины зеленого кремнистого сланца. Острие и боковые грани орудия ретушированы со стороны спинки (рис. 1, *5*). Кроме того, найден обломок заготовки остроконечника из аналогичного сырья (рис. 1, *9*). Ножи представлены обломком и целым изделием из зеленого кремнистого сланца. Слегка выпуклое лезвие орудия обработано мелкими фасетками, кончик ножа заострен, обушок сохраняет галечную поверхность (рис. 1, *4*).

Нуклеусы представлены значительной серией (11 экз. целых и 10 обломков). По типу заготовки и способу раскалывания они распадаются на две группы. К первой, состоящей из пяти изделий, относятся крупные удлиненные гальки с подготовленной ударной площадкой. Скалывание производилось с одной или двух широких плоскостей (рис. 1, 7). Имеется двуплощадочный односторонний нуклеус (рис. 1, *10*). Вторую группу составляют шесть типичных клиновидных нуклеусов. Для них характерны прямые гладкие ударные площадки, оформленное лезвие скребка с одной или двух плоскостей, снятие микропластинок с одного торца (рис. 1, *3, 11*). Обломки нуклеусов представляют собой неудачные заготовки первой группы и имеют одну-две ударные площадки.

Вызывает удивление незначительное количество микропластин и крупных пластин с ретушью (4 экз.). Основными заготовками служили пластинчатые отщепы, снятые с крупных галечных нуклеусов. Присутствие в коллекции скребел с односторонней обработкой, серии клиновидных и грубопризматических нуклеусов, остроконечника кокоревского типа позволяет отнести каменный инвентарь стоянки Крутогорское к кокоревской палеолитической культуре. В то же время наличие концевых скребков на пластинчатых отщепах, преобладание в пластинчатой индустрии четко выраженных симметричных форм, неустойчивая форма клиновидных нуклеусов (появление разных подтипов) позволяют датировать стоянку финалом верхнего палеолита. Этой дате не противоречит и вероятное залегание культурного горизонта стоянки в верхней части четвертичных покровных образований.

Вторая стоянка расположена в 13 *км* от пос. Первомайское на одном из отрогов Батеневского кряжа — Афанасьевой Горе, круто обрывающейся в сторону долины Енисея. Древнее поселение находится на северо-западном склоне горы. На этом участке склон образует относительно ровную горизонтальную площадку-уступ, которая появилась вследствие заполнения небольшого скального углубления делювиальными отложениями. Площадка со стороны Енисея ограничена 40-метровым обрывом, с северо-западной стороны — крутыми откосами широкого и длинного оврага, по дну которого протекает р. Вершинная. Сверху над площадкой нависают скальные склоны горы.

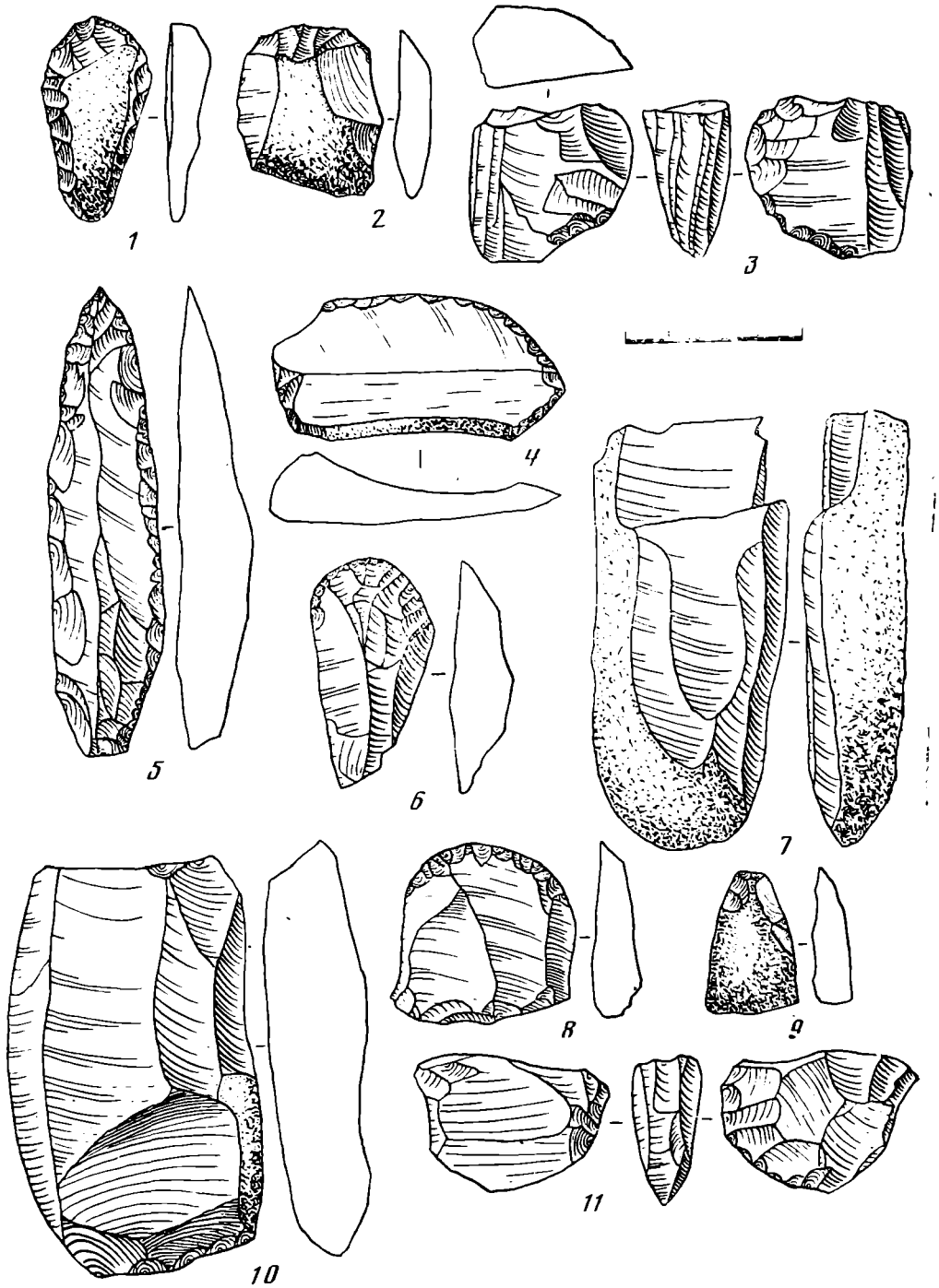


Рис. 1. Крутогорское. *1—2, 6, 8* — скребки; *3, 11* — клиновидные нуклеусы; *4* — нож на отщепе; *5* — остроконечник; *9* — обломок остроконечника; *7, 10* — нуклеусы

Подъемный материал концентрировался на участке 30×30 *м*. С целью выяснения стратиграфического положения каменных изделий был заложен разведочный раскоп (12 $м^2$) и произведена зачистка обнажения вдоль всей площади стоянки. Для центральной части обнажения прослежена следующая стратиграфия: 1) дерн и гумус — 0,0—0,45 *м*; 2) светло-серая легкая супесь с включением мелкого щебня — 0,45—1,12 *м*; 3) легкий светло-серый суглинок с включением мелкого щебня —1, 12—1,35 *м*; 4) красно-бурая глина с включением щебня и плиток песчаника, встречаются линзы крупнозернистого песка — 1,35—1,5 *м*; 5) светло-ко-

ричневая глина с включением щебня и значительными прослоями крупного красноватого песка. Залегает линзами среди больших глыб красного песчаника — 1,5 *м*. Видимая мощность 1,5—2,0 *м*.

В западной части стоянки каменные изделия прослежены на глубине 0,85 *м* от поверхности, в верхней части слоя красно-бурой глины. Отдельные отщепы лежали на плитках песчаника или в щебнисто-глинистом заполнении между ними. В восточном (к западине) направлении по мере замещения слоя красно-бурой глины суглинком каменный инвентарь встречался как на контакте этих двух слоев, так затем и в суглинке на глубине 1,05—1,10 *м*. Незначительная мощность культурного горизонта и его расположение в раскопе свидетельствуют об однослойности исследуемого памятника, т. е. здесь, как и на других памятниках, расположенных на высоких гипсометрических отметках, выявляется кратковременность заселения данного участка местности.

Подъемный материал и изделия из раскопа составляют однородный комплекс. В коллекции имеется 689 отщепов, 507 небольших пластинок и микропластинок (102 с ретушью), 534 микроотщепа и чешуйки, 103 осколка и обломка галек, 4 галечных орудия или галек в начальной стадии обработки, 27 нуклеусов. Орудия, за исключением микроскребков, изготовлены на пластинах. Особо следует выделить большую серию ретушированных пластинок-вкладышей, основная часть которых имеет размеры 1×(2—3) *см*. Ретушь на пластинках нанесена на одной стороне со спинки, и, кроме того, часто бывает фасетирован верхний конец, который имеет слабо скошенный край (рис. 2, *1—11*). Кроме пластин-вкладышей найдены четыре пластинки с ретушированными выемками (рис. 2, *26—29*).

Скребки изготовлены на небольших отщепах и имеют выпуклый рабочий край (рис. 2, *13, 15, 16*). На двух изделиях лезвие фасетировано со стороны спинки, имеющей галечную корку (рис. 2, *12, 14*).

Интересна группа резцов (10 экз.), так как данный тип орудий встречается очень редко и в единичных экземплярах в палеолите Енисея. В коллекции преобладают срединные резцы (рис. 2, *17, 20, 24, 25*), но есть и угловые (рис. 2, *22, 23, 30*). Проколка найдена всего одна. Она изготовлена из коричневой трехгранной в сечении пластины, вытянутое жальце оформлено тщательной ретушью со стороны спинки (рис. 2, *21*),

Среди галечных орудий наиболее выразительны два изделия из галек зеленого и серого кремнистого сланца. Серией небольших параллельных сколов, направленных под углом к длинной оси гальки, на одном из концов заготовки сформировано слегка выпуклое лезвие. Основание удобно для держания орудия в руке и сохраняет галечную корку.

Особенностью группы нуклеусов являются небольшие их размеры, определяемые величиной галек кремнистого сланца. Характерной чертой данного типа изделий является наличие двух скошенных ударных площадок и скалывание пластин и пластинчатых отщепов с одной широкой плоскости гальки. На значительной части гальки сохраняется естественная поверхность (рис. 3, *1—5, 9*). Есть один нуклеус с прямой и скошенной ударными площадками (рис. 3, *6*). Кроме этой, самой многочисленной группы ядрищ имеются два нуклеуса с одной прямой ударной площадкой. Два нуклеуса использованы до предела, и у них в результате скалывания полностью выработана ударная площадка; по форме они напоминают большой срединный резец (рис. 3, *7*). Кроме того, в коллекции имеется использованный двуплощадочный нуклеус, который затем обработан небольшими сколами от краев к центру с двух широких плоскостей по всему периметру и превращен в дисковидное орудие с зигзагообразным рабочим краем (рис. 3, *8*).

Своеобразный облик каменного инвентаря стоянки Афанасьева Гора резко выделяется среди изученных комплексов палеолитических стоянок Хакасско-Минусинской впадины, включая стоянку Крутогорское, распо-

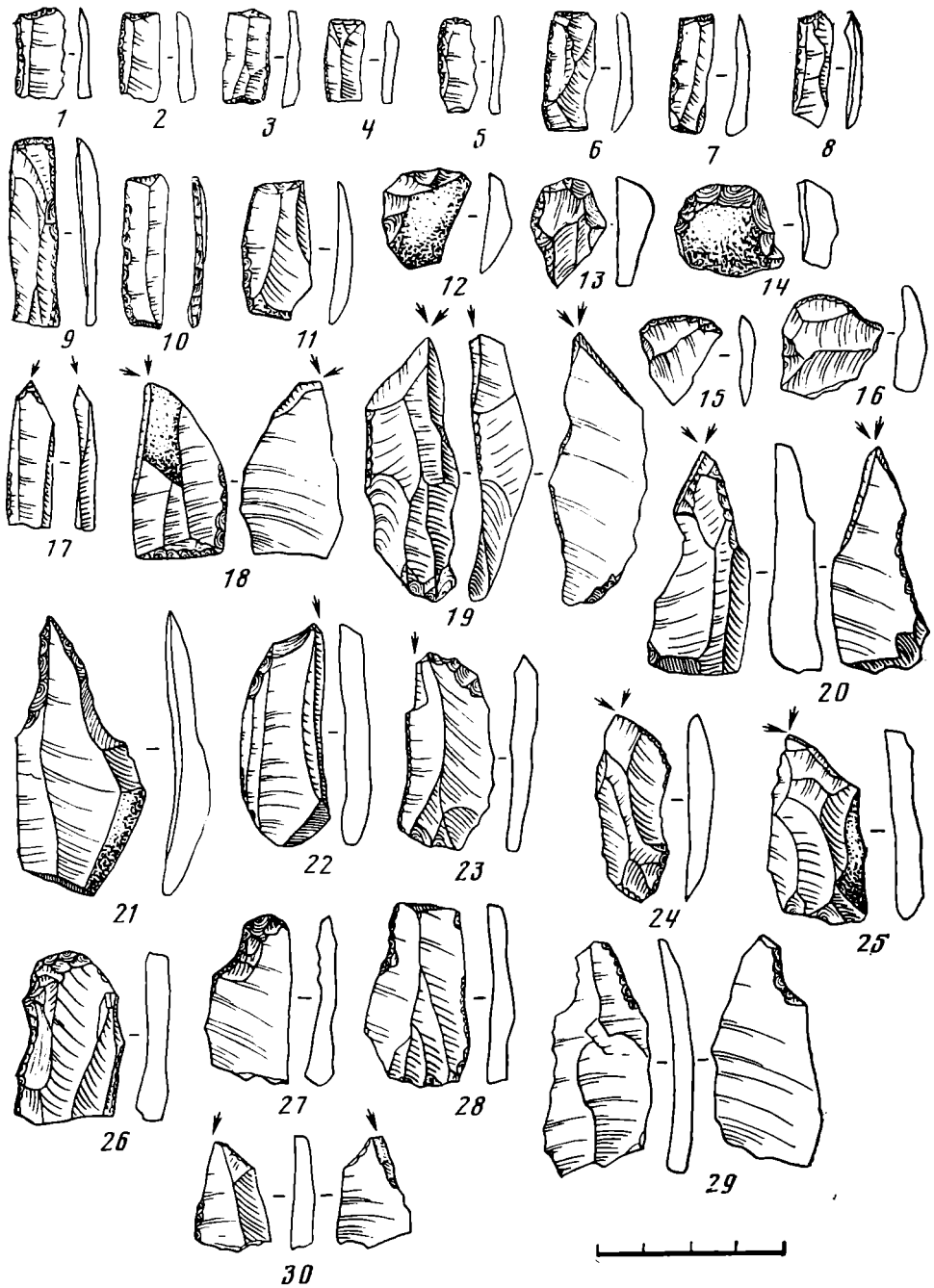


Рис. 2. Афанасьева Гора. *1—11* — пластинки с ретушью; *12—16* — скребки; *17—20*, *22—25*, *30* — резцы; *21* — проколка; *26—29* — пластины с выемкой

ложенную в близких геоморфологических условиях. Здесь нет скребел, клиновидных и крупных галечных нуклеусов, остроконечников, ножей, скребки отличаются по форме и по размерам. В отличие от инвентаря со стоянки Крутогорское здесь широко представлены ретушированные пластины, пластины с выемкой и серия резцов.

Сравнение стратиграфического залегания культурных горизонтов стоянок Крутогорское и Афанасьева Гора свидетельствует в пользу большей древности второй стоянки. Дополнительным косвенным доказательством древности комплекса Афанасьевой Горы может служить находка скопления бедренных и тазовых костей мамонта на разрушенном участке

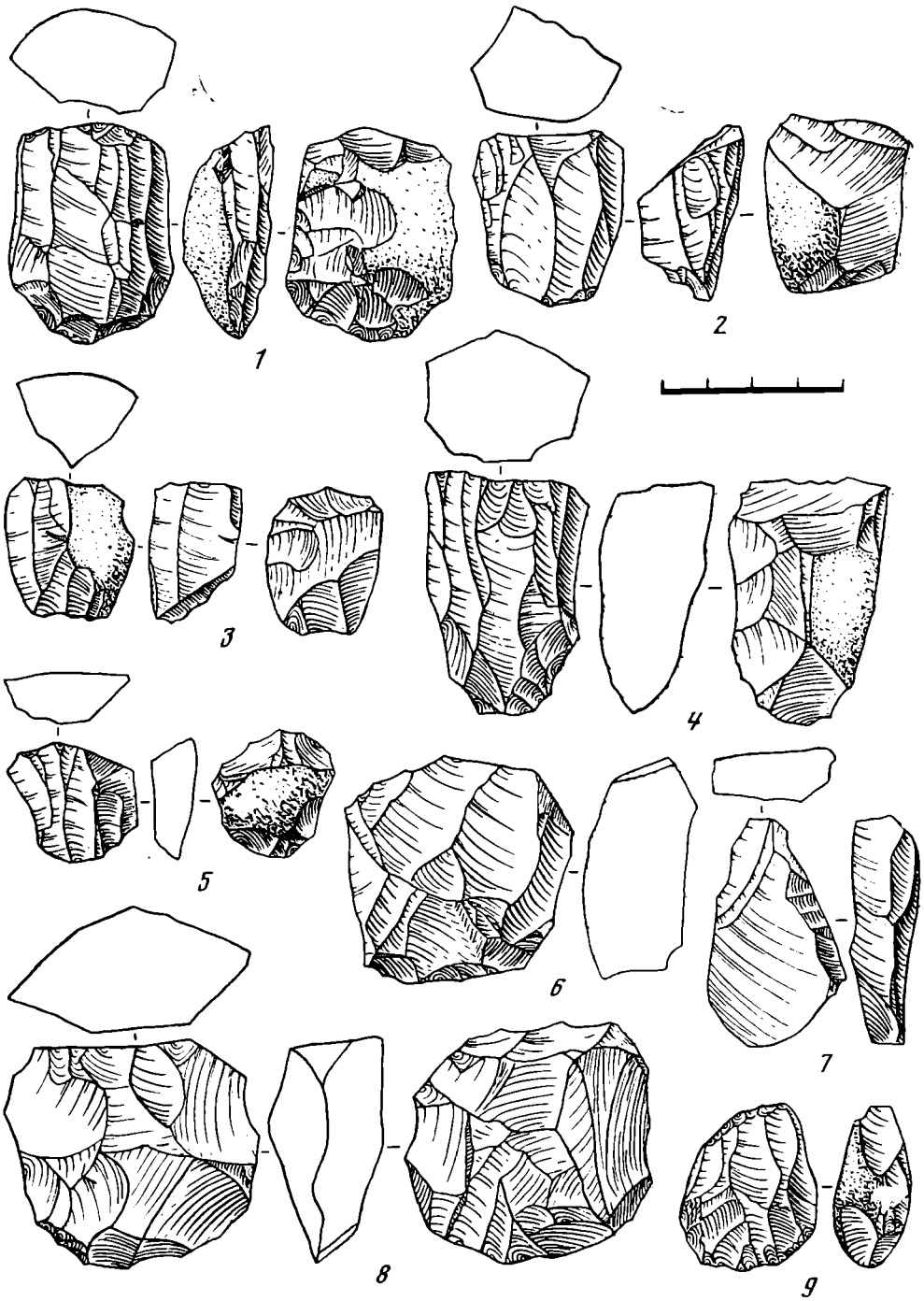


Рис. 3. Афанасьева Гора. *1—9* — нуклеусы

стоянки, хотя нет достаточно твердой уверенности в принадлежности данной фауны к культурному слою. По типологическим показателям комплекс изделий Афанасьевой Горы близок материалу со стоянки Тарачиха[2] и может быть ориентировочно датирован в диапазоне 20—15 тыс. лет назад. Обе стоянки являются самыми древними поселениями эпохи верхнего палеолита долины Енисея в пределах Хакасско-Минусинской котловины. Резкое отличие данных стоянок от афонтовской и кокоревской культур Среднего Енисея позволяет говорить о иной их культурно-

[2] *Абрамова З. А.* Исследование палеолита на Енисее. АО-1974. М., 1975, с. 184.

исторической принадлежности и выделить на этой территории вариант мальтинско-буретьской культуры [3].

Стоянка Крутогорское относится к финалу позднего палеолита и, сохраняя в своем инвентаре элементы кокоревской палеолитической культуры, включает новые элементы послепалеолитического облика.

[3] *Абрамова З. А.* Археологические культуры в верхнем палеолите Северной Азии и южносибирская культурная область.— В сб.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 24—26.

Ю. П. ЧЕМЯКИН

НОВЫЙ МОГИЛЬНИК В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ

Летом 1973—1974 гг. под руководством автора производились раскопки городища раннего железного века Барсов городок I/6, расположенного в урочище Барсова гора, в 40 *км* к западу от г. Сургута Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области [1]. В ходе раскопок под слоем городища были обнаружены погребения, относящиеся к более раннему времени.

Могильник, получивший название Барсов городок 2, находится на самом высоком — 28 *м* — участке берега протоки Утоплой (правый коренной берег р. Оби — рис. 1, *а*). Площадка, на которой найдены погребения, впоследствии неоднократно посещалась людьми. В I тысячелетии до н. э. здесь возникло городище, а во второй четверти II тысячелетия н. э.— святилище, просуществовавшее, возможно, до XIX в. В настоящее время это место покрыто густыми зарослями кустарника и смешанным лесом.

За два года раскопок была вскрыта площадь 197 $м^2$, на которой обнаружены три могильные ямы. Над всеми погребениями залегал непотревоженный слой городища.

Погребение 1 (рис. 1, *б*). Могильная яма зафиксирована на уровне 95 *см* от поверхности. Она имела неправильно овальную форму, ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Стенки ямы покатые, дно плоское. Размеры ее 205×70 *см*, глубина 35 *см* от уровня погребенной почвы. Яма заполнена слоем охры мощностью до 30 *см*. На дне ее вдоль северо-западной стороны зафиксированы спекшиеся скопления обожженных костей человека. Самое крупное из них находилось в юго-западном конце ямы. В нем был найден сломанный наконечник стрелы из камня. Еще два скопления костей обнаружены в северо-восточном конце ямы, среди них были фрагменты черепа. Вдоль юго-восточной стороны ямы лежали фрагменты двух раздавленных сосудов. Между ними найдены каменный отщеп и черепок еще от одного сосуда. В северо-восточной половине ямы параллельно ее боковым сторонам лежали полуобгоревшие плахи шириной до 10—12 *см*. Фрагменты керамики залегали как под ними, так и на них. В центре погребения отмечены угольки. У юго-западного конца ямы за ее пределами лежал крупный камень. Судя по расположению костей в могиле, а также по небольшому количеству углей, сожжение умершего производилось на стороне.

К погребениям 2 и 3 нами отнесены ямы, конструкции и размеры которых аналогичны погр. 1. В заполнении их также встречены охра, угли. Однако в этих ямах не обнаружено ни остатков умерших, ни погребального инвентаря.

Очертания могильной ямы 2 зафиксированы на уровне 70 *см* (60 *см* от поверхности). Яма имела овальную форму, ориентирована по линии Б—З. Стенки ее покатые, дно плоское. Размеры 210×90 *см*, глубина

[1] Городище открыто в 1972 г. сотрудником Уральской археологической экспедиции В. М. Морозовым.

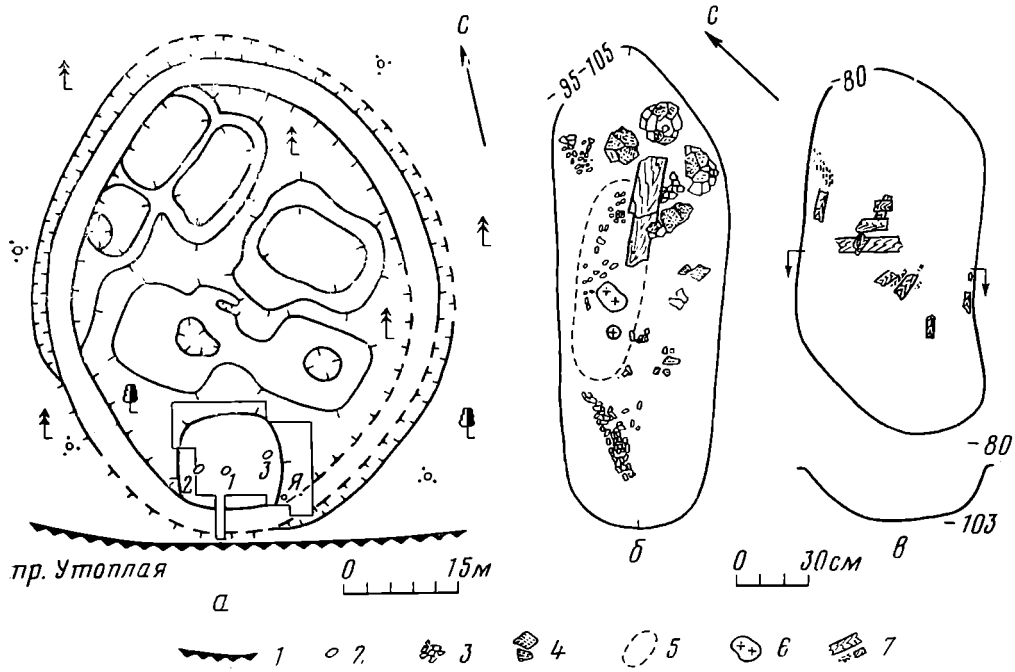


Рис. 1. *а* — план городища Барсов городок I/6; *б* — погр. 1; *в* — погр. 3. Условные обозначения: *1* — обрыв; *2* — могильные ямы; *3* — скопление костей; *4* — керамика; *5* — границы интенсивного прокала; *6* — скопление углей; *7* — дерево (плаха)

20—25 *см* от уровня погребенной почвы. Заполнение ямы — красная охра мощностью до 25 *см*.

Очертания могильной ямы 3 (рис. 1, *в*) зафиксированы на уровне 80 *см* (50 *см* от поверхности). Яма имела форму, напоминавшую параллелограмм, и была ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Стенки ее покатые, дно плоское. Размеры 150×75 *см*, глубина до 23 *см* от уровня пола жилища раннего железного века (около 30 *см* от уровня погребенной почвы). Заполнение ямы — красная охра мощностью до 20—23 *см*. На дне ее вдоль длинных сторон, а также в центре лежали куски сгоревшего дерева, угольки.

Кроме погребений в раскопе обнаружена еще одна яма, содержавшая охру, но отличавшаяся от них конструкцией. Зафиксированная на глубине 100 *см*, своим восточным концом она уходила под дерево. Размеры вскрытой части 1×0,65 *м*, глубина от уровня фиксации 10—15 *см*. Заполнение — коричневая супесь. В северо-восточном углу ее находилась небольшая западина овальной формы размерами 43×28 *см* и глубиной 4 *см*, заполненная охрой и угольками. Еще одно углубление длиной более 40 *см* и шириной 35 *см* зафиксировано в юго-западной половине ямы. Оно имело очень неровное дно, глубину до 12 *см* и тоже было заполнено охрой. Судя по заполнению охрой, а также по перекрывающему ее слою городища, яма может быть одновременна погребениям.

Погребальный обряд могильника, судя по изученным захоронениям, можно реконструировать следующим образом. Для погребения вырывались неглубокие (30—50 *см*) ямы, ориентированные по линии СВ—ЮЗ или В—З. Длина их 1,5—2 *м*, ширина 0,7—0,9 *м*. После кремации на стороне останки умершего ссыпались в яму. В погр. 1 полуобгоревшие кости черепа находились в северо-восточном конце могилы. В могилу помещали, очевидно, испорченные вещи и сосуды[2]. На дне ее разводили небольшой костер, после чего засыпали охрой. Возможно, над ямой соору-

[2] *Матющенко В. И.* Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (верхнеобская неолитическая культура).— ИИС, вып. 9, 1973, с. 88.

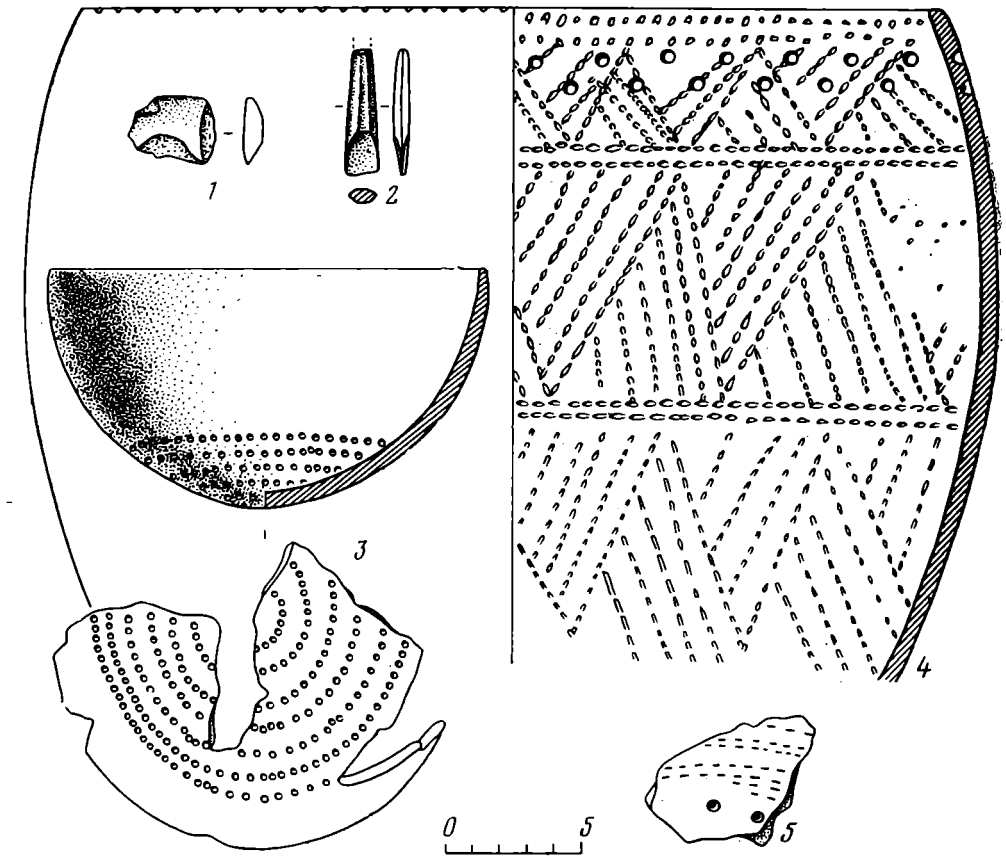


Рис. 2. Вещи из погр. 1 (*1* — каменный краевой скол; *2* — сланцевый наконечник стрелы; *3* — фрагмент сосуда и его реконструкция; *4*, *5* — фрагменты сосудов)

жалось перекрытие, которое перед засыпкой поджигалось. Вероятно, существовал и другой обряд, при котором в могильные ямы ничего не клали (могилы 2 и 3).

Материал, обнаруженный в могильнике, происходит из погр. 1 и состоит из фрагментов трех сосудов, отщепа и наконечника стрелы. Два сосуда представлены значительным числом фрагментов и хорошо восстанавливаются графически.

Первый сосуд (рис. 2, *4*) имел полуяйцевидную форму с закрытым верхом и, вероятно, округлым или округло-приостренным дном. Диаметр по венчику достигал 32 *см*, наибольший диаметр по тулову — 36 *см* — находился в верхней трети сосуда. Венчик округлый, без утолщения с внутренней стороны. Стенки довольно тонкие (6—7 *мм*), хорошо обожженные. Снаружи сосуд тщательно заглажен мягким предметом, на внутренней стороне заметны следы от заглаживания щепой или пучком травы. В глиняном тесте примесь шамота и дресвы. Вся поверхность сосуда покрыта орнаментом. Венчик с внутренней стороны украшен вдавлениями палочки. По верху сосуда проходит поясок из двух рядов неглубоких наколов, под которыми расположены широкие ряды взаимопроникающих треугольников, разделенные горизонтальными поясками. Узоры нанесены в технике отступающей палочки.

Второй сосуд (рис. 2, *3*) — чашевидной формы, с открытым верхом и округлым дном. Диаметр по венчику 16 *см*, высота 9 *см*. Венчик округлый. Стенки тонкие — от 3 *мм* вверху до 6 *мм* в придонной части. С обеих сторон сосуд заглажен мягким предметом. В глиняном тесте примесь шамота. Орнамент начинается в нижней половине сосуда и идет до дна. Узор представляет собой горизонтальные концентрические линии, выполненные отдельными наколами тупой палочки.

Третий сосуд (рис. 2, *5*) представлен одним фрагментом стенки. Толщина его 6 *мм*, в глиняном тесте примесь шамота. Орнамент состоит из горизонтальных рядов слабых пунктирных вдавлений; в нижней части его сохранились две конические ямки.

Каменный шлифованный наконечник стрелы изготовлен из серой сланцевой породы (рис. 2, *2*). Он имел шестигранное сечение. Длина сохранившейся части 4,5 *см*, ширина у основания 1,2 *см*. Острие наконечника обломано. У основания с обеих сторон сняты грубые сколы (возможно, они возникли в результате удара стрелы о твердую поверхность). Другим каменным предметом, найденным в могиле, был грубый краевой скол из зеленоватой окремненной сланцевой породы (рис. 2, *1*).

Керамика, найденная в погр. 1, различается и формой, и элементами узора, и техникой орнаментации. Посуда, аналогичная сосуду № 1, бытует на территории Урала и Западной Сибири на протяжении почти всего неолита [3]. Но исчезновение утолщения с внутренней стороны венчика и появление пояска из глубоких ямочных вдавлений под краем сосуда ряд авторов относят к третьему (сосновоостровскому) этапу, широкое же распространение эти явления получают на четвертом (липчинском) этапе [4]. Характер техники орнаментации — «отступающая палочка» с редкими нажимами, местами переходящая в отдельные наколы, также свидетельствует о позднем времени. К поздним же чертам, очевидно, следует отнести наличие неорнаментированной зоны и неглубокие ямочные наколы на сосуде № 2. Целый ряд признаков: профилировка сосудов, техника орнаментации, отсутствие в орнаментации гребенчатого штампа, разреженность узора, наличие свободных зон, насечки по краю венчика — сближает сургутские сосуды с зауральской керамикой кошкинского и боборыкинского типов (поздний неолит — энеолит) [5]. Общие признаки есть и с сосудами из Самусьского могильника. Последние также отличаются большим разнообразием, что, по мнению М. Ф. Косарева, отражает, с одной стороны, тот сложный период, когда совершался переход от каменного века к эпохе металла, а с другой — разнородный характер влияний [6]. На Барсовой горе близкая керамика обнаружена в раннем слое городища Барсов городок 1/2 [7].

Шлифованные наконечники стрел в Зауралье встречаются нередко. Они найдены на стоянках Полуденка 1 [8], Береговая 1 и Береговая 2, Калмацкий Брод [9], Евстюниха 1, Тимина пашня [10] и мн. др. Они отличаются разнообразием форм и в большинстве своем имеют ромбическое или линзовидное сечение. Датируются подобные наконечники от развитого неолита до эпохи финальной бронзы. Аналогичный сургутскому шестигранный наконечник стрелы происходит с многослойной стоянки Юрьино IV, материал которой относится к эпохам от раннего неолита до позднего железа [11].

---

[3] *Чернецов В. Н.* К вопросу о сложении уральского неолита.— В сб. История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 47, 48; *Бадер О. Н.* Уральский неолит.— МИА, № 166, 1970, с. 159—163.

[4] *Бадер О. Н.* Ук. соч., с. 163.

[5] *Крижевская Л. Я.* Некоторые данные о неолите и ранней бронзе западносибирского лесостепья.— В сб. Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 155—157; *Ковалева В. Т., Варанкин Н. В.* К вопросу о происхождении боборыкинской культуры.— ВАП. Тюмень, 1976, с. 22, 26—29.

[6] *Косарев М. Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974, с. 47.

[7] *Чемякин Ю. П.* Городище Барсов городок 1/2 близ г. Сургута.— В сб. Материалы третьей отчетной научно-методической конференции Омского университета. Омск, 1977, с. 180, 181.

[8] *Бадер О. Н.* Новые раскопки близ Тагила в 1944 г.— КСИИМК, вып. XVI, 1947, с. 142, рис. 50, *12*.

[9] *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы.— Тр. ГИМ, вып. 29, 1956, с. 30, 35, 41, рис. 11, *6*; 14, *3*; 17, *5*.

[10] Хранятся в НТКМ.

[11] *Сериков Ю. Б., Арефьев В. А.* Работы на территории лесного Зауралья.— АО-1973. М., 1974, с. 174.

Среди известных на Урале и в Западной Сибири погребений неолитического и энеолитического времени обряд трупосожжения встречается редко. Полное трупосожжение было зафиксировано в Самусьском, Томском[12] и, возможно, Козловоперейминском II[13] могильниках. Следы огня отмечены также в могильнике на Старом мусульманском кладбище[14] и в погребении в Усть-Катавской II пещере[15]. Только в трех могильниках среди вещей, бесспорно, найдены сосуды: в Самусьском, Томском и на Старом мусульманском кладбище. В шести погребениях Самусьского могильника присутствовала охра, а его погр. 1, судя по описанию, аналогично погребениям без вещей (№ 2, 3) могильника Барсов городок 2. Таким образом, по погребальному обряду исследованный нами могильник близок могильникам бассейна р. Томи. Среди последних наиболее ранним является Самусьский. Сосуды из него, как и из могильника Барсов городок 2, преимущественно круглодонные и остродонные, в то время как все сосуды из Томского могильника и со Старого мусульманского кладбища плоскодонны. Существуют две точки зрения на хронологию Самусьского могильника. Согласно первой, могильник оставлен неолитическим населением[16], согласно второй — это энеолитический памятник[17]. Последнее мнение нам кажется более правильным. Что касается абсолютной датировки могильника, то здесь исследователи более единодушны, относя его к концу III — началу II тысячелетия до н. э.[18]

Таким образом, учитывая аналогии керамическому материалу и погребальному обряду, наиболее вероятно, что могильник Барсов городок 2 относится к эпохе энеолита. Однако необходимо отметить, что в Сургутском Приобье почти неизвестны памятники этого периода. Новые открытия помогут точнее определить время существования могильника и его культурную принадлежность.

[12] *Матющенко В. И.* Ук. соч., с. 84.
[13] *Бадер О. Н.* Уральский неолит, с. 164.
[14] *Матющенко В. И.* Ук. соч., с. 83.
[15] *Бибиков С. Н.* Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала.— СА, XIII, 1950, с. 114.
[16] *Матющенко В. И.* Ук. соч., с. 97—109; *Максименков Г. А.* Критика некоторых современных представлений о неолите Западной Сибири.— ИЛАИ, вып. 1. Кемерово, 1967, с. 140, 144, 145.
[17] *Косарев М. Ф.* Ук. соч., с. 47—50.
[18] *Матющенко В. И.* Ук. соч., с. 109; *Косарев М. Ф.* Ук. соч., с. 47—50.

С. И. ТАТАРИНОВ

ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНЫЙ ГОРН БОНДАРИХИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Общеизвестно, что территорией расселения племен бондарихинской культуры в X—VIII вв. до н. э. были глубинные районы Лесостепи[1]. Однако в последние годы памятники бондарихинской культуры открыты на юге Харьковской и севере Донецкой областей (по р. Донец у сел Дроновка Артемовского р-на[2], Ильичевка Краснолиманского р-на)[3]. В какой-то мере самые южные памятники этой культуры выходят в степь и приближаются к древним медным рудникам в Донбассе[4].

Известно также, что бондарихинская культура для территории среднего и части нижнего течений р. Донец завершает эпоху бронзы и зна-

[1] *Шрамко Б. А.* Древности Северного Донца. Харьков, 1962; *Ильинская В. А.* Может ли Бельское городище быть городом Гелоном.— В сб.: Скифы и сарматы, Киев, 1976, с. 83.
[2] *Копыл А. Г., Татаринов С. И.* Работы Артемовского отряда.— АО — 1975. М., 1976, с. 341; *они же.* Работы в Харьковской и Донецкой областях.— АО — 1974. М., 1975, с. 357, 358.
[3] *Шаповалов Т. А.* Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце.— В сб.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, с. 167, 168.
[4] *Татаринов С. И., Шепитько А. А.* Новые данные о древних медных рудниках в Донбассе.— АО — 1976, М., 1977, с. 378.

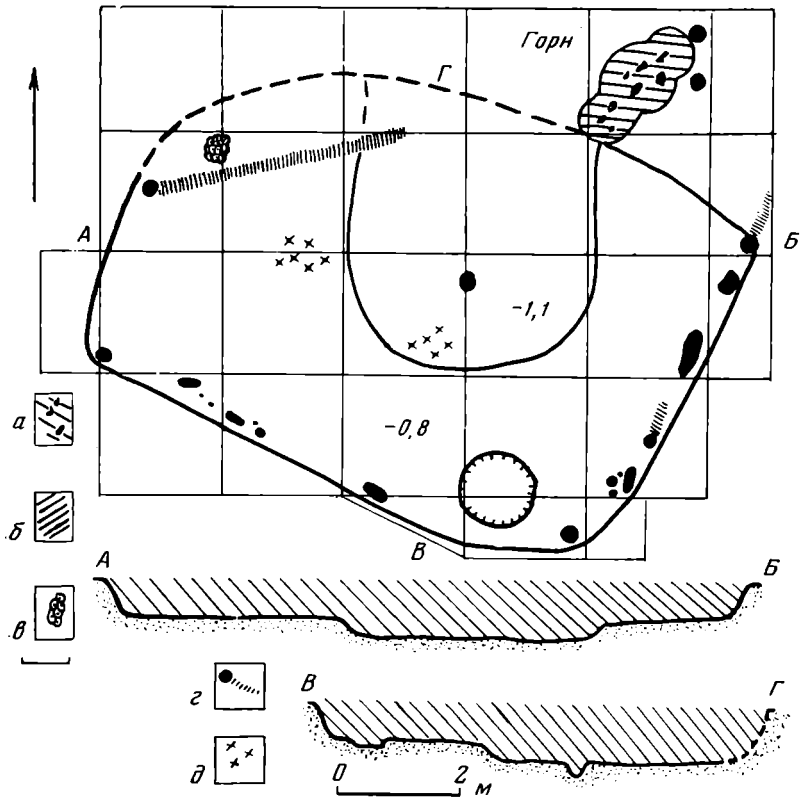


Рис. 1. План жилища № 9 на поселении Лиманское озеро: *а* — золисто-углистое заполнение горна; *б* — темно-коричневый песок; *в* — очаг из глины; *г* — сгоревшие столбы; *д* — скопления керамики и развалы горшков

менует начало раннего железного века, о чем свидетельствует появление железных изделий — ножей и шильев [5] — наряду с бронзовыми. По мнению Б. А. Шрамко, «местная культура скифского времени... формируется вследствие сложного взаимодействия двух основных этнокультурных массивов — бондарихинского и местного позднесрубного» [6]. Поэтому каждая находка, связанная с металлургией железа в бондарихинское время, интересна и служит прежде всего пониманию уровня развития производительных сил этого важного в истории периода.

В 1977 г. на поселении «Лиманское озеро», расположенном в 1,5 *км* западнее с. Дроновка Артемовского р-на Донецкой обл. [7] на левом берегу р. Донец, в раскопе 5-А открыты остатки землянки (№ 9), хозяйственной постройки (№ 6) бондарихинской культуры, к которым примыкал железоплавильный горн. Раскоп 5-А расположен на северо-западной окраине поселения. Жилище 9 размером 9,8×7 *м* подпрямоугольной конфигурации (рис. 1) длинной осью было ориентировано на запад (под углом к озеру), углублено в материковый песок на 0,4—0,6 *м* (от дневной поверхности 1—1,1 *м*). Хорошо прослеживались северо-восточная, южная и юго-восточная стенки, вдоль которых имелись следы от сгоревших и рухнувших столбов и дерева в виде длинных углистых пятен шириной местами до 0,4 *м*. Северный угол и часть северо-восточного края жилища

[5] *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Автореф. докт. дис. Киев, 1977, с. 15, 29.

[6] *Шрамко Б. А.* Происхождение племен раннего железного века на территории лесостепного Левобережья Украины.— В кн.: Питання історії народів СРСР, № 14. Харьков, 1972, с. 156.

[7] Поселение исследуется экспедицией под руководством автора с 1975 г., вскрыта площадь до 1100 *м*². Памятник многослойный. Получены материалы, относящиеся к различным хронологическим горизонтам — от эпохи неолита до раннего средневековья.

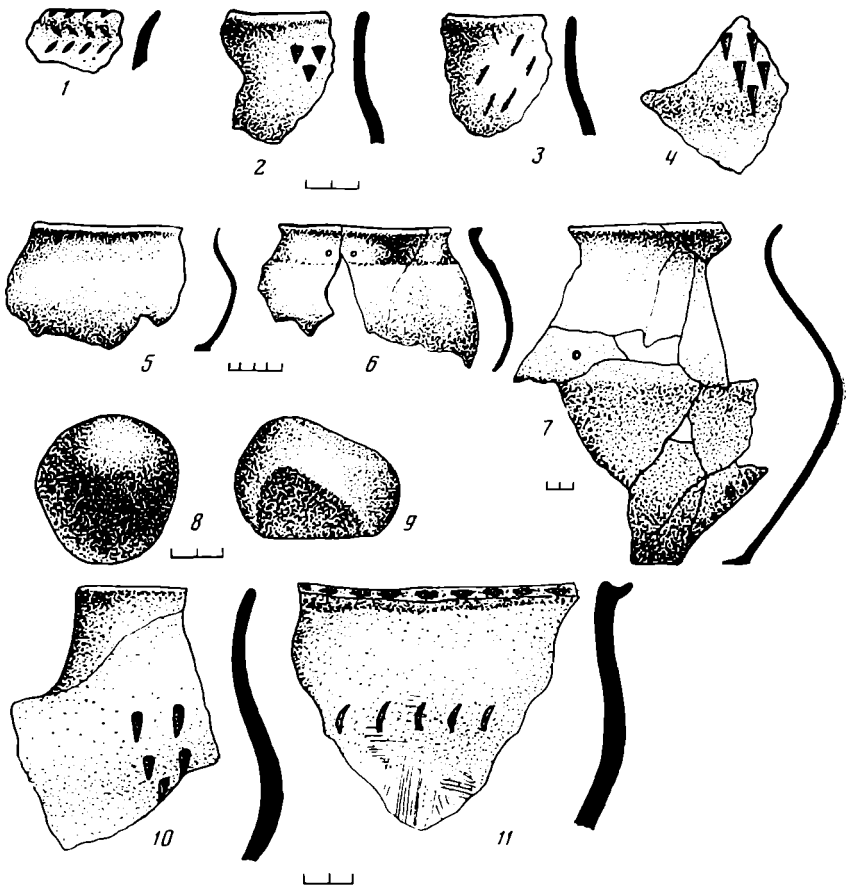


Рис. 2. Керамика бондарихинской культуры (*1—7*, *10*, *11*) и изделия из камня (*8*, *9*) с поселения Лиманское озеро

были подвержены деструкции, прослеживались плохо. В центре жилища имелось округлое, диаметром до 2,5 *м*, углубление с развалами сосудов по краям и столбом в центре. Стенные столбы располагались вдоль восточной, южной и западной стен жилища. Крыша, видимо двухскатная, удерживалась на трех мощных столбах, врытых по центру жилища с востока на запад. Очаг размером 0,6×0,6 *м* в виде скопления золы над слоем глиняных обожженных вальков располагался в западной части жилища. У юго-восточного угла жилища имелась хозяйственная яма диаметром до 1,2 *м* и глубиной 0,25 *м*.

В заполнении жилища 9 найдено 14 венчиков бондарихинских горшков, толщина их стенок 0,2—0,4 *см*, поверхность гладкая, тесто плотное с примесью песка, обжиг сильный, цвет серо-желтый. Один фрагмент венчика кувшинообразного горшка орнаментирован типичными пирамидками из оттисков косопоставленной (рис. 2, *2*) палочки. Из развалов почти полностью реконструируется три сосуда: типично бондарихинский стройный кувшинообразный горшок со стянутым горлом, оранжево-серого цвета, поверхность с расчесами и заглаживанием (рис. 2, *7*); кубковидные лощеные тонкостенные горшки желтого и коричневого цвета (рис. 2, *5*, *6*), на одном имеется уступ, высота горшков 12 и 18 *см*.

Кроме того, на дне жилища найдены железные шлаки, обломки плитчатого кремня со следами оббивки, видимо, служившего для изготовления бондарихинских серпов, кварцитовый терочник и круглое песчаниковое «ядро» для пращи (?) (рис. 2, *8*, *9*).

Незначительность культурных остатков в жилище свидетельствует в пользу того, что оно существовало недолго, возможно меньше года, и уничтожено пожаром.

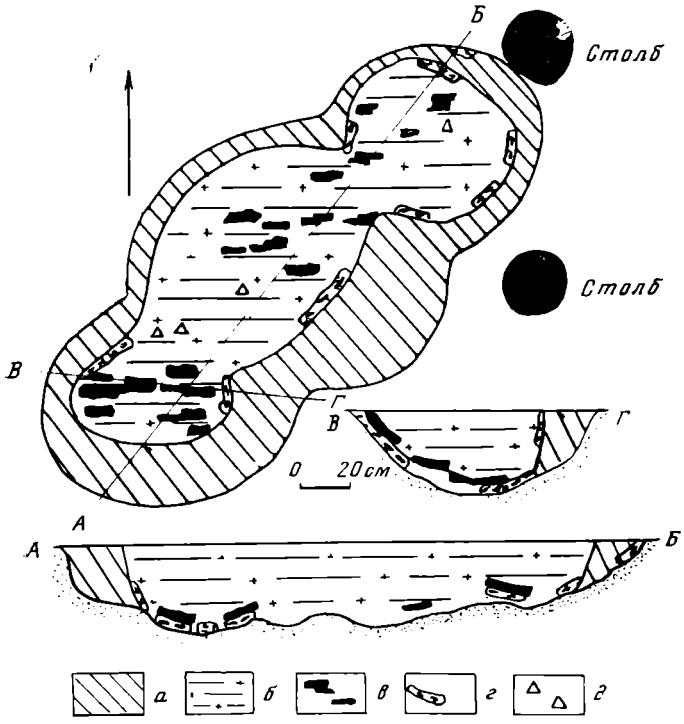


Рис. 3. План и разрезы железоплавильного горна с поселения Лиманское озеро: *а* — темно-коричневый песок; *б* — углистый песок с отдельными угольками; *в* — железные шлаки и куски крицы; *г* — ошлакованная глина (со стенок горна); *д* — фрагменты керамики

К северному краю жилища вплотную примыкали остатки железоплавильного горна, разрушенного в древности. О синхронности горна жилищу 9 свидетельствует одинаковая глубина залегания (0,5 *м*), взаимная ненарушаемость, наличие в жилище у дна — шлаков, а в полости горна — кусочков бондарихинской керамики. У северного края горна найдены остатки двух столбов, на которые опирался шедший от кровли жилища навес (?).

Горн имел вид темногумусированного и углистого пятна на фоне светлого материкового песка. При выборке пятна установлено наличие трех ямок (рис. 3) диаметром примерно 0,7 *м* (общие размеры 2,1×0,8 *м*), сливающихся друг с другом, глубиной 0,33—0,42 *м*. В заполнении ям встречены кусочки глины и мелкие шлаки.

У дна и стенок ям имелись участки сохранившейся обожженной глиняной обмазки толщиною 2—4 *см* с толстой коркой железных шлаков. На дне центральной ямы найдена лепешка железа диаметром до 8, толщиной 4 *см*, с выпуклым нижним краем и круглой впадиной с бахромистой окантовкой сверху; железный стерженек длиной 2,5 *см*, толщиной 2—3 *мм*; кусочки распавшегося глиняного сопла. Сырьем для выплавки железа служили, возможно, железистые конкреции, куски которых найдены на поселении, бурый железняк и болотная руда. Горн не случайно расположен на краю поселения, на расстоянии 15—20 *м* от края озера, так как для плавки нужна была вода. О количестве плавок, произведенных в данном сооружении, судить трудно. В песке любые сооружения быстро подвергаются деструкции. Трудно говорить о конструкции горна, но по своему виду и принципу он скорее всего напоминал горны Лютежского поселения [8] зарубинецкой культуры III в. до н. э.— I в. н. э. на Киевщине и горны скифского населения Лесостепи.

[8] *Пачкова С. П.* Хозяйство восточнославянских племен на рубеже нашей эры (на укр. яз.). Киев, 1974, с. 61—75, рис. 34.

К. ДИМИТРОВ

МОНЕТЫ НЕИЗВЕСТНЫХ ТИПОВ ИЗ РАСКОПОК СЕВТОПОЛЯ

I. Монеты Севта III.

Среди большого количества античных монет, найденных при раскопках Севтополя, особенно интересны монеты неизвестного до сих пор типа, встреченные в количестве 21 экз.

Л. ст.: Голова Зевса в лавровом венке или в повязке, вправо.

Об. ст.: Наконечник копья вправо, над ним надпись ΣΕΥΘΟΥ, внизу звезда из 6, 7 или 8 лучей (рис. 1, *1, 2*).

Надпись показывает, что эти бронзовые монеты чеканены владетелем по имени Севт. Политическая история Фракии знает четырех царей с таким именем: Севта I (424—405 гг. до н. э.), Севта II (405—391 гг. до н. э.), Севта III (330—300 гг. до н. э.) и Севта IV (около 200 г. до н. э.) Рассматриваемые здесь монеты безусловно относятся к чеканке Севта III по следующим соображениям:

1. Хронологические границы существования античного Севтополя определены находками бронзовых монет Филиппа II (359—336 гг. до н. э.) и Антиоха I (281—261 гг. до н. э.). В этот период известен только один Севт — именно Севт III. 2. Изображение наконечника копья встречается на монетах Касандра (306—297 гг. до н. э.) [1], хронологически наиболее близкого к Севту III. 3. Изображения на монетах нового типа тематически близки изображениям 5 из 6 остальных типов монет Севта III, на которых представлены или голова Зевса или его атрибуты — молния, орел; на наших монетах копье тоже может рассматриваться как атрибут Зевса [2]. 4. Голова Зевса на монетах нашего типа представлена в двух вариантах: А — с большим прямым носом и маленькой бородкой (рис. 1, *1*) и Б — с маленьким носом и удлиненной эллипсовидной бородой (рис. 1, *2*). Эти же два варианта изображений встречаются на монетах Севта III с типами головы Зевса и всадника и головы Зевса и молнии (рис. 2, *1—4*). 5. Дополнительный символ в виде звезды находит себе аналогию на монетах Севта III с типами всадника и молнии. На монетах с всадником помещается звезда с разным числом лучей, от 4 до 10, на монетах с молнией — 7- или 8-лучевая, на новых монетах с копьем — 6-, 7- и 8-лучевая.

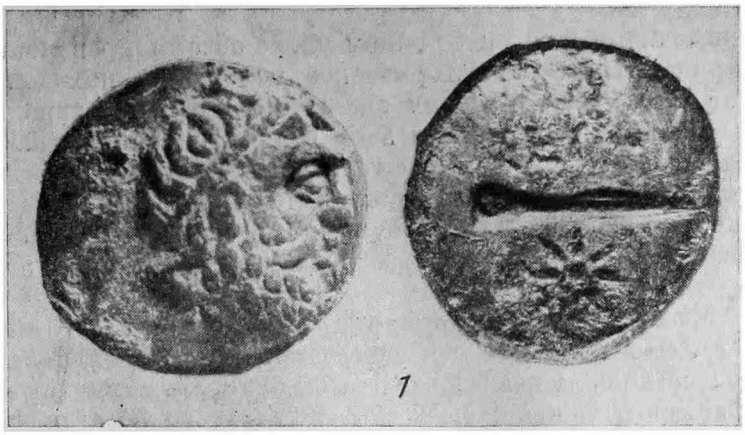
В приложении приводится список монет Севта III нового типа.

Если судить по весу, номинальная стоимость этих монет была очень невелика: 15 целых экземпляров дают средний вес монеты 1,31 *г*, максимальное число монет имеет вес в диапазоне от 1,01 до 1,4 *г*. Интересно сравнение среднего веса этих монет и средних весов монет Севта III из раскопок Севтополя с изображениями молнии (2,50) и всадника (4,51). Отношение между этими весами приближается к пропорции 1/4 : 1/2 : 1. Выше уже отмечалось бесспорное стилистическое сходство рассматриваемых монет и других монет Севта III с головой Зевса. И это сходство, и весовые соотношения довольно убедительно доказывают единовременное обращение монет всех трех типов, причем монеты с молнией и с копьем являлись дробными номиналами по отношению к монетам с всадником. Предварительное изучение последних, включая учет общего числа монет, коллективных находок и пр., свидетельствует, что они имели хождение в условиях все усиливающегося подъема денежного обращения в районе Севтополя. Этим подъемом и были вызваны чеканка и употребление местных монет меньших номиналов.

---

[1] SNG, Macedonia, III. Copenhagen, 1943, pl. 30, № 1163, 1164.

[2] Иногда Зевс изображается на монетах с копьем вместо скипетра (например, Ambrosoli-Ricci. Monete greche. Milano, 1917, p. 290, fig. 123). Это дает нам основание и изображение копья на монетах Севта III отнести к культу этого бога.



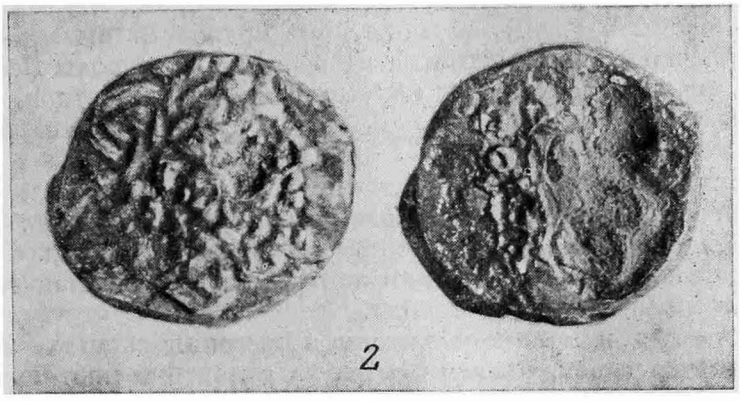


Рис. 1. *1*, *2* — монеты Севта III с изображениями головы Зевса и копья, увеличены в 3 раза

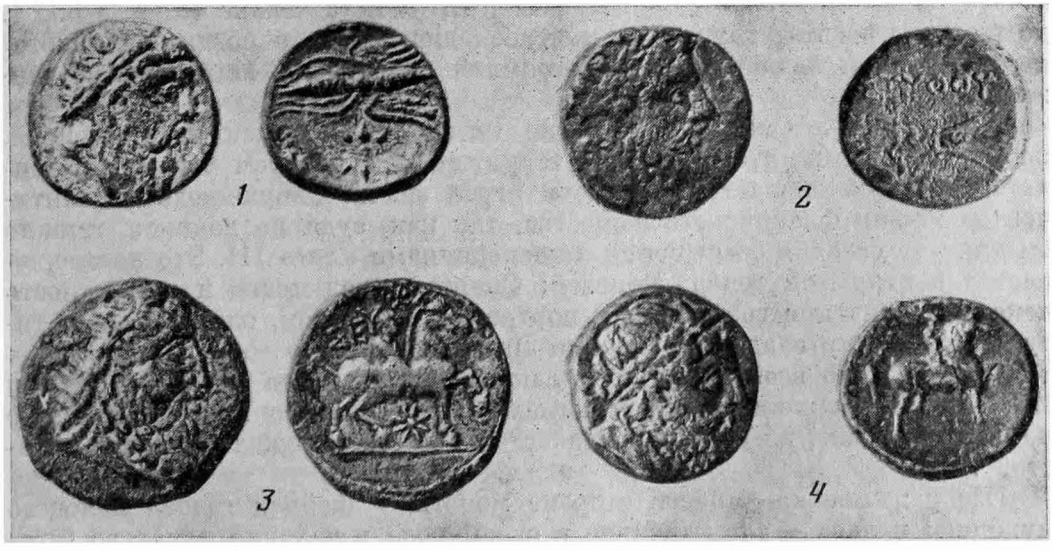


Рис. 2, *1*, *2* — монеты Севта III с изображениями головы Зевса и молнии, увеличены в 2 раза; *3*, *4* — монеты Севта III с изображением головы Зевса и всадника, увеличены в $1^1/_2$ раза

Правда, стратиграфические наблюдения показывают, что самый большой процент концентрации монет нового типа приходится на археологический пласт глубиной 80—100 *см*, тогда как монеты Севта III остальных типов сосредоточены в слоях глубиной 40—60 и 60—80 *см*. Но мы счи-

таем, что при сравнительно небольшом числе экземпляров монет, которые тут рассматриваются, стратиграфическое положение находок не может быть основой для категорических заключений относительно хронологии монет, так как оно может зависеть от всяких случайностей. Поэтому в данном случае мы не доверяем стратиграфии и считаем монеты с типами Зевс-копье одним из позднейших выпусков монет Севта III. Их чеканили в течение последнего десятилетия IV в. до н. э.; современные им монеты типа Зевс-всадник датируются на основании перечеканок этим же периодом.

Следует обратить специальное внимание на монету № 13 нашего списка (рис. 1, *1*). Это единственный экземпляр, на котором Зевс изображен с повязкой, а не венком на голове. Эта особенность отличает нашу монету от других монет Севта III, на которых голова бога представлена в широком лавровом венке. Наконечник копья на другой стороне монеты выполнен высокохудожественно, втулка и перо копья очень соразмерны, осевая линия весьма умело профилирована гравером. Монета отличается правильной формой, толщиной монетного кружка и высоким рельефом изображений, что особенно заметно в изображении головы Зевса. В этом экземпляре чувствуется высокое искусство мастера монетного дела, которое он может быть освоил в каком-нибудь греческом центре Эгейского моря.

II. Монета Спартока.

В Севтополе найдена одна бронзовая монета этого династа:

Л. ст.: Двойная голова: вправо голова молодого мужчины с маленькой острой бородкой — портрет Спартока; влево львиная голова с открытой пастью. Внизу палица.

Об. ст.: Артемида в коротком хитоне и высоких сапогах. Левая рука упирается в бок, правая — согнута в локте и протянута в сторону [3]. С двух сторон — надпись: Σ]ΠΑΡΤΟΚΟ[Υ ΒΑ]ΣΙΛΕΩΣ (рис. 3, *1*).

Монета хорошей сохранности. Вес 5,19 *г*, размеры 17×17,5 *мм*. Найдена она в квадрате 0.15 в слое на глубине 20—40 *см*.

Надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ показывает, что монета чеканена после 306 г. до н. э., когда этот титул был присвоен диадохами, а позднее и некоторыми другими владетелями на огромной территории Македонской державы.

Имя династа Спартока известно только из надписи из Севтополя, из которой видно, что он владел территорией с центром в городе Кабиле [4]. Создается впечатление, что он играл значительную роль в политической жизни фракийского общества, так как, судя по надписи, именно он диктует условия соглашения с наследниками Севта III. Это подтверждается и открытой теперь монетой: Спарток имел право и возможность чеканить монеты с собственным портретом и титулом, одинаковым с титулом законного владетеля Фракии Лисимаха. Такую возможность Спарток получил, по всей вероятности, после 301 г., когда после битвы при Ипсе, политические интересы Лисимаха были обращены преимущественно на Малую Азию, а Фракия была оставлена им в руках местных династов [5].

Изображение на лицевой стороне монеты — двойная голова молодого мужчины и льва — единственное в своем роде в чеканке монет во Фракии. Оно имеет аналогию в некоторых памятниках торевтики скифского

---

[3] Некоторые подробности изображения мы смогли установить только после того, как доц. Л. Гетов, которому мы выражаем благодарность, показал нам фотографию одной лучше сохранившейся монеты того же типа, найденной в 1979 г. во время раскопок в городе Кабиле.

[4] О надписи из Севтополя см.: *Димитров Д. П.* Материалната култура и изкуство на траките.— В сб.: Археологически проучвания в България. София, 1957, с. 71 сл.

[5] *Cloché P.* La dislocation d'un Empire. Paris, 1959, p. 239.

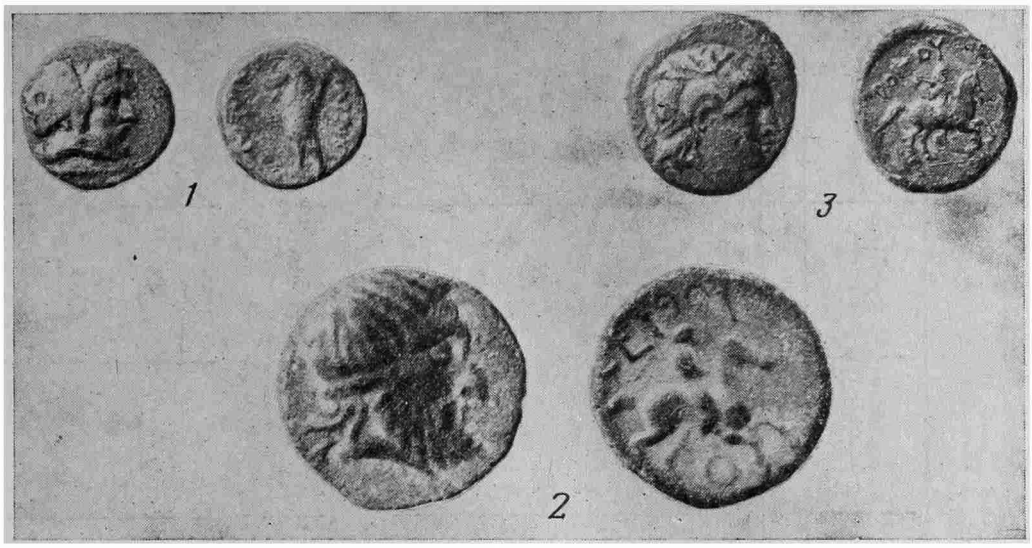


Рис. 3. *1* — монета Спартока, натуральная величина; *2* — монета Севта III с портретом царя, увеличена в 1½ раза; *3* — монета Ройга, натуральная величина

происхождения [6]. Сильно индивидуализированные черты головы мужчины — скошенный назад лоб и острая бородка заставляют думать, что в данном случае перед нами портретное изображение. Палица, представленная на монете Спартока,— бесспорный признак влияния македонских традиций в чеканке монет этого династа [7]. В то же время внешний облик Спартока, как и Севта III, сохраняет приверженность фракийским обычаям: он не следует введенной Александром Македонским моде гладко брить лицо. Следует отметить и сходство между портретом Спартока и одним из вариантов портрета Севта III на монетах последнего (рис. 3, *2*).

Изображение оборотной стороны монеты очень похоже на изображения известных монет города Кабиле с фигурой Артемиды [8]. Как мы видели, этот город был столицей владений Спартока, и, по всей вероятности, рассматриваемая монета была чеканена там. Монетная чеканка Кабиле несомненно начинается в то время, когда в Севтополе правят Севт III и его непосредственные наследники (конец IV и начало III в. до н. э.) В этот первый период монеты, чеканенные в Кабиле, пропагандируют власть и политическую самостоятельность местного династа Спартока, носят его портрет, титул и имя. Позднее, вследствие неизвестных нам политических событий и процессов, на монетах Кабиле появляются новые изображения и монеты выпускаются от имени самого города.

Т. Герасимов различает четыре разновидности фигуры Артемиды на монетах с именем города Кабиле [9]. Изображение на монетах Спартока является новой, пятой разновидностью, характерной особенностью которой является упершаяся в бок левая рука богини. Судя по положению правой руки, вероятнее всего, богиня держит длинный факел или копье, но эта деталь не прослеживается на двух экземплярах, виденных автором.

III. Монета Ройга.

Совсем неизвестный до сих пор династ Ройг чеканил бронзовые монеты, одна из которых найдена в Севтополе:

Л. ст.: Голова Александра Македонского с рогом Аммона, вправо.

---

[6] Ср.: *Артамонов М.* Сокровища скифских курганов. Л., 1966, рис. 106.

[7] Образ Геракла и изображения лука и палицы (постоянные атрибуты героя) особенно характерны для монет Александра Македонского.

[8] *Мушмов Н.* Античните монети на Балканския полуостров и монетите на българските царе. София, 1912, табл. XVIII, *11*, *13*.

[9] *Герасимов Т.* Към нумизматиката на град Кабиле. ИАИ, XXXIII, 1972, с. 116.

Приложение

Список бронзовых монет Севта III младшего номинала из Севтополя

№ п. п.	№ по описи	Лицевая сторона: сохранность и штемпель	Оборотная сторона: сохранность и штемпель	Оборотная сторона: число лучей звезды	Диаметр, *мм*	Вес, *г*	Соотношение осей	Место находки	Глубина залегания, *см*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
			Голова Зевса. Вариант А						
1	1156	Хор., шт. № 1	Хор., шт. № 1	7	10×11	1,45	↗	Л. 9	80–100
2	1234	Хор., шт. № 1 (?)	Пл.	неясно	10×11	1,22	↖	З. 14	80–100
3	910	Хор., шт. № 2	Хор., шт. № 2	6	11,5×12,5	1,88	→	О. 18	70–90
4	246	Хор., шт. № 2	Пл.	6	11×12	1,04	↑	П. 16	30–50
5	293	Пл., шт. № 3	Пл., шт. № 3	7	11×12	0,80	→	П. 67	70–90
6	592	Пл.	Хор., шт. № 4	6	10,5×10	1,23		С. 28	40–60
7	496	Пл.	Хор., шт. № 5	6	9,5×10,5	1,33	↘	П. 32	35–55
8	422	Пл.	Пл.	6	10×11	1,12	↖	О. 33	15
9	813	Пл.	Пл.	6	11×11	1,32	↘	Б. 59	60
10	557	Пл.	Пл.	6	11,5×12	0,97	↑	Н. 51	35–55
11	1001	Пл.	Пл.	неясно	8,5×10	1,08		С. 11	80
12	738	Пл.	Пл.	неясно	9,5×10,5	1,56		Н. 66	0
			Голова Зевса. Вариант Б						
13	1043	Отл., шт. № 4	Отл., шт. № 6	8	11×12	2,32	←	П. 19	60–80
14	281	Пл., шт. № 5	Пл.	6	10×10,5	1,27	↗	Ф. 100	50–70
			Голова Зевса. Вариант неопределен						
15	961	Пл.	Хор., шт. № 7	6	9,5×11,5	1,00	↗	З. 85	100
16	902	Пл.	Хор., шт. № 7 (?)	неясно	11×12	0,98	↗	О. 37	90
17	665	Пл.	Хор., шт. № 8	6	11,5×12,5	0,74	↙	Д. 43 (пом. № 2)	120
18	678	Пл.	Пл.	6	10×11	1,20	↖	Д. 51	60–80
19	984	Пл.	Пл.	неясно	10,5×11	1,32		Д. 91	неизвестно
20	742	Пл.	Пл.	неясно	10,5×11	1,33	↙	Г. 100	100
21	1200	Пл.	Пл.	неясно	9×10	0,71		неизвестно	

Об. ст.: Галопирующий вправо всадник с длинными волосами; в левой руке он держит поводья, правой бросает копье; под конем горизонтальная линия; над всадником слева надпись РОІГОҮ (рис. 3, *3*).

Монета отличной сохранности, с высокорельефными изображениями. Вес 7,66 *г*, размеры 21×19 *мм*. Найдена в квадрате 3.28 в слое на глубине 60—80 *см*.

Образ Александра Македонского с рогом Аммона появляется первый раз в монетной чеканке Лисимаха после 297 г. до н. э.[10] Этот год определяет самую раннюю границу возможной датировки нашей монеты. Это обстоятельство заставляет нас считать ошибочным мнение об обязательной ранней датировке монет без титула ΒΑΣΙΛΕΩΣ. Монета Ройга доказывает, что отсутствие этого титула не может быть основанием для датировки одной из фракийских монет до 306 г. до н. э.[11]

В рассматриваемой монете вызывает интерес сочетание заимствованного изображения на лицевой стороне монеты и типично фракийского сюжета — галопирующего всадника с длинными волосами[12] — на оборотной. Отсутствие царского титула при имени Ройга и заимствование лицевого типа наводят на мысль, что, может быть, таким образом была отражена зависимость Ройга от Лисимаха. Однако, учитывая нестабильность власти во Фракии, в этом нельзя быть уверенным.

Новые монеты Спартока и Ройга следует рассматривать и как источники сведений о политическом состоянии раннеэллинистической Фракии. Они пополняют список самостоятельных (или полузависимых) фракийских династов этого периода, таких, как Севт III, Срой[13] и Скосток. Этот список, который, очень вероятно, в будущем будет продолжен, свидетельствует о том, что власть диадохов во Фракии временами имела чисто номинальный характер[14]. С другой стороны, наличие пяти независимых друг от друга династов указывает на отсутствие единого объединяющего политического центра во фракийском обществе раннеэллинистического времени.

---

[10] SNG, Thrace, II. Copenhagen, 1943, pl. 22—24.

[11] Это мнение относится к монетам Сройя и принадлежит И. Юруковой, которая пишет: Отсутствие титула ΒΑΣΙΛΕΩΣ, который появляется в чеканке диадохов после 306 г. до н. э., показывает, что Срой мог царствовать только между 336 и 306 гг. до н. э. (*Youroukova V.* Coins of the Ancient Thracians. Oxford, 1976; p. 22.) Впрочем, и Севт III чеканит монеты без этого титула после 306 г. (Ibidem, p. 24).

[12] *Юрукова Й.* Първият монетен тип с изображение на конник и неговото разпространение в Тракия. Изкуство, 1975, № 3—4, с. 41, 42.

[13] Р. Русев отвергает существование Сроя: см. *Русев Р.* Съществувал ли е тракийски владетел на име Сройос? Нумизматика, 1978, № 2, с. 22.

[14] *Юрукова Й.* Тракия през IV—III в. в светлината на някои монетни находки. Векове, 1973, № 2, с. 16.

В. М. БАТЧАЕВ, Б. М. КЕРЕФОВ

ОЛЕННЫЙ КАМЕНЬ ИЗ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Осенью 1976 г. житель с. Кызбурун I (Баксанский р-н КБАССР) Б. Гедгафов обнаружил два обломка каменной стелы, лежавшей на размытом берегу безымянной речки в 2,5 *км* северо-восточнее села, близ животноводческой фермы. К месту находки выехали авторы настоящей заметки, однако предварительный осмотр местности с целью выявить недостающие фрагменты стелы оказался безрезультатным.

Стела изготовлена из светло-серого гранитопорфира[1] и в поперечном сечении имеет вид неправильного овала. Общая высота ее сохранившихся фрагментов равна 76 *см*, ширина стелы в верхней части 23 *см*, толщина 14,4 *см*, в нижней части ширина 25 *см*, толщина 18,5 *см*. На ее тща-

---

[1] Порода камня определена на геологическом факультете МГУ.

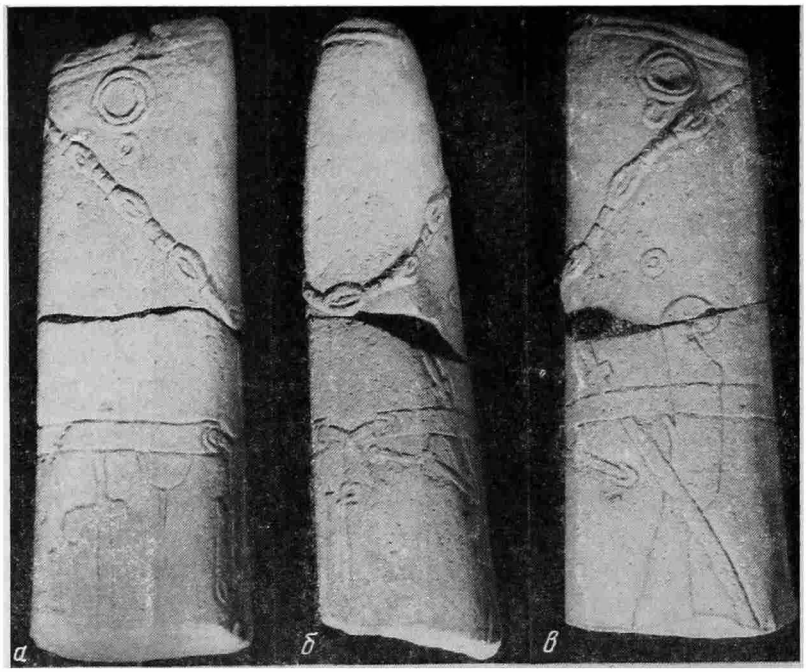


Рис. 1

тельно отшлифованную поверхность нанесены изображения, характер и расположение которых не оставляют сомнений в том, что, несмотря на отсутствие конкретных признаков, стела олицетворяет собой фигуру человека. При этом лицевая сторона фигуры приходится на узкую грань стелы.

Верхний торец ее несколько скошен, и, таким образом, «затылок» образует в профиле тупой угол. Торец опоясан двумя желобками, следующими параллельно линии скоса и изображающими, очевидно, налобную ленту или окантовку нижней кромки головного убора. Слева от лицевой части имеются еще несколько линий, воспроизводящих завязку или согнутый вдвое и заткнутый за ленту стерженек. По бокам, почти вплотную к ленте, помещены височные украшения в виде довольно правильных концентрических колец с подвешенными к ним фигурными щитками.

Наиболее заметной деталью стелы является пышное ожерелье, состоящее из семи больших биконических бус, между которыми имеются еще по две бусины меньших размеров, имеющих цилиндрическую форму. Концы ожерелья скреплены на «затылке» посредством кольца с тремя перемычками.

Интересен пояс, форму которого резчик постарался передать со всеми подробностями. Он очень широкий, его концы не сходятся; они соединены не с помощью пряжки, а посредством двух более узких ремешков, связанных узлом. Конец одного из ремешков свободно свисает вниз, на конце другого имеется овальная пряжка, к которой прикреплены два продолговатых предмета — оселок и нож (?).

Слева на поясе висит кинжал. Здесь же изображены лук в горите и длинный узкий меч, показанный не подвешенным, а заткнутым за пояс. Еще два предмета подвешены к поясу на правой стороне стелы: это что-то вроде полукруглой сумочки со свисающим ремешком и короткая секира.

Изображения, расположенные в верхней части стелы,— налобная лента с «завязкой», височные подвески и ожерелье — выполнены в технике невысокого рельефа. Нижние изображения (пояс с подвешенными к нему

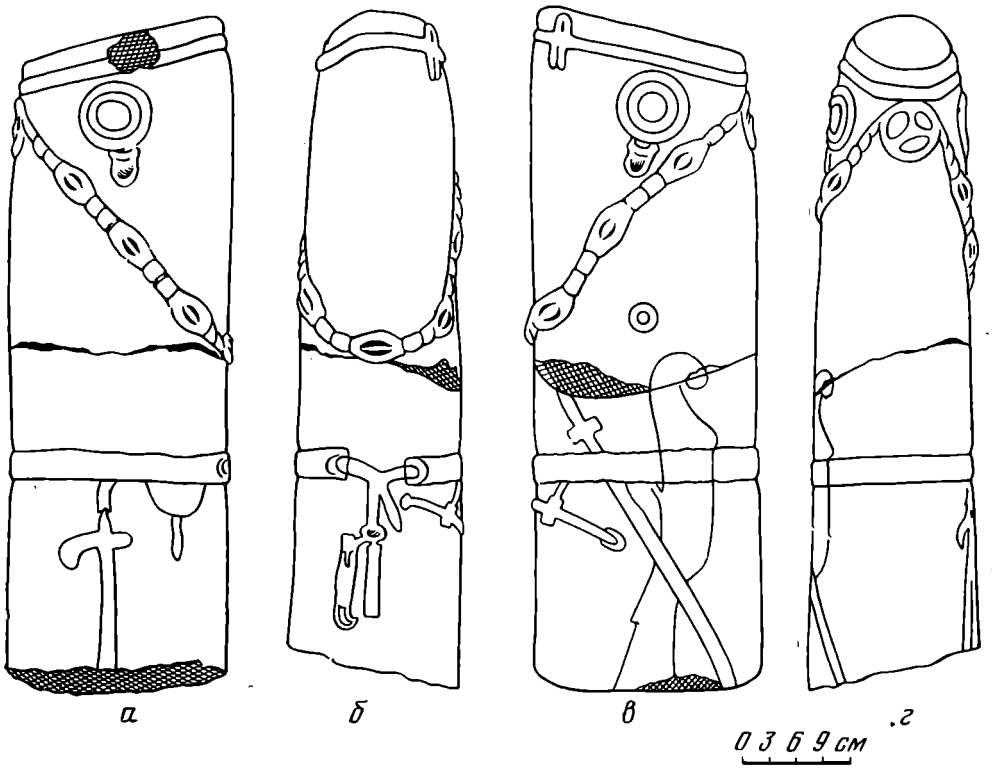


Рис. 2

предметами) трактованы менее рельефно; некоторое подобие рельефности достигнуто здесь посредством небрежных попыток снивелировать прилегающие участки фона (шириной не более 3—4 *см*) с глубиной врезных контурных линий. Совершенно особое место в этом отношении занимает ожерелье. Выше уже отмечалось, что при визуальном осмотре стелы эта деталь явно заметнее других, и едва ли случайно — вероятнее всего, мастер исходил из необходимости акцентировать внимание зрителя именно на ожерелье. Размеры ожерелья явно преувеличены (длина биконических бус в среднем 6 *см*), в то время как все остальные вещи несколько меньше своей натуральной величины. Но решающая роль в достижении желаемого эффекта отведена более совершенным художественным приемам: по существу это единственное изображение, воспроизводящее не только контуры, но и форму оригинала, причем местами оно выступает над плоскостью фона приблизительно на треть своего объема (прочие изображения — лишь на 2—4 *мм*).

Таков в общих чертах вид сохранившейся части стелы (рис. 1, 2). Несмотря на фрагментарное состояние памятника, совокупность описанных выше признаков дает возможность прийти к определенному заключению относительно его даты и культурно-исторической атрибуции. Форма и размеры стелы, а также типы изображенных на ней предметов позволяют с полной уверенностью включить ее в круг надгробных памятников, распространенных в эпоху поздней бронзы на огромном пространстве от Монголии до Болгарии. Последняя сводка этих древностей дана в работе Н. Л. Членовой. Автор дифференцирует их на две основные группы: «изваяния типа оленных камней» и «изваяния скифского типа» [2]. Рассматриваемая нами стела относится к первой, более ранней группе (VII в. до н. э.), которую Н. Л. Членова связывает с киммерийцами [3].

[2] *Членова Н. Л.* О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху.— В сб.: Фрако-скифские культурные связи. София, 1975, с. 69—89.

[3] Там же, с. 86—88.

На территории Северного Кавказа это уже третий «оленный камень»; два других были обнаружены Н. И. Веселовским в Прикубанье — у Зубовского хутора и у станицы Усть-Лабинской [4].

Прямые аналогии Кызбурунской стеле нам неизвестны. Вместе с тем в ней достаточно отчетливо прослеживаются многие характерные признаки «оленных камней». Таковы, например, отсутствие антропоморфности, расположение лицевой части на узкой грани стелы, скошенность верхнего торца и т. д. Как и на других «оленных камнях», на ней имеется изображение налобной ленты, ожерелья, височных колец, пояса, оружия [5]. Отличительные признаки немногочисленны, но существенны (отсутствие изображений животных [6] и параллельных насечек на лицевой стороне).

Большая часть изображений на северокавказских стелах воспроизводит, как полагают Д. Г. Савинов и Н. Л. Членова [7], предметы местного, кавказского типа (оружие, ожерелья, пояса), или выполнена под влиянием местных традиций прикладного искусства (в частности, изображения животных). Наша точка зрения несколько отлична.

Топоры Усть-Лабинской и Зубовской стел действительно напоминают отдельные экземпляры прикубанских боевых топоров [8], секирообразный предмет на правой стороне Кызбурунской стелы (рис. 2, *В*) отличается от кавказских топоров округлой формой лезвийной части и способом ношения. Секира подвешена к поясу узким ремешком, соединяющимся с каким-то конусообразным выступом — скорее всего, отлитой вместе с самой секирой металлической обоймой, являющейся продолжением втулки. Подобные предметы найдены и в Предкавказье, но сходство их с перечисленными выше неполное: скипетр из могильника у мебельной фабрики г. Кисловодска не имеет выступа с отверстием [9], а топорик из Султан-Горского могильника имеет вверху выступ с отверстием, но отличается длинным и узким, совершенно прямым корпусом [10].

Что касается изображений остальных видов оружия, то они воспроизводят биметаллические мечи и кинжалы, распространенные в I тысячелетии до н. э. как на Северном Кавказе, так и на обширных пространствах Восточной Европы времени перехода от бронзы к железу. Для горных районов Северного Кавказа (кобанской культуры) они нехарактерны и встречаются главным образом в предгорноплоскостном Кабардино-Пятигорском районе и в Прикубанье [11], население которых в ту эпоху едва ли было этнически однородным.

---

[4] *Савинов Д. Г.* О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков.— В сб.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977, с. 123—128.

[5] *Членова Н. Л.* Ук. соч., с. 85, рис. VI; *Савинов Д. Г.* Ук. соч., с. 124, рис. 1; с. 125, рис. 2.

[6] Впрочем, не исключено, что такие изображения имелись на утерянной части стелы.

[7] *Савинов Д. Г., Членова Н. Л.* Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии и вопрос об их культурно-этнической принадлежности.— В сб.: VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1978, с. 59, 60.

[8] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, № 23, 1951, с. 89, рис. 15, с. 104, рис. 37; *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 301, табл. 7, *а*, рис. 2.

[9] *Виноградов В. Б.* Центральный и северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 327, рис. 11, *3*.

[10] Там же, с. 325, рис. 9, *4*.

[11] *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии.— МИА, № 3, 1941, с. 21, рис. 4, *1*; *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. VIII, *4*, XII, *1*, XXXV, *1—5*; *Анфимов Н. В.* Кинжалы кабардино-пятигорского типа в Прикубанье.— В сб.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 196, 197; *Виноградов В. Б.* Кинжалы с «крестовидной рукоятью» на Северном Кавказе. Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный, 1973, с. 9—11; *Чеченов И. М.* К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры.— АЭС, вып. 1. Нальчик, 1974, с. 28, 29.

Ожерелья, по мнению Д. Г. Савинова и Н. Л. Членовой, могли состоять из раковин каури [12]. Характер изображений не дает твердых оснований видеть в них именно раковины каури; к тому же, на наш взгляд, они не обнаруживают принципиальных отличий от ожерелий, имеющихся на европейских [13] и восточных [14] «оленных камнях».

Пояса на Усть-Лабинской и Зубовской стелах представляют собой простые узкие полоски без каких-либо дополнительных элементов, т. е. изображены настолько условно [15], что говорить об их соответствиях в археологическом материале по существу не приходится. Более детально воспроизведен пояс Кызбурунской стелы. Своей необычной шириной он как будто сближается с кобанскими поясами. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с одним из малоизвестных кочевнических поясов предскифского времени, заимствованных и модифицированных впоследствии скифами. Интересно, что именно у скифов был распространен отмеченный на Кызбурунской стеле способ соединения концов пояса с помощью двух дополнительных ремешков [16], равно как и обычай ношения на концах этих ремешков оселка и ножа, известный еще в киммерийскую эпоху [17]. Вместе с тем ни то, ни другое не было свойственно «кобанцам», соединявшим концы поясов с помощью высоких пластинчатых пряжек [18]. Весьма относительным представляется также сходство зооморфных изображений прикубанских «оленных камней» с подобными изображениями в мелкой пластике и графическом искусстве кобанских племен.

Воспроизведенные на оленных камнях вещи бытовали на Кавказе в эпоху раннего железа, но генетически не связаны с местными культурами поздней бронзы. Чужда им и сама традиция сооружать каменные надгробные изваяния. Следовательно, вероятность изготовления Кызбурунской стелы аборигенами (потомками населения эпохи бронзы) под влиянием извне более чем сомнительна. Скорее она свидетельствует о появлении в эпоху раннего железного века в данном районе нового населения. В этой связи вызывает интерес место обнаружения стелы — почти у входа в Баксанское ущелье, т. е. хотя и пригодном, но все же отнюдь не оптимальном для кочевого образа жизни районе. На степной периферии найдены и другие «оленные камни» Северного Кавказа.

Черты культурного синкретизма, возникшие в результате смешения кобанских и степных предскифских элементов, были отмечены в свое время Е. И. Крупновым на материалах Каменномостского могильника [19]. Впоследствии наметилась тенденция распространять этот вывод на весь западный (или Кабардино—Пятигорский, по Е. И. Крупнову) локальный вариант кобанской культуры [20], ареал которого охватывает и район Кызбуруна. При этом в составе кабардино-пятигорских комплексов преобладают предметы, отличные от кобанских Осетии: биметаллическое оружие, бронзовые двукольчатые удила с трехпетельчатыми псалиями и т. д. [21] Трудно согласиться с мнением тех исследователей, которые склонны свя-

---

[12] *Савинов Д. Г., Членова Н. Л.* Ук. соч., с. 60.

[13] Там же.

[14] *Вайнштейн С. И.* История народного искусства Тувы. М., 1974, с. 28, 29, рис. 19—22.

[15] *Савинов Д. Г.* О культурной принадлежности..., с. 124, 125, рис. 1—2.

[16] *Горелик М. В.* Реконструкция скифского доспеха по каменным изваяниям.— В сб.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 268, рис. 3; *его же.* Реконструкция доспехов скифского воина из кургана у г. Орджоникидзе.— В сб.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 147, рис. 1; с. 148, рис. 2.

[17] *Грязнов М. П.* Так называемые оселки скифо-сарматского времени.— В сб.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961, с. 138.

[18] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., табл. XLV, *1*; XLVII, *7—9*.

[19] *Крупнов Е. И.* Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г.— УЗКНИИ, вып. V. Нальчик, 1950, с. 273.

[20] *Чеченов И. М.* К вопросу о локальных вариантах..., с. 28, 29.

[21] Там же, с. 28, 29; *Тереножкин А. И.* Бронзовые кинжалы..., с. 124; *Виноградов В. Б.* Кинжалы с «крестовидной рукоятью»..., с. 10.

зывать памятники типа каменномостско-березовских только с киммерийцами. Ареал таких памятников отличается сравнительно сложным рельефом; если в районах, непосредственно примыкающих к степи, действительно могли доминировать пришельцы, то в глубине лесистых предгорий численное соотношение автохтонных и пришлых групп населения могло быть и обратным. Дальнейшее изучение «оленных камней» позволит существенно дополнить и конкретизировать имеющиеся представления об этнической истории северо-западного Кавказа в эпоху поздней бронзы.

А. В. СУББОТИН

СКИФСКИЙ КУРГАН БЛИЗ НОВОЧЕРКАССКА

Территория правобережья Нижнего Дона во второй половине I тысячелетия до н. э. являлась, по сообщениям Геродота, крайней восточной границей расселения скифов [1] и представляет поэтому значительный интерес для изучения. Однако соответствующих археологических данных пока немного [2].

Новочеркасской археологической экспедицией ЛГУ был исследован кург. 3 Кировского могильника, расположенного на вершине водораздела в 1 *км* к северо-западу от хут. Кировского Аксайского р-на Ростовской обл. [3] Курган является крайним северо-восточным в группе. Его насыпь длительное время подвергалась распашке и к моменту раскопок имела высоту над уровнем современной дневной поверхности 0,4 *м*, а диаметр около 14 *м*. В кургане были обнаружены два погребения, ограбленные в древности.

Погребение 1. Совершено в катакомбе (рис. 1). Входной колодец прямоугольной в плане формы, размерами 3,1×3,8 *м*, длинной осью он был ориентирован ЗЮЗ — ВСВ и имел перекрытие из деревянных плах толщиной 3 и шириной 20 *см*. Остатки плах были обнаружены на дне входного колодца. Дно его имело глубину 3,2 *м* и было частично разрушено грабителями. На сохранившейся части дна отмечены следы древесного и камышового тлена, а также камни, сосредоточенные в восточной его части. У северной стены обнаружен железный втульчатый наконечник копья.

Дно камеры, сооруженной в восточной стене, глубже дна входного колодца на 0,75 *м*. Длинная ось камеры почти перпендикулярна длинной оси колодца, размеры камеры по дну —2,3×3,5 *м*. Камни, лежащие на дне колодца, очевидно, закрывали вход в камеру и были отброшены грабителями.

В камере, по предварительному определению, обнаружены остатки костяков мужчины, женщины и ребенка. Наиболее полно представлен женский костяк, находившийся в непотревоженной грабителями северной части камеры, у стенки. Там же найдены ручка и фрагменты горла красноглиняной амфоры и раздавленный лепной горшок плохой сохранности. Форма горшка не восстанавливается. По единственному сохранившемуся крупному фрагменту можно сказать, что горшок имел слегка отогнутый венчик диаметром около 12 *см*. Тесто грубое, с примесью дресвы. Цвет черепка в изломе темно-серый (рис. 2, *3*).

---

[1] *Геродот.* История в девяти книгах. Л., 1972, IV, 20, 21.

[2] *Мошкова М. Г.* К вопросу о сирматах.— В сб.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 208.

[3] *Клейн Л. С., Раев Б. А., Семенов А. И., Суворов В. И.* Новочеркасские курганы.— АО — 1972. М., 1973, с. 287.

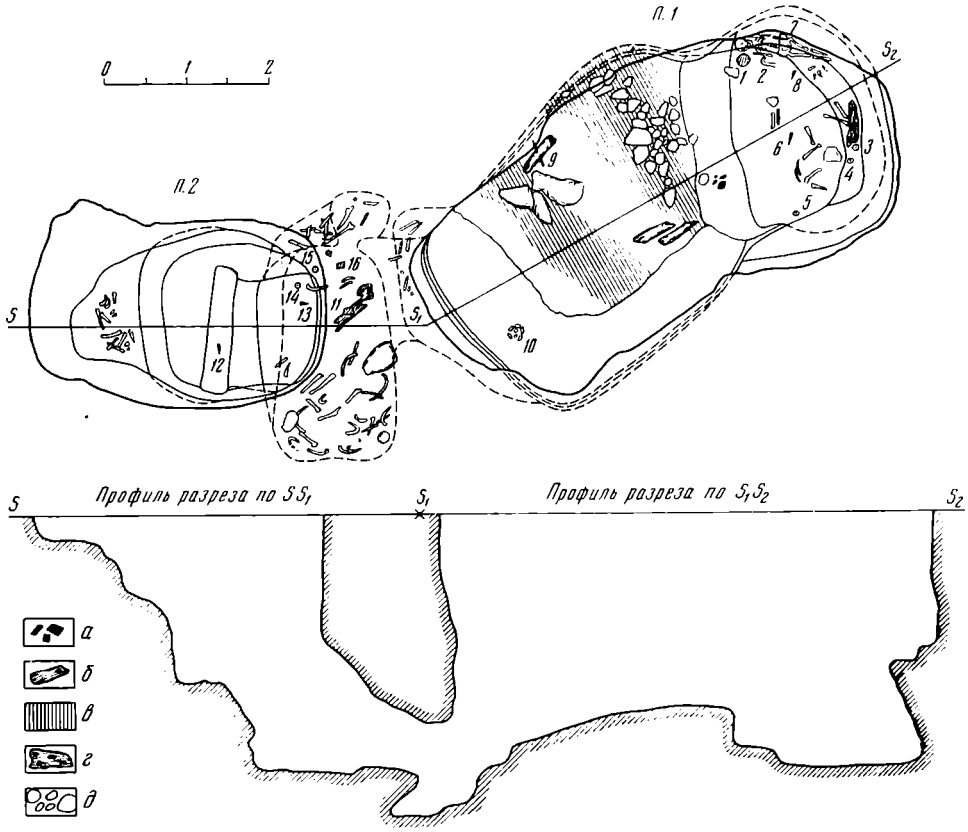


Рис. 1. План и разрезы погребений 1 и 2 кург. 3 Кировской группы. *а* — железо; *б* — тлен древесный; *в* — тлен органический; *г* — дерево с железом; *д* — камни. *1* — лепной горшок; *2* — ручка амфоры; *3—5*, *14*, *15* — костяные пуговицы; *6*, *8*, *12*, *13* — наконечники стрел; *7* — железный нож; *9* — наконечник железного копья; *10* — кости черепа; *11* — чернолаковый сосуд; *16* — фрагмент лепной керамики

В юго-восточной части камеры находились три костяные ворворки в виде усеченного конуса с одним круглым отверстием в центре (рис. 2, *4, 5, 6*). В 0,4 *м* к северо-востоку от ручки амфоры встречен обломок железного ножа длиной 10 *см* (рис. 2, *10*).

В центре камеры находилось несколько спекшихся и очень сильно корродированных железных наконечников стрел.

Кроме перечисленных предметов в заполнении камеры над уровнем пола обнаружены железные фрагменты, по-видимому относящиеся к конской упряжи, и обломки втульчатого копья. В заполнении грабительского хода над сводом катакомбы встречено большое количество обломков железных предметов, кости лошади и бронзовый наконечник стрелы.

Погребение 2 (рис. 1). Совершено также в катакомбе, входной колодец которой расположен в 1,2 *м* к западу от погр. 1. Прямоугольный в плане, он имеет размеры 2,3×3,4 *м* на уровне материка. Три ступеньки, проходившие вдоль стен, сузили размер колодца до 2×1,8 *м* на уровне пола. Перед устьем камеры уровень дна входной камеры повышался, образуя порожек высотой 5 *см*. В западной части заполнения, над первой ступенькой входного колодца, были найдены обломки венчика лепного сосуда с орнаментом в виде пальцевых вдавлений. Восстанавливаемый диаметр горла сосуда около 25 *см* (рис. 2, *11*). Там же был найден кремневый концевой скребок с выраженными следами окатанности (рис. 2, *12*). На второй ступеньке входного колодца были обнаружены кости конечностей лошади, по-видимому, остатки помещенной здесь лошадиной шкуры. У западной стенки, на дне входного колодца,

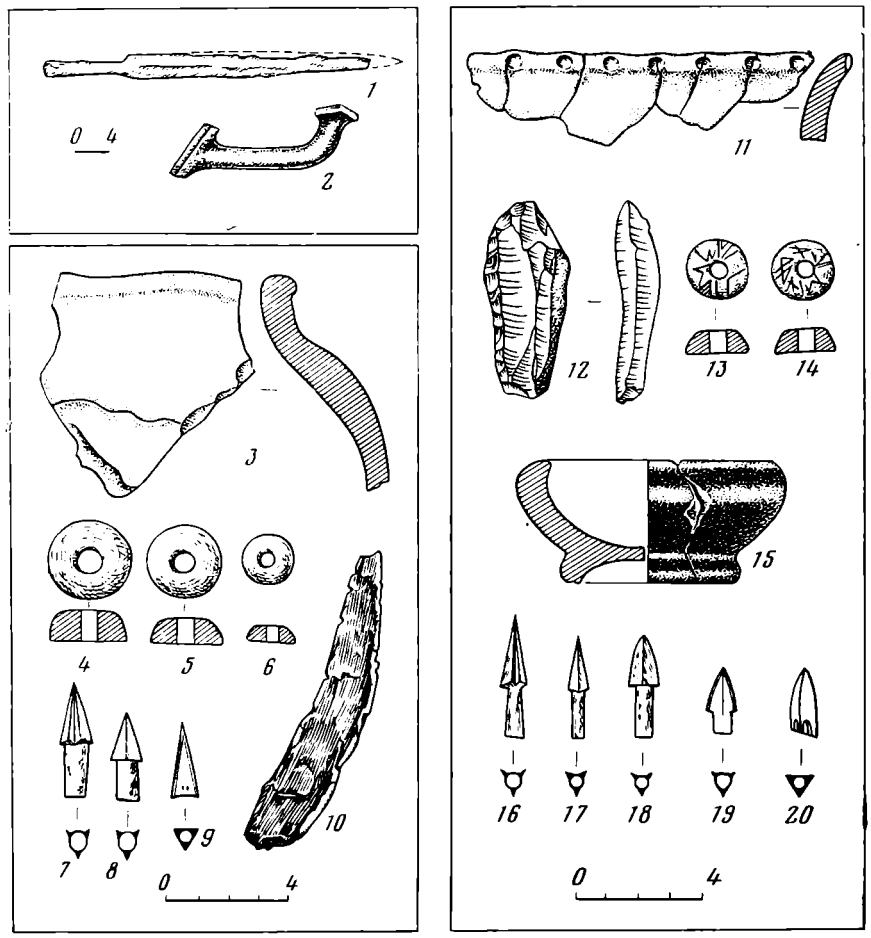


Рис. 2. Инвентарь из погребений: *1* — железный наконечник копья; *2* — ручка красноглиняной амфоры; *3* — венчик лепного сосуда; *4—6*, *13*, *14* — костяные пуговицы; *7*, *8*, *16—18* — железные наконечники стрел; *9*, *19*, *20* — бронзовые наконечники стрел: *10* — железный нож; *11* — венчик лепного сосуда; *12* — кремневый скребок; *15* — чернолаковый сосуд

находился комок спекшихся, сильно корродированных наконечников стрел, в котором среди семи железных имелся один бронзовый.

Камера овальной в плане формы, длинной осью ориентирована С—Ю. Длина 2,7, ширина 1,3, высота 1 *м*. В северо-восточной части она имеет продолжение в виде небольшой округлой ниши, возможно, тайник, размерами 0,7×0,7 и высотой 0,4 *м*.

В камере обнаружены остатки двух мужских костяков (визуальное определение) и кости лошади. В восточной части дна камеры находилась чернолаковая солонка, в западной — две костяные ворворки, идентичные описанным изделиям из первого погребения. На одной из них есть орнамент в виде треугольников, направленных вершинами от отверстия, на второй — насечки, направленные по касательной к отверстию (рис. 2, *13, 14*). Там же найден бронзовый наконечник стрелы.

В 0,5 *м* к северу от чернолаковой солонки зачищено пятно древесного тлена с вкраплениями железа, по форме напоминающее колчан.

Картину ограбления можно представить следующим образом: грабители, пробив свод над камерой погр. 1, проникли вдоль северной стены его колодца в камеру погр. 2 в месте максимального сближения двух могил. Об этом свидетельствуют кости человека в соединяющем лазе, отсутствие древесного тлена в северной части колодца погр. 1 и находки в заполнении над камерой этого погребения.

Ряд предметов, найденных в погребениях, позволяет определить их хронологию. Погребение 1. Железный втульчатый наконечник копья (рис. 2, *1*). Длина 42, толщина 3,5, длина втулки 10, диаметр втулки 2,5 *см*. Перо остролистое, узкое и длинное, без ребра. Подобные наконечники датируются IV—III вв. до н. э.[4] Наиболее близкими к нашему являются наконечники из кургана Чертомлык и из кург. 3 у с. Аксютинцы (раскопки Д. Я. Самоквасова) [5].

Красноглиняная ручка амфоры. Высота ручки 16,8, толщина 3 *см*, сечение овальное. Принадлежит к первому типу херсонесских амфор классификации И. Б. Зеест и датируется IV в. до н. э.[6] В последнее время В. И. Кац и С. Ю. Монахов предложили датировать этот тип амфор второй половиной IV в. до н. э.[7] Наиболее близка к описываемой амфора из раскопок Херсонесского некрополя, относимая к середине IV в. до н. э.[8]

Наконечники стрел относятся к разным типам. Бронзовый трехгранный пирамидальной формы со скрытой втулкой (рис. 2, *9*) принадлежит к четвертой хронологической группе (по А. И. Мелюковой) и датируется второй половиной IV и IV—III вв. до н. э.[9]

Железные наконечники стрел имеют трехлопастную головку с прямыми или слегка дугообразными шипастыми лопастями и длинную втулку, равную по высоте головке или несколько ее превосходящую (рис. 2, *7, 8*). Принадлежат к третьей хронологической группе — V—IV вв. до н. э., но поскольку в Северном Причерноморье повсеместное распространение железные наконечники стрел получили лишь в IV—III вв. до н. э.[10], можно допустить их принадлежность к нижней границе названной группы, т. е. к IV в. до н. э.

Погребение 2. Наконечники стрел: 1) бронзовый трехлопастной с дуговидными гранями и внутренней втулкой (рис. 2, *20*); 2) бронзовый трехлопастной с небольшой головкой и массивной втулкой, равной высоте головки (рис. 2, *19*). Наконечники стрел отмеченных типов впервые появляются в V—IV вв. до н. э. (третья хронологическая группа) и существуют до III в. до н. э. (четвертая хронологическая группа) [11].

Железные наконечники стрел из погребения 2 идентичны по форме наконечникам из погребения 1 (рис. 2, *16—18*).

Чернолаковая солонка имеет высоту 4, диаметр венчика 7,5, диаметр донца 5,5 *см* (рис. 2, *15*). По имеющимся аналогиям может быть датирована второй половиной IV в. до н. э.[12]

Исходя из анализа погребального инвентаря, найденного в обеих могилах, а также основываясь на сходстве устройства могильных сооружений, можно заключить, что эти погребения были совершены в конце IV в. до н. э. и разрыв во времени между захоронениями был незначительным. На ту же дату указывает и факт преобладания в могилах железных наконечников стрел над бронзовыми, что характерно, по мнению А. И. Мелюковой, для Северного Причерноморья IV—III вв. до н. э.[13]

---

[4] *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, вып. Д1—4. М., 1964, с. 40, 42.

[5] Там же, с. 41, табл. 14, *5, 8*.

[6] *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, № 83, 1960, с. 98, табл. XXI, *38*.

[7] *Кац В. И., Монахов С. Ю.* Амфоры эллинистического Херсонеса.— В сб.: Античный мир и археология, вып. 3. Саратов, 1977, с. 98, рис. 2.

[8] *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. Севастополь, 1938, с. 179, рис. 21.

[9] *Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 25, табл. V, отд. III, тип. 8, вар. 5.

[10] Там же, с. 25, табл. V, отд. II, тип. 4, вар. 10, 10а.

[11] *Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 17, 24, табл. V, отд. II, тип. 7, вар. 4, 5; табл. V, отд. II, тип. 3, вар. 5.

[12] The Athenian Agora, vol. XII, pt. I. New Jersey, 1970, Fig. 9, p. 302, 303, № 944. 949; Аполония. Раскопките в некропола на Аполония през. 1947—1949 гг. София, 1963, с. 221, 222, табл. 117, № 567, 573.

[13] *Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 29.

В это время на Нижнем Дону происходят значительные перемены. Социальное расслоение широко охватило скифское общество, что отчетливо видно в погребальном инвентаре. Наряду с погребениями рядовых общинников, к которым принадлежит, по всей видимости, данный курган, имеются курганы, принадлежащие родовой знати [14]. Во второй половине IV в. до н. э. начинает ощущаться значительное ослабление могущества Скифии [15]. В это же время на правобережье Дона появляются малочисленные группы сарматов [16], которые в самом конце IV — первой половине III в. до н. э. начинают активное продвижение на запад [17]. Исследованный курган скорее всего можно рассматривать как один из последних скифских курганов в Нижнем Подонье. Какие-либо сарматские элементы в нем полностью отсутствуют.

---

[14] *Лунин Б. В.* Археологическое изучение Подонья — Приазовья в дореволюционные и довоенные годы.— В сб.: Археологические раскопки на Дону. Ростов, 1962, с. 12; *Марков С. М.* Археологические раскопки на Дону в послевоенный период.— Там же, с. 32.

[15] *Тереножкин А. И.* Общественный строй скифов.— В сб.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 8, 9.

[16] *Мошкова М. Г.* Ук. соч., с. 208.

[17] *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников.— АСб ГЭ, № 13, 1971, с. 42—45.

С. П. ПАЧКОВА, Р. С. ОРЛОВ

БОРИСОГЛЕБСКИЙ ЭНКОЛПИОН ИЗ РАСКОПОК ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДИЩА У с. ГРИНЧУК

Древнерусское городище у с. Гринчук Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл. исследовалось экспедицией ЛОИА АН СССР (шурфовка вала) и экспедицией Института археологии АН УССР в полевые сезоны 1974—1976 гг. Городище расположено на западной окраине с. Гринчук и занимает треугольный в плане мыс на плато высокого левого берега Днестра (рис. 1, *1*). С юга мыс круто обрывается к воде, с востока он ограничивается крутыми склонами оврага. С северной и западной (напольной) стороны городище окружено заплывшим рвом. Сохранились следы вала, который окружал площадку мыса с западной, северной и восточной сторон. При раскопках вскрыты площадка детинца (около 1400 *м*^{2}), почти весь вал (74 *м* по периметру) и небольшой участок посада.

На памятнике изучены жилые, хозяйственные и производственные объекты, а также уточнена конструкция оборонительных сооружений [1].

---

[1] Подробнее об открытых объектах и находках см.: *Пачкова С. П.* Давньоруське городище Гринчук на Дністрі.— Археологія, № 32, 1979, с. 78—102.

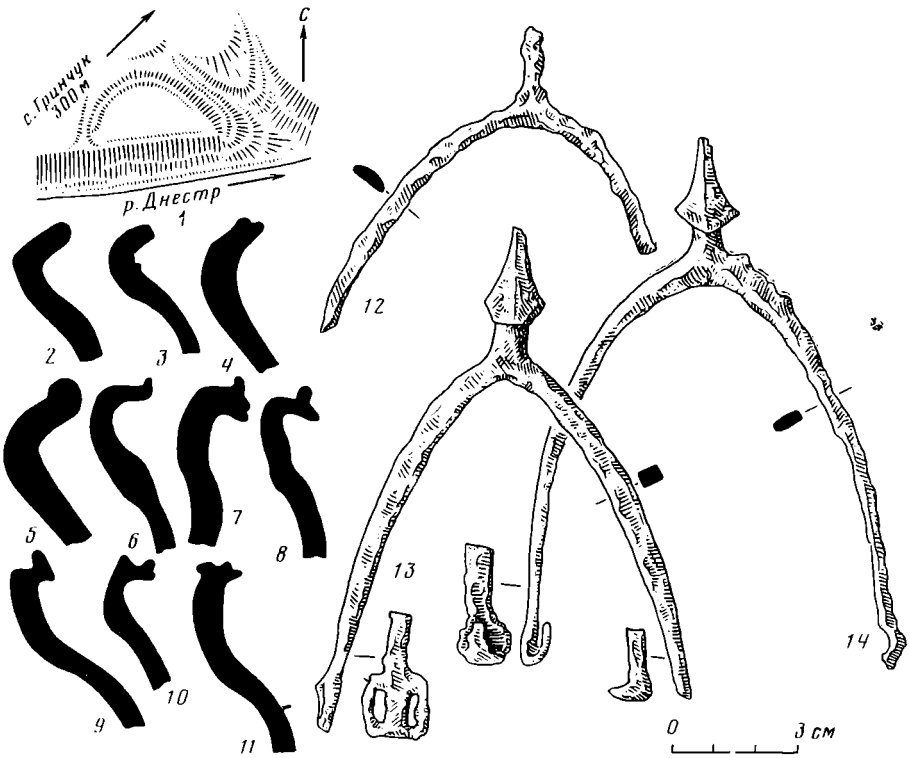


Рис. 1. Материалы из раскопок городища у с. Гринчук. *1* — схематический план городища (по П. А. Раппопорту); *2—4* — типы венчиков, характерные для X—XI вв.; *5—10* — венчики XII — первой половины XIII в.; *11* — тип венчика, характерный для XIII—XIV вв.; *12* — железная шпора, XI—XII вв.; *13*, *14* — железные шпоры XII — первой половины XIII в.

Установлено, что вал не окружал всю площадку детинца и не имел чисто земляную конструкцию, как ранее предполагал П. А. Раппопорт [2]. Конструкция оборонительных сооружений городища относится к типу вала с внутривальными деревянными клетями, но не забитыми землей, а использовавшимися в качестве хозяйственных помещений. Об этом свидетельствуют находки в клетях печей, хозяйственной ямы, кузнечного горна.

Наиболее массовый материал среди находок — глиняная посуда. В основном это горшки, характерные для Галицких земель XII — первой половины XIII в. (рис. 1, *2—11*). Некоторые их типы близки горшкам более раннего времени X—XI вв. (рис. 1, *2—4*), другие встречаются на памятниках XIII—XIV вв., но здесь представлены в небольшом количестве (рис. 1, *11*).

Хронологические рамки городища помогают определить некоторые единичные находки. Одна из семи шпор, найденных при раскопках, датируется XI—XII вв. (рис. 1, *12*). Такие шпоры входили в снаряжение легковооруженного всадника и позднее XII в. не имели на Руси широкого распространения [3]. Остальные шпоры относятся к снаряжению тяжеловооруженного всадника и датируются XII — первой половиной XIII в. или только первой половиной XIII в.[4] (рис. 1, *13*, *14*).

Возникновение городища, возможно, связано с расширением и укреплением границ Галицкого княжества в первой половине XII в., а ги-

[2] *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.— МИА, № 140, 1967, с. 17.

[3] *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX—XIII вв.— САИ, вып. Е1-36, Л., 1973, с. 61, рис. 37; с. 63, 64, рис. 39, табл. XVIII, *1—3*.

[4] *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого.— МИА, № 65, 1959, рис. 21, *7*, с. 186.

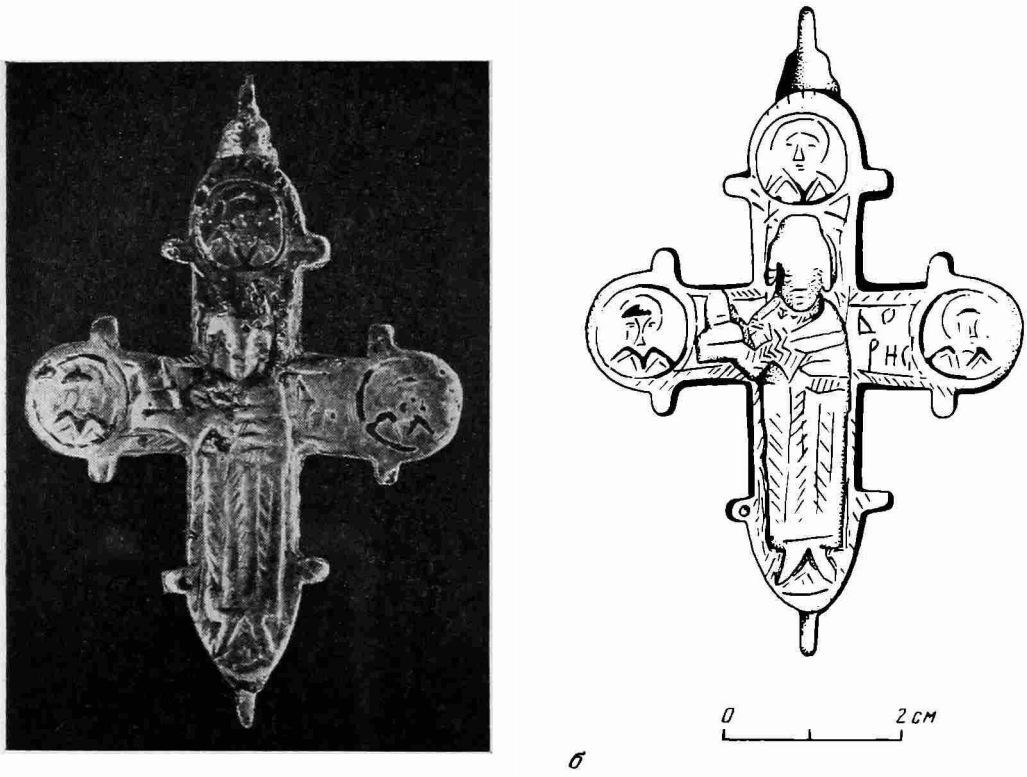


Рис. 2. Энколпион из наземного сооружения

бель — с уничтожением военных укреплений Галицко-Волынского княжества в 1259—1260 гг.

Обращает на себя внимание характер находок, сделанных на городище, и особенно ассортимент кузнечных изделий. Широко представлены предметы снаряжения всадника и верхового коня, оружие, предметы бытового и хозяйственного назначения. В то же время сельскохозяйственные орудия и ремесленный инвентарь отсутствуют. Принимая во внимание местонахождение городища вблизи Галицкого пограничья со степью, характер сооружений и находок, незначительные размеры посада, его можно отнести к небольшой военной крепости, в которой размещался воинский гарнизон, несущий сторожевую службу, как это имело место на восточных и юго-восточных границах русских земель [5].

Среди находок на городище имеется энколпион. Находка сделана в предполагаемом наземном сооружении в восточной части городища недалеко от вала. Здесь на участке площадью около 16 *м*^{2} на глубине 0,15—0,30 *м* встречены завалы камней, большое количество керамики, костей животных, обломок ножа, железная дверная скоба, витое железное кольцо от дверной ручки и др. Для этого городища такое сосредоточение находок в золистом слое не характерно. Других четких следов сооружения не выявлено.

Размеры энколпиона по концам креста 58×48 *мм* (без петель). Сохранилась только одна лицевая сторона энколпиона. Она имеет по одному ушку на нижнем и верхнем концах креста. Энколпион относится к распространенному типу борисоглебских рельефно-черневых энколпионов. Все поле нижнего конца креста занимает фигура князя, выполненная в низком рельефе. Складки плаща и некоторые детали одежды прочерчены резцом. Они заметно схематизированы и представляют примитивный геометризированный орнамент. Черты лица стерты (рис. 2).

[5] *Довженок В. И.* Про типи городищ Київської Русі.— Археологія, № 16, 1975, с. 3—8.

На остальных концах креста в круглых медальонах изображены полуфигуры неизвестных святых, выполненные в технике черни.

Справа от фигуры князя сохранилась прочерченная в две строки надпись $\overset{Б\ О}{Р\ Н\ С}$, причем, очевидно, для Ъ не хватало места.

Как полагает Г. Ф. Корзухина, энколпионы с черневыми фигурами святых в круглых медальонах и рельефной фигурой святого в центре скорее всего киевского производства и относятся ко второй четверти — середине XII в. [6]

Публикуемый энколпион несомненно относится к данной группе. Черты лица святого, складки его плаща и очертания венца совершенно заплыли, что объясняется некачественной отливкой в глиняной форме с полустершегося образца. На каждой такой отливке мастер дополнительно дорабатывал резцом детали изображения, причем возникали существенные различия. Эти индивидуальные особенности данной серии энколпионов заметны при сопоставлении находки у с. Гринчук с аналогичными энколпионами, опубликованными Н. Петровым, М. К. Каргером (из мастерской литейщика в Киеве) [7].

Не противоречит предложенной датировке энколпиона надпись с именем Бориса. Она выполнена прямым письмом с вертикальными мачтами букв. Характерно для XI—XII вв. написание Б с кузовом в виде треугольника. Более индивидуально написание Р с длинным хвостом и маленькой полукруглой головкой, направленной вверх. Подобное начертание Р постоянно употребляется авторами графитти Софии Киевской в XI—XII вв. и ограничивает верхнюю дату памятника в пределах XII в., так как в XIII в. начертание Р существенно меняется [8].

---

[6] *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси.— ВВ, XIV, 1959, с. 136, 137.

[7] *Петров Н.* Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. IV—V. Киев, 1915, с. 30, табл. XVII, *7*, *8*; *Каргер М. К.* Древний Киев, т. I. М.— Л., 1958, табл. VIII.

[8] *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976, с. 167—176.

А. А. ЧАРИКОВ

ГРУППА СКУЛЬПТУР ИЗ ДЖАМБУЛА

В числе средневековых каменных изваяний, собранных в последние годы сотрудниками Джамбулского областного краеведческого музея [1], выделяются пять изваяний с поджатыми ногами. У всех этих фигур в опущенных к животу руках изображен сосуд. Пол изображенных неопределенный. Предположительно два изваяния (судя по обозначенным гривнам) — женские (рис. 1, *4*, *5*). Материалом для четырех статуй послужили продолговатые глыбы серого крупнозернистого гранита и в одном случае (рис. 1, *2*) темный зеленовато-серый песчаник. Публикуемые каменные изваяния обнаружены в перемещенном состоянии, поэтому рассматривать их в комплексе с погребальным сооружением или жертвенным местом не представляется возможным.

И з в а я н и е 1 (рис. 1, *1*; рис. 2, *1*). Серый крупнозернистый гранит. Высота 151, ширина 28—58, толщина 14—24 *см*. Обнаружено на летнем пастбище колхоза им. С. М. Кирова Курдайского р-на Джамбулской обл. Точное место находки неизвестно. Имеются значительные повреждения

---

[1] Пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую благодарность старшему научному сотруднику А. П. Попову за оказанное содействие в изучении этих памятников.

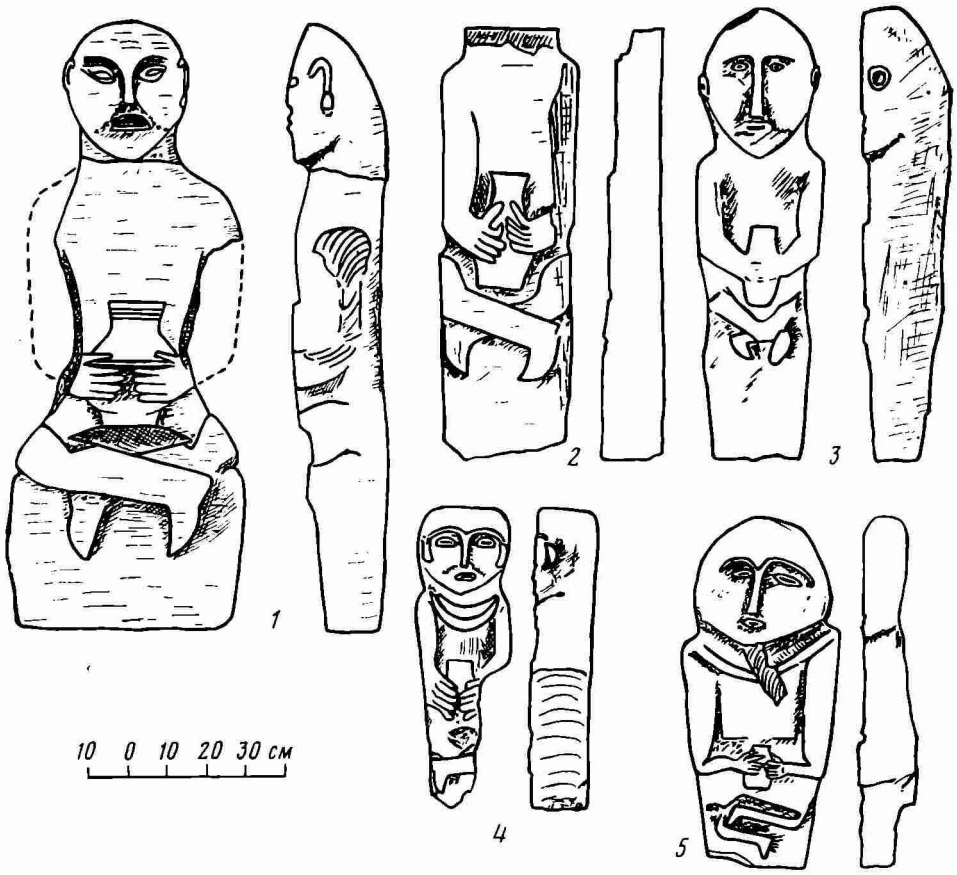


Рис. 1. *1* — изваяние 1 (территория колхоза им. С. М. Кирова), *2* — изваяние 2 (станция Отар), *3* — изваяние 3 (урочище Джайсан), *4* — изваяние 4 (территория колхоза им. С. М. Кирова; все из Курдайского р-на Джамбулской обл.)

Рис. 2. Фотографии изваяний 1, 4, 5 (слева направо)

(отколота, но сохранилась голова, отбиты и утрачены руки). Объемная фигура имеет чуть вогнутую поясницу, выделенную голову, торс и частично руки. Детали изображения даны в низком рельефе (ноги, кисти рук, сосуд, нос, уши с серьгой) или показаны гравировкой (зрачки глаз). Непокрытая, по-видимому, безволосая голова со скошенным затылком имеет округлую форму. Ушам придана скобообразная форма; в левом ухе желудевидная серьга без стержня. Глаза показаны в виде косо поставленных овальных выпуклостей с прочерченными зрачками, повторяющими внешние контуры, валик бровей отсутствует. Довольно крупный, слегка раскрытый рот обозначен дугообразным валиком верхней губы над горизонтальной нижней. Кисти рук прижимают к животу большой плоскодонный сосуд с каннелированным шаровидным туловом и чуть расширяющейся вверх горловиной. Скрещенные ноги представлены в мягких (без каблуков) остроносых сапогах с высокими облегающими голенищами, причем правая нога изображена поверх левой. С тыльной стороны изваяния возле рук видны следы ударов узкого (1,5—2 *см*) долота. Со всех сторон поверхность имеет следы шлифовки. Инв. № 2742/1, Б-151.

Изваяние 2 (рис. 1, *2*). Плоский в поперечном сечении темный зеленовато-серый песчаник. Голова утрачена. Сохранившаяся высота 177, ширина 24—35, толщина 8—15 *см*. Найдено близ станции Отар Курдайского р-на Джамбулской обл. Имеются повреждения в виде продольных трещин по боковым сторонам изваяния и сколов на его лицевой поверхности. Лицо, руки, сосуд исполнены в технике барельефа. Спина плоская, с плавным небольшим утолщением в нижней части. Плечи выделены за счет резкого сужения монолита вверху, в области шеи. Пальцы опущенных к животу рук прижимают высокий плоскодонный сосуд с расширяющейся кверху горловиной и выпуклым туловом. Скрещенные ноги изображены в мягких сапогах без каблуков, с заостренными, слегка загнутыми вверх носками и высокими облегающими голенищами. Правая нога показана лежащей поверх левой. Инв. № 3882, Б-830.

Изваяние 3 (рис. 1, *3*). Серый крупнозернистый нешлифованный гранит, подтреугольный в поперечном сечении. Высота 113, ширина 22—32, толщина 12—22 *см*. Доставлено в музей из урочища Джайсан Курдайского р-на Джамбулской обл. Имеет некоторые повреждения в виде сколов на правой стороне головы, на лицевой стороне имеются выветренные участки. Техника исполнения лица и рук — уплощенный барельеф. Сутуловатая спина показана чуть вогнутой в пояснице. Яйцевидная голова выделена за счет выступающих плеч и подбородка. Овальные глаза со зрачком-ямкой даны в углублениях — глазницах (без бровей), ограниченных слегка выступающим лбом. Уши изображены двумя округлыми замкнутыми валиками, рот — нечетким овалом. В опущенных к животу руках с неясно прочерченными пальцами изображен высокий плоскодонный сосуд кувшиновидной формы. Скрещенные ноги сильно укорочены по отношению к туловищу, правая нога с бесформенной (овальной) ступней изображена поверх левой, «обутой» в остроносый без каблука сапог. Инв. № 3586/7, Б-164.

Изваяние 4 (рис. 1, *4*; рис. 2, *2*). Серовато-зеленый крупнозернистый гранит с шероховатой (нешлифованной) поверхностью, подпрямоугольный в поперечном сечении. Высота 76, ширина 8—24, толщина 14—15 *см*. Доставлено в музей из Курдайского р-на Джамбулской обл. Точное место находки неизвестно. Отбита и утрачена левая часть внизу монолита. Обработке подвергнуты лицевая и, частично, боковые стороны. Техника — уплощенный барельеф. Спина прямая и плоская с незначительно вогнутой поясницей. Уплощенная сверху голова выделена за счет выступающих плеч и подбородка. Слегка изогнутые брови и прямой нос соединены в одном рельефе. Примыкающие к бровям уши показаны в виде двух полумесяцев. Глаза и рот даны выпуклыми

овалами. Губы и веки разделены продольными чертами. На груди изображены две широкие гладкие гривны одна над другой. В опущенных к животу ладонях — сосуд с прямой, слегка сужающейся вверх горловиной. Дно не обозначено. Скрещенные ноги изображены в остроносых сапогах с выделенным каблуком (сохранилась только ступня левой ноги). Левая нога изображена поверх правой.

Изваяние 5 (рис. 1, *5*; рис. 2, *3*). Серый крупнозернистый гранит с подшлифованной лицевой поверхностью, подпрямоугольный в поперечном сечении. Высота 88, ширина 25—41, толщина 8—14 *см*. Найдено на территории колхоза им. С. М. Кирова Курдайского р-на Джамбулской обл. Повреждено сколами в области груди. Лицевая сторона исполнена в технике барельефа. Спина со слегка вогнутой поясницей не обработана в деталях. Округлая, чуть склоненная влево голова выделена за счет выступающих плеч и подбородка. Изогнутые асимметричные брови и нос даны в совмещенном рельефе. Длинные косо поставленные глаза (наружными углами вниз) обозначены узкими овалами. Верхнее веко отделено от нижнего прочерченными продольными линиями. Сходным способом показан и небольшой овальный рот. На груди изогнутым валиком показана гладкая гривна. В опущенных к животу руках, согнутых под прямым углом, изображен плоскодонный сосуд со слегка зауженной горловиной и выпуклым туловом. Подогнутые под себя (но не скрещенные) ноги сильно уменьшены по отношению к туловищу, причем левая нога лежит параллельно правой, чуть выше нее. Обувь — сапоги без каблуков с облегающими, по-видимому, высокими (верхний край не отмечен) голенищами. Инв. № 2742/2, Б-152.

Все рассмотренные изваяния близки друг другу по композиции и ряду деталей (сидящая поза, подогнутые ноги, прижатый к животу сосуд). Однако каждое из них имеет свои характерные отличия, обусловленные, вероятно, как индивидуальными особенностями изображенных, так и (в меньшей степени) творческой манерой мастера. Выделяется лишь одно изваяние по положению поджатых ног (рис. 1, *5*; 2, 3). обозначенных не в скрещенном положении, а параллельно одна другой; по другим признакам (характерный изгиб бровей в едином рельефе с носом, пальцы рук) оно сохраняет сходство с остальными памятниками данной группы. Есть различия и в трактовке глаз, свидетельствующие, по-видимому, об эволюции изобразительных средств.

Передняя сторона статуй исполнена преимущественно в технике барельефа, включающей элементы гравировки. Специально подобранные глыбы «дорабатывались» мастерами дополнительными сколами. Чаще всего степень такой доработки была минимальной, особенно со стороны спины (рис. 1, *3*), так как сходство общего силуэта определялось, видимо, уже на стадии подборки монолита. К тому же раскрытие образа в эпоху раннего средневековья достигалось степными художниками почти исключительно за счет атрибутов. Лишь немногим тогда удавалось преодолеть рамки устоявшихся канонов и внести в изображение живые черты. Казахстанские статуи в этом отношении выгодно отличаются от западных (половецких) скульптур, хотя по качеству отделки фигур последние превосходят первые.

Благодаря выработанным изобразительным приемам представленные изваяния достаточно выразительны. Голова всегда увеличена по отношению к туловищу, ноги, напротив, сильно уменьшены в размерах. Подобное «нарушение» пропорций вызвано стремлением древних ваятелей выразить идею величия. Вместе с тем общий абрис фигур не лишен стройности, достигнутой за счет довольно высокой посадки головы, при которой линия подбородка не опускается ниже уровня плеч, а также за счет несколько вытянутого силуэта (отношение ширины к высоте составляет 1 : 3, иногда — 1 : 4). Особое внимание уделялось изображению лиц, несомненно, имевших индивидуальные черты. Очевидно, во-

сточные мастера подходили к раскрытию образа с несколько иных позиций, нежели половецкие, изображавшие не конкретного предка, а в значительной мере «героизированный», обобщенный идеал[2]. Черты лица казахстанских скульптур (разрез глаз, форма носа, рта, усов, бороды) весьма конкретны в каждом отдельном случае и практически не повторяются, особенно в сочетаниях.

Глаза изображаются в виде выпуклых овалов с прочерченным зрачком, повторяющим внешние очертания контура глаза (рис. 1, *1*) или с продольной линией, разделяющей веки (рис. 1, *4*, *5*). В одном случае зрачок обозначен ямкой (рис. 1, *3*). Второй вариант зафиксирован на подобных статуях в Хакасии, Семиречье[3] и не встречен пока на ранних памятниках. Нос выпуклый, прямой (рис. 1, *1*, *4*) или слегка расширяющийся книзу (рис. 1, *3*, *5*). Брови изображаются двумя способами: или изогнутым валиком, образующим единый рельеф с носом (рис. 1, *4*, *5*), или верхним контуром глазниц подо лбом (рис. 1, *1*, *3*). Рот дается в виде овала с продольным углублением (рис. 1, *3*—*5*). Лишь у одного изваяния раскрытый рот обозначен выгнутым полуовалом верхней губы над прямым горизонтальным валиком нижней (рис. 1, *1*). Уши в виде скобок (рис. 1, *1*), округлые (рис. 1, *3*) и в форме полумесяцев (рис. 1, *4*). К левому уху одного изваяния (рис. 1, *1*; рис. 3, *5*) примыкает желудевидная серьга без стержня и петли. Подобные серьги встречены на семиреченских изваяниях (VI—XI вв.)[4]. Желудевидная, полая, по-видимому, подвесная часть серьги из золота хранится в Джамбулском областном краеведческом музее (Т. Н. Сенигова считает ее бусиной и относит к VI—IX вв. н. э.)[5]. Серьги с аналогичными подвесными «шариками» обнаружены в Прииртышских курганах IX—XII вв.[6] Вариант без стержня зафиксирован на Алтае (IX в. н. э.)[7]. Кроме серьги украшения представлены тремя гривнами (рис. 3, *1*, *2*). В одном случае (рис. 1, *5*) изображена довольно массивная гладкая гривна, плавно изогнутым валиком в верхней части груди. В другом (рис. 1, *4*) обозначены еще более массивные парные гривны двумя серповидными выпуклостями. Гладкие массивные гривны отмечены на относительно поздних статуях Семиречья[8] и Прииртышья. Для женских по-

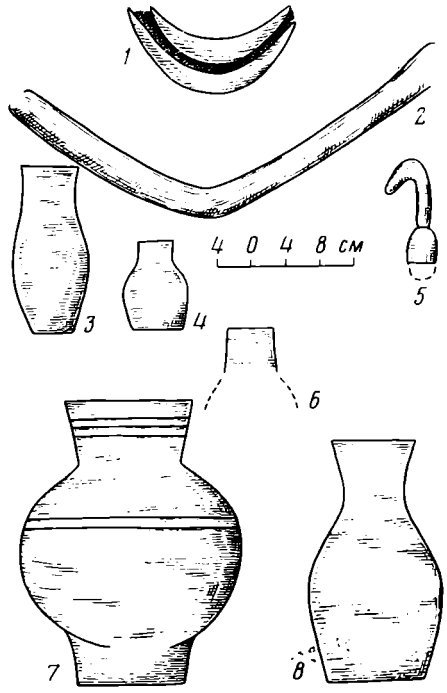


Рис. 3. *1* — двойные гривны (изваяние 4), *2* — гривна (изваяние 5), *3* — сосуд (изваяние 3), *4* — сосуд (изваяние 5), *5* — серьга (изваяние 1), *6* — сосуд (изваяние 4), *7* — сосуд (изваяние 1), *8* — сосуд (изваяние 2)

---

[2] *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников Золотой Орды. М., 1976, с. 92.

[3] *Кызласов Л. Р.* О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей.— СА, 1964, № 2, с. 33, рис. 1; *Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья. М., 1966, табл. XXV, *123*; XXVI, *128*, *129*; XXVII, *134*.

[4] *Шер Я. А.* Ук. соч., табл. VII, *35*; XIV, *57*; XVII, *73*; XXI, *94*.

[5] *Сенигова Т. Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, с. 105, рис. 221.

[6] *Арсланова Ф. Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.).— В сб.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 100, рис. 139; *Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г.* Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья.— Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с. 307, табл. I, *4*.

[7] *Грязнов М. П.* Древние культуры Алтая.— В сб.: Материалы по изучению Сибири, вып. 2. Новосибирск, 1930, табл. I, *166*.

[8] *Шер Я. А.* Ук. соч., табл. VI, *25*; XXV, *118*.

ловецких статуй гривны являются наиболее распространенным украшением, причем значительный процент составляют именно парные гривны [9].

В опущенных к животу руках разбираемых статуй обозначены сосуды. Концы плотно сжатых пальцев почти всегда прикасаются друг к другу. При этом большие пальцы (реже и указательные) в некоторых случаях слегка отставлены вверх (рис. 1, *1, 2, 5*). Воспроизведенные сосуды имеют кувшиновидную форму без ручек и слива (рис. 1, *2, 3, 5*; рис. 3, *3, 4, 6, 8*). Кроме того, на одном изваянии изображен массивный, с шаровидным туловом, широкогорлый сосуд с выделенным плоским поддоном (рис. 1, *1*; рис. 3, *7*). Еще на одном (рис. 1, *4*; рис. 3, *6*) показана только верхняя часть (горловина) сосуда, а нижняя не видна под широкими ладонями. По форме сосуд с шаровидным туловом и выделенным поддоном идентичен золотой «бутылочке», найденной на территории Хакасии, в тайнике кургана 2 Копёнского чаатаса [10]. По своим очертаниям он подобен сосудам, изображенным на тувинских скульптурах VIII—IX вв. [11] Варианты сосудов кувшинообразной формы представленные на изваяниях данной группы, очень близки керамике Тувы (VI—VII вв.) [12], Южного Казахстана (IV—IX вв.) [13], а также встречаются на статуях Семиречья и Прииртышья (IX—XI вв.) [14].

Ни на одной из рассматриваемых скульптур нельзя сколько-нибудь отчетливо проследить контуры и покрой одежды. Вместе с тем в обобщенных силуэтах угадываются очертания легких (без воротников) облегающих кафтанов типа казахского летнего шапана [15]. Форма головы как бы имитирует островерхие летние женские головные уборы тувинцев (рис. 1, *3, 5*) [16] и казахов уплощенный убор-покрывало) (рис. 1, *4*) [17]. В одном случае изображена непокрытая и, вероятно, безволосая голова (рис. 1, *1*). К сожалению, характер обуви представлен на джамбульских скульптурах недостаточно конкретно. Можно лишь предполагать, что на всех фигурах показаны сапоги с высокими голенищами (судя по одинаковой толщине ноги), однако край голенища нигде не обозначен.

Сидящие каменные изваяния не редки для казахстанских степей. Однако чаще здесь встречаются стоящие статуи или, лучше сказать, статуи с необозначенными ногами. Существует мнение, что во всех подобных случаях изображены сидящие, а не стоящие люди [18]. Очевидно, это не всегда соответствует истине. Принадлежность таких фигур к категории стоящих определяется пропорциями самого монолита, когда нижняя его часть (ниже пояса) примерно равна верхней. Пропорции сидящих статуй из Джамбула совершенно иные — нижняя часть составляет лишь около $^1/_3$ всего монолита (рис. 1, *1—4*) и даже меньше (рис. 1, *5*). Среди половецких изваяний также отчетливо различаются сидящие и стоящие.

---

[9] *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния.— САИ, вып. Е4—2. М., 1974. с. 45—47, рис. 20, *9—11*.

[10] *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 597, табл. V, *1, 4*.

[11] *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969, с. 80, рис. 26; с. 81, рис. 27, *1, 4*.

[12] Там же, с. 20, табл. I, *32*.

[13] *Нурмухамбетов Б. Н.* Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника.— В сб.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 118, табл. III, *9*; *его же.* Катакомбы Боижарского могильника.— В сб.: Древности Казахстана, Алма-Ата, 1975, с. 109, табл. I, *1*; *Сенигова Т. Н.* Ук. соч., табл. IV, *14, 21, 29*.

[14] *Шер Я. А.* Ук. соч., табл. XXV, *120*; XXVI, *124*.

[15] *Востров В. В.* Новые материалы по энтографии казахов-адаевцев.— Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. 8. Алма-Ата, 1960, с. 164, рис. 3.

[16] Кн.: Народы Сибири. Этнографические очерки. М.— Л., 1956, с. 463, рис. 4. Подобные шапочки «тақия» имеются и у казахов.

[17] *Арғынбаев Х., Захарова И. В.* 1958 ж. оңтүстік қазақстан облысында уйындастырылған этнографиялық, экспедиция жумысының корытындысы.— Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. XII. Алма-Ата, 1961, с. 109, рис. 4 (в правом верхнем углу).

[18] *Шер Я. А.* Ук. соч., с. 26 (прим. 11).

По положению ног все раннесредневековые сидящие изваяния можно разделить на пять типов: 1 — ноги «калачиком» (подошвами одна к другой), 2 — ноги сложенные параллельно одна другой (колени врозь, левая ступня обращена вправо, правая — влево), 3 — скрещенные ноги с вертикально обозначенной ступней, носком вниз, 4 — поджатые под себя (коленями вперед) ноги, 5 — опущенные ноги (половецкий тип) сидящей на «скамеечке» фигуры. Наиболее распространенным для казахстанских памятников является прием изображения ног в скрещенном положении, носками вниз (рис. 1, *1—4*). Подобная трактовка не исключает ее связи с буддийской символикой Согда и Пенджикента [19]. Вместе с тем преобладание именно такой позы дает основание рассматривать ее как локальную (для казахстанского региона) особенность. Это тем очевиднее, что для других областей распространения сидящих каменных изваяний присущи иные приемы в обозначении ног. Так, например, для тувинских и южносибирских сидящих статуй характерно горизонтальное положение ног, сложенных параллельно одна другой (тип 2) [20]. Здесь встречены также объемные сидящие скульптуры с ногами, подогнутыми под себя, коленями вперед (тип 4) [21]. Одно такое изваяние было найдено и в Восточном Казахстане, в предгорьях Горного Алтая [22]. Совершенно иное (вертикальное) положение ног у сидящих половецких статуй (тип 5) [23].

Третий тип, вполне вероятно, можно считать традиционным для Казахстана, поскольку он зафиксирован здесь не только на относительно поздних статуях, но и на самых ранних памятниках древнетюркской скульптуры. Любопытно, что подобная трактовка скрещенных ног отмечена на одном изваянии из Хакасии, датируемом IV—V вв. н. э.[24]

При сравнении каменных изваяний с широкой территории нетрудно заметить принципиальное отличие в положении ног западных (половецких) и восточных (Казахстан, Южная Сибирь, Тува) статуй, несомненно вызванное различными условиями быта и традиций.

На основании формы изображенных сосудов и украшений, с учетом стиля исполнения и позы фигур, изваяния из Джамбула можно датировать в рамках IX—XI вв. н. э. Очевидно, что все они являются скульптурными портретами представителей знати [25] кимакско-кыпчакских племен, распространивших в то время свое влияние в степях от Иртыша до Волги. В идеологическом отношении данные статуи, по-видимому, связаны с культом умершего и обожествленного предка [26]. Различная трактовка обозначенных ног и их положение обусловлены как этническими факторами (различная манера сидеть), так и местными изобразительными традициями.

---

[19] *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. М., 1971, с. 59, рис. 10, *20*, *29*; *Гафуров Б. Г.* Таджики. М., 1972, с. 269.

[20] *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— МИА, № 24, 1952, с. 90, рис. 30, 31; *Кызласов Л. Р.* История Тувы..., с. 30, рис. 5, *1*.

[21] *Кызласов Л. Р.* История Тувы..., с. 31, рис. 6.

[22] *Арсланова Ф. Х., Чириков А. А.* Каменные извания Верхнего Прииртышья.— СА, 1974, № 3, с. 227, рис. 59.

[23] *Плетнева С. А.* Ук. соч., табл. I, *83*.

[24] *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха. М., 1960, с. 158, рис. 61, *2*.

[25] *Кызласов Л. Р.* О назначении..., с. 27—37.

[26] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. М., 1966, с. 191; *Плетнева С. А.* Ук. соч., с. 74.

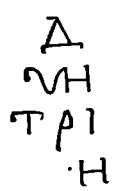
А. Г. ВЕКСЛЕР, Т. В. НИКОЛАЕВА

ИКОНКА ДМИТРИЯ СОЛУНСКОГО ИЗ ПОДМОСКОВЬЯ

В археологический отдел Музея истории и реконструкции г. Москвы в 1978 г. поступила шиферная резная иконка с изображением Дмитрия Солунского, обнаруженная в южном Подмосковье (рис. 1) [1].

Находка представляет чрезвычайный интерес — как с точки зрения иконографии, так и по эпиграфическим особенностям сохранившейся на ней надписи. Необходимо отметить, что произведения мелкой пластики из камня редко встречались при археологических работах в самой Москве и в древних городах Подмосковья, поэтому данный экземпляр заслуживает особого рассмотрения.

Узкая, продолговатая пластина шиферной иконки имеет закругленный верх, где просверлено сквозное круглое отверстие для подвешивания ее на цепи или простом гайтане [2]. Невысоким, скругленным к фону рельефом фигура Дмитрия Солунского изображена по бедра, строго в фас, с копьем в согнутой перед грудью правой руке. Рельеф изображения сильно сглажен, но некоторые детали возможно рассмотреть. Судя по верхнему контуру головы, волосы святого были изображены волнистыми. На груди видны две косые, сходящиеся под углом складки плаща, накинутого поверх одежды и скрепленного на правом плече. Пола плаща, спускающаяся сзади за согнутой правой рукой, орнаментирована выпуклыми квадратиками между двумя врезанными линиями. Одежда Дмитрия подобрана у пояса. Нимб рельефный, гладкий, слегка заглубленный к контуру головы. По краю иконки проходит узкая рамка. Поскольку иконка имеет плохую сохранность, совершенно стерты многие детали изображения, то судить о ее датировке можно только по иконографии и эпиграфическим признакам надписи, начертанной на фоне резьбой вглубь справа от нимба.



Иконография Дмитрия Солунского как пешего воина — с копьем и мечом или копьем и щитом характерна для XII—XIII вв. В мелкой пластике она представлена на впервые публикуемой здесь каменной овальной иконке из Новгорода (рис. 2), на иконке из ГИМ, происходящей из собрания Н. М. Постникова и датируемой XIII в.[3], на иконке из Каменец-Подольского музея [4]. На двух первых экземплярах, не одинаковых по иконографии, но близких по времени и виртуозно выполненных мастерами-профессионалами, Дмитрий представлен строго в фас,

[1] Арх. фонды МИРМ. Коллекция МОНР, инв. № 67. Найдена при земляных работах в дер. Проскурниково Михневского района Московской области инж. Е. С. Киселевым. На месте обнаружения, на высоком левом берегу р. Речицы (приток р. Северки, бассейн р. Москвы), при археологическом обследовании прослежен 40-сантиметровый культурный слой древнерусского селища с характерным керамическим комплексом XII—XV вв.

[2] Размеры иконки: 3,7×2,5 *см* при толщине 0,4—0,5 *см*.

[3] ГИМ, № 2626. Каталог христианских древностей, собранных московским купцом Николаем Михайловичем Постниковым. М., 1888, № 1118.

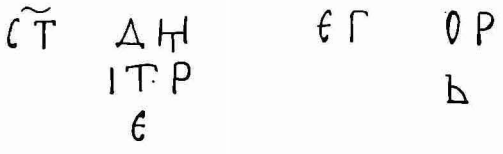
[4] *Николаева Т. В.* Каменная иконка, найденная в Новгороде.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975, с. 222, 223.

Рис. 1. Дмитрий Солунский. XIII в. Иконка из Подмосковья. Музей истории и реконструкции г. Москвы

Рис. 2. Дмитрий Солунский. Конец XII — начало XIII в. Иконка из Новгорода (случайная находка). Новгородский музей

черты его лица, а также кольчужный доспех и плащ тщательно проработаны резцом. На фонах сохранились грамотные и четко вырезанные надписи. По эпиграфическим признакам новгородская иконка датируется концом XII в., а иконка из Каменец-Подольска — первой третью XIII в. Иконка из Подмосковья близка к этим ранним экземплярам. Этот иконографический извод идет от тех византийских образцов с изображением пеших воинов, которые представлены известными шиферными иконками XII в. из Херсонеса [5], особенно иконкой с изображением Георгия [6].

В искусстве великокняжеской Москвы также известны изображения пеших воинов Георгия и Дмитрия, например на иконке из музеев Московского Кремля, происходящей из Успенского собора во Владимире (рис. 3 и 4). Но на этот образец уже повлияли иконописные приемы, известные мастерам мелкой пластики. Дмитрий представлен в трехчетвертном повороте, с торжественно поднятым на правое плечо мечом, в условно переданных, скорее живописных, доспехах. Моделировка округлого лица достигается уже иными средствами, в более обобщенной манере. Изображенный на обороте Георгий представлен в фас, с копьем и щитом, но контур его фигуры более расплывчатый и живописный по сравнению со строгими, четко отработанными линиями фигуры Дмитрия из Подмосковья. Четко начертанные резцом вглубь надписи имеют эпиграфические признаки конца XIV — начала XV в.:



Для начертаний букв характерно: узкое и заостренное С, Е и О, буква Р с довольно широкой круглой петлей, геометризованное со средней

[5] Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки, т. 2. М., 1977, с. 114, № 616.

[6] *Белов Г. Д.* К изучению экономики и быта позднесредневекового Херсонеса.— СА, VII, 1941, с. 240.

Рис. 3. Дмитрий Солунский. Конец XIV в. Иконка из ризницы Успенского собора во Владимире. Гос. Музей Московского Кремля

Рис. 4. Георгий Победоносец. Конец XIV в. Оборот иконки из ризницы Успенского собора во Владимире

чертой, спускающейся ниже строки. В слове "ДЊІТРЄ" нет буквы Ь после Д, т. е. слово произносится с твердым звуком Д в отличие от новгородской иконки с надписью «ДЬМНТРІ».

Наблюдение над иконографией заставляет отнести найденную в Подмосковье иконку ко времени более раннему, чем XIV в. Для датировки здесь могут быть использованы эпиграфические особенности надписи. Буква Д почти квадратная, с верхней частью в виде прямоугольного треугольника, с отсечкой черточкой влево, М — с округлыми плечиками, с короткой левой мачтой и петлей в строке, Р — с маленькой округлой головкой, И — начертанное дважды, широкое, квадратное, с прямой перекладиной (вертикальные мачты имеют отсечки маленькими черточками то вправо, то влево, образованные слабым поворотом резца) — все эти признаки указывают на XIII в.[7] Однако в данном случае мы можем говорить только о широкой датировке в пределах века, так как для более узкой даты нет достаточных оснований.

Первоначально иконка, несомненно, была в оправе, и лишь после ее утраты просверлили отверстие для шнура, нарушившее внутренний абрис рамки и нимба. Утрата деталей рельефа иконки — это результат ее длительного использования владельцами.

Дмитрий Солунский издавна считался покровителем воинов[8]. Уже в «Повести временных лет» он упомянут как защитник киевского князя Олега от вероломства греков при его нападении на Константинополь[9].

---

[7] *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967, с. 114, 115, 117.

[8] Две византийские хроники X века. Псамафийская хроника Иоанна Камениата. Взятие Фессалоники. М., 1959, с. 215, 216.

[9] ПСРЛ, т. I. М., 1962, стлб. 30.

Во Владимире, Новгороде, Пскове и других городах во имя Дмитрия Солунского освящались соборы и церкви [10].

Дмитрий Солунский был патрональным святым великого князя владимирского Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1176—1212), в крещении Дмитрия. Он создал во Владимире «на дворе своем» собор Дмитрия Солунского, «оукраси ю дивно иконами и писаньем и принесъ доску гробную изъ Селуня Стаг мчнка Дмитрия мюро непрестанно точащю на здравье немощным в тои цркви постави и сорочку того ж мчнка ту же положи...» [11] Мощи Дмитрия Солунского мы находим во многих суздальских ковчегах-мощевиках [12]. На гробной доске Дмитрия, привезенной Всеволодом из Солуни и водворенной в Дмитриевском соборе, фигура святого-воина была изображена стоящей во весь рост, о чем можно судить по более поздней записи [13].

Вновь культ Дмитрия Солунского приобрел актуальность на Московской земле. Церковь Дмитрия Солунского в Кремле во времена Ивана Калиты стала приделом Успенского собора, причем это, несомненно, было связано со стремлением напомнить Дмитриевский — второй прославленный храм Владимира [14]. По Львовской летописи, в стене этого придела в Успенском соборе Московского Кремля в 1326 г. было совершено захоронение убитого московского князя Юрия Даниловича [15]. В 1380 г. по повелению великого князя Дмитрия Ивановича из владимирского Дмитриевского собора в Москву вывозится икона Дмитрия Солунского [16]. Совершенно очевидно, что почитался он не только как патрональный святой великого московского князя Дмитрия Ивановича Донского, но и как покровитель воинов, участвовавших в Куликовской битве с татарским ханом Мамаем, о чем красноречиво свидетельствует Никоновская летопись [17]. К концу XIV—началу XV в. можно отнести иконку с Дмитрием и Георгием, связанную уже с рублевским периодом в истории московского искусства.

Что же касается ранней иконки с изображением Дмитрия Солунского, потерянной на берегу р. Речицы у древнего поселка, то вполне возможно, что она могла быть фамильной реликвией одного из тех воинов, что находились в стане московского великого князя.

В данном случае для нас очевиден ранний иконографический извод Дмитрия Солунского из Подмосковья, воина-покровителя русских полков, связанный с домонгольским искусством Киева и Владимиро-Суздальской Руси.

---

[10] ПСРЛ, т. I, стлб. 436; т. III, с. 96; т. IV, с. 127, 296.

[11] ПСРЛ, т. I, стлб. 436, 437.

[12] *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в.— САИ, вып. Е1—49. М., 1971, с. 32, № 1; с. 33, № 4; Историческое описание первоклассного Княгинина Успенского женского монастыря в губ. гор. Владимире. М., 1900, с. 76—79.

[13] ИРИ, т. I, с. 474.

[14] *Шеляпина Н. С.* К истории изучения Успенского собора Московского Кремля.— СА, 1972, № 1, с. 200—214; *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. 2. М., 1962, с. 152.

[15] ПСРЛ, т. XX, с. 177.

[16] *Воронин Н. Н.* Ук. соч., т. I. М., 1961, с. 398.

[17] ПСРЛ, т. XI, с. 61.

Критика и библиография

Sklenář K. Nejstarši lidská obydlí v Československu. Praha, 1977. 174 s., 65 il. (Národní muzeum v Praze. Inventáře a nálezové zprávy. Ř. A. Sv. 1. Průvodce pravěkem. Sv. 3. Red. J. Neustupný).

В Чехословакии, несмотря на относительно небольшие ее размеры, палеолитических жилищ обнаружено и исследовано больше, чем в какой-либо другой стране, кроме СССР. Значительную помощь при их изучении в течение ряда лет оказывала сводка Ф. Прошека [1]. Назревшей необходимости в современном осмыслении ряда жилых объектов и в более широком обобщении всех имеющихся материалов отвечает монография К. Скленаржа, в которой освещены также и мезолитические жилища.

В последние годы К. Скленарж написал три большие статьи, обобщающие материалы всех ныне известных палеолитических и мезолитических жилищ [2]. Эти работы, отличающиеся от аналогичных обобщений предшественников полнотой использования источников, систематичностью теоретического подхода и строгостью в отборе фактов, выдвинули К. Скленаржа в число видных исследователей каменного века [3].

Основу рецензируемой книги составляет несколько вводно-теоретических глав и обзор сведений по остаткам древнейших жилищ в Чехословакии. Первая глава «Источники сведений о древнейших жилищах» (с. 9—26) посвящена рассмотрению информационной значимости источников. В связи с этим они разделены на первичные — археологически изученные остатки жилищ, вторичные — отображение жилищ в изобразительной деятельности людей каменного века и третичные — этнографические параллели.

Хотя на сведениях, добытых путем раскопок, сказывается ряд объективных и субъективных обстоятельств, лишь они составляют прямой, непосредственный источник по древнейшим поселениям. Памятники изобразительной деятельности современны отраженным объектам, но они являются косвенным источником сведений о жилищах. Автор считает, что после целостного рассмотрения тектиформ наряду с другими знаками и образами в работах А. Леруа-Гурана видеть в них изображение жилищ вряд ли возможно. Тем самым фиксируется отсутствие вторичных источников познания палеолитических жилищ (с. 19, 20).

Рассматривая в самом общем виде третичный источник, К. Скленарж отмечает необходимость отхода от более или менее произвольных сопоставлений этнографических явлений с археологическими. Идеальным было бы подкрепление каждой археологической интерпретации археологическими материалами без современных аналогий. Но поскольку это практически недостижимо, нужно стремиться к более обоснованным сопоставлениям, учитывающим прежде всего два основополагающих

---

[1] *Prošek F.* Mladopaleolitická obydlí v Československu.— PA, roč. LII, 1961, s. 57—75.

[2] *Sklenář K.* Palaeolithic and Mesolithic dwellings: problems of interpretation.— PA, roč. LXVI, 1975, s. 266—304; *idem.* Palaeolithic and Mesolithic dwellings: an assay in classification. PA, roč. LXVII. 1976, s. 249—340; *idem.* Paleolitické a mesolitické sídlištní objecty v jeskyních.— Anthropozoikum, № 11, 1977, s. 135—169.

[3] К. Скленарж — специалист с широкими интересами. Им написано несколько книг, касающихся самых различных вопросов археологии, главным образом отечественной: *Sklenář K.* Památky pravěku na území ČSSR. Praha, 1974; *idem.* Učenci a pohané. Praha, 1974; *idem.* Slepé uličky archeologie. Praha, 1977; *Bouzek J., Buchvaldek M., Kostomitsopolulos F., Sklenář K.* Dejiny archeologie v evropě. Praha, 1976; *Fridrich J., Sklenář K.* Paläolitische und mesolitische Höhlenbesiedlung des Böhmischen Karstes. Praha, 1977.

фактора: природный, обусловливающий определенные экологические рамки, и общественный, решающий фактор с его экономической и социальной составляющими. Этнографические данные настолько далеки от предмета изучения, что никогда не могут служить непосредственной аналогией, а пригодны как подспорье при осмыслении археологических сведений и для контроля соответствующих выводов. Однако и в таком качестве при методически верном использовании они имеют большое значение для понимания обстановки поселений в прошлом.

Эти соображения о системном использовании этнографических данных вполне созвучны современному соотношению, которое устанавливается между археологией и этнографией. Но практическое применение теоретических установок связано с необходимостью длительной углубленной разработки материалов обеих наук.

Основное внимание обращено на первичный источник. К. Скленарж выделяет четыре основных понятия, связанных с поселениями: 1) объект поселения — основная составная частица поселения (насыпи, стенки, сидения, ямы, очаги и т. п.); 2) жилищный объект — собственно жилище, состоящее из совокупности определенного числа объектов поселения; 3) жилищный комплекс — сочетание жилищного объекта с функционально дополняющими его внежилищными объектами поселения; 4) поселение как единство составляющих его элементов. Все эти понятия под тем или иным наименованием широко употребляются в литературе. Но здесь четко проведена мысль об объекте поселения как основной клеточке иерархически более высоких категорий. Не меньший интерес представляет определение понятий (с. 12, 15, 144).

Наиболее важной основой классификации поселений эпохи первобытности является длительность их существования. Согласно мнению некоторых географов, разделяемому К. Скленаржем, по этому признаку поселения могут быть сгруппированы следующим образом: I — преходящее (несколько дней); II — временное (несколько недель); III — сезонное (несколько месяцев); IV — полупостоянное (несколько лет); V — постоянное (несколько поколений людей). Палеолитические и мезолитические поселения отнесены к группам I—III, а в исключительных случаях к группе IV, которая наиболее характерно представлена неолитической деревней в рамках циклического земледелия (с. 15).

Следует заметить, что эту простую и четкую схему, с некоторыми вариациями бытующую в работах многих исследователей, касавшихся данного вопроса, пока еще трудно соотнести с конкретными материалами палеолита и мезолита. В большинстве случаев вряд ли возможно связать определенное поселение даже с какой-либо из смежных градаций схемы.

Среди современных охотников-собирателей высшей ступени оседлости достигли лишь приморские рыболовы и зверобои северо-восточной Азии и северо-западной Америки. Именно они и были около полувека тому назад поставлены П. П. Ефименко в параллель позднепалеолитической оседлости[4], что придало палеолитическим поселениям (наряду со впечатляющим количеством фаунистических остатков) облик чрезвычайной устойчивости. Смелые для своего времени мысли П. П. Ефименко сыграли большую положительную роль, так как благодаря им жизнь палеолитических коллективов перестала рассматриваться как исключительно бродячая. Однако со времени П. П. Ефименко возникла традиция противоположной крайности, по которой длительность существования долговременных палеолитических поселений соответствует группам IV и V приведенной выше схемы. Между тем продолжительность их жизни не могла совпадать с длительностью жизни поселений приморских рыболовов-зверобоев, так как устойчивость основного ресурса — стад мамонтов — не в состоянии равняться постоянству пищевых ресурсов океанического побережья. Дополнение охоты на мамонта добычей других зверей и собирательством в летнее время, как кажется, все же могло обеспечить существование общины в течение нескольких лет. Но этот сложный вопрос требует специального рассмотрения. Пока следует лишь отметить, что успехи в изучении палеолитических поселений ставят задачу конкретного, исходящего из материалов изучения свойственных им форм оседлости.

---

[4] *Ефименко П. П.* Значение женщины в ориньякскую эпоху.— Изв. ГАИМК, т. XI, вып. 3—4, 1931.

До появления методических разработок, способных существенно продвинуть решение данного вопроса, К. Скленарж применил, по-видимому, единственно верный, по необходимости общий подход. Как явствует уже из классификации групп поселений, он заключается в предположении, что палеолитические и мезолитические поселения по степени оседлости не выходили за рамки, свойственные поселениям современных охотничье-собирательских народов, наименее затронутых цивилизацией.

Следующая глава «Типы жилых построек в палеолите и мезолите» (с. 27—33) посвящена обобщению всего имеющегося фонда жилищ указанного времени на территории Евразии. Автор исходит из принятого в этнографии деления жилых построек на «шалаш» и «дом». У шалаша стены и крыша сложены одними и теми же элементами, у дома они представляют собой самостоятельные части постройки. Дом соответствует высшим ступеням оседлости (поселениям групп IV и V), иначе говоря, периоду производящего хозяйства.

Автор указывает, что палеолитические и мезолитические жилища, за небольшим теоретически допустимым, но не доказанным исключением, относятся к шалашам. Шалаши подразделены им на следующие типы:

тип I — заслон (защитная стенка), собственно еще не жилье, а, по-видимому, его эволюционный предшественник; часто замещает жилище на поселениях группы I, иногда II;

тип 2 — наземное жилище, иногда слегка углубленное. Подтипы: а) прочная наземная постройка для относительно долговременного обитания на поселениях группы III, иногда II; б) легкое наземное жилище (поселения группы II, иногда I или III); в) шатер — жилище, производное от предыдущего подтипа, но с разборным и переносным остовом и съемным и переносным покрытием (поселения группы I и II, иногда III);

тип 3 — полуземлянка, жилище, пол которого углублен обычно на 0,5—1,0 *м* (поселения группы III, изредка IV, исключительно — I и II).

В типологическую схему включены также пещеры и скальные навесы со следами оборудования их человеком. Существование длинных жилищ представляется автору проблематичным. Свои общие воззрения на характер жилищ в каменном веке автор выразил графическим изображением пропорционального состава типов жилищ в связи со сменой эпох (рис. 1) и в схеме исторической эволюции типов жилищ (рис. 2).

Глава «Чехословацкие находки в рамке эволюции древнейших жилищ» (с. 38—58) представляет собой очерк, подытоживающий изучение жилищ на территории Чехословакии. Наиболее интересны здесь соображения автора о предполагаемых раннепалеолитических жилищах, сведения о которых пока немногочисленны и неясны. Раскопанные в Летках овальные углубления в миндель-рисской почве, с угольным и вышележащим прокаленным слоями в заполнении, принимались за следы сгоревшего жилища. К. Скленарж указывает на нетипичность заполнения для жилых объектов, отсутствие следов конструкций и вообще следов пребывания людей. Углубления могли возникнуть благодаря перигляциальным явлениям, а слои в них образовались, вероятно, в результате естественных пожаров, следы которых нередки в плейстоценовых отложениях (с. 42). Подобным же образом автор оценивает местонахождение в Праге — Седлец. Что же касается углубления, раскопанного Я. Фридрихом в 1956 г. в Лужне, то неопределенная ситуация, частичная разрушенность перед исследованием и недостаток ясных конструктивных свидетельств не позволяют говорить о нем с уверенностью как о жилище (с. 43).

Наиболее интересны исследования в Бечове, где Я. Фридрихом обнаружены несколько среднепалеолитических объектов в промежутке от рисса до раннего вюрма. Из них наиболее ранний, датируемый 250 тыс. лет, сохранился лучше других и, по-видимому, будет первым надежно установленным жилищем среднего палеолита в Чехословакии (с. 43). Он имеет овальную форму, внешние размеры 6,6×4,2 *м*, внутренние 4,8×3,5 *м*, глубина до 0,75 *м*. Дно плоское. На западном и восточном краях — круто поставленные камни. Черно-серое гумусированное заполнение содержало множество обломков кремня и большое количество красной краски (с. 72—74).

К сожалению, описание не иллюстрировано, так как иллюстрации отсутствуют и в предварительных сообщениях о раскопках. Если определение объекта в Бечове подтвердится, в истории жилища он займет столь же важное место, как жилища

поселения Терра-Амата. Ведь до сих пор нижний предел бытования углубленных жилищ фактически ограничивался поздним палеолитом. Удревнение его до 250 тыс. лет существенно изменило бы положение одной из основных вех в истории жилища и обогатило бы представления о возможностях трудовой деятельности древнего человека.

Наиболее ранние позднепалеолитические жилища Чехословакии датируются 40—30 тыс. лет и относятся к ориньяку. На селетских поселениях достоверных остатков жилищ пока не обнаружено. Типичным для ориньяка Чехословакии К. Скленарж считает не очень большое по диаметру, незначительно углубленное жилище, иногда с очагом внутри и со следами наземной конструкции в виде ямок от жердей и, вероятно, скоплений камней по краю углубления (с. 46).

Последующая, граветтская фаза (павловская культура), в целом датируемая около 25 тыс. лет, во многих отношениях является вершиной эволюции палеолита на территории Чехословакии. Для этой фазы характерны жилища, названные автором жилищами восточноевропейского типа: прочные наземные (иногда слегка углубленные) постройки грубо округлых очертаний, диаметром 5—8 *м*, с одним или несколькими очагами внутри, обложенные по краю камнями или крупными костями животных, и с ямками от жердей, свидетельствующими о наличии конусовидной или куполовидной конструкции крыши (с. 46).

Изучение жилищ павловской культуры встречается со многими трудностями: в Дольних Вестоницах можно лишь предполагать наличие нескольких жилищ в ранних раскопках. Незрелостью методики исследования объясняется проблематичность обстановки на таких поселениях, как Пржедмость, Лубна, Енералка. В Мораванах вскрыта слишком небольшая площадь и неверно оценена ситуация. В Павлове и Петржковицах объекты повреждены перигляциальными явлениями. В Барце-Светлой часть объекта была уничтожена перед раскопками. В Кашове I предположение о наличии жилища на месте концентрации находок нельзя обосновать ввиду отсутствия следов очертаний и конструкций.

В мадлене Чехословакии достоверно установленных жилищ на открытых поселениях, с точки зрения автора, не имеется. Истолкование объекта Путим 3 в качестве жилища признано им спорным. Но в некоторых пещерах имеются следы возможного оборудования жилого пространства. Наиболее достоверный случай — пещера Дерава, где в нижнем мадленском горизонте пространство перед входом ограничено стенкой из камней, а в верхнем — тремя крупными блоками (рис. 49, 50).

Мезолитических жилищ пока обнаружено немного. Критический пересмотр автора оставил в числе надежно выявленных лишь жилища Ташовиц и Путима 2, а в числе вероятных — объекты в Горжине 3, Литомержицах и Смолине. В мезолите продолжается заселение пещер, но следов их оборудования еще не выявлено.

Археологически наиболее важный вопрос из затронутых автором в заключении главы касается соотношения жилищ и археологических культур. По его мнению, совпадающему с обычными высказываниями наших специалистов, в палеолите и мезолите не существует ясно выраженной связи между определенным типом жилища и определенной археологической культурой (с. 58). Это положение не вызывает сомнений, поскольку подлежащие сопоставлению тип жилища (например, полуземлянка) и культура (например, ориньяк в широком значении слова) представляют собой явления, высоко обобщенные. Но если иметь в виду археологические культуры в тесном смысле слова, то в отдельных случаях можно заметить, что остатки жилищ на поселениях определенной культуры достаточно своеобразны.

Так, прием сооружения костенковско-авдеевских полуземлянок с помощью костей мамонта, положение полуземлянок на общем плане поселения и некоторые более или менее характерные черты (восьмеркообразность, наличие внутренних кладовок и ям-хранилищ поблизости) отделяют данные полуземлянки от других. Возможно, для костенковско-авдеевской культуры было свойственно и длинное жилище, но это не меняет принципиальной стороны вопроса. Наш пересмотр отчетных материалов по Мезину, Супоневу и другим поселениям среднеднепровского типа показал, что на них достоверно устанавливается только «костяной» тип жилища [5]. Пока еще недо-

[5] *Сергин В. Я.* Поселения среднеднепровского типа и их историко-культурное значение.— КСИА АН СССР, № 157, 1979.

статочно ясно, являются ли среднеднепровские поселения одной или несколькими археологическими культурами или представляют собой еще более сложное образование, однако характерное для них жилище на поселениях других культур не встречено.

В силу различных причин число выразительных, богатых деталями жилищ, пригодных для решения поставленного вопроса, еще невелико. Следы большей части жилищ (преимущественно поверхностных временных построек) не обладают характерными чертами, необходимыми для суждения о степени их сходства или различия. Однако если связь определенных разновидностей жилищ с определенными археологическими культурами будет прочно установлена на пригодной для исследования части материалов, то это послужит в пользу вывода об этнографических особенностях, которыми в той или иной мере обладали жилища позднего палеолита.

Следующий раздел «Обзор древнейших жилищ на территории Чехословакии» (с. 59—126) посвящен краткому описанию хорошо установленных и предполагаемых палеолитических и мезолитических жилищ в пределах страны. Обзор ведется в алфавитном порядке и охватывает 31 поселение, включая многослойные. Указаны местоположение поселения, область, округ и местные ориентиры. Даются геологическая и археологическая датировки и сноски на литературу. Географическое положение поселений отмечено на карте (рис. 3). После описания объектов определенного поселения автор высказывает свое мнение по поводу их выявления и реконструкции, которое нередко значительно отличается от сложившегося.

В отношении трудноуяснимых объектов Барцы 1 и 2 К. Скленарж отметил такие существенные обстоятельства, как значительную неправильность их планов; отсутствие необходимой ясности в том, до какой степени абрис и внутреннее членение объектов выражены в рельефе и где могли возникнуть лишь как результат установленного пространственного распределения индустрии; ограниченное количество конструктивных элементов — жердевых ямок; нарушенность объектов перигляциальными явлениями и пахотой; отсутствие выразительных очагов в ямах, особенно в Барце 2, и пр. Автор считает, что в урочищах Барца 1 и 2 действительно существовали поселения с жилыми, скорее всего зимними объектами, возникшими, вероятно, в результате периодического прихода людей. Но поврежденность объектов не позволяет детально реконструировать ни их первоначальный план, ни тем более наземные части. Вошедшие в литературу очень подробные реконструкции связаны с переоценкой документальных возможностей.

В отношении Дольних Вестониц наиболее важны замечания К. Скленаржа по реконструкции объекта 2, раскопанного Б. Климой в 1950—1952 гг. Несмотря на округлый план жилища с отчетливо выраженной насыпью по краю, центральное положение очага и некоторые другие детали, Б. Клима, как известно, реконструировал односкатное перекрытие. Отнесение этого жилища К. Скленаржем к наиболее обычным для позднего палеолита округлым постройкам с купольным или конусным перекрытием (с. 81—83) имеет серьезное значение не только для облика Дольних Вестониц, но и для поселений территории Чехословакии в целом, поскольку немногие из них содержат материалы для более или менее определенных суждений о характере наземной части жилищ.

По нашим подсчетам, сделанным в соответствии с определениями автора, наиболее достоверно выявлено около 40 палеолитических жилищ на 14—15 поселениях[6]. Книга К. Скленаржа является первой монографией, обобщающей сведения о палеолитических и мезолитических жилищах определенной области. Она не заменяет многочисленные публикации жилищ Чехословакии, а вводит читателя в их изучение. Книга характеризуется стройностью теоретических построений и оригинальным, гибким анализом фактов.

В. Я. Сергин

[6] Ввиду суммарного рассмотрения объектов Барцы 1 и 2 в книге, сведения о них взяты из статьи: *Sklenář K.* Palaeolithic and Mesolithic dwellings.

Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978

Монография известного специалиста по археологии Северного Кавказа В. И. Марковина посвящена проблеме, важной не только для тех, кто занимается древностями этого района, но и для истории культуры в целом.

Еще в 1794 г. во время поездки по Таманскому п-ову академик П. С. Паллас заметил и описал своеобразные древние гробницы, построенные из четырех плит — монолитов, перекрытых пятой, и имеющие круглое входное отверстие в передней стенке. Во второй половине XIX в.— в период интенсивного освоения Прикубанья и Черноморского побережья Кавказа русскими переселенцами — подобные могильники были обнаружены во многих местах. Основатель Краснодарского музея Е. Д. Фелицын, В. М. Сысоев и другие исследователи начали изучение этих гробниц. Стало ясно, что это одна из разновидностей мегалитических сооружений, возникших в разных районах Европы в бронзовом веке, носящая бретонское название «дольмены». Таким образом, перед нами древнейшие памятники монументальной каменной архитектуры на территории нашей страны, свидетельствующие о высоком уровне развития построивших их людей и о связях обитателей Кавказа с другими районами распространения дольменов.

Встал вопрос, каково происхождение дольменов Кавказа, появились ли они в результате развития местного населения или принадлежат каким-то чуждым племенам, переселившимся сюда из той или иной области Старого Света, где еще раньше возводили каменные усыпальницы. Этот вопрос, не получивший однозначного решения до сих пор, подробно разбирается и в книге В. И. Марковина.

Исследование дольменов Кавказа продолжалось и в XX столетии. Особенно важное значение имели труды финского ученого А. М. Тальгрена, рассмотревшего эту группу археологических памятников на широком историко-культурном фоне и уточнившего их датировку, и работы советских археологов Б. А. Куфтина и О. М. Джапаридзе. Уже в послереволюционные годы было установлено, что дольмены есть не только в северной части Кавказского Причерноморья, в районе Туапсе — Сочи, но нередко встречаются и в Абхазии. Изучение абхазских дольменов позволило археологам Грузии говорить о том, что древнейшие из этих сооружений возникли еще в III тысячелетии до н. э., и доставило комплексы находок, зафиксированные на современном методическом уровне. Ценный обзор данных о дольменах Кавказа издал в 1960 г. Л. И. Лавров.

Несмотря на эти бесспорные успехи в разработке дольменной проблемы, предстояло сделать еще многое: уточнить ареал этих памятников, создать их типологию и периодизацию, выяснить их соотношение с дольменами Европы, Азии, Северной Африки. Между тем проблема дольменов не только важна, но и крайне трудна для разработки. Состояние источников оставляет желать лучшего. Если даже древние погребения в курганах нередко оказываются ограбленными и нарушенными, то дольмены, стоявшие открыто, с давних пор служили приманкой для кладоискателей. В подавляющем большинстве дольменов внутри все перекопано, положенные с покойником металлические вещи унесены, глиняные сосуды и кости разбиты, позу погребенных установить уже невозможно. Очень часто разрушены и сами гробницы. Работать с таким дефектным материалом, с малым числом надежных комплексов — задача неблагодарная. Вероятно, именно поэтому исследование дольменов Прикубанья практически прекратилось на ряд десятилетий. И все же больше игнорировать столь важную проблему было нельзя, и с 1967 г. Институт археологии АН СССР создал особый отряд по изучению дольменов в составе своей Кавказской экспедиции.

Возглавивший отряд В. И. Марковин действовал по строго продуманному плану. Было решено сделать какую-нибудь большую группу дольменов объектом многолетних стационарных исследований. Выбрана была одна из самых крупных групп — на р. Кизинке у ст. Баговской в Прикубанье, состоящая из 564 дольменов. Одновременно проводился объезд памятников в других районах с раскопками наиболее интересных и лучше сохранившихся гробниц и обязательным обмером всех сооружений. На Дегуакской поляне у ст. Даховской было обнаружено и раскопано также поселение строителей дольменов. Имея художественное образование, В. И. Марковин сам зарисовал и зафиксировал на чертежах многие десятки дольменов.

Полевые исследования дополнялись тщательным сбором материалов о дольменах во всевозможных изданиях — географических, геологических, краеведческих, туристских, в газетах и архивах. Ни в одной предшествующей работе о дольменах Кавказа эти сообщения не были привлечены с такой полнотой. Пусть некоторые из них отрывочны или наивны, все равно ценность их велика. Ведь многих из описанных в XIX или начале XX в. дольменов уже не существует. Не более 20% усыпальниц сохранили сейчас первоначальное положение. В итоге В. И. Марковин учел сведения как минимум о 2308 гробницах в 189 пунктах.

Весьма добросовестно штудировал В. И. Марковин и литературу о дольменах разных стран мира. Здесь мы не можем ждать от автора такой же полноты, как для дольменов Кавказа, к тому же он не мог проверять на месте сообщения зарубежных ученых. Тем не менее суммированные им данные также представляют большой интерес, а вся сводка в целом не имеет равных по охвату среди других аналогичных обзоров.

Итоги проделанной работы теперь вынесены на суд читателей. На мой взгляд, наиболее ценной частью рецензируемой книги является ее начало, содержащее максимально полный учет литературных данных о дольменах. В последующих главах интересны собственные наблюдения автора над техникой сооружения гробниц, характерными для них пропорциями, над деталями, позволяющими реконструировать погребальный ритуал.

Слабее главы, посвященные дольменному инвентарю, хронологии и исторической интерпретации памятников. В. И. Марковин повторил ошибку первой своей книги — «Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы» (1960), верно отмеченную Б. А. Латыниным. Вместо того чтобы выделить из массы коллекций определенное число надежных комплексов, а далее строить свою схему, используя эти опорные точки, автор старается привлечь как можно больше данных. Надежные и ненадежные, раскопочные и случайные материалы, охарактеризованные все вместе, не увеличивают убедительность предложенных схем. Некоторые использованные в работе памятники (например, Геленджикское поселение) вообще отношения к дольменам не имеют. Мы вправе были бы ждать от В. И. Марковина, что он даст характеристику всех раскопанных дольменов, разберет комплекс за комплексом, их ведь оказалось не так много — всего 157. Но этого нет. Материал рассматривается суммарно.

С первых же глав автор называет одни дольмены ранними, а другие поздними, хотя это надо было бы не декларировать в начале работы, а доказать в итоге ее. Наблюдения, лежащие в основе этих выводов, может быть, и верны, но, не видя, какой анализ проделан для получения выводов, читатель не обязан верить автору на слово. Корреляции типов дольменных гробниц с найденным в них инвентарем автор по сути дела не дал.

Историческую интерпретацию дольменов В. И. Марковин предлагает такую: дольмены для Кавказа — явление целиком инородное — результат переселения каких-то средиземноморских племен в период «морской торговли». Древнейшие дольмены сосредоточены не в Абхазии, а в Прикубанье и относятся к середине III тысячелетия до н. э. Дольмены связаны с абхазо-адыгским этносом (который тем самым оказывается для Кавказа не коренным, а пришлым). Для детального разбора этих положений нужно много места. Рассматривать вопросы, входящие в компетенцию лингвистов, я не берусь. Остановлюсь лишь на трех моментах, по-моему, наиболее важных для понимания проблемы.

В. И. Марковин убедительно показал, что дольмены Западного Кавказа как своеобразные мегалитические сооружения не имеют истоков на месте — ни в погребениях в каменных ящиках, ни в захоронениях в пещерах. Но из этого он делает, на мой взгляд, неоправданно широкий вывод, что появление дольменов на Кавказе — результат переселения какого-то древнего народа из далекого Средиземноморья. В литературе мы встретим и другую концепцию: о заимствовании извне только формы погребального сооружения кавказскими племенами, потомками местного населения эпохи неолита и энеолита. Мне это кажется более убедительным. Распространение на почти столь же обширной территории, как и у дольменов, примерно в тот же период другой специфической формы погребальных сооружений — катакомб говорит вовсе не о расселении «катакомбного народа». Это всего лишь свидетельство усвое-

ния особой формы могил самыми разными племенами Старого Света: обитателями Сирии и Палестины, Египта и Крита, Италии и Кикладских о-вов, степей Северного Причерноморья и Дагестана, Бухарского оазиса и Минусинской котловины.

Инвентарь, обнаруженный в наших дольменах, очень похож на находки на более ранних энеолитических, а иногда и неолитических памятниках Кавказа и вовсе не выглядит чем-то инородным для данной территории, как, скажем, выглядит инвентарь фатьяновских могильников среди более древних и синхронных комплексов Волго-Окского бассейна. Это касается как каменных орудий из дольменов — клиновидных шлифованных топориков, кремневых наконечников стрел, шариков для пращи, так и керамики. Сосуды с бедным орнаментом, а чаще совсем без орнамента, но зато с ручками и носиками-сливами характерны именно для первобытной культуры Кавказа, а не для каких-либо других районов. Автор сам отмечает сходство дольменной посуды с керамикой майкопской культуры, в частности весьма специфического орнамента из жемчужин. Сходен с майкопским и металл из дольменов, вплоть до таких своеобразных форм, как медные крюки, не говоря уже о ножах, топорах, височных кольцах. Приведенные В. И. Марковиным отдельные аналогии вещам из дольменов Кавказа среди коллекций из раскопок в Средиземноморье, как правило, связаны с категориями, распространенными по всему Старому Свету, и не могут доказать приход строителей дольменов откуда-то издалека.

Думается также, что верная в целом формулировка В. И. Марковина об отсутствии местных корней у дольменов в Прикубанье требует все же некоторого ограничения. Носители майкопской культуры строили оборонительные стены из плит рваного камня (поселения Мешоко, Ясенова поляна), каменные ящики для погребений (вроде найденного на стоянке Скала), использовали камень и при строительстве жилищ (Ясенова поляна). Обладая прочными навыками работы с камнем, умея выламывать из скал такие же толстые, как у дольменов, плиты, эти племена могли легче усвоить разработанную в другом месте и другими людьми технику сооружения дольменов, чем носители более южной синхронной энеолитической культуры — кураараксинской, где для жилищ использовали обычно глинобитный кирпич. Закономерно поэтому, что на Куре и Араксе дольменов так никогда и не строили. В свете этого уникальный 11-гранный дольмен, раскопанный Н. Л. Каменевым в 1869 г. у ст. Новосвободной, не имевший нормального распределения свода и опор и не развалившийся только потому, что его засыпали землей, может рассматриваться как один из первых опытов строительства дольменов носителями майкопской культуры.

Второй момент, на котором надо остановиться, тесно связан с первым. Проблема эта — дольмены и дольменная археологическая культура. На первый взгляд кажется, что перед нами тождество: люди, хоронившие своих покойников в дольменах, были носителями особой археологической дольменной культуры, а те, у кого был другой погребальный обряд (захоронения в пещерах, под насыпями курганов и т. д.),— носителями иных культур. В действительности дело обстоит не так просто. Вновь прибегнем к сравнению с катакомбами. Для выделенной В. А. Городцовым катакомбной культуры II тысячелетия до н. э. мы знаем захоронения, совершенные как в катакомбах, так и в простых ямах. Кроме этого, мы знаем могилы с катакомбами, относящиеся к другим археологическим культурам, иногда распространенным на той же территории, что и катакомбная культура, но в более позднее — скифское время, иногда синхронные с ней, но обнаруженные в достаточно удаленных районах (Манас в Дагестане, могильник Заман-баба в Узбекистане, могильники афанасьевской культуры Уйбат и Есь на Среднем Енисее). Вероятно, встречаются погребения дольменной культуры не в дольменах и погребения в дольменах, относящиеся к другим культурам. Вопрос это сложный. Четкого решения его, помня о дефектности источника, требовать от автора мы не можем, но мне кажется, что даже для себя ответить на него он не попытался.

В. И. Марковин предполагает, что древнейшие дольмены строились только для погребения вождей. Это, конечно, спорно, но, приняв такую гипотезу, мы вправе спросить — где же тогда могилы рядовых общинников? При хорошей археологической изученности Кавказа мы должны были бы их знать — например, среди множества курганных захоронений, раскопанных еще Н. И. Веселовским. Л. Н. Соловьев — археолог, долгие годы работавший в Абхазии, высказал мнение, что дольмены — это

костехранилища, оссуарии, место вторичных погребений, тогда как первичные совершались в пещерах. В. И. Марковин считает этот взгляд заслуживающим внимания только применительно к позднему периоду строительства дольменов, но не рассматривает перечисленные Л. Н. Соловьевым находки в пещерах. В будущем важно было бы подготовить работу о недольменных памятниках дольменной культуры, более основательную, чем статья Л. Н. Соловьева, и более пространную, чем беглые замечания В. И. Марковина.

На мой взгляд, дольмены строили не только носители особой дольменной культуры Кавказа, но иногда и носители других соседивших с нею культур. Именно этим объясняется и наличие единичных подкурганных дольменов в майкопской культуре (Новосвободная) и недавняя находка дольмена под курганом в с. Петровка на Северском Донце. Здесь слились характерный для степей и майкопской культуры обряд погребения под насыпями курганов и форма погребальных сооружений, обычно стоявших открыто — без насыпи. Вероятно, территориально обособленные от Черноморского побережья и Среднего Прикубанья дольмены р. Кяфар и Кавказских Минеральных Вод связаны с какими-то другими археологическими культурами, чем на западе Кавказа, может быть, и несколько более поздними. То, что дольмены Кяфара не средневековые, как писали вслед за Е. Д. Фелицыным многие археологи, в том числе и я, а эпохи бронзы, впервые предположила Л. Г. Нечаева. В. И. Марковин это доказал путем раскопок, но и он думает, что эти дольмены позже кубанских.

И последний момент, также непосредственно связанный с предшествующими: соотношение майкопской и дольменной культур. В довоенные годы было общепринятым, что даже древнейшие дольмены не старше II тысячелетия до н. э. и, следовательно, моложе памятников майкопского типа. После раскопок в Абхазии был поставлен вопрос о том, что в Причерноморской полосе Кавказа дольмены могли появиться еще в конце III тысячелетия, когда в Прикубанье переживала пору расцвета майкопская культура, лишь изредка проникавшая на побережье. Это позволяло объяснить появление дольменов в Новосвободной влиянием дольменной культуры Причерноморья на майкопскую Прикубанья. В. И. Марковин так же склонен удревнять дольменную культуру, но по его схеме древнейшие дольмены, восходящие даже к 2400 г. до н. э., расположены не в Абхазии, а как раз в Прикубанье. Это, во-первых, противоречит его собственной идее о проникновении дольменной культуры из Средиземноморья на Черноморское побережье Кавказа, а уже оттуда в более глубокие горные районы. Во-вторых, требует объяснения совершенно непонятная картина сосуществования двух мощных культур — майкопской и дольменной — во второй половине III тысячелетия до н. э. на одной и той же территории. Ведь главные группы кубанских дольменов у Даховской, Хаджоха, Абадзехской Тульской, Баракаевской, Баговской станиц находятся в непосредственном соседстве с основными памятниками майкопской культуры. Я думаю, что удревнять дольмены до 2400 г. до н. э. нет оснований. Серьезных аргументов в пользу этой датировки В. И. Марковин не привел.

В последнее время в литературе появилась тенденция отрицать единство майкопской культуры и делить ее на две — майкопскую и новосвободненскую (Б. А. Латынин, А. Д. Столяр). Оснований для этого я не вижу. На поселениях Мешоко и Ясенова поляна майкопские культурные слои без каких-либо разрывов и стерильных прослоек переходят в новосвободненские. Керамика и кремневый инвентарь верхних и нижних горизонтов этих стоянок очень близки. В известном списке майкопских памятников, опубликованном А. А. Иессеном в 1950 г., помимо ранней — майкопской и поздней — новосвободненской групп есть еще одна группа погребений, которые исследователь затруднялся отнести к первой или второй. Очевидно, это промежуточная группа, генетически их связывающая.

Исходя из положений Б. А. Латынина, Н. А. Николаева и В. А. Сафронов предложили новую схему: существовала особая майкопская культура, а новосвободненская — это та же дольменная. В. И. Марковин не занял четкой позиции по отношению к этим спорам, но стремление как можно теснее связать дольмены Новосвободной с дольменной культурой и оторвать их от погребений майкопского типа у него, бесспорно, представлено. В частности, в своеобразие дольменов Новосвободной он не очень верит, усматривая в схематическом рисунке Н. И. Веселовского не двукамерный дольмен, а всего лишь разновидность портального дольмена. Меня это не убежда-

ет. Двукамерные мегалитические гробницы известны в культуре шаровидных амфор. Деление могильного сооружения на камеры зафиксировано и в Майкопском кургане. Значит, преемственность Новосвободной от майкопского этапа прослеживается не только по типам кремневых и металлических орудий, керамики и украшений, но и по особенностям погребальных сооружений. Своеобразная черта новосвободненских дольменов (из раскопок Н. И. Веселовского) — расположение круглого входного отверстия не на передней стенке гробницы, а внутри ее, на перегородке, разделяющей дольмен. Это лучше всего показывает, насколько чужд был данный тип усыпальниц для носителей майкопской культуры. В обычных дольменах отверстие служит для того, чтобы вносить внутрь тела умерших. Здесь это отверстие бессмысленно помещено внутри закрытой с четырех сторон камеры. Трудно понять это иначе, чем бессознательное воспроизведение малознакомого типа гробниц.

В итоге я считаю, что все сложности и неувязки в проблеме «майкопская культура и дольмены» снимаются, если мы останемся при старой схеме. Дольменная культура появилась в Абхазии раньше, чем в Прикубанье, и оказала определенное влияние на майкопскую культуру на позднем — новосвободненском ее этапе. Основная же масса дольменов Прикубанья моложе и майкопских, и новосвободненских памятников.

Как видим, дольмены Западного Кавказа ставят перед учеными еще много проблем. Не будем упрекать В. И. Марковина за то, что он решил не все из них. Этого не могли бы сделать и другие археологи. Будем благодарны автору за проведенную им большую и добросовестную работу, за созданную им ценную сводку.

Оставшиеся после нее недоработанные темы — выделение могильных комплексов, корреляция типов гробниц с типами инвентаря, соотношение понятий «дольмены» и «дольменная культура», соотношение дольменов и майкопских памятников — предстоит исследовать в будущем.

А. А. Формозов

Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978, 238 с., 140 рис., 18 табл.

Автор рецензируемой работы посвятил более 10 лет изучению дольменов Западного Кавказа. Материалы раскопок, обмеры, зарисовки многих десятков этих интересных памятников уже нашли свое частичное отражение в публикациях В. И. Марковина [1]. В рассматриваемой монографии делается первая попытка обобщения не только результатов исследований самого автора, но фактически впервые подводится итог более чем 150-летнему изучению западнокавказских мегалитов бронзовой эпохи. Книга состоит из введения, шести глав и заключения.

Во введении автор с достаточной полнотой [2] рассматривает историю изучению дольменной культуры Западного Кавказа, кратко формулирует те проблемы и задачи, для решения которых была создана в 1967 г. специальная экспедиция Института Археологии АН СССР.

В первой главе — «Территория распространения дольменов» автор, приведя краткую характеристику физико-географических условий района распространения дольменов, публикует затем чрезвычайно интересный список дольменных местонахождений Западного Кавказа. Если в наиболее полном и обстоятельном до сих пор списке Л. И. Лаврова насчитывалось 1139 дольменов [3], то в каталоге В. И. Марковина, потребовавшем исключительно кропотливой работы, содержатся сведения о 2308 гробницах, сосредоточенных в 190 пунктах, причем, как это справедливо пишет автор (с. 54), названное число еще далеко не полно. Здесь следует отметить условность пунктов 165—168 (с. 51). Неоднократные поиски рецензента не смогли подтвердить при-

[1] *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа.— СА, 1973, № 1; *его же.* Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974.

[2] Рецензент смог отметить лишь одну работу, не учтенную автором — *Кознаков А. Н.* О дольменах на р. Псезуапе.— ИКМ, т. IX, вып. 1, 1916, с. 53—55.

[3] *Лавров Л. И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа.— Тр. АИ, т. XXXI, 1960.

сутствие дольменов в ущелье Джампала и у сел Чхалта и Джгерда, а плита из Очамчиры вообще с дольменами не может быть связана [4]. Следовательно, юго-восточную границу распространения дольменной культуры Западного Кавказа сегодня нужно проводить по линии Эшера — Яштух — Азанта [5].

Наиболее объемиста вторая глава книги, посвященная типологии и архитектуре дольменов. Автор с незначительными поправками принял классификацию Л. И. Лаврова, которая действительно «является наиболее четкой и охватывающей все основные разновидности дольменов» (с. 59). В соответствии с этим выделены дольмены плиточные, составные, корытообразные и монолитные.

Среди плиточных дольменов первого вида автор выделяет каменные ящики, двухкамерные и портальные гробницы, дольмены с портальными выступами и «обычные» наиболее распространенные трапециевидного плана. К плиточным дольменам второго вида отнесены многоугольные гробницы, подобные сооружению на р. Фарс. Следует отметить, что двухкамерные гробницы Новосвободной и особенно каменные ящики типа ахупачского занимают типологически обособленное положение в системе рассматриваемых памятников. В этом отношении доводы А. Д. Резепкина [6] представляются убедительными, хотя в то же время рецензент целиком разделяет мнение В. И. Марковина о принадлежности гробниц Новосвободной к дольменной культуре. Существующие различия следует объяснять не тем, что эти гробницы имеют «другое происхождение» [7], а скорее тем, что эти памятники характеризуют «период первоначального экспериментирования» [8]. Поэтому, вероятно, было бы правильнее выделить новосвободненские гробницы подобно многоугольным сооружениям в отдельный вид памятников дольменной культуры.

Очень пока условна группа каменных ящиков. Большинство их исследовано без достаточной документации еще с XIX в., часть их явно перекликается с сооставными дольменами (с. 61), а единственный памятник этого вида, раскопанный В. И. Марковиным в бассейне р. Кизинка, по своим основным характеристикам (за исключением отверстия) сближается с обычными трапециевидными в плане дольменами (с. 63). Следует также отметить, что дольмены с порталами, объединенные автором в одну группу с новосвободненскими двухкамерными гробницами, было бы, вероятно, логичнее сближать с дольменами с широкими портальными выступами (ср. рис. 105, *5* и *7*). В этом отношении очень важно наблюдение В. И. Марковина, что «портальные сооружения... почти всегда вписываются в ряды, образуемые дольменами других вариантов и типов» (с. 85).

Среди «обычных», наиболее распространенных плиточных дольменов, отнесенных к четвертому варианту, В. И. Марковин выделяет три разновидности: трапециевидные с почти полным совпадением ширины камеры в передней части с ее длиной (к ним отнесено большинство дольменов Абхазии), с подчеркнутой трапециевидностью плана и укороченной камерой, характерные для всей территории распространения дольменов, и лишенные пропорциональной соразмерности гробницы. В отмеченной разнице автор усматривает хронологический признак и предлагает считать дольмены первой разновидности наиболее древними, а третьей — наиболее поздними, хотя не исключено, что в отдельных случаях подобные различия могут носить не столько хронологический, сколько локальный характер (например, дольмены Абхазии).

Рассматривая составные дольмены, автор неоднократно подчеркивает, что для «Абхазии они не характерны» (с. 135, 323). Однако к этому типу, вероятно, должны быть отнесены дольмены в Псху и в ущелье р. Гумрипш [9]. В первом случае три стены (боковые и фасадная) составлены из двух частей (рис. 17, *7*), во втором — и боковые стены имели двухъярусную структуру (рис. 17, *5*). Не исключено, что к составным дольменам относятся и округлые в плане гробницы Азанты [10]. Интересны наблюде-

[4] *Воронов Ю. Н.* Гпенос.— СА, 1976, № 4, с. 55, рис. 6, *26*.

[5] *Воронов Ю. Н.* История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья (по данным археологии). Автореф. канд. дис. М., 1971, с. 18.

[6] *Резепкин А. Д.* Рец.: Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974.— СА, 1977, № 4, с. 314, 315.

[7] Там же, с. 317.

[8] *Воронов Ю. Н.* История..., с. 19.

[9] *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, табл. VI, *11*, *14*.

[10] *Соловьев Л. Н.* Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района.— Тр. АИ, т. XXXI, 1960, табл. II, *2*, *4*.

ния автора о возможной преемственности между многогранными гробницами новосвободненского этапа и более поздними округлыми дольменами (с. 141—143).

Среди корытообразных дольменов В. И. Марковин выделяет пять вариантов. К первым двум отнесены гробницы, с одинаковой тщательностью обработанные изнутри и снаружи, но различающиеся по присутствию или отсутствию отверстия. Третий вариант характеризуется обработанной извне лишь фасадной частью при сохранении естественных форм глыбы со всех остальных сторон. Четвертый вариант назван автором ложнопортальным — вход в них сделан в задней или боковой стенах, а на фасаде присутствует лишь имитация пробки. Пятый вариант представлен гробницами, установленными вверх дном.

Рассматривая каждый из перечисленных вариантов дольменов и дольменовидных гробниц, В. И. Марковин приводит исчерпывающие сведения почти о каждом описываемом им объекте, снабжая текст большим числом четких рисунков и фотографий, способствующих объективному восприятию материала. Благодаря специальным таблицам (№ 1—12) читатель получает полное представление о форме, размерах не только самих дольменов, но и всех их составляющих элементов (стены, покрытия, пол, пробки, отверстия, насыпи и др.). Тщательный типологический и архитектурный анализ внешнего оформления дольменов и выявление на этой основе пропорциональных соотношений между различными частями их камер позволили В. И. Марковину наметить в целом достаточно убедительную периодизацию этих сооружений (с. 185).

Третья глава рецензируемого труда посвящена технике строительства дольменов Западного Кавказа. Автор подробно рассматривает вопрос о модуле — мере пропорциональности частей постройки, за который предлагает принимать высоту отверстия (стр. 188), затем прослеживает процесс заготовки плит, их переброску к месту строительства и обработку, анализирует орудия, использовавшиеся при этом, воссоздает убедительную картину сборки дольменов.

В четвертой главе делается попытка реконструкции погребального ритуала строителей дольменов, которая основывается на расположении и оформлении самих гробниц, а также на анализе сохранившихся данных о положении костяков и сопровождавшего их инвентаря. Автор провел кропотливую работу по систематизации данных о сочетании различных типов дольменов в группах и их ориентации по странам света (табл. 13—16). Впервые убедительно показано, что дольмены в большинстве (599 из учтенных 644) обращены своей фасадной частью «к свету, к солнечным, ярко освещенным сторонам» (с. 210) — на юг, юго-восток, юго-запад и восток. Автор прослеживает черты ритуального кормления покойников, отмечает культовый характер фаллической формы пробок, выпуклостей на стенах дольменов, чашеобразных углублений, орнаментальных мотивов, солярных знаков, кромлеховидных оград и двориков. К сожалению, автор не проверил правильность прориси А. М. Тальгрена орнаментов дольмена на р. Жане (рис. 9, *3*), где на фасадной стене имеется четкое изображение портала — двойной перекладины на двух столбах, а зигзагообразные линии украшают как торцы боковых плит, так и внутреннюю поверхность боковых и задней стенок дольмена. Отметив известные на сегодняшний день черты погребального обряда в дольменах (скорченные захоронения в новосвободненских гробницах, в сидячей позе и вторичные в обычных дольменах), автор совершенно справедливо подчеркивает, что «пока еще накоплено не очень много материала, чтобы о многих чертах дольменного ритуала можно было говорить категорично, как о непреложных фактах» (с. 231).

В пятой главе проведен анализ археологических находок в дольменах и вблизи них, рассматриваются вопросы хронологии этих памятников. Особую ценность имеет ввод в научный оборот материалов из Дегуакско-Даховского поселения, где были обнаружены остатки жилищ, хозяйственные ямы, печь для обжига керамики, несколько тысяч фрагментов керамики, литейная форма топора, кремневые вкладыши для серпов и наконечник стрелы, каменные мотыги, терочники, изделия из кости и рога. Весь археологический материал, обнаруженный в дольменах, В. И. Марковин делит на четыре хронологических группы. В первую включены находки феодального и скифо-сарматского времени, во вторую группу вошли материалы колхидской и протомеотской культур, в третью — находки в гробницах Новосвободной и в четвертую — набор изделий, характерных для основной массы западнокавказских дольменов.

Суммарному рассмотрению материалов последних двух групп уделена основная часть главы. В керамике В. И. Марковиным выделены сосуды шаровидной формы, вытянутых пропорций с ручками или без них, с выделенным венчиком и орнаментированными ручками, низкие широкие сосуды, кринкообразные и грушевидные изделия, приземистые горшки, кружки баночной формы и миски или чашки. В работе, к сожалению, не учтены материалы поселения Каман I (Абхазия), а также типология керамических находок в абхазских дольменах [11].

Подробно проанализированы изделия из металла — оружие (кинжалы, топоры), орудия труда (тесла, шилья), предметы быта (крюки) и украшения (височные кольца, спиральки, бусы). Очень важен вывод автора, основанный на этом анализе, что «нет оснований как-либо отделять дольмены, расположенные на территории Абхазии от построек прикубанской части Западного Кавказа» (с. 274). Вывод этот полностью согласуется с результатами проведенного ранее комплексного изучения материалов из дольменов Абхазии [12]. Интересны данные анализа остеологического материала из дольменов, показавшие, что большинство костей животных принадлежит собаке, лошади и свинье. Сочетание майкопских и дольменных черт в гробницах Новосвободной В. И. Марковин усматривает в «самых тесных и, очевидно, дружеских контактах» (с. 275) между носителями этих культур, хотя не исключено, что это явление связано с переходным характером памятников.

В. И. Марковин справедливо указывает на исключительную сложность вопросов хронологии дольменной культуры. Отметив, что «новосвободненский этап» большинством исследователей датируется в рамках 2300—2000 гг. до н. э., автор далее датирует находки из ахупачских каменных ящиков, а вместе с ними и древнейший этап дольменной культуры «началом второй половины III тысячелетия до н. э., примерно около 2400 г. до н. э., может быть, несколько позже» (с. 279). Справедливо упоминая о синхронности ранних дольменов и Очамчирского поселения, В. И. Марковин, к сожалению, не приводит даты последнего, определенной Л. Н. Соловьевым 2200—1800 гг. до н. э. [13], а рецензентом — 2000—1500 гг. до н. э. [14] Далее автор предлагает ограничить дату новосвободненских гробниц и «основной массы памятников Абхазии» 2300 г. до н. э. (стр. 280). Опорные даты последующего периода: Дегуакско-Даховское поселение, по методу C^{14} датированное 2060±80 лет до н. э.; бронзовая подвеска, характерная для второго этапа северокавказской культурно-исторической области (1700—1500 гг. до н. э.); бронзовые наконечники копий второй половины II тысячелетия до н. э. Если дата раннего этапа дольменной культуры требует еще дополнительного обоснования, то тот вывод автора, что «эпоха расцвета дольменной культуры приходится на первую половину II тысячелетия до н. э. (синхронна в определенной степени второму этапу северокавказской культуры)» (с. 282), представляется бесспорным.

В шестой главе — «Дольмены Западного Кавказа и дольмены мира — вопросы связей и происхождения» В. И. Марковин приводит исключительно интересный обзор мегалитических построек мира (Япония, Корея, Северная Африка, Сирия, Иордания, Европейская Турция, Болгария, Сардиния, Португалия, Франция и др.). На основе этого обзора автором сформулирована гипотеза, согласно которой в так называемый «первый период морской торговли» (2600—2100 гг. до н. э.) со стороны Пиренейского полуострова и Сардинии, где имеются наиболее близкие аналогии ранним кавказским дольменам, в сторону Кавказа морским путем произошло передвижение какой-то довольно значительной группы населения, высадившейся на черноморский берег и, перейдя Западный Кавказ, потеснившей к востоку носителей майкопской культуры (с. 312, 313). Позже, к концу II тысячелетия до н. э., как полагает автор, «строители дольменов полностью растворяются среди окружающих племен» (с. 318).

В. И. Марковин очень убедительно показал несостоятельность аргументации

---

[11] *Воронов Ю. Н.* История..., с. 18, 19; *его же.* Археологическая карта..., с. 33, 34, табл. XIX, *44—47*, *49*, *52*, *53*, *58*, *60—64*; XX, *3*, *22—24*, *46*; XXI, *29*.

[12] *Воронов Ю. Н.* История..., с. 19, 20.

[13] *Соловьев Л. Н.* Новый памятник культурных связей кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры.— Тр. АИ, т. XXIX, 1958, табл. VI.

[14] *Воронов Ю. Н.* История..., с. 16.

Л. Н. Соловьева и Я. А. Федорова, обосновывавших связь между появлением дольменов на Западном Кавказе и передвижениями кашков (с. 287—289). Отсутствуют, однако, и данные о передвижении создателей дольменов от побережья к району Новосвободной. Не вносят ясности в этот вопрос и ахупачские ящики, которые находятся глубоко в горах на высоте 1000 *м*. В. И. Марковин, как представляется рецензенту, вопреки мнению А. Д. Резепкина [15], совершенно прав, когда включает в круг западнокавказских мегалитических памятников нальчикскую гробницу и дольменовидные сооружения у с. Кишпек (с. 317). Однако не исключено, что эти постройки связаны не с влиянием пришлых дольменостроителей, а отражают тот же процесс «первоначального экспериментирования», который, начавшись в недрах майкопской культуры, особенно ярко проявил себя в памятниках новосвободненского этапа. При обсуждении вопроса о миграциях древних мореплавателей из Средиземного моря в Черное нужно учитывать результаты исследований, показывающих, что регулярный проход кораблей через Дарданеллы стал, по-видимому, возможным лишь в конце VIII — начале VII в. до н. э. [16]

В заключении своей книги В. И. Марковин предлагает рассматривать дольменную культуру Западного Кавказа как один из важнейших источников абхазо-адыгского этноса (с. 321). Кратко остановившись на данных лингвистики, топонимики, этнографии [17], а также на локальных особенностях этой культуры, В. И. Марковин вполне обоснованно склоняется к мысли, что население районов распространения всех четырех основных типов гробниц являлось «подосновой для возникновения значительного количества различных адыгских племен» (с. 323). Коснувшись проблемы баско-кавказских связей, автор находит в этом еще одно подтверждение возможным контактам между Пиренейским полуостровом и Кавказом в III тысячелетии до н. э.

В. И. Марковиным собрано и систематизировано большое количество сведений о новых, ранее неизвестных или малоизвестных памятниках. В целом труд В. И. Марковина наглядно демонстрирует успехи советской археологии в области кавказоведения и является серьезным вкладом в изучение местных культур эпохи бронзы.

Ю. Н. Воронов

---

[15] *Резепкин А. Д.* Ук. соч., с. 317.

[16] *Болтунова А. И.* Аргонавты и Колхида.— Мацне (серия истории, археологии, этнографии и искусства). 1976, № 3, с. 43.

[17] *Инал-Ипа Ш. Д.* Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971; *Адамиа И.* Грузинское народное зодчество, ч. II. Тбилиси, 1968. По свидетельству Ш. Д. Инал-Ипа, «в языке и фольклоре абхазов... трудно отыскать материалы, связанные с дольменами». В отношении же указанной работы И. Адамиа Ш. Д. Инал-Ипа справедливо писал, что «попытки протянуть какую-либо связующую нить между дольменами и семейными надмогильными памятниками, встречающимися кое-где у современного населения юго-восточной Абхазии, не выдерживают никакой критики» (*Инал-Ипа Ш. Д.* Ук. соч., с. 28, 47).

K a d a r Z. Survivals of Greek zoological illuminations in Byzantine manuscripts. Akademiai Kiado, Budapest, 1978, 138 p., 242 pl.

Рецензируемая книга относится к числу монографий, которые значительно расширяют наши представления о византийском изобразительном искусстве и способствуют преодолению традиционного представления о том, что это искусство было почти исключительно религиозным [1]. С другой стороны, эта книга примыкает к серии исследований, посвященных сохранению античных традиций в средневековом искусстве,

---

[1] *Weitzmann K.* Greek mythology in Byzantine art. Princeton, 1950; *Божков А.* Миниатюри от мадридския ръкопис на Йоан Скилица. София, 1972; *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М., 1975. О светском элементе в средневековом западноевропейском искусстве см.: *van Marle R.* Iconographie de l'art profane au Moyen age et la Renaissance. La Haye, 1931, 1932; *Brandt P.* Schaffende Arbeit und Bildende Kunst. Leipzig, 1927.

т. е. тем тенденциям, которые имеют непосредственное отношение к истокам Возрождения [2].

В более узком плане монография З. Кадара относится к числу немногочисленных исследований по истории изображений различных животных — предыстории научной зоологической иллюстрации и позднейшего специализированного направления в изобразительном искусстве — анимализма [3].

Изображения животных, которые занимают значительное место в искусстве начиная с палеолита, являются весьма интересным объектом для сравнительно-исторического изучения [4]. Связанные с образами животных мифологические, сказочные, басенные, символические, геральдические и т. п. представления, распространенность этих образов в прикладном искусстве делают изображения животных важным источником по истории культуры.

Рецензируемая книга посвящена не всем византийским изображениям животных, а только миниатюрам, иллюстрациям к античной зоологической литературе. Такое ограничение круга источников вполне понятно и оправданно. Во-первых, количество иллюстрированных рукописей указанного содержания достаточно велико. Во-вторых, лишь они среди византийских рукописей содержат иллюстрации, специально посвященные животному миру. Обращение к миниатюре объясняется также тем, что именно она представлена значительными материалами, более равномерно (по сравнению с другими видами изобразительного искусства) распределяющимися по векам. Не случайно Н. П. Кондаков основывал свой общий очерк истории византийской живописи на материале миниатюр [5]. Другое важное преимущество миниатюр заключается в том, что они помещаются в контексте книги, нередко снабжаются особыми подписями и в силу этого, как правило, не представляют большой сложности в плане истолкования своего содержания. Эти особенности превращают изображения на миниатюрах в своеобразный эталон.

Византийское искусство, безусловно, искусство традиционное, всегда опирающееся вначале на образец и совсем не обязательно, во вторую очередь (чаще всего бессознательно) на живое наблюдение. Столь же бесспорная особенность византийского искусства — предпочтение идеального, условного реальному, общего единичному.

В тексте позднейшего древнерусского подлинника отразилось связанное с церковным аскетическим взглядом на мир отрицательное отношение к изображениям животных. Согласно этому памятнику, иконописцу «не подобает... кроме святых изображений ничтоже начертывати, рекше воображати, еже есть на глумление человеком — ни зверска образа, ни змиева, ниже что от плежющих или рода гмышевска, кроме где либо в прилучшихся деяниих, якоже есть удобно и подобно» [6]. Эта цитата, очевидно, отражает традиционную установку, действенно влиявшую на ведущие отрасли изобразительного искусства — монументальную и станковую живопись Византии и стран, испытавших ее культурное влияние.

Действительно, для византийского искусства в целом и для основной массы миниатюр в частности не характерно внимание к животному миру. На миниатюрах животные появляются лишь там, где текст не позволяет без них обойтись, или в декоративных заставках и инициалах. Набор видов, представленных относительно большим числом изображений, невелик. Видовые признаки показаны достаточно отчетливо лишь у самых известных животных, птицы и рыбы нередко не поддаются даже приблизительному определению.

Все эти особенности присущи значительной части изображений животных в искусстве древнего мира и средневековья. При этом время от времени появляются пред-

---

[2] *Айналов Д. В.* Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900; *Weitzmann K.* Op. cit.; *Seznec J.* The survival of the pagan gods. New York, 1953; *Panofsky E.* Renaissance and Renascences in Western art. Stockholm, 1960.

[3] *Keller O.* Die Antike Tierwelt. Bd I, II. Leipzig, 1909—1913; *Nissen Cl.* Zoologische Buchillustration, Stuttgart, 1971—1972.

[4] *Роуленд Б.* Искусство Запада и Востока. М., 1958, с. 95—114.

[5] *Кондаков Н. П.* История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876.

[6] Цит. по: *Буслаев Ф. И.* Общие понятия о русской иконописи. Общество древнерусского искусства при Московском публичном музее. Сборник за 1866 г. М., 1866, с. 23.

ставляющие большой интерес отдельные произведения, а иногда и большие их группы, для которых характерно значительное внимание к видовым признакам животных.

Содержание рукописей, миниатюры которых исследуются З. Кадаром, понуждало художников в значительной мере отступить от господствующих в средневековом, и в частности византийском, искусстве традиции.

Поскольку в рецензируемой книге изучаются миниатюры, иллюстрирующие произведения античных авторов, перед З. Кадаром естественно встает вопрос: а не восходят ли и сами иллюстрации в той или иной мере к античным образцам. Таким образом, при кажущейся на первый взгляд узости темы, указанной в заглавии книги, исследование З. Кадара посвящено чрезвычайно сложному клубку весьма важных культурно-исторических проблем.

Изображения животных на миниатюрах имеют характер эталона по отношению к остальным византийским их изображениям. Многие древние и средневековые изображения животных с трудом поддаются видовому определению, зачастую допускают различное истолкование как археологов и искусствоведов, так и биологов. А неправильные определения изображений животных могут привести к неверной трактовке сюжета, композиции. Поэтому публикация значительной серии изображений вполне определенных видов животных весьма важна. Она дает представление о наборе животных, получивших отражение в изобразительных материалах, позволяет выделить среди них тех, о которых миниатюристы сообщают наиболее достоверную информацию, и тех, чьи образы постоянно или часто искажались, показывает, насколько велики искажения при передаче внешнего облика того или иного вида и насколько эти искажения варьируются в разных рукописях. Такая публикация также позволяет проследить, насколько устойчивыми были представления о видовых различиях родственных и сходных животных, отметить случаи, когда различные животные изображаются одинаково, и, наоборот, степень и характер вариаций при изображении одного и того же вида. При решении всех этих вопросов миниатюры, снабженные подписями, не оставляющими сомнения, какое именно животное изображено, являются наиболее надежным источником. Конечно, нельзя механически переносить результаты изучения миниатюр естественнонаучного характера на все византийские изображения животных — естественно, что на этих миниатюрах с особой тщательностью показаны видовые различия, что обусловлено содержанием рукописей. Поэтому следующий этап изучения византийских изображений животных — исследование черт сходства и различия естественнонаучных и иных изображений животных, степени их взаимного влияния друг на друга. Этот вопрос также поднят в рецензируемой книге.

Книга З. Кадара состоит из четырех частей. Первая, вводная, включает краткую историю происхождения зоологической иллюстрации, обзор наследия античной зоологической литературы в византийской письменности. Особенно подробно автор останавливается на вопросе об иллюстрациях к зоологическим работам Аристотеля, сведения о существовании которых сохранились в письменных источниках.

Вторая, основная часть посвящена подробному рассмотрению сохранившихся византийских лицевых рукописей античных зоологических сочинений.

Третья часть посвящена месту византийских миниатюр этих рукописей в истории искусства, их связям с античной и ранней византийской монументальной живописью и с византийской миниатюрой в целом.

Четвертая часть посвящена значению иллюстраций к античным зоологическим сочинениям в византийских рукописях в истории зоологии.

Обратимся к основной части книги, анализу лицевых византийских рукописей античных зоологических сочинений. Прежде всего отметим, что среди рассматриваемых в книге рукописей нет собственно зоологических в узком смысле слова, т. е. специально посвященных исключительно описанию и систематике животных. Византийские зоологические иллюстрации находятся в книгах двух родов: это фармакологические сочинения со статьями о целебных и ядовитых животных или сочинения охотоведческого характера.

К первой, фармакологической группе относятся сочинение автора II в. до н. э. Никандра «Theriaca» (одна рукопись X в.) и парафраз этого сочинения (четыре рукописи). Сюда же относятся иллюстрированные рукописи сочинений Диоскорида.

Среди последних в данном случае наибольшее значение имеет не известный кодекс Диоскорида начала VI в., а содержащая многочисленные зоологические миниатюры рукопись X в. из библиотеки Пирпонта Моргана в Нью-Йорке, а также рукопись аналогичного содержания XV в. Рассматриваются также миниатюры некоторых других рукописей, содержащих значительно меньшие серии изображений животных.

Ко второй, охотоведческой группе относятся парафраз книги Дионисия «Ornithiaca» (одна известная рукопись VI в. и одна позднейшая XV в.) и «Кинегетика» Аппиана Апамейского (иначе Псевдоаппиана). Последнее сочинение представлено тремя рукописями — знаменитой рукописью конца X — начала XI в. и двумя позднейшими XV—XVI вв.

Все рукописи фармакологического характера, а также «Ornithiaca» снабжены иллюстрациями, каждая из которых изображает того или иного представителя животного мира или имеет вид таблицы, в которую сведены такие изображения. Эти иллюстрации в целом вполне соответствуют названию «зоологические» и отражают наблюдения натуралистского характера и определенный уровень естественнонаучных представлений.

Иной характер носят миниатюры рукописей «Кинегетики» — это целые сцены из жизни животных, охоты и т. п., по характеру мало выделяющиеся из основной массы византийских миниатюр и гораздо менее достоверные в передаче экстерьера животных, чем значительная часть изображений, о которых говорилось выше. Тем не менее видовое разнообразие животных, представленных на миниатюрах этих рукописей, и ряд композиций, отражающих образ жизни последних, делают включение указанных миниатюр в монографию, посвященную зоологическим иллюстрациям, вполне оправданным.

При рассмотрении миниатюр рукописей автор отмечает их связь с иллюстрируемым текстом, а также с содержанием других античных сочинений о животных. Наряду с блестящим использованием античных письменных источников автор с неменьшей эрудицией оперирует широким кругом аналогий тем или иным изображениям, отмечает степень их достоверности, проявляя при этом серьезные познания в области биологии.

Важнейший вопрос, занимающий автора книги,— это отношение византийских зоологических миниатюр к античной традиции. Для постановки такого вопроса существуют самые серьезные основания. Во-первых, все византийские зоологические миниатюры находятся в рукописях античных авторов. Во-вторых, эти миниатюры имеют, как правило, значительные стилистические отличия от основной массы византийских миниатюр, и при этом отличия, сводящиеся к более точной передаче зрительных ощущений. В пользу существования между ними генетической связи говорит и сравнение многих античных и византийских изображений животных. Возможность сохранения столь длительной изобразительной традиции подтверждается самой практикой византийского времени — в ряде случаев серии миниатюр, разделенные многими столетиями, оказываются очень близким повторением друг друга (такие примеры имеются здесь же, в книге З. Кадара,— это рукописи Диоскорида и «Кинегетики»).

Сложнее вопрос о более конкретном античном прототипе византийских миниатюр зоологического характера. З. Кадар склонен возводить разные их серии к одному источнику — иллюстрациям к зоологическим произведениям Аристотеля. Такое построение, по-видимому, можно принять только в самой общей форме. Сочинения Аристотеля, бесспорно, являются вершиной античной зоологии, и, несомненно, не дошедший до нас «альбом» к ним был крупнейшим и наиболее научным явлением в античной зоологической иллюстрации, влиявшим на иллюстрации к другим сочинениям о животных. Византийская «зоологическая» миниатюра бесспорно восходит к этому кругу античных изображений животных и продолжает, таким образом, традицию, во многом сформировавшуюся под влиянием Аристотеля.

Однако доказать, что миниатюры к тем или иным византийским рукописям восходят не к античным рукописям тех же авторов, а к иллюстрированным рукописям произведений Аристотеля, можно было бы, на мой взгляд, лишь в том случае, если бы набор или порядок изображений животных в этих рукописях не соответствовали их тексту и объяснялись влиянием сочинений Аристотеля или если бы существовали иные, столь же сильные аргументы в пользу этого предположения.

Нельзя не согласиться с мнением автора рецензируемой книги о большом историческом значении изученных им византийских изображений животных. Отдельные изображения животных, отмеченные особой реальностью, и вероятно, как и исследуемые З. Кадаром миниатюры, связанные с античной традицией, могут быть отмечены в византийском прикладном искусстве [7] и в рукописях, не имевших естественнонаучной проблематики [8]. Действительно, в эпоху средних веков изображения животных в рукописях, специально им посвященных, зачастую оказывали влияние на другие их изображения и наоборот. Так, композиция единорог с девой на миниатюре рукописи «Физиолога» удивительно схожа с аналогичным изображением на полях Хлудовской Псалтыри [9]. Учитывая весьма обширную сферу влияния византийского искусства, следует отметить отражение византийской традиции изображения животных в искусстве других народов, в том числе и русского.

Отмеченные византийским влиянием изображения животных есть уже в древнейших русских рукописях — это, в частности, символы евангелистов в «Остромировом евангелии» и ряд аллегорических изображений зодиакальных созвездий в «Изборнике Святослава». Общеизвестно влияние византийской литературной традиции на древнерусскую символику образов животных [10]. Под влиянием византийской традиции находятся рисунки на полях древнерусских псалтырей, среди которых много изображений животных. К византийским образцам восходят и многие миниатюры русских списков «Христианской топографии» Косьмы Индикоплова [11]. Исследователи находили следы влияния византийских образцов даже в таком самобытном явлении, как тератологический орнамент древнерусских рукописей с его обилием зооморфных мотивов [12]. Далеко не окончательно выяснен и вопрос о генезисе владимиро-суздальской скульптуры, для которой характерны многочисленные звериные образы.

Византийские «зоологические» миниатюры были также средством распространения естественнонаучной информации. Об этом свидетельствует не только тот факт, что рассматриваемые рукописи оказались в библиотеках ряда весьма отдаленных от Византии стран, но и имеющиеся в ряде из них иноязычные (латинские и арабские) глоссы, дающие перевод названий животных, изображенных на миниатюрах. Эти надписи показывают существование интереса именно к миниатюрам, причем интереса определенно естественнонаучного характера. З. Кадар (с. 135) упоминает также весьма важный факт использования ряда византийских миниатюр в роли справочного материала при составлении такого крупнейшего для своего времени научного начинания, как первый печатный научный зоологический атлас Конрада Геснера (1551—1587).

Наличие среди византийских зоологических миниатюр явно недостоверных и фантастических изображений (табл. 23, *3*; 30; 37, *1*; 45, *2*; 48, *13*; 101, *3*; 107; 108, 111 и др.) отнюдь не снижает их высокой общей оценки для своего времени. Чтобы объективно оценить это значение, достаточно сравнить эти миниатюры с западноевропейскими гравюрами из печатных изданий XV—XVI вв., изображающими представителей животного мира. В многократно переиздававшейся в конце XV—XVI вв. книге «Ortus sanitatis» [13] огромное количество типично средневековых фантастических чудовищ. Нередко разные существа (как фантастические, так и реальные) из экономии проиллюстрированы одной и той же повторяющейся гравюрой. Видовые признаки на изображениях, не имеющих явных фантастических черт, показаны очень бедно. То же можно сказать про изображения животных в многократно переиздавав-

[7] *Банк А. В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.— М., 1966, табл. 59, 98 и др.

[8] *Лазарев В. Н.* История византийской живописи, т. II. М., 1948, табл. 81.

[9] *Лазарев В. Н.* Ук. соч., табл. 44в; *Keller O.* Op. cit., Bd. I, S. 419, fig. 144.

[10] *Карнеев А.* Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890. О древнерусских иллюстрациях к Физиологу см.: *Лурье Я. С.* Два миниатюриста XV в. (К проблеме так называемого художественного мышления Древней Руси.) В сб.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976.

[11] *Редин Е. К.* Христианская топография Косьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916.

[12] *Некрасов А.* Очерки из истории славянского орнамента. Человеческая фигура в русском тератологическом рукописном орнаменте. XIV в. СПб., 1913.

[13] Ortus sanitatis. Gart der Gesuntheit von allen Thieren, Foglen, Fischen... Strassburg, 1529.

шейся в XVI в. «Космографии» Себастиана Мюнстера [14] и «Истории северных народов» Олая Магнуса [15]. В крупнейшем научном издании середины XVI в. «Historia animalium» Конрада Геснера [16] преобладают реалистические изображения животных, однако и здесь есть гравюры, изображающие саламандру, феникса, единорога, морского монаха и морского епископа, василиска и т. п. Довольно велико число реальных животных, изображенных с явными искажениями. Даже в XVII в. в таком проникнутом передовым духом произведении, как «Мир в образах» Яна Амоса Коменского [17], по-прежнему присутствует традиционный набор средневековых чудовищ, а изображения реальных животных оставляют желать лучшего.

В заключение несколько слов об оформлении книги. Монография прекрасно иллюстрирована (232 черно-белых и 10 цветных таблиц, почти без исключения отличного качества). Исследователи найдут на них не только изображения животных, но и мифологические фигуры и сцены (см., например, табл. 1; 155, *1*; 164, *2*; 168, *1*; X), интересные бытовые сцены (табл. 138, *2*; 141, *3*; 158, *2*; 165, *3* и др.).

Книга З. Кадара, в которой собран весьма значительный и разнообразный материал, несомненно привлечет внимание широкого круга специалистов, причем не в последнюю очередь как справочное издание. Но в этом своем качестве она, к сожалению, не вполне удобна для такого читателя, который откроет ее в основном только в поисках аналогий: список иллюстраций отсутствует, а подрисуночные подписи включают только библиотечный шифр и номер листа рукописи (т. е. нет ни названия, ни даты рукописи, отсутствует также указание на видовую принадлежность изображенного животного). Совершенно отсутствуют необходимые, на мой взгляд, в подобном издании указатели. Например, хотелось бы видеть сводный указатель видов животных, представленных на миниатюрах, со ссылками на таблицы. Подобные индексы по отдельным рукописям (почему-то не по всем) в книге имеются, но современная биологическая номенклатура использована лишь в трех из этих указателей (с. 57, 58; 81, 82 и 107); в двух случаях приведены исключительно греческие названия животных (с. 38, 42).

В целом, несмотря на эти мелкие замечания, книгу З. Кадара можно считать образцовым исследованием, наглядно показывающим, какой сильный эффект получается, когда казалось бы, узкая тема характеризуется не случайно или сознательно выбранными отдельными образцами, а крупной систематизированной подборкой существующего материала. Эта книга, кроме того, лишний раз напоминает, что средневековая миниатюра, уже послужившая темой многих исследований, остается еще в большой мере неизученной и неопубликованной, хотя как вид источника она чрезвычайно перспективна.

А. В. Чернецов

---

[14] *Munster S.* Cosmographiae universalis libri VI. Basileae, 1554.

[15] Historia de gentibus septentrionalibus. earumque diversis statibus, conditionibus, moribus etc. Autore Olao Magno. Romae, 1555.

[16] Conradi Gesneri historiae animalium. Lib. I—V. Tiguri, 1551—1587.

[17] *Comenius J. A.* Orbis sensualium pictus. Leipzig, 1910, p. 60, Taf. XXVIII; p. 64, Taf. XXX.

Хроника

СОВЕЩАНИЕ ПО ПРИМЕНЕНИЮ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИИ

(Москва, 1978 г.)

28 ноября 1978 г. в Москве проходило организованное Институтом археологии АН СССР и Московским обществом испытателей природы проблемное совещание по применению физико-математических методов исследования в археологии. В работе совещания приняли участие специалисты Москвы, Ленинграда, Киева, Севастополя и других городов Советского Союза.

Во вводном докладе Б. А. Колчин изложил современное состояние проблемы интеграции физико-математических наук с археологией, охарактеризовал основные области, в которых решение исторических проблем возможно лишь при условии тесного взаимодействия археологии с естественными и техническими науками (инструментальная полевая археология, изучение древних производств, разработка абсолютной хронологии, изучение взаимодействия человеческой деятельности с древними ландшафтами, математизация всех звеньев археологических исследований). Отметив значительные успехи советской науки в ряде перечисленных направлений, он указал на недостаточную разработанность до последних лет таких проблем, как, в частности, археологическая геофизика. После I Всесоюзного совещания по применению в археологии методов естественных и технических наук, проходившего в 1963 г., в некоторых археологических учреждениях делались попытки создания групп археологической геофизики, но в силу ряда причин они оказались малоэффективными. Тем не менее работы зарубежных исследователей, а также возникших в последние годы в ряде неархеологических учреждений групп археологической геофизики показали, что исследования в этом направлении приносят чрезвычайно важные результаты, но требуют серьезного комплексного подхода к решению конкретных задач и строго определенного в зависимости от задачи набора методов и средств измерений, обработки и интерпретации данных съемки. Лучше разработаны в настоящее время вопросы математизации археологических исследований, включающие два основных направления — применение статистических методов во всех звеньях археологических исследований и широкое использование методов и возможностей кибернетики.

Девять докладов утреннего заседания были посвящены проблемам археологической геофизики.

Доклад коллектива исследователей из Москвы, Ленинграда и Севастополя (И. А. Антонова, В. В. Глазунов, И. А. Гоц, В. А. Шевнин, И. Н. Модин, В. В. Беликов, Н. И. Уразаев, Н. Б. Тарнопольская, С. Г. Рыжов) «Геолого-геофизические исследования на некрополе Херсонеса» явился результатом многолетних работ, имеющих целью выработку методики поиска склепов позднеантичного и раннесредневекового некрополя в Песочной бухте. Комплекс геофизических методов (электроразведка, сейсморазведка, бурение и др.) позволяет в наше время достаточно уверенно обнаруживать склепы. Очень важен вывод о приуроченности склепов к особенностям геологического строения балки. Три склепа из числа выявленных геофизикой уже раскопаны херсонесскими археологами и дали интересные находки.

Доклад В. В. Глазунова, М. Ю. Майорова (Ленинград) и Г. М. Николаенко (Севастополь) был посвящен картированию античных плантажных сооружений Гераклейского полуострова методами электроразведки. В результате применения разработанного авторами алгоритма цифровой фильтрации данных, позволяющего подавлять помехи от ряда геологических факторов, получена подробная карта плантажных сооружений на площади 2 *га* с указанием степени их сохранности. Результаты исследований показали, что для реконструкции способов плантажной обработки почв необходимо учитывать геологическое строение площадей.

Доклад М. И. Золотарева (Севастополь) и Э. Б. Ионеса (Москва) также был посвящен древнему Херсонесу, но касался исследований затопленной в настоящее время его части, в которой различными исследователями предполагалось наличие порта. При помощи разработанного Э. Б. Ионесом портативного гидролокатора в районе предполагаемого порта было выявлено положение древнего берега и узкого рукава,

вдающегося в берег. Здесь авторы и предполагают искать следы Херсонесского порта. Обработка эхограмм позволила также выявить затопленные развалы двух башен, местоположение которых было подтверждено подводными изысканиями.

Группа специалистов Москвы и Ленинграда (В. В. Глазунов, А. П. Наумов, Г. А. Внучков, С. А. Алексеев, И. С. Хасиев) выступила с обширным докладом «Геофизические исследования на античном поселении Панское-I», подводящим итоги многолетних комплексных исследований, проводимых авторами в содружестве с Тарханкутской экспедицией ЛОИА. Методами электроразведки и магниторазведки с квантовым магнитометром М-33 изучена площадь около 0,5 *га*. Обработка массивов информации на ЭВМ способствовала однозначному и всестороннему археологическому истолкованию геофизических данных. Интересен разработанный В. В. Глазуновым метод реконструкции высоты построек по магнитным аномалиям от развалов сырцовых стен.

Доклад А. К. Станюковича и Н. Б. Тарнопольской (Москва) был посвящен принципиально иному типу археологических памятников — укрепленным городищам железного века и средневековья и стоянкам каменного века Волго-Окского бассейна. На примере детального исследования двух памятников (городища и стоянки) показана перспективность метода вертикального электрического зондирования для изучения внутреннего строения систем оборонительных сооружений городищ (определяется состав, слоистость, мощность насыпей валов, первоначальная конфигурация рвов) и зачастую сложного внутреннего строения приречных стоянок (определяются границы культурного слоя, мощность и последовательность залегания разновременных пойменных отложений). Представление результатов в виде аксонометрических блок-диаграмм намного расширяет возможности метода.

Доклад Ю. Г. Добрецовой (Ленинград) «Геофизическое исследование Гдовской крепости» касался поисков крепостных стен при помощи метода электроразведки. Автор отмечает, что для надежного выявления стен по данным электропрофилирования необходимо учитывать влияние рельефа местности. Полученная карта крепостной стены подтверждена шурфовкой.

В. В. Глазунов и К. М. Плоткин (Ленинград) охарактеризовали результаты магниторазведочных работ на городище Камно в Псковской обл. На основании статистического анализа магнитного поля были выявлены два типа аномалий. При проверке их раскопками выяснилось, что они связаны с производственными очагами и домашними глинобитными печами, причем выявлено закономерное расположение обоих типов аномалий на плане, в результате чего оказалось возможным судить о плане всего поселения. Особенности аномалий, вызванных остатками очагов, позволили оценить дату поселения археомагнитным методом не по образцам, а непосредственно по аномалиям магнитного поля над очагами. Такой метод датировки предложен впервые.

Доклад С. И. Вахрушина, Ю. Г. Кулешова и А. К. Станюковича (Москва) «Применение металлоискателей в археологии» показал, что применение этих несложных приборов в ряде случаев может значительно повысить эффективность и качество полевых исследований. На примере находки авторами клада куфических монет в Гнездово (работы проводились по заданию Д. А. Авдусина) авторы охарактеризовали основные задачи, решаемые с этими приборами: обнаружение отдельных комплексов, разведка культурного слоя, индикация проходимых в раскопе пластов, контроль отвалов и т. д. Существующие серийные образцы металлоискателей отвечают всем необходимым требованиям и должны быть внедрены в полевую практику.

Программу утреннего заседания завершил К. К. Шилик (Ленинград) докладом «О проблемах использования геофизики в археологии». Докладчик наиболее подробно остановился на трудностях, стоящих перед археологической геофизикой в настоящее время. Он отметил тот отрадный факт, что по сравнению с 1960-ми годами, когда в этом направлении работали одиночки, сейчас существуют уже коллективы исследователей. Тем не менее еще имеется ряд нерешенных проблем организационного характера. Главная проблема — централизация исследований. Для того чтобы произошел серьезный качественный сдвиг в практике археологической геофизики, необходимо скорейшее создание в одной из заинтересованных организаций хорошо укомплектованной и оснащенной проблемной лаборатории, включающей в штат как геофизиков, так и археологов, прибористов, программистов и специалистов других направлений. Создание такой лаборатории, способной в полевой сезон обеспечить одновременное производство работ на ряде памятников различных типов, позволит на самом высоком уровне проводить как текущие производственные работы по заданию археологических организаций, так и перспективные фундаментальные исследования по усовершенствованию аппаратуры, методики, разработке алгоритмов, подготовке отчетов и др.

Вечернее заседание, посвященное проблемам математизации археологических исследований, открыл доклад Ю. Л. Щаповой (Москва) «Физико-математические методы в изучении стеклоделия», в котором археологический источник — изделия из стекла — рассмотрен с точки зрения возможностей получения информации о стеклоделии как отрасли древнего производства при помощи неархеологических методов — спектрального анализа и статистической обработки его результатов. Установление нормы, правила и предела количественной вариации признака в рамках одного каче-

ства, установление связи и оценка степени связи признаков, выявление качественных особенностей рассматриваемых явлений значительно расширяют характеристику стеклоделия, причем явления производственной деятельности выступают в конкретно-историческом плане.

Сообщение Л. И. Безруковой, С. В. Жака (Ростов-на-Дону) и Ю. Л. Щаповой о готовящемся советско-польском издании «Древнее стекло Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы и Кавказа» тематически продолжило доклад Ю. Л. Щаповой в качестве наглядной иллюстрации возможностей, которые открывают при изучении археологического источника физико-математические методы исследования. Издание является каталогом, включающим 15 категорий стеклянных изделий и состоящим из двух частей: описания с программами обработки карт на ЭВМ и 10 папок собственно каталога по 300 перфокарт в каждой. Это первый опыт издания археологического источника, изученного и обработанного методами археологии, физики, химии и математики. Пользу такого издания трудно переоценить.

Доклад Г. А. Федорова-Давыдова (Москва) был посвящен мало разработанной теме информативности признаков при построении археологической классификации. В качестве оценки значимости признака берется его информативность по отношению к другому признаку или ко всем другим признакам в целом. Дополнительной необходимой характеристикой является коэффициент неравномерности распределения значений признака. Располагая этими параметрами, мы можем построить иерархию признаков, причем признаки с различными соотношениями этих параметров образуют три класса: признаки категории, типообразующие и вариантные. При оценке степени близости предметов или объектов типообразующие признаки имеют больший вес, нежели остальные. Устойчивые сочетания типообразующих признаков делают простую разновидность той или иной категории типической. Все разновидности распадаются на типические массовые, типические редкие, нетипические массовые и нетипические редкие. Соотношение в данном комплексе, памятнике, культуре этих разновидностей показывает интенсивность и силу протекающих у данного населения в данную эпоху процессов типообразования, что является одним из показателей состояния общества и производства.

Доклад С. В. Белецкого (Москва) касался возможностей статистического изучения лепной керамики. На примере керамического комплекса городища Камно сделана попытка рассмотреть форму сосудов как устойчивое сочетание ряда неслучайных признаков, для выделения которых применялись уточненные автором формулы керамических указателей В. Ф. Генинга. Устойчивые сочетания признаков выделялись по известной формуле Кэндэла. В итоге выделены четыре основные формы сосудов: баночные, горшки с конической придонной частью, круглодонные чашевидные и миниатюрные. Учет таких редко принимаемых в расчет признаков, как тесто, состояние наружной поверхности черепка (нагар) и др., позволил разделить всю керамику городища на два самостоятельных комплекса — кухонную и столовую посуду. Последнее хорошо согласуется с существующим интуитивным разделением керамики городища на два функционально различных набора.

В докладе А. А. Узянова (Москва) «К проблеме оценки однородности распределения материалов в синхронных слоях и жилищах» сделана попытка на основании статистического сопоставления керамических комплексов жилищ и пластов культурного слоя роменского городища Горналь уточнить взаимосвязь известных жилищ с четырьмя последовательно отложившимися горизонтами слоя, взаимно корректируя информацию по жилищам и слою. Изучена трансформация состава керамического комплекса вверх по стратиграфической колонке как для слоя, так и для жилищ. Отмечается, что соотношение типов керамики из жилищ более выразительно с точки зрения хронологии.

Доклад Ю. М. Лесмана (Ленинград) также был посвящен анализу керамики, но в отличие от предыдущих докладчиков им был принят алгоритм исследования, базирующийся на методике распознавания образов. Керамические формы Староизборского городища были описаны 20 количественными параметрами, определяющими характерные точки профиля сосуда как геометрической кривой в прямоугольной системе координат. Сравнение керамических форм при такой постановке задачи возможно в пространстве признаков, в результате чего строится иерархическая классификация форм. Анализ признаков каждого уровня иерархии позволяет выбрать из их числа наиболее характерные именно для данного уровня. Полученные результаты оказались близкими результатам, известным по ряду интуитивных классификаций, однако применение математического аппарата обеспечило их абсолютную объективность.

Завершил программу совещания доклад О. Р. Квирквелия (Москва) «К вопросу о создании каталога археологических источников». Автором предложена разработка сдвоенного каталога на перфокартах, состоящего из фонда памятников и фонда находок, базирующихся на общей системе классификации. Фонд памятников содержит информацию о каждом памятнике с перечнем шифров находок, сделанных на нем. Фонд находок содержит информацию о виде находок с указанием шифров памятников, на которых они встречены. Существенным отличием предложенной модели от предшествующих разработок является отказ от создания глобальных кодов и замена их автономными кодами по типам памятников или находок, объединенных в систему

только общим кодом типов. Последнее в значительной мере расширяет возможности и объем каталога.

В развернувшейся дискуссии следует отметить выступления Ю. Н. Захарука, В. Ф. Генинга, Г. А. Внучкова и Г. А. Федорова-Давыдова. Ю. Н. Захарук, говоря о значительном прогрессе археологической геофизики за последние годы, подчеркнул, что исследования, которые отражены в докладах, в частности цикл работ по изучению Херсонеса, являются большим вкладом в проблему взаимодействия геофизики и археологии, и указал на необходимость координации подобных работ в будущем со стороны ИА АН СССР, что можно осуществить путем заключения договоров о сотрудничестве между Институтом археологии и археолого-геофизическими группами, с включением этих работ в производственные планы обеих сторон. В. Ф. Генинг заметил, что для координации работ необходимо создание специализированной лаборатории. На примере работ, проведенных ИА АН УССР на Майданецком поселении, В. Ф. Генинг показал имеющее место отставание археологической практики от темпа геофизической съемки, вследствие чего детальная магнитная съемка более чем 1600 трипольских площадок на площади 200 *га* поставила перед археологами множество вопросов, на которые нельзя ответить при существующих темпах и объемах археологических раскопок. Выход из сложившейся ситуации В. Ф. Генинг видит в комплексном подходе к плановым исследованиям, включающим не только геофизическую съемку, но и археологические работы больших масштабов. Г. А. Внучков отметил, что важным моментом прогресса археологической геофизики является понимание археологами необходимости и целесообразности постановки на данном памятнике геофизических работ, которые в ряде случаев либо вовсе могут не принести результатов, либо те же результаты можно получить обычными методами при тех же затратах.

Выступивший по докладам вечернего заседания Г. А. Федров-Давыдов отметил, что количество и качество представленных на совещании работ показали рост авторитета методов формализации и комбинаторики в археологии. Некоторое разочарование в математических методах у определенной части исследователей он объяснил тем, что иногда формализация на первый взгляд не вносит ничего нового в проблемы классификации и сопоставления по сравнению с интуитивными методами. Здесь важным является то, что математические методы строго объективны и при должной постановке задачи значительно экономят время археолога.

В. Ф. Генинг, особо отметив доклад Г. А. Федорова-Давыдова, наметивший один из важнейших путей дальнейшего развития математического аппарата археолога, сообщил о близких к тематике совещания направлениях, разрабатываемых в Институте археологии АН УССР, включающих как вопросы создания каталога, так и машинную обработку массовых материалов.

Резолюция совещания кратко суммировала основные достижения советской науки в области применения физико-математических методов исследования и охарактеризовала стоящие перед этим направлением насущные проблемы. Особо одобрена плодотворная деятельность Херсонесского историко-археологического музея, всячески способствующего развитию работ. Всем участникам совещания рекомендуется продолжать работы по избранной тематике в тесном контакте с ИА АН СССР и другими археологическими организациями в форме договоров о сотрудничестве и хоздоговоров, в особенности по проблеме археологической геофизики. Совещание приняло решение ходатайствовать перед Президиумом АН СССР и Госкомитетом по науке и технике СССР о создании в одном из ведомств проблемной лаборатории по археологической геофизике. Совещание рекомендовало также археологическим кафедрам высших учебных заведений расширить раздел спецкурса «Естественнонаучные методы в археологии» в части, посвященной археологической геофизике с учетом новейших достижений в этой области. В резолюции также выражено удовлетворение ходом работы совещания, одобрена инициатива его организаторов и указано на необходимость периодического созыва подобных совещаний по отдельным частным проблемам взаимодействия археологии с естественными науками.

А. К. Станюкович

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АО — Археологические открытия
АС — Археологический съезд
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭС — Археолого-этнографический сборник. Грозный
ВАП — Вопросы археологии Приобья
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВВ — Византийский временник
ВГФ — Всесоюзный геологический фонд
Вестн. МГУ — Вестник Московского государственного университета
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ УССР — Государственный исторический музей УССР
ДОКМ — Донецкий областной краеведческий музей
ЕКМ — Евпаторийский краеведческий музей
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАДК — Сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957
ИАИ — Известия на Археологически институт на Българска Академия на наукита
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИС — Из истории Сибири. Томск
ИКМ — Известия Кавказского музея. Тифлис
ИЛАИ — Известия лаборатории археологических исследований
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИРИ — История русского искусства
КАЭ — Камская археологическая экспедиция
КБН — Корпус боспорских надписей
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЕСВ — Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИРМ — Музей истории и реконструкции Москвы
МИС — Материалы по истории Сибири
МКАЭН — Международный конгресс археологических и антропологических наук
МЭР — Материалы по этнографии России
НО — Надписи Ольвии. Л., 1968
НС — Нумизматика и сфрагистика
НСб.— Нумизматический сборник
НТКМ — Нижне-Тагильский краеведческий музей
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский Государственный археологический музей
ОНКАЭ — Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
ПВЛ — Повесть Временных лет
ПСА — Проблемы скифской археологии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГУ — Ростовский государственный университет
РОМК — Ростовский областной краеведческий музей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
СГУ — Саратовский государственный университет
СЭ — Советская этнография
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
ТОНГЭ — Труды Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа
ТПУАК — Труды Полтавской ученой археологической комиссии
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея

Тр. ГЭ — Труды Гос. Эрмитажа
Тр. КАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
Тр. ОИПК ГЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
Тр. ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УІЖ — Український історичний журнал. Київ
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
Уч. зап. КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, языка и литературы
Уч. зап. ПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета
AA — Archäologischer Anzeiger. Berlin
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
BMC — Catalogue of the Greek Coins of the British Museum
CIL — Corpus inscriptionum latinarum
CIG — Corpus inscriptionum graecarum
EAF — Ethnographisch-Archäologische Forschungen. Berlin
EW — East and West. Roma
FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum, ed. C. Müllerus. Paris
IOSPE — V. Latyschev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
JSGU — Jahrbuch der Schweizerischen Gesellschaft für Urgeschichte. Basel
NC — Numismatic Chronicle. London
PA — Památky Archeologické
RA — Revue archéologique. Paris
RE — Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
RGK — Römisch-Germanische Komission
RGZM — Römisch-Germanische Zentralmuseum
SC — Scythica et Caucasica — Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893—1906
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti
SNG — Sylloge Nummorum Graecorum
WZ — Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin Luther Universität. Halle — Wittenberg
ZfN — Zeitschrift für Numismatik

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.04.80 Подписано к печати 7.07.80 Т-14016 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л.29,4+1 вкл. Уч.-изд. л. 33,5 Бум. л.10,5 Тираж 3495 экз. Зак. 3016

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10